БІІІ.

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГІЯ

П. Каптерева.

Изданіе второе, переработанное.

Часть первая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ. (НИКОЛЬСКАЯ УЛ., № 5—8).
1883.

Каптерев, Пав. Петрович.
Педагогическая психологія

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГІЯ

П. Каптерева.

Изданіе второе, переработанное.

Часть первая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ. (НИКОЛЬСКАЯ УЛ., № 5—8).
1883.

LB1051
.K275
1885
v.1

Предисловіе къ первому изданію.

Задача нашего труда видна уже изъ его названія. Прежде всего мы хотимъ занимающимся воспитаніемъ и обученіемъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о психическихъ явленіяхъ, которыя помогли бы имъ въ ихъ занятіяхъ. Нѣтъ, кажется, нужды доказывать ту мысль, что вполнѣ разумная педагогическая дѣятельность возможна только подъ условіемъ болѣе или менѣе обстоятельнаго знакомства съ психическими явленіями. А его нерѣдко не достаетъ занимающимся воспитаніемъ и обученіемъ. Но этою цѣлью мы не ограничиваемся. Мы хотимъ еще въ своемъ трудѣ главнѣйшія ученія теоретической педагогики связать съ твердыми данными науки о душѣ, вывесть первыя изъ послѣднихъ. Намъ кажется, что при такой постановкѣ дѣла различныя педагогическія правила и теоріи будутъ обоснованы тверже и раціональнѣе, чѣмъ теперь. Излагая данныя психологической и педагогической науки, мы постараемся, чтобы это изложеніе съ одной стороны не было ниже уровня современнаго развитія этихъ наукъ, а съ другой— было на столько общедоступно, чтобы могло быть читаемо народнымъ учителемъ.

П. Каптеревъ.

Предисловіе ко второму изданію.

Настоящее, второе, изданіе «Педагогической Психологіи», преслѣдуя тѣже задачи, что и первое, является существенно переработаннымъ. Главнѣйшія измѣненія были сдѣланы въ такомъ направленіи: описательная сторона перваго изданія значительно сокращена и расширены элементы историко-критическій и объяснительный. Нѣкоторыя главы перваго изданія исключены во второмъ и на мѣсто ихъ поставлены новыя. такъ что «Педагогическая Психологія» въ настоящемъ видѣ въ значительной степени представляетъ новый трудъ, а не второе изданіе прежняго.

П. Каптеревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОДЕРЖАНІЯ

Педагогической Психологіи.

Введеніе (§§ 1—3; стр. 1—7).

Прикладная психологія (§ 1; стр. 1—2). Педагогическая психологія. Два направленія въ ней, литература того и другаго направленія (§ 2; стр. 2—5). Общія задачи изслѣдованія (§ 3; стр. 5—7).

Глава I. Исторія и критика ученія о врожденныхъ идеяхъ (§§ 4—14; стр. 8—36).

Ученіе о врожденныхъ идеяхъ Платона (§ 4; 8—9). Обыкновенная теорія врожденныхъ идей (§ 5; 9—11). Ученіе о врожденныхъ идеяхъ Локка (§ 6; 11—16), Декарта (§ 7; 16—18), Лейбница (§ 8; 18—22), Канта (§ 9; 22—25,) Спенсера (§ 10; 25—27), Шустера (§ 11; 27—28), Шнейдера (§ 11; 28—30). Критическія замѣчанія о теоріи врожденныхъ идей (§§ 13—14; 30—36).

Глава II. Исторія и критика ученія о способностяхъ души (§§ 15—25; стр. 37—68).

Ученіе о способностяхъ души Платона (§ 15; 37—38). Обыкновенная теорія способностей души (§ 16; 38—40). Ученіе о способностяхъ души Кондильяка (§ 17; 40—45), Гегеля (§ 18; 45—47), Гербарта (§ 19; 47—50), Бенеке (§ 20; 50—52), Лотце и Мейера (§ 21; 52—56), Гарнье (§ 22; 56—58), Жилардена (§ 23; 58—59). Критическія замѣчанія о теоріи врожденныхъ способностей (§§ 24—25; 60—68).

Глава III. Объ ощущеніяхъ вообще. Количественный анализъ (§§ 26—34; стр. 69—99).

Понятіе объ ощущеніи (§ 26; 69—71). Физическій моментъ ощущенія (§ 27; 71—74). Природа нервной дѣятельности при возбужденіи (§ 28; 74—78). Психическій моментъ ощущенія, его свойства (§ 29; 78—80). Сила ощущенія. Минимумъ и максимумъ раздраженія и ощущенія (§ 30; 80—83). Методы изслѣдованія постепеннаго возрастанія силы ощущенія (§ 31; 83—87). Психо-

физическій законъ (§ 32; 87—92). Полемика объ изслѣдованіяхъ Фехнера по психофизикѣ (§§ 33—34; 92—99).

Глава IV. Объ ощущеніяхъ въ частности. Качественный анализъ (§§ 35—50; стр. 100—152).

Первичный органъ—осязательно-мускульный аппаратъ (§ 35; 100—102). Специфическая энергія чувствъ (§ 36; 102—107). Тѣсная связь между осязательными и мускульными ощущеніями (§ 37; 107—110). Осязательныя ощущенія (§§ 38—39; 110—116), мускульныя (§§ 40—41; 116—122), пищеварительно-вкусовыя (§ 42, 122—125), дыхательно-обонятельныя и органическія (§ 43; 126—128), зрительныя (§ 44; 128—131), слуховыя (§ 45; 131—134). Отношеніе психическаго момента ощущенія къ физическому (§ 46; 134—138). Третій моментъ ощущенія—движеніе (§ 47; 138—141). О воспитаніи органовъ внѣшнихъ чувствъ: зрѣнія, слуха, осязанія, мускульнаго чувства, обонянія и вкуса (§§ 48—50; 141—152).

Глава V. О представленіяхъ (§§ 51—62; стр. 153—189).

Образованіе элементарныхъ представленій процессомъ сліянія (§ 51; 153—155). Образованіе сложныхъ представленій процессомъ сочетанія однородныхъ элементарныхъ представленій (§ 52; 155—157) и разнородныхъ (53; 157—158). Образованіе представленій соединеннымъ процессомъ сліянія и сочетанія: представленій тѣла, пространства, времени, движенія, формы, величины (§§ 54—55; 158—166). Значеніе органа зрѣнія въ развитіи и опредѣленіи указанныхъ представленій (§§ 56—57; 166—175). Черты сходства и различія между представленіями и ощущеніями (§§ 58—60; 175—182). Педагогическій уходъ за образованіемъ представленій (§§ 61—62; 182—189).

Глава VI. Объ ассоціаціяхъ представленій (§§ 63—70; стр. 190—213).

Сходныя ассоціаціи (§ 63; 190—192), смежныя (§ 64; 192—194), сложныя (по контрасту) (§ 65; 194—196). Переходъ смежныхъ ассоціацій въ сходныя и сходныхъ въ смежныя (§ 66; 196—199). Неразрывныя ассоціаціи (§ 67; 199—203). Педагогическій уходъ за ассоціаціями представленій (§§ 68—70; 203—213).

Глава VII. Критическій обзоръ различныхъ теорій о законахъ ассоціаціи (§§ 71—79; стр. 213—238).

Ученіе объ ассоціаціяхъ Ушинскаго (§§ 71—72; 213—218), Бэна (§ 73; 218—220), Владиславлева (§ 74; 220—224), Спенсера (§ 75; 224—227), Гамильтона (§ 76; 227—230),

Гегеля и Тэна (§ 77; 230—231). Законы ассоціаціи какъ начала дизассоціаціи психическихъ явленій (§ 78; 232—236). Общій характеръ законовъ ассоціаціи (§ 79; 236—238).

Глава VIII. Объ идеяхъ (§§ 80—89; стр. 239—273).

Образованіе общихъ представленій (§ 80; 239—242). Классификація (§ 81; 242—246). Разсужденія качественное и количественное (§ 82; 246—249). Процессъ абстракціи и его отношеніе къ обобщенію и классификаціи (§ 83; 249—253). Абстракты суть ли дѣйствительныя психическія явленія или только названія? (§§ 84—85; 253—258). Свойства абстрактовъ (§ 86; 258—261). Методическое индуктивно-дедуктивное мышленіе и его основа (§ 87; 261—266). Педагогическій уходъ за процессомъ идей (§§ 88—89; 266—273).

Глава IX. Апперцепція (§§ 90—101; стр. 273—312).

Понятіе объ апперцепціи и частое ея совершеніе (§ 90; 273—277). Скорость совершенія процесса апперцепціи (§ 91; 277—279). Измѣненія ощущеній идеями въ апперцепціи (§ 92; 279—281) и идей ощущеніями (§ 93; 281—283). Иллюзіи, ихъ причины (§ 94; 283—288). Галлюцинація и ея сходство съ иллюзіей (§ 95; 288—291). Критическій обзоръ различныхъ взглядовъ о происхожденіи увѣренности въ существованіи внѣшняго міра: Бэна (§ 96; 291—294), Д. С. Милля, Джемся Милля и Сюлли (§ 97; 294—299). Вѣра во внѣшній міръ есть результатъ апперцепціи (§§ 98—99; 299—305). Воспитаніе способности хорошаго, безпристрастнаго наблюденія (§§ 100—101; 305—312).

Глава X. Теоретическій анализъ памяти (§§ 102—108; стр. 313—333).

Основа воспроизведенія. Главнѣйшія гипотезы о памяти (§ 102; 313—315): Морелля, Вундта (§ 103; 315—317), Бенеке, Гербарта, Зеленскаго (§ 104; 317—322). Память какъ явленіе біологическое (§ 105; 322—325). Сохраненіе нервными элементами полученнаго возбужденія неопредѣленное время есть основаніе сознательной памяти (§§ 106—107; 325—330). Иллюзія прошедшаго и будущаго времени (§ 108; 330—333).

Глава XI. Фактическій анализъ памяти (§§ 109—121; стр. 333—371).

Воспроизведеніе основывается на законѣ послѣдовательности. Механизмъ воспроизведенія (§ 109; 333—335). Причина запоминанія явленій заключается въ силѣ впечатлѣнія, физической (§ 110; 335—338) и психической (§ 111; 338—340). Локолизація фактовъ

при запоминаніи (§ 112; 340—343) и ея условія (§ 113; 343—345) Различныя ошибки воспроизведенія: ослабленіе живости образа и неправильное припоминаніе времени (§ 114; 345—348), смѣшеніе прошлаго съ настоящимъ (§ 115; 348—350), образовъ памяти и воображенія, дѣйствительности и сновидѣній (§ 116; 350—354). Причины забвенія физическія и психическія (§ 117; 354—359). Порядокъ забвенія, общій (§ 118; 359—361) и частный (§ 119; 361—364). Культура памяти (§§ 120—121; 364—371).

Глава XII. О воображеніи (§§ 122—134; стр. 372—409).

Необходимое пополненіе реальнаго міровоззрѣнія идеальнымъ (§ 122; 372—374). Частныя направленія дѣятельности воображенія (§ 123; 374—376): восполненіе пробѣловъ положительнаго знанія (§ 124; 376—379), разрѣшеніе метафизическихъ вопросовъ (§ 125; 379—381). Борьба воображенія съ разсудкомъ (§ 126; 381—386). Художественное творчество какъ восполненіе реальнаго міровоззрѣнія. Теоретическій элементъ въ немъ (§ 127; 386—390) и чувствованія (§ 128; 390—393). Методы воображенія: синтезъ (§ 129; 393—394) гипотеза и аналогія, (§ 130; 394—397), комбинація представленій—въ цѣломъ или по частямъ—и ихъ признаковъ (§ 131; 397—400), увеличеніе и уменьшеніе свойствъ одного представленія (§ 132; 400—404). Педагогическій уходъ за развитіемъ воображенія (§§ 133—134; 404—409.)

Глава XIII. Главнѣйшія причины измѣненія міровоззрѣнія (§§ 135—145; стр. 409—429).

Вліяніе на міровоззрѣніе возрастовъ (§ 135; 409—411), страны (§ 136; 411—412), пола (§ 137; 412—413), общаго склада ума (§§ 138—140; 413—421), сна, чувствованій (§ 141; 421—423), потери какого либо органа внѣшняго чувства и психическихъ болѣзней (§ 142; 423—424). Правильное, широкое и разностороннее міровоззрѣніе есть необходимое условіе возникновенія высшихъ и сложныхъ чувствованій и соотвѣтствующей практической дѣятельности (§§ 143—145; 424—429).

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Между различными направленіями, существующими въ настоящее время въ психологіи, есть и такое, которое стремится связать психологическія теоріи съ однимъ частнымъ видомъ общественной жизни и дѣятельности — воспитаніемъ. Это практическое направленіе въ психологіи справедливо можетъ быть названо педагогической психологіей.

Наука бываетъ чистая и прикладная. Чистая наука имѣетъ въ виду исключительно теоретическіе интересы, задается цѣлью удовлетворить пытливость человѣческаго ума, его потребность истиннаго знанія явленій; наука прикладная желаетъ извлечь практическіе результаты изъ теоретическихъ свѣдѣній, помощью знанія улучшить общественность, усовершенствовать и облегчить жизненную дѣятельность. Психологія владѣетъ возможностью широкаго практическаго примѣненія: во всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ отросляхъ дѣятельности, въ которыхъ дѣло идетъ объ управленіи людьми, объ улучшеніи отношеній между ними, когда обсуждается пригодность и цѣлесообразность какого либо закона, постановленія, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ психологическія знанія вещь далеко не лишняя. Соединяясь въ общества, люди остаются людьми, не превращаются въ иной разрядъ существъ, съ другими страстями, дѣйствіями, помыслами, чѣмъ какіе замѣчаются у отдѣльныхъ личностей; законы общественныхъ явленій имѣютъ своей основой законы индивиндуальныхъ психическихъ явленій. Поэтому государственный дѣятель, законодатель, администраторъ, судья, экономистъ, соціологъ — всѣ они въ большей или меньшей степени должны быть психологами.

Но въ настоящее время практическое приложеніе психологіи, въ виду несовершенства самой науки, еще очень не обширно. Правда, были попытки очень широкихъ примѣненій психологическихъ теорій къ практикѣ. Мы не будемъ раз-

суждать здѣсь о древней попыткѣ Платона, въ книгахъ о политикѣ, связать психологическія теоріи съ ученіемъ о государствѣ; укажемъ лишь болѣе новые опыты въ этомъ родѣ. Къ нимъ мы относимъ двѣ статьи Гербарта «Uber Menschenkenntniss in ihrem Verhältniss zu dem politischen Meinungen» и «Uber einige Beziehungen zwischen Psychologie und Staatswissenschaft [1]) и введеніе во вторую, аналитическую, часть «Психологіи, какъ науки, вновь основанной на опытѣ, метафизикѣ и математикѣ», гдѣ находятся слѣдующія статьи: «Bruchstücke der Statik des Staats» и «Bruchstücke der Mechanik des Staats». [2]) Правда, во всѣхъ упомянутыхъ статьяхъ поставленный вопросъ обсуждается очень кратко, только затрогивается.

Слѣдуетъ указать еще на попытку Бенеке извлечь главнѣйшія практическія слѣдствія изъ психологическихъ теорій, перекинуть мостъ между абстрактной наукой о душѣ и дѣйствительностью. Указываемую попытку онъ сдѣлалъ въ сочиненіи «Pragmatische Psychologie oder Seelenlehre in der Anwendung auf das Leben (in zwei Bänden. Berlin, 1850). Въ упомянутомъ трудѣ онъ хотѣлъ объединить отдѣльныя спеціальныя теоріи, основывающіяся на психологіи и имѣющія въ виду практическія приложенія, такъ называемыя Kunstlehren, каковы практическая мораль, политическое искусство, педагогика и т. д., хотѣлъ обсудить и выработать общіе теоретическіе принципы всѣхъ подобныхъ искусствъ, разсматривая ихъ впрочемъ и въ индивиндуальныхъ измѣненіяхъ. Но и это только попытка.

§ 2. Изъ частныхъ приложеній психологическихъ теорій къ практикѣ слѣдуетъ указать на опыты примѣненія психологическихъ анализовъ къ разъясненію юридическихъ фактовъ и явленій — судебная психологія и воспитательныхъ вопросовъ — педагогическая психологія. Примѣненіе психологическихъ теорій къ воспитанію есть одно изъ самыхъ широкихъ и важныхъ примѣненій, какія допускаетъ наука о духѣ. Здѣсь дѣло идетъ не о приложеніи какого либо спеціальнаго

---

[1]) Herbart's Sämmtliche Werke. Herausgegeben von Hartenstein. Band IX.
[2]) Band VI.

психологическаго ученія къ практикѣ, но всей суммы психологическихъ теорій къ воспитанію подрастающихъ поколѣній. Что воспитаніе, не опирающееся на данныя психологіи, не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ разумнымъ и сознательнымъ — эта мысль слишкомъ извѣстна, чтобы нужно было распространяться на подобную тему; жаль только, что она, не смотря на свою извѣстность, не оказываетъ еще достаточнаго вліянія на практическую дѣятельность родителей и воспитателей.

Предположенной цѣли, т. е. сочетанія психологическихъ теорій съ педагогическими, сочиненія, относящіяся къ области педагогической психологіи, могутъ достигать различными путями. Они могутъ давать полную систему психологическихъ изысканій, указывая, гдѣ нужно, возможность и способъ приложенія этихъ изысканій къ области воспитанія. Центръ тяжести подобныхъ сочиненій будетъ лежать въ психологіи и педагогическія разсужденія явятся простыми выводами изъ психологическихъ данныхъ. Эти выводы будутъ излагаемы по мѣрѣ развитія психологическихъ анализовъ и дать системы педагогіи не могутъ. Или же сочиненія по педагогической психологіи будутъ приводить данныя психологіи сравнительно коротко и заключать пространныя разсужденія объ ихъ приложеніи въ воспитаніи. Подобныя разсужденія спеціально педагогическаго характера могутъ развиваться систематически и дать въ результатѣ цѣлую систему воспитанія. Центръ тяжести подобныхъ сочиненій, очевидно, будетъ лежать въ педагогіи, психологическія-же данныя будутъ играть роль неизбѣжныхъ посылокъ. Сочиненія, принадлежащія къ первой группѣ, можно назвать педагогической психологіей; сочиненія, принадлежащія ко второй группѣ, психологической педагогикой [1]), въ отличіе отъ спеціальныхъ педагогическихъ трактатовъ и статей, совсѣмъ несвязанныхъ съ психологическими анализами. Наше собственное сочиненіе, и по первому и по второму изданію, принадлежитъ къ первой изъ сейчасъ поименованныхъ категорій.

---

[1]) Этотъ терминъ въ первый разъ употребленъ, кажется, Гербартомъ. См. X т. его сочин. стр. 346, 347 и XI т. стр. 430.

*

Укажемъ литературу педагогическаго направленія въ психологіи. Собственно къ педагогической психологіи относятся слѣдующія сочиненія:

1. Ушинскій, Педагогическая антропологія. Въ двухъ томахъ. 1873. (3 изд.).

2. Зеленскій, Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства. Вышло два тома. 1876 и 1882 гг.

3. Kalinich, Seelenlehre für Lehrer und Erzieher. 1841.

4. Dressler, Grundriss der psychischen Anthropologie als Grundlage der Erziehungslehre. 1868.

5. Pflisterer, Pädagogische Psychologie. 1880.

6. Strümpell, Psychologische Pädagogik. 1880.

7. Ostermann, Die Grundlehren der pädagogischen Psychologie. 1880.

8. Perez, L'education dés le berceau. 1880.

9. Marion, Leçons de Psychologie appliquée à l'education. 1882.

10. Goldammer, Das Kind in den drei ersten Lebensjahren 1882.

11. Max Jahn, Psychologie als Grundwissenschaft der Pädagogik 1883.

Къ этой-же категоріи нужно отнести множество статей по спеціальнымъ психолого-педагогическимъ вопросамъ, помѣщенныхъ въ русскихъ и иностранныхъ педагогическихъ журналахъ. Авторы такихъ статей обыкновенно стараются вывести какое либо педагогическое ученіе изъ психологическихъ данныхъ. Изъ русскихъ педагогическихъ журналовъ такихъ статей довольно попадается въ «Женскомъ Образованіи» и въ «Семьѣ и Школѣ». Много подобныхъ статей помѣщено въ обширной нѣмецкой педагогической энциклопедіи Шмида.

Къ психологической педагогикѣ относятся слѣдующія сочиненія:

1. Гюнцбургъ, Основы умственнаго воспитанія и обученія въ связи съ психологіей и логикой. 1880.

2. Учебники педагогики Чистякова, Лядова, Бобровскаго, Тихомирова, Рощина, Ельницкаго, Евстафіева, Николаевскаго и другихъ.

3. Бенеке, Руководство къ воспитанію и ученію. Перев. Весселя. Въ двухъ томахъ 1874—1875 гг.

4 Бэнъ, Воспитаніе какъ предметъ науки. Перев. Резенера. 1879.

5. Herbart, Allgemeine Pädagogik aus dem Zweck der Erziehung abgeleitet; Umriss der pädagogischer Vorlesungen; Briefe über die Anwendung der Psychologie auf die Pädagogok (по изданію Гартенштейна, весь X т. и нѣкоторыя статьи XI т.).

6. Waitz, Allgemeine Pädagogik Zwei Bänder.

7. Braun, Cours theorique et pratique de Pedagogie et de Methodologie. 1872. Три тома.

8. Guchet, Principes raisonnès de la methode intellectuelle. 1875.

9. James Currie, The principles and practice of common—schoul education. 1870.

Этотъ списокъ сочиненій по педагогической психологіи можетъ быть значительно увеличенъ и по первой и по второй группѣ. Нѣкоторыя сочиненія трудно причислить опредѣленно къ той или другой группѣ.

§ 3. Гейне сказалъ гдѣ то, что съ каждымъ человѣкомъ родится и умираетъ вселенная. Не смотря на кажущуюся парадоксальность этого выраженія, оно глубоко справедливо, психологично, его мысль та же самая, что мысль не менѣе съ виду парадоксальнаго мнѣнія Шеллинга: мыслить о природѣ— значитъ творить природу.

Наблюдая взгляды людей, сравнивая ихъ мнѣнія о различныхъ предметахъ, мы легко открываемъ, что каждый человѣкъ смотритъ на Божій міръ по своему, что міровоззрѣніе каждаго человѣка имѣетъ свои особенности. Конечно, въ міровоззрѣніи, во взглядахъ отдѣльныхъ людей есть много общаго, есть основные, въ каждой личности повторяющіеся, процессы; но это общее и сходное закутано въ различія, душевный міръ каждаго человѣка есть его личный міръ, въ сознаніи каждаго человѣка вселенная преломляется и отражается по своему. Отъ грубаго дикаря, не могущаго усвоить элементовъ культуры, до геніальнаго мыслителя—философа, широко раздвигающаго умственный кругозоръ человѣчества, какое безконечное разнообразіе пониманія міра и его, явленій, какое множество міровоззрѣній! Сколько головъ, столько и умовъ, сколько умовъ, столько міровоззрѣній. Съ каждымъ человѣкомъ родится и

умираетъ вселенная, т. е. міровоззрѣніе, потому что мыслить о природѣ—значитъ творить природу.

Конечно, мы привыкли думать, что помимо нашего представленія вселенной и независимо отъ него существуетъ сама вселенная, какъ бытіе самостоятельное. Но существуетъ ли вселенная внѣ нашей мысли или нѣтъ, и если существуетъ, то отвѣчаетъ ли нашимъ представленіямъ о ней или нѣтъ — это вопросы глубокаго метафизическаго интереса. Собственно для психолога существуютъ только психическія явленія, сама матерія или точнѣе то, что ею называется, есть ассоціація психическихъ явленій, словомъ несомнѣнный психологическій фактъ только тотъ, что у насъ есть представленіе о вселенной, міровоззрѣніе, и что міровоззрѣніе каждаго человѣка имѣетъ и нѣчто общее съ міровоззрѣніями другихъ людей и нѣчто отличное отъ нихъ, что съ каждымъ человѣкомъ родится и умираетъ вселенная. Какъ же складывается у насъ міровоззрѣніе, какими процессами? Изъ какихъ и изъ сколькихъ элементовъ? Что такое идеальное, фантастическое міровоззрѣніе по сравненію съ реальнымъ? Что въ міровоззрѣніяхъ людей общаго и какія главныя особенности индивиндуальныхъ міровоззрѣній? Чѣмъ обусловливаются эти индивиндуальныя особенности? Поставленные вопросы суть чисто психологическіе вопросы и психологъ долженъ дать на нихъ отвѣты. Настоящее изслѣдованіе и составляетъ отвѣтъ на указанные вопросы. Собственно оно можетъ быть сведено къ четыремъ главнымъ задачамъ:

а) указанію основныхъ элементовъ и процессовъ, изъ которыхъ и которыми слагается наше общечеловѣческое реальное міровоззрѣніе; б) изслѣдованію процессовъ запоминанія и забвенія созданнаго міровоззрѣнія; в) указанію элементовъ и процессовъ, изъ которыхъ и которыми слагается и запоминается наше идеальное, фантастическое міровоззрѣніе; г) указанію главнѣйшихъ видоизмѣненій міровоззрѣнія въ отдѣльныхъ умахъ и причинъ, ихъ обусловливающихъ.

Согласно съ цѣлью сочиненія, къ психологическимъ анализамъ будутъ присоединены педагогическія замѣчанія и примѣненія, вытекающія изъ анализовъ. Указанныя основныя четыре задачи изслѣдованія опредѣляютъ и четыре главные отдѣла сочиненія.

Прежде чѣмъ начать изслѣдованіе образованія міровоззрѣнія, мы считаемъ необходимымъ остановиться на вопросѣ о врожденныхъ идеяхъ и способностяхъ. Не смотря на глубокую древность этого ученія и множество споровъ, имъ вызванныхъ, оно и до сихъ поръ привлекаетъ къ себѣ вниманіе ученыхъ и обсуждается съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Оно имѣетъ еще современный интересъ и значеніе. А положительное или отрицательное рѣшеніе вопроса о врожденныхъ идеяхъ и способностяхъ далеко не безразлично и для ислѣдованія образованія міровоззрѣнія и для воспитательной дѣятельности. Если у насъ есть врожденныя идеи, то, значитъ, у насъ отъ самаго рожденія существуютъ готовые элементы міровоззрѣнія, не подлежащіе изслѣдованію, которые психологъ долженъ принять какъ фактъ. Чѣмъ больше врожденныхъ идей и чѣмъ больше ихъ значеніе въ міровоззрѣніи, тѣмъ, очевидно, важнѣе это ученіе для психолога, изслѣдующаго элементы и образованіе міровоззрѣнія. Если у насъ есть врожденныя способности, различныя по качеству, то опять же наше міровоззрѣніе въ своихъ существенныхъ чертахъ будетъ предопредѣлено, оно отольется въ формы, свойственныя качественно опредѣленнымъ способностямъ. Если же у насъ нѣтъ ни врожденныхъ идей, ни врожденныхъ способностей, то все міровоззрѣніе будетъ складываться изъ чисто опытныхъ элементовъ, будетъ представлять отъ перваго шага до послѣдняго одинъ громадный, постепенно развивающійся и осложняющійся, процессъ. Для педагога также не безразлично принять или не принять ученіе о врожденныхъ идеяхъ и способностяхъ: въ первомъ случаѣ его вліяніе значительно ограничивается, ребенокъ есть организмъ не только съ качественно опредѣленными способностями, но и съ нѣкоторымъ запасомъ готовыхъ важныхъ знаній, во второмъ—расширяется.

Глава I.

История и критика ученія о врожденныхъ идеяхъ.

---

§ 4. Въ исторіи ученія о врожденныхъ идеяхъ мы можемъ указать слѣдующіе главные моменты: а) ученіе Платона; б) обычное ученіе о врожденныхъ идеяхъ и критика его Локкомъ; в) ученіе Декарта; г) ученіе Лейбница и споръ Лейбница съ Локкомъ; д) ученіе Канта; е) ученіе Спенсера и ж) современное положеніе вопроса.

Теорія Платона о познаніи лежитъ въ основѣ всего ученія о врожденныхъ идеяхъ. По его теоріи, «изслѣдованіе и изученіе есть совершенное воспоминаніе». [1]) Душа человѣческая существовала ранѣе тѣла, въ мірѣ идеальномъ. Въ этомъ идеальномъ мірѣ она созерцала идеи — первообразы вещей. Нашъ чувственный міръ есть только копія міра идей, онъ существуетъ на столько, на сколько учавствуетъ въ бытіи идей. Полное дѣйствительное существованіе принадлежитъ не чувственному, а идеальному міру. До соединенія съ тѣломъ, прежде рожденія, прежде чѣмъ мы начали видѣть, слышать, чувствовать, мы уже знали, что такое справедливое, прекрасное, истинное, равное, знали словомъ сущности вещей— идеи. Рождаясь, душа забываетъ свои знанія; но такъ какъ вещи суть копіи идей, то чувства, знакомя насъ съ вещами, напоминаютъ намъ оригиналы—идеи, забытыя нами, но тѣмъ не менѣе находящіяся въ насъ въ скрытомъ состояніи. Ощущеніе не производитъ идеи, но только вызываетъ ее. «Какъ скоро полученное до рожденія, родившись, мы потеряли, а потомъ дѣятельностью чувствъ, направленыхъ къ утраченному,

---

[1]) Ученіе Платона о врожденныхъ идеяхъ мы заимствуемъ главнымъ образомъ изъ двухъ діалоговъ: Федонъ и Менонъ. Приведенныя слова взяты изъ Менона (по переводу Карпова).

снова пріобрѣтаемъ тѣ самыя знанія, которыя имѣли прежде; то занятіе, называемое ученіемъ, не есть-ли возвращеніе собственнаго нашего знанія? и не справедливо ли мы дадимъ ему имя припоминанія?» (Федонъ).

Подтвержденіемъ теоріи познанія, какъ припоминанія извѣстныхъ когда-то, но потомъ забытыхъ идей, служитъ то, что когда человѣку, не знающему какого либо предмета, хорошо предлагаютъ вопросы, то онъ рѣшаетъ ихъ правильно, что было бы невозможно, если бы предварительно мы не владѣли соотвѣтствующимъ знаніемъ. Въ доказательство справедливости высказанной мысли, Сократъ предлагаетъ мальчику—слугѣ вопросы по геометріи и въ отвѣтахъ получаетъ отъ него геометрическія истины, именно относительно квадратовъ. Начертивъ ему квадратъ и указавъ, что каждая его сторона равняется двумъ футамъ, онъ возбуждаетъ въ мальчикѣ сознаніе, что площадь начерченнаго квадрата равна 4 футамъ. Потомъ Сократъ спрашивалъ мальчика, какъ велики должны быть стороны квадрата, который былъ бы вдвое больше начерченнаго. Мальчику показалось, что двойное пространство должно происходить отъ удвоенныхъ сторонъ. Сократъ вопросами и чертежемъ показываетъ, что квадратъ съ удвоенными сторонами будетъ въ 16, а не въ 8 фут. и т. д. (Менонъ).

Теорію познанія какъ припоминанія Платонъ приводитъ въ видѣ одного изъ доказательствъ безсмертія души. «Ты (Сократъ) часто говаривалъ, разсуждаетъ въ Федонѣ Кевисъ, что ученіе есть не болѣе, какъ припоминаніе. Отсюда, кажется, необходимо слѣдуетъ, что то, что теперь припоминаемъ, мы знали когда-то прежде; а это было бы невозможно, если бы наша душа до своего явленія въ образѣ человѣка нигдѣ не существовала. Такъ вотъ и поэтому она должна быть нѣчто безсмертное».

§ 5. Не смотря на то, что ученіе Платона о врожденности идей есть ученіе глубоко оригинальное и въ значительной степени носитъ на себѣ характеръ собственно греческаго міровоззрѣнія, его особенностей, тѣмъ не менѣе оно оказало весьма значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе взглядовъ по данному вопросу. Его раздѣленіе знанія на опытное и разумное и признанное имъ безусловное превосходство послѣдняго остались

на долгое время руководящими принципами психологическаго изслѣдованія. Есть двѣ категоріи истинъ, говорилъ Лейбницъ, необходимыя или вѣчныя и истины опытныя. Источникъ первыхъ—нашъ духъ, источникъ вторыхъ—опытъ. Идеи, возникающія изъ чувствъ, смутны и истины, отъ нихъ зависящія, отчасти таковы же; идеи и истины интеллектуальныя раздѣльны и отъ чувствъ не зависятъ. Свой взглядъ на врожденность идей Лейбницъ прямо ставитъ въ связь со взглядомъ Платона, а противоположный со взглядомъ Аристотеля. [1]) Но, конечно, въ дальнѣйшемъ развитіи психологическихъ изслѣдованій объ идеяхъ, чисто платоновскія и чисто греческія черты этого ученія должны были исчезнуть, такъ какъ изслѣдователями явились люди съ инымъ душевнымъ складомъ, чѣмъ Платонъ, и принадлежали они къ другимъ національностямъ, временамъ, міровоззрѣніямъ.

Съ теченіемъ времени мысли Платона объ идеяхъ, какъ дѣйствительномъ идеальномъ мірѣ, о существованіи души до рожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о знаніи, какъ припоминаніи, были оставлены. Но былъ удержанъ основной тезисъ его теоріи, что есть врожденныя идеи, напечатлѣнныя душѣ человѣческой Богомъ. Эти врожденныя идеи суть готовыя, сформулированныя знанія, которымъ нужно только обнаружиться, раскрыться, а не образоваться. Онѣ составляютъ сверхъопытный запасъ нашего знанія, онѣ пробуждаются, раскрываются чувствами, а не даются ими. Причина, по которой признавались врожденныя идеи, состояла въ томъ, что изслѣдователи не видѣли возможности опытнымъ путемъ объяснить возникновеніе всѣхъ идей, особенно наиболѣе общихъ, высокихъ, имѣвшихъ большое значеніе и въ мышленіи и въ дѣятельности; полагали, что опытное возникновеніе такихъ идей, напр. идеи о Богѣ, унижало бы и идею и объектъ ея, подрывало ея значеніе; твердость нашей нравственной дѣятельности и состоятельность нашего теоретическаго мышленія неизбѣжно предполагаютъ, думали, врожденность нѣкоторыхъ принциповъ. Врожденность допускалась двухъ степеней или видовъ:

---

[1]) Leibnitz, Oeuvres philosophiques. Nouveaux essais sur l'entendement humain. P. 36,37. изд. Rud. Eric Raspe, 1765.

непосредственная и посредственная. Непосредственная—это готовые врожденные принципы; посредственная—это знанія, выведенныя изъ врожденныхъ принциповъ. «Есть степени въ трудности, съ которою замѣчаютъ то, что есть въ насъ. Есть общіе врожденные принципы и всѣмъ вполнѣ доступные. Всѣ истины, которыя можно извлечь изъ врожденныхъ первоначальныхъ познаній, можно также назвать врожденными, потому что духъ можетъ извлечь ихъ изъ своего собственнаго нѣдра, хотя часто это бываетъ не особенно легкимъ дѣломъ». [1])

Полной таблицы врожденныхъ идей никогда составлено не было. Различные изслѣдователи допускали различное ихъ количество. Врожденныя идеи были и теоретическаго и практическаго характера. Нѣкто Гербертъ указывалъ, между прочимъ, слѣдующія врожденныя положенія: 1) есть Богъ; 2) ему нужно поклоняться; 3) добродѣтель, соединенная съ благочестіемъ, есть лучшій культъ; 4) нужно каяться въ грѣхахъ; 5) послѣ земной жизни будутъ наказанія и награды [2]). Изъ сочиненія Локка «Опытъ о человѣческомъ умѣ» видно, что признавались врожденными такія положенія: «что есть, то есть», «одна и та же вещь не можетъ одновременно быть и не быть», родители должны заботиться о своихъ дѣтяхъ и т. п. Вообще науки, дававшія главный контингентъ врожденныхъ идей, были слѣдующія: логика, метафизика, мораль, теологія, юриспруденція, ариѳметика и геометрія. Основныя положенія этихъ наукъ считались врожденными принципами.

§ 6. Дуализмъ, вносимый въ наше мышленіе гипотезой врожденныхъ идей—есть идеи опытныя и есть идеи сверхъ опытныя—значительное количество и разнообразіе этого умственнаго запаса, явное вліяніе древняго платоновскаго ученія на теорію врожденныхъ идей—есть въ душѣ отъ рожденія готовыя знанія, которымъ нужно только обнаружиться—все это естественно вызывало во многихъ трезвыхъ умахъ многочисленныя сомнѣнія въ состоятельности гипотезы о врожденныхъ идеяхъ. Да дѣйствительно ли невозможно объяснить происхожденіе всѣхъ идей изъ опыта? Дѣйствительно ли есть необ-

---

[1]) Leibnitz, Nouveaux essais, p. 34.
[2]) Bidem, p. 53—54.

ходимость вносить дуализмъ въ наше мышленіе? Выразителемъ сомнѣній относительно врожденныхъ идей явился Локкъ, нанесшій разсматриваемой гипотезѣ такой сильный ударъ, отъ котораго она вполнѣ поправиться не могла. Тезисъ Локка такой: врожденныхъ идей или прициповъ нѣтъ, ни теоретическихъ, ни практическихъ. Все знаніе возникаетъ изъ опыта. [1])

Невозможно доказать, что существуютъ какія либо врожденныя теоретическія идеи. Главнѣйшее доказательство врожденности то, что всѣ люди соглашаются признать несомнѣнно справедливыми нѣкотораго рода принципы. Но универсальное согласіе, даваемое нѣкоторымъ принципамъ, не есть доказательство ихъ врожденности, какъ скоро остается возможность объясненія такого согласія другимъ путемъ, помимо врожденности. А подобная возможность существуетъ—естественная дѣятельность нашихъ способностей, приводящая всѣхъ людей къ признанію истинными нѣкоторыхъ теоретическихъ положеній. Но самый фактъ универсальнаго согласія, даваемаго нѣкоторымъ принципамъ, болѣе чѣмъ сомнителенъ. Такія положенія, какъ «что есть, то есть», «одна и та же вещь не можетъ одновременно быть и не быть», кажутся признаваемыми всѣми, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ они не таковы; они не владѣютъ свойствомъ универсальнаго согласія. Идіоты и дѣти не знаютъ такихъ положеній и если имъ высказать подобныя общечеловѣческія истины, то онѣ не будутъ поняты, а слѣдовательно ни дѣти, ни идіоты не могутъ и согласиться съ ними. Ослабить силу этого довода тѣмъ соображеніемъ, что въ умѣ дѣтей подобныя истины напечатлѣны, врождены, но что только дѣти не знаютъ этихъ истинъ, не сознаютъ ихъ, невозможно, потому что въ подобномъ соображеніи заключается противорѣчіе. Какъ же можно себѣ представить, что какія либо истины напечатлѣны уму, а умъ объ этомъ ничего не знаетъ и даже не понимаетъ ихъ, не соглашается съ ними, какъ скоро онѣ высказаны?

---

[1]) An Essay concerning human understanding. London, 1690. Мы пользуемся лондонскимъ изданіемъ 1877 г. Bohn's подъ заглавіемъ Locke's Philosophical Works. In two volumes. With a preliminary essay and notes by S. A. St. John.

Можно попытаться избѣгнуть указаннаго выше противорѣчія такимъ соображеніемъ: люди сейчасъ же узнаютъ извѣстныя положенія и соглашаются съ ними, какъ скоро начинаютъ пользоваться своимъ разумомъ. Но время начала пользованія разумомъ и время признанія врожденныхъ истинъ не совпадаютъ, люди обнаруживаютъ многіе несомнѣнные признаки употребленія своего разума, напр. дѣти, прежде чѣмъ признаютъ такое положеніе: «невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была одновременно». Значительное количество необразованныхъ людей и дикарей проживаетъ многіе годы даже своей разумной жизни, совсѣмъ не помышляя о вышеприведенномъ или подобныхъ общихъ положеніяхъ; въ сознаніи и разумѣ дѣтей прежде возникаютъ довольно многочисленныя частныя положенія, а потомъ уже общія, и не частныя положенія выводятся ребенкомъ изъ общихъ, а наоборотъ общія изъ частныхъ. Ребенокъ очень хорошо можетъ знать и понимать, что одинъ и два равны тремъ, что полынь и конфекты не одна и та же вещь, что зеленый цвѣтъ не есть красный цвѣтъ и въ то же время не знать и не понимать общихъ, первыхъ теоретическихъ принциповъ, считаемыхъ врожденными.

Но допустимъ, что признаніе врожденныхъ идей по времени совпадаетъ съ началомъ дѣятельности разума; отсюда нельзя еще вывести того заключенія, что извѣстныя идеи врождены. Съ началомъ употребленія разума могутъ совпадать такіе факты, которые явно не суть врожденные. Предположимъ, что рѣчь, пониманіе словъ возникаетъ одновременно съ началомъ разума, а это предположеніе почти совпадаетъ съ дѣйствительностію, но изъ этого не слѣдуетъ, что пониманіе рѣчи есть нѣчто врожденное. «Я соглашаюсь, говоритъ Локкъ, съ защитниками теоріи врожденныхъ принциповъ въ томъ, что не можетъ существовать признанія этихъ общихъ и самоочевидныхъ правилъ прежде упражненія разума; но я отрицаю, что начало употребленія разума точно совпадаетъ съ первымъ признаніемъ ихъ, и если-бы даже и точно совпадало, я отрицаю, чтобы это совпаденіе доказывало ихъ врожденность». [1])

---

[1]) Vol. 1, p. 141—142.

Наконецъ можно представить еще такое объясненіе указаннаго противорѣчія: идеи врождены, напечатлѣны нашему уму; но для того, чтобы ихъ сознать и признать, умъ долженъ запастись нѣкоторыми предварительными частными знаніями, такъ какъ врожденныя идеи суть общіе принципы. Какъ же скоро потомъ идеи будутъ предложены уму и будутъ выражены въ понятныхъ терминахъ, такъ сейчасъ же умъ и согласится съ ними, признаетъ ихъ. Это согласіе ума съ идеями и есть свидѣтельство за врожденность идей. Но если считать несомнѣннымъ свидѣтельствомъ врожденности согласіе нашего ума на извѣстныя истины, какъ скоро эти истины являются понятными уму, то врожденныхъ истинъ окажется безчисленное множество, напр. горькое не есть сладкое, четыреугольникъ не кругъ, два да два равны четыремъ, два тѣла не могутъ занимать одного и того же мѣста и милліонъ другихъ положеній, математическихъ, физическихъ и всякихъ иныхъ, потому что нашъ умъ неизбѣжно признаетъ правильность этихъ положеній, какъ скоро термины, въ которыхъ они выражены, ему понятны. Затѣмъ Локкъ подвергаетъ анализу нѣкоторыя отдѣльныя теоретическія идеи и доказываетъ, что онѣ не врождены, таковы идеи тожества, цѣлаго и частей, о Божествѣ. Этому анализу онъ посвящаетъ III гл. I книги. Доказательства его въ этомъ случаѣ обычныя. Такъ напр. противъ врожденности идеи о Богѣ онъ ссылается на отдѣльныхъ атеистовъ, на цѣлые народы, не имѣющіе никакой идеи о Богѣ, на крайнюю измѣнчивость идеи о Богѣ отъ грубаго антропоморфизма до философскихъ абстракцій, на то, что общераспространенность не есть еще доказательство врожденности, идея объ огнѣ широко распространена, но не врождена. Доказавъ неправильность теоріи врожденныхъ идей въ ея примѣненіи къ теоретическимъ принципамъ, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію доказательствъ врожденности практическихъ принциповъ (II гл. I кн.).

Если доводы за врожденность теоретическихъ принциповъ оказались очень слабыми, не выдерживающими критики, то они еще слабѣе за врожденность практическихъ принциповъ. Ни одно практическое правило не можетъ претендовать на такую очевидность, какъ теоретическій принципъ «что есть,

то есть». Если же и оно не пользуется всеобщимъ признаніемъ, то что-же сказать о практическихъ принципахъ? Они и не очевидны, требуютъ доказательствъ, они и не всеобще признаны, менѣе пользуются согласіемъ, чѣмъ теоретическіе принципы. Мы можемъ взять самое твердое, самое непреложное практическое правило и, наблюдая его примѣненіе въ жизни и дѣятельности людей, легко замѣтимъ, что оно соблюдается далеко не всѣми людьми. Что можетъ быть естественнѣе, ближе человѣческой природѣ нравственной заповѣди, требующей, чтобы родители заботились и охраняли своихъ дѣтей? А между тѣмъ можно назвать многихъ народовъ—и не только необразованныхъ, но и владѣвшихъ высокой культурой, каковы греки и римляне,—которые держались обычаевъ прямо противоположенныхъ приведенной заповѣди, допускали дѣтоубійство, подкидываніе дѣтей, продажу ихъ въ рабство. И вообще практическая дѣятельность различныхъ народовъ и различныхъ временъ указываетъ крайнее разнообразіе, противорѣчія и ненормальности въ нравственной жизни человѣчества, такъ что невозможно указать такого нравственнаго принципа, который признавался-бы всѣми людьми. А при такихъ условіяхъ какъ же можно признавать какіе либо практическіе принципы врожденными?

Можно попытаться ослабить силу приведеннаго довода такими соображеніями: нравственные принципы отрицаются людьми только въ практикѣ, но признаются теоретически; нравственные принципы затемнѣны, испорчены у народовъ различными обычаями, воспитаніемъ, но въ своей чистотѣ существуютъ у нѣкоторыхъ избранныхъ лицъ. Первое соображеніе легко устраняется тѣмъ, что практическій принципъ, не имѣющій значенія для практики и сохраняющійся только въ теоріи, есть не практическій принципъ, а теоретическій. А несостоятельность ученія о врожденныхъ теоретическихъ принципахъ уже доказана. Къ этому надобно прибавить, что лучшій толкователь мыслей людей есть ихъ дѣйствія. Что-же это за врожденные практическіе принципы, которые составляютъ только предметъ созерцанія, а не дѣятельности?— Второе соображеніе устраняется тѣмъ, что оно самою своею сущностью отрицаетъ всеобщее согласіе людей съ нравствен-

ными принципами; врожденными идеями являются уже не идеи, раздѣляемыя всѣми или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ, многими, а частныя убѣжденія отдѣльныхъ лицъ, которыя такимъ образомъ своимъ личнымъ воззрѣніямъ хотятъ придать характеръ общечеловѣческой врожденности и непогрѣшимости. Всѣ заблуждаются кромѣ ихъ, они только безпорные владѣтели врожденной истины. Притомъ если обычаи и воспитаніе затемняютъ врожденные нравственные принципы, то наиболѣе свѣтлыми и чистыми мы должны найти ихъ тамъ, гдѣ обычаи и воспитаніе имѣютъ наименѣе значенія, т. е. у дѣтей и необразованныхъ людей. Но развѣ можно признать дѣтей и необразованныхъ людей преимущественными хранителями чистоты нравственныхъ принциповъ?

Отвергнувъ врожденныя идеи, Локкъ приступаетъ далѣе къ выясненію ихъ происхожденія опытнымъ путемъ. Душа по своей природѣ есть бѣлая хартія, на которой опытъ пишетъ свои письма. Опытъ бываетъ внѣшній и внутренній; внѣшній есть ощущеніе, внутренній—рефлексія. Идеи, возникающія изъ опыта, бываютъ простыя—первоначальныя и сложныя—производныя. Локкъ подробно показываетъ, какъ слагаются эти идеи. «Всѣ тѣ высокіе помыслы, которые парятъ надъ облаками и достигаютъ самаго неба, берутъ свое происхожденіе и имѣютъ свою основу здѣсь (т. е. въ ощущеніи и рефлексіи); во всемъ томъ значительномъ пространствѣ, въ которомъ блуждаетъ умъ, въ самыхъ далекихъ спекуляціяхъ, до какихъ только онъ можетъ возвышаться, онъ ни на одну йоту не уходитъ дальше тѣхъ идей, которыя ощущеніе или рефлексія представили его созерцанію». [1]) Nigil est in intellectu, quod non antea fuerit in sensu.

§ 7. То пониманіе теоріи врожденныхъ идей, противъ котораго возражалъ Локкъ, было не единственно возможное. Это было пониманіе вульгарное, хотя и очень распространенное. Можно было придать теоріи врожденности другой смыслъ, не такой грубый, именно можно было отожествить врожденныя идеи съ врожденными способностями и такимъ образомъ признать,

---

[1]) Vol. 1, p. 223.

что врожденныя идеи существуютъ въ насъ только въ формѣ возможности, а недѣйствительности. Именно такого взгляда и держался Декартъ. Въ примѣчаніяхъ къ одной программѣ, изданной въ Бельгіи въ концѣ 1647 г., [1]) онъ прямо говоритъ: «я никогда не писалъ и не утверждалъ, что умъ нуждается во врожденныхъ идеяхъ, какъ чемъ либо отличномъ отъ его способности мышленія. Но когда я обращалъ вниманіе на нѣкоторыя познанія, существующія во мнѣ, которыя не происходятъ ни отъ внѣшнихъ чувствъ, ни отъ рѣшенія моей воли, но отъ одной способности мышленія, мнѣ присущей, то эти идеи или познанія, я различалъ отъ другихъ пришлыхъ или выдуманныхъ, [2]) и назвалъ ихъ врожденными, въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ говоримъ, что благородство врождено нѣкоторымъ фамиліямъ, инымъ же врождены нѣкоторыя болѣзни, какъ падагра. Поэтому не въ томъ смыслѣ, чтобы дѣти такихъ семействъ страдали этими болѣзнями во чревѣ матери, но что родятся съ нѣкоторымъ расположеніемъ или способностью къ симъ болѣзнямъ. [3]) Идеи врождены намъ вмѣстѣ съ нашею способностью мышленія, всегда существуютъ въ насъ въ возможности, «ибо существовать въ какой либо способности не значитъ быть въ дѣйствительности (esse actu), но только въ возможности (potentia dumtaxat), потому что самое имя способность не обозначаетъ ничего другаго, какъ возможность». [4]) Такимъ образомъ, по взгляду Декарта, врожденная идея это есть просто способность образовать идею мышленіемъ самимъ изъ себя. Съ этой точки зрѣнія не только идеи о я, какъ мыслящей субстанціи, о субстанціи вообще и субстанцій тѣлесной въ частности, о безконечной субстанціи или Богѣ, идеи геометрическихъ опредѣленій и т. п. суть врожденныя, но даже идеи звуковъ, цвѣтовъ, боли, почти всѣ идеи врождены намъ, потому что нѣтъ никакого сходства

---

[1]) Renati Des-cartes Opera philosophica. Editio ultima, 1698 г. Программа явилась подъ заглавіемъ: Explicatio Mentis humanae, sive Animae rationalis, ubi explicatur quid sit, et quid esse possit.

[2]) Декартъ дѣлилъ идеи на врожденныя, пришлыя (adventitiae)—солнце, огонь и т. п.—отъ внѣшнихъ вещей и созданныя нами самими—сирены, грифы и т. п. Meditatio tertia, стр. 17

[3]) Примѣч. къ XII пункту программы, стр. 184.

[4]) Ibidem, примѣч. къ XIV пункту программы, стр. 186.

между этими идеями и тѣми тѣлесными движеніями, по поводу которыхъ духъ образуетъ идеи. «Что же можно выдумать болѣе нелѣпаго, какъ-то, что всѣ общія познанія, которыя есть въ нашемъ умѣ, возникаютъ изъ тѣхъ движеній и безъ нихъ не могутъ быть?..... Всѣ эти движенія суть частныя, познанія же суть общія, не имѣющія никакого средства съ движеніями и никакого къ нимъ отношенія». [1])

§ 8. Лейбницъ не согласился во взглядахъ на врожденныя идеи ни съ Локкомъ, ни съ Декартомъ, ни съ обычнымъ вульгарнымъ мнѣніемъ. Несомнѣнно, врожденныя идеи существуютъ и слѣдовательно Локкъ неправъ; но невозможно съ другой стороны и допустить идеи готовыми въ умѣ отъ рожденія, это слишкомъ грубо и въ отрицаніи врожденности въ такомъ смыслѣ Локкъ правъ. Принять же мнѣніе Декарта, что врожденная идея тожественна съ возможностью образовать идею, Лейбницъ не хотѣлъ, одной возможности ему казалось очень мало. И вотъ онъ создаетъ какъ-то среднее мнѣніе между существованіемъ идей, какъ готовыхъ сформулированныхъ знаній, и способностью ихъ созданія.

Лейбницъ подвергъ «Опытъ» Локка обстоятельному и подробному обсужденію въ своемъ сочиненіи «Nouveaux essais sur l'entendement humain». Разсужденіе имѣетъ форму безконечнаго діалога между Филалетомъ, высказывающимъ взгляды Локка, и Теофиломъ, высказывающимъ взгляды Лейбница. Понятно, что Теофилъ остается побѣдителемъ въ спорѣ. Порядокъ изложенія—порядокъ локковскаго опыта. Каждая мысль Локка разбирается. Главныя возраженія Лейбница противъ взглядовъ Локка слѣдующія: чувства необходимы намъ для всѣхъ нашихъ познаній, безъ дѣятельности органовъ внѣшнихъ чувствъ мы бы никогда и не обратили вниманія на идеи. Но, тѣмъ не менѣе, чувства не могутъ дать намъ всѣхъ нашихъ знаній. Чувства даютъ намъ только примѣры, т. е. истины частныя или индивиндуальныя. Но всѣ примѣры, подтверждающіе общую истину, какъ-бы многочисленны они ни были, недостаточны для того, чтобы обосновать универсальную необходимость этой самой истины.

---

[1]) Примѣч. къ XIII пункту, стр. 185.

Чувства могутъ подтверждать правильность общихъ и необходимыхъ идей, но не могутъ доказать; изъ того, что что-нибудь случилось, не слѣдуетъ, что тоже самое будетъ и всегда случаться. Различіе между животнымъ и человѣкомъ въ томъ и состоитъ, что животныя суть чистые эмпирики: на томъ основаніи, что какое либо событіе случилось нѣсколько разъ, они заключаютъ, что оно будетъ имѣть мѣсто и при другихъ обстоятельствахъ, нѣсколько сходныхъ съ первымъ случаемъ. Создать сужденія необходимыя, науку демонстративную они не способны, къ этому способенъ только человѣкъ. [1])

Обращаясь къ болѣе спеціальному разсмотрѣнію доводовъ Локка, Лейбницъ замѣчаетъ, что общее согласіе людей на какія либо истины есть не доказательство ихъ врожденности, а только указаніе. Точное же и рѣшительное доказательство этихъ принциповъ состоитъ въ убѣжденіи, что ихъ достовѣрность зависитъ только отъ того, что есть въ насъ. Хотя такимъ образомъ общее согласіе теряетъ въ глазахъ Лейбница доказательность врожденности какого либо принципа; тѣмъ не менѣе онъ замѣчаетъ, что принципъ противорѣчія есть универсально признанный принципъ. Нѣтъ такого варвара, который въ серьезномъ дѣлѣ не былъ бы шокированъ поведеніемъ лжеца, противорѣчащаго самому себѣ.

Главный доводъ Локка — думать, что извѣстныя идеи напечатлѣны душѣ и въ то же время ею не замѣчаются, значитъ впадать въ грубое противорѣчіе — Лейбницъ устраняетъ тѣмъ соображеніемъ, что у насъ существуетъ безчисленное множество знаній, которыхъ мы не замѣчаемъ, какъ долго не имѣемъ въ нихъ нужды. Наша память хранитъ много знаній, но мы припоминаемъ ихъ не всегда, а только иногда. Нужно, чтобы что-нибудь побудило насъ воспроизвести одно знаніе скорѣе, чѣмъ другое, потому что намъ невозможно раздѣльно мыслить сразу обо всемъ, что мы знаемъ. Можно даже допускать, не впадая въ противорѣчіе, что есть истины, напечатлѣнныя душѣ, которыхъ она не только не знаетъ, но и никогда не узнаетъ. Наша душа можетъ узнать ихъ, когда

---

[1]) Р. 4, 5, 6, 34, 37.

будетъ въ другомъ состояніи. Истина врождена—это еще не значитъ, что она извѣстна тому, кому врождена. Быть въ умѣ, быть напечатлѣннымъ душѣ не значитъ быть понятымъ или замѣченнымъ умомъ, но значитъ, что въ умѣ можно найти и извѣстныя истины и ихъ доказательства. [1])

Локкъ говорилъ, что частные принципы открываются и признаются ранѣе общихъ и послѣдніе зависятъ отъ первыхъ. Лейбницъ держится противоположнаго мнѣнія, что частныя положенія суть только примѣненія коренныхъ принциповъ, напр. частныя сужденія противорѣчія (сладкое не есть горькое, четыреугольникъ не кругъ) суть приложенія основнаго закона противорѣчія. Общіе принципы входятъ въ наши мысли и составляютъ ихъ душу и связь. Они такъ же необходимы, какъ мускулы и сухожилія для ходьбы, хотя о нихъ и не думаютъ. Въ каждый моментъ духъ опирается на эти принципы, но не легко распутать ихъ и представить ясными и раздѣльными. [2])

По части врожденныхъ практическихъ принциповъ Лейбницъ указываетъ на инстинкты. Богъ далъ человѣку инстинкты, которые побуждаютъ его безъ всякаго разсужденія совершать такія вещи, которыя предписываетъ разумъ. Подобно тому, какъ мы ходимъ, слѣдуя законамъ механики и не думая о нихъ, ѣдимъ не только потому, что это намъ необходимо, но и потому, что это пріятно, точно такъ же повинуемся и инстинктамъ, не думая о нихъ. Впрочемъ инстинкты не непреодолимы, они затемняются предразсудками, страстями, обычаями. Поэтому и практическія нарушенія нравственныхъ принциповъ, напр. что родители должны заботиться о своихъ дѣтяхъ, не говорятъ противъ врожденности, а свидѣтельствуютъ только, что они искажаются нашими безпорядками и т. п. [3]). Такимъ образомъ Лейбницъ признавалъ врожденными и теоретическіе и практическіе принципы. «Врожденными я признаю всѣ необходимыя истины и къ нимъ я присоединяю инстинкты». [4]) На этомъ основаніи онъ всю ариѳметику и всю

---

[1]) P. 32, 33, 35, 36, 37, 53.
[2]) P. 40.
[3]) P. 49, 52.
[4]) P. 53—54.

геометрію признавалъ врожденными, [1]) признавалъ врожденнымъ даже такое частное сужденіе, что четыреугольникъ не есть кругъ, на томъ основаніи, что оно представляетъ собою приложеніе принципа противорѣчія къ тому, что даетъ самъ разумъ, а принципъ противорѣчія врожденъ. [2])

Если же идеи и теоретическія и практическія намъ врождены, то въ какомъ же видѣ нужно представлять эту врожденность? На этотъ коренной вопросъ Лейбницъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: «я охотнѣе воспользовался бы сравненіемъ души съ кускомъ мрамора, имѣющаго жилки, чѣмъ съ кускомъ мрамора безъ жилокъ или съ пустыми таблицами, т. е. съ тѣмъ, что у философовъ называется tabula rasa. Если душа походитъ на эти пустыя таблицы, то истины будутъ въ насъ, какъ фигура Геркулеса въ мраморѣ, когда мраморъ совершенно индиферентенъ къ той или другой фигурѣ. Но если существуютъ жилки въ камнѣ, которыя намѣчаютъ (marquassent) фигуру Геркулеса предпочтительно предъ другими фигурами, этотъ камень будетъ болѣе опредѣленъ (determinée) и Геркулесъ будетъ ему въ нѣкоторомъ родѣ врожденъ, хотя нужна работа, чтобы открыть эти жилки и очистить ихъ политурой, устраняя все, что препятствуетъ обнаружиться имъ. Точно также идеи и истины намъ врождены какъ склонности, расположенія, привычки или какъ естественныя возможности (des virtualités naturelles), а не какъ дѣйствія, хотя эти возможности всегда сопровождаются нѣкоторыми дѣйствіями, часто незамѣтными и которыя отвѣчаютъ имъ». [3]) Въ другомъ мѣстѣ Лейбницъ говоритъ, что врожденность идей не есть простая способность, состоящая въ одной возможности произвести ихъ; это есть «расположеніе, способность, предначертаніе (une preformation), которое опредѣляетъ нашу душу и которое производитъ то, что идеи могутъ быть извлечены изъ души». [4])

Несомнѣнно, что взглядъ Лейбница на врожденныя идеи взглядъ довольно неопредѣленный. Онъ не соглашается при-

---

[1]) P. 33—34.
[2]) P. 39.
[3]) P. 7.
[4]) P. 37.

знать идеи врожденными въ томъ простомъ смыслѣ, въ какомъ ихъ принимали въ его время, т. е. въ видѣ готовыхъ сформулированныхъ положеній; онъ не согласенъ, вмѣстѣ съ Декартомъ, допустить и простую возможность или способность души къ ихъ образованію. Онъ выбираетъ нѣчто среднее между готовымъ знаніемъ и способностью его произведенія и это среднее обозначаетъ многими и притомъ различными по смыслу словами: склонность, расположеніе, привычка, естественная возможность, способность, предначертаніе. Но это множество словъ, имѣющихъ цѣлью обозначить одно и тоже явленіе, весьма мало опредѣляетъ его, оно указываетъ на колебаніе и шаткость мысли самого Лейбница по данному вопросу. Сравненіе души съ кускомъ мрамора, имѣющаго жилки, также мало выясняетъ дѣло; метафоры не годятся въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается точнаго опредѣленія факта и притомъ самой его сущности, корня. Кантъ, изслѣдуя вопросъ о синтетическихъ сужденіяхъ a priori, довольно справедливо замѣчаетъ, что есть два пути къ его рѣшенію: нужно высшіе принципы признать или опытными или апріорными, прибѣгать же къ среднему воззрѣнію, что они и не апріорные и не опытные, но представляютъ собою расположенія къ мышленію (Anlagen zum Denken), данныя намъ Творцомъ, такая, какъ онъ ее называетъ, преформаціонная система (Präformations – systen) чистаго разума неудобна. [1]) Во всякомъ случаѣ Лейбницу, допуская такой взглядъ, невозможно было ограничиться одной метафорой, можетъ быть и очень остроумной, и цѣлымъ рядомъ различныхъ терминовъ; нужно было выяснить дѣло точнѣе и ближе.

§ 9. Кантъ ставитъ дѣло гораздо рѣшительнѣе и опредѣленнѣе и его ученіе объ апріорныхъ формахъ есть дальнѣйшій шагъ въ развитіи ученія о врожденныхъ идеяхъ. Считать врожденныя идеи какимъ-то залежемъ, скрытымъ въ нашей душѣ, который стоитъ только откапать, чтобы получить настоящее знаніе помимо всякого опыта, онъ считаетъ неудобнымъ послѣ критики Локка; прежде опыта нѣтъ знанія. «Что все наше знаніе начинается съ опытомъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія». «По времени нѣтъ никакого знанія

---

[1]) Kritik der reinen Vernunft (изд. 1794 г.) S. 167.

раньше опыта, съ опытомъ начинается всякое знаніе». [1]) Но если все наше знаніе начинается съ опытомъ, то это не значитъ, что оно все и воизникаетъ изъ опыта. Нѣтъ. Помимо знанія опытнаго или апостеріорнаго есть знаніе внѣопытное или апріорное, производимое духомъ самимъ изъ себя и обусловливающее самую возможность опыта. Безъ этихъ апріорныхъ формъ опытъ не можетъ существовать, такъ какъ опытъ есть соединеніе впечатлѣніи отъ внѣшнихъ предметовъ помощію апріорныхъ формъ. Матерія знанія, получаемая изъ опыта въ ощущеніяхъ, и апріорная форма знанія, создаваемая духомъ самимъ изъ себя, возникаютъ одновременно. Существенные признаки апріорныхъ формъ: всеобщность и необходимость. Опытъ не можетъ дать намъ ни знаній строго всеобщихъ, ни знаній необходимыхъ, опытъ даетъ намъ свѣдѣнія болѣе или менѣе частныя и случайныя. «Необходимость и строгая всеобщность суть такимъ образомъ вѣрные признаки познанія a priori и они нераздѣльны другъ съ другомъ». [2]) Такихъ всеобщихъ и необходимыхъ положеній представляютъ намъ много различныя науки: математика, естествознаніе, метафизика. Эти науки по своимъ основнымъ принципамъ апріорны.

Кантъ не ограничивается указаніемъ признаковъ, по которымъ можно отличить апріорное знаніе отъ апостеріорнаго, онъ даетъ полную таблицу апріорныхъ формъ. Она оказывается довольно обширной и включаетъ пространство, время—формы сочетанія ощущеній—категоріи количества, качества, отношенія и модальности, въ каждой группѣ категорій по три категоріи, всего 12 категорій [3])—категоріи суть способы или формы познанія предметовъ—и наконецъ идеи о мірѣ, душѣ и Богѣ, представляющія собою высшій апріорный синтезъ разума. Относительно каждой апріорной формы Кантъ подробно доказываетъ, что она есть именно апріорная. Для поясненія приведемъ его

---

[1]) Ibidem, S. 1. (Finleitung. Von dem Unterschiede der reinen und empirischen Erkentniss).

[2]) Ibidem, S. 4.

[3]) Онѣ слѣдующія: единство, множество, всеобщность; реальность, отрицаніе, ограниченіе; субстанціальность, причинность, взаимодѣйствіе; возможность, существованіе, необходимость (s. 106).

доказательства апріорности формъ пространства и времени. Ихъ четыре: 1) пространство и время не суть эмпирическія понятія, полученныя изъ внѣшнихъ опытовъ путемъ отвлеченія. Внѣшній опытъ, т. е. представленіе чего либо внѣ, въ различныхъ мѣстахъ, одновременно другъ съ другомъ или другъ послѣ друга, уже предполагаетъ пространство и время; 2) представленія пространства и времени невозможно уничтожить. Всѣ предметы и всѣ событія, мыслимые въ пространствѣ и времени, можно устранить, но самыя пространство и время устранить невозможно. Они условія возможности явленій; 3) пространство и время не суть понятія, а воззрѣнія, т. е. апріорныя формы чувственнаго знанія. Время, равно какъ и пространство, есть нѣчто единое; когда говорятъ о многихъ пространствахъ и временахъ, то разумѣютъ части того же времени и пространства. Можно представить себѣ только одно пространство и одно время. Представленіе же, которое можетъ быть дано только однимъ предметомъ, есть воззрѣніе; 4) пространство и время суть безконечныя величины, содержащія въ себѣ (in sich) безконечное число различныхъ возможныхъ представленій. Они суть такимъ образомъ воззрѣнія, а не понятія, такъ какъ послѣднія безконечное число представленій содержатъ подъ собою (unter sich). [1])

Взглядъ Канта гораздо опредѣленнѣе и яснѣе взгляда Лейбница, но между ними есть и существенное сродство. Лейбницъ, защищая врожденныя идеи, главнымъ образомъ ссылался на существованіе положеній всеобщихъ и необходимыхъ. Такихъ положеній опытъ, по его мнѣнію, давать не можетъ, такія положенія и суть врожденныя идеи. Кантъ повторяетъ аргументацію Лейбница и по его мнѣнію главнѣйшій признакъ апріорныхъ формъ есть ихъ всеобщность и необходимость. Но естественно возникалъ вопросъ: почему же опытъ не можетъ давать такихъ положеній? И Лейбницъ и Кантъ отнеслись къ этому вопросу догматически, они утверждаютъ безсиліе опыта по части всеобщаго и необходимаго, а не доказываютъ. Но вопросъ стоилъ разсмотрѣнія: если пред-

---

[1]) Kritik der reinen Vernunft, S. 37—48.

положить, что частный индивиндуальный опытъ не можетъ дать заключеній всеобщихъ и необходимыхъ, то можно-ли тоже самое утверждать о коллективномъ опытѣ всего человѣчества? Человѣчество подлежитъ вліянію закона наслѣдственности, опытъ предшествующихъ поколѣній не проходитъ безслѣдно, даромъ для послѣдующихъ поколѣній; то, что первоначально было просто общимъ и дѣйствительнымъ, не превращается ли съ теченіемъ времени, вслѣдствіе скученія коллективнаго опыта человѣчества, во всеобщее и необходимое? Такое предположеніе даетъ возможность устранить дуализмъ, вносимый въ наше мышленіе ученіемъ о врожденныхъ идеяхъ и апріорныхъ формахъ. Въ самомъ дѣлѣ трудно себѣ представить, какъ это духъ, по поводу воздѣйствія отвнѣ, производитъ изъ себя цѣлый рядъ такихъ апріорныхъ формъ, какъ пространство, время и другія, во всякомъ случаѣ это вещь очень таинственная. Откуда онъ ихъ беретъ? Согласиться съ такой гипотезой возможно только тогда, когда рѣшительно нѣтъ никакой возможности объяснить дѣло инымъ, болѣе научнымъ, путемъ. Это новое объясненіе врожденныхъ идей и апріорныхъ формъ, съ точки зрѣнія коллективнаго опыта всего человѣчества, и даетъ Спенсеръ. [1])

§ 10. Представлять себѣ духъ человѣческій, ранѣе полученія имъ первыхъ впечатлѣній, tabula rasa, пустой чистой поверхностью, значитъ создать себѣ цѣлую массу неразрѣшимыхъ вопросовъ: откуда берется способность къ организаціи впечатлѣній? Откуда возникаютъ различія въ степени этой способности, различія, обнаруживаемыя различными расами организмовъ и различными индивидуумами одной и той же расы? Если при рожденіи не существуетъ ничего, кромѣ пассивной воспріимчивости къ печатлѣніямъ, то почему же лошадь не столь способна къ воспитанію, какъ человѣкъ? И если скажутъ, что тутъ различіе зависитъ отъ языка, то почему же кошка и собака, воспитанныя въ одномъ и томъ же домѣ, не представляютъ одной и той же степени и одного и того же рода умственнаго развитія?

---

[1]) Основанія Психологіи т. II, § 208, стр. 190 — 197, т. III, гл. XIV «Воспріятіе пространства».

Чтобы избѣжать подобныхъ затрудненій, мы должны допустить, что психическая дѣятельность опредѣляется не только внѣшними возбужденіями, но и наслѣдственной организаціей нервной системы. Такъ какъ наша психическая дѣятельность находится въ неразрывной связи съ нервной системой, то частыя повторенія психическихъ фактовъ должны отражаться въ ней соотвѣтствующими измѣненіями. Эти измѣненія передаются поколѣніямъ по наслѣдству и вслѣдствіе индивиндуальной опытности отдѣльныхъ членовъ увеличиваются. Мы должны смотрѣть на мозгъ такимъ образомъ, что многочисленныя опредѣленно установленныя отношенія между его частями представляютъ столь же многочисленныя опредѣленно установленныя отношенія между психическими перемѣнами. Каждая изъ постоянныхъ связей между волокнами большихъ полушарій соотвѣтствуетъ какой либо постоянной связи между явленіями въ предыдущей опытности расы. Въ этомъ смыслѣ ученіе о «формахъ интуиціи» выражаетъ дѣйствительно существующую истину, именно что нѣкоторыя внутреннія отношенія потенціально присутствуютъ ранѣе рожденія, въ формѣ опре дѣленныхъ нервный связей, что они предшествуютъ индивиндуальнымъ опытамъ и независимы отъ нихъ, что они автоматически развертываются съ первыми познаніями. Но хотя эти опредѣленныя внутреннія отношенія и независимы отъ опытовъ индивидуума, они отнюдь не независимы отъ опытовъ вообще, такъ какъ они были опредѣлены опытами предшествующихъ организмовъ. Извѣстные элементы мысли, безконечно и постоянно повторяясь въ опытѣ предшествующихъ поколѣній и организмовъ, становятся наконецъ ея автоматическими элементами, отъ которыхъ невозможно освободиться, которыя суть формы непосредственнаго воспріятія. Но и эти формы, въ силу своей сложности и незаконченной организаціи мозга при рожденіи, требуютъ для своего реальнаго возникновенія индивиндуальнаго внѣшняго возбужденія и нѣкотораго опыта, онѣ не возникаютъ съ быстротой и автоматическою точностью рефлекса.

Общее заключеніе Спенсера по данному вопросу таково: [1]) «человѣческій мозгъ есть организованная запись безконечнаго

---

[1]) Т. II, стр. 196—197.

числа впечатлѣній, испытанныхъ въ продолженіе развитія жизни, или, правильнѣе говоря, въ продолженіе развитія того рода организмовъ, чрезъ который прошло развитіе человѣческаго организма. Результаты, производившіеся въ организмѣ наиболѣе единообразными и частыми изъ этихъ опытовъ, завѣщались послѣдовательно однимъ поколѣніемъ другому, причемъ передавались капиталъ и проценты; такимъ-то образомъ медленно накопилась та высокая умственная сила, которая покоится въ дремлющемъ состояніи въ мозгу ребенка, которую послѣдующая жизнь ребенка упражняетъ, а можетъ быть и усиливаетъ или подвергаетъ дальнѣйшему усложненію, и которая, съ этими крошечными прибавленіями, завѣщается будущимъ поколѣніямъ. Вслѣдствіе этого-то происходитъ, что европеецъ наслѣдуетъ двадцатью кубическими дюймами мозга болѣе, чѣмъ папуанецъ. Вслѣдствіе этого-то происходитъ, что такія способности, какъ способность къ музыкѣ, почти не существующія у многихъ низшихъ человѣческихъ расъ, становятся врожденными у расъ болѣе высокихъ. Вслѣдствіе этого-то происходитъ, что отъ дикарей, неспособныхъ сосчитать числа своихъ пальцевъ и говорящихъ языкомъ, состоящимъ только изъ существительныхъ да глаголовъ, выходятъ подъ конецъ наши Ньютоны и Шекспиры».

§ 11. Строго говоря, изложенными выше взглядами историческое развитіе теоріи врожденныхъ идей и заканчивается. Правда, мы встрѣчаемъ обсужденіе изслѣдуемаго вопроса и въ настоящее время; но оригинальныхъ мнѣній не появляется, да имъ, кажется, и появиться трудно, такъ какъ возможныя логически гипотезы уже высказаны. Можно такимъ образомъ формулировать высказанные до сихъ поръ взгляды: 1) врожденныхъ идей нѣтъ, душа человѣка есть tabula rasa, все возникаетъ изъ индивиндуальнаго опыта человѣка (Локкъ); 2) врожденныхъ идей нѣтъ, но за то есть апріорныя формы, самостоятельно производимыя духомъ самимъ изъ себя при первомъ воздѣйствіи вещей на душу (Кантъ); 3) есть врожденныя идеи, какъ готовыя сформулированныя знанія, которыя душѣ нужно только припомнить или открыть (Платонъ и обычный взглядъ); 4) есть врожденныя идеи, но только въ видѣ простой возможности или способности образовать ихъ

(Декартъ); 5) есть врожденныя идеи въ видѣ предрасположеній и предначертаній къ ихъ образованію (Лейбницъ); 6) врожденныхъ идей нѣтъ, а есть врожденный нервный опредѣленный аппаратъ, обусловливающій появленіе врожденныхъ идей и формъ интуиціи. Аппаратъ этотъ есть результатъ опыта предшествующихъ поколѣній и организмовъ (Спенсеръ).

Дальше идти, кажется, некуда и новѣйшіе взгляды волей неволей должны повторять или только видоизмѣнять одну изъ указанныхъ гипотезъ. Это мы видимъ и на самомъ дѣлѣ. Укажемъ на два различныя современныя мнѣнія. Г. Шустеръ пришелъ къ такому результату относительно врожденныхъ идей: [1]) «итакъ есть врожденныя идеи. Логическія и математическія основы тожества и сравненія (der Vergleichung), познавательные принципы причинности и конечности [2]) именно таковы, потому что ихъ состоятельность не зависитъ отъ опыта, напротивъ они превосходятъ опытъ и обусловливаютъ самую его возможность. Не будучи сами расширительными сужденіями (Ohne selbst Erweiterungsurtheile zu sein), они однако расширяютъ и укрѣпляютъ знаніе и соединяютъ его области». Не совсѣмъ ясно, какъ это врожденные принципы, не будучи сужденіями расширительными, т. е. расширяющими наше знаніе, все же расширяютъ его, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ г. Шустеръ прямо говоритъ, «что нельзя согласиться, чтобы эти врожденныя идеи, какъ тѣ схоластическія цѣлесообразныя причины, были святыми, но не плодными дѣвами. Напротивъ, это суть «матери», которыя болѣе заслуживаютъ такое имя, чѣмъ три таинственныя буквы каббалы, потому что отъ нихъ, а не отъ элементовъ, приходитъ твердое знаніе, если вообще таковое существуетъ». [3]) Очевидно, такой взглядъ есть платоновско-кантіанскій; врождены опредѣленныя готовыя идеи, имѣющія между прочимъ и регулятивное, формальное значеніе.

§ 12. Шнейдеръ держится иного мнѣнія о врожденныхъ

---

[1]) P. R. Schuster, Gibt es unbewusste und vererbte Vorstellungen? Leipzig, 1879. S. 74.

[2]) Подъ конечностью Шустеръ разумѣетъ слѣдующее положеніе: «если ты хочешь цѣли, то долженъ хотѣть и соотвѣтствующихъ средствъ». См. s. 58.

[3]) Ibidem S. 54.

идеяхъ. Онъ говоритъ, что новѣйшая философія допускаетъ наслѣдственность и врожденность не воззрѣній, мышленія и дѣйствій, но силъ и способностей воззрѣнія, мышленія и дѣйствія. Эти способности заключаются въ причинномъ отношеніи причины къ дѣйствію вообще и въ данномъ случаѣ въ причинномъ отношеніи физіологическихъ измѣненій къ совершенно опредѣленнымъ сознательнымъ явленіямъ, а также въ причинномъ психическомъ отношеніи двухъ сознательныхъ явленій другъ къ другу, отношеній, которыя первоначально были только частными случаями всѣхъ возможныхъ отношеній, но потомъ, будучи благопріятны для сохраненія рода, удержались и расширились. Такія отношенія существуютъ между возбужденіями извѣстныхъ нервныхъ центровъ и совершенно опредѣленными сознательными явленіями (ощущеніями, воспріятіями, представленіями), между познавательными явленіями и чувствованіями и между чувствованіями и совершенно опредѣленными стремленіями. Наслѣдуются не только самыя отношенія, но и сила отношеній, степень причиннаго характера ихъ и относительная сила чувствованій и стремленій, которыя находятся въ причинномъ отношеніи къ опредѣленнымъ познавательнымъ явленіямъ. Но на почвѣ этихъ наслѣдственныхъ врожденныхъ отношеній никогда не могутъ возникнуть представленія, элементы которыхъ не даны въ индивиндуальной жизни, въ воспріятіяхъ. [1]) Коротко свой взглядъ Шнейдеръ выражаетъ такимъ образомъ: никакихъ готовыхъ опытныхъ представленій и основъ въ силу наслѣдственности не передается; но наслѣдуется не только способность образовать представленія и основы, но еще наслѣдуются также: 1) отношенія представленій между собою, 2) отношенія воспріятій и представленій къ соотвѣтствующимъ чувствованіямъ и стремленіямъ вообще, 3) отношенія стремленій къ дѣйствіямъ, именно къ мускульнымъ сокращеніямъ и 4) относительная сила всѣхъ этихъ отношеній, которыми въ каждомъ случаѣ опредѣляется выборъ, наслѣдуются такимъ образомъ, что весь нашъ способъ дѣйствованія въ сущности является уже опредѣленнымъ наслѣдствен-

---

[1]) G. H. Schneider, Der menschliche Wille vom Standpunkte der neueren Entwickelungstheorien. Berlin, 1882. S. 60, 61, 63, 71—72.

ностью. [1]) Подобный взглядъ есть, очевидно, ничто иное, какъ сравнительно подробное развитіе идей Спенсера по данному вопросу.

§ 13. Подведемъ итоги ученію о врожденыхъ идеяхъ. Прежде всего нужно рѣшить вопросъ: есть ли у насъ что либо врожденное или же, при рожденіи, духъ есть tabula rasa? Теорію о душѣ, какъ о tabula rasa, нужно совсѣмъ оставить, потому что такой теоріей разрывается психическая связь поколѣній, труды предшествующихъ поколѣній на половину теряются для послѣдующихъ, такъ какъ органы воспріятія и мышленія остаются неулучшаемыми въ расѣ и по своей психической организаціи человѣкъ и при началѣ міра и при концѣ міра остается совершено одинаковымъ. Всѣ умственныя завоеванія и пріобрѣтенія дѣлаются человѣкомъ лично, въ короткій срокъ индивиндуальной жизни и если не отобразятся въ какомъ либо внѣшнемъ твердомъ устойчивомъ фактѣ — письменности, постройкѣ, учрежденіи, — то погибаютъ вмѣстѣ съ нимъ. Тысячи каждому доступныхъ фактовъ явной наслѣдственности и слѣдовательно врожденности различныхъ физическихъ и психическихъ свойствъ достаточно опровергать ученіе о душѣ, какъ о tabula rasa.

Итакъ въ насъ есть нѣчто врожденное. Какъ же понимать это врожденное — зависимо оно отъ опыта или независимо? Если оно зависимо отъ опыта, то, очевидно, выражаетъ собою результаты опыта коллективнаго, общечеловѣческаго, можетъ быть даже, общеорганическаго, а не личнаго только; если врожденное есть нѣчто сверхъопытное, то оно можетъ быть или платоновскимъ припоминаніемъ идеальнаго міра или насажденіемъ идей въ душѣ Богомъ (по Лейбницу) или самостоятельнымъ творчествомъ апріорныхъ формъ (по Канту).

Врожденное въ насъ, несомнѣнно, опытнаго происхожденія. Допустить внѣопытный источникъ происхожденія идей, въ какой бы формѣ мы его ни взяли, значитъ отказаться отъ дѣйствительнаго научнаго объясненія психическихъ фактовъ, признать несостоятельность науки въ объясненіи происхожденія извѣст-

---

[1]) Oibidem, S. 74—75.

ной группы явленій. Въ самомъ дѣлѣ, если кому либо, въ объясненіе происхожденія какого либо психическаго факта, скажутъ, что этотъ фактъ напечатлѣнъ душѣ Богомъ или созданъ какимъ-то таинственнымъ, совершенно неизвѣстнымъ, образомъ самимъ человѣкомъ или представляетъ припоминаніе иной жизни, о которой также ничего неизвѣстно, неужели знанія человѣка отъ такихъ объясненій расширятся, прояснятся? Не будутъ ли такого рода объясненія представлять нѣчто болѣе темное и непонятное, чѣмъ самые факты, которые хотятъ объяснить? Не лучше ли прямо сказать, что возникновеніе такого рода фактовъ остается въ данное время не понятнымъ? До тѣхъ поръ, пока вносятся въ науку и существуютъ въ ней такого рода таинственныя гипотезы, наука не достигла еще значительнаго развитія, не пріобрѣла достаточной силы, ибо въ своей сферѣ не можетъ устранить еще сверхъестественныхъ мистическихъ объясненій. На такія экстраординарныя гипотезы трезвый изслѣдователь можетъ согласиться только тогда, когда всѣ обыкновенныя позитивныя объясненія окажутся совершенно недостаточными. Но въ настоящее время психологія не находится въ такомъ положеніи, для объясненія врожденныхъ свойствъ она можетъ сослаться на коллективный опытъ всего человѣчества, закрѣпляемый и утверждаемый закономъ наслѣдственности.

Возраженія противъ опытнаго происхожденія врожденныхъ идей и апріорныхъ формъ недостаточно убѣдительны, ихъ доказательность весьма сомнительна. Ихъ, какъ извѣстно, два: всеобщій и необходимый характеръ нѣкоторыхъ положеній, котораго опытъ сообщить не могъ. Разсмотримъ эти доказательства.

Собственно говоря, въ опытѣ дѣйствительно нѣтъ ничего ни всеобщаго, ни необходимаго. Опытъ представляетъ собой въ каждый данный моментъ времени явленія отдѣльныя и конкретныя, всякое же обобщеніе опыта, простое или самое обширное, есть наша работа, субъективная. Опытъ не представляетъ собою ничего необходимаго: связь отдѣльныхъ фактовъ не даетъ возможности утверждать, что эта связь есть необходимая, потому что необходимая связь есть постоянная, т. е. общая, а не частная и отдѣльная. Въ опытѣ же суще-

ствуютъ только единичныя конкретныя явленія и связь между таковыми явленіями. Но съ точки зрѣнія подобнаго разсужденія все наше знаніе нужно признать врожденнымъ или апріорнымъ, потому что существенный элементъ нашего знанія есть обобщеніе въ различныхъ степеняхъ. Знаніе и имѣетъ цѣну потому, что оно есть знаніе общаго, а не частнаго, отдѣльныхъ предметовъ и явленій безконечное множество и ихъ узнавать самихъ по себѣ и не интересно и безполезно. Напримѣръ такое сужденіе: собаки лаютъ—заключаетъ въ себѣ субъективный мыслительный элементъ, обобщеніе Въ дѣйствительности мы наблюдаемъ отдѣльныхъ лающихъ собакъ и если встрѣчаемъ много собакъ, лающихъ одновременно, то усвоеніе получаемыхъ впечатлѣній совершается у насъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, каждый психическій актъ, каждое ощущеніе требуетъ особаго времени для усвоенія. Такимъ образомъ чтобы сказать: собаки лаютъ, а не собака лаетъ, намъ необходимо къ данному единичному факту прибавить рядъ однородныхъ фактовъ изъ запаса, хранимаго нашею памятью. А нужно замѣтить, что самые термины: «собака» и «лаять» заключаютъ въ себѣ также обобщеніе.

Признать такого рода общія сужденія врожденными идеями или апріорными формами, очевидно, неудобно; очевидно, подъ опытомъ нельзя разумѣть только единичные внѣшніе и внутренніе факты, составляющіе грубый матеріалъ нашего знанія, но подъ опытомъ нужно разумѣть и ту обработку, которую мы даемъ матеріалу согласно своей психической организаціи, тѣ выводы, которые мы получаемъ, комбинируя этотъ матеріалъ и которые нашъ умъ признаетъ дѣйствительно вытекающими, обусловленными этимъ матеріаломъ. Такъ обыкновенно и поступаютъ—кромѣ Канта—защитники врожденныхъ идей и апріорныхъ формъ, они говорятъ, что возможны опытныя общія сужденія, выражающія дѣйствительную связь между явленіями. Но сужденія всеобщія и необходимыя суть врожденныя идеи или апріорныя формы, потому что опытъ не можетъ дать ни всеобщности, ни необходимости. Но тогда возникаетъ вопросъ: отчего же опытъ способенъ дать намъ сужденія общія, выражающія дѣйствительную связь между явленіями и неспособенъ дать намъ сужденій всеобщихъ, выра-

жающихъ необходимыя отношенія? Вѣдь всеобщность есть высшая степень общности, а необходимость—дѣйствительности, и логически и психологически общность и всеобщность съ одной стороны, дѣйствительность и необходимость съ другой принадлежатъ къ одинаковымъ категоріямъ. Почему-же у опыта хватаетъ силы произвести двѣ стадіи, $^2/_3$ явленія, напр. возможность и дѣйствительность, единство и множество, и недостаетъ силы произвести одну третью явленія, послѣднюю его стадію—всеобщность и необходимость? Намъ кажется, что выходъ изъ затрудненія можетъ быть только одинъ: или принять систему Канта, по которой понятія единства, множества, всеобщности, возможности, дѣйствительности, необходимости, причинности, взаимодѣйствія и всѣ вообще категоріи суть апріорныя формы, а вмѣстѣ съ этимъ признать, что собственно опытъ есть только грубый, сырой матеріалъ, отдѣльныя безсвязныя явленія, всякая же обработка и связь матеріала и выводы строго опытные суть апріорныя формы, т. е. иначе сказать, признать апріорнымъ все знаніе; или же нужно совсѣмъ оставить апріорныя формы и врожденныя идеи, какъ нѣчто независимое отъ опыта, и признать, что все въ нашемъ умѣ возникаетъ изъ опыта, но только не индивидуальнаго, а общечеловѣческаго.

Относительно собственно кантовскаго анализа нашей познавательной дѣятельности нужно сказать, что онъ имѣетъ существенные недостатки. Это анализъ логическій и метафизическій, а не психологическій; исходный пунктъ его—сознаніе взрослаго развитого человѣка, а не образующееся сознаніе ребенка. Поэтому въ анализѣ много существенныхъ промаховъ. Такъ Кантъ утверждаетъ, что опытъ предполагаетъ уже представленія пространства и времени и отсюда выводитъ ихъ апріорность. Но наблюдая ребенка, мы замѣчаемъ, что у него представленіе о времени и пространствѣ складывается постепенно, мало по малу выясняется, и такимъ образомъ не предшествуетъ опыту, а слѣдуетъ за опытомъ. Кантъ утверждаетъ, что представленія пространства и времени устранить изъ сознанія нельзя, тогда какъ можно устранить представленія о предметахъ, заключенныхъ въ пространствѣ и времени. Но если бы этотъ фактъ и былъ справедливъ, то изъ него

ничего еще нельзя вывести относительно апріорности пространства и времени. Что неизбѣжно для развитого сознанія, то еще можетъ и не быть неизбѣжнымъ для начинающаго сознанія и можетъ развиваться изъ опыта. У насъ есть неразрывныя ассоціаціи и онѣ несомнѣнно опытнаго происхожденія. Но самый фактъ неустранимости представленій пространства и времени сомнителенъ; по крайней мѣрѣ Спенсеръ утверждаетъ, что его сознательная дѣятельность можетъ существовать безъ понятія о протяженіи. [1]) Есть и другіе промахи въ кантовскомъ анализѣ.

§ 14. Относительно врожденныхъ идей нужно еще рѣшить одинъ вопросъ, именно что же считать врожденнымъ: опредѣленные принципы и идеи или органъ, механизмъ, способный къ произведенію такъ называемыхъ врожденныхъ идей и интуитивныхъ формъ? Врождены не принципы и не идеи, а органъ для созданія этихъ принциповъ и идей.

Психическія явленія неразрывно связаны съ дѣятельностію нервной системы. Чтобы возникло какое либо психическое явленіе, для этого нужна дѣятельность, отправленіе или функція нервной системы. Понятно, что постояннымъ существованіемъ владѣетъ органъ, а не функція, функція есть только временное состояніе органа. Функція, напр. нервной системы, предполагаетъ дѣйствіе раздраженій внѣшнихъ или внутреннихъ и безъ раздраженій существовать не можетъ. Послѣ раздраженія функція прекращается и смѣняется или состояніемъ покоя или другой подобной однородной функціей. Само собой разумѣется, что функція можетъ вліять на органъ, не смотря на свое кратковременное существованіе, можетъ дѣйствовать на его строеніе, силу и такимъ образомъ предрасполагать его къ той или другой дѣятельности, ослаблять или усиливать извѣстную дѣятельность.

Органъ душевной жизни есть нервная система; душевныя явленія суть реакціи на дѣятельности нервной системы, существующія только до тѣхъ поръ, пока существуютъ эти послѣднія; прекратилась дѣятельность нервной системы, кончилась и душевная дѣятельность. Мы можемъ сказать по-

---

[1]) Основанія психологіи, т. III, стр. 190 и сл.

этому, что душевныя явленія суть психическія функціи. Возможно ли теперь предположить, чтобы эти функціи или реакціи были врождены? Для этого нужно, чтобы уже существовала нервная система и чтобы она подвергалась какимъ либо раздраженіямъ, внутреннимъ или внѣшнимъ. У ребенка, при рожденіи, организація нервной системы еще не закончена, да и возбужденія, дѣйствующія первоначально на нервную систему ребенка, далеко не отличаются такою сложностью, чтобы дать въ результатѣ очень высокія и общія психическія реакціи, какими обыкновенно признаются врожденныя идеи и апріорныя формы. Признаніе врожденными общихъ принциповъ, по необходимой связи общаго съ частнымъ, неизбѣжно влечетъ за собою признаніе врожденными и всѣхъ частныхъ функцій, что невозможно. Притомъ врожденныя идеи или апріорныя формы, по самому своему существу, суть твердыя, постоянныя явленія, наши руководители и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи; реакціи же и функціи напротивъ, по самому своему существу, суть явленія временныя, болѣе или менѣе скоро проходящія, только состоянія и дѣятельности органа. Признать подобныя состоянія врожденными или апріорными значитъ впасть въ противорѣчіе, одному и тому же явленію приписать противорѣчащіе предикаты. Поэтому собственно невозможно себѣ и представить, какъ это психическая реакція (врожденная идея) непрерывно существуетъ, а соотвѣтствующей дѣятельности нервной системы нѣтъ; выходитъ, что одна половина неразрывнаго явленія существуетъ безъ другой половины, противодѣйствіе существуетъ безъ дѣйствія.

Наслѣдуются нами и врождены намъ не опредѣленные принципы или идеи, но видоизмѣненія въ строеніи органа душевной жизни—нервной системы, предрасполагающія насъ къ извѣстнымъ психологическимъ реакціямъ, обусловливающія быстрое и раннее появленіе опредѣленныхъ психическихъ функцій. Функція можетъ дѣйствовать на самый органъ, ослаблять и усиливать его, вызывать измѣненія въ его строеніи. А такъ какъ психическая дѣятельность неразрывно связана съ дѣятельностію нервной системы, то измѣненія въ органѣ душевной жизни, наслѣдуясь, влекутъ нѣкоторыя врожденныя психическія способности и предрасположенія. Но

понятно, что эти врожденныя способности и предрасположенія обнаружатся только тогда, когда на нервную систему будутъ дѣйствовать раздраженія, влекущія за собою психическія реакціи. До этихъ раздраженій врожденныя предрасположенія суть только способности или возможности извѣстныхъ психическихъ реакцій и больше ничего; если бы раздраженія никогда не подѣйствовали на нервную систему и не вызвали психическихъ реакцій, то врожденныя предрасположенія на вѣки такъ и остались-бы одною простою возможностью, не перешедшею въ дѣйствительность. И какъ скоро раздраженія начали дѣйствовать на нервную систему и повлекли въ слѣдъ за собою психическія реакціи, это не значитъ, что мгновенно явится все, къ чему мы отъ природы предрасположены. Это значитъ, что наша психическая дѣятельность гораздо легче приметъ одно направленіе, чѣмъ другое, создастъ быстрѣе извѣстные продукты, чѣмъ другіе. Развитіе, процессъ, время нужны и для обнаруженія врожденныхъ задатковъ и способностей. Не соотвѣтствіе окружающей среды, противодѣйствующей, а не способствующей раскрытію прирожденныхъ способностей, можетъ въ значительной степени парализовать ихъ, задержать ихъ появленіе, ослабить ихъ силу.

Итакъ намъ нѣчто врождено; это врожденное есть результатъ опыта; оно касается органа душевной жизни—нервной системы и можетъ быть названо способностью, предрасположеніемъ.

Какъ же теперь ближе опредѣлить и разъяснить врожденныя способности и предрасположенія? Для этого намъ нужно предварительно изслѣдовать ученіе о такъ называемыхъ силахъ или способностяхъ души.

Глава II.

История и критика ученія о способностяхъ души.

---

§ 15. Начало ученія о способностяхъ души, подобно ученію о врожденныхъ идеяхъ, было положено Платономъ и имѣло общегреческій и личный, платоновскій, оттѣнокъ. Въ душѣ Платонъ различалъ и даже противопоставлялъ двѣ силы: разумность, чѣмъ душа разумѣетъ, и неразумную пожелательность, чѣмъ душа любитъ, алчетъ, жаждетъ и влечется къ другимъ подобнымъ вещамъ. Сила пожеланія распадается на двѣ частныя силы: собственно пожеланіе и гнѣвливость. Гнѣвъ и негодованіе часто находятся во враждѣ къ нашимъ пожеланіямъ и страстямъ, возстаютъ противъ нихъ подъ управленіемъ разума, чтобы они не стѣсняли его разумной природы. Гнѣвъ начало отличное и отъ пожеланій и отъ разума. Отличіе гнѣва отъ пожеланій Платонъ объясняетъ такимъ фактомъ: «Леонтій, сынъ Аглайона, возвращаясь изъ Пирея по дорогѣ за сѣверной стѣною, замѣтилъ лежавшіе на лобной площади (мѣсто публичной казни преступниковъ) трупы и, то желая видѣть ихъ, то опять чувствуя омерзѣніе и отворачиваясь, сколько ни боролся съ собою и ни закрывался, наконецъ, побѣждаемый желаніемъ, раскрылъ глаза и, подбѣжавъ къ трупамъ, сказалъ: вотъ вамъ, злые духи, насытьтесь этимъ прекраснымъ зрѣлищемъ». [1]) Гнѣвъ отличенъ и отъ разума: дѣти гнѣваются въ то время, когда разумъ у нихъ еще не обнаружился. Тоже можно замѣтить и на животныхъ. [2])

Эти три силы души почти вполнѣ самостоятельны, это три части души, обитающія даже въ различныхъ частяхъ тѣла.

---

[1]) Политика. Книга 4.

[2]) Ibidem.

Разумъ помѣщается въ головѣ, поэтому голова, какъ вмѣстилище разума, кругла. Круглая форма самая совершенная форма. Голова помѣщена на верху тѣла, чтобы управлять всѣмъ организмомъ. Гнѣвъ живетъ въ груди, подъ головой, чтобы разумъ могъ легче управлять гнѣвливостью. Вмѣстилище гнѣва отдѣлено отъ головы шеей, чтобы гнѣвъ не сливался съ разумностью. Пожеланія помѣщаются въ животѣ и отдѣляются отъ благородныхъ страстей грудобрюшной преградой. Чтобы подчинить ихъ разуму и благороднымъ страстямъ, природа заключила въ эту полость печень, гладкій и блестящій органъ, имѣющій своимъ назначеніемъ отражать на себѣ, какъ въ зеркалѣ, отпечатки мыслей. [1])

Не смотря на такую самостоятельность силъ души, онѣ должны находиться между собою въ гармоніи. Разумная сила должна имѣть попеченіе о всей душѣ, ей слѣдуетъ начальствовать, а гнѣвливости — покоряться и помогать разумности. Обѣ вмѣстѣ должны управлять способностью пожеланій, чтобы та, усилившись, не выступила за надлежащіе предѣлы и не извратила цѣлой жизни. Каждая изъ трехъ силъ должна дѣлать свое дѣло и въ чужое не мѣшаться. Гармонія всѣхъ трехъ силъ подъ главенствомъ разумности дастъ справедливость, высшую добродѣтель и отдѣльнаго человѣка и цѣлаго государства. [2])

§ 16. Взглядъ Платона послужилъ исходной точкой развитія ученія о способностяхъ души. Мало по малу всѣ своеобразныя особенности этого взгляда были оставлены, но самая суть его — множество способностей и ихъ значительная раздѣльность — была удержана. Особенно широкое развитіе ученія о способностяхъ души мы находимъ въ психологическихъ трудахъ школъ Вольфа и Канта.

Способностями или силами души назывались производители душевныхъ явленій. На вопросъ: откуда возникаютъ разнообразныя группы душевныхъ явленій? обыкновенно отвѣчали: въ душѣ есть различныя по качеству способности, отъ дѣятельности которыхъ и возникаютъ различныя душевныя явленія. Эти

---

[1]) Тимей.

[2]) Политика. Книга 4.

способности—производители составляли свойства самой души, такъ что душа дѣйствовала не прямо сама по себѣ, а чрезъ присущія ей способности и силы. Способности нерѣдко представлялись въ значительной степени самостоятельными, такъ что душа почти совсѣмъ скрывалась за ними; онѣ дѣйствовали или отдѣльно, независимо другъ отъ друга или же совмѣстно другъ съ другомъ. Ихъ число указывалось разное, классификація ихъ также была очень различна. Задача психолога и состояла въ томъ, чтобы указать всѣ способности, главныя и второстепенныя, опредѣлить взаимныя между ними и росписать между ними всѣ психическія явленія. «Каждая внутренняя дѣятельность, говорилъ послѣдователь Канта Фрисъ, принадлежитъ какой либо способности нашего духа. Между этими способностями есть много такихъ, которыя можно выводить изъ другихъ способностей. Эти послѣднія по отношенію къ первымъ суть ихъ основныя способности (Grundvermögen). Задача психологической теоріи состоитъ въ томъ, чтобы показать, изъ какихъ основныхъ способностей состоитъ организація нашего духа и какъ другія способности возникаютъ изъ нихъ». [1])

Въ вольфіанской психологіи было принято дѣленіе способностей на познавательныя и желательныя, причемъ каждая группа подраздѣлялась на способности высшія и нисшія; въ школѣ Канта способности дѣлились на умъ, чувство и волю, причемъ каждая способность снова подраздѣлялась. Гербартъ, подвергая критикѣ теорію способностей души, замѣчаетъ, что способности обыкновенно дѣлятся: 1) на высшія и нисшія и 2) представляющую, чувствующую и желающую способности. Эти два дѣленія сочетаются между собою и тогда получается слѣдующія классификація способностей: а) чувственность и разумъ; б) чувственное представленіе, чувственное желаніе, чувственное чувствованіе; в) разумъ теоретическій и разумъ практическій; г) въ способности представленій — воображеніе, память, разумъ, разсудокъ, способность сужденія; д) въ способности чувствованій—чувственныя чувствованія удовольствія и неудовольствія, эстетическія, моральныя,

---

[1]) Jacob Friedrich Fries, Handbuch der psychischen Anthropologie, Jena. 1820. 1, 19.

аффекты; е) въ способности желательной — чувственныя желанія и стремленія, разсудочное и разумное желаніе, страсти. Не смотря на эту сложную и дробную классификацію, при ближайшемъ изслѣдованіи открываются факты, которые входятъ или въ нѣсколько указанныхъ отдѣловъ или не входятъ ни въ одинъ изъ нихъ. Между чувственностью и разумомъ связь полагалась такая малая, что разумъ былъ не столько высшее начало, сколько совсѣмъ другое, чѣмъ чувственность. Получались два особыя начала. [1])

Такая схоластическая теорія способностей, считавшихся цѣлыми десятками, естественно должна была оттолкнуть отъ себя многихъ психологовъ и вызвать попытки — построить психологическую систему совсѣмъ безъ помощи теоріи способностей. Такія попытки дѣлались и психологами — реалистами и психологами—идеалистами. Но такъ какъ, не смотря на подобныя построенія, теорія способностей продолжала существовать, будучи неопровергнутой, то нѣкоторые психологи обратили спеціальное вниманіе на критику теоріи способностей и, послѣ критики, рѣшительно отбросили её. Такое суровое отношеніе къ старому достопочтенному ученію вызвало реакцію; нѣкоторые психологи считали необходимымъ удержать ученіе о способностяхъ, разумѣется, предварительно произведя въ немъ болѣе или менѣе капитальныя перемѣны. Такимъ образомъ мы разсмотримъ слѣдующіе поворотные пункты въ исторіи ученія о способностяхъ души: а) построеніе психологической системы съ молчаливымъ устраненіемъ теоріи способностей, какъ явно абсурдной, реалистическое—представитель Кондильякъ и идеалистическое — представитель Гегель; б) подробную критику теоріи способностей души Гербартомъ и Бенеке; в) возстановленіе и исправленіе ученія о способностяхъ души въ настоящее время Мейеромъ, Лотце, Гарнье и др.

§ 17. Кондильякъ — послѣдователь Локка, но онъ пошелъ дальше Локка. У Локка нѣтъ запутанной механики способностей, онъ обстоятельно изслѣдуетъ процессъ возникновенія, сочетанія и развитія идей; но душевныя способности у него

---

[1]) Sämmtliche Werke, V, 40, 41, 44.

упоминаются. Главныя способности—это умъ и воля, но кромѣ нихъ онъ упоминаетъ еще и о другихъ способностяхъ, причемъ заботится, чтобы онѣ не были приняты за какія либо реальныя существа въ душѣ, чтобы ихъ не считали отдѣльными агентами въ насъ. [1]) Источниковъ идей Локкъ, какъ извѣстно, признаетъ два: ощущеніе и рефлексію. Кондильякъ совершенно устраняетъ и всѣ способности и рефлексію Локка. По его мнѣнію, есть только одинъ источникъ идей—это ощущеніе. Врожденныя идеи, врожденныя способности, какія то рефлексіи—все это вещь не нужная, лишняя для психолога, психологъ можетъ объяснить всѣ душевныя явленія, исходя изъ одного начала—ощущенія. Всѣ душевныя явленія суть ничто иное, какъ видоизмѣнившіяся, преобразованныя ощущенія.

Чтобы нагляднѣе представить развитіе всей душевной жизни изъ ощущеній, Кондильякъ проситъ читателя вообразить статую, внутри организованную какъ и человѣкъ, одушевленную духомъ, лишеннымъ всякаго рода идей. Мраморная внѣшность не позволяетъ статуѣ пользоваться ни однимъ изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Кондильякъ одинъ за однимъ открываетъ органы статуи и наблюдаетъ, что возникаетъ, какіе процессы начинаютъ совершаться въ душѣ статуи подъ вліяніемъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на открытый органъ. Прежде всего у статуи открывается органъ обонянія, считающійся наименѣе способствующимъ познаніямъ духа человѣческаго, потомъ слухъ, вкусъ, зрѣніе и осязаніе. Изъ обонятельныхъ ощущеній Кондильякъ выводитъ слѣдующія психологическія дѣятельности: [2]) при первомъ обоняніи способность ощущеній нашей статуи принадлежитъ всецѣло впечатлѣнію, которое дѣйствуетъ на ея органъ. Это есть вниманіе. Если способность ощущенія направлена на пріятный запахъ, то получается наслажденіе, если на непріятный, то страданіе. Запахъ, ощущаемый статуей, не исчезаетъ у ней совершенно, какъ скоро пахнувшій

---

[1]) Essays, p. 363—364, 380, 253, 364, 262 и др.

[2]) Condillac, Traité des sensations. 1754. Томъ первый, предисловіе. p. 5—9; chapitres II, III, IV и VI.

предметъ перестаетъ дѣйствовать на ея органъ. Вниманіе, которое было дано ощущенію, еще удерживаетъ его, отъ него остается болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, смотря по тому, само вниманіе было ли болѣе или менѣе живо. Это есть память. Способность ощущенія дѣлится такимъ образомъ на память и способность обонятельную собственно, первая направлена на бывшее ощущеніе и есть вниманіе къ этому бывшему ощущенію, вторая же направлена на настоящее ощущеніе и есть вниманіе къ нему. Въ отношеніи къ прошлымъ ощущеніямъ статуя активна, потому что въ ней самой лежитъ причина, которая вызываетъ прошлое состояніе, т. е. память. Въ отношеніи къ настоящимъ ощущеніямъ статуя пассивна, потому что причина, дѣйствующая на ея органъ и вызывающая ощущеніе, лежитъ внѣ ея. Послѣ того какъ нѣсколько разъ статуя обоняла розу и гвоздику и затѣмъ опять обоняетъ розу, то пассивное вниманіе, посредствуемое способностью обонянія, отдается сейчасъ обоняемому запаху розы, а активное, посредствуемое памятью, отдается воспоминанію объ оставшемся впечатлѣніи отъ розы и гвоздика. Какъ же скоро вниманіе направляется на два одновременныя состоянія, раздѣляется между ними, то возникаетъ сравненіе этихъ двухъ состояній. А гдѣ сравненіе, тамъ и сужденіе. Статуя не можетъ быть одновременно внимательной къ запаху розы и гвоздики, не замѣчая, что одинъ запахъ не тоже, что другой; не можетъ также не замѣтить, что запахъ розы, который она обоняла и который обоняетъ теперь, одинаковы. Сужденіе есть воспріятіе отношенія между двумя представленіями, которыя сравниваются. По мѣрѣ повторенія сравненій и сужденій, наша статуя дѣлаетъ ихъ все съ большею легкостью. Замѣчая, что ея ощущенія прекращаются и потомъ опять начинаются, статуя испытываетъ желанія. Состоянія желанія возникаютъ изъ состоянія страданія, которое статуя сравниваетъ съ состояніемъ удовольствія, воспроизводимымъ памятью. Господствующее желаніе, недопускающее возникновенія другихъ или, по крайней мѣрѣ, преобладающее надъ ними, есть страсть. Она обыкновенно, направляется на какой либо пріятный предметъ и лишеніе это пріятнаго предмета вызываетъ чувствованія недовольства, безпокойства и муки. Какъ скоро есть наслажденіе и страданіе,

есть любовь и ненависть. Любовь однозначаща съ наслажденіемъ и желаніемъ, ненависть со страданіемъ и отвращеніемъ. Статуя любитъ пріятный запахъ, которымъ она наслаждается или котораго желаетъ, и не навидитъ дурной запахъ, отъ котораго страдаетъ. Въ дѣятельности памяти можно различать двѣ степени: слабое припоминаніе, когда бывшее пріятное состояніе, при воспоминаніи, едва доставляетъ удовольствіе, и живое, когда припоминаніе удовольствія бываетъ такъ же пріятно, какъ будто бы оно въ дѣйствительности испытывалось сейчасъ. Первое припоминаніе есть собственно память, второе—воображеніе. Разница между ними степенная, разница болѣе и менѣе. Память есть начало воображенія, которое имѣетъ еще мало силы; воображеніе есть сама память, какъ скоро она пріобрѣла всю живость, къ какой только способна.

Изъ указанныхъ основныхъ психическихъ процессовъ развиваются другіе, болѣе частные, напр. процессъ абстракцій. Испытывая пріятныя и непріятныя состоянія, статуя естественно классифируетъ ихъ въ два ряда: удовольствій и страданій. Присматриваясь ближе къ своимъ удовольствіямъ и неудовольствіямъ, статуя замѣчаетъ, что они общи многимъ ея состояніямъ. Она научается отдѣлять эти волненія отъ извѣстнаго опредѣленнаго состоянія, отъ котораго они вначалѣ были неотдѣлимы. Это и есть абстракція, потому что абстрагировать значитъ отдѣлять одно представленіе отъ другаго, съ которымъ оно по своей природѣ кажется соединено. Такимъ образомъ статуя образуетъ абстрактныя понятія и эти понятія дѣлаются общими, потому что они общи многимъ образамъ ея существованія. Замѣчая свои мѣняющіяся состоянія, статуя получаетъ понятіе о числѣ: испытывая одно какое либо состояніе, статуя припоминаетъ другое, третье и такимъ образомъ создаетъ первоначальныя числовыя представленія. Безконечное, точнѣе неопредѣленное, есть большое, неопредѣленное число фактовъ, слитно воспроизводимыхъ нашею памятью. Имѣя смѣну такихъ состояній: запахъ нарциса, розы и фіалки, статуя получитъ понятіе о настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ. Именно какъ скоро, вслѣдствіе многократнаго повторенія, образовалась довольно твердая ассоціація упомянутыхъ трехъ состояній, то ощущеніе розы—настоящее—вызываетъ въ памяти два противо-

положные члена ассоціаціи: нарциса—прошлое и фіалки—будущее. Такъ какъ статуя владѣетъ памятью, то она никогда не испытываетъ запаха, не припоминая, что она была другимъ запахомъ, т. е. ощущала другой запахъ. Это и есть ея личность, ея я. Ибо если она можетъ сказать я, то она скажетъ въ каждое мгновеніе своего продолженія и каждый разъ ея я будетъ обнимать всѣ моменты, воспоминаніе которыхъ она сохраняетъ.

Вмѣсто органа обонянія у статуи можно было бы сначала открыть любой другой органъ и это нисколько не измѣнило бы существа дѣла. «Почти все то, что я сказалъ о способностяхъ души, трактуя объ обоняніи, я могъ бы сказать, начавъ всякимъ другимъ чувствомъ». [1]) «Мы должны заключить, что, при одномъ чувствѣ, разумъ владѣетъ столькими же способностями, сколькими и при соединенныхъ пяти». [2]) Общій выводъ изъ анализовъ, касающихся обонянія, такой: «если мы подумаемъ, что припоминать, сравнивать, судить, различать, воображать, удивляться имѣть отвлеченныя идеи, идеи числа и продолженія, знать истины общія и частныя, суть только различные способы быть внимательнымъ; что имѣть страсти, любить, ненавидѣть, надѣяться, бояться суть только различные способы желать, и что быть внимательнымъ и желать, по своему происхожденію, значитъ только чувствовать, мы заключимъ, что ощущеніе содержитъ всѣ способности души (la sensation enveloppe toutes les facultès de l'ame). Наконецъ, если мы подумаемъ, что не существуетъ ощущеній абсолютно индиферентныхъ, мы заключимъ еще, что различныя степени удовольствія и страданія суть законъ, слѣдуя которому, развился зародышъ всего того, что мы суть, чтобы произвести всѣ наши способности. [3]) «Сужденіе, рефлексія, желанія, страсти и т. д. суть только ощущеніе, которое различно преобразуется (sensation même qui se transforme differemment). Вотъ почему намъ казалось безполезнымъ предполагать, что душа

---

[1]) Ibidem, 1, p. 130—131.
[2]) Ibidem, 126—129.
[3]) Ibidem, p. 126—129.

непосредственно по природѣ владѣетъ всѣми способностями, которыми она одарена». [1])

§ 18. Гегель по самой сущности своего философскаго міровоззрѣнія есть психологъ—эволюціонистъ. Все существующее ему представлялось развитіемъ абсолютной идеи; естественно поэтому, что и на душу онъ смотрѣлъ какъ на непрерывный процессъ развитія, на постоянный переходъ изъ нисшей формы существованія въ высшую. Всякія твердыя неизмѣнныя формы, приписываемыя человѣку съ перваго момента его бытія, казались ему противорѣчащими самой сущности духа. Ученіе о способностяхъ души, по его мнѣнію, превращаетъ духъ въ закостенѣлое механическое собраніе, въ аггрегатъ, равно какъ и всякое изолированіе психическихъ дѣятельностей. Въ этомъ заключается «неразумность» (das Vernunftlose) ученія о способностяхъ души. [2]) Задача психолога состоитъ въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ духъ возникаетъ изъ природы, какъ онъ освобождается отъ нея и достигаетъ свободы, составляющей сущность его. Конечно, сразу, однимъ скачкомъ духъ не могъ возвыситься до послѣднихъ сложнѣйшихъ формъ своей дѣятельности, все дѣло совершается постепенно, помощію нѣсколькихъ ступеней развитія, такъ что и наука о духѣ (субъективный духъ) распадается, согласно тремъ главнымъ моментамъ развитія духа, на три отдѣла: а) антропологію—естественная душа, чувствующая душа, дѣйствительная душа; б) фономенологію духа—сознаніе, самосознаніе, разумъ; в) собственно психологію—теоретическій духъ, практическій духъ, свободный духъ. «Три главныя формы субъективнаго духа: 1) душа, 2) сознаніе и 3) духъ какъ таковой. Какъ душа, духъ имѣетъ форму абстрактной всеобщности, какъ сознаніе—форму обособленія (der Besonderung), какъ для себя существующій духъ—форму отдѣльности (der Einzelheit). Такимъ образомъ въ его развитіи изображается развитіе понятія». [3])

---

[1]) Ibidem, p. 5—9.

[2]) Hegel, Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Dritter Theil—Philosophie des Geistes (Berlin, 1845 г. изд. Bouman). s. 302—303.

[3]) Encyclopädie, 3, 42.

Возникая изъ природы, духъ существуетъ прежде всего какъ душа въ тѣлѣ, въ полной зависимости отъ внѣшней природы. На этой ступени развитія, составляющей предметъ антропологіи, духъ живетъ планетарною жизнію, подвергается различію климатовъ, смѣнѣ временъ года, дня, обнаруживается въ различіи расъ, народностей индивидуумовъ, подчиняется вліянію темпераментовъ, возрастовъ, половъ, смѣны сна и бодрствованія и т. д. Всѣ эти явленія понимаются какъ моменты образованія души, которая постепенно освобождается отъ этихъ естественныхъ ограниченій и достигаетъ сознанія. На слѣдующей ступени развитія, составляющей предметъ феноменологіи, духъ, являясь сознающимъ, отдѣляется отъ природы, становится самостоятельнымъ. Въ отдѣльномъ обширномъ сочиненіи (Phänomenologie des Geistes). Гегель подробно изслѣдуетъ эту вторую ступень развитія субъективнаго духа и даетъ исторію самосознанія человѣка. Дѣло начинается простымъ непосредственнымъ сознаніемъ, проходящимъ три ступени въ своемъ развитіи: чувственной увѣренности въ существованіи вещей, воспріятія свойствъ вещей и разсудочнаго сознанія сущности и законовъ явленій. Изъ сознанія возникаютъ самосознаніе. Въ сознаніи заключены противорѣчіе и ограниченіе, изъ устраненія и восполненія которыхъ и возникаетъ самосознаніе. «Сознаніе другаго, предмета вообще есть уже необходимо самосознаніе, отраженіе въ себѣ, сознаніе себя самаго въ своемъ инобытіи». [1]) Самосознаніе достигаетъ своего удовлетворенія только въ другомъ самосознаніи. Кромѣ нашего личнаго самосознанія существуютъ еще другія самосознанія, которыя всѣ соединяются въ одномъ общемъ сознаніи разума. Сущность самосознанія есть разумъ и разумъ есть единство сознанія и самосознанія. Разумъ есть духъ, между тѣмъ какъ онъ образуетъ содержаніе своего сознанія своею собственною дѣятельностію, какъ теоретическій, практическій и свободный духъ. Развитіе теоретическаго духа проходитъ три ступени: а) форму воззрѣнія или знанія, направленнаго на непосредственный отдѣльный предметъ; б) форму представленія или

---

[1]) Phänomenologie des Geistes, 1841. Berlin. s. 125.

знанія, направленнаго на матерію припоминаемую или отраженную въ себѣ; в) форму мышленія или знанія, направленнаго на конкретно-всеобщее предметовъ. Каждая изъ этихъ формъ имѣетъ свои частные виды: а) ощущеніе, вниманіе, собственно воззрѣніе; б) воспоминаніе, воображеніе, память; в) разсудокъ, сужденіе и разумъ. [1]) Практическій духъ также проходитъ три ступени въ своемъ развитіи: 1) чувство удовольствія и неудовольствія; 2) стремленія, страсти и произволъ; 3) свободное удовлетвореніе стремленій и потребностей. Высшая же ступень развитія духа есть свобода. Свободный духъ есть единство теоретическаго и практическаго духа. Воля свободна, когда предметъ воли она сама; духъ свободенъ, когда предметъ его онъ самъ.

§ 19. Хотя изложенными системами и устраняются изъ области психологіи душевныя способности, оставляются, такъ сказать, за штатомъ, какъ отслужившія свою службу и въ настоящее время не нужныя; тѣмъ не менѣе во многихъ умахъ могло еще оставаться сомнѣніе: а не нужно ли эти отставленныя способности снова призвать къ дѣламъ, т. е. къ объясненію психическихъ явленій? Гербартъ и Бенеке разрѣшаютъ это сомнѣніе отрицательно, стараясь обнаружить всю непригодность, все безсиліе теоріи способностей при объясненіи душевныхъ явленій. Главнѣйшія возраженія Гербарта противъ этой теоріи слѣдующія.

Въ психологіи нельзя отдѣлять матерію отъ силы или формы. Психологическая матерія не есть самостоятельная масса, которая могла бы существовать прежде художника, безъ него и внѣ его, которая могла бы ждать его, можетъ быть такъ, какъ глина ждетъ горшечника. Сила и матерія здѣсь одно, сила безъ матеріи ничто. Поэтому всѣ душевныя способности, которыя предполагаются въ душѣ положенными напередъ (pradisponirt sein sollen), чтобы ожидать матеріи, отпадаютъ прочь. Мы не имѣемъ никакой чувственности (хотя и имѣемъ тѣлесные чувственные органы) прежде чувственныхъ ощущеній; никакой памяти прежде запаса, которой она сохраняетъ; ника-

---

[1]) Encyclopädie, 3, 307—308.

кого разсудка прежде понятій, никакой способности чувствованій и желаній прежде дѣйствительныхъ чувствованій и желаній. Что есть въ насъ, что дѣйствуетъ какъ сила, это суть самыя представленія. И ни одинъ человѣкъ не имѣетъ болѣе духовныхъ силъ, чѣмъ онъ имѣетъ представленій. [1])

Душевныя способности суть только абстракціи отъ измѣнчивыхъ психическихъ фактовъ, создаются онѣ затѣмъ, чтобы склассифицировать душевныя явленія и поэтому онѣ имѣютъ значеніе только классификаціонное, онѣ суть высшія родовыя понятія. «Я не могу согласиться со всѣми тѣми, которые думаютъ объяснить внутренніе факты, классифицируя ихъ и для каждаго класса фактовъ предполагая отдѣльную, ему соотвѣтствующую, возможность и эти возможности превращая въ равное количество способностей; причемъ для предварительнаго обозрѣнія феноменовъ годныя логическія раздѣленія, вопреки всякому праву, выдаются за познанія реальнаго множества и различія. Вслѣдствіе этого вмѣсто настоящей системы необходимо связанныхъ между собою психологическихъ законовъ получается простой аггрегатъ душевныхъ способностей безъ всякаго отвѣта на вопросъ: почему же однако именно такія и въ такомъ числѣ существуютъ въ насъ способности и почему онѣ могутъ быть поняты въ этомъ и ни въ какомъ иномъ взаимоотношеніи»? [2]) Представленіе, чувствованіе и желаніе суть высшія родовыя понятія въ психологіи, имъ подчиняется все разнообразіе душевной жизни. «Если къ такимъ, не научно возникшимъ, понятіямъ о томъ, что въ насъ происходитъ, присоединяется предположеніе о силахъ, которыя мы имѣемъ, то психологія превращается въ миѳологію». [3])

Способность есть собственно только возможность, а объяснять дѣйствительность предположеніемъ возможности этой дѣйствительности мало полезно. «Способность относится къ силѣ, какъ возможность къ дѣйствительности. Если бы и на самомъ дѣлѣ мы имѣли только способности и нашъ духъ

---

[1]) Sämmtliche Werke, VII, 612.
[2]) Band V, 199.
[3]) Ibidem, s. 8.

былъ бы ничто иное, какъ сумма такихъ способностей, то наше я было бы только возможностью, а не дѣйствительностію». [1])

Теорія душевныхъ способностей даетъ вообще ложное понятіе о нашемъ я и ставитъ психологію на ложный путь, Между душевными способностями часто происходитъ борьба: разсудокъ борется съ чувствами и воображеніемъ, эстетическое наслажденіе съ чувственнымъ наслажденіемъ, сильная память можетъ существовать при слабомъ разсудкѣ и наоборотъ и т. д. «Наше я есть арена всѣхъ этихъ споровъ! Даже оно само есть совокупность всѣхъ этихъ спорящихъ партій!» [2])—Въ психологіяхъ постоянно обращается вниманіе на абстракты, на всеобщее (способности) и не обращается вниманія на частное, въ чемъ заключается суть дѣла для эмпирической психологіи. Несомнѣнно у насъ есть, напримѣръ, память, но она неразрывна съ тысячей различныхъ фактовъ, памяти мѣстъ, чиселъ, понятій, желаній и т. д. А на эти частныя памяти въ психологіяхъ и не обращается вниманія, между тѣмъ въ нихъ то и заключена сущность дѣла и безъ нихъ память, какъ особая душевная способность, пустое слово. Тоже самое нужно сказать и о всѣхъ другихъ душевныхъ способностяхъ. «Повсюду высшія родовыя понятія выставляются съ величайшею смѣлостію; только повсюду недостаетъ вниманія къ спеціальному, точнаго описанія отдѣльнаго и однако къ этому и сводится все въ эмпирической наукѣ». [3]). «Между душевными способностями полагается слишкомъ много различія и раздѣльности, слишкомъ мало связи, между душевными способностями лежитъ какъ будто темная, непреодолимая пропасть и душевныя способности, какъ бы острова, выступаютъ изъ неизслѣдимаго и не переходимаго моря». [4]) Но раздѣлять способности въ душѣ не значитъ ли тоже, что раздѣлять стороны и углы въ треугольникѣ? [5])

---

[1]) V, 217.
[2]) Ibidem, 214, 215.
[3]) Ibidem, s. 216.
[4]) Ibidem, s. 213.
[5]) VII, 610.

Нужно замѣтить, что полемика Гербарта противъ ученія о способностяхъ души имѣетъ метафизическую подкладку. По его мнѣнію, душа есть существо совершенно простое, не только безъ частей, но и безъ какого либо множества въ качествѣ. Поэтому качественно различныхъ способностей у ней быть не можетъ, «душа совсѣмъ не имѣетъ никакихъ расположеній и способностей, ни воспринимать что либо, ни производить что либо». [1]) Всѣ формы душевной жизни возникаютъ изъ стремленія души къ самосохраненію. Акты самосохраненія души суть представленія, слѣдовательно качественно одинаковы. Что же касается сердечной способности и воли, то онѣ несоставляютъ чего либо отличнаго по существу отъ представленій, но суть только ихъ видоизмѣненія. «Чувствованіе и желаніе суть состоянія представленій и по большей части измѣнчивыя состоянія послѣднихъ». [2]) Такимъ путемъ Гербартъ достигаетъ сохраненія качественнаго единства нашей душевной жизни.

§ 20. Что касается Бенеке, то его отношеніе къ ученію о способностяхъ души таково: онъ вооружается противъ теоріи способностей въ томъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно излагается, но не имѣетъ ничего противъ самой сущности этой теоріи и приложенія правильнаго понятія способности къ объясненію душевныхъ явленій. Главное его возраженіе противъ обычной теоріи способностей заключается въ томъ, что обыкновенныя способности очень сложны, а признавая ихъ врожденными, мы считаемъ ихъ основными и въ тоже время простыми. Спекулятивная же современная философія еще болѣе увеличила эту ошибку, ставя въ основу всего «я», «духъ», «разумъ» и превращая такимъ образомъ неопредѣленные туманные образы изъ послѣднихъ продуктовъ въ первые. Психологія, державшаяся ученія о способностяхъ души въ такомъ видѣ, отличалась «дѣтскимъ характеромъ» (Kindheitscharakter). Другія его возраженія противъ ученія о способностяхъ души тѣже, что и возраженія Гербарта: въ душѣ всѣ формы ея жизни возникаютъ вслѣдствіе длиннаго ряда развитія, ей совсѣмъ не прирождены

---

[1]) V, 109.
[2]) Ibidem, 29.

способности пониманія, желанія и т. д., даже въ видѣ дремлющихъ способностей или силъ. Силы возникаютъ изъ актовъ, изъ явленій, а не явленія изъ силъ или способностей; первоначально образуются понятія, а потомъ уже силы понятій или способность разсудка; сперва желанія, а потомъ уже способность желаній, воля и т. д. Психологія принимала обыкновенно одинъ разсудокъ, одну память, на самомъ-же дѣлѣ существуютъ безчисленныя силы разсудка, желанія, существуютъ тысячи и сотни тысячъ способностей и т. д. [1])

Но вооружаясь противъ обычной теоріи способностей души, признавая ее вполнѣ несостоятельной, Бенеке тѣмъ не менѣе предположеніе способностей не отвергаетъ. «Принятіе способностей есть вообще неизбѣжная гипотеза»; [2]) мнѣніе Гербарта, что въ душѣ совсѣмъ нѣтъ никакихъ способностей, онъ называетъ нѣсколько страннымъ взглядомъ (etwas auffallende Ansicht); [3]) Бенеке защищаетъ необходимость гипотезы способностей съ различныхъ точекъ зрѣнія, разбираетъ нѣкоторыя возраженія Гербарта и т. д. [4]) Все дѣло въ томъ, что способности, по его мнѣнію, неправильно понимаются: обыкновенно принимаемыя способности сложны, а истинныя способности просты; обыкновенныя способности имѣютъ качественную опредѣленность (способности умственная, сердечная и воля), а истинныя способности качественно неопредѣленны. Такія истинныя способности Бенеке называетъ первосилами. Изъ сочетанія первосилъ съ впечатлѣніями и возникаютъ всѣ формы душевной жизни, причемъ различное качество формъ душевной жизни обусловливается различнымъ количествомъ сочетающихся между собою первосилъ и впечатлѣній. «Истинныя первосилы души еще ничего не содержатъ изъ такого обособленія (познанія, чувствованія, желанія), онѣ еще вообще индиферентны къ указанному различію. Каждая первосила одинаково можетъ выработаться и въ представленіе и въ чувствованіе и въ желаніе и въ хотѣніе. Сдѣлается ли она этимъ или тѣмъ—зависитъ прежде всего отъ отношеній процесса образованія». [5])

---

[1]) Beneke. Pragmatische Psychologie. Berlin, 1850. Band 1, s. 40—46.

[2]) Psychologische Skizzen, (Gottingen, 1827). Band ll, s. 12.

[3]) Ibidem 11, 5.

[4]) Ibidem, 11, s. 12, 13; 1, 264, 265.

[5] neke, Pragmatische Psychologie. 1, 47,

*

Удары, обрушившіеся на теорію способностей души съ самыхъ различныхъ сторонъ, въ значительной степени поколебали эту теорію. Въ Германіи у ней было много сильныхъ противниковъ; во Франціи Кондильякъ и психологи реальнаго направленія; въ Англіи теорія способностей издавна имѣла гораздо меньше значенія, чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ тамъ, еще со временъ Локка, усилія психологовъ сосредоточивались на фактическихъ анализахъ душевныхъ явленій. Въ классическомъ психологическомъ трудѣ Джемса Милля (Analysis of the Phenomena of the human Mind), занимающемъ весьма почетное мѣсто въ англійской психологической литературѣ и имѣвшемъ вліяніе на характеръ и направленіе позднѣйшихъ психологическихъ трудовъ, о способностяхъ совсѣмъ не упоминается. Авторъ ставитъ своей основной задачей свести всѣ душевныя явленія, даже самыя сложныя, на ассоціаціи и именно по смежности. Въ настоящее же время мы присутствуемъ при попыткахъ реставрировать и укрѣпить это падающее ученіе, попыткахъ также различныхъ, принадлежащихъ нѣмецкимъ и французскимъ изслѣдователямъ. Труды ихъ направляются иногда къ простому возстановленію прежняго ученія о способностяхъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій и околичностей. Таковъ, напр. Буллье, о которомъ мы поэтому и не будемъ говорить. [1]) Иногда же труды реставраторовъ ученія о способностяхъ имѣютъ въ виду болѣе или менѣе существенную, коренную переработку этого ученія. Къ этому направленію мы относимъ взгляды Лотце и Мейера, Гарнье и Жилардена. Мы ихъ изложимъ коротко.

§ 21. И Лотце и Мейеръ въ своихъ взглядахъ на способности души имѣли въ виду возраженія противъ этой теоріи Гербарта. Поэтому первый вопросъ, который они обсуждаютъ, слѣдующій: совмѣстимо ли съ единствомъ души по существу принятіе различныхъ по качеству способностей? И рѣшаютъ утвердительно, что вполнѣ совмѣстимо. Очевидно, подобнаго рода разсужденія стараются устранить взглядъ Гербарта, что въ душѣ не только нѣтъ частей, но и различія качества.

---

[1]) Francisque Bouillier, La vrac consiience. Paris, 1882. p. 101 и вообще вся VI гл.

Эти разсужденія имѣютъ метафизическій характеръ, поэтому мы ихъ оставимъ въ сторонѣ и обратимся къ настоящимъ психологическимъ доводамъ.

Главнѣйшихъ доказательствъ за необходимость принятія способностей души у Лотце и Мейера можно найти два: невозможность перехода для души изъ одного состоянія въ другое— отъ представленія къ чувствованію, отъ чувствованія къ желанію—при отсутствіи соотвѣтствующихъ способностей или расположеній въ природѣ души (Лотце); полная фактическая раздѣльность и обособленность главнѣйшихъ классовъ душевныхъ явленій—представленій, чувствованій, желаній,—встрѣчающіяся по временамъ въ ходѣ нашей душевной жизни (Мейеръ).

Если мы имѣемъ душу, лишенную всякихъ способностей или расположеній, то тогда, по мнѣнію Лотце, мы не въ состояніи понять и объяснить перехода души изъ одного состоянія въ другое, качественно отличное. Если душа есть только представляющее существо, то тогда нѣтъ причинъ, по которымъ она оставила бы этотъ образъ существованія и перешла къ формѣ удовольствія и страданія; если бы она владѣла одною способностью чувствованія, то тогда она такъ навсегда и осталась бы при однихъ чувствованіяхъ, безъ всякихъ желаній и представленій. Она могла бы страдать и наслаждаться сколько угодно, не вызывая въ себѣ желаній, ибо отъ одного состоянія къ другому нѣтъ логическаго перехода. Если въ дѣйствительности мы замѣчаемъ, что представленія вызываютъ чувствованія, а чувствованія желанія, то это такъ бываетъ не потому, что представленія сами по себѣ, одни могутъ вызвать чувствованія, а эти послѣднія желанія, а потому, что въ душѣ, въ ея природѣ есть соотвѣтствующія способности или расположенія. Между представленіями, чувствованіями и желаніями есть пробѣлъ, отсутствіе связи и этотъ пробѣлъ можетъ быть пополненъ только предположеніемъ существованія условія, въ опытѣ не встрѣчающагося, т. е. способности. Теченіе представленій, дѣйствуя на способность чувствованій, и вызываетъ удовольствіе и неудовольствіе. Безъ этого же расположенія или способности появленіе въ душѣ качественно различныхъ состояній невозможно. Представленія суть только поводъ для души обнаружить скрывающуюся въ ней способность

чувствованій, а чувствованія способность желаній. Всѣ эти качественно различныя явленія не причины другъ друга, а только возбудители, помогающіе раскрыться природѣ души. [1])

Гербартъ утверждаетъ нераздѣльность всѣхъ главнѣйшихъ группъ психическихъ фактовъ: представленія, чувствованія, желанія; Мейеръ утверждаетъ ихъ полную раздѣльность, конечно по временамъ, и отсюда выводитъ необходимость признанія качественно различныхъ способностей души. [2])

«По моему самонаблюденію, возможно представлять безъ сопровожденія какимъ нибудь чувствомъ удовольствія или неудовольствія». [3]) Не при всѣхъ оттѣнкахъ красокъ бываетъ удовольствіе или неудовольствіе; сомнительно, чтобы, кромѣ высокихъ и низкихъ звуковъ, наше ухо питало склонность или отвращеніе къ отдѣльнымъ тонамъ; въ сферѣ осязанія, между мягкостью бархата и шероховатостью камня, есть много посредствующихъ безразличныхъ степеней. Да и вообще представленіе напр. стола съ четырьми ножками, любаго камня, попавшагося въ саду, въ пескѣ, вполнѣ индиферентно. Много у насъ такихъ индиферентныхъ представленій, и только соединеніе ихъ съ какою либо цѣлью сообщаетъ имъ пріятность или непріятность. Вращеніе колеса для меня вещь безразличная, но если я спѣшу на свиданіе съ другомъ, то оно можетъ возбуждать во мнѣ опредѣленныя чувства. И наши чувства таковы, что дѣятельность однихъ связана съ удовольствіемъ или неудовольствіемъ неизбѣжно (вкусъ и обоняніе), а дѣятельность другихъ (зрѣніе, слухъ, осязаніе) можетъ и не сопровождаться удовольствіемъ или страданіемъ. «Мы признаемъ поэтому, что въ различныхъ функціяхъ чувства заложена раздѣльность способностей представленія и чувствованія. Цѣль познанія требуетъ этого и природа на это требованіе отвѣчала цѣлесообразно. Напротивъ, постоянная связь чувствованій съ каждымъ представленіемъ, для такихъ существъ какъ мы, должна бы быть невыносимой, не цѣлесообразной».

---

[1]) Lotze, Mikrokosmus, Leipzig, 1856. 1, 193—196.
[2]) Bona Meyer, Kants Psychologie. Berlin, 1870. s. 102—114.
[3]) S. 104.

«Итакъ я считаю раздѣльность представленія отъ чувствованія необходимой и доказанной». [1])

Представленіе не всегда соединено съ желаніемъ. Кто въ этомъ сомнѣвается, тотъ долженъ утверждать, что каждому представленію принадлежитъ направленіе нашего вниманія на представляемый предметъ и что это направленіе исходитъ изъ желанія. Каждое видѣніе, нужно тогда говорить, есть видѣніе по желанію, фиксація объекта. Но это воззрѣніе справедливо только на половину, потому что при фиксаціи предметовъ по желанію мы видимъ еще неопредѣленное количество предметовъ, которыхъ не фиксируемъ. Сведеніе представленія на стремленіе представлять, какъ основное свойство нашей души, переноситъ стремленіе на каждое душевное явленіе. При такомъ пониманіи, ясность и раздѣльность понятій уничтожаются.

Чувствованія могутъ быть безъ представленій и желаній. У животныхъ можно утверждать существованіе такихъ чувствованій безъ представленій; у людей также, въ такъ называемыхъ темныхъ чувствованіяхъ. Подобныя чувствованія особенно нужно искать въ разнообразныхъ неопредѣленныхъ общихъ настроеніяхъ нашего тѣлеснаго благосостоянія и неблагосостоянія. Въ дѣятельности низшихъ чувствъ встрѣчаются такія состоянія: запахъ цвѣтка, теплоту, даже музыкальные звуки можно ощущать, чувствовать ихъ пріятность, не представляя при этомъ цвѣтка, какъ возбуждающій объектъ, внѣшній источникъ теплоты и т. д. Мейеръ не допускаетъ въ такихъ состояніяхъ даже представленіе себя, какъ ощущающаго, въ отличіе отъ внѣшняго разраженія, наше самосознаніе тогда вполнѣ разрѣшается или растворяется въ концентрированномъ наслажденіи или страданіи.

Можно имѣть чувствованія, не имѣя желаній. Мы можемъ такъ полно погружаться въ наслажденіе и страданіе, что нѣкоторое время различной продолжительности у насъ отсутствуютъ элементы желанія. Наши благороднѣйшія наслажденія, именно эстетическія, обусловливаютъ полное исключеніе жела-

---

[1]) S. 108.

тельныхъ элементовъ. Прекраснымъ можно наслаждаться только при отсутствіи желанія, погружаясь въ пріятное состояніе.

Мы можемъ дѣйствовать желательной способностью, не возбуждая представленій и чувствованій. Желательная сила души есть свободное обращеніе или отвращеніе души, направленіе нашего вниманія силой на что либо. Это что либо, кажется, можетъ быть только представленіемъ или чувствованіемъ. Но на самомъ дѣлѣ не такъ. Свободная дѣятельность души можетъ вызывать движенія собственнаго тѣла. Ребенокъ, прежде чѣмъ у него возникнутъ представленія и чувствованія, совершаетъ безпорядочныя, неправильныя движенія, его собственное тѣло есть единственный матеріалъ его воли.

Что касается улучшеній въ ученіи о способностяхъ души, то къ нимъ болѣе стремится Лотце, чѣмъ Мейеръ, и при томъ улучшенія довольно незначительны. Онъ допускаетъ только три главныя способности: умъ, сердце, волю, какъ дѣйствительно врожденныя, прочія же онъ считаетъ выводными, пріобрѣтенными, возникшими отъ сочетанія наличныхъ элементовъ; онъ утверждаетъ, что въ каждой формѣ дѣятельности учавствуетъ вся душа, а не отдѣльная способность, въ каждомъ актѣ душевной дѣятельности обнаруживается цѣлая природа души, а не часть ея. Только въ отдѣльныхъ актахъ и формахъ дѣятельности душа «даетъ цѣлому одностороннее выраженіе, потому что она на опредѣленное возбужденіе можетъ отвѣтить не всѣми, но только одной опредѣленной возможностью выраженія». [1]) Но и при такой поправкѣ Лотце признаетъ ученіе о способностяхъ души, вслѣдствіе его значительной общности, мало пригоднымъ для объясненія душевныхъ явленій въ отдѣльности. [2])

§ 22. Лотце и Мейеръ имѣютъ въ виду главнымъ образомъ возстановленіе ученія о способностяхъ, опроверженіе направленныхъ противъ него доводовъ; Гарнье [3]) изъ возстановленнаго ученія о способностяхъ строитъ цѣлую психологическую систему.

---

[1]) Mikrokosmus, 1, 196, 196.

[2]) Ibidem, 1, 184.

[3]) Adolphe Garnier, Traité des facultés de l'ame, comprenant l' histoire des principales theòries psychologiques. Seconde edition. Paris, 1865. Три тома.

«Главная цѣль настоящаго сочиненія обосновать множество способностей» (d'etablir la multiplicité des facultés). «Мы дѣлимъ способности души на четыре класса, которые обнимаютъ способность двигательную, склонности, интеллектуальныя способности и волю». [1]) «Изъ четверной предшествующей классификаціи, способность двигательная и воля каждая выражаетъ только одну силу души; склонности и интеллигенція обнимаютъ многія способности». [2]) «Мы думаемъ, что существуетъ столько способностей, сколько взаимно независимыхъ актовъ, будутъ ли то перпепціи вещей, которыя существуютъ внѣ нашего духа, будутъ ли то концепціи, объекты которыхъ неотдѣлимы отъ нашей мысли, будутъ ли то наконецъ вѣрованія, объектъ которыхъ можетъ быть внѣшнимъ нашей мысли или же существовать только въ нашемъ пониманіи». [3])

Исходя изъ такихъ принциповъ, Гарнье получаетъ весьма значительное количество способностей, не одинъ десятокъ. Такъ умственную способность онъ подраздѣляетъ на три класса способностей. Первый классъ обнимаетъ: 1) внутреннюю перцепцію или сознаніе, 2) внѣшнюю матеріальную перцепцію или внѣшнее чувство, 3) внѣшнюю, не матеріальную, перцепцію или внѣшнюю интуицію духа. Второй классъ содержитъ: 1) концепціи памяти и 2) идеальныя концепціи. Третій классъ заключаетъ: 1) индукцію или вѣрованіе въ постоянство и общность явленій природы и 2) толкованіе, которое позволяетъ намъ угадывать мысли и чувства намъ подобныхъ по ихъ жестамъ и членораздѣльнымъ звукамъ. [4]) Склонности также раздѣляются на три класса способностей: первый классъ обнимаетъ склонности, относящіяся къ объектамъ, которые намъ нужны лично и которыхъ мы не желали бы раздѣлить съ другими, каковы пища, собственность, слава и т. д.; второй классъ обнимаетъ склонности, влекущія насъ къ предметамъ безличнымъ, владѣть которыми исключительно мы не желаемъ, которыми мы охотно готовы подѣлиться съ другими,

---

[1]) Т. I, p. XXIX, XXX.
[2]) Т I. p. 73.
[3]) Т. III, p. 430.
[4]) Т. I, 371—372.

таковы нравственное благо, истинное, прекрасное; третій классъ обнимаетъ склонности, предметъ которыхъ существа намъ подобныя, такова потребность общества, дружба, семейныя привязанности и т. д. [1]) Не смотря на такое множество способностей и ихъ взаимную независимость, всѣ онѣ относятся къ одному и тому же я, всѣ проникаются взаимно. «Я есть цѣлое и недѣлимое въ познаніи, въ вѣрованіи, въ любви, въ волѣ». [2])

Разсуждая о методѣ, которымъ можно опредѣлить способности души, Гарнье утверждаетъ, что не различіе феноменовъ, но ихъ взаимная независимость должна побуждать приписывать ихъ различнымъ причинамъ, т. е. способностямъ. «Независимость способностей доказывается только независимостью явленій». [3]) Если два феномена различны, то это еще не значитъ, что они независимы одинъ отъ другаго. Сужденіе и силлогизмъ различны, но только по степени и ихъ нужно относить къ одной и той же способности. Сходство явленій наоборотъ не даетъ еще права относить ихъ къ одной причинѣ. Припоминаніе словъ и припоминаніе фигуръ суть припоминанія, но этого сходства недостаточно для отнесенія ихъ къ одному роду памяти. Мы должны отнести ихъ къ двумъ различнымъ способностямъ, т. е. къ двумъ видамъ памяти, которые не предполагаютъ одинъ другой. [4]) «И такъ константировать взаимную независимость явленій для открытія причинъ (способностей) и классифицировать способности по важнымъ чертамъ сходства и различія—таковы два правила психологическаго метода». [5])

§ 23. Болѣе широкими реформаціонными стремленіями относительно способностей души задается Жиларденъ. Свою книгу онъ начинаетъ такъ: «то, что дискредитируетъ психологію въ глазахъ свѣтскихъ людей и многихъ ученыхъ, это несомнѣнно ея измѣнчивый списокъ способностей, приписы-

---

[1]) Т. I, p. 115.
[2]) Т. I, p. 62.
[3]) Т. I. p. 52.
[4]) Т. I. p. 53.
[5]) Ibidem.

ваемыхъ душѣ». [1]) Жиларденъ горько жалуется, что вотъ уже около трехъ тысячъ лѣтъ, какъ составленъ этотъ списокъ, и каждый психологъ по своей волѣ или сокращаетъ или расширяетъ его, что менѣе всего можетъ рекомендовать психологію. [2]) Придавая такое громадное значеніе ученію о способностяхъ, Жиларденъ въ зависимость отъ этого ученія ставитъ существенный успѣхъ и положеніе психологіи. Онъ старается выяснить этотъ сложный и трудный вопросъ и приходитъ къ такимъ заключеніямъ: въ душѣ нужно различать стороны пассивную и активную. Это различеніе самое существенное. Прежде обыкновенно такъ поступали: замѣчали классы душевныхъ явленій и для каждаго класса назначали особую способность. Но «отъ класса феноменовъ къ спеціальной способности, которая производитъ его, нельзя сдѣлать логическаго заключенія». [3]) Нужно стараться подмѣтить не эти частныя различія между отдѣльными классами душевныхъ явленій, но схватить коренное и общее различіе въ направленіи душевной дѣятельности. Такое основное различіе и есть различіе пассивной и активной дѣятельности души. Искать способностей души нужно въ активной сторонѣ души, потому что въ активной дѣятельности душа сама создаетъ свои акты, выражается наиболѣе полно и высоко. «Пассивность и способность — эти слова для каждой хорошей философской головы взаимно отталкиваются (se repoussent)». [4]) Разсматривая же активную сторону души, мы находимъ, что единственная способность есть воля. «Всѣ психологическіе факты группируются вокругъ этой единственной способности или могущества души, которая управляетъ всѣми функціями ея жизни, какъ аффективной, такъ равно интеллектуальной и моральной, которая отвѣчаетъ назначенію человѣка, существенно моральному, которая дѣйствительно образуетъ основу личности и психилогическаго единства». [5])

---

[1]) Alphonse Gilardin, Considerations sur les divers systemes de Psychologie. Paris, 1883. P, 1.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem, p. 11.

[4]) Ibidem, p. 18.

[5]) Ibidem, p. 522.

§ 24. Подведемъ итоги ученію о способностяхъ души.

Первый результатъ, получаемый отъ знакомства съ исторіей о способностяхъ души, есть полная безполезность этого ученія для объясненія душевныхъ явленій. Способность несомнѣнно есть только возможность, которая перейдетъ въ дѣйствительность при наличности нѣкоторыхъ условій и останется одною возможностью при отсутствіи этихъ условій. Для обнаруженія врожденныхъ психическихъ способностей необходима правильная организація нервной системы. Мы знаемъ, что бываютъ люди, у которыхъ нормальное развитіе мозга, вслѣдствіе различныхъ причинъ, задерживается. Такіе люди суть микроцефалы (малоголовые) и идіоты всевозможныхъ видовъ и про нихъ трудно сказать, чтобы они владѣли способностями мышленія, чувствованія, желанія. Карлъ Фохтъ въ своемъ сочиненіи «Малоголовые» говоритъ, что умственныя способности малоголовыхъ ниже умственныхъ способностей обезьяны. Отвлеченными идеями и высшими способностями мышленія они совсѣмъ не владѣютъ. Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ не понимаютъ членораздѣльной рѣчи, не могутъ сами раздѣваться и одѣваться, не имѣютъ стыдливости, владѣютъ очень слабой памятью и вниманіемъ, не способнымъ долго останавливаться на чемъ либо. Объ одной малоголовой, Софьѣ Висъ, Карлъ Фохтъ говоритъ: «въ умственномъ отношеніи, по затылку и спинному хребту она обезьяна, по лицу косочелюстная, а по тѣлу хорошо сложенная женщина».

Кромѣ нормальной организаціи мозга для обнаруженія врожденныхъ способностей необходимъ притокъ внѣшнихъ впечатлѣній въ достаточномъ количествѣ. Если внѣшнія раздраженія будутъ очень скудны, при искуственной ихъ задержкѣ, тогда врожденныя способности не обнаружатся. Извѣстный Каспаръ Гаузеръ былъ очень рано посаженъ въ какое то подземелье и лишенъ всякихъ впечатлѣній втеченіе многихъ лѣтъ. По выходѣ изъ подземелья, уже около 15 лѣтъ, онъ владѣлъ развитіемъ двухлѣтняго ребенка: не умѣлъ видѣть разстояній, замѣчать тѣлесность предметовъ, позднѣе куклы считалъ живыми существами и т. д. Подобное же явленіе, только въ слабѣйшей степени, мы замѣчаемъ надъ лицами, лишенными какого либо внѣшняго органа—зрѣнія, слуха и т. д. и вслѣдствіе этого

лишенными извѣстной группы внѣшнихъ возбужденій: ихъ умственный складъ всегда, въ большей или меньшей степени, отличается нѣкоторыми недостатками, нѣкоторыми неправильностями. Чѣмъ больше недостаетъ органовъ, тѣмъ слабѣе обнаруживаются душевныя способности. Если у человѣка остается всего на всего одинъ только органъ, то его психическая дѣятельность никогда не можетъ подняться до нормальной высоты. Такова была извѣстная Лаура Бриджманъ, потерявшая всѣ органы, за исключеніемъ осязательно-мускульнаго и нѣкоторыхъ вкусовыхъ ощущеній и которая, не смотря на свою природную талантливость, засвидѣтельствованную ея учителями, никогда не могла сравняться въ своемъ развитіи съ нормальными людьми. Она, напримѣръ, при обученіи ариѳметикѣ долгое время ариѳметическія задачи принимала за дѣйствительныя происшествія и предложенія.

Наконецъ пусть будетъ ребенокъ съ нормальнымъ мозгомъ и съ достаточнымъ притокомъ впечатлѣній: нужно время, чтобы его врожденныя душевныя способности обнаружились. Если нормальный ребенокъ умретъ рано, то мы не можемъ сказать, чтобы онъ былъ уже въ дѣйствительности, а не въ возможности только, полнымъ владѣтелемъ и способности мышленія и способности чувствованій и способности желанія.

Итакъ обнаруженіе врожденныхъ способностей души зависитъ отъ многихъ условій. Присутствуютъ эти условія, обнаружатся и способности; нѣтъ ихъ, исчезнутъ и способности. Если бы мы поэтому, для объясненія происхожденія психическихъ явленій, сослались на врожденныя душевныя способности, не указывая условій, отъ которыхъ зависитъ обнаруженіе способностей, мы ничего не объяснили бы; мы бы тогда дѣйствительность пытались объяснить простою возможностью этой дѣйствительности.

Къ сказанному нужно еще прибавить, что способность есть простой классификаціонный терминъ, весьма полезный для группировки психическихъ явленій, но совсѣмъ неспособный служить источникомъ и объяснителемъ этихъ душевныхъ явленій. Термины: «умъ», «чувство», «воля» обозначаютъ собою довольно различныя, многочисленныя и сложныя явленія. Какъ много у насъ умственныхъ процессовъ, самыхъ разно-

образныхъ группъ чувствованій и различныхъ видовъ дѣятельности! Обозначая эти различные процессы однимъ именемъ, наклеивая на нихъ одинъ ярлычекъ, мы только говоримъ, что между всѣми этими процессами есть нѣкоторое сходство и въ силу этого сходства ихъ можно отнести къ одной группѣ, къ одному классу. Но отъ названія и классификаціи до объясненія далеко Назвавъ извѣстный классъ животныхъ млекопитающими, мы не можемъ претендовать на то, что достаточно самымъ названіемъ выяснили особенности строенія и положеніе этого класса въ ряду другихъ. Защитники ученія о способностяхъ души нерѣдко ссылаются на примѣръ естественныхъ наукъ, допускающихъ однородное способностямъ ученіе о силахъ, силѣ тяготѣнія, теплоты, химическаго сродства и т. д. Но нужно замѣтить, что въ естественныхъ наукахъ имѣетъ значеніе не самый терминъ сила, а тѣ законы, по которымъ дѣйствуютъ силы. Силы сами по себѣ, отдѣльно отъ законовъ ихъ дѣйствія, суть только общія имена, классификаціонные ярлычки, не могущіе точно такъ же ничего объяснить, какъ и психологическія способности. Притомъ въ настоящее время въ естествознаніи, какъ и въ психологіи, сказывается весьма замѣтное стремленіе свести всѣ эти силы къ одному процессу—движенію и разсматривать ихъ какъ простыя видоимѣненія этого процесса.

Что касается доводовъ Лотце и Мейера за необходимость принятія трехъ главныхъ способностей, то ихъ невоможно признать убѣдительными Лотце утверждаетъ, что логически или теоретически качественное различіе главнѣйшихъ группъ психическихъ явленій на столько велико, что мы не можемъ объяснить возникновеніе одной групы изъ другой, что одно психическое явленіе служитъ только поводомъ, а не причиной возникновенія другаго, качественно различнаго. Мейеръ старается подтвердить этотъ доводъ фактами. Такое соображеніе ставитъ, очевидно, три перегородки въ душѣ и не допускаетъ генетической связи между явленіями, отгороженными этими перегородками. Законъ эволюціи, значитъ, имѣетъ только частичное, а не принципіальное примѣненіе къ душевнымъ явленіямъ. Далѣе такой доводъ предполагаетъ, что всѣ попытки—а ихъ и дѣлалось и дѣлается очень много—вывести всѣ качественно различныя душевныя явленія изъ одного процесса по суще-

ству своему неудачны. Но дѣйствительно ли это такъ? И если предположить даже, что до сихъ поръ онѣ были неудачны, то можемъ ли мы заключить, что и въ будущемъ онѣ окажутся также неудачными? А между тѣмъ, ближе приглядываясь къ доводу Лотце и Мейера, мы находимъ его шаткимъ Безъ предположенія способности желаній, по ихъ мнѣнію, невозможно чувствованію измѣниться въ желаніе. Для нихъ это, можетъ быть, и дѣйствительно такъ, но для обыкновеннаго смертнаго удовольствіе неизбѣжно включаетъ въ себя моментъ желанія, а неудовольствіе—нежеланія. Мы желаемъ только пріятныхъ вещей, пріятныхъ прямо или косвенно, физически или духовно, сейчасъ или въ отдаленномъ будущемъ. Представить себѣ удовольствіе безъ желанія продленія или повторенія его и желаніе безъ ожиданія чего либо пріятнаго я не могу. А между тѣмъ Лотце стремится по самому существу раздѣлить эти явленія, неразрывно связанныя между собою и фактически и логически, раздѣлить непереходимой перегородкой; Мейеръ стремится къ тому съ фактической точки зрѣнія.

Возьмемъ какое либо чувство пріятнаго или непріятнаго. Какъ скоро мы испытываемъ одинъ разъ удовольствіе, а другой страданіе, то мы, надобно полагать, замѣчаемъ, чувствуемъ, что одинъ разъ мы наслаждаемся, а другой страдаемъ, вѣдь никто изъ насъ не считаетъ наслажденіе страданіемъ и страданіе наслажденіемъ. Но сознавать, что находился въ двухъ неодинаковыхъ состояніяхъ, значитъ различать эти состоянія, а различеніе есть дѣятельность теоретическая или умственная. Какъ же теперь ставить перегодки между различеніемъ и чувствованіемъ пріятнаго и непріятнаго? По истинѣ, это значитъ, выражаясь сравненіемъ Гербарта, ставить перегородки между сторонами и углами въ треугольникѣ. Главнѣйшія группы психическихъ явленій связаны между собою неразрывно и раздѣленіе ихъ есть искуственное раздѣленіе; онѣ въ концѣ концовъ возникаютъ изъ одного источника, изъ одного процесса и по своей сущности одинаковы.

Но если и согласиться, что доводы Лотце и Мейера не убѣдительны, то все же остается вотъ какое соображеніе за способности души: во всякомъ случаѣ наша психическая жизнь проявляется въ трехъ главныхъ направленіяхъ: умственной

дѣятельности, сердечной и воли. Какъ только ребенокъ родится и у него начинается душевная дѣятельность, она сейчасъ же и обнаруживается элементарными процессами мыслительности, чувствованій и воли. Почему же она принимаетъ именно эти направленія, а не другія? Значитъ, существуетъ нѣчто, побуждающее ребенка дѣйствовать въ этихъ направленіяхъ, а не въ другихъ. Это нѣчто и есть способность, предшествующая дѣятельности и вызывающая дѣятельность. Она есть не простая возможность, а дѣйствительная сила, служащая источникомъ качественно опредѣленныхъ явленій.

При обсужденіи этого соображенія нужно обратить вниманіе на то, что способности несомнѣнно развиваются. Всю жизнь мы учимся и часто при смерти не достигаемъ еще психической зрѣлости. Наша воля и способность волненій также ростутъ всю нашу жизнь. Слѣдовательно способности души не суть нѣчто готовое, законченное, сидящее въ насъ съ самаго рожденія и предшествующее дѣятельности. Несомнѣнно, что способности въ значительной степени развиваются изъ дѣятельности, возникаютъ изъ нея, а не прежде нея.

Но, однако, все же остается нѣчто, предшествующее дѣятельности и опредѣляющее дѣятельность, отъ котораго и возникаетъ раздѣленіе душевныхъ явленій на умственныя, сердечныя и волевыя? Да, это нѣчто существуетъ, но оно есть не какая либо способность, а опредѣленный организмъ, развивающій, при наличности извѣстныхъ условій, извѣстныя дѣятельности, это есть возможность извѣстной дѣятельности. Желудь владѣетъ способностію развиться въ дубъ. Эта способность, конечно, должна быть не такъ понимаема, чтобы въ желудѣ уже существовалъ маленькій дубокъ, съ корнями, стволомъ, вѣтвями и листьями, которому оставалось бы только выдти изъ желудя и увеличиться въ объемѣ; способность нужно понимать такъ, что изъ желудя, при наличности извѣстныхъ условій, разовьется именно дубъ, а не береза и не пальма. Зародышъ, сѣмя человѣка владѣетъ способностью развиться въ человѣческій организмъ. Это не то значитъ, чтобы уже въ сѣмени были маленькія руки, ноги, голова, а то, что это сѣмя, при благопріятныхъ условіяхъ, многими ступенями развитія, дастъ въ результатѣ человѣческій организмъ. Душѣ прирождены спо-

собности. Это не значитъ, чтобы съ самого рожденія въ человѣкѣ были готовы и сидѣли бы, въ ожиданіи дѣятельности, три способности: умъ, сердце и воля; это значитъ, что органъ душевной жизни, будучи поставленъ въ извѣстныя условія, вызоветъ опредѣленныя психическія реакціи, опредѣленныя потому, что это есть человѣческій нервный организмъ, а не животный. Какъ желудь, въ силу внутренняго сочетанія и организаціи элементовъ необходимо даетъ, при благопріятныхъ условіяхъ развитія, дубъ, а не березу; такъ и человѣческая нервная система, въ силу внутренней организаціи элементовъ и при благопріятныхъ условіяхъ развитія, отразится именно такими душевными дѣятельностями—умственными, волненіями желаніями—а не иными.

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ врожденныя душевныя способности сводятся на врожденный организмъ или человѣческій типъ. Сказать, что у насъ есть врожденныя способности ума, сердца и воли, значитъ выразить такую несомнѣнную истину, что организмъ или типъ человѣческій, при извѣстныхъ условіяхъ развитія, дастъ именно человѣка, а не животное. Тезисъ: человѣкъ имѣетъ врожденныя способности, равенъ положенію: человѣку суждено быть человѣкомъ. Это, конечно, справедливо, но никакого объясненія душевныхъ явленій въ такомъ положеніи усмотрѣть нельзя.

§ 25. Для заключенія ученія о способностяхъ души намъ остается еще разсмотрѣть отношеніе этого ученія къ ученію о врожденныхъ идеяхъ.

Есть большое сходство между ученіемъ о врожденныхъ идеяхъ и ученіемъ о способностяхъ души. По первому допускаются врожденными хотя и частные принципы, но очень широкіе по своему приложенію. Эти принципы руководятъ дѣятельностію человѣка, обнимаютъ множество отдѣльныхъ фактовъ; съ развитіемъ человѣка они постепенно развиваются и выясняются. По второму ученію считаются врожденными такъ же качественно опредѣленныя начала, какъ и въ первомъ случаѣ; они также руководятъ дѣятельностію человѣка, обнимаютъ множество отдѣльныхъ фактовъ, постепенно развиваются и выясняются. Вся разница между врожденными идеями и врожденными способностями въ томъ и состоитъ,

что способности болѣе широкія начала по своему приложенію, чѣмъ идеи. Но такъ какъ и тѣ и другія суть качественно опредѣленныя начала, то и можно признать ученіе о врожденныхъ идеяхъ и врожденныхъ способностяхъ не двумя ученіями, а однимъ ученіемъ, нѣсколько видоизмѣняющимся.

Если теперь припомнить то, что было сказано о невозможности допустить врожденныя идеи, какъ качественно опредѣленныя начала, потому что это значитъ допустить врожденными функціи, то тоже самое придется сказать и о врожденныхъ способностяхъ, какъ качественно опредѣленныхъ началахъ. Онѣ невозможны, потому что качественная опредѣленность предполагаетъ уже психическую дѣятельность, отдѣльные факты, словомъ функцію. Представить качественно опредѣленную способность помимо соотвѣтствующихъ качественныхъ фактовъ, существующую саму по себѣ, самостоятельно и независимо, невозможно. Сила сама по себѣ, внѣ всякой дѣятельности и явленій, не существуетъ, какъ не существуетъ ариѳметическое или грамматическое правило помимо ариѳметическихъ и грамматическихъ фактовъ.

И такъ что же намъ врождено? Намъ врожденъ извѣстный общечеловѣческій типъ нервной и вообще физической организаціи; намъ врождены спеціально нѣкоторыя племенныя, народныя измѣненія нервной организаціи; еще спеціальнѣе намъ врождены нѣкоторыя индивиндуальныя особенности нервной системы. Но всѣ эти особенности нервной организаціи нельзя понимать какъ нѣчто качественное. Качество предполагаетъ уже функцію органа, въ самомъ же органѣ разницы могутъ быть только количественныя. Элементы могутъ быть комбинированы различно; число, сила и энергія элементовъ также могутъ быть различны. Качество обнаружится, возникнетъ только тогда, когда внѣшнее возбужденіе приведетъ органъ въ дѣятельность и покажетъ, каково состояніе элементовъ. Качество есть продуктъ извѣстнаго органа и внѣшняго возбужденія, безъ внѣшняго возбужденія и до внѣшняго возбужденія оно существовать не можетъ. Болѣзнь физическая нерѣдко бываетъ наслѣдственной, врожденной. Это не значитъ, чтобы ранѣе возбужденій и жизненныхъ процессовъ болѣзнь уже присутствовала въ организмѣ. Болѣзнь есть процессъ,

функція, а не сила или способность, сидящая въ человѣкѣ до функціи. Врожденная болѣзнь—это значитъ извѣстное сочетаніе элементовъ, обусловливающее, при возбужденіяхъ, неправильный процессъ, не надлежащую функцію. Тоже самое нужно сказать и про врожденныя способности: онѣ суть врожденныя особенныя сочетанія нервныхъ элементовъ. Врожденныя же различія въ строеніи нервной системы вообще можно указывать слѣдующія: а) различное количество нервныхъ элементовъ; б) различная степень энергіи или силы нервныхъ элементовъ; в) болѣе тѣсная или менѣе тѣсная связь между нервными элементами; г) различная степень силы и остроты органовъ внѣшнихъ чувствъ. Ближе опредѣлить эти различія въ настоящее время невозможно, но, несомнѣнно, ими обусловливаются всѣ качественныя различія психическихъ реакцій. Нужно имѣть въ виду, что указанныя общія свойства нервной системы могутъ сочетаться между собою и видоизмѣняться безконечно, вслѣдствіе чего мы и получимъ, въ соединеніи съ различными внѣшними возбужденіями, безконечные оттѣнки врожденныхъ расположеній или такъ называемыхъ способностей, которыя мы замѣчаемъ въ отдѣльныхъ индивидуумахъ.

И такъ міровоззрѣніе создается путемъ чисто опытнымъ, никакихъ сверхъопытныхъ, не подлежащихъ анализу, элементовъ въ немъ нѣтъ. Оно создается силами каждой отдѣльной личности и есть нѣчто индивиндуальное, съ данной личностью существующее и погибающее. Оно есть функція умственной стороны человѣческаго организма и, какъ функція, существуетъ только съ тѣхъ поръ и до тѣхъ поръ, пока существуетъ и функціонируетъ человѣческій организмъ. Въ созданіи міровоззрѣнія каждой человѣческой личностью, мы можемъ различать дѣятельность двухъ факторовъ: извѣстнаго органа, съ его общечеловѣческимъ типомъ и частнѣйшими племенными и индивиндуальными измѣненіями, и внѣшнихъ возбужденій, съ ихъ разнообразіемъ или однообразіемъ, богатствомъ или скудостью. Въ типѣ органа выражается связь индивидуума со всѣмъ родомъ, органъ — вотъ наше наслѣдство отъ нашихъ отдаленныхъ прародителей, въ видоизмѣненіяхъ органа прежде всего отражаются умственный ростъ и культура человѣчества Органъ есть механизмъ, снарядъ, большей или

меньшей сложности, большей или меньшей энергіи и силы. Безъ внѣшнихъ возбужденій въ немъ нѣтъ ничего качественнаго, никакой дѣятельности. Въ готовомъ пустомъ локомотивѣ не существуетъ опредѣленной скорости движенія; послѣдняя явится, когда вода и каменный уголь возбудятъ локомотивъ, дадутъ матеріалъ для дѣятельности. Въ нервной системѣ опредѣленнаго типа нѣтъ еще міровоззрѣнія или какихъ либо его зачатковъ, идей, качественно опредѣленныхъ способностей; но оно явится, какъ скоро внѣшнія возбужденія приведутъ органъ въ дѣятельность. Для раскрытія всѣхъ типическихъ особенностей органа, для созданія широкаго и правильнаго міровоззрѣнія необходимы внѣшнія возбужденія въ достаточномъ количествѣ и достаточно разнообразныя. Иначе органъ встрѣтитъ задержки на пути своего развитія, его развитіе можетъ быть пріостановлено, можетъ не достигнуть той высоты и силы, какихъ оно могло бы достигнуть при благопріятныхъ внѣшнихъ возбужденіяхъ. Способствовать выполненію этой задачи, т. е. приливу достаточно обильныхъ, разнообразныхъ и до нѣкоторой степени упорядоченныхъ, систематическихъ внѣшнихъ возбужденій и есть самая главная и самая общая обязанность педагога по отношенію къ воспитываемой личности. Внѣшнія возбужденія до нѣкоторой степени въ рукахъ педагога, самый органъ совсѣмъ не въ его власти. Эта общая обязанность педагога опредѣляется ближе попеченіемъ о развитіи въ достаточной мѣрѣ отдѣльныхъ процессовъ, которыми создается міровоззрѣніе. Такихъ процессовъ четыре: а) процессъ ощущеній; б) процессъ представленій; в) процессъ идей; г) процессъ апперцепцій Разсмотримъ каждый изъ этихъ процессовъ по порядку.

Глава III.

Объ ощущеніяхъ вообще (количественный анализъ).

---

§ 26. Наиболѣе простой душевный фактъ, лежащій въ основѣ всего нашего міровоззрѣнія, есть сознаніе раздраженія нервной системы, субъективная сторона объективной нервной перемѣны. Такой фактъ называется ощущеніемъ. Ощущенія суть психическія единицы, первоначальныя слагаемыя нашей душевной жизни, на сколько мы можемъ знать ихъ въ настоящее время. Правда, не всякое ощущеніе есть такое первоначальное слагаемое. Наши настоящія психическія состоянія имѣютъ свойство вступать въ ассоціацію съ прежними психическими состояніями, подобными и смежными, сливаться съ ними и образовать одно сложное цѣлое. Этимъ свойствомъ владѣютъ и ощущенія. Если у насъ есть нѣкоторый психическій опытъ, то наши ощущенія не могутъ уже быть простыми фактами, потому что они неизбѣжно будутъ сливаться съ опытомъ, въ нихъ будутъ привходить такіе элементы, какихъ въ самомъ ощущеніи совсѣмъ нѣтъ и быть не можетъ. Таковы и суть ощущенія взрослаго человѣка, ихъ нельзя признать первоначальными слагаемыми нашей психической жизни, они суть уже результатъ развитія, опыта. Примѣсь опыта обнаруживается въ нихъ слѣдующими чертами: 1) мы относимъ раздраженія и вызываемыя ими ощущенія къ извѣстнымъ органамъ и частямъ нашего тѣла, мы говоримъ, что укололи палецъ, ушибли ногу, что у насъ болитъ голова. Такой локолизаціи раздраженій и ощущеній не бываетъ на первыхъ порахъ нашей психической жизни, новорожденный ребенокъ не умѣетъ относить ихъ къ различнымъ частямъ тѣла, онъ не знаетъ, гдѣ и что у него болитъ. Локолизація раздраженій и ощущеній позднѣйшій фактъ нашей психической жизни; 2) мы обыкновенно знаемъ, какъ продолжительно было наше

ощущеніе, мы ставимъ его въ рядъ другихъ психическихъ дѣятельностей, говоримъ, что оно было до такого-то нашего состоянія и послѣ такого-то, словомъ мы опредѣляемъ ощущеніе со стороны времени. Такого свойства въ ощущеніяхъ новорожденнаго нѣтъ, оно опять есть явленіе позднѣйшее; 3) мы относимъ свое ощущеніе, какъ слѣдствіе, къ какому либо внѣшнему факту, какъ причинѣ, мы такимъ образомъ ставимъ его на опредѣленное мѣсто въ ряду явленій причинности. Новорожденный не можетъ такъ поступить съ своими ощущеніями; 4) мы относимъ ощущенія къ классу имъ подобныхъ, пріурочиваемъ ихъ къ извѣстной группѣ прошлыхъ сходныхъ фактовъ. Такой классификаціи или ассимиляціи ощущеній у новорожденныхъ точно также нѣтъ, такъ какъ нѣтъ психическаго опыта.

Обращая вниманіе на ощущенія взрослыхъ со стороны обособленія элементовъ, мы должны признать, что у взрослыхъ обособленіе ушло гораздо дальше, чѣмъ у новорожденныхъ. Характеръ ощущеній, какъ чувствованій, у взрослыхъ въ значительной степени теряется и ощущенія становятся часто актомъ только познавательнымъ; тогда какъ у дѣтей они суть по преимуществу акты чувствованія и въ то же время постоянно сохраняютъ свое познавательное значеніе.

И такъ для того, чтобы получить ощущеніе, какъ фактъ по возможности наиболѣе простой, мы должны сдѣлать абстракцію отъ ощущеній взрослаго и подойти ближе къ ощущенію новорожденнаго. Всякая примѣсь психическаго опыта и сколько нибудь значительное обособленіе элементовъ должны быть уничтожены. Каково же при сказанныхъ условіяхъ будетъ ощущеніе? Какъ мы должны его себѣ представлять? Оно и при такихъ условіяхъ не будетъ простымъ явленіемъ въ строгомъ смыслѣ слова, будетъ только относительно простымъ. Вполнѣ простыхъ душевныхъ явленій мы не знаемъ. Въ своемъ полномъ видѣ ощущеніе новорожденнаго будетъ имѣть три момента: физическій, психическій и вновь физическій. Физическій — первый состоитъ въ раздраженіи нервной системы; психическій — въ сознаніи раздраженія; физическій второй — въ рефлективномъ выраженіи сознанія раздраженія движеніемъ. Мы обращаемся къ изученію этихъ моментовъ въ отдѣльности, при чемъ о первомъ и послѣднемъ

моментахъ представимъ только краткія замѣчанія, второй же изучимъ подробно, такъ какъ на немъ по преимуществу сосредоточивается интересъ психолога въ отдѣлѣ объ ощущеніяхъ.

§ 27. Первый, физическій, моментъ ощущенія слагается изъ двухъ главныхъ явленій: физическаго собственно и физіологическаго. Собственно физическое явленіе въ процессѣ ощущенія составляетъ внѣшнее раздраженіе. Внѣшнее раздраженіе есть движеніе какого либо вещества, вѣсомаго, какъ воздухъ, твердыя и жидкія тѣла, или невѣсомаго, какъ свѣтовой эфиръ и электричество. Но не каждое движеніе можетъ вызвать вслѣдъ за собой ощущеніе, для этого движеніе должно имѣть опредѣленную степень скорости. Такъ число колебаній волнъ свѣтоваго эфира въ одну секунду должно быть 470—700 билліоновъ, чтобы возникли ощущенія цвѣтовъ; число колебаній волнъ воздуха въ секунду 20—38,000, чтобы возникли слуховыя ощущенія и т. д. Внѣшнія раздраженія могутъ дѣйствовать или на всѣ органы или же только на одинъ какой либо. Первыя суть общіе раздражители, вторыя — спеціальные. Къ общимъ относятся электричество и механическое движеніе или толчекъ. Что раздраженіе электричествомъ можетъ дѣйствовать на всѣ органы внѣшнихъ чувствъ и вызывать ощущенія всѣхъ органовъ—это фактъ извѣстный. При правильномъ производствѣ опыта, электрическимъ возбужденіемъ можно вызвать блистаніе свѣта, явственные звуки, фосфорный запахъ, своеобразный вкусъ и покалываніе въ кожѣ. Результаты дѣйствія одного и того же возбужденія будутъ видоизмѣнены особенностями возбуждаемаго аппарата. Тоже надо сказать и о механическомъ давленіи или толчкѣ. Давленіе на кожу даетъ ощущеніе сопротивленія, на глазъ ощущеніе свѣта, ударъ по уху—шумъ и звонъ. «Нелегко вызвать механическимъ путемъ, говоритъ Карпентеръ [1]), ощущенія вкуса и обонянія; но тѣмъ не менѣе д-ръ Бэли (Baly) доказалъ, что быстрый легкій ударъ по сосочкамъ языка вызываетъ ощущенія иногда кислаго, иногда соленаго вкуса. Чувство тошноты очень легко возбуж-

---

[1]) Carpenter, Principles of mental Physiology. zourth edition. 1877 стр. 149.

дается, какъ всякому извѣстно, механическимъ раздраженіемъ зѣва». Кромѣ электричества и механическаго движенія къ общимъ раздражителямъ Вундтъ причисляетъ еще теплоту и химическія явленія. [1]) Спеціальные радражители для каждаго органа различны: для глаза движенія свѣтоваго эфира опредѣленной скорости, для уха—движенія воздушныхъ волнъ опредѣленной скорости, для органовъ вкуса и обонянія—химическія дѣйствія, которыя исходятъ отъ жидкостей, или твердыхъ и газообразныхъ тѣлъ.

Физіологическое явленіе въ процессѣ ощущенія есть актъ сложный, состоящій изъ нѣсколькихъ, ясно различимыхъ, моментовъ, именно слѣдующихъ трехъ: изъ раздраженія тѣхъ частей тѣла или органовъ, которые покрываютъ соотвѣтствующій чувствительный нервъ, изъ раздраженія самаго нерва и нервнаго центра.

Что касается перваго изъ перечисленныхъ моментовъ, то онъ встрѣчается во всѣхъ классахъ ощущеній. Когда разрушаютъ окружающія осязательный нервъ части тѣла, не повреждая самаго нерва, и раздражаютъ нервъ непосредственно или давленіемъ или холодными предметами, тогда получается глухое чувство боли, а не ощущеніе давленія или холода. Тѣ лица, у которыхъ, вслѣдствіе ампутаціи или какой либо раны, осязательные органы въ извѣстной части тѣла разрушены, у которыхъ кожа въ этомъ мѣстѣ представляетъ одинъ большой рубецъ, не различаютъ здѣсь тепла отъ холода. Волны свѣтоваго эфира или воздушныя волны не могутъ вызвать свѣтовыхъ или слуховыхъ ощущеній, если онѣ дѣйствуютъ непосредственно на зрительный или слуховой нервъ Для этого онѣ должны пройти сначала чрезъ органы зрѣнія и слуха. Проходя чрезъ органы, внѣшнее возбужденіе нѣсколько измѣняется. Въ органѣ слуха звуковая волна, приходящая къ уху, испытываетъ нѣсколько измѣненій, именно приводитъ въ движеніе барабанную перепонку, слуховыя косточки, перепонки овальнаго окошка, воду лабиринта, которая наконецъ и раздражаетъ слуховой нервъ. Въ органѣ зрѣнія совершается подобный же сложный процессъ съ вол-

---

[1]) Wundt, Grundzüge der physiologischen Psychologie s. 275 (zweite Auflage, 1880 года).

нами свѣтоваго эфира, проходящими чрезъ различныя перепонки глазнаго яблока, водянистую влагу, хрусталикъ, стекловидное тѣло, волокна зрительнаго нерва и достигающими наконецъ зрительныхъ нервныхъ элементовъ. Поэтому съ измѣненіемъ устройства органовъ, посредствующихъ внѣшнія раздраженія, измѣняются и самыя ощущенія Различныя водныя животныя не владѣютъ развитыми органами слуха, но, не смотря на это, возбуждаются тѣми движеніями, которыя у существъ, одаренныхъ лучшимъ органомъ, вызываютъ слуховыя ощущенія. Когда слуховыя движенія распространяются по нимъ, они сжимаются, уходятъ въ свои раковины, если имѣютъ ихъ.

За раздраженіемъ частей тѣла, покрывающихъ чувствительные нервы, слѣдуетъ раздраженіе самыхъ нервовъ. Внѣшнее движеніе, уже измѣнившись нѣсколько, проходя чрезъ органы чувствъ, измѣняется еще болѣе, достигнувъ нерва, изъ внѣшняго оно становится внутреннимъ. Раздраженіе проходитъ по всей длинѣ нерва, съ одного конца до другаго и передается нервному центру. Раздраженіе распространяется по нерву, сравнительно съ другими скоростями движенія, очень медленно. Повидимому, скорость нервнаго возбужденія почти неизмѣрима: лишь только въ насъ является желаніе совершить движеніе, какъ наша воля уже осуществляется; мы не въ состояніи замѣтить промежутка времени между толчкомъ воли, возбуждающимъ нервъ, и перенесеніемъ этого возбужденія на мышцу. Животное или человѣкъ, почувствовавъ уколъ иглы или жала насѣкомаго, вздрагиваетъ въ ту же минуту, какъ намъ кажется. Еще въ очень недавнее время даже ученые физіологи (Іоганнъ Мюллеръ) высказывали мнѣніе, что распространеніе возбужденія по нерву совершается съ чрезвычайной быстротой, которая можетъ быть приравниваема только къ скорости свѣта, что «время, въ которое раздраженіе съ внѣшнихъ частей тѣла передается головному или спинному мозгу и совершается обратное воздѣйствіе на внѣшнія части тѣла, обнаруживаемое подергиваніями, безконечно мало и неизмѣримо». [1]) Однако наукѣ удалось, при помощи искуст-

---

[1]) Hermann, Handbuch der Physiologie, zweiter Band, erster Theil, s. 14—15. Изд. 1879.

венныхъ средствъ, измѣрить незначительный промежутокъ времени, необходимый для прохожденія возбужденія по нерву, и оказалось, что эта скорость очень незначительна, именно въ чувствительныхъ нервахъ человѣка она колеблется между 30 и 40 метрами, а въ двигательныхъ средняя скорость 33 метра въ секунду. [1])

Еслибы нужно было представить сравнительную скорость нервнаго возбужденія наглядно, то можно было бы воспользоваться такими сравненіями: въ одну секунду времени различныя тѣла проходятъ слѣдующія разстоянія: электричество 1300 милліоновъ футовъ, свѣтъ 900 милліоновъ футовъ, пушечное ядро 1500 футовъ, звукъ въ воздухѣ 1000 футовъ; орелъ 100 футовъ, возбужденіе по нерву 90 футовъ, скаковая лошадь 75 футовъ, локомотивъ 70 футовъ. [2])

Съ нерва раздраженіе переходитъ на центральныя мозговыя массы, онѣ возбуждаются. Въ чемъ состоитъ это возбужденіе? Какъ отчетливѣе представить прохожденіе возбужденія по нерву и возбужденіе нервныхъ клѣтокъ?

§ 28. Дать опредѣленный и вполнѣ научный отвѣтъ на поставленный вопросъ невозможно, такъ какъ физіологія не владѣетъ въ настоящее время достаточными данными для научнаго отвѣта. Во всякомъ случаѣ, при прохожденіи возбужденія по нерву, процессъ возбужденія постоянно возобновляется, такъ что каждый атомъ нерва находится въ одинаковомъ съ другими атомами состояніи. Прохожденіе возбужденія по нерву есть ничто иное, какъ перенесеніе возбужденія съ одного атома нерва на другой атомъ, сосѣдній. Иныя предположенія о движеніи возбужденія по нерву мало вѣроятны, какъ напримѣръ, что движеніе возбужденія по нерву есть движеніе какого либо вещества или тока, проходящаго по всей длинѣ нерва, на подобіе электрическаго тока, проходящаго по телеграфной проволокѣ. Первое предположеніе возбуждаетъ массу недоумѣній: откуда берется такая матерія? Почему она всегда появляется тамъ, гдѣ раздражается нервъ? Почему она, при прохожденіи по нерву, не тратится, не

---

[1]) Ibidem, s. 21 и 22.

[2]) Wittich, Uber die Schnelligkeit unseres Empfindens und Wollens s. 30.

уменьшается? Второе предположеніе также неудобно: распространеніе возбужденія по нерву, какъ мы уже видѣли, совершается очень медленно и никоимъ образомъ не можетъ быть сравниваемо со скоростью движенія электричества; далѣе раздраженіе, проходя по нерву, не только не уменьшается въ своей силѣ, какъ это бываетъ напримѣръ съ электричествомъ, проходящимъ по телеграфной проволокѣ, но даже увеличивается. [1])

Послѣднее обстоятельство навело Пфлюгера на мысль, что распространеніе возбужденія по нерву есть не простая передача движеній однимъ атомомъ другому, но вызовъ однимъ нервнымъ элементомъ въ другомъ сосѣднемъ самостоятельной силы, чѣмъ и объясняется лавинообразное распространеніе возбужденія, т. е. что въ каждомъ слѣдующемъ нервномъ элементѣ освобождающіяся раздраженіемъ силы бываютъ больше, чѣмъ въ предшествующемъ. А такъ какъ раздраженіе въ нервныхъ молекулахъ освобождаетъ не всѣ силы, а только часть, то Пфлюгеръ приписывалъ нервнымъ молекуламъ способность эластической молекулярной задержки. Прекращеніе или остановка этой задерживающей молекулярной способности и обусловливаетъ степень возбудимости молекулы и нерва, т. е. сумму силы (Spannkraft), которую можетъ освободить данное раздраженіе. [2])

Гипотеза Пфлюгера стремится выяснить возбужденіе нерва собственно съ количественной стороны, его величину, и ничего не говорятъ о томъ, что такое само возбужденіе. Поле для гипотезъ по этому вопросу остается обширное и многіе изслѣдователи пришли къ тому убѣжденію, что силы, освобождаемыя въ нервѣ раздраженіемъ, суть химическія. Съ этой точки зрѣнія дѣло представляется въ такомъ видѣ: въ каждой возбужденной нервной частичкѣ выдѣляется особаго рода какъ бы взрывчатая субстанція и слѣдствіемъ такого выдѣленія

---

[1]) Увеличеніе раздраженія при прохожденіи его по нерву нѣкоторыми физіологами подвергается сомнѣнію и даже совсѣмъ отрицается, вообще же представляетъ явленіе, нуждающееся въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. См. о немъ у Hermann'a II т. 1 Theil s. 114 и слѣд.

[2]) См. о гипотезѣ Пфлюгера и другихъ гипотезахъ въ Handbuch der Physiologie, Hermann'a, zweiter Band, erster Theil, s. 186—192.

бываетъ подобный же процессъ въ сосѣднемъ нервномъ элементѣ. Проведеніе возбужденія по нерву можно сравнить въ такомъ случаѣ съ сгораніемъ линіи пороха. Но чтобы понять, почему не весь запасъ существующей силы издерживается разомъ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ съ порохомъ, для этого нужно допустить какія либо задерживающія вліянія или способности въ молекулахъ нерва, въ родѣ тѣхъ, которыя допускаетъ Пфлюгеръ. Химическую теорію нервнаго возбужденія подробно излагаютъ Герингъ, основываясь преимущественно на фактахъ зрѣнія, вкуса и обонянія, и Вундтъ, который примѣняетъ ее не только къ возбужденію нервовъ, но и къ возбужденію нервныхъ клѣтокъ. Теорія послѣдняго, обнимающая всю нервную дѣятельность, довольно сложна и даже запутана. Мы передадимъ ее въ нѣсколькихъ словахъ, отсылая за подробностями къ самому сочиненію Вундта. [1])

Въ нервѣ постоянно происходитъ молекулярная работа; эта работа бываетъ положительная и отрицательная. Положительная молекулярная работа обнаруживается или освобождающейся теплотой или внѣшней работой, напр. подергиваніемъ мускуловъ; отрицательная же молекулярная работа обусловливаетъ исчезновеніе результатовъ положительной работы, обусловливаетъ напр. скрытое состояніе теплоты или задержку мускульнаго сокращенія. Положительная работа есть разложеніе нервныхъ молекулъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утомленіе и истощеніе нерва; отрицальная—есть возстановленіе сложныхъ молекулъ и вмѣстѣ укрѣпленіе, отдыхъ нерва. Раздраженіе нерва увеличиваетъ въ немъ какъ положительную, такъ и отрицательную молеку-

---

[1]) Grundzüge der physiologischen Psychologie, гл. Physiologische Mechanik der Nervensubstanz (s. 229—270). Вундтъ не вполнѣ устраняетъ и физическую теорію нервной дѣятельности. Такъ онъ различаетъ между органами внѣшнихъ чувствъ механическіе и химическіе. У первыхъ—слухъ и озязаніе—внѣшнее раздраженіе прямо передается нервной субстанціи и здѣсь вызываетъ соотвѣтствующій, т. е. болѣе или менѣе сходный, процессъ; у вторыхъ—зрѣніе, чувство температуры, вкусъ и обоняніе—внѣшнее раздраженіе вызываетъ въ нервѣ процессъ различный по сравненію съ собою, и по формѣ и по теченію, вѣроятно химическое молекулярное движеніе (s. 278—279).

лярную работу; подъ вліяніемъ раздраженія нерва одна изъ этихъ работъ можетъ въ немъ преобладать.

Подобный же процессъ происходитъ и въ нервныхъ клѣткахъ. Нервныя клѣтки владѣютъ въ высокой степени способностью собирать въ себѣ и усиливать результаты достигшаго до нихъ раздраженія, вслѣдствіе чего въ нихъ, подъ вліяніемъ раздраженія, на первыхъ порахъ преобладаетъ отрицательная молекулярная работа и раздраженіе не обнаруживается сначала никакимъ внѣшнимъ знакомъ. Но если оно повторяется, то отрицательная молекулярная работа уравновѣшивается съ положительной, наконецъ послѣдняя беретъ верхъ и происходитъ возбужденіе, появляется внѣшній эффектъ. Сообразно съ различнымъ отношеніемъ нервныхъ клѣтокъ къ раздраженіямъ, Вундтъ различаетъ въ нихъ центральную и периферическую части. Центральная часть есть по преимуществу мастерская сложныхъ образованій, складочное мѣсто запасной работы и силы, въ ней раздраженіе ускоряетъ только молекулярные процессы и изчезаетъ безъ внѣшняго эффекта. Слѣдовательно здѣсь преобладаетъ отрицательная работа; периферическая же область клѣтки есть главный источникъ внѣшней работы, она употребляетъ и расходуетъ накопленный матеріалъ, она производитъ по преимуществу положительную работу. Названіе частей клѣтокъ нисколько не опредѣляетъ ихъ пространственнаго положенія.

Но не смотря на то, что химическая теорія нервнаго возбужденія имѣетъ довольно солидные доводы за свою состоятельность, не всѣ физіологи согласны съ нею. Есть послѣдователи другихъ взглядовъ и именно есть защитники физической теоріи. По этой теоріи, возбужденіе нерва заключается въ колебаніяхъ (Oscillations), возникающихъ въ нервѣ подъ вліяніемъ внѣшнихъ движеній. Эта теорія опирается главнымъ образомъ на факты слуха, осязанія и отчасти зрѣнія; она не отрицаетъ вполнѣ химической теоріи, но даетъ ей только второстепенное, подчиненное мѣсто по отношенію къ физической, именно видитъ въ химическомъ процессѣ только посредника колебаній, отъ которыхъ уже зависитъ само ощущеніе. Главнымъ защитникомъ ея можно признать Фехнера, который высказался за эту теорію еще въ своемъ знаменитомъ трудѣ «Elemente der Psychophysik» и вновь подтвердилъ свое мнѣніе

критическимъ разборомъ химической теоріи—по преимуществу воззрѣній Геринга—и сопоставленіемъ ея съ физической въ своемъ новомъ трудѣ, «In Sachen der Psychophsik». [1])

§ 29. Второй главный моментъ въ процессѣ ощущенія—психическій, сознаніе раздраженія нервной системы.

Выше было замѣчено, что обыкновенное ощущеніе взрослаго человѣка не можетъ считаться первоначальнымъ типомъ ощущенія, такъ какъ оно осложняется ассоціаціею съ частью предшествующей психической опытности человѣка. Чтобы ближе подойти къ первоначальному типу ощущенія, для этого нужно брать ощущеніе не возрослаго, а ребенка и притомъ новорожденнаго ребенка. Правда, нѣкоторые изслѣдователи и ощущеніе новорожденнаго представляютъ актомъ очень сложнымъ. Куссмауль говоритъ: [2]) «можно не сомнѣваться въ томъ, что человѣкъ рождается съ нѣкоторымъ темнымъ представленіемъ о внѣшнемъ нѣчто, съ нѣкототорымъ пространственнымъ воззрѣніемъ, со способностью локализировать нѣкоторыя осязательныя ощущенія и съ нѣкоторою властью надъ своими движеніями». По такому взгляду, ощущеніе новорожденнаго будетъ уже заключать въ себѣ всѣ тѣ элементы, которые встрѣчаются и въ ощущеніи взрослаго, такъ что разница ощущеній новорожденнаго и взрослаго будетъ чисто количественная, да и то неособенно большая. Что же касается сложности самаго факта, разнородности элементовъ, его составляющихъ, то они совершенно одинаковы какъ у новорожденнаго, такъ и у взрослаго. Подобныя представленія едва ли можно признать научными, такъ какъ они предполагаютъ прогрессъ психической жизни чисто внѣшній, количественный, прогрессъ только величины, а не внутренній, качественный, прогрессъ осложненія факта со стороны составляющихъ его элементовъ. По такому взгляду ребенокъ психически есть маленькій или сокращенный взрослый человѣкъ, не имѣющій въ своей душевной

---

[1]) См. здѣсь XIII гл. Oscillations—und chemische Hypotese (Hering) s. 117—121, 214 (1877 г.); срав. его Revision der Hauptpunkte der Psychophysik 1882, s. 290—299.

[2]) Kussmaul, Untersuchungen uber das Seelenleben des neugeborenen Kindes 1859, s. 36.

жизни ничего своеобразнаго, ничего особеннаго, кромѣ малаго размѣра явленій, свойственныхъ взрослому.

Стараясь ближе пройти къ первоначальному типу ощущенія или «къ чистому ощущенію», Прейеръ разсуждаетъ такимъ образомъ: [1]) если отъ ощущенія отбросить все, что въ немъ есть результатъ предшествующей психической опытности человѣка, представленія о времени, пространствѣ, причинности, внѣшнемъ мірѣ, то тогда останутся два свойства: сила или интенсивность и родъ или качество ощущенія. Изъ этихъ двухъ свойствъ нельзя выкинуть ни одного, чтобы не исчезло самое ощущеніе, подобно тому, какъ уничтожается понятіе плоскости, когда отбрасываютъ одно изъ ея измѣреній. И такъ чистое ощущеніе есть сочетаніе качества и интенсивности и прежде этого сочетанія оно не существуетъ. Интенсивность и качество, взятыя отдѣльно, не составятъ чистаго ощущенія.

Если при рѣшеніи даннаго вопроса основываться на обыкновенныхъ фактахъ человѣческаго сознанія, то можно признать, что ощущеніе, освобожденное отъ всѣхъ наслоеній предшествующаго опыта, заключаетъ въ себѣ качество и силу. Представимъ себѣ новорожденнаго ребенка: онъ имѣетъ различные чувствительные нервы съ соотвѣтствующими аппаратами на концахъ, которые и подвергаются раздраженіямъ различной силы. Что должно получиться у ребенка, какъ слѣдствіе этихъ раздраженій? Очевидно различныя по степени силы раздраженія не могутъ дать одинаковыхъ интенсивно ощущеній, различныя раздраженія должны и сопровождаться различными по силѣ ощущеніями. Могутъ ли раздраженія различныхъ чувствительныхъ нервовъ дать одинаковыя по качеству ощущенія? Нѣтъ, не могутъ, раздраженія зрительнаго органа не могутъ повлечь за собой слуховыхъ ощущеній и наоборотъ. Слѣдовательно, отвлекаясь отъ всѣхъ позднѣйшихъ свойствъ ощущенія, возникающихъ за время развитія извѣстной личности мы остаемся при двухъ коренныхъ: интенсивности и качествѣ. Такъ свидѣтельствуетъ наше сознаніе.

Къ тому же результату мы приходимъ путемъ еще слѣдующаго разсужденія: соотвѣтственно двумъ основнымъ свойствамъ

---

[1]) Preyer, Elemente der reinen Empfindungslehre 1877, s. 9, 10.

ощущенія—интенсивности и качеству или содержанію и во внѣшнемъ возбужденіи различаются также два свойства: сила и форма. Внѣшнее раздраженіе есть ничто иное, какъ движеніе какого либо вещества. Въ движеніи же можно различать широту движенія или колебанія, т. е. то пространственное разстояніе, на которое отходитъ движущееся тѣло отъ точки своего равновѣсія при каждомъ колебаніи, и форму движенія, т. е. ту кривую, которую описываетъ въ данное время движущееся тѣло. Оба свойства необходимо присутствуютъ въ каждомъ движеніи, а между тѣмъ первое свойство обусловливаетъ интенсивность ощущенія, второе—качество ощущенія. Слѣдовательно гдѣ есть интенсивность, тамъ есть и качество и обратно, одно безъ другаго быть не можетъ, такъ какъ обусловливающія ихъ свойства сосуществуютъ въ каждомъ движеніи.

На обсуждаемый вопросъ можетъ быть поставленъ шире: слѣдуетъ ли считать указанныя два свойства ощущеній, содержаніе и силу, одинаково первичными не только въ предѣлахъ человѣческаго организма, но и въ примѣненіи ко всему животному царству? У низшихъ органическихъ созданій раздраженія такъ же ли необходимо сопровождаются ощущеніями различной силы и различнаго содержанія? Или же у нихъ одно изъ разсматриваемыхъ свойствъ возникаетъ ранѣе, а другое позднѣе, представляя дальнѣйшую спеціализацію перваго? Допуская, что въ каждомъ внѣшнемъ раздраженіи есть и сила и форма, слѣдуетъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ допускать, что эти два свойства внѣшняго раздраженія должны непремѣнно усвояться вмѣстѣ, одновременно или, можетъ быть, возможно, не смотря на ихъ сосуществованіе, послѣдовательное ихъ усвоеніе, съ постепеннымъ развитіемъ способности ощущенія? Отвѣчать на эти вопросы въ настоящее время мы не будемъ, потому что это значило бы коснуться общаго вопроса объ основныхъ свойствахъ психическихъ явленій. Теперь мы только замѣтимъ, что, по нашему мнѣнію, сила ощущенія есть основное, первичное свойство ощущенія и поэтому мы представимъ сначала количественный анализъ ощущенія, а потомъ качественный.

§ 30. Сила ощущенія зависитъ отъ величины раздраженія. Безъ всякой перемѣны въ своемъ качественномъ содержаніи

ощущеніе проходитъ цѣлую скалу количественныхъ перемѣнъ, которыя соотвѣтствуютъ только различной высотѣ возбуждающаго его и въ себѣ самомъ неизмѣнившагося раздраженія. По мѣрѣ возвышающейся силы раздраженій, ощущенія одного и того же класса располагаются въ ряды непрерывно возрастающей интенсивности, какъ постоянно можно наблюдать это надъ различными степенями силы ощущеній температуры и тяжести, свѣта и тоновъ. Относительно этого свойства ощущеній психологія владѣетъ въ настоящее время нѣкоторыми весьма цѣнными и интересными наблюденіями. Сдѣланы были попытки точно опредѣлить отношеніе раздраженія къ ощущенію, постепенное возрастаніе ощущеній по мѣрѣ увеличенія раздраженія. Прежде всего замѣчено, что не каждое раздраженіе непремѣнно возбуждаетъ ощущеніе. Послѣднее является только тогда, когда раздраженіе достигаетъ извѣстной интенсивности и становится величиною, замѣтною для чувства. Изъ безчисленнаго множества дѣйствующихъ на насъ раздраженій многія проходятъ незамѣтно для сознанія, вслѣдствіе своей недостаточной силы. Звуковыя волны бороздятъ атмосферу даже тамъ, гдѣ мы ничего не слышимъ и разнообразныя пахучія вещества носятся въ воздухѣ, не производя на наше чувство замѣтнаго впечатлѣнія. Итакъ для органовъ внѣшнихъ чувствъ существуетъ извѣстная меньшая величина—minimum—раздраженія, за предѣлами которой раздраженіе не возбуждаетъ ощущеній.

Точно также на ряду съ minimum'омъ раздраженія для органовъ внѣшнихъ чувствъ существуетъ и своя большая величина раздраженія, maximum, за которой ощущеніе не возрастаетъ, какъ бы мы ни усиливали раздраженіе. Когда нашъ глазъ поражается слишкомъ рѣзкимъ и сильнымъ свѣтомъ, или ухо слишкомъ громкимъ звукомъ, то мы иногда бываемъ ослѣплены и оглушены, и въ этотъ моментъ можно усиливать свѣтъ или звукъ до какой угодно степени,—мы не почувствуемъ увеличенія раздраженія, не можемъ сознать впечатлѣнія. При операціяхъ сильная боль повергаетъ иногда больнаго въ безчувственное состояніе, притупляетъ его нервы, такъ что дальнѣйшая операція не вызываетъ страданій. Итакъ для органовъ чувствъ есть maximum раздраженія, за которымъ ощущеніе не увеличивается.

Minimum и maximum раздраженія носятъ у нѣкоторыхъ психологовъ особыя названія Minimum раздраженія называется нерѣдко «порогомъ» раздраженія и едва замѣтное ощущеніе, соотвѣтствующее этому порогу, «порогомъ смущенія»; maximum раздраженія называется «высотой» раздраженія и ощущеніе, соотвѣтствующее высотѣ, «высотой ощущенія». Объемъ способности человѣка воспринимать раздраженія опредѣляется положеніемъ порога и высоты. Чѣмъ меньше порогъ раздраженія, т. е. та величина раздраженія, за которой слѣдуетъ едва замѣтное ощущеніе, тѣмъ человѣкъ бываетъ чувствительнѣе; чѣмъ больше высота ощущенія, чѣмъ лучшею способностью владѣетъ человѣкъ отвѣчать замѣтно различными ощущеніями на постепенно болѣе и болѣе возрастающую силу раздраженія, тѣмъ онъ бываетъ воспріимчивѣе къ раздраженіямъ. Чувствительность и воспріимчивость и опредѣляютъ объемъ способности человѣка къ ощущенію.

Если мы попытаемся теперь опредѣлить minimum и maximum раздраженія, порогъ и высоту для каждаго органа, то мы встрѣтимъ при этомъ нѣкоторыя затрудненія. Для опредѣленія minimum'а раздраженія эти затрудненія будутъ заключаться въ слѣдующихъ трехъ обстоятельствахъ: 1) представляется дѣломъ крайне труднымъ, почти невозможнымъ, удалить всѣ раздраженія отъ органовъ, чтобы такимъ образомъ начать раздраженіе съ нуля. Нѣкоторые органы чувствъ, и особенно глазъ и ухо, постоянно находятся подъ вліяніемъ раздраженій болѣе или менѣе сильныхъ, обусловливаемыхъ частію внѣшними отношеніями, частію устройствомъ самаго органа; 2) впечатлительность органовъ къ раздраженіямъ мѣняется въ разное время. Напр. впечатлительность глаза къ свѣту увеличивается отъ пребыванія въ темнотѣ. Такія измѣненія впечатлительности затрудняютъ изслѣдованіе; 3) нѣкоторые органы внѣшнихъ чувствъ необыкновенно чувствительны къ раздраженіямъ, такъ что наши средства измѣренія раздраженій по сравненію съ ними недостаточны, какъ это есть случай напр. въ отношеніи чувствительности глаза къ свѣту и отдѣльныхъ частей кожи къ температурѣ. Поэтому измѣренія minimum'а раздраженій для различныхъ органовъ могутъ имѣть только приблизительную правильность, но не математическую точность. Такъ, по измѣ-

реніямъ Обера, minimum раздраженія для глаза таковъ: если мы освѣтимъ полоску бѣлой бумаги, находящуюся отъ наблюдателя на разстояніи 5,5 метра свѣтомъ въ триста разъ слабѣйшимъ, чѣмъ свѣтъ полной луны, то получимъ самое слабое зрительное ощущеніе. Въ отношеніи органа слуха Шафгаутль нашелъ, что здоровое ухо получаетъ едва замѣтное ощущеніе слуха, когда пробковый шарикъ вѣсомъ въ одинъ миллиграммъ падаетъ съ высоты одного миллиметра и на разстояніи отъ наблюдателя на 91 миллиметръ. По опытамъ Обера и Каммлера, самое слабое ощущеніе давленія въ чувствительнѣйшихъ мѣстахъ кожи, (губахъ, на лбу, вискахъ, передней части руки) получается въ томъ случаѣ, если давящая тяжесть имѣетъ два миллиграмма вѣса. Для ощущеній температуры minimum раздраженія не найденъ еще, конечно, потому, что наше тѣло, наша кожа владѣетъ собственной теплотой, въ различное время измѣняющейся. Для ощущеній обонянія и вкуса minimum раздраженія также еще не опредѣленъ.

Что касается максимума раздраженія, то точно опредѣлить его еще менѣе возможно, чѣмъ минимумъ. Сильныя раздраженія органовъ внѣшнихъ чувствъ влекутъ за собой поврежденія этихъ органовъ. Сильный звукъ оглушаетъ насъ, сильный свѣтъ ослѣпляетъ. Поэтому опыты въ данномъ направленіи неудобны, они могутъ совсѣмъ разрушить органъ, вслѣдствіе чего не существуетъ даже приблизительнаго опредѣленія максимума раздраженій для различныхъ органовъ, хотя несомнѣнно онъ есть, какъ показываютъ изложенные выше факты.

§ 31. Если ощущенія каждаго органа располагаются, по степени своей интенсивности, въ опредѣленныя скалы, имѣющія на своихъ противоположныхъ границахъ два опредѣленные пункта — минимумъ и максимумъ, то спрашивается: какимъ образомъ увеличивается наше ощущеніе въ этихъ опредѣленныхъ границахъ, въ какомъ отношеніи находится оно къ раздраженію? Какую величину нужно прибавить къ имѣющемуся раздраженію, чтобы увеличить ощущеніе едва замѣтнымъ образомъ? Въ какой пропорціи вообще возрастаетъ ощущеніе, въ прямой ли, такъ что если мы увеличимъ раздраженіе вдвое, то и ощущеніе усилится вдвое, или въ какой либо другой? Уже простыя наблюденія показываютъ, что отношеніе между

раздраженіемъ и ощущеніемъ не такъ просто, какъ это можно было бы предполагать; легко замѣтить, что при значительныхъ раздраженіяхъ органа ощущеніе не находится въ простомъ, прямомъ отношеніи къ раздраженію, оно не увеличивается иногда вслѣдъ за непосредственнымъ увеличеніемъ раздраженія. Если бальная зала освѣщена тысячью свѣчей или газовыхъ рожковъ, то мы можемъ или еще прибавить пять свѣчей или убавить пять и присутствующіе рѣшительно не замѣтятъ измѣненія въ силѣ и яркости освѣщенія залы. Тяжесть одного и того же опредѣленнаго вѣса, прибавленная къ другой небольшой тяжести, ощущается очень ясно, но прибавленная къ большой вовсе не замѣчается. Если носильщику, перетаскивающему куль муки въ нѣсколько пудовъ вѣсовъ, мы, незамѣтно для него, прибавимъ тяжесть еще въ одинъ фунтъ, то онъ по ощущенію не догадается объ этой прибавкѣ. Если изъ обыкновеннаго оркестра, имѣющаго, положимъ, 40 скрипокъ, мы одну отнимемъ, слушатели не замѣтятъ убавки. Всѣ эти факты показываютъ, что одна и та же величина раздраженія можетъ усилить ощущеніе, если она прибавляется къ раздраженію незначительнаго размѣра, а можетъ и не усилить, если она прибавляется къ величинѣ большаго размѣра. Слѣдовательно между раздраженіемъ и ощущеніемъ нѣтъ прямаго отношенія, ощущеніе не увеличивается пропорціонально увеличенію раздраженія. Въ какой же мѣрѣ увеличивается ощущеніе вслѣдъ за увеличеніемъ раздраженія? Такъ какъ обыкновенныя наблюденія для отвѣта на этотъ вопросъ недостаточны, то психофизика создала спеціальные методы для изслѣдованія отношенія между раздраженіемъ и ощущеніемъ. Такихъ спеціальныхъ методовъ три: методъ едва замѣтныхъ различій, методъ правильныхъ и ложныхъ случаевъ и методъ среднихъ ошибокъ. Первый изъ этихъ методовъ принадлежитъ Веберу, остальные два—Фехнеру. [1])

---

[1]) См. объ этихъ методахъ Fechner, Elemente der Psychophysik 1860. Erster Theil, s. 72—76 и слѣд.; Wundt, Grundzüge der physiologischen Psychologie, S. 323—334; Germann, Handbuch der Physiologie, zwiter Band, zweiter Theil s. 224, 225. Относительно Вундта нужно замѣтить, что онъ, кромѣ тѣхъ трехъ методовъ, которые будутъ описаны, указываетъ еще четвертый, примѣняемый преимущественно къ зрительнымъ ощущеніямъ и

Методъ едва замѣтныхъ различій имѣетъ своею задачею опредѣлить, за какимъ увеличеніемъ раздраженія слѣдуетъ едва замѣтное увеличеніе ощущенія и, наоборотъ, за какимъ уменьшеніемъ раздраженія слѣдуетъ едва замѣтное ослабленіе интенсивности ощущенія. Этой задачи методъ достигаетъ весьма простымъ способомъ: сила раздраженія постепенно, малыми дозами, уменьшается или увеличивается до тѣхъ поръ, пока не будетъ замѣтно измѣненіе ощущенія. Слѣдовательно по этому методу или слишкомъ замѣтное различіе опускается до степени едва замѣтнаго или же незамѣтное возвышается до замѣтнаго и берется средній выводъ. Чувствительность къ раздраженіямъ обыкновенно бываетъ обратно пропорціональна величинѣ найденнаго такимъ образомъ различія.

Методъ едва замѣтныхъ различій естественнымъ образомъ переходитъ въ методъ правильныхъ и ложныхъ случаевъ. Наблюденіе едва замѣтнаго измѣненія ощущенія даетъ много мѣста субъективному, личному взгляду и мнѣнію; можно постоянно сомнѣваться, дѣйствительно ли ощущеніе измѣнилось едва замѣтнымъ образомъ или нѣтъ. Чтобы сказать это съ несомнѣнною увѣренностью, для этого нужно, чтобы измѣненіе ощущенія было вполнѣ замѣтно и величина раздраженія, прибавленная къ первоначальной, болѣе или менѣе значительна. Если же прибавка раздраженія будетъ мала и измѣненіе ощущенія не вполнѣ замѣтно, то экспериментируемое лицо будетъ путаться, подумаетъ, что его ощущеніе замѣтно измѣнилось, когда на самомъ дѣлѣ оно замѣтно не измѣнялось, и наоборотъ, т. е. будетъ иногда правильно говорить о характерѣ своего ощущенія, а иногда неправильно. А на этомъ и основы-

---

называемый имъ die Methode der mittleren Abstufungen der Empfindung (также методъ сверхъзамѣтныхъ различій). Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: когда сравниваются по степени силы только два ощущенія, тогда точно опредѣлить величину ихъ нельзя, тогда можно сказать, что одно сильнѣе, а другое слабѣе и болѣе ничего. Иное дѣло при трехъ ощущеніяхъ. Сравнивая три ощущенія, легко сказать, которое изъ нихъ по степени силы лежитъ между сильнѣйшимъ и слабѣйшимъ, ближе къ первому или ко второму или ровно на срединѣ между обоими. Далѣе можно отыскивать новое среднее между прежнимъ среднимъ и сильнымъ или слабымъ и такимъ путемъ можно опредѣлить отношеніе между величиной раздраженія и интенсивностью ощущенія.

вается методъ правильныхъ и ложныхъ случаевъ. По этому методу изслѣдованіе отношенія между раздраженіемъ и ощущеніемъ производится такимъ образомъ: берутся два сосуда— если изслѣдованіе касается осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній,—въ одинъ изъ нихъ кладется тяжесть опредѣленнаго вѣса, способная вызвать замѣтно раздѣльное ощущеніе. Въ другой сосудъ кладется та же тяжесть, но съ прибавкой меньшей, чѣмъ та, которая требуется для произведенія вполнѣ замѣтнаго измѣненія въ ощущеніи. Затѣмъ экспериментируемое лицо просятъ по одному ощущенію опредѣлить, въ какомъ сосудѣ находится большая тяжесть. Оно естественно ошибается, болѣе тяжелый сосудъ принимаетъ за болѣе легкій и наоборотъ, такъ какъ у него замѣтнаго измѣненія ощущенія нѣтъ. Чѣмъ больше прибавка къ первоначальному раздраженію, или чѣмъ чувствительнѣе извѣстное лицо, тѣмъ больше количество правильныхъ случаевъ по сравненію съ ложными, или въ отношеніи къ цѣлому количеству случаевъ и тѣхъ и другихъ. Задача метода въ томъ и состоитъ, чтобы опредѣлить, какъ велика должна быть прибавка къ первоначальному раздраженію, чтобы отношеніе правильныхъ и ложныхъ случаевъ между собою, или количество правильныхъ случаевъ къ цѣлому числу случаевъ оставалось тоже самое. Величина чувствительности среди этихъ различныхъ обстоятельствъ бываетъ обратно пропорціональна найденному вѣсу.

Методъ среднихъ ошибокъ есть орудіе болѣе тонкое и точное для изслѣдованія отношенія между раздраженіемъ и ощущеніемъ, чѣмъ предшествующіе два метода. Изслѣдованіе ведется по этому методу слѣдующимъ образомъ: берется одинъ сосудъ и взвѣшивается, такъ что его вѣсъ точно извѣстенъ. Вѣсъ же другаго сосуда, по тяжести немного меньшаго, чѣмъ первый, отличающагося отъ него столь незначительной вѣсовой единицей, что она не можетъ вызвать замѣтнаго измѣненія въ ощущеніи, предлагается экспериментируемому лицу опредѣлить по ощущенію, именно по сравненію ощущенія, возбуждаемаго вторымъ сосудомъ, съ ощущеніемъ, возбуждаемымъ первымъ сосудомъ. При этомъ, конечно, совершается ошибка, которая и опредѣляется взвѣшиваньемъ втораго сосуда. Если опытъ повторяется часто, то получается много ошибокъ, изъ

которыхъ можно вывести среднюю ошибку. Чувствительность бываетъ обратно пропорціональна найденной такимъ образомъ средней ошибкѣ. При этомъ считаются какъ положительныя, такъ и отрицательныя ошибки, т. е. какъ тѣ, которыми утверждается, что сосудъ тяжеле, такъ и тѣ, которыми утверждается, что сосудъ легче.

Изложенные три метода восполняютъ другъ друга и ведутъ къ одной и той же цѣли. По первому методу изслѣдуется граница между выше—замѣтнымъ и ниже—замѣтнымъ различіемъ въ раздраженіи и ощущеніи и опредѣляется едва замѣтное различіе; по второму вычисляются выше—замѣтныя различія, которыя случайно могутъ оказаться то правильными, то ложными; по третьему измѣряются ниже—замѣтныя различія. При всѣхъ трехъ методахъ пользуются величинами очень маленькими, потому что это обстоятельство представляетъ значительное удобство при изслѣдованіи.

Мы указывали примѣненіе этихъ методовъ къ изслѣдованію одного класса ощущеній, именно ощущеній давленія. Само собой разумѣется, что эти методы можно примѣнить къ изслѣдованію ощущеній и другихъ классовъ, свѣтовыхъ, слуховыхъ вкусовыхъ и т. д. Изъ изложенія методовъ видно, что методъ едва замѣтныхъ различій есть наиболѣе простой, прямой, быстро ведетъ къ цѣли и не требуетъ долгихъ и многихъ вычисленій. Между тѣмъ какъ для другихъ методовъ необходимо большое число правильныхъ и ложныхъ случаевъ и ошибокъ, чтобы былъ возможенъ правильный выводъ, по методу едва замѣтныхъ различій такого множества случаевъ не требуется, потому что каждый отдѣльный случай самъ по себѣ даетъ результатъ. Главнѣйшій недостатокъ этого метода заключается въ его субъективности. Преимущество послѣднихъ двухъ методовъ предъ первымъ заключается въ томъ, что они даютъ меньше мѣста субъективнымъ взглядамъ и потому болѣе строги и точны.

§ 32. Какіе же результаты объ отношеніи между раздраженіемъ и ощущеніемъ получаются изъ изслѣдованій по описаннымъ тремъ методамъ? Главнѣйшіе результаты психофизическихъ изслѣдованій и споровъ въ этой отрасли знанія Фехнеръ, помимо утвержденія и разъясненія самыхъ методовъ изслѣдованія силы ощущенія и принципа измѣренія ощущенія, сво-

дитъ къ слѣдующимъ тремъ: закону Вебера, закону порога и параллельному закону. [1]) Разсмотримъ эти законы.

Коротко законъ Вебера, или такъ называемый психофизическій законъ, можно выразить слѣдущимъ положеніемъ: ощущеніе различія между двумя раздраженіями не измѣняется, если раздраженія, при измѣненіи своей абсолютной величины, удерживаютъ тоже самое отношеніе другъ къ другу, если слѣдовательно относительное различіе между ними остается одинаковымъ. По этому закону каждое приращеніе или уменьшеніе ощущенія въ такой степени зависитъ отъ обусловливающаго его раздраженія, что всегда находится къ нему въ томъ же отношеніи. По методу едва замѣтныхъ различій оказывается, что прибавочное раздраженіе, которое вызываетъ едва замѣтное измѣненіе ощущенія, находится въ постоянномъ, неизмѣнномъ отношеніи къ первоначальной величинѣ раздраженія, къ которой оно прибавляется. Если въ тяжести въ 1 фунтъ нужно прибавить $^1/_3$ фунта, чтобы вызвать замѣтное измѣненіе ощущенія давленія, то къ тяжести въ 2 фунта нужно прибавить $^2/_3$ фунта, къ тяжести въ 3 фунта цѣлый фунтъ, чтобы произошло замѣтное измѣненіе первоначальнаго ощущенія.— По методу правильныхъ и ложныхъ случаевъ оказывается, что если два сравниваемыя, незамѣтно различныя, раздраженія сохраняютъ неизмѣнное отношеніе между собою, то отношеніе правильныхъ случаевъ къ общему числу случаевъ остается постояннымъ. Если сравнивается, положимъ, тяжесть вѣсомъ въ одну единицу съ тяжестью вѣсомъ въ $1+^1/_5$, то получается опредѣленное количество правильныхъ случаевъ въ общемъ числѣ случаевъ; то же самое количество правильныхъ случаевъ останется, если мы будемъ сравнивать тяжесть вѣсомъ въ двѣ единицы съ тяжестью вѣсомъ въ $2+^2/_5$, или тяжесть вѣсомъ въ три единицы съ тяжестью вѣсомъ въ $3+^3/_5$ и т. д.—По методу среднихъ ошибокъ оказывается, что средняя ошибка, которая происходитъ при сравненіи одного раздраженія съ другимъ, отъ котораго оно замѣтно не отличается, бываетъ постоянно на одну и ту же дробь цѣлаго раздраженія. Если

---

[1]) Revision der Hauptpunkte der Psychophysik, Vorwort, s. VII и этой же книги Dritte Abtheilung, Psychophysiche Gesetze. s. 146—181.

напр. по сравненію съ ощущеніемъ, вызываемымъ тяжестью вѣсомъ въ одну единицу, опредѣляется тяжесть другаго тѣла приблизительно одинаковаго вѣса, и средняя ошибка бываетъ на $^1/_{10}$ цѣлаго вѣса, то при тяжести въ двѣ единицы средняя ошибка будетъ $^2/_{10}$, при тяжести въ три единицы $^3/_{10}$ и т. д.

Такимъ образомъ оказывается, что въ результатахъ всѣхъ трехъ методовъ господствуетъ одинъ и тотъ же законъ, который вообще можно выразить такъ: «если интенсивность ощущенія должна возрастать на одинаковую абсолютную величину, то относительное прибавочное раздраженіе должно быть постояннымъ». Иначе: «различіе двухъ раздраженій сознается одинаковымъ, если отношеніе ихъ остается неизмѣннымъ». Этотъ законъ есть основной психофизическій законъ. Если мы переведемъ логическое выраженіе психофизическаго закона на математическій языкъ, то получимъ слѣдующую формулу: «ощущеніе пропорціонально логариѳму раздраженія», иначе «геометрическому ряду раздраженій соотвѣтствуетъ ариѳметическая прогрессія ощущеній».

Чтобы составить теперь совершенно ясное представленіе о постепенномъ возрастаніи ощущеній сообразно съ увеличеніемъ раздраженій, намъ нужно припомнить только, что такое геометрическая прогрессія и что такое ариѳметическая прогрессія. Въ ариѳметической прогрессіи числа увеличиваются на извѣстную разность, каждое предъидущее число бываетъ равно послѣдующему безъ разности и каждое послѣдующее равно предъидущему, сложенному съ разностью. Напр., если мы представимъ такіе ряды чиселъ: 2, 4, 6, 8, 10, 12 (разность 2)..... 3, 6, 9, 12, 15, 18 (разность 3).....4, 8, 12, 16, 20, 24 (разность 4)..... то эти ряды чиселъ будутъ представлять ариѳметическую прогрессію. Въ геометрической же прогрессіи послѣдующее число получается черезъ умноженіе предшествующаго на знаменателя отношенія, и каждое предъидущее число бываетъ равно послѣдующему, раздѣленному на знаменателя отношенія и каждое послѣдующее равно предъидущему, умноженному на знаменателя отношенія. Геометрическая прогрессія, соотвѣтствующая тремъ рядамъ числъ указанной выше ариѳметической прогрессіи, будетъ состоять изъ слѣдующихъ трехъ рядовъ числъ: 2, 4, 8, 16, 32, 64.... (знаменатель

отношенія 2), 3, 9, 27, 81, 243, 729 (знаменатель отношенія 3).....4, 16, 64, 256, 1024, 4096 (знаменатель отношенія 4).... Отсюда видно, что числа ариѳметической прогрессіи возрастаютъ чрезвычайно медленно по сравненію съ числами геометрической прогрессіи, а вмѣстѣ съ этимъ становится понятно, что ощущенія увеличиваются очень медленно по сравненію съ раздраженіями, такъ какъ ощущенія возрастаютъ въ ариѳметической прогрессіи въ то время, когда раздраженія увеличиваются въ геометрической. [1])

Психофизическій законъ имѣетъ примѣненіе не только въ сферѣ ощущеній, но и въ другихъ областяхъ. Если прибавится одинъ рубль къ имуществу нищаго, состоящему всего изъ нѣсколькихъ десятковъ рублей, то эта прибавка сдѣлаетъ его счастливымъ; если тотъ же рубль присоединить къ капиталу милліонера, то чрезъ эту прибавку его удовольствіе нисколько не увеличится. Ему нужно дать гораздо болѣе, чтобы онъ испыталъ радость, одинаковую съ радостью нищаго. Когда въ прудъ упадаетъ капля воды, то рыбы этого не замѣтятъ; для нихъ нуженъ цѣлый ручей. Но если эту каплю прибавить къ росѣ вѣнчика розы, гдѣ сидитъ инфузорія, то эта капля покажется ей потопомъ. Когда въ жизни общества или государства происходятъ великіе перевороты, совершаются коренныя реформы, волнующія общество отъ верху до низу, тогда разные частные факты—замѣчательный процессъ, замѣчательная артистка, пикантная статья не обращаютъ на себя вниманіе; когда же такихъ глубокихъ общихъ интересовъ нѣтъ, то въ обществѣ много говорятъ и о процессѣ, и о пѣвицѣ, и даже о фельетонѣ. Если у матери 10 человѣкъ дѣтей и она одного теряетъ, то эта потеря для нея далеко не такъ чувствительна, какъ въ томъ случаѣ, когда у ней одно дитя. И нужно замѣтить, что подобнаго рода наблюденія, даже съ стремленіемъ облечь ихъ въ математическую форму, дѣлались

---

[1]) Научное обоснованіе психофизическаго основнаго закона принадлежитъ Веберу, который утвердилъ его изысканіями по методу едва замѣтныхъ различій (преимущественно въ области ощущеній давленія), вслѣдствіе чего этотъ законъ и называется закономъ Вебера. Онъ открытъ Веберомъ въ 1834 г. Широкое его примѣненіе къ другимъ областямъ ощущеній сдѣлано Фехнеромъ.

давно. Такъ въ прошломъ столѣтіи знаменитые математики Даніилъ Бернулли и Лапласъ замѣтили, что внутреннее чувство счастья, которое Лапласъ называлъ «моральной фортуной», пропорціонально лагариѳму внѣшнихъ благъ—«физической фортунѣ»—, или другими словами: что удовольствіе возрастаетъ въ ариѳметической прогрессіи, между тѣмъ какъ владѣніе увеличивается въ геометрической прогрессіи. Напр. человѣкъ, имѣвшій 1000 талеровъ и получившій еще 100, чувствуетъ тоже самое удовольствіе, какъ и другой, имѣвшій 100 талеровъ и пріобрѣвшій еще 10.

Законъ или фактъ порога состоитъ въ томъ, что раздраженіе должно достигнуть опредѣленной величины или силы, прежде чѣмъ оно вызоветъ замѣтное ощущеніе. Какъ долго раздраженіе не достигло опредѣленной величины, ощущеніе остается несознательнымъ. Фехнеръ различаетъ четыре вида пороговъ: простой, порогъ раздраженія, порогъ различія, порогъ отношенія и смѣшанный порогъ. [1]) Простой порогъ раздраженія обозначаетъ величину раздраженія, которую надобно превысить, чтобы существованіе раздраженія обнаружилось едва замѣтнымъ ощущеніемъ; порогъ различія обозначаетъ величину различія раздраженій, которая необходима, чтобы различіе было признано существующимъ. Такъ какъ различіе двухъ раздраженій естественнымъ образомъ предполагаетъ отношеніе двухъ раздраженій, то порогъ различія переходитъ въ порогъ отношенія т. е. въ то отношеніе раздраженій, которое должно быть превышено, чтобы различіе между раздраженіями было узнано какъ таковое; порогъ смѣшенія состоитъ въ томъ, что если на насъ дѣйствуетъ смѣсь разнообразныхъ раздраженій, то существованіе какого либо отдѣльнаго раздраженія между смѣшанными можетъ быть узнано только тогда, когда оно превыситъ опредѣленное отношеніе силы къ прочимъ.

Сущность параллельнаго закона такова: если два раздраженія различной силы въ теченіе извѣстнаго времени дѣй-

---

[1]) Revision der Hauptpunkte der Psychophysik s. 177. Въ сочиненіи «Elemente der Psychophysik» Фехнеръ различаетъ и другіе пороги, напр. интенсивный и экстенсивный. См. 1, 239.

ствуютъ на ощущающій органъ, то абсолютныя ощущенія, вызванныя раздраженіями, вслѣдствіе уменьшенной раздражимости, утомленія, ослабляются, ощущеніе же различія раздраженій остается неизмѣненнымъ, какъ будто бы объективныя раздраженія измѣнились одинаковымъ образомъ. Пусть мы разсматриваемъ свѣтлое поле и темное поле, находящіяся другъ возлѣ друга, одновременно двумя открытыми глазами. Различіе ясности между ними кажется неизмѣнившимся, не смотря на болѣе или менѣе продолжительное разсматриваніе того и другаго поля, между тѣмъ какъ абсолютныя ощущенія несомнѣнно измѣнились. Отъ разсматриванія нашъ глазъ утомляется, становится менѣе воспріимчивымъ, такъ что одно и тоже раздраженіе дѣйствуетъ на него гораздо слабѣе, но это ослабленіе абсолютныхъ ощущеній совершается въ такомъ отношеніи, что ощущаемое различіе между ними остается одинаковымъ.

§ 33. Изслѣдованія Фехнера по психофизикѣ вызвали цѣлую литературу. Явилось много ученыхъ, которые пожелали повторить опыты Фехнера, провѣрить его вычисленія; были сдѣланы новые опыты и изслѣдованія для рѣшенія поставленныхъ имъ психофизическихъ вопросовъ, предложены новыя формулы. Въ результатѣ оказалось, что у Фехнера есть послѣдователи, но много и противниковъ, которые настойчиво оспоривали всѣ главнѣйшія положенія его психофизики. Слѣдить за этими спорами намъ нѣтъ нужды и мы коснемся ихъ только кратко, на сколько они способны выяснить самую сущность результатовъ психофизическихъ изслѣдованій. При изложеніи возраженій на психофизику Фехнера и отвѣтовъ на нихъ, мы будемъ пользоваться по преимуществу сочиненіями самаго Фехнера: «Jn Sachen der Psychophysik» (Leipzig, 1877 г.) и «Revision der Hauptpunkte der Psychophysik» (Leipzig, 1882 г.), въ которыхъ сдѣланъ обстоятельный и добросовѣстный сводъ всѣхъ возраженій противъ психофизическихъ изслѣдованій Фехнера. [1])

---

[1]) Одно изъ важнѣйшихъ критическихъ сочиненій, направленныхъ противъ психофизики Фехнера, есть сочиненіе G. E. Müller'a, Zur Grundlegung der Psychophysik. Kritische Beiträge, Berlin, 1878. Можно находить критическія

Самое существенное возраженіе противъ психифизики Фехнера заключается въ пониманіи закона Вебера. Остальныя положенія его психофизики, законъ порога и параллельный законъ, находятся въ самой тѣсной связи съ закономъ Вебера, на немъ основываются и потому вмѣстѣ съ нимъ или стоятъ или падаютъ. Въ пониманіи же закона Вебера возможны два пути: путь, которымъ идетъ Фехнеръ и который называется техническимъ словомъ «психофизическій» взглядъ, и путь, котораго держатся нѣкоторые изъ оппонентовъ Фехнера и который называется «физіологическій» взлядъ. Разница между этими двумя взглядами такая: по психофизическому взгляду внѣшнимъ раздраженіемъ, въ границахъ веберовскаго закона, вызывается въ нервахъ и нервныхъ центрахъ возбужденіе, пропорціональное раздраженію, а уже ощущеніе находится въ логариѳмической зависимости отъ психофизическаго возбужденія, т. е. процесса въ нервахъ и нервныхъ центрахъ; по физіологическому же взгляду напротивъ, въ границахъ веберовскаго закона, психофизическое возбужденіе находится въ логариѳмической зависимости отъ раздраженія, ощущеніе же бываетъ пропорціонально психофизическому возбужденію.

Согласно съ указаннымъ принциніальнымъ различіемъ, по психофизическому взгляду, въ границахъ веберовскаго закона, измѣненіе психофизическаго возбужденія бываетъ прямо пропорціонально абсолютному измѣненію раздраженія, напротивъ измѣненіе ощущенія вообще пропорціанально относительному измѣненію психофизическаго возбужденія; по физіологическому взгляду, въ границахъ веберовскаго закона, измѣненіе психофизическаго возбужденія бываетъ пропорціонально относительному измѣненно раздраженія, измѣненіе же ощущенія вообще пропорціонально абсолютному измѣненію психофизіологическаго возбужденія. По психофизическому взгляду, кромѣ внѣшняго порога раздраженія, существуетъ еще внутренній, соотвѣтствующій внѣшнему, порогъ ощущенія, который можно

замѣчанія и во многихъ другихъ сочиненіяхъ напр. Ribot, La Psychologie allemande contemporaine (Paris, 1879 г.) въ гл. Zechner et la psychophysique (p. 155—214); Hermann, Handbuch der Physiologie, zweiter Band, zweiter Theil s. 238—246.

назвать психофизическимъ порогомъ. Это значитъ, что не только внѣшнее раздраженіе должно превысить извѣстную величину, чтобы возбудить замѣтное ощущеніе, но и само психофизическое возбужденіе должно превысить извѣстную мѣру, чтобы ощущеніе сдѣлалось замѣтнымъ; по физіологическому же взгляду, согласно пропорціональности между ощущеніемъ и психофизическимъ движеніемъ, малѣйшее психофизическое движеніе уже возбуждаетъ маленькое ощущеніе и потому внутренняго порога ощущенія не допускается. И во всѣхъ частныхъ психофизическихъ вопросахъ и изслѣдованіяхъ указанныя принципіальныя различія психофизическаго и физіологическаго взглядовъ также обнаруживаются, такъ что борьба между упомянутыми воззрѣніями приходитъ чрезъ всю область психофизики.

Причина, по которой физіологическій процессъ отстаетъ въ своей интенсивности отъ внѣшняго раздраженія—какъ это утверждается физіологическимъ взглядомъ,—заключается, по мнѣнію защитниковъ этого взгляда, напр. Бернштейна, въ томъ, что нервное возбужденіе, распространяясь по нерву безъ всякаго ослабленія, встрѣчаетъ противодѣйствіе въ нервныхъ клѣткахъ, вслѣдствіе чего и уменьшается, ослабѣваетъ.

Оппоненты указываютъ Фехнеру и на другой, по ихъ мнѣнію, промахъ въ пониманіи закона Вебера. Опыты говорятъ, что различіе между ощущеніями постоянно остается едва замѣтнымъ, если относительное различіе между раздраженіями остается одинаковымъ. Но что едва замѣтныя различія ощущеній при различной величинѣ раздраженій постоянно равны между собою, этого опыты не говорятъ и это есть совершенно произвольное предположеніе. А между тѣмъ такое произвольное предположеніе и составляетъ самую сущность психофизическаго закона по формулировкѣ Фехнера. По его ученію, наши ощущенія будутъ равно одинаковы, когда къ 10 лотамъ прибавляется одинъ лотъ, или къ 10 фунтамъ прибавляется одинъ фунтъ, или къ 10 пудамъ одинъ пудъ.

Фактическая состоятельность психофизическаго закона по формулѣ Фехнера также подвергается сомнѣнію. Находятъ, что далеко не всѣ факты легко и удобно укладываются въ рамки фехнеровскаго закона, что многіе съ нимъ не согласны, противорѣчатъ ему. Замѣчанія представляютъ относительно

всѣхъ классовъ ощущеній, подвергшихся экспериментамъ. Такъ о соотвѣтствіи роста зрительныхъ ощущеній съ психофизическимъ закономъ замѣчаютъ, что здѣсь встрѣчаются довольно значительныя уклоненія отъ закона и уклоненія большія, чѣмъ какія первоначально допускалъ Фехнеръ. По изслѣдованіямъ Гельмгольца, уклоненія, наиболѣе значительныя, бываютъ при слабомъ и сильномъ освѣщеніи. При поднятіи тяжестей, по изслѣдованіямъ Геринга, также встрѣчаются уклоненія отъ фехнеровскаго закона. Онъ производилъ опыты съ тяжестью въ 250 граммовъ, постепенно увеличивая ее до 2750 граммовъ. По психофизическому закону, добавочная тяжесть, производящая едва замѣтное измѣненіе ощущенія, должна быть часть цѣлой, предшествующей, тяжести. Между тѣмъ опытъ показываетъ иное, именно добавляемая часть сначала становится все меньше и меньше, а потомъ начинаетъ возрастать. Особенно значительныя уклоненія отъ закона происходятъ въ томъ случаѣ, когда опыты производятся съ тяжестями очень мелкими, напр. отъ 10 до 500 граммовъ.—Относительно приложимости психофизическаго закона къ слуховымъ ощущеніямъ Герингъ также вступаетъ въ споръ съ Фехнеромъ. Различая въ звукѣ интенсивность и тональность, Герингъ утверждаетъ, что психофизическій законъ не приложимъ ни къ первой, ни ко второй. Вопросъ о приложеніи психофизическаго закона къ ощущеніямъ температуры самъ Фехнеръ считаетъ недостаточно выясненнымъ и рѣшеннымъ. [1]) Вкусъ и обоняніе мало изслѣдованы съ точки зрѣнія примѣненія къ нимъ психофизическаго закона, обоняніе даже совсѣмъ неизслѣдовано, а о вкусѣ имѣются только опыты Кеплера и самого Фехнера. Кеплеръ находитъ, что къ вкусовымъ ощущеніямъ психофизическій законъ неприложимъ. Ощущенія давленія одна изъ первыхъ областей, въ сферѣ которыхъ производились опыты о состоятельности психофизическаго закона. Такъ какъ собственно осязательныя ощущенія трудно выдѣлить изъ мускульныхъ, то естественно, что примѣнимость психофизическаго закона въ сферѣ осязательныхъ ощущеній подлежитъ тѣмъ же возраженіямъ, какъ и при поднятіи тяжестей.

---

[1]) Jn Sachen der Psychophysik. 165.

Да и вообще принятіе психофизическаго закона въ томъ видѣ, какъ его излагаетъ Фехнеръ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей и особенно Геринга, можетъ поставить насъ въ странное отношеніе къ внѣшнему міру, къ вещамъ. Представимъ себѣ, что линію въ 50 миллиметровъ мы едва замѣтными прибавками увеличили на 50 миллиметровъ, т. е. на ея собственную первоначальную длину; потомъ другую линію въ 50 центиметровъ мы точно также незамѣтными прибавками увеличили на 50 центиметровъ. По фехнеровскому закону, и та и другая прибавка, т. е. и 50 миллиметровъ и 50 центиметровъ, намъ должны казаться одинаковыми, потому что онѣ соотвѣтствуютъ одинаково многимъ и одинаково большимъ возрастаніямъ ощущенія отъ двухъ первоначальныхъ величинъ раздраженія. Отсюда возникаетъ путаница. Между раздраженіемъ и ощущеніемъ существуетъ прямая пропорціональность. Если раздраженіе увеличилось вдвое, то и ощущеніе увеличилось вдвое и т. д. Иначе представлять дѣло трудно «Какимъ образомъ душа можетъ правильно понять отношенія внѣшняго міра, если между вещами и событіями внѣшняго міра и явленіями нашего внутренняго міра нѣтъ никакой пропорціональности, если мѣра, которую душа прилагаетъ къ внѣшнимъ вещамъ, именно величина или сила ея ощущеній, совсѣмъ не идетъ къ этимъ внѣшнимъ вещамъ?» [1]) Необходимость пропорціональности между раздраженіемъ и ощущеніемъ наконецъ есть частный выводъ изъ общаго положенія, что причина и дѣйствіе бываютъ пропорціональны, что причина и дѣйствіе представляютъ собою простую трансформацію силъ.

Самъ Фехнеръ главнѣйшія возраженія своихъ противниковъ сводитъ къ слѣдующимъ пяти положеніямъ:

I. Законы и формулы психофизики несогласны съ фактами. Опыты показываютъ болѣе исключеній изъ законовъ, чѣмъ даютъ подтвержденій имъ. Формулы и законы неправильно выведены изъ фактовъ.

II. Допуская значеніе формулъ для внѣшней психофизики, нельзя перенести ихъ на внутреннюю психофизику, т. е. что психофизическій законъ имѣетъ смыслъ только физіологическій, а не психологическій.

---

[1]) Jn Sachen d. Psych. s. 57.

III. Формулы Фехнера встрѣчаютъ трудности математическія и не имѣютъ достаточной твердости съ этой стороны.

IV. Онѣ непримиримы съ разумной телеологіей, съ представленіемъ о внѣшнемъ мірѣ.

V. Формулы психофизическія должны быть или оставлены или измѣнены. Если формулы будутъ удержаны по своей внѣшней сторонѣ, то имъ долженъ быть приданъ совсѣмъ иной смыслъ. [1])

§ 34. Мы не будемъ подробно приводить отвѣты Фехнера на возраженія его противниковъ, укажемъ только самую сущность дѣла.

Фехнеръ замѣчаетъ, что допустить пропорціональность между раздраженіемъ и ощущеніемъ невозможно, это значило бы стать въ явное противорѣчіе съ фактами. Нельзя не признать, что такое утвержденіе Фехнера совершенно справедливо. Но если нѣтъ простой пропорціональности между раздраженіемъ и ощущеніемъ, то какъ же опредѣлить это отношеніе? Справедливъ психофизическій законъ, какъ его формулируетъ Фехнеръ, или несправедливъ?

Самъ Фехнеръ открыто признаетъ, что его законъ имѣетъ приложеніе только въ извѣстныхъ границахъ, между опредѣленными минимумомъ и максимумомъ раздраженія; что онъ допускаетъ колебанія и уклоненія, зависящія отъ различныхъ причинъ; что онъ прилагается не къ ощущенію, взятому цѣликомъ, а именно къ его интенсивности. Вотъ общій выводъ самаго Фехнера о согласіи его закона съ фактами: [2]) «какъ наиболѣе общій результатъ я нахожу, что насколько дѣло идетъ о различіи чисто интенсивностей раздраженія безъ измѣненія цвѣта или высоты тона или вообще качества ощущенія, законъ можетъ считаться приблизительно доказаннымъ въ области свѣта, звука, вкуса и вѣса, которыя и обосновываютъ вѣроятность его существеннаго значенія; напротивъ различеніе оттѣнковъ цвѣтовъ и высотъ тоновъ безъ отношенія къ интенсивности не подлежитъ закону. Далѣе въ области экстенсивныхъ ощущеній можно привести приблизительныя доказатель-

---

[1]) In Sachen der Psychophysik, s. 13—14.

[2]) Ibidem, s. 149.

ства за состоятельность закона при глазомѣрѣ и при оцѣнкѣ времени. Впрочемъ явленіе глазомѣра подлежитъ закону настолько, насколько оно покоится на мускульномъ чувствѣ глаза, между тѣмъ какъ прямая оцѣнка пространственныхъ величинъ, будетъ ли она совершаема при посредствѣ сѣтчатки или кожи, закону не подлежитъ. Наконецъ остается подъ сомнѣніемъ, слѣдуетъ ли веберовскому закону общая сила звуковаго впечатлѣнія, зависящая одновременно отъ числа и широты колебаній, точно такъ же, какъ и явленіе въ цѣломъ зрительнаго поля».

Въ подтвержденіе этого вывода Фехнеръ подробно разбираетъ опыты и свои и своихъ противниковъ и доказываетъ ихъ согласіе съ психофизическимъ закономъ. Въ одномъ случаѣ онъ находитъ только уклоненія отъ закона, а не ниспроверженіе его, напримѣръ въ изслѣдованіяхъ Гельмгольца и Обера о зрительныхъ ощущеніяхъ; въ другомъ случаѣ онъ объясняетъ несогласіе опытовъ съ закономъ недостаткомъ осторожности при производствѣ самыхъ опытовъ, какъ напримѣръ въ опытахъ Геринга съ поднятіемъ тяжестей; въ третьемъ случаѣ онъ находитъ опыты неправильно обсужденными и утверждаетъ, что, справедливо понятые, они говорятъ за законъ, а не противъ него, какъ то есть съ опытами Кепплера относительно вкуса.

Существенное возраженіе, что психофизическій законъ есть собственно законъ физіологическій, имѣющій приложеніе къ отношенію между внѣшнимъ раздраженіемъ и нервнымъ процессомъ (физіологическій взглядъ) а не нервнымъ процессомъ и ощущеніемъ, (психофизическій взглядъ) Фехнеръ отражаетъ такимъ образомъ: принципъ пропорціональности между причиной и дѣйствіемъ правиленъ, когда дѣйствіе есть непосредственное слѣдствіе причины и не нарушается вмѣшательствомъ какихъ либо стороннихъ условій. На этомъ основаніи Фехнеръ и признаетъ величину психофизическаго движенія, т. е. нервнаго процесса, пропорціональной величинѣ раздраженія. Но когда вопросъ идетъ объ отношеніи между нервнымъ процессомъ и ощущеніемъ, то о послѣдовательной зависимости тутъ не можетъ быть и рѣчи, это отношеніе одновременности или взаимозависимости. Какъ скоро данъ нервный

процессъ, необходимый при ощущеніи, то въ то же время дано и ощущеніе и наоборотъ. Поэтому происходитъ большая ошибка, смѣшеніе фактовъ и понятій, когда условія, имѣющія значеніе при послѣдовательной зависимости, переносятся на одновременную или на взаимозависимость.

Что касается возраженія, что психофизическій законъ есть неправильный выводъ изъ правильныхъ фактовъ, то Фехнеръ отвѣчаетъ на него, что опыты могутъ быть производимы при различной обстановкѣ; что всѣ побочныя вліянія и обстоятельства могутъ быть устраняемы; что опыты, кромѣ метода едва замѣтныхъ различій, могутъ быть производимы по методу правильныхъ и ложныхъ случаевъ и среднихъ ошибокъ; если же, не смотря на все это, ощущенія различія между впечатлѣніями бываютъ постоянно едва замѣтными, какъ скоро относительное различіе между ними остается неизмѣннымъ, то можно заключить къ равенству и самыхъ ощущеній.

Возраженіе съ точки зрѣнія телеологіи мы разберемъ въ концѣ трактата объ ощущеніяхъ, гдѣ выскажемъ заключительныя сужденія о состоятельности и значеніи психифизическаго закона.

Свое сочиненіе «In Sachen der Psychophysik» Фехнеръ заканчиваетъ такими словами: [1]) «вавилонская башня не была достроена, потому что рабочіе не могли сговориться какъ ее строить; моя же психофизика будетъ существовать, потому что рабочіе не могутъ сговориться, какъ ее разрушить». Послѣдними словами Фехнеръ намекаетъ на то, что его противники въ своихъ возраженіяхъ противъ него и въ выставленныхъ ими формулахъ значительно расходятся между собою и что между ихъ взглядами, сопоставленными одинъ съ другимъ, гораздо больше различія, чѣмъ между ихъ взглядами, сравниваемыми съ взглядами самого Фехнера.

---

[1]) S. 215.

Глава IV.

Объ ощущеніяхъ въ частности (качественный анализъ).

---

§ 35. При качественномъ анализѣ ощущеній можно различно классифировать ощущенія. Два принципа классификаціи имѣютъ большое значеніе для психолога: значеніе органа въ душевной жизни, т. е. количество свѣдѣній, имъ даваемыхъ, количество волненій, имѣющихъ свой источникъ въ дѣятельности извѣстнаго органа и начало постепеннаго развитія самыхъ органовъ и ощущеній. По первому принципу выше всѣхъ другихъ ощущеній нужно поставить зрительныя и слуховыя, на противоположномъ концѣ вкусовыя и обонятельныя, въ срединѣ между ними—осязательныя и мускульныя. Органическія ощущенія займутъ самое послѣднее мѣсто, какъ дающія наименьшее количество знаній. Частный распорядокъ классовъ ощущеній будетъ зависѣть отъ частнаго анализа и психологической оцѣнки различныхъ группъ ощущеній. По второму прицину на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены ощущенія основныя, первоначальныя, а дальнѣйшій ихъ порядокъ долженъ опредѣляться порядкомъ ихъ обособленія изъ основнаго органа.

Второй принципъ классификаціи ощущеній представляется наиболѣе удобнымъ. Психологическая градація органовъ внѣшнихъ чувствъ имъ не нарушается, а между тѣмъ этотъ принципъ отвѣчаетъ закону эволюціи и даетъ цѣльный взглядъ на качественную сторону ощущеній. Возникаетъ теперь вопросъ: какой органъ и какія ощущенія слѣдуетъ признать основными, первоначальными? Въ какомъ порядкѣ другіе органы и классы ощущеній возникаютъ изъ основнаго? Что побуждаетъ органы и ощущенія дифференцироваться?

Первичнымъ органомъ былъ органъ осязанія—кожа, первичнымъ классомъ ощущеній—осязательныя. Уже одно то

обстоятельство, что органъ осязанія, кожа, встрѣчается на всѣхъ ступеняхъ животнаго развитія, что при самыхъ низшихъ формахъ психической жизни онъ служитъ посредникомъ возбужденій, что не одинъ индивиндуумъ не бываетъ всецѣло лишенъ этого органа, между тѣмъ какъ другіе органы иногда отсутствуютъ, одно это обстоятельство служитъ уже указаніемъ на то, что кожа, органъ осязанія, вмѣстѣ съ мускулами, органомъ движенія, есть дѣйствительно первичный органъ. Въ подтвержденіе этого положенія можно привести и нѣкоторые другіе факты и соображенія. [1])

Постепенное возникновеніе и развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ можно слѣдить на куриномъ яйцѣ, положенномъ въ машину для высиживанія цыплятъ. Непосредственнымъ наблюденіемъ мы можемъ убѣдиться, что глазъ, ухо, органы обонянія и вкуса въ началѣ развитія зародыша еще совершенно не существуютъ, появляются позднѣе и, путемъ различныхъ превращеній матеріи, въ высшей степени простой и индиферентной, мало по малу достигаютъ своей позднѣйшей сложности. Разсматривая зародышъ курицы на третій и четвертый день высиживанія, мы замѣтимъ, что первыя начала органовъ обонянія, зрѣнія и слуха представляются въ видѣ простыхъ ямокъ на верхней кожѣ. Зрительный и слуховой нервы, равно какъ обонятельный и вкусовой, были первоначально простыми кожными нервами, каковыми они остаются и до нынѣ у низшихъ животныхъ и у юнѣйшихъ зародышевыхъ формъ высшихъ. Первоначально всѣ чувствительные нервы были способны воспринимать только простыя измѣненія давленія и температуры. Постепенно нѣкоторые изъ нихъ приспособились къ воспринятію тѣхъ воздѣйствій, которыя производятся вкусовыми и обонятельными веществами, а другіе приложили себѣ болѣе высокій путь и приспособились къ усвоенію звуковыхъ и свѣтовыхъ волнъ. Такимъ образомъ всѣ различные нервы чувствъ произошли первоначально изъ простыхъ кожныхъ нервовъ вслѣдствіе раздѣленія работы.

---

[1]) Факты, приводимые далѣе, заимствуются изъ статьи Гэккеля (Kosmos, Zeitschrift Caspari, Iäger und Krause, 1878 г. №№ 7 и 8) Ursprung ung Entwickelung der Sinneswerkzeuge и изъ книги Бастіана Le Cerveau organe de la pensée chez l' homme et chez les animaux (Paris, 1882), I vol chap. III.

Самые органы или аппараты внѣшнихъ чувствъ собственно суть ничто иное, какъ мѣстныя выдѣленія или дифференцированія одного универсальнаго чувственнаго органа внѣшней кожи. Простое осязательное ощущеніе послѣдней, ощущеніе колебаній давленія и теплоты, образуетъ источникъ специфической энергіи высшихъ чувствительныхъ нервовъ. Напримѣръ слуховые пузырьки возникаютъ на поверхности кожи въ видѣ мелкихъ ямокъ, покрытыхъ волосными клѣтками. Мало по малу эти ямки становятся глубже, образуются въ слуховые карманы, въ закрытые слуховые пузырьки, между тѣмъ какъ они совсѣмъ отрѣшаются отъ кожи. У нѣкоторыхъ медузъ есть укороченныя щупальца, которыя непосредственно превращаются въ слуховые пузырьки. Они обростаютъ внѣшней кожей и лежатъ потомъ, какъ слуховыя колбочки, внутри пузырька. Слуховые волоски внутри пузырька, которые теперь ощущаютъ звуковыя волны, были прежде простыми осязательными волосками верхнекожныхъ клѣтокъ и ощущали только колебанія давленія. Мало по малу они приспособились къ усвоенію быстрыхъ звуковыхъ колебаній. У нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, несомнѣнно владѣющихъ слухомъ, невозможно открыть особенныхъ слуховыхъ органовъ, да и вобще трудно даже подъ микроскопомъ узнать, проводитъ ли извѣстный слуховой волосокъ раздраженія давленія или уже и звука. Подобный же фактъ представляютъ протисты. У нихъ замѣчается умѣнье въ освѣщенномъ пространствѣ различать свѣтлую и тѣневую стороны; у нихъ какъ будто есть ощущенія вкуса и запаха, такъ какъ они очень заботливо выбираютъ себѣ пищу. А между тѣмъ у нихъ нѣтъ не только внѣшнихъ органовъ, но и нервовъ, они состоятъ изъ протоплазмы, безформенной бѣлкоообразной субстанціи.

Нужно замѣтить, что въ древности Демокритъ и нѣкоторые другіе мыслители пришли къ тому же самому взгляду, что всѣ органы внѣшнихъ чувствъ суть только спеціализаціи общей первоначальной чувствительности, которою владѣетъ вся внѣшняя поверхность организма, что слѣдовательно вкусъ, запахъ, зрѣніе и слухъ суть дифференціаціи кожи, усовершенствованное осязаніе.

§ 36. Но не смотря на обособленіе изъ общечувствительныхъ

нервовъ спеціальныхъ и утвержденіе за ними особенныхъ функцій, въ строеніи ихъ всѣхъ есть существенное сходство, а въ ихъ функціяхъ постоянно сохраняется черта, родственная осязанію, напоминающая о томъ, что всѣ эти органы произошли отъ одной общей матери—кожи. По строенію всѣ нервы, не только чувствительные, но и двигательные, совершенно одинаковы, состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ. Ихъ функція по существу дѣла также одинакова, они равно, и чувствительные и двигательные, способны проводить полученнное возбужденіе отъ любой данной точки и вправо и влѣво. Разсматривая ближе раздраженія чувствительныхъ нервовъ, мы встрѣчаемъ полную аналогію въ хararактерѣ раздраженія, испытываемаго спеціальными нервами чувствъ съ раздраженіемъ кожи. Раздраженіе, свойственное всѣмъ нервамъ, и спеціальнымъ и общимъ, есть прикосновеніе какого либо вещества къ нерву, которое и вызываетъ сначала химическіе процессы въ нервной системѣ, освобожденіе живыхъ силъ, а потомъ и сознаніе этихъ процессовъ. Какое бы ощущеніе мы ни взяли, мы повсюду встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ явленіемъ—прикосновеніемъ. Волны свѣтоваго эфира проходятъ чрезъ прозрачныя среды нашего глаза, прикасаются и раздражаютъ зрительные элементы сѣтчатки, вслѣдствіе чего и начинается химическій процессъ въ зрительномъ нервѣ; волны воздуха, чрезъ ушной проходъ и барабанную полость, достигаютъ воды лабиринта, приводятъ ее въ движеніе, а та, въ свою очередь, касается окончаній слуховаго нерва, развѣтвляющагося въ лабиринтѣ; при обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеніяхъ также происходитъ соприкосновеніе раздражающаго вещества съ органомъ, затѣмъ химическій процессъ, всасываніе и т. д. При обоняніи отъ тѣлъ отдѣляются газы, которые, проходя носовою полостью, возбуждаютъ развѣтвляющійся здѣсь обонятельный нервъ; при вкусѣ частицы пищи растворяются и, просасываясь, раздражаютъ вкусовой органъ. При органическихъ ощущеніяхъ дыханія, кровообращенія, пищеваренія, мы постоянно наблюдаемъ соприкосновеніе между извѣстнымъ веществомъ и органомъ и особые спеціальные процессы, развивающіеся на почвѣ этого соприкосновенія, которые и заканчиваются сознаніемъ, т. е. собственно ощущеніемъ.

Одинаковости по существу строенія органовъ и ихъ функцій не противорѣчитъ и, такъ называемая, специфическая энергія чувствъ. Подъ нею разумѣется способность органовъ къ воспринятію и передачѣ только опредѣленныхъ движеній и къ отвѣту на различныя раздраженія только однимъ опредѣленнымъ ощущеніемъ. Движенія свѣтоваго эфира дѣйствуютъ только на глазъ, движенія волнъ воздуха на органъ слуха и т. д. Движенія эфира не могутъ возбуждать слуховыхъ ощущеній и движенія звуковыхъ волнъ зрительныхъ. Солнечные лучи, падая на руку, возбуждаютъ ощущеніе теплоты, а не свѣта; падая же на ретину, вызываютъ ощущеніе свѣта, а не теплоты. Профессоръ Тиндаль доказалъ экспериментомъ надъ самимъ собою, что ретина нечувствительна къ лучистой теплотѣ значительной силы (концентраціи). Съ другой стороны извѣстно, что на всѣ самыя разнообразныя раздраженія—механическій ударъ, давленіе, электрическій токъ—каждый органъ отвѣчаетъ одними и тѣми же спеціальными ощущеніями, ему только свойственными. Глазъ на всѣ раздраженія отвѣчаетъ ощущеніемъ свѣта, ухо ощущеніемъ звука и т п. И наоборотъ одно и тоже раздраженіе, приложенное къ различнымъ органамъ, вызываетъ въ нихъ различныя, имъ свойственныя, ощущенія. Извѣстно изъ жизненной практики, что когда человѣкъ получитъ порядочный ударъ по глазу, то у него сыпятся искры изъ глазъ; а если ударъ придется по уху, то слышится звонъ въ ушахъ. Однимъ и тѣмъ же электрическимъ токомъ можно въ различныхъ органахъ вызвать различныя ощущенія, въ органѣ зрѣнія зрительное ощущеніе, въ органѣ слуха—слуховое и т. д. Такое свойство органовъ обыкновенно и называется специфической энергіей чувствъ.

Специфическую энергію органовъ не ограничиваютъ качественнымъ различіемъ ощущеній различныхъ органовъ, но простираютъ ее дальше, именно ею стараются объяснить различное качество ощущеній въ предѣлахъ одного и того же органа. Поэтому предполагаютъ, что отдѣльныя волокна чувствительныхъ нервовъ имѣютъ спеціальныя функціи, въ зрительномъ нервѣ напр. одни волокна проводятъ по преимуществу возбужденія, дающія въ результатѣ ощущеніе краснаго цвѣта, другія зеленаго, третьи фіолетоваго. Всѣ три рода волоконъ

возбуждаются всѣми свѣтовыми лучами, но тѣ изъ нихъ, которыя даютъ ощущеніе краснаго цвѣта, всего сильнѣе возбуждаются лучами длинныхъ волнъ; нервныя волокна обусловливающія ощущеніе фіолетоваго цвѣта, сильнѣе раздражаются лучами короткихъ волнъ спектра; нервныя волокна, дающія ощущеніе зеленаго цвѣта, наиболѣе возбуждаются лучами средней длины волнъ, соотвѣтствующими земной части спектра. Подобное же явленіе предполагаютъ и въ слуховомъ нервѣ. Въ слуховомъ нервѣ каждое волокно настроено на особый опредѣленный тонъ, которымъ волокно только и можетъ быть раздражаемо. Такой взглядъ первоначально былъ высказанъ Беллемъ и Юнгомъ и усовершенствованъ Мюллеромъ и Гельмгольцемъ.

Далеко не всѣ физіологи согласны съ изложеннымъ выше взглядомъ. Напр. Вундтъ, основываясь на томъ фактѣ, что нервныя волокна и нервныя клѣтки различныхъ частей нервной системы по своему анатомическому строенію одинаковы, утверждаетъ, что причина специфической энергіи чувствъ заключается въ различномъ устройствѣ внѣшнихъ органовъ и въ характерѣ совершающихся въ нихъ движеній. Вышеизложенную теорію специфической энергіи чувствъ Вундтъ подвергаетъ довольно суровой критикѣ. [1]) Точно также и Льюисъ замѣчаетъ, [2]) что ученіе о специфической энергіи чувствъ смѣшиваетъ функцію со свойствомъ. Нервы по своимъ качествамъ одинаковы, хотя ихъ функціи и могутъ быть различны. Нервы не составляютъ всего механизма для воспріятія какого либо впечатлѣнія, а только часть механизма. По функціямъ различны и мускулы. Почему же мускуламъ—разгибающимъ, сгибающимъ—не приписываютъ специфической энергіи? Гипотеза о спицефической энергіи чувствъ представляетъ аналогію съ знаменитымъ ученіемъ о врожденныхъ идеяхъ, перенесеннымъ въ сферу чувствъ. Различіе функцій нервовъ, по мнѣнію Льюиса, зависитъ отъ различной степени ихъ возбуждаемости и различія механизмовъ, въ которыхъ они оканчиваются.

---

[1]) Grundzüge d. physiol. Psychol. 313—321.

[2]) Lewes, The physical basis of Mind. (1877 г.) p. 184—187.

Намъ нѣтъ нужды входить въ подробное обсужденіе гипотезы о специфической энергіи чувствъ; фактъ, ею обозначаемый несомнѣненъ; наши спеціальные органы, кромѣ общихъ раздражителей, могутъ отвѣчать только на спеціальные раздражители и что на всѣ возможныя раздраженія они отвѣчаютъ каждый спеціальнымъ ощущеніемъ примѣнительно къ строенію органа. Но такое свойство есть результатъ развитія органовъ, постепеннаго закрѣпленія за ними спеціальныхъ функцій. И до сихъ поръ нервы и нервныя клѣтки, по сущности своего строенія, остаются одинаковыми, это фактъ тоже не подлежащій сомнѣнію. Между нервами чувствительными и двигательными, между слуховымъ и зрительнымъ нервомъ, между волокнами, проводящими фіолетовые и зеленые лучи, высокіе и низкіе звуки никакого существеннаго различія въ строеніи нѣтъ. Спеціальное же различіе функцій органовъ всего правоподобнѣе объяснить различіемъ возбужденій и механизмовъ, въ которыхъ развѣтвляются нервныя волокна.

Но откуда же берутся эти различные механизмы на внѣшнихъ концахъ чувствительныхъ нервовъ? Причина ихъ—различіе раздраженій, дѣйствующихъ на первоначальный органъ. Главнѣйшія различія раздраженій слѣдующія: а) различія въ силѣ раздраженій. Сила раздраженій можетъ являться въ безконечно разнообразныхъ формахъ; нѣкоторые виды силы могутъ встрѣчаться чаще, другіе рѣже и для организма возникаетъ необходимость болѣе или менѣе приспособиться къ дѣйствующимъ на него раздраженіямъ, создать спеціальные пріемники этихъ раздраженій; б) различіе въ качествѣ раздраженій. На организмъ дѣйствуютъ самыя разнообразныя силы: механическія, физическія, химическія, біологическія. Цѣлость организма, его благосостояніе и процвѣтаніе вынуждаютъ организмъ примѣняться къ качественно различнымъ раздраженіямъ, создавать спеціальные механизмы для ихъ воспріятія; в) различіе въ формѣ раздраженій. Одинаковыя раздраженія могутъ имѣть различную форму: свѣтовыя волны имѣютъ различную длину, волны воздуха представляютъ различную систему волнъ, вообще движеніе можетъ имѣть безконечно разнообразныя измѣненія формы. Различіе раздраженія по формѣ также вынуждаетъ организмъ на необходимыя спеціальныя приспособленія къ ихъ

воспріятію. Подъ вліяніемъ этихъ трехъ причинъ и появляются мало по малу на концахъ чувствительныхъ нервовъ особые механизмы, отъ которыхъ главнымъ образомъ и зависятъ спеціальныя особенности функцій органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Что касается наконецъ порядка, послѣдовательности обособленія спеціальныхъ внѣшнихъ органовъ изъ одного общаго первоначальнаго, то это вопросъ чисто эмбріологическій. Психологъ долженъ обратить вниманіе прежде всего на генетическое сродство между классами ощущеній, на тонкость и послѣдовательность психической дифференціаціи ощущеній. Съ этой точки зрѣнія всѣ ощущенія въ качественномъ отношеніи могутъ быть расположены въ слѣдующія группы: а) осязательно-мускульныя ощущенія; б) пищеварительно-вкусовыя; в) дыхательно-обонятельныя; г) зрительно-слуховыя. Опредѣленіе ближайшаго сродства отдѣльныхъ классовъ ощущеній будетъ сдѣлано при частномъ анализѣ ихъ, къ которому и приступаемъ.

§ 37. Чувство осязанія можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ: пассивной и активной. Пассивное чувство осязанія есть осязаніе въ собственномъ смыслѣ слова; активное осязаніе носитъ названіе мускульнаго чувства или чувства движенія. Эти двѣ стороны осязанія тѣсно соединены между собою и обыкновенно дѣйствуютъ совмѣстно, раздѣляются же онѣ только въ патологическихъ случаяхъ. Возможна потеря мускульнаго чувства при сохраніи осязанія и обратно. Больные, потерявшіе мускульное чувство, лишь только перестаютъ видѣть свои члены, не имѣютъ болѣе понятія объ ихъ положеніи и даже объ ихъ существованіи. Въ постели они ихъ совершенно теряютъ и бываютъ вынуждены отыскивать ихъ, не зная, гдѣ они. Они дѣлаютъ иногда усиліе, чтобы согнуть или разогнуть членъ уже согнутый или разогнутый. Если они сдѣлали движеніе, то не знаютъ о его величинѣ и часто не знаютъ даже, сдѣлали ли они его. Если они думаютъ совершить какое-либо движеніе, но имъ препятствуютъ совершенно безъ ихъ вѣдома, то они остаются увѣренными, что совершили это движеніе, потому что имѣли намѣреніе исполнить его. Ихъ можно заставить совершать пассивныя движенія при помощи электрическаго прибора и они не будутъ подозрѣвать

о нихъ. Ихъ члены кажутся имъ лишенными тяжести. Когда они опускаютъ руку въ воду, то, по кожному ощущенію, узнаютъ, что это жидкость, но, двигая въ жидкости рукой, они не испытываютъ того мягкаго сопротивленія, которое даетъ волнующаяся жидкость, и они не различаютъ, двигаютъ они рукой въ воздухѣ или водѣ. Сдавливанье мускуловъ, щипанье, тренье не даютъ имъ никакого раздѣльнаго ощущенія. Они не замѣчаютъ въ себѣ сильнаго электрическаго тока. Можно совершенно безнаказанно вонзить имъ въ мускулы острый инструментъ, лишь бы только они не узнали объ этомъ чрезъ чувствительность кожи. Хотя подобные люди сохраняютъ всю свою мускульную силу и не знаютъ усталости, однако, когда они въ темнотѣ, или когда перестаютъ наблюдать глазами за движеніями своихъ членовъ, они ходятъ съ трудомъ. Для нихъ необходимо, чтобы зрительныя ощущенія замѣняли не достающія мускульныя. Если имъ точно такъ же не достаетъ и зрительныхъ ощущеній, какъ и мускульныхъ, то они не могутъ держаться стоя, не качаясь, или не рискуя упасть; ихъ движенія имѣютъ слишкомъ мало увѣренности, предметы, находящіеся у нихъ въ рукѣ, легко выпадаютъ, а иногда они раздавливаютъ находящіеся въ ихъ рукахъ предметы вслѣдствіе слишкомъ энергичнаго сокращенія мускуловъ. А между тѣмъ, всѣ кожныя ощущенія—щекота, прикосновенія, пассивнаго давленія температуры и боли у нихъ есть. Не достаетъ только мускульнаго чувства (Тэнъ).

Бываютъ случаи совершенно противоположнаго характера, когда теряется чувствительность кожи, исчезаютъ осязательныя ощущенія, между тѣмъ какъ мускульныя сохраняются. Одинъ умалишенный, оставшись одинъ въ комнатѣ, положилъ голову на раскаленную до красна желѣзную плиту, а руки въ самый огонь. Сильный запахъ привлекъ людей; больной былъ совершенно равнодушенъ и рѣшительно не показывалъ никакого признака боли, хотя руки его обгорѣли до костей. Подобные больные увѣчатъ себя, самосожигаютъ и т. п. безъ малѣйшихъ признаковъ боли (Гризингеръ). Одинъ работникъ, владѣя мускульными ощущеніями, имѣлъ пальцы и руки нечувствительные къ впечатлѣніямъ прикосновенія, боли и температуры Если послѣ того, какъ онъ закрывалъ

глаза, ему давали въ руку довольно объемистый предметъ, онъ удивлялся, что не могъ сжать ее. Онъ получалъ только ощущеніе сопротивленія и ничего болѣе. Онъ ничего не могъ сказать о предметѣ, какова его форма, величина, былъ ли онъ тепелъ или холоденъ, острый или притупленный Если ему, при помощи снурка и не предупреждая его, къ кисти руки привязывали тяжесть въ одинъ киллограммъ вѣсомъ, то онъ предполагалъ, что его дергали за руку (Тэнъ).

Мускульное чувство, сочетаясь въ нормальныхъ состояніяхъ съ осязаніемъ, имѣетъ и свои довольно значительныя особенности: осязательныя ощущенія строго периферическаго происхожденія, ощущенія траты силы (мускульныя) отчасти центральнаго. Помощію чувства движенія мы узнаемъ прежде всего о силѣ собственнаго напряженія для совершенія движенія или преодолѣнія препятствія. Самаго движенія можетъ и не быть, если мускулы парализованы болѣзнью, на что указано выше, или если сопротивленіе чрезвычайно велико для нашихъ силъ. Мы можемъ дѣлать величайшія усилія поднять тяжесть въ 30 пудовъ вѣсомъ и при этомъ не совершить ни малѣйшаго движенія. Поэтому Вундтъ до нѣкоторой степени справедливо называетъ это чувство «иннерваціоннымъ чувствомъ». Но оно очень часто сопровождается движеніемъ и тогда даетъ знать не только о мѣрѣ внутренней центральной иннерваціи, но и о степени дѣйствительнаго расхода мускульной силы на движеніе. Тогда оно является чувствомъ периферически-центральнымъ.

Бэнъ видитъ въ ощущеніяхъ мускульнаго чувства не только особый классъ ощущеній, но еще первый, по времени предшествующій другимъ, потому что движеніе предшествуетъ ощущенію, является независимо отъ какого либо внѣшняго стимула, вслѣдствіе энергіи самыхъ внутреннихъ центровъ или въ силу чисто внутренняго возбужденія. Движеніе есть болѣе коренное и основное свойство нашей природы, чѣмъ которое либо изъ нашихъ ощущеній. [1])

Первенство мускульныхъ ощущеній собственно предъ осязательными едва ли возможно допустить. Мускульныя ощу-

---

[1]) The Senses and the Intellect, third edition, 1863 p. 57—70; ср. Бэнъ, Психологія, стр. 13—18.

щенія возникаютъ ранѣе ощущеній другихъ органовъ, но не ранѣе осязательныхъ. Предположимъ, что ребенокъ, въ періодъ утробной жизни, совершаетъ движеніе, въ силу накопившейся энергіи моторныхъ центровъ. Такъ какъ онъ находится не въ пустомъ пространствѣ, то окружающая его среда сейчасъ же будетъ раздражать его кожу, какъ только онъ совершитъ хотя бы малѣйшее движеніе. Тоже самое бываетъ и съ взрослымъ человѣкомъ и съ животнымъ. Слѣдовательно въ данномъ случаѣ и мускульное и осязательное ощущенія почти одновременны, хотя правда нѣкоторое, очень малое, первенство по времени принадлежитъ мускульному ощущенію. Но можетъ быть и такой случай: среда, окружающая утробнаго ребенка или простѣйшее животное, можетъ придти въ дѣятельность, въ движеніе отъ какихъ либо постороннихъ причинъ, помимо движенія самого организма и ранѣе его движенія. Тогда появится осязательное ощущеніе ранѣе мускульнаго, а мускульное, вѣроятно, очень быстро послѣдуетъ за нимъ. Поэтому мы и признаемъ осязательно—мускульныя ощущенія первичными ощущеніями. Къ сказанному нужно прибавить еще и то, что центръ воспріятія мускульныхъ возбужденій совпадаетъ отчасти съ центромъ воспріятія осязательныхъ возбужденій. [1])

§ 38. Разсмотримъ въ частности ощущенія осязательныя и мускульныя. Къ осязательнымъ ощущеніямъ относятся слѣдующія: соприкосновенія, давленія, температуры.

Ощущеніе соприкосновенія наиболѣе чистое осязательное ощущеніе, въ немъ наименѣе примѣси мускульнаго чувства. Оно происходитъ тогда, когда какой либо чрезвычайно легкій предметъ касается нашей кожи, напр. волосокъ, муха, кусочекъ бумаги, кусочекъ дерева, когда нашу кожу поглаживаютъ нѣжной кисточкой и т. д. При ощущеніи соприкосновенія

---

[1]) Bastian, Le Cerveau organe de la pensée chez l'homme et chez les animaux. Tome II, p. 165. Нужно впрочемъ замѣтить, что ученіе о мускульномъ чувствѣ далеко еще не установлено и взгляды на мускульное чувство высказываются самые различные. Даже не утвердилось за нимъ опредѣленнаго названія, нѣкоторые названіе «мускульное чувство» находятъ терминомъ очень неудачнымъ и предпочитаютъ терминъ «чувство движенія». Изложеніе различныхъ взглядовъ на мускульное чувство см. у Bastian'a, Le Cerveau organe de la pensée t. II, p. 278—286, 163—166.

почти не происходитъ никакого давленія и раздраженіе касается только верхнихъ слоевъ осязательнаго органа. Видоизмѣненіе ощущенія прикосновенія есть ощущенія щекота. При щекотѣ раздраженіе кожи бываетъ очень легкое и давленіе почти отсутствуетъ. Какъ скоро при раздраженіи, вызывающемъ щекотъ, усиливается давленіе, ощущеніе щекота исчезаетъ и возникаетъ боль. Рише говоритъ, [1]) что ощущеніе щекота не имѣетъ никакой аналогіи съ прикосновеніемъ, что это есть модификація центровъ, которая не даетъ намъ никакихъ знаній о внѣшнемъ возбужденіи. Но тоже нужно сказать и про ощущеніе соприкосновенія, посредствомъ него мы получаемъ свѣдѣніе только о какомъ—то внѣшнемъ раздражителѣ, но что это за раздражитель, какой природы—остается неизвѣстнымъ, вслѣдствіе слабости самаго раздраженія. Поэтому при щекотѣ, равно какъ и при ощущеніи соприкосновенія, мы говоримъ, что что-то раздражаетъ нашу кожу, но не опредѣляемъ ближе этого что-то.

За осязательными ощущеніями прикосновенія слѣдуютъ осязательныя ощущенія давленія. Эти ощущенія сходны по существу и представляютъ различіе только степени. Совершенно противоположное мнѣніе Спенсера, что «эти два ощущенія различаются между собою не только по степени, но и по роду», [2]) намъ кажется неправильнымъ и недоказаннымъ. Ощущеніе прикосновенія есть самая слабая степень ощущенія давленія, а ощущеніе давленія предполагаетъ уже нѣкоторое участіе мускульнаго чувства, такъ какъ болѣе или менѣе сильное давленіе простирается не только на кожу, но касается и мускуловъ, которые и оказываютъ сопротивленіе давленію. По силѣ раздраженія, ощущеніе давленія можетъ быть или поверхностнымъ, т. е. приближаться къ ощущенію соприкосновенія, или собственно кожнымъ, или глубокимъ; по содержанію же ощущеніе давленія можетъ быть или собственно ощущеніемъ давленія или ощущеніемъ тяжести.

Давленіе на кожу можетъ быть производимо предметами

---

[1]) Charles Richet, Recherches experimentales et cliniques sur la sensibilité. Paris. 1877 p. 216.

[2]) Основанія психологіи т. III, стр. 166.

различной формы и вызывать различныя ощущенія. Предметъ можетъ быть гладкій, тяжелый, большой, давленіе имъ вызоветъ смутное нераздѣльное ощущеніе пассивнаго характера, по которому трудно будетъ опредѣлить свойства давящаго предмета; мы можемъ давить на кожу иголкой, булавкой, кончикомъ карандаша, концемъ проволоки и т. д., тогда мы получаемъ ощущеніе остраго. Это ощущеніе бываетъ непріятно и всегда побуждаетъ насъ къ устраненію его; мы можемъ производить давленіе на кожу не только такимъ предметомъ, который оканчивается одной точкой, а многими и притомъ не слитными, а раздѣльными. Тогда мы получимъ ощущеніе давленія раздѣльныхъ точекъ и по этому ощущенію давленія, синтезируя отдѣльныя ощущенія въ одно цѣлое, можемъ узнать форму давящаго предмета. Если, положимъ, мы будемъ давить себѣ мундштукомъ на губы, то получимъ ощущеніе кольца; если мы будемъ давить на свою руку какимъ либо тѣломъ, имѣющимъ звѣздчатую форму, то наши пальцы будутъ ощущать и этотъ контуръ, т. е. всѣ углы звѣзды; если кто-либо на нашей ладони чѣмъ либо острымъ изобразитъ форму буквы, то мы, только по осязательному ощущенію, узнаемъ эту форму, закрывъ глаза, не наблюдая за движеніями руки пишущаго. Эти свѣдѣнія о формѣ давящихъ предметовъ мы получаемъ вслѣдствіе того, что имѣемъ возможность ощущать многія отдѣльныя точки, лежащія въ окружности кольца, или образующія углы звѣзды и формы буквы. Еслибы мы не имѣли возможности ощущать многія отдѣльныя точки, то у насъ не получилось бы впечатлѣнія сложной формы, а простое ощущеніе остраго, одной или двухъ точекъ, или неопредѣленное ощущеніе многихъ слитныхъ въ одно сплошное цѣлое точекъ.

Нужно замѣтить, что наша кожа не повсюду одинаково способна къ воспріятію впечатлѣній отъ отдѣльныхъ точекъ предметовъ. Въ иныхъ мѣстахъ она болѣе чувствительна, въ другихъ—менѣе Изслѣдованіе чувствительности нашей кожи къ осязательнымъ раздраженіямъ производится такимъ образомъ: берутъ циркуль съ притупленными концами и ставятъ его двѣ ножки на различныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, въ различныхъ мѣстахъ кожи и въ разнообразныхъ направленіяхъ, и при этомъ замѣчаютъ, когда получаются два раздѣльныя

осязательныя ощущенія отъ двухъ ножекъ циркуля и когда одно. Очевидно, что та часть кожи, которая даетъ два осязательныя ощущенія на извѣстномъ разстояніи между ножками циркуля, будетъ чувствительнѣе другой, которая даетъ одно ощущеніе на томъ же разстояніи. Такими изслѣдованіями узнано, что чувствительность кожи весьма различна: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получаются два раздѣльныя ощущенія при незначительномъ разстояніи между ножками циркуля—въ 1, 2, 4, 8 миллиметровъ (кончикъ языка, красная кожица губъ, конецъ носа, концы пальцевъ, ладонная поверхность руки), въ другихъ же при значительномъ—въ 30, 40, 50 миллиметровъ (на груди, спинѣ, плечѣ, голени).

Каждую часть кожи, въ предѣлахъ которой невозможно пространственное различеніе отдѣльныхъ впечатлѣній, физіологъ Веберъ назвалъ чувствительнымъ кругомъ. Вся поверхность нашей кожи состоитъ изъ такихъ чувствительныхъ круговъ не равной величины. Если мы давимъ себѣ мундштукомъ губы, то получаемъ ясное впечатлѣніе кольца; если же мы будемъ давить имъ на кожу плеча, или спины, или шеи, то почувствуемъ только прикосновеніе какого-то тѣла, но формы его не опредѣлимъ. Въ первомъ случаѣ мы раздражаемъ много чувствительныхъ круговъ, вслѣдствіе чего получаемъ ощущеніе многихъ точекъ и на этомъ основаніи выстраиваемъ форму предмета; во второмъ же случаѣ мундштукъ покрываетъ, можетъ быть, одинъ или два чувствительныхъ круга, а можетъ быть не покрываетъ и одного, вслѣдствіе чего получается ощущеніе одной или двухъ точекъ, а по нимъ формы круга не выстроишь. Слѣдовательно чѣмъ большее количество чувствительныхъ круговъ покрываетъ предметъ, тѣмъ отчетливѣе бываетъ осязательное ощущеніе. Надавливая плечо металлической трубкой съ трехугольнымъ, круглымъ и четырехугольнымъ отверстіями, имѣющей въ поперечникѣ 2 центиметра, мы не можемъ узнать форму трубки, между тѣмъ какъ давленіе такой трубки на ладонь даетъ ясное ощущеніе формы. Разстояніе уменьшается при усиленномъ вниманіи и упражненіи. У слѣпыхъ, принужденныхъ замѣнять зрѣніе осязаніемъ, осязательные участки имѣютъ замѣтно меньшую величину, нежели у зрячихъ людей.

Съ ощущеніемъ давленія неразрывно связано ощущеніе тяжести. Давленіе можно разсматривать съ различныхъ точекъ: можно стараться узнать по нему форму давящаго предмета, а то можно пытаться оцѣнить его вѣсъ или тяжесть. При ощущеніи тяжести воспріятіе бываетъ отчетливѣе, когда двѣ тяжести кладутся быстро одна послѣ другой на одно и тоже мѣсто кожи, чѣмъ одновременно на различныя; въ первомъ случаѣ большое значеніе имѣетъ быстрота, съ которою одна тяжесть смѣняетъ другую. Веберъ нашелъ, что онъ при наибольшемъ вниманіи могъ отличить 29 лотовъ отъ 30 тогда, когда между моментами помѣщенія обѣихъ тяжестей протекало не болѣе 10 секундъ. При увеличеніи промежутка времени, показанія дѣлались невѣрными и можно было отличать только такія тяжести, разница между которыми была больше. Когда напр. означенный промежутокъ времени равнялся $^1/_2$ минуты, Веберъ могъ отличить только 4 лота отъ 5 или 24 отъ 30. Чувствительность кожи къ раздѣльнымъ точкамъ не всегда совпадаетъ съ чувствительностію къ тяжести. Тяжесть на кожѣ лба и живота даетъ довольно тонкое ощущеніе давленія, къ раздѣльнымъ же точкамъ эти мѣста довольно тупы. [1])

§ 39. Къ осязательнымъ ощущеніямъ относятся ощущенія температуры. Эти ощущенія, по сравненію съ собственно осязательными, значительно своеобразны. Они опредѣляются двумя крайними точками, ощущеніемъ холода и ощущеніемъ тепла. Эти означенія очень субъективны, не точны; въ физикѣ не существуетъ силы холода, въ ней принимается только одна сила теплоты. Холодъ же есть нѣчто совершенно субъективное и зависитъ только отъ температуры нашего тѣла. Холоднымъ мы называемъ всякое тѣло, которое отнимаетъ тепло отъ нашей кожи, горячимъ то, которое отдаетъ ей тепло. Когда мы беремъ въ руку кусокъ металла и кусокъ дерева, имѣющіе одинаковую температуру, то металлъ тѣмъ не менѣе кажется намъ холоднѣе дерева. Металлъ есть хорошій проводникъ тепла и отнимаетъ у кожи ея теплоту весьма быстро, тогда какъ дерево отнимаетъ послѣднюю медленно. Быстрота же,

---

[1]) Бернштейнъ, Физіологія органовъ внѣшнихъ чувствъ. 1876, стр. 49, 50.

съ которой происходитъ въ нашей кожѣ потеря тепла, вліяетъ на силу ощущенія холода. [1])

Не смотря на своеобразность ощущеній температуры, до сихъ поръ не открыто никакихъ термическихъ органовъ, посредствомъ которыхъ теплота возбуждаетъ нервы. Поэтому возможно предполагать, что осязательныя тѣльца служатъ посредниками, какъ для ощущеній прикосновенія и давленія, такъ равно и температуры. Такое предположеніе подтверждается сходствомъ между ощущеніями температуры и давленія, которое несомнѣнно существуетъ, не смотря на своеобразность термическихъ ощущеній. Въ слабѣйшихъ степеняхъ ощущенія и того и другаго порядка легко смѣшиваются, напр. едва можно различать ощущеніе, происходящее вслѣдствіе укола острой булавкой, отъ ощущенія, вызываемаго прикосновеніемъ къ кожѣ искорки огня; и ощущенія температуры и ощущенія давленія, доведенныя до извѣстной степени, превращаются въ ощущеніе боли; наконецъ, если мы на кожу положимъ какой либо дурной проводникъ тепла, напр. бумагу съ небольшимъ отверстіемъ въ 2 — 5 миллиметровъ въ діаметрѣ, и чрезъ это отверстіе будемъ раздражать кожу то механически, давленіемъ—кускомъ дерева, кисточкой, клочкомъ шерсти, то теплотой, направляя въ это отверстіе тепловые лучи отъ нагрѣтаго металла; тогда экспериментируемое лице будетъ ошибаться, ощущеніе прикосновенія оно будетъ принимать за ощущеніе теплоты и наоборотъ.

Мы значительно чувствительны къ температурѣ и притомъ одинаково чувствительны и къ высокимъ и къ низкимъ ступенямъ ея. По изслѣдованіямъ Вебера, мы можемъ различать 14^0 по Реомюру отъ $14,4^0$ такъ же хорошо, какъ 30^0 отъ $30,4^0$. Опытные люди узнаютъ повышеніе или пониженіе температуры воды на $0,1^0$ противъ той, въ которую они только что погружали руку и нѣкоторые баньщики съ изумительною точностію опредѣляютъ безъ термометра температуру воды. Различеніе бываетъ лучше, когда одна температура быстро смѣняется другой; мы лучше различаемъ, когда

---

[1]) Бернштейнъ, 53.

*

неравныя температуры въ одно и то же время прикладываются къ смежнымъ частямъ, нежели въ томъ случаѣ, когда подвергающіяся раздраженію части кожи удалены одна отъ другой. Чувствительность нашей кожи къ впечатлѣніямъ температуры различна. Чувствительность увеличивается съ пространствомъ раздражаемой поверхности. Если мы опустимъ одинъ палецъ въ воду, нагрѣтую до 32^0 по Реомюру, и всю руку въ воду, имѣющую только $29^1/_2{}^0$, то въ послѣднемъ случаѣ мы получимъ сильнѣйшее ощущеніе температуры. Замѣчено, что когда два тѣла одного и того же вѣса, но различной температуры, оцѣниваются по осязательнымъ ощущеніямъ, то болѣе холодное кажется болѣе тяжелымъ, подавляющее дѣйствіе холода какъ будто увеличиваетъ тяжесть тѣла. Если при закрытыхъ глазахъ положить на лобъ холодную монету и затѣмъ на тоже мѣсто двѣ такихъ же нагрѣтыхъ монеты, то одна холодная и двѣ нагрѣтыя монеты покажутся одинаковыми по вѣсу.

§ 40. Такъ какъ мускульное чувство даетъ намъ свѣдѣнія или о степени напряженія безъ движенія или съ движеніемъ, то и ощущенія его бываютъ двухъ родовъ: напряженія и движенія. Ощущеніе движенія можетъ быть ощущеніе безпрепятственнаго движенія или движенія съ препятствіями. Разсмотримъ эти ощущенія.

Ощущенія напряженія имѣютъ для насъ чрезвычайно большое значеніе въ томъ отношеніи, что даютъ намъ знать о мѣрѣ необходимой силы, потребной для дѣятельности. Они владѣютъ большою тонкостью въ отношеніи степени или интенсивности, качественно же они однообразны. Когда мы бросаемъ, напр. камнемъ, въ цѣль, когда перепрыгиваемъ ровъ, канаву, когда идемъ по узенькой доскѣ или бревну и балансируемъ, тогда мы очень тонко разсчитываемъ свои усилія. Если мы въ данномъ случаѣ сдѣлаемъ напряженіе большее или меньшее, чѣмъ слѣдуетъ, мы потерпимъ неудачу, упадемъ. Конечно, есть люди съ очень слабою впачатлительностію по отношенію къ степенямъ напряженія, которые никакъ не могутъ разсчитать, какой величины напряженіе имъ нужно сдѣлать, чтобы извѣстнымъ образомъ прыгнуть, скакнуть, бросить. Это сидни, лежни, люди, боящіеся физическихъ

упражненій и дѣятельности. Но за то есть и другая категорія людей, которые чувствительность къ напряженію довели упражненіями до чрезвычайной тонкости. Гимнасты, аккробаты, клоуны, путешествующіе по канату, прыгающіе на трапеціяхъ, совершающіе различные изумительные salto mortale, суть образцы такихъ людей. Они прежде движенія тонко разсчитываютъ величину напряженія и потомъ уже даютъ соотвѣтствующій толчекъ своимъ мускуламъ. Предъ какимъ либо опаснымъ, головоломнымъ движеніемъ процессъ оцѣнки потребнаго напряженія у подобныхъ лицъ бываетъ ясно замѣтенъ: они сосредоточиваются, отстраняютъ внѣшнія возбужденія, совершаютъ маленькія, чуть-чуть замѣтныя, движенія, какъ бы пробуютъ готовность и способность своей двигательной машины и наконецъ, обстоятельно взвѣсивъ нужное напряженіе и собравъ силы, совершаютъ рѣшительное движеніе. Ихъ состояніе предъ движеніемъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что ощущенія напряженія, хотя бы они позднѣе и выразились движеніями, суть первоначально состоянія центральнаго, а не перифическаго характера. Въ такихъ случаяхъ дѣятельность происходитъ прежде всего въ двигательныхъ центрахъ, тамъ запасается и разсчитывается потребная энергія, а потомъ уже возбужденіе переходитъ на двигательные нервы и мускулы.

Самый простой примѣръ ощущенія напряженія безъ движенія—это поддержка тяжести собственнаго тѣла, когда мы стоимъ, туловища и головы, когда сидимъ, рукъ и ногъ, когда мы ихъ вытягиваемъ горизонтально и особенно если мы беремъ въ руки какую либо тяжесть. Съ измѣненіемъ положенія тѣла, эти ощущенія напряженія мѣняются. Ощущеніе напряженія при поддержкѣ тѣла слабѣе всего бываетъ въ то время, когда мы лежимъ на постели и когда каждый по возможности органъ покоится; наиболѣе же яснымъ это ощущеніе бываетъ въ то время, когда мы прямо стоимъ, ничѣмъ не поддерживая своего тѣла. Усталость, происходящая отъ продолжительной поддержки тѣла въ томъ или другомъ положеніи, есть одно изъ обычныхъ мускульныхъ утомленій.

Ощущеній движеній безпрепятственныхъ у насъ, собственно говоря, почти совсѣмъ не бываетъ: воздухъ, одежда, какая

нибудь вещь въ рукахъ уже составляютъ препятствія для движенія. Движенія безпрепятственныя—это были бы движенія въ безвоздушномъ пространствѣ. Поэтому препятствіемъ или сопротивленіемъ при движеніи называется болѣе или менѣе значительное сопротивленіе, встрѣчающееся не всегда, а только время отъ времени. Ощущенія движенія бываютъ ощущенія медленныхъ движеній, постепенно ускоряющихся и замедляющихся и живыхъ. При медленныхъ движеніяхъ трата силы можетъ производиться или равными долями или неравными. Въ первомъ случаѣ, когда напр. лошадь везетъ возъ по ровной дорогѣ или ребенокъ тащитъ телѣжку или санки, возникаетъ при движеніи ощущеніе равнаго напряженія, во второмъ—неравнаго. Ощущенія движенія, соединенныя съ неравной тратой силы, представляются болѣе живыми и яркими, чѣмъ ощущенія движеній, соединенныхъ съ равной тратой. Равное неизмѣнное напряженіе по самому существу своему однообразно, монотонно; ощущенія же движеній, хотя бы и медленныхъ, но соединенныхъ съ неравнымъ напряженіемъ, разнообразнѣе, неравная трата предполагаетъ, что мускулы испытываютъ въ это время различныя состоянія сокращенія, вслѣдствіе чего выигрываетъ въ ясности самое ощущеніе. Примѣры ощущеній медленнаго движенія—медленная прогулка, медленные торжественные жесты, сопровождающіе разговоръ или рѣчь оратора, медленное совершеніе какой либо механической работы и т. п. Медленныя движенія стоятъ въ тѣсной связи съ нѣкоторыми настроеніями и чувствами, напр. глубокою, но спокойною грустью, чувствомъ почтенія, величія, религіозными чувствами и вообще чувствами нѣжными съ примѣсью боязни. Въ религіозныхъ обрядахъ, священнодѣйствіяхъ и таинствахъ считаются болѣе приличными медленныя движенія, чѣмъ быстрыя; похоронныя процессіи обыкновенно выступаютъ медленно; съ божественнымъ величіемъ Юпитера болѣе сообразны медленныя торжественныя движенія и дѣйствія, чѣмъ быстрыя и живыя, свойственныя какому нибудь Меркурію; восточные народы, чрезвычайно солидные и важные по ихъ собственному мнѣнію, и особенно ихъ владыки, мало подвижны и природные враги быстрыхъ и живыхъ движеній. Съ другой стороны медленныя движенія стоятъ въ тѣсной

связи или съ постояннымъ недостаткомъ энергіи, или же только съ временнымъ упадкомъ ея.

Постепенное ускореніе или замедленіе движенія даетъ ощущенія отличныя отъ ощущеній медленнаго движенія. Ощущенія измѣняющихся движеній, то быстрыхъ, то медленныхъ, бываютъ несравненно пріятнѣе, чѣмъ ощущенія однообразныхъ движеній. Постепенное ускореніе или замедленіе какой либо дѣятельности есть вѣрнѣйшее средство противъ монотонности и скуки. Поэтому-то намъ такъ и нравятся измѣненія въ движеніяхъ и во всякой дѣятельности вообще—въ жестахъ, въ танцахъ, въ звукахъ, въ разсматриваніи предметовъ. Когда пѣвецъ или пѣвица долго поетъ одинаково высокія или низкія ноты, то это доставляетъ намъ меньше удовольствія, чѣмъ постепенная смѣна высокихъ звуковъ низкими и обратно. Особенность ощущеній быстрыхъ движеній заключается въ томъ, что эти ощущенія значительно возбуждаютъ нервы и нервные центры къ произвольной дѣятельности. Возбужденіе бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе препятствій встрѣчаютъ органы къ дѣятельности, чѣмъ, значитъ, требуется меньшая трата энергіи. Танцы напр. увеличиваютъ скорость кровообращенія и дыханія и въ то же время увеличиваютъ скорость теченія представленій, дѣлаютъ болѣе живыми чувство и самого человѣка болѣе общительнымъ и разговорчивымъ. Поэтому живыя движенія суть возбудительныя средства; очень же живыя движенія способны довести человѣка до изступленія, до невозможности владѣть собою, до какого-то духовнаго опьяненія. Когда дѣти слишкомъ расшалятся, то ихъ нельзя ничѣмъ унять; нервная система ихъ бываетъ въ это время слишкомъ возбуждена и способность управлять собою потеряна. Въ древнихъ греческихъ религіозныхъ обрядахъ въ честь Бахуса и Деметры, равно какъ въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ современныхъ намъ дикихъ народцевъ Азіи и Африки, живыя движенія употреблялись и употребляются какъ средства довести жрецовъ, или всѣхъ участвующихъ въ церемоніи, до экстатическаго состоянія, до духовной восторженности и опьяненія. Обыкновенно живыя движенія суть результатъ значительной энергіи и силы, или же результатъ значительнаго напряженія силъ.

§ 41. Ощущеніе сопротивленія при движеніи есть ощу-

щеніе очень сложное и разнообразное, можно исчислить много видовъ его. Спенсеръ, вслѣдъ за Гамильтономъ, указываетъ слѣдующія частныя его формы: крѣпкое и мягкое, твердое и жидкое, тягучее и разсыпчатое, вязкое и хрупкое, тугое и гибкое, раскалывающееся и не раскалывающееся, растяжимое и не растяжимое, сокращающееся и не сокращающееся, сжимаемое и не сжимаемое, упругое (отскакивающее) и не упругое и (въ соединеніи съ фигурою) шероховатое и гладкое. [1]) Конечно, мы не будемъ изслѣдовать всѣхъ этихъ частныхъ формъ и видовъ ощущенія сопротивленія движенію, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ суть или степени развитія одного ощущенія, или даже различныя названія одного и того же ощущенія, каковы крѣпкій, твердый, несжимаемый или мягкій, вязкій, растяжимый. Мы изслѣдуемъ только главнѣйшія, именно ощущенія твердаго, мягкаго и эластичнаго или упругаго. Всѣ же прочія мускульныя ощущенія суть только частныя видоизмѣненія этихъ трехъ классовъ.

Ощущеніе твердаго возникаетъ изъ сочетанія ощущенія давленія и сильнаго мускульнаго напряженія, или совсѣмъ не выразившагося внѣшнимъ, замѣтнымъ для глаза, движеніемъ или выразившагося движеніемъ въ самомъ концѣ процесса. Мы признаемъ тотъ предметъ твердымъ, который, не смотря на наше давленіе, на всѣ наши усилія, не измѣняетъ своей формы, или же уступаетъ нашимъ усиліямъ послѣ весьма энергичнаго напряженія мускульнаго аппарата. Ощущеніе движенія въ данномъ случаѣ есть незамѣтное сокращеніе мускуловъ, ихъ надавливаніе на твердый предметъ, видимое же движеніе или совсѣмъ не является, если предметъ очень твердъ, не уступаетъ нашему давленію, или же оно является заключительнымъ актомъ всего процесса, если предметъ въ концѣ концовъ подается.

Ощущеніе мягкаго возникаетъ въ томъ случаѣ, когда нашъ осязательно-мускульный аппаратъ надавливаетъ на что либо и это что либо уступаетъ производимому на него давленію. Слѣдовательно ощущеніе мягкаго болѣе сложно, чѣмъ ощущеніе

---

[1]) Основанія психологіи, т. III, стр. 164.

твердаго и заключаетъ въ себѣ не два элемента, а три, именно: ощущеніе давленія, ощущеніе напряженія и ощущеніе движенія и помимо этихъ трехъ элементовъ существовать не можетъ Мы можемъ, сколько намъ угодно, увеличивать каждое изъ этихъ ощущеній въ отдѣльности, и никогда не получимъ ощущенія мягкаго; ощущеніе давленія останется ощущеніемъ давленія, а ощущеніе напряженія и движенія ощущеніями напряженія и движенія. Только комбинація всѣхъ трехъ даетъ ощущеніе мягкаго. Итакъ ощущеніе мягкаго выражаетъ собой соотношеніе трехъ ощущеній: давленія, напряженія и движенія.

Ощущеніе упругаго заключаетъ въ себѣ тѣ же элементы, что и ощущеніе мягкаго, но въ болѣе сложномъ сочетаніи, именно: это ощущеніе возникаетъ тогда, когда, при давленіи на какое либо тѣло нашимъ осязательно-мускульнымъ аппаратомъ, это тѣло сначала уступаетъ нашему давленію, измѣняетъ свою форму, а потомъ, при прекращеніи давленія, само давитъ на нашъ органъ, выталкиваетъ его, принимая свою прежнюю форму. Такой рядъ ощущеній получается напр. при сдавливаніи резиноваго мячика. Слѣдовательно ощущеніе упругаго есть выраженіе соотношенія или комбинація ощущеній давленія (органа на предметъ), напряженія, движенія и обратнаго давленія (предмета на органъ).

Ощущенія шероховатаго, гладкаго, вязкаго или клейкаго, жидкаго, газообразнаго, сыраго или мокраго суть ничто иное, какъ видоизмѣненія ощущеній давленія, напряженія и движенія, а иногда и температуры, они выражаютъ тѣ различія въ препятствіяхъ, которыя встрѣчаетъ нашъ осязательно-мускульный аппаратъ при движеніи. Ощущеніе шероховатости есть ощущеніе прерывчатости, перемежаемости при давленіи, напряженіи и движеніи, неправильности, неравномѣрности въ комбинаціи этихъ трехъ ощущеній; напротивъ ощущеніе гладкаго есть ощущеніе правильности, непрерывности ощущеній давленія, напряженія и движенія; ощущенія жидкаго и газообразнаго суть ощущенія меньшаго и меньшаго сопротивленія движенію; ощущеніе клейкаго особый видъ ощущенія мягкаго; ощущеніе сыраго сложено изъ ощущенія холода и легкаго, скользящаго прикосновенія къ поверхности, такъ что когда намъ неожиданно

приходится касаться холоднаго гладкаго металла, мы думаемъ, что дотронулись до чего либо сыраго и т. д.

Изъ всѣхъ разсмотрѣныхъ ощущеній наибольшее значеніе для постройки представленія о внѣшнемъ мірѣ имѣютъ слѣдующія: сопротивленія и его виды: твердое, мягкое, упругое, жидкое, газообразное; напряженія и различныхъ скоростей движенія; температуры съ различеніемъ тепла и холода

§ 42. Изъ осязательно-мускульнаго аппарата развились всѣ прочіе органы, изъ осязательно-мускульныхъ ощущеній всѣ прочія ощущенія. Слѣдующіе два ряда ощущеній, наиболѣе близко по своему характеру подходящихъ къ мускульнымъ, суть: пищеварительно-вкусовыя и дыхательно-обонятельныя ощущенія.

Что ощущенія пищеваренія и вкуса суть видоизмѣненныя осязательныя ощущенія, сопровождающіяся ощущеніями движенія, это очевидно. Какъ возникаютъ ощущенія пищеваренія? Отъ соприкосновенія пищи съ органами пищеваренія. Пища размельчается во рту зубами и поливается слюной, проходитъ пищеводъ, перегоняется съ мѣста на мѣсто въ желудкѣ, проходитъ кишками—всюду мы встрѣчаемъ различнаго рода соприкосновеніе, сопровождаемое движеніемъ.

Но, конечно, ощущенія пищеваренія не буквально тоже самое, что ощущенія осязанія, это спеціализованныя осязательныя ощущенія. Органы пищеваренія отличаются по своему строенію и физіологическимъ отправленіямъ отъ кожи, имѣя въ то же время существенное анатомически-физіологическое сродство съ нею; точно также и ощущенія пищеваренія, будучи въ основѣ своей сходны съ осязательными, имѣютъ отъ послѣднихъ и отличія; на почвѣ собственно осязательныхъ раздраженій возникаютъ процессы перевариванія, всасыванія, уподобленія. Впрочемъ можно указать такое пищеварительное ощущеніе, которое по своему характеру очень мало отличается отъ осязательнаго ощущенія давленія, именно ощущеніе наполненности желудка. Это не тоже, что сытость: при наполненности желудка мы чувствуемъ тягость въ желудкѣ, но сытости не ощущаемъ; что-то давитъ насъ, какая-то масса непитательнаго и неудобоваримаго матеріала лежитъ въ желудкѣ, а толку отъ нея, для поддержанія силъ, нѣтъ.

Органъ вкуса—языкъ есть начало желудка, между языкомъ и пищепріемнымъ каналомъ нѣтъ перерыва въ строеніи. Языкъ уже даетъ знать желудку, годится для него извѣстная пища или нѣтъ. Ощущенія вкуса зависятъ отъ соприкосновенія пищи и питья съ вкусовыми сосочками языка (желобоватые сосочки). Слѣдовательно основа вкуса—соприкосновеніе, особенность же вкусовыхъ ощущеній обусловливается своеобразнымъ строеніемъ органа вкуса. Ощущенія движенія и мускульнаго напряженія постоянно сопровождаютъ и вкусовыя ощущенія, какъ и пищеварительныя.

Дыхательно-обонятельныя ощущенія стоятъ, повидимому, гораздо дальше отъ осязательныхъ, ихъ характеръ, ихъ типъ кажется очень своеобразнымъ и не похожимъ на характеръ осязательныхъ ощущеній. На самомъ же дѣлѣ эти ощущенія такъ же близко родственны осязательнымъ, какъ и пищеварительно вкусовыя. Вся разница заключается во 1) въ особенностяхъ матеріала, раздражающаго нервы, и во 2) въ структурныхъ особенностяхъ органовъ, воспринимающихъ раздраженія. При пищеварительно-вкусовыхъ ощущеніяхъ раздражителями служатъ или твердыя или жидкія вещества, при дыхательно-обонятельныхъ же ощущеніяхъ—газообразныя. Твердыя и жидкія вещества бываютъ пахучи потому, что отдѣляютъ газы. Строеніе органовъ дыханія и обонянія также имѣетъ свои особенности по сравненію съ органами пищеваренія и вкуса. Въ существѣ же дѣла дыхательно-обонятельныя ощущенія близко подходятъ къ осязательнымъ, потому что—какъ совершаются процессы дыханія и обонянія, что вызываетъ ощущенія этихъ классовъ? При обоняніи газы входятъ въ полость носа и здѣсь раздражаютъ обонятельныя клѣточки, (т. е. приходятъ съ ними въ соприкосновеніе), лежащія въ слизистой оболочкѣ полости носа; при дыханіи воздухъ изъ полости носа и рта проходитъ дыхательнымъ горломъ, достигаетъ легкихъ и здѣсь вступаетъ въ соприкосновеніе съ кровью, результатомъ чего и бываетъ ощущеніе дыханія. Конечно, простое соприкосновеніе есть только начало дыхательно-обонятельныхъ ощущеній, кромѣ простаго прикосновенія здѣсь присутствуютъ еще спеціальные процессы, свойственные этимъ органамъ. И дыхательныя и обонятельныя ощущенія постоянно сопровождаются ощу-

щеніями движенія. Разсмотримъ нѣсколько частнѣе два указанные класса ощущеній.

Ощущенія, возбуждаемыя раздраженіемъ пищеварительныхъ органовъ, суть слѣдующія: голода и жажды, сытости, включая сюда до нѣкоторой степени и ощущеніе наполненности желудка, и ощущенія тошноты, отвращенія, различныхъ желудочныхъ болей. Мы не будемъ отдѣльно говорить о нихъ, потому что они съ одной стороны очень хорошо знакомы каждому, а съ другой—очень субъективны и къ постройкѣ міровоззрѣнія имѣютъ мало отношенія.

Количество вкусовыхъ ощущеній не особенно велико. Число основныхъ вкусовъ различными психологами указывается различное: Платонъ и Галенъ считали ихъ семь, Аристотель и Теофрастъ восемь, нѣкоторые насчитываютъ ихъ 12, другіе—16. Бэнъ группируетъ ихъ въ слѣдующіе семь классовъ: сладкіе, горькіе, соленые, щелочные, кислые, вяжущіе и огненные. [1])

Четыре изъ этихъ семи классовъ—сладкіе, горькіе, соленые и кислые—извѣстны очень хорошо каждому и ихъ элементарность и специфичность не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ихъ нельзя свести одинъ на другой, разложить на болѣе простые элементы, это дѣйствительно четыре различные порядка явленій. За остальными тремя классами едва ли возможно признать такой же первоначальный и элементарный характеръ. Дѣло въ томъ, что наши вкусовыя ощущенія находятся въ весьма тѣсной связи съ обонятельными и осязательными, но мы не привыкли обращать вниманіе, не привыкли анализировать эту связь. Вслѣдствіе этого мы приписываемъ иногда вкусовыя свойства предметамъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ извѣстный рядъ ощущеній вызванъ въ насъ не вкусовыми, а обонятельными и осязательными свойствами предметовъ. Такъ напр. относительно многихъ ароматическихъ веществъ слѣдуетъ сказать, что ихъ свойства мы узнаемъ помощью носа, а не языка.

Большая часть употребляемой нами пищи бываетъ намъ пріятна или непріятна нетолько по свойственному ей вкусу и

---

[1]) Senses and Jntellect, p. 144—146.

запаху, но и по сопровождающему ее осязательному ощущенію. Вкусъ свѣжаго и черстваго хлѣба въ существѣ дѣла одинъ и тотъ же, но у перваго гораздо чувствительнѣе присущій хлѣбу ароматъ, нежели у пролежавшаго нѣсколько дней; далѣе свѣжій хлѣбъ мягче и поэтому при жеваніи онъ оставляетъ на языкѣ пріятное осязательное впечатлѣніе, между тѣмъ какъ черствый хлѣбъ, дѣлаясь твердымъ и разсыпчатымъ, распадается на маленькія твердыя, съ шероховатыми и острыми углами, крошки, которыя производятъ на языкѣ непріятное осязательное впечатлѣніе. Хлѣбъ, намазанный масломъ, гораздо пріятнѣе при жеваніи и осязаніи, нежели хлѣбъ безъ масла, и это одна изъ причинъ, почему отдаютъ предпочтеніе хлѣбу съ масломъ предъ простымъ хлѣбомъ. Тоже можно сказать о многихъ плодахъ. Тѣсная связь между обонятельными и вкусовыми ощущеніями особенно ясно выражается у дѣтей. Дѣти, нюхая душистый цвѣтокъ, открываютъ ротъ и готовы бываютъ ѣсть его. [1])

Если мы примемъ во вниманіе эти факты, то мы должны будемъ согласиться, что собственно для вкуса остается весьма немного ощущеній: сладкій, кислый, соленый и горькій вкусы и, пожалуй, еще водянистый, какъ самое слабое и неопредѣленное вкусовое ощущеніе, происходящее отъ соприкосновенія языка съ водою. Прочіе же вкусы суть сложные и составлены изъ этихъ пяти съ примѣсью обонятельныхъ и осязательныхъ ощущеній. Такъ мы называемъ вкусовое впечатлѣніе щелочнымъ, когда имъ вызывается немного соленое и вмѣстѣ съ тѣмъ до нѣкоторой степени острое или охлаждающее впечатлѣніе; мы называемъ вкусъ острымъ, ѣдкимъ, огненнымъ—алькоголя, перца, горчицы, — когда получаемъ довольно рѣзкое осязательное раздраженіе полости рта съ нѣкоторой прибавкой горькаго; вяжущіе вкусы также стоятъ въ неразрывной связи съ осязательными ощущеніями, вызывая непроизвольныя сокращенія, съуживанья слизистой оболочки полости рта; металлическіе вкусы суть ничто иное, какъ слабое вяжущее вкусовое ощущеніе, соединенное съ обонятельнымъ ощущеніемъ отъ стараго желѣза, мѣди и т. п.

---

[1]) Preyer, Die Seele des Kindes, s. 229.

§ 43. Ощущенія дыханія суть ощущенія чистаго, свѣжаго воздуха и спертаго, удушливаго.

Каждый, конечно, хорошо знаетъ эти ощущенія свѣжести и удушенія, такъ какъ каждому часто приходится испытывать ихъ. Прогулка на свѣжемъ воздухѣ не только доставляетъ намъ удовольствіе, но и благодѣтельно дѣйствуетъ на ходъ всѣхъ жизненныхъ процессовъ; голова работаетъ несравненно лучше послѣ того, какъ мы достаточное время дышали свѣжимъ воздухомъ Поэтому мы можемъ по своему желанію возвышать и ускорять ходъ нашей психической жизни, вдыхая вещества, возбуждающія дѣятельность мозга. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно дѣйствіе закиси азота. Вдыханіе его возбуждаетъ длинный рядъ живыхъ мыслей, припоминаются всевозможныя старыя сцены.

Ощущеніе удушенія имѣетъ противоположенное дѣйствіе, затрудняя нашу дѣятельность, ослабляя напряженность умственнаго труда. Церкви, переполненныя народомъ, театральныя и бальныя залы со множествомъ зрителей и гостей, многолюдный классъ, плохо вентилируемый, вызываютъ болѣе или менѣе сильныя ощущенія удушенія, тяжесть головы, какую-то разслабленность и сонливость, неспособность къ работѣ.

Обонятельныя ощущенія можно раздѣлить на три группы: чисто обонятельныя ощущенія, обонятельныя ощущенія, связанныя съ процессомъ дыханія и пищеваренія. Къ первой группѣ относятся пріятные или благоухающіе запахи, непріятные, острые и эѳирные.

Запахи благоухающіе, пріятные представляютъ собою чисто обонятельныя ощущенія, происходящія единственно вслѣдствіе возбужденія волоконъ обонятельнаго нерва. Этотъ классъ ощущеній довольно многочисленъ и его можно сопоставить съ пріятными ощущеніями вкуса, звуковъ, мускульнаго покоя, теплоты, съ ощущеніями хорошаго пищеваренія.—Противоположнный классъ ощущеній—дурные запахи.—Дѣйствіе дурныхъ запаховъ на насъ подавляющее и разстраивающіе. Въ Китаѣ былъ даже особый видъ смертной казни, состоявшій въ томъ, что преступникъ подвергался вліянію очень острыхъ и въ тоже время крайне дурныхъ запаховъ, отъ которыхъ и умиралъ. Чистые острые запахи дѣйствуютъ возбуждаю-

щимъ озбразомъ.—Примѣры веществъ съ подобнымъ запахомъ—перецъ, горчица, нюхательный табакъ. Острые запахи не представляютъ собою чисто обонятельныхъ ощущеній, но суть вмѣстѣ съ тѣмъ и осязательныя. Если на нѣкоторое время налить себѣ въ полость носа теплой воды, то обоняніе на 4—6 минутъ утратится и тогда втягиваньемъ воздуха не возможно бываетъ ощущать запаха уксусной кислоты, толченаго перца, амміака, одеколона и другихъ веществъ. Но если въ это время ввести въ носъ щепотку хорошо растертаго нюхательнаго табаку, то въ носовой полости получится жгущее, зудящее ощущеніе, запаха же его мы чувствовать не будемъ.—Эѳирные запахи—алькоголя, эѳировъ, заключающихъ въ себѣ хлороформъ, сѣрнистые запахи и т. п. Они имѣютъ характеръ острыхъ запаховъ и вѣроятно представляютъ смѣсь остроты собственно съ запахомъ.

Ко второй группѣ обонятельныхъ ощущеній принадлежатъ запахи свѣжіе и удушающіе. Свѣжіе запахи тѣ, которые дѣйствуютъ на насъ, какъ свѣжій воздухъ, или прохлада среди жары, они способствуютъ дѣятельности легкихъ и увеличиваютъ вообще энергію дыхательной системы. Многіе изъ благоухающихъ запаховъ полей и садовъ имѣютъ это дѣйствіе; мускусъ, одеколонъ—примѣры веществъ съ такимъ запахомъ. Удушающіе запахи—запахи большой толпы народа, большихъ городовъ, переполненныхъ залъ, запасныхъ магазиновъ, амбаровъ, складовъ бумажныхъ издѣлій, платья и т. п.

Къ третьей группѣ ощущеній относятся запахи аппетитные и тошнящіе. Аппетитные запахи—свѣжаго мяса, горячаго вкуснаго супа—стоятъ въ тѣсной связи съ припоминаніемъ прежде испытанныхъ вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній. Они возбуждаютъ аппетитъ, заставляютъ напрягать силы для его удовлетворенія; тошнящіе запахи вредно дѣйствуютъ на процессъ пищеваренія. Сѣрнистый водородъ—типъ подобныхъ веществъ. При постройкѣ міровоззрѣнія, значеніе всѣхъ, сейчасъ указанныхъ, ощущеній сравнительно очень не велико, а такія реакціи, какъ свѣжесть и голодъ, совсѣмъ значенія не имѣютъ.

Что касается всѣхъ прочихъ нашихъ органическихъ или жизненныхъ, внутреннихъ ощущеній, то о нихъ нужно замѣтить слѣдующее: особенности психическаго характера органическихъ

ощущеній по сравненію съ ощущеніями органовъ внѣшнихъ чувствъ обусловливаются физіологическимъ строеніемъ нервовъ, ихъ посредствующихъ. Нервы зрительный, слуховой, осязательные, обонятельный и вкусовой имѣютъ на своихъ периферическихъ концахъ особые аппараты, назначенные для воспріятія спеціальныхъ раздраженій; нервы же, посредствующіе органическія ощущенія, такихъ аппаратовъ не имѣютъ. Вслѣдствіе этого въ ощущеніяхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ преобладаютъ объективныя свойства ощущенія — качество и интенсивность, и субъективный элементъ — тонъ — сравнительно слабъ; эти ощущенія ясны и отчетливы, хорошо припоминаются; раздѣльны, не сливаются въ одно общее, смѣшанное чувство; служатъ для насъ богатымъ источникомъ свѣдѣній о внѣшней природѣ. Ощущенія же органическія всегда бываютъ въ большей или меньшей степени не ясны, свѣдѣній объ органическихъ процессахъ нашего тѣла даютъ намъ мало, вообще интеллектуальный элементъ въ нихъ слабъ; субъективный же элементъ въ нихъ, напротивъ, очень силенъ, почти каждое изъ этихъ ощущеній имѣетъ ясно опредѣленный тонъ. Органическія ощущенія, вслѣдствіе неясности своего содержанія, способны сливаться въ одно общее смѣшанное чувство и въ этой формѣ опредѣляютъ обыкновенно наше веселое или грустное настроеніе. Припоминаются они весьма слабо. Мы легко воспроизводимъ извѣстные образы, звуки и т. п., но воспроизвести ощущеніе сытости, голода, припомнить ощущеніе усталости, нервнаго истощенія и т. п. мы мало способны. Эти ощущенія ясны для насъ болѣе или менѣе только въ моментъ своего совершенія. Причина этого та, что въ нихъ преобладаетъ субъективный элементъ, состояніе чувства, а не объективныя свойства. По своему психическому характеру къ органическимъ ощущеніямъ наиболѣе близко подходятъ ощущенія обонянія, вкуса и нѣкоторые классы осязательныхъ ощущеній. Психологическое значеніе органическихъ ощущеній заключается во вліяніи ихъ на наше настроеніе и на опредѣленіе нашей личности, нашего я.

§ 44. Высшую дифференціацію первичнаго чувства представляютъ органы зрѣнія и слуха. Хотя въ предѣлахъ дѣятельности и этихъ органовъ ощущенія, какъ мы видѣли,

удерживаютъ свой основной осязательный типъ, тѣмъ не менѣе зрительныя и слуховыя ощущенія суть очень тонкія осязательныя ощущенія, значительно видоизмѣнившіяся. Зрительныя ощущенія суть ощущенія цвѣтовъ, бѣлаго и цвѣтовъ спектра. Солнечный лучъ, пропущенный чрезъ призму, преломляется и разлагается на составные цвѣта. Спектръ начинается краснымъ цвѣтомъ, наименѣе преломляющимся, и кончается фіолетовымъ, наиболѣе преломляющимся. Цвѣта спектра, по порядку преломляемости, суть слѣдующіе: красный цвѣтъ, оранжевый, желтый, зеленый, голубой и фіолетовый. Въ голубомъ различаютъ собственно голубой и индиговый (синій). Цвѣта въ спектрѣ не отдѣлены рѣзко другъ отъ друга, но мало по малу переходятъ одинъ въ другой, напр. красный постепенно переходитъ въ оранжевый. Вполнѣ ясно мы можемъ различить въ спектрѣ красный, желтый, зеленый, голубой и фіолетовый. Чѣмъ ближе лежатъ другъ къ другу въ спектрѣ цвѣта, тѣмъ они сходнѣе между собою. Такъ красный кажется намъ болѣе похожимъ на желтый, чѣмъ на зеленый или голубой; впечатлѣнія отъ желтаго и зеленаго кажутся болѣе сходными, чѣмъ отъ желтаго и голубаго или фіолетоваго. На обоихъ своихъ концахъ спектръ не представляетъ рѣзкихъ границъ, здѣсь онъ лишь постепенно переходитъ въ черный цвѣтъ. На фіолетовомъ концѣ этотъ переходъ совершается медленнѣе, чѣмъ на красномъ. При нѣкоторыхъ условіяхъ мы можемъ видѣть лучи, лежащіе за предѣлами обыкновеннаго спектра, именно ультра-фіолетовые. Они кажутся мерцающимъ свѣтомъ, окрашеннымъ въ голубовато-сѣрый цвѣтъ. [1])

Кромѣ простыхъ шести или семи цвѣтовъ, въ спектрѣ существуетъ еще безчисленное множество различныхъ оттѣнковъ цвѣтовъ. Оттѣнки цвѣтовъ безконечно разнообразны, такъ что ни одинъ языкъ не владѣетъ достаточнымъ количествомъ словъ для ихъ обозначенія. Есть еще смѣшанные цвѣта. Сознаніе получаетъ впечатлѣніе смѣшаннаго цвѣта или вслѣдствіе того, что лучи изъ волнъ различной длины (различные простые цвѣта) соединяются въ одну систему, падающую на сѣтчатку,

---

[1]) Helmholtz, Handbuch der physiologischen Optik, s. 277. (изд. 1867).

или же вслѣдствіе того, что одни и тѣ же волокна зрительнаго нерва возбуждаются одновременно нѣсколькими разноцвѣтными лучами. Въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же простые цвѣта даютъ одинъ и тотъ же смѣшанный цвѣтъ.

Наконецъ надобно упомянуть еще о черномъ цвѣтѣ. Возникая отъ недостатка свѣта, черный цвѣтъ тѣмъ не менѣе есть дѣйствительное ощущеніе, «мы ясно отличаемъ», какъ справедливо замѣчаетъ Гельмгольтцъ, [1]) «ощущеніе чернаго отъ недостатка всякаго ощущенія». При закрытыхъ глазахъ мы очень хорошо сознаемъ, что темное поле зрѣнія имѣетъ свою границу и не помѣщаемъ его позади себя. Предметы, находящіеся позади насъ, не кажутся намъ темными, хотя на самомъ дѣлѣ могутъ быть свѣтлыми или темными, отъ нихъ просто мы не получаемъ никакихъ ощущеній, ни свѣтлаго, ни темнаго.

Какъ на видоизмѣненіе ощущеній свѣта и цвѣтовъ можно указать на ощущеніе блеска. Удовольствіе, получаемое нами при ощущеніи блеска, бываетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ при ощущеніи только цвѣта, блескъ значительно увеличиваетъ прелесть ландшафтовъ и картинъ. Ощущеніе блеска мы испытываемъ часто—искра въ темнотѣ, драгоцѣнные камни, полированное дерево, слоновая кость, шелковыя ткани и т. п. предметы даютъ ощущеніе блеска. Человѣческая кожа даетъ вмѣстѣ ощущеніе цвѣта и блеска; особенно въ человѣческомъ глазѣ, вмѣстѣ и блестящемъ и цвѣтномъ, выражается тѣсное соединеніе этихъ ощущеній. Впрочемъ блескъ только тогда производитъ пріятное дѣйствіе на глазъ, когда встрѣчается въ умѣренномъ количествѣ и даетъ глазу отдохнуть, въ соразмѣрные промежутки времени, на впечатлѣніяхъ обыкновеннаго свойства. Въ противномъ случаѣ, т. е. блескъ слишкомъ частый или занимающій большое пространство, легко становится непріятнымъ для глаза, ослѣпительнымъ. Ощущеніе блеска зависитъ отъ неодинаковаго освѣщенія какой нибудь поверхности, отражающей въ различныхъ направленіяхъ неодинаковое количество свѣта. Фотографическіе стереоскопы съ поразительною вѣрностью воспроизводятъ блескъ, между тѣмъ, внимательно при-

---

[1]) Handbuch der physiologischen Optik, s. 281.

сматриваясь къ простымъ картинкамъ, мы можемъ замѣтить, что нѣкоторыя мѣста, будучи свѣтлыми на одномъ рисункѣ, на другомъ бываютъ темными. Комбинація такихъ мѣстъ и производитъ ощущеніе блеска.

Кромѣ ощущеній бѣлаго цвѣта и спектральныхъ, оттѣнковъ цвѣтовъ, смѣшанныхъ цвѣтовъ и блеска, можно указать еще одно свойство въ зрительныхъ ощущеніяхъ,—это насыщенность цвѣта или чистота его. Цвѣта могутъ быть чистые, т. е. не смѣшанные ни съ какими другими; могутъ быть смѣшанные, т. е. составленные изъ нѣсколькихъ различныхъ цвѣтовъ; могутъ быть насыщенные. Насыщенностью цвѣта обозначается такая особенность свѣтоваго ощущенія, которая обусловливается большею или меньшею примѣсью бѣлаго цвѣта къ чистому спектральному цвѣту. Насыщенность достигаетъ максимума, когда подмѣсь бѣлаго цвѣта бываетъ равна нулю; чѣмъ цвѣтъ бѣлѣе, тѣмъ менѣе онъ насыщенъ. Самъ бѣлый цвѣтъ владѣетъ наименьшею насыщенностью и цвѣта, равнозначительные въ этомъ отношеніи съ бѣлымъ и составляющіе видоизмѣненія его интенсивности, суть сѣрый и черный. Понятіе насыщеннаго ощущенія не представляетъ собою чего либо твердаго, неизмѣннаго, но зависитъ отъ нашей измѣняющейся чувствительности Цвѣта спектра имѣютъ различную степень насыщенности, такъ фіолетовый и синій насыщеннѣе, чѣмъ красный, красный насыщеннѣе оранжеваго и желтаго. Фіолетовый и синій, при небольшой примѣси бѣлаго, уже обнаруживаютъ замѣтныя измѣненія насыщенія.

§ 45. Къ слуховымъ ощущеніямъ относятся слѣдующіе три класса: тоновъ, звуковъ и шумовъ. Первичнымъ элементарнымъ слуховымъ ощущеніемъ слѣдуетъ признать ощущеніе звука, не содержащаго верхнихъ гармоническихъ тоновъ, котораго единственная составная часть есть основной тонъ. Такое ощущеніе есть простое ощущеніе, оно производится маятникообразнымъ колебаніемъ. Звуковая волна, распространяющаяся вслѣдствіе того, что воздушные слои пріобрѣтаютъ и послѣдовательно передаютъ одинъ другому качанія, совершающіяся по закону маятника, называется простою волною. Всякая иная волна называется сложною. Всякое движеніе воздуха, которое соотвѣтствуетъ сложной звуковой массѣ, можетъ быть

разложено на сумму простыхъ маятникообразныхъ колебаній, причемъ каждому такому простому колебанію соотвѣтствуетъ ощущаемый ухомъ тонъ.

По изслѣдованіямъ Гельмгольтца, человѣческое ухо способно ощущать только маятникообразное колебаніе воздуха, какъ простой тонъ, а всякое другое періодическое движеніе воздуха разлагаетъ на рядъ маятникообразныхъ колебаній и соотвѣтственно имъ ощущаетъ рядъ тоновъ. [1]) Если вблизи фортепіанной деки съ натянутыми на нее струнами издать какой нибудь звукъ, то онъ приведетъ въ созвучное дрожаніе ту изъ струнъ, которая настроена съ нимъ въ унисонъ, въ чемъ можно убѣдиться, насадивъ на струну согнутыя бумажки; онѣ будутъ сброшены. При этомъ, если издаваемый тонъ есть тонъ сложный, т. е. такой, который можно разсматривать состоящимъ изъ основнаго и гармоническихъ, то въ созвучное дрожаніе придутъ какъ струна, настроенная въ унисонъ съ основнымъ звукомъ, такъ и струны, настроенныя въ унисонъ съ сопровождающими его гармоническими тонами. Струны деки такимъ образомъ физически разложатъ сложное колебаніе на составныя части. Точно тоже самое совершается и нашимъ ухомъ. Волокна слуховаго нерва представляютъ созвучные элементы для самыхъ разнообразныхъ простыхъ тоновъ и составленыхъ изъ нихъ сложныхъ. Сложные звуки волокна слуховаго нерва разлагаютъ на составляющіе ихъ элементы.

Слѣдовательно ощущенія звуковъ суть сложныя ощущенія. Кромѣ основныхъ тоновъ звуки содержатъ еще много верхнихъ тоновъ и колебанія, вызывающія звукъ, имѣютъ сложную форму. Главныя свойства звуковъ суть слѣдующія три: высота звука, сила звука и тэмбръ звука. Высота звука зависитъ отъ числа колебаній воздушныхъ волнъ въ единицу времени; сила звука зависитъ исключительно отъ размаха (амплитуды) звуковой волны; оттѣнокъ (тэмбръ) звука зависитъ отъ числа и силы верхнихъ гармоническихъ тоновъ.

Ощущеніе шума есть болѣе сложное ощущеніе, чѣмъ звука. Различіе между звуками и шумами есть одно изъ первыхъ и главныхъ различій, которыя схватываетъ наше ухо между

---

[1]) Гельмгольтцъ, Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, стр. 85—86.

различными слуховыми впечатлѣніями. Вѣяніе, завываніе и свистъ вѣтра, плескъ воды, шумъ ѣдущаго по мостовой экипажа суть примѣры шумовъ, тогда какъ звуки всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ суть примѣры собственно звуковъ. Правда, что шумы и звуки могутъ въ разнообразно измѣняющихся отношеніяхъ смѣшиваться и переходить другъ въ друга посредствомъ послѣдовательныхъ ступеней; но въ крайнихъ предѣлахъ они рѣзко между собою разграничены. Чтобы постигнуть сущность различія между звуками и шумами, достаточно, въ большей части случаевъ, внимательнаго наблюденія однимъ лишь ухомъ, безъ всякой помощи постороннихъ искуственныхъ средствъ. Вообще оказывается, что во время шума происходитъ быстрая смѣна разнообразныхъ звуковыхъ ощущеній. Вспомнимъ напр. шумъ ѣдущаго по мостовой экипажа, шумъ и плескъ водопада или морскихъ волнъ, или шелестъ листьевъ; здѣсь мы имѣемъ быструю и неправильную, но явственно распознаваемую смѣну порывистыхъ разнообразныхъ звуковъ. При завываніи вѣтра смѣна происходитъ медленно; звукъ тихо и плавно повышается, а потомъ снова понижается. Въ большей же части другихъ шумовъ раздѣленіе разнообразныхъ порывисто мѣняющихся другъ за другомъ звуковъ удается болѣе или менѣе хорошо. Напротивъ, музыкальный звукъ представляется уху какъ звукъ, длящійся вполнѣ равномѣрно и неизмѣнно; въ немъ нельзя различить смѣны разнообразныхъ составныхъ частей. Слѣдовательно ему отвѣчаетъ простой и равномѣрный родъ ощущенія, тогда какъ при шумѣ неправильно смѣшаны и стѣснены другъ другомъ многія разнообразныя ощущенія звуковъ. На дѣлѣ шумъ можно сложить изъ музыкальныхъ звуковъ, если напр. одновременно ударить въ предѣлахъ одной или двухъ октавъ по всѣмъ клавишамъ фортепіано. Ясно, что музыкальные звуки составляютъ болѣе простые и правильные элементы ощущеній слуха, чѣмъ шумы.

Что касается объективной причины ощущеній звука и шума, то она заключается въ различіи сотрясеній окружающей насъ массы воздуха. Неправильно мѣняющееся слуховое ощущеніе во время шума заставляетъ насъ заключить, что при немъ и сотрясеніе воздуха должно быть также неправильно мѣняющимся родомъ движенія, и что, напротивъ, въ основаніи музыкальныхъ звуковъ

лежитъ правильное, равномѣрнымъ образомъ повторяющееся, движеніе воздуха, которое въ свою очередь должно быть возбуждено посредствомъ такого же правильнаго движенія звучащаго тѣла, сотрясенія котораго передаются воздухомъ уху. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

Особый классъ слуховыхъ ощущеній даютъ намъ членораздѣльные звуки. Элементы, изъ которыхъ образуется рѣчь, раздѣляются на гласные и согласные. Существенное различіе между этими звуками заключается въ томъ, что согласные представляютъ неопредѣленные шумы, тогда какъ гласные имѣютъ характеръ звука; въ послѣднихъ, произносимыхъ даже шепотомъ, можно различать высоту тона, производимаго въ полости рта, при громкой же рѣчи гласные представляютъ измѣненія оттѣнка голосоваго звука, происходящія вслѣдствіе того, что собственные тоны полости рта усиливаютъ отдѣльные составные тоны звука.

Въ рѣчи шопотомъ гласные звуки образуются тѣмъ, что воздухъ выдыхается въ полость рта, имѣющую опредѣленную форму. Вслѣдствіе этого возникаютъ шумы, въ которыхъ, при нѣкоторой внимательности, именно при сравненіи нѣсколькихъ гласныхъ, различаютъ опредѣленныя высоты тоновъ, поразительно сходныя у различныхъ лицъ для одного и того же гласнаго звука. Эти тоны легко опредѣлить посредствомъ созвучія, поднося камертонъ къ полости рта, установленной для произношенія какой нибудь гласной. Если тонъ камертона тожественъ съ тономъ полости рта, то камертонъ тотчасъ же начинаетъ усиленно звучать. Модуляція звуковъ можетъ быть въ высшей степени разнообразна, такъ что два звука могутъ быть произносимы на безчисленное множество ладовъ, съ массой своеобразныхъ оттѣнковъ.

Для образованія представленія о внѣшнемъ мірѣ и зрительныя и слуховыя ощущенія имѣютъ довольно важное значеніе, особенно зрительныя, они всѣ идутъ на постройку міровоззрѣнія. Всѣхъ же ощущеній, изъ которыхъ мы строимъ міровоззрѣніе, можно считать около 30, качественно различныхъ. Между ними первенствующее мѣсто занимаютъ осязательно-мускульныя, а за ними слѣдуютъ зрительныя.

§ 46. Подвергнувъ ощущенія анализу съ количественной

и качественной стороны, теперь мы разсмотримъ отношеніе собственно ощущенія (психическаго момента) къ физіологическому процессу вообще.

Несмотря на то, что физіологическій процессъ и ощущеніе составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, собственно ощущеніе есть явленіе вполнѣ своеобразное, самобытное, имѣющее значительныя существенныя отличія отъ физіологическаго процесса. Ощущенія и съ качественной и съ количественной стороны суть субъективныя реакціи на возбужденія нервной системы, ихъ нельзя считать копіями или отображеніями внѣшнихъ предметовъ. Чрезвычайно наивная и въ то же время оригинальная теорія древнихъ греческихъ философовъ о томъ, что отъ предметовъ отдѣляются различные матеріальные зрительные и слышательные образы, предстаютъ предъ душей и такимъ образомъ вызываютъ ощущеніе; или что глазъ изъ себя испускаетъ особые лучи, ими касается предметовъ и такимъ образомъ видитъ ихъ, должна быть, конечно, оставлена. Точно также должна быть оставлена и теорія о первичныхъ и вторичныхъ качествахъ вещей. По этой теоріи въ вещахъ различали свойства двухъ категорій: первичныя и вторичныя. Первичныя качества тѣ, которыя дѣйствительно существуютъ въ вещахъ; такъ что наши ощущенія первичныхъ качествъ суть копіи этихъ свойствъ. Къ такимъ качествамъ относили величину, фигуру, число, положеніе, движеніе и покой. Вторичныя же качества не существуютъ дѣйствительно въ вещахъ и наши ощущенія ихъ не суть копіи. Въ тѣлахъ есть только какая-то сила, которая, дѣйствуя на наши чувства, и вызываетъ ощущенія вторичныхъ качествъ. Между вторичными качествами предметовъ—красками, тонами, запахами и т. д.— и нашими ощущеніями, отвѣчающими имъ, такъ же мало сходства, какъ между движеніемъ булавки, колющей нашу кожу, и болью.

Качественный анализъ ощущеній приводитъ насъ къ тому заключенію, что нужно оставить мысль объ ощущеніяхъ, какъ о копіяхъ вещей. Ощущенія суть состоянія чувствующаго существа и уже поэтому не могутъ быть копіями вещей. Далѣе мы видимъ, что эти состоянія суть самостоятельныя субъективныя реакціи на раздраженія, совсѣмъ непохожія на возбуж-

дающіе ихъ физіологическіе процессы. Мы знаемъ, что въ нервной системѣ, при возбужденіи ея, совершаются или физическіе процессы колебанія частицъ или химическіе процессы. Но развѣ ощущенія, какъ психическіе факты, имѣютъ какое либо сходство съ движеніемъ или химическимъ процессомъ? Это двѣ вещи совершенно несравнимыя и для нашего сознанія такъ же невозможно разрѣшить ощущеніе въ движеніе, какъ невозможно превратить и движеніе въ ощущеніе. Сколько бы мы ни напрягали свое воображеніе, мы не можемъ своимъ сознаніемъ перекинуть соединительный мостъ между физіологическимъ процессомъ и нераздѣльнымъ съ нимъ ощущеніемъ; эти два факта остаются для насъ различными фактами. Ощущенія суть не копіи качествъ вещей, хотя бы эти качества и назывались первичными, а только символы, нисколько на нихъ непохожіе. Психическіе факты—совершенно своеобразный міръ явленій. Твердость и мягкость, теплота и холодъ, краски и запахи, вкусы и пр. все это существуетъ только въ насъ, есть только наши субъективныя состоянія, въ природѣ нѣтъ этихъ состояній, въ ней существуютъ только силы, вызывающія эти ощущенія.

Съ количественной стороны ощущенія также не суть копіи вещей. Ощущеніе, какъ доказываетъ Фехнеръ, ростетъ не пропорціонально раздраженію, но по особому закону, раздраженіе увеличивается очень быстро, между тѣмъ какъ ощущеніе возрастаетъ медленно. Въ виду цѣлой массы возраженій противъ психофизики Фехнера, психофизическій законъ нельзя считать въ настоящее время закономъ строго точнымъ и безусловнымъ, дѣло далеко еще не выяснено даже въ пунктахъ очень важныхъ и самъ Фехнеръ ограничиваетъ приложеніе своего закона извѣстными предѣлами, допускаетъ нѣкоторыя отступленія отъ него. Но что онъ приблизительно справедливъ, что въ немъ есть сторона, близкая къ истинѣ, понимаютъ ли его физіологически или психофизически, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Простой пропорціональности между раздраженіемъ и ощущеніемъ не существуетъ, ощущеніе намного отстаетъ отъ раздраженія, особенно при значительной силѣ раздраженія. Такіе осторожные изслѣдователи, какъ Гельмгольтцъ, готовы допустить, что фехнеровскій законъ есть «первое приближеніе

къ истинѣ», [1]) о многихъ другихъ изслѣдователяхъ мы не говоримъ. А основная идея фехнеровскаго закона въ томъ и состоитъ, что наши ощущенія съ количественной стороны не суть копіи явленій, что міръ отображается въ нашемъ сознаніи съ количественной стороны своеобразно, что между раздраженіемъ и ощущеніемъ нѣтъ прямаго пропорціональнаго отношенія. Итакъ ощущеніе вдвойнѣ субъективно: субъективно качественно, субъективно и количественно, объ ощущеніяхъ, какъ копіяхъ вещей въ какомъ бы то ни было отношеніи, рѣчь надобно совсѣмъ оставить. Какъ же тогда мы должны представлять міръ? Что онъ такое—безъ цвѣтовъ, безъ звуковъ, запаховъ, твердости, мягкости и пр.—хаосъ, неопредѣленное нѣчто?

Что такое міръ самъ въ себѣ—этого мы постигнуть не можемъ. На міръ мы смотримъ такъ, какъ позволяютъ смотрѣть намъ наши органы внѣшнихъ чувствъ, ихъ строеніе, и свойственныя намъ формы мыслительности, мы замѣчаемъ въ мірѣ только то, что способны воспринять наши чувства, и такъ, какъ позволяетъ намъ наша мыслительность. Существа съ иными органами, чѣмъ у насъ, съ иными формами мысли, несомнѣнно и міръ представляютъ иначе. Міръ глухонѣмаго, слѣпаго и обыкновеннаго нормальнаго человѣка, владѣющаго всѣми чувствами, не одинъ и тотъ же. Для животныхъ, у которыхъ органы чувствъ имѣютъ значительныя особенности въ своемъ строеніи, міръ не таковъ же, какъ для человѣка. Собака, такъ много руководящаяся въ своей жизни обоняніемъ, иначе представляетъ всѣ вещи, чѣмъ человѣкъ; ракообразное, заключенное со всѣхъ сторонъ въ твердый наружный скелетъ, не можетъ имѣть такихъ осязательныхъ впечатлѣній, какія возможны для тонкокожаго животнаго; мышь, которая должна пробѣжать пространство, въ нѣсколько разъ превышающее длину ея собственнаго тѣла, между тѣмъ какъ человѣкъ переступаетъ его однимъ шагомъ, не можетъ имѣть того же самаго понятія объ этомъ пространствѣ, какъ и человѣкъ.

Итакъ своими субъективными ощущеніями мы не въ состояніи измѣрять объективное бытіе. Ощущенія суть только

---

[1]) Physiologische Optik, s. 314.

символы непознаваемыхъ объективныхъ дѣятельностей, ощущеніе есть явленіе sui generis. Но несмотря на это несходство между нашими ощущеніями и раздраженіями, они тѣмъ не менѣе стоятъ въ неразрывной связи между собою, составляютъ одно цѣлое. Неразрывность между ними выражается и качественно и количественно. Качественно она выражается тѣмъ, что вслѣдъ за извѣстными раздраженіями могутъ возникнуть и дѣйствительно возникаютъ только опредѣленныя по качеству ощущенія, за какимъ либо раздраженіемъ не можетъ слѣдовать всякое ощущеніе; съ другой стороны есть и количественное соотношеніе. Хотя между раздраженіемъ и ощущеніемъ нѣтъ прямой пропорціональности, но тѣмъ не менѣе есть твердый законъ, опредѣляющій возрастаніе ощущенія вслѣдъ за увеличеніемъ раздраженія, будетъ ли это законъ фехнеровскій или какой иной. За раздраженіемъ опредѣленной силы можетъ слѣдовать и ощущеніе также только опредѣленной силы, а не какой угодно, хотя прямаго соотвѣтствія здѣсь нѣтъ. Поэтому телеологическое возраженіе противниковъ Фехнера—что его законъ ставитъ человѣка въ странное отношеніе къ вещамъ — не имѣетъ силы. Оно было бы справедливо только тогда, когда Фехнеръ, отрицая прямую пропорціональность между раздраженіемъ и ощущеніемъ, на мѣсто отрицаемаго не ставилъ бы ничего положительнаго. Но онъ указываетъ законъ, опредѣляющій отношеніе раздраженія къ ощущенію. А гдѣ законъ, тамъ бываютъ упорядоченныя и гармоническія отношенія, а не странныя. Эта неразрывная связь между раздраженіемъ и ощущеніемъ по качеству и количеству и даетъ намъ возможность оріентироваться въ невѣдомомъ намъ объективномъ мірѣ, и до нѣкоторой степени приспособиться къ нему.

§ 47. Третій моментъ въ процессѣ ощущенія есть движеніе. Движеніе находится въ неразрывной связи съ ощущеніемъ и есть такой же необходимый членъ ощущенія, какъ и физіологическій нервный процессъ. Остановимся нѣсколько на связи между ощущеніемъ и движеніемъ и прежде всего выяснимъ эту связь.

Неразрывная связь движеній съ ощущеніями особенно ясно видна въ ощущеніяхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Движенія глаза при каждомъ ощущеніи бываютъ многочи-

сленны: вверхъ и внизъ, направо и налѣво, установка глаза такимъ образомъ, чтобы изображеніе предмета падало на желтое пятно, приспособленіе хрусталика для наиболѣе отчетливаго видѣнія, сокращеніе и расширеніе зрачка и т. п. Ощущенія осязанія и вкуса также немыслимы безъ того, чтобы соотвѣтствующіе органы не совершали движеній; при обоняніи мы сокращаемъ или расширяемъ ноздри; при слуховыхъ ощущеніяхъ мы стараемся такъ установить свою голову, чтобы получать наиболѣе отчетливое впечатлѣніе, животныя же двигаютъ ушами (навастриваютъ уши). Можно даже провести параллель между способностью органа къ движенію и количествомъ ощущеній, имъ получаемыхъ. Глазъ наиболѣе подвижной органъ изъ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ и количество ощущеній, получаемыхъ нами посредствомъ этого органа, весьма значительно. Слуховой органъ самъ по себѣ неподвиженъ, но наша голова очень подвижная часть тѣла, и ея движенія замѣняютъ неподвижность слуховаго органа. Третьимъ высшимъ чувствомъ человѣка считается осязаніе, органъ котораго кожа — также приводится нами въ движеніе и соприкосновеніе съ предметами, напр. кожа рукъ, ногъ. Вообще при ощущеніяхъ все наше тѣло находится постоянно въ движеніи. Извѣстно, какъ трудно удерживать свое тѣло въ абсолютномъ покоѣ даже на короткое время, когда напр. фотографъ наводитъ на насъ свой аппаратъ, когда мы, желая остаться незамѣченными близь проходящею личностью, или не желая прерывать какой либо разговоръ, обезпокоить кого либо, задерживаемъ, какъ говорится, свое дыханіе и т. п. Особенно у дѣтей связь между ощущеніями и движеніями бываютъ тѣсна и близка. Дѣти не могутъ спокойно сидѣть на одномъ мѣстѣ, всѣ окружающіе предметы привлекаютъ ихъ къ себѣ, отъ одного ребенокъ бѣжитъ къ другому; если же его заставить сидѣть на одномъ мѣстѣ, то онъ будетъ, по крайней мѣрѣ, болтать ногами и вертѣть головой. Даже и у взрослыхъ, при всемъ ихъ умѣньи владѣть собою, т. е. при умѣньи задерживать воплощеніе своихъ ощущеній въ движеніяхъ, постоянно можно наблюдать смѣну движеній, выраженій лица, положенія всего тѣла и т. п.

Впрочемъ нерѣдко можно наблюдать и такія ощущенія,

которыя не сопровождаются движеніями. Но и про такія ощущенія мы не можемъ сказать, чтобы они не вызывали движеній. Движенія, связанныя съ ощущеніями, нерѣдко задерживаются. При здоровомъ и сознательномъ состояніи такія задержки происходятъ постоянно. Какъ скоро наше вниманіе привлечено какимъ либо предметомъ, то мы не совершаемъ движеній, вызываемыхъ ощущеніями менѣе сильными, и которыя обычны намъ, когда нѣтъ сильно интересующаго насъ предмета, какъ напр. не измѣняемъ не совсѣмъ удобное положеніе тѣла, подавляемъ легкій позывъ къ кашлю, не устраняемъ какое либо легкое внѣшнее раздраженіе. Только сильныя ощущенія возбуждаютъ насъ въ это время къ совершенію обычныхъ движеній. Изъ практическихъ жизненныхъ разсчетовъ и соображеній мы часто нарочно задерживаемъ извѣстныя движенія личныхъ мускуловъ, мускуловъ рукъ и т. п. Кромѣ задержки, нѣкоторыя ощущенія потому еще не сопровождаются движеніями, что ощущеніе, вмѣсто того, чтобы выразиться въ движеніи, выражается въ другой дѣятельности, равнозначительной съ движеніемъ. Если какое либо ощущеніе, посредствомъ блуждающаго нерва, задерживаетъ біенія сердца или дыхательныя движенія, то въ то время, пока продолжается это задерживающее вліяніе ощущенія, оно не можетъ вызвать другихъ движеній. Тоже самое бываетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное ощущеніе вызываетъ отдѣленія железъ, сокращеніе или расширеніе кровеносныхъ сосудовъ. Вообще та часть нервной силы, которая вызываетъ краску или блѣдность нашего лица, отдѣленіе слезъ, слюны и т. п., не можетъ въ то же самое время вызывать другихъ движеній. Большинство, такъ называемыхъ, органическихъ ощущеній принадлежитъ именно къ этому классу ощущеній, вызывающихъ не сокращенія мышцъ, но другія равнозначительныя дѣятельности, отдѣленія различныхъ железъ, измѣненіе дѣятельности кровеносныхъ сосудовъ. Поэтому и эти ощущенія не составляютъ исключенія изъ общаго характера ощущеній.

Въ свою очередь и движенія имѣетъ вліяніе на ощущенія. Вслѣдствіе совершаемыхъ движеній, приближенія къ предмету, удаленія отъ него, измѣненія положенія предмета и т. д.,

измѣняются и самыя ощущенія, при чемъ и количество ощущеній можетъ значительно или уменьшится или возрасти; самыя движенія даютъ намъ особый классъ ощущеній—мускульныхъ, траты силы.

Въ виду этихъ многочисленныхъ и несомнѣнныхъ фактовъ тѣсной связи между ощущеніями и движеніями, нѣкоторые психологи, напримѣръ Горвицъ, считаютъ возможнымъ утверждать, что «нѣтъ ни одного ощущенія безъ движенія», равно какъ «нѣтъ ни одного движенія безъ ощущенія», что существуетъ «законъ пропорціональности между ощущеніемъ и движеніемъ», который мы и открываемъ, какъ скоро углубляемся въ разсмотрѣніе внутренней связи между ними. [1])

§ 48. Психологическій анализъ ощущеній даетъ намъ одинъ весьма важный педагогическій выводъ о необходимости воспитывать органы внѣшнихъ чувствъ. Ощущеніе—это основная форма психической жизни, психическая клѣточка. Изъ ней развиваются всѣ другія высшія и сложныя формы психической жизни, она—фундаментъ. Слѣдовательно чѣмъ больше будетъ ощущеній, чѣмъ они будутъ яснѣе и опредѣленнѣе по своему характеру, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, психическая жизнь даннаго лица будетъ шире, интенсивнѣе. А отчетливость и ясность ощущеній, равно какъ ихъ количество, опредѣляются силою и развитіемъ органа. Человѣкъ близорукій, или вообще имѣющій слабый органъ зрѣнія, конечно, не можетъ получать такихъ отчетливыхъ зрительныхъ ощущеній и въ такомъ количествѣ, какъ человѣкъ съ совершенно здоровыми и хорошо развитыми глазами. Тѣ несчастные, у которыхъ, всѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, недоставало нѣсколькихъ внѣшнихъ чувствъ, какъ Лаура Бриджманъ и Максъ-Ноакъ, несмотря на весьма заботливое воспитаніе и уходъ, не могли сравняться по развитости своей психической жизни съ людьми, не получившими тщательнаго воспитанія, но владѣвшими всѣми органами внѣшнихъ чувствъ. Съ другой стороны между геніями, великими и замѣчательными людьми, не было глухонѣмыхъ или слѣпыхъ отъ рожденія.

---

[1]) Psychologische Analysen auf der physiologischer Grundlage. Erster Theil, Halle, 1872 г.), s. 200, 209.

Кромѣ этого общаго значенія хорошо развитыхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ для психической жизни, слѣдуетъ обратить вниманіе на спеціальное значеніе ихъ въ различныхъ отрасляхъ труда. Многія ремесла требуютъ хорошо развитыхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, и нерѣдко главнѣйшее условіе для того, чтобы сдѣлаться мастеромъ въ извѣстной отрасли труда, заключается въ тонко развитомъ глазѣ, ухѣ, въ надлежащей чувствительности мускульнаго чувства и т. п. Для художниковъ хорошій глазъ, вѣрный слухъ, твердая искусная рука (для ваятелей) необходимы. Для людей науки, занимающихся идеями, вращающихся постоянно въ сферѣ отвлеченной мысли,—и для нихъ нерѣдко весьма важно имѣть хорошо развитые органы внѣшнихъ чувствъ. Прежде всего всѣ естественныя науки требуютъ способности хорошо наблюдать; а эта способность немыслима безъ хорошихъ органовъ зрѣнія, слуха и т. д. Но не только естественныя науки предполагаютъ эту способность. Тоже можно сказать и про всѣ другія науки. Въ основѣ каждой науки лежатъ опредѣленные факты и явленія, которые необходимо изучать, сравнивать, т. е. наблюдать, если мы хотимъ изучать науку съ самаго начала. Такъ напр. для психолога хорошій глазъ, хорошее ухо, которые давали бы ему возможность наблюдать отраженія психической жизни во внѣ, существенно важны. Итакъ въ видахъ хорошаго развитія психической жизни мы должны обратить вниманіе на воспитаніе органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Но необходимо ли спеціальное воспитаніе органовъ внѣшнихъ чувствъ? Не достаточно ли того развитія ихъ, какое обыкновенно бываетъ результатомъ жизненныхъ вліяній? Если же кому, вслѣдствіе его особенныхъ спеціальныхъ занятій, потребуется особенная развитость того или другого внѣшняго чувства, то это не указываетъ на необходимость воспитанія извѣстнаго органа для всѣхъ, а только для нѣкоторыхъ.

Въ отвѣтъ на это слѣдуетъ указать на крайне недостаточное развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ въ настоящее время. Каждому извѣстно, какъ рѣдко можно встрѣтить въ настоящее время человѣка, владѣющаго всѣми органами, хорошо развитыми и какъ много, наоборотъ, людей, у которыхъ слабъ тотъ или другой органъ. Даже такой, весьма важный

для развитія психической жизни, органъ, какъ зрѣніе, обыкновенно бываетъ развитъ очень недостаточно. Наблюденія, произведенныя въ Эдинбургѣ, дали поразительныя цифры въ этомъ отношеніи. Оказалось, что на каждые 18 человѣкъ приходится одинъ, не умѣющій отличать какого либо цвѣта. Изъ 1,154 лицъ разныхъ сословій, надъ которыми производились наблюденія, оказалось: 1 изъ 60 смѣшивалъ коричневый цвѣтъ съ зеленымъ, 1 изъ 55 смѣшивалъ красный цвѣтъ съ зеленымъ и 1 изъ 46 не отличалъ голубаго цвѣта отъ зеленаго. Нечего и говорить о тѣхъ, которые смѣшивали различные оттѣнки цвѣтовъ, ихъ было болѣе $^3/_4$ всѣхъ лицъ, надъ которыми производились наблюденія. По наблюденіямъ доктора Эрисмана надъ учащимися въ учебныхъ заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ, почти 15% всѣхъ учениковъ лишены нормальной остроты зрѣнія. Докторъ Эрисманъ приписываетъ этотъ печальный фактъ вредному вліянію школъ на зрѣніе. Что наши школы устроены въ этомъ отношеніи далеко неудовлетворительно, это, конечно, безспорный фактъ. Но не однѣ школы виноваты въ этомъ, виновато также первоначальное воспитаніе, которое не сообщаетъ органамъ надлежащей крѣпости и силы, вслѣдствіе чего они легко уступаютъ неблагопріятнымъ вліяніямъ школы. Уже въ первыхъ классахъ учебныхъ заведеній оказывается значительное количество воспитанниковъ и воспитанницъ съ не нормальнымъ зрѣніемъ.

Но заботами о силѣ и крѣпости органовъ внѣшнихъ чувствъ, о предохраненіи ихъ отъ вредныхъ вліяній не исчерпывается педагогическая задача ихъ воспитанія. Это только основаніе дальнѣйшаго ихъ развитія, ближайшая цѣль. Нужно учить дѣтей не только хорошо видѣть, слышать и т. п., но и хорошо замѣчать видѣнное и слышанное. Нужно учить ихъ сосредоточивать вниманіе на разсматриваемомъ и слушаемомъ, отличать главное и существенное отъ второстепеннаго и частнаго, учить хорошо усвоять и прочно удерживать воспринятое чувствами, такъ чтобы ребенокъ въ каждый данный моментъ времени готовъ былъ воспользоваться своими наблюденіями. Если мы не будемъ преслѣдовать этихъ интеллектуальныхъ цѣлей при упражненіи чувствъ, то къ чему же послужатъ намъ развитыя чувства? Мы развиваемъ чувства, заботимся

объ ихъ воспитаніи ради высшей цѣли—психическаго развитія человѣка, для поднятія уровня его умственной жизни, а не развиваемъ ихъ ради нихъ самихъ.

Между тѣмъ этого-то интеллектуальнаго воспитанія органовъ внѣшнихъ чувствъ не рѣдко и не достаетъ многимъ, имѣющимъ хорошіе, здоровые глаза и уши. Фребель разсказываетъ о себѣ, что когда онъ въ 1799 году слушалъ лекціи по минералогіи въ іенскомъ университетѣ, то, не смотря на всю его любовь къ этому предмету, его успѣхи не соотвѣтствовали его ожиданіямъ. «Самое сильное напряженіе глаза, говоритъ онъ, не дѣлало меня видящимъ такъ ясно и такъ опредѣленно, какъ это было необходимо». Извѣстный историкъ педагогики Раумеръ говоритъ, что между его учениками по минералогіи были такіе, которые имѣли вполнѣ здоровые глаза и были способны отличать самыя малыя вещи, и которые однако были не въ состояніи усвоивать формы, выдѣлять однородное изъ разнороднаго, коротко—которые имѣли глаза и не видѣли. Наоборотъ, были другіе, имѣвшіе слабые глаза, которые были какъ будто слѣпы, когда имъ приходилось разсматривать маленькіе кристаллы, но которые большіе кристаллы понимали во всей ихъ красотѣ, слѣдили за нѣжнѣйшими переходами красокъ. Я знаю,—продолжаетъ Раумеръ—(2 т. его «Исторіи педагогики» въ статьѣ о воспитаніи чувствъ), одного чрезвычайно близорукаго молодого человѣка, который имѣлъ однако весьма большой даръ пониманія и оцѣнки достоинства картинъ. Нерѣдко можно встрѣтить, наоборотъ, людей съ хорошими глазами, которые равнодушно проходятъ мимо великолѣпнѣйшихъ статуй, картинъ, церквей, какъ будто вещей самыхъ обыкновенныхъ. Есть люди, имѣющіе очень тонкій и острый слухъ и не имѣющіе ни малѣйшаго чувства и вкуса для музыки; настройщики роялей и фортепіанъ могутъ прекрасно настраивать инструментъ и въ то же время, при большой тонкости слуха, имѣть такой недостатокъ въ его интеллектуальномъ развитіи, чтобы восхищаться самой ординарной музыкой.

Такимъ образомъ педагогическая задача при воспитаніи органовъ внѣшнихъ чувствъ распадается на двѣ частныя цѣли: физіологическій уходъ за органомъ, забота о его крѣпости и

силѣ, устраненіе вредныхъ вліяній для его развитія, и интеллектуальное воспитаніе органа, пріученіе схватывать въ наблюдаемомъ существенныя черты, выдѣлять однородное изъ разнороднаго, разлагать сложныя формы на простыя, прочно усвоять, легко и вѣрно воспроизводить. Очевидно, первая цѣль есть болѣе ранняя и первоначальная задача, чѣмъ вторая. Достиженіе ея служитъ основой для второй. Впрочемъ строго разграничивать, раздѣлять эти двѣ цѣли воспитанія органовъ внѣшнихъ чувствъ нельзя. Онѣ тѣсно связаны между собою. Теперь мы укажемъ средства физическаго развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ; средства же интеллектуальнаго развитія ихъ будутъ указаны, въ своемъ мѣстѣ, позднѣе.

§ 49. Самая первая забота при воспитаніи внѣшнихъ чувствъ ребенка должна состоять въ устраненіи неблагопріятныхъ вліяній, которыя могутъ вредить здоровому и успѣшному развитію органа. Такъ какъ въ первые дни и даже недѣли по рожденіи ребенокъ очень много спитъ, просыпается почти за тѣмъ только, чтобы ѣсть, то очевидно въ эти первыя недѣли забота воспитателя и можетъ только ограничиваться этими предохранительными мѣрами. Для глаза ребенка онѣ будутъ состоять въ заботѣ о чистотѣ и свѣжести воздуха дѣтской, такъ какъ пыль, дымъ и вообще нечистота воздуха вредятъ глазамъ; въ заботѣ о чистотѣ самаго глаза, для чего глаза ребенка должны быть промываемы свѣжей водой; въ предохраненіи глаза отъ сильныхъ раздраженій солнечнымъ свѣтомъ, свѣтомъ топящейся печки, камина, лампы; въ предохраненіи отъ быстрыхъ переходовъ отъ темноты къ свѣту и т. п. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ начинаетъ меньше спать, чаще открывать глаза и наслаждаться свѣтомъ, воспитатель долженъ постепенно вводить упражненія для дѣятельнаго (активнаго) развитія органа и не ограничиваться однѣми предохранительными мѣрами. Самое простое зрительное ощущеніе — это ощущеніе свѣта, навыкъ отличать освѣщенную поверхность отъ неосвѣщенной, свѣтъ отъ тьмы. Въ этомъ ощущеніи и нужно практиковать ребенка. За новорожденнымъ ребенкомъ, еще до истеченія перваго дня, можно бываетъ замѣтить такое явленіе: лицо его, обращенное къ окну, неожиданно измѣняется, если ему чѣмъ нибудь загородить глаза.

Свѣтовыя ощущенія умѣренной силы доставляютъ ребенку удовольствіе, такъ что если его голову отклоняютъ отъ источника свѣта, то онъ кричитъ и становится печаленъ, во время же свѣтоваго ощущенія его лице имѣетъ довольное выраженіе. На шестой и седьмой день онъ самъ начинаетъ искать свѣта и поворачиваетъ голову къ окошку, если ее повернули въ другую сторону. При обращеніи къ окошку его лице имѣетъ выраженіе довольства. Неожиданный, рѣзкій или быстро смѣняющійся ослѣпительный свѣтъ наиболѣе чувствительныхъ дѣтей приводитъ въ безпокойство и даже заставляетъ кричать.

Дальнѣйшія упражненія глаза ребенка будутъ заключаться въ воспріятіи различныхъ цвѣтовъ. Начало различенія ихъ ребенкомъ опредѣлить довольно трудно. Въ концѣ перваго мѣсяца и началѣ втораго замѣчаютъ надъ дѣтьми, что они улыбаются при взглядѣ на различно окрашенные предметы. Предметами упражненій могутъ быть: цвѣтные мячики (фребелевскіе), цвѣтныя бумажныя полоски и различно окрашенные деревянные овалы. Всѣ эти предметы слѣдуетъ давать дѣтямъ играть, подбирать ихъ по цвѣтамъ и съ началомъ рѣчи ассоціировать названіе съ цвѣтомъ. Когда ребенокъ начнетъ говорить, тогда можно предлагать ему задачи: найти мячикъ такого-то цвѣта, сопоставить съ нимъ такой-то овалъ и т. д. Лучше всѣхъ дѣтьми различаются цвѣта желтый и красный, хуже всѣхъ зеленый и синій. Точныя наблюденія (Прейера) надъ однимъ ребенкомъ дали слѣдующіе частные результаты: [1]) синій цвѣтъ обыкновенно перемѣшивался съ фіолетовымъ, съ зеленымъ, всѣ блѣдныя краски перемѣшивались съ сѣрой, всѣ темныя съ черной. Выраженія: свѣтлый и темный по отношенію къ названіямъ красокъ ребенокъ усвоить не могъ. Когда ребенку предоставляли свободно вынимать изъ ящика различные цвѣтные овалы, то онъ старательно розыскивалъ красные и желтые и почти каждый разъ называлъ ихъ правильно, синихъ же и зеленыхъ избѣгалъ и называлъ ихъ неправильно. Вообще болѣе свѣтлые овалы отыскивались ранѣе темныхъ. Перерывъ этихъ упражненій на два мѣсяца повлекъ за собой, при возобновленіи опытовъ,

---

[1]) Preyer, Die Seele des Kindes. s. 7—17.

плохое различеніе цвѣтовъ, большую невѣрность, чѣмъ какая замѣчалась прежде, даже красный овалъ былъ названъ ошибочно сподрядъ два раза. Синій цвѣтъ перемѣшивался съ зеленымъ даже на 4 году. Наблюденія другихъ изслѣдователей надъ распознаваніемъ цвѣтовъ въ общемъ согласны съ опытами Прейера. Съ дальнѣйшимъ возрастомъ ребенка упражненія по части различенія цвѣтовъ можно усложнить: изъ цвѣтныхъ игрушекъ можно строить что либо изящное, подбирать цвѣта въ извѣстномъ симметрическомъ порядкѣ, дать краски и заставлять раскрашивать извѣстнымъ образомъ чертежи и т. д.

Для пріученія къ распознаванію формъ можно пользоваться прежними мячиками и овалами и кромѣ того можно сдѣлать изъ дерева другія простѣйшія геометрическія фигуры: треугольникъ, квадратъ, параллелеграмъ, осьмиугольникъ. Такія же фигуры можно вырѣзывать изъ бумаги и давать дѣтямъ играть. Съ началомъ рѣчи нужно позаботиться о твердой ассоціаціи правильнаго названія съ извѣстной формой. Какъ скоро ребенокъ ознакомится съ этими формами, то весьма важнымъ и полезнымъ упражненіемъ будетъ разрѣшеніе задачи: отыскать извѣстную форму въ предметахъ окружающей обстановки.

Въ томъ же родѣ могутъ быть организованы и другія упражненія для развитія зрѣнія: можно брать дощечки различной длины и опредѣлять ихъ длину по глазомѣру, при чемъ каждое опредѣленіе сейчасъ же провѣрять. Тоже можно дѣлать и съ окружающими предметами съ различныхъ разстояній; ставить игрушки въ различномъ направленіи и опредѣлять это направленіе; совершать ими различныя движенія и отличать одно движеніе отъ другаго; тѣ же упражненія повторять на дѣйствительныхъ предметахъ и т. д. Мы указываемъ сначала упражненія на игрушкахъ, а потомъ на окружающихъ предметахъ, потому что игрушки и не такъ громозки, какъ окружающіе предметы, и не такъ сложны, вслѣдствіе чего упражненія съ ними даютъ возможность болѣе отчетливаго и удобнаго воспріятія.

§ 50. Первоначальныя заботы о развитіи органа слуха, какъ и глаза, должны заключаться въ гигіеническомъ уходѣ за органомъ, въ попеченіи о его цѣлости и чистотѣ. Органу

слуха могутъ вредить приливы крови къ головѣ, вслѣдствіе, напримѣръ, продолжительнаго наклоннаго положенія головы, простуда, вода, попадающая въ уши при неосторожномъ купаньи, нечистота слуховаго прохода, очень сильныя раздраженія и пр. Активныя упражненія органа слуха заключаются прежде всего въ разговорѣ, въ болтовнѣ матери съ своимъ ребенкомъ. Можно поставить общимъ правиломъ, чтобы мать ничего не дѣлала съ ребенкомъ молча. Моетъ ли она его, перемѣняетъ на немъ бѣлье, или просто играетъ съ нимъ—каждое дѣйствіе, каждое движеніе она должна сопровождать словами, разговоромъ съ своимъ малюткой. Правда, малютка не будетъ отвѣчать ей на ея болтовню, даже не будетъ понимать ея болтовни. Но смущаться этимъ не слѣдуетъ. Болтовня матери съ ребенкомъ тѣмъ важна, что она служитъ къ возбужденію и укрѣпленію слуховаго органа и къ развитію вниманія у ребенка. Если мать часто говоритъ съ своимъ ребенкомъ, то чрезъ это она постоянно возбуждаетъ и практикуетъ его слуховой органъ и поддерживаетъ его психическую дѣятельность. Ребенокъ не лежитъ совершенно безъ дѣла, безъ всякихъ возбужденій отъ внѣшнихъ предметовъ, его вниманіе сосредоточивается на получаемыхъ имъ слуховыхъ ощущеніяхъ. Вслѣдствіе этого ребенокъ съ первыхъ дней жизни научается постоянно наблюдать, вслушиваться, а не пребывать въ какомъ то дремотномъ состояніи.

Ребенку въ жизни придется слушать не одни только членораздѣльные звуки. Звуки не членораздѣльные образуютъ собою не менѣе важный и обширный классъ слуховыхъ ощущеній. Поэтому упражненія органа слуха ребенка не могутъ ограничиться одними членораздѣльными звуками, къ нимъ должны присоединиться упражненія и въ звукахъ не членораздѣльныхъ. Для этого нужно пользоваться тѣми случаями, которые представятся, обращать напр. вниманіе ребенка, какой звукъ бываетъ при паденіи стекла, металла, камня, дерева, прислушиваться къ чиканью часовъ, ихъ бою, звону колокола, шелесту бумаги, звуку, возникающему при переливаніи воды и пр. Можно для этого пользоваться нарочно приготовленными кружками изъ различныхъ металловъ, различной величины и толщины. Эти кружки нужно бросать предъ глазами ребенка

на столъ и давать ему возможность наблюдать звуки, ихъ различную высоту, силу и качество, зависящія отъ величины кружка, качества матеріала и высоты паденія. Когда ребенокъ подростетъ, тогда можно будетъ заставлять его отгадывать по звуку матеріалъ кружка и опредѣлять его величину. Само собой разумѣется, что съ этою же цѣлью можно пользоваться различными монетами, медалями и другими металлическими вещами. Въ тоже время нужно пріучать ухо ребенка къ отчетливому усвоенію звуковъ, издаваемыхъ живыми существами природы. Пусть ребенокъ прислушивается къ пѣнію пѣтуха, лаю собаки, мяуканью кошки, чириканью птицъ, кудахтанью куръ и пр. Нисколько не будетъ лишнимъ, если мать или воспитательница, болтая съ своимъ ребенкомъ, при случаѣ будетъ воспроизводить тѣ звуки, которые ребенокъ слышалъ, будетъ подражать своимъ голосомъ голосу различныхъ животныхъ и звукамъ, издаваемымъ различными тѣлами природы. Звуки, издаваемые животными, очень нравятся дѣтямъ, и они любятъ подражать имъ.

Дальнѣйшимъ упражненіемъ для слуха ребенка будутъ служить тѣ пѣсенки, которыя обыкновенно матери и няни напѣваютъ дѣтямъ, забавляя ихъ. Пѣсенки очевидно представляютъ болѣе серьезное и трудное упражненіе для уха ребенка, чѣмъ простая болтовня, или звуки животныхъ и различныхъ тѣлъ природы, потому что въ пѣсню входятъ музыкальные элементы. Въ три четверти года, по наблюденію Сигизмунда, дѣти при звукахъ музыки часто подпрыгиваютъ и стараются подражать такту ритмическими движеніями. Въ этихъ же видахъ полезно играть при дѣтяхъ на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Знаменитые музыканты — Моцартъ, Бетховенъ и др. — рано наслаждались музыкальными звуками и рано развили свой слуховой органъ къ воспринятію гармоніи тоновъ. Пріученіе ребенка пѣть также полезно для развитія слуха. Въ настоящее время существуетъ довольно сборниковъ пѣсенъ для дѣтей и каждая мать можетъ выбрать отсюда подходящій матеріалъ для занятій съ своимъ ребенкомъ. Пѣніе же, значительно способствуя развитію слуха, благотворно кромѣ того и во многихъ другихъ отношеніяхъ, особенно для развитія чувства и эстетическаго вкуса.

Подъ вліяніемъ этихъ разнообразныхъ упражненій ухо ребенка мало по малу разовьется для отчетливаго воспріятія слуховыхъ раздраженій, откуда бы они ни исходили, такъ какъ ухо ребенка было уже практикуемо во всѣхъ классахъ слуховыхъ ощущеній. Послѣ этого можно будетъ приступить и къ высшей практикѣ органа — узнаванью по звуку направленія и разстоянія звучащаго предмета и его качествъ. Для этого нужно вызывать звукъ такимъ образомъ, чтобы ребенокъ не могъ видѣть источника звука, и при помощи однихъ слуховыхъ ощущеній, повертывая головку туда и сюда, опредѣлилъ: откуда исходитъ звукъ, съ какой стороны и въ какомъ разстояніи отъ него находится звучащій предметъ. Въ этихъ упражненіяхъ также нужно соблюдать постепенность: очевидно по звуку несравненно труднѣе опредѣлить свойства звучащаго тѣла, чѣмъ его направленіе и разстояніе. Точно также разстояніе и направленіе звука гораздо легче опредѣлить тогда, когда звучащее тѣло находится не далеко и даетъ ясный звукъ, чѣмъ при условіяхъ противоположныхъ. Въ такой постепенности и нужно вести эти упражненія.

Такъ какъ мускульныя ощущенія суть по преимуществу ощущенія движеній и тяжести тѣлъ, поэтому и средства для развитія мускульнаго чувства двухъ родовъ: возможно большее количество движеній и угадыванье вѣса тѣлъ по ихъ давленію на наши органы. Чѣмъ больше мы совершаемъ движеній своими органами, тѣмъ значительнѣй становится мускульная чувствительность. Человѣкъ, упражняющій постоянно извѣстный членъ тѣла, пріобрѣтаетъ особенную чувствительность въ этомъ членѣ. Сравните ученаго, постоянно сидящаго въ своемъ кабинетѣ, мало двигающагося, и аккробата, мускулы котораго по нѣскольку часовъ въ день находятся въ состояніи большого напряженія: количество и отчетливость мускульныхъ ощущеній у этихъ двухъ лицъ совершенно различны. Въ то время, какъ аккробатъ по мускульнымъ ощущеніямъ тонко соразмѣряетъ свои скачки и движенія, идетъ по канату, взбирается на цѣлую колонну стульевъ, готовыхъ ежеминутно рухнуть, и т. п. и приводитъ всѣхъ въ изумленіе своимъ искусствомъ, ученый мало чувствителенъ къ мускульнымъ ощущеніямъ. Тѣ движенія, которыя требуютъ болѣе или менѣе тонкаго вниманія къ

мускульнымъ ощущеніямъ, напр. скачокъ опредѣленной величины вверхъ или вдоль, искусство попасть камнемъ въ цѣль, бросить извѣстный, особенно не большой, предметъ на опредѣленное мѣсто, совершаются имъ крайне плохо. Достаточное количество движенія и особенно систематическія гимнастическія упражненія скоро устроняютъ этотъ недостатокъ. Поэтому значительная сумма движенія въ различныхъ видахъ, практика въ движеніи по возможности всѣхъ членовъ тѣла есть одно изъ главныхъ средствъ для развитія мускульнаго чувства. Требованія старинной педагогики отъ дѣтей: «сиди смирно, тихо, сложи руки, не шали, не бѣгай» и пр. не могутъ быть признаны благоразумными и справедливыми.

Другое главное средство развитія мускульнаго чувства есть опредѣленіе вѣса тѣлъ по ощущенію. Для этого полезно имѣть бруски или кружки одинаковаго діаметра, длины и ширины, но различныхъ по вѣсу металловъ, деревъ и камней. Эти бруски и кружки можно давать дѣтямъ играть, чтобы они, держа ихъ въ ручкахъ, освоивались съ ихъ вѣсомъ. Для этой же цѣли могутъ быть пригодны монеты и окружающіе ребенка не большіе и не тяжелые предметы.

Упражненія для органа осязанія будутъ заключаться въ ощупываніи различныхъ предметовъ, шерсти различныхъ животныхъ, предметовъ мягкихъ, упругихъ и твердыхъ и т. п. Для этого нужно дать ребенку полную возможность до всего дотрагиваться и все ощупывать, къ чему дѣти имѣютъ большую наклонность. Для хорошаго развитія органа осязанія между прочимъ рѣшительно необходима гигіена кожи, такъ какъ посредствомъ кожи мы воспринимаемъ осязательныя ощущенія. Само собой разумѣется, что особенной заботы заслуживаютъ тѣ части кожи, посредствомъ которыхъ мы получаемъ наибольшее количество осязательныхъ ощущеній, и притомъ наиболѣе тонкихъ, таковы особенно кончики пальцевъ на рукахъ, вся кожа кистей рукъ, кожа лица и т. п.

На воспитаніе обонянія и вкуса въ настоящее время не обращаютъ никакого вниманія; нѣкоторые педагоги считаютъ даже вреднымъ развитіе этихъ органовъ, такъ какъ заботы объ ихъ развитіи могутъ повести къ цѣлямъ совершенно не желательнымъ, именно развитію чувственности въ ребенкѣ,

наклонности хорошо попить и поѣсть, къ нѣгѣ и бездѣятельности. Мы несогласны съ этимъ мнѣніемъ. Мы не полагаемъ, чтобы было полезно, въ виду какихъ бы то ни было опасеній, отказываться отъ двухъ средствъ познанія природы. Человѣкъ не столь богато одаренное существо, чтобы могъ спокойно лишить себя двухъ путей къ знакомству съ природой; и при пользованіи всѣми чувствами въ природѣ остается еще столько неизвѣстнаго и неразгаданнаго для человѣка, что стыдно было бы отказаться, хотя бы и не отъ особенно важныхъ средствъ, сколько нибудь уменьшить эту громадную сферу неизвѣстнаго. Конечно, обоняніе и вкусъ не могутъ соперничать съ другими чувствами въ значеніи и во вліяніи на общій ходъ психической жизни; но при надлежащемъ развитіи и они могутъ дать довольно знаній. Во всякомъ случаѣ чувства не лишнія. А чтобы развитіе этихъ чувствъ не повело къ развитію чувственности, для этого нужно обращать вниманіе дѣтей не на тѣ наслажденія, которыя можно извлечь изъ ощущеній этихъ органовъ, а на тѣ знанія, которыя они даютъ о предметахъ. И при воспитаніи другихъ органовъ мы можемъ сдѣлать такую ошибку: обращать преимущественное вниманіе дѣтей на удовольствія, получаемыя отъ ощущеній и такимъ образомъ намного понизить интеллектуальное значеніе органовъ. Чѣмъ больше упражняются вкусъ и обоняніе, тѣмъ слабѣе становится элементъ пріятности или непріятности посредствуемыхъ ими ощущеній и тѣмъ болѣе на первый планъ выдвигаются объективныя, познавательныя свойства ощущенія, какъ показываетъ примѣръ аптекарей и химиковъ. Химики и аптекари упражненіемъ доводятъ свое обоняніе и вкусъ до высокой степени совершенства, но въ то же время равнодушно, безъ всякаго отвращенія, нюхаютъ и пробуютъ самыя непріятныя вещи. Средства развитія этихъ органовъ заключаются прежде всего въ воспріятіи впечатлѣній отъ окружающихъ соотвѣтственныхъ предметовъ, въ предохраненіи органовъ отъ поврежденій, слишкомъ сильныхъ раздраженій и т. п. Полезно имѣть, въ видахъ развитія упомянутыхъ органовъ, коллекцію пузырьковъ съ пахучими и имѣющими различный вкусъ безвредными жидкостями. Капли этихъ жидкостей кладутъ на языкъ и заставляютъ при этомъ замѣчать ихъ запахъ. Это упражненіе очень цѣлесообразно.

Глава V.

О представленіяхъ.

---

§ 51. Какъ скоро даны ощущенія, то какія дальнѣйшія формы психической жизни изъ нихъ развиваются и какими процессами? Изъ ощущеній возникаютъ представленія тремя процессами: сліянія, сочетанія и соединеннымъ процессомъ сліянія и сочетанія. Сливаются сходныя психическія образованія, сочетаются — различныя. Отъ сліянія ощущеній возникаютъ элементарныя представленія; отъ сочетанія элементарныхъ представленій появляются сложныя представленія; отъ соединеннаго процесса сліянія и сочетанія возникаютъ также сложныя представленія, но болѣе высокой степени.

Процессъ сліянія сходныхъ ощущеній есть основной и необходимый процессъ нашей психической жизни. Сотни, тысячи разъ мы видимъ бѣлый цвѣтъ, красный, зеленый, слышимъ звуки знакомаго человѣческаго голоса, скрипки, плескъ воды, обоняемъ извѣстный запахъ, дотрогиваемся до твердыхъ, мягкихъ и эластичныхъ предметовъ, ощущаемъ однообразныя вкусовыя раздраженія во время ѣды и питья. Эти ощущенія, совершенно одинаковыя по содержанію и нѣсколько различныя только по силѣ, сливаются другъ съ другомъ. Результатъ ихъ сліянія — элементарныя представленія объ извѣстномъ цвѣтѣ, звукѣ, вкусѣ, запахѣ, твердости, температурѣ. Значеніе такихъ элементарныхъ представленій въ нашей психической жизни громадно, они служатъ главными стержнями всего нашего міровоззрѣнія, безъ нихъ дальнѣйшее движеніе нашей психической жизни невозможно. Ощущеніе обыкновенно продолжается столько времени, сколько дѣйствуетъ нервное раздраженіе, его вызывающее; прекратилось раздраженіе или упала ниже минимума сила его, кончается и ощущеніе. Ощущеніе такимъ образомъ есть фактъ летучій и

если бы оно не превращалось въ болѣе твердую форму представленія, то оно безвозвратно и безслѣдно исчезло бы изъ сознанія по прекращеніи или ослабленіи раздраженія. Элементарное представленіе и есть эта болѣе твердая форма существованія ощущенія. Съ другой стороны, если въ нашемъ сознаніи не получили сколько нибудь прочной формы, устойчивости отдѣльныя ощущенія краснаго цвѣта, зеленаго, звуковъ высокихъ и низкихъ и т. д., если они не успѣли еще слиться и превратиться въ элементарныя представленія, то какъ же мы можемъ сочетать красное, зеленое, звукъ, вкусъ и прочее между собою въ болѣе сложное представленіе? Это будетъ значить пытаться сочетать двѣ туманности, двѣ пустоты; изъ такого сочетанія ничего не получится. Итакъ созданіе однородныхъ, элементарныхъ представленій путемъ сліянія тожественныхъ по содержанію и близкихъ по степени силы ощущеній есть первый шагъ въ процессѣ образованія представленій.

Процессъ сліянія характеризуется тѣмъ, что сливающіеся элементы теряютъ свою самостоятельность, образуя новое явленіе, такъ что ихъ трудно различить. Поэтому анализъ тѣхъ душевныхъ фактовъ, которые образовались процессомъ сліянія, очень труденъ. Оно и понятно: содержаніе сливающихся элементовъ тожественно или почти тожественно, разница заключается только въ степени силы. Мы имѣемъ представленіе о фигурѣ и лицѣ знакомаго намъ человѣка, о вкусѣ любимаго блюда и напитка. Мы не можемъ указать элементовъ, т. е. ощущеній, изъ которыхъ образовалось данное представленіе, ихъ было такъ много и всѣ они были такъ сходны. Какъ отдѣльныя душевныя состоянія, они исчезли, они существуютъ только въ представленіи. Все, что мы можемъ сказать по отношенію къ слившимся элементамъ, это то, что вотъ въ такое то время испытанныя однородныя ощущенія были особенно сильны, рельефны, а въ другое значительно слабѣе.

Но не только въ представленіи, даже и въ ощущеніи, какъ скоро оно состоитъ изъ двухъ, близко сходныхъ по содержанію и различающихся только по степени силы, элементовъ, вслѣдствіе этого слившихся между собою, намъ очень трудно бываетъ открыть

сложность состава. Сильнѣйшій элементъ опредѣляетъ тогда качество ощущенія и кажется единственнымъ. Такой случай мы имѣемъ въ ощущеніяхъ звуковъ. Между своими свойствами звукъ имѣетъ оттѣнокъ или тэмбръ. Онъ зависитъ отъ верхнихъ дополнительныхъ тоновъ. Если, тронувъ пальцами, приведемъ въ движеніе струну клавикордъ, то, кромѣ основнаго звука, тонкое и опытное ухо, при напряженномъ вниманіи, услышитъ другіе звуки, болѣе высокіе, чѣмъ основной, гармоническіе по отношенію къ преобладающему основному, т. е. такіе, число колебаній которыхъ вдвое, втрое, вчетверо и т. д. болѣе числа колебаній основнаго. Основной тонъ есть самый низкій и въ то же время сильнѣйшій, по высотѣ его мы судимъ о высотѣ всего звука. Верхніе гармоническіе тоны свойственны не только струнѣ. За весьма немногими исключеніями, они составляютъ часть почти всѣхъ звуковъ и извѣстное количество этихъ верхнихъ тоновъ въ звукѣ и ихъ извѣстная сила есть существенное условіе хорошаго музыкальнаго оттѣнка звука, а между тѣмъ большинство людей не въ состояніи слышать ихъ. Бываютъ случаи, когда высшіе тоны, сопровождающіе основной, оказываются не гармоническими, но тогда они не сливаются съ основнымъ въ одинъ музыкальный звукъ. Напряженныя усилія воспринимать отдѣльно и основной тонъ и верхніе дополнительные можетъ привести къ тому, что каждый звукъ, какимъ бы предметомъ онъ ни издавался, будетъ слышаться въ цѣлой массѣ сопровождающихъ тоновъ, аккордовъ и диссонансовъ. [1])

§ 52. Какъ скоро возникли элементарныя представленія, они вновь сочетаются между собою и образуютъ сложныя представленія. Процессъ сочетанія представленій есть столь же необходимый процессъ, какъ и сліяніе ощущеній. Необходимость его обусловливается непрерывнымъ слѣдованіемъ представленій одного за другимъ въ нашемъ сознаніи. Сочетаніе представленій имѣетъ два частные вида: сочетаніе однородныхъ представленій и разнородныхъ. Однородныя представленія это такія, которыя получаются при посредствѣ од-

---

[1]) Такой фактъ сообщаетъ о себѣ г. Троицкій. Наука о духѣ, т. I, стр. 105—106 (Москва, 1882).

ного какого либо органа, напр. цвѣта, звуки, вкусы и т. д.; разнородныя представленія необходимо предполагаютъ дѣятельность нѣсколькихъ органовъ, напр. представленія стола, чернилъ, сахара. Сочетаній однородныхъ представленій у насъ бываетъ очень много: представленія опредѣленнаго давленія и температуры, температуры и мягкаго, краснаго цвѣта и зеленаго, высокаго звука и низкаго, вкусовъ кислаго и соленаго и т. д. могутъ сочетаться въ пары, ряды, группы и образовать цѣлые комплекты представленій. При такомъ сочетаніи представленій сколько нибудь цѣльнаго міровоззрѣнія быть не можетъ; представленія, имѣющія своимъ источникомъ дѣятельность различныхъ органовъ, будутъ стоять особнякомъ, отдѣльно другъ отъ друга, связи, объединенія между ними не будетъ, вслѣдствіе чего и получится не одно міровоззрѣніе, а нѣсколько, столько, сколько органовъ и особыхъ классовъ ощущеній и представленій. Всѣ эти міровоззрѣнія будутъ въ высшей степени фантастичны и односторонни, потому что будутъ образованы подъ исключительнымъ вліяніемъ одного органа; вся вселенная будетъ представляться въ предѣлахъ дѣятельности и въ качествахъ дѣятельности извѣстнаго органа. Ассоціаціи зрительныхъ представленій дадутъ намъ вселенную въ формѣ различныхъ цвѣтовъ, ихъ оттѣнковъ и сочетаній, перемежающихся полосами темнаго, безъ плотности, безъ формы, безъ, звуковъ, запаховъ и движенія, словомъ безъ всего, что не свѣтъ, не цвѣта, не блескъ. Это будетъ какое то безконечное поле безконечно различныхъ оттѣнковъ цвѣта и больше ничего. Ассоціація слуховыхъ представленій дастъ намъ совсѣмъ иную картину міра: свѣта и цвѣтовъ не будетъ, все это исчезнетъ, но за то міръ наполнится безконечно различными звуками, неодинаковой силы, высоты и тэмбра. Все будетъ звукъ и кромѣ звука ничего, самый звукъ будетъ совершаться въ какой-то пустотѣ, въ какой-то крайне неопредѣленной безформенности, такъ какъ представленій о пространствѣ и времени еще нѣтъ. Ассоціаціи осязательныхъ и мускульныхъ представленій дадутъ намъ иныя картины міра: на мѣсто цвѣтовъ и звуковъ появятся тепло и холодъ, движенія и сопротивленія, но все это не будетъ еще имѣть опредѣленности, такъ какъ самыя формы пространства и времени еще неясны.

Все будетъ казаться беззвучнымъ и безцвѣтнымъ, трудно представимымъ. Наконецъ ассоціаціи вкусовыхъ и обонятельныхъ представленій, пищеварительныхъ и дыхательныхъ, опять дадутъ новую и своеобразную картину—міръ только запаховъ и вкусовъ, но не пахнущихъ и вкусовыхъ веществъ, потому что представленій предметовъ, вещества еще нѣтъ, есть только запахи, вкусы и другія подобныя же чисто субъективныя ощущенія и представленія безъ всякой ассоціаціи съ предметомъ или вообще чѣмъ либо внѣшнимъ.

Итакъ ассоціаціи только однородныхъ представленій даютъ намъ совершенно отдѣльныя и независимыя, но въ тоже время крайне фантастическія міровоззрѣнія, совсѣмъ не отвѣчающія дѣйствительному міру. Впрочемъ такія міровоззрѣнія суть плодъ научной абстракціи, такъ какъ у нормальнаго человѣка необходимо сочетаются въ одно цѣлое представленія различныхъ органовъ. Чтобы сколько нибудь подойти къ такимъ міровоззрѣніямъ, мы должны тщательно наблюдать или жизнь низшихъ животныхъ, лишенныхъ нѣсколькихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ или людей съ подобнымъ же недостаткомъ, что несравненно удобнѣе. Особенно важны съ этой точки зрѣнія наблюденія надъ лицами, въ родѣ Лауры Бриджманъ, у которыхъ изъ всѣхъ органовъ остался неповрежденнымъ почти одинъ только осязательно-мускульный аппаратъ.

§ 53. Другая форма сочетанія представленій есть соединеніе въ одно цѣлое разнородныхъ представленій т. е. полученныхъ при посредствѣ не одного, а нѣсколькихъ органовъ. Такого рода сочетанія представленій у насъ очень многочисленны, къ нимъ принадлежатъ конкретныя представленія, т. е. представленія отдѣльныхъ предметовъ. Элементы конкретныхъ представленій весьма разнородны, нерѣдко заимствуются изъ дѣятельности всѣхъ органовъ. Напримѣръ представленіе яблока включаетъ въ себя элементы вкусовые и пищеварительные (вкусъ и питательность яблока), обонятельные (его ароматъ), зрительные (цвѣтъ), осязательно-мускульные (плотность, гладкость, форма) и слуховые (звукъ издаваемый при паденіи). Полной гармоніи элементовъ въ конкретныхъ представленіяхъ обыкновенно не бываетъ, одна какая либо черта является центральной, преобладающей, прочія

же суть дополнительныя и служатъ для оттѣненія представленія, для его частнѣйшей характеристики. Какая черта становится центромъ, основой конкретнаго представленія, это зависитъ отъ многихъ условій. Вообще говоря, зрительные элементы преобладаютъ надъ другими; но главенствующее свойство представленія можетъ быть заимствовано и изъ другой сферы. Причины такого явленія бываютъ слѣдующія: а) предметъ можетъ имѣть выдающееся свойство не зрительное, а иное, напр. въ представленіи пѣвца или пѣвицы центральный признакъ—голосъ, въ представленіи очень пахучаго, но не важнаго на видъ, цвѣтка центральнымъ признакомъ будетъ запахъ и т. п.; б) извѣстный органъ, по своей тонкой воспріимчивости и силѣ, можетъ преобладать надъ прочими органами, а вмѣстѣ съ нимъ получатъ преобладаніе и представленія, имъ посредствуемыя. Мы замѣчаемъ, что живописецъ о всемъ судитъ съ точки зрѣнія цвѣта и формы, музыкантъ и пѣвецъ на первый планъ выдвигаютъ звукъ и его гармонію, аптекарь и химикъ—запахъ и вкусъ и т. д; в) случайныя обстоятельства могутъ побудить насъ обратить вниманіе въ предметѣ на какое либо не зрительное свойство и сдѣлать его центральнымъ признакомъ соотвѣтствующаго представленія. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ конкретныя представленія различныхъ людей объ одномъ и томъ же бываютъ различны.

Процессъ сочетанія имѣетъ ту характеристическую черту по сравненію съ процессомъ сліянія, что составные элементы удерживаютъ въ сочетаніи свою самостоятельность и потому явленія, возникшія такимъ путемъ, сравнительно легко могутъ быть разложены на свои составныя части. Оно и понятно: содержаніе элементовъ различно, а потому они естественно и сохраняютъ свою раздѣльность. Конкретное представленіе яблока каждый легко разложитъ на элементы.

§ 54. Процессъ сліянія и процессъ сочетанія могутъ соединяться между собою при образованіи представленій. Получатся тогда еще болѣе сложныя представленія, но ихъ составные элементы будутъ, вслѣдствіе участія процесса сліянія, такъ тѣсно примыкать одинъ къ другому, что анализъ ихъ обыкновенно бываетъ довольно труденъ. Такимъ сложнымъ

пріемомъ у насъ создаются главнѣйшія представленія о внѣшнемъ мірѣ, именно представленія о тѣлѣ, вѣсѣ, времени, пространствѣ, движеніи и его скорости, формѣ предметовъ и ихъ величинѣ. Существенный признакъ понятія тѣла есть его сопротивленіе или непроницаемость. Но идея сопротивленія возникаетъ вслѣдствіе препятствій, которыя встрѣчаетъ наше движеніе. Если бы наши движенія всегда совершались безпрепятственно, то у насъ не было бы понятія тѣла. Понятіе же пустоты возникаетъ первоначально вслѣдствіе отсутствія сопротивленія движенію. Упираясь во что нибудь, дитя испытываетъ препятствіе, помѣху своему движенію, а удаля эти предметы, или минуя ихъ, дитя снова ощущаетъ возможность продолжать движеніе. Изъ многочисленнаго повторенія такихъ опытовъ образуется понятіе пустоты въ противоположность понятію матеріи или тѣла. Но мы сознаемъ не только сопротивленіе вообще, но и различныя степени сопротивленія. Когда носильщикъ несетъ тяжесть въ два пуда, онъ имѣетъ ощущеніе извѣстнаго рода; когда же полпуда изъ тяжести убавляется, или полпуда прибавляется, то ощущеніе измѣняется. Поэтому мы можемъ сказать, что одно тѣло сопротивляется намъ болѣе, чѣмъ другое, или что одно тѣло владѣетъ большею тяжестью, чѣмъ другое. Утверждая, что одно тѣло тяжеле, чѣмъ другое, мы тѣмъ самымъ высказываемъ сужденіе о вѣсѣ тѣлъ. Мы замѣчаемъ различіе между тяжестью въ фунтъ и въ два фунта и приблизительно, на основаніи единственно мускульнаго ощущенія, можемъ сказать, во сколько разъ вторая тяжесть больше первой. Больному, у котораго отъ паралича не совсѣмъ отнялась рука или нога, такъ что онъ съ большимъ усиліемъ еще можетъ двигать больной членъ, обыкновенно кажется, что этотъ членъ сдѣлался гораздо тяжелѣе прежняго, онъ какъ будто налитъ свинцомъ. Больной членъ остался по вѣсу, конечно, такимъ же, какимъ былъ и въ здоровомъ состояніи, но только теперь паралитику больше приходится тратить напряженій и усилія для его движенія; а по количеству истрачиваемой силы мы судимъ о вѣсѣ тѣлъ. Такимъ образомъ относительный вѣсъ тѣлъ есть результатъ мускульныхъ ощущеній. Тотъ же источникъ даетъ намъ идею и объ абсолютномъ вѣсѣ. Для этого нужно только опредѣ-

ленное мускульное ощущеніе, соотвѣтствующее опредѣленной единицѣ, частыми повтореніями напечатлѣть въ своемъ умѣ такъ живо и отчетливо, превратить его въ такое яркое представленіе, чтобы оно легко воспроизводилось, и чтобы съ нимъ можно было сравнивать другія ощущенія, вызываемыя единицами различныхъ величинъ.

Понятіе о тѣлѣ и вѣсѣ создается нами на основаніи ощущенія равнаго напряженія, ибо для поддержки различныхъ тяжестей, для преодолѣнія сопротивленій различной опредѣленной величины, намъ нужны равныя напряженія извѣстной опредѣленной силы. Идея продолженія или времени возникаетъ также изъ ощущенія равнаго напряженія. Равное напряженіе различной продолжительности даетъ намъ различныя ощущенія. Иное дѣло совершать напряженіе въ теченіе пяти минутъ, иное—въ теченіе десяти, безъ увеличенія интенсивности движенія. Мы очень хорошо различаемъ продолженіе того же самаго напряженія на болѣе длинный промежутокъ времени, или же увеличеніе напряженія (не равное напряженіе) при томъ же самомъ количествѣ времени. Продолженіе напряженія на болѣе длинный промежутокъ времени и даетъ намъ идею времени, ибо мы при этомъ вполнѣ сознаемъ большую трату силы, чѣмъ въ первомъ случаѣ, и кромѣ того сознаемъ, что эта большая трата силъ происходитъ не отъ увеличенія напряженія, не отъ возрастанія его интенсивности, а отъ его большей продолжительности.

Если ощущеніе равнаго напряженія при сопротивленіи даетъ намъ идею времени, то тоже ощущеніе при движеніи даетъ намъ первую идею пространства. Представленія пространства и времени стоятъ въ тѣсной связи между собою, это только двѣ стороны одной и той же идеи. Если мы, напр., проведя глазами отъ одного конца ландшафта до другого, представимъ себѣ всю длину пути въ настоящій моментъ, то получимъ идею разстоянія; если же мы будемъ помнить начало ландшафта, какъ прошедшее, а конецъ, какъ настоящее, то получимъ идею періода времени. Поэтому основа и процессъ образованія этихъ представленій очень сходны. Мы ясно чувствуемъ различіе въ количествѣ расходуемой силы, когда мы совершаемъ движеніе на разстояніи пяти футовъ и пяти сажень, предполагая одина-

ковой интенсивность или быстроту движенія. Если мы въ темной комнатѣ опустимъ нашу руку въ ящикъ и будемъ двигать ее отъ одной стѣнки ящика до другой, то мы довольно вѣрно опредѣлимъ величину ящика. Ясно, что при такихъ обстоятельствахъ мы могли измѣрить величину ящика только величиною нашихъ движеній, а величину движеній—величиною траты силъ на это движеніе. Что мѣра для движеній у насъ есть въ самыхъ движеніяхъ, въ этомъ можно убѣдиться даже каждую минуту. Двигая ноги при ходьбѣ, мы довольно вѣрно измѣряемъ величину шаговъ и не имѣемъ надобности для этого глазами слѣдить за движеніемъ. Опытный піанистъ пріобрѣтаетъ такую точную мѣру для взаимнаго разстоянія между клавишами, что никогда не ошибется пальцемъ даже на одну линію. Въ началѣ частнаго паралича больной также очень часто ошибается относительно размѣра своихъ движеній. Шаги его дѣлаются малы и не тверды, онъ не попадаетъ въ предметы, которые хочетъ схватить рукой. Только мало по малу, когда это состояніе продлится, не измѣняясь, въ теченіе долгаго времени, больной иногда снова получаетъ нѣкоторую твердость движеній, очевидно отъ долгаго навыка освоиваясь съ новою системою своихъ мышечныхъ ощущеній. Такимъ образомъ равное напряженіе при движеніи даетъ намъ первую не ясную и неопредѣленную, конечно, идею о мѣрѣ протяженія или пространства, и прежде всего линейнаго протяженія. Въ понятіи линейнаго протяженія заключается въ то же время идея и другихъ измѣреній, такъ какъ всѣ измѣренія предметовъ суть ни что иное, какъ линейное въ различныхъ направленіяхъ.

Если, наконецъ, мы будемъ имѣетъ въ виду случаи не равнаго или однообразнаго напряженія при движеніи, а различную по величинѣ трату силы въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени, то болѣе быструю и сильную, то слабую и медленную, то мы получимъ представленіе отличное отъ разсмотрѣнныхъ. Равная трата силы въ различные по величинѣ промежутки времени даетъ намъ идею времени, не равная же по величинѣ трата силы въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени даетъ намъ идею скорости движенія. Чѣмъ сильнѣе, быстрѣе мы тратимъ свои силы на движеніе, тѣмъ скорѣе движущійся органъ проходитъ извѣстное пространство; а чѣмъ

слабѣе, медленнѣе расходъ силы, тѣмъ медленнѣе движеніе. Поэтому скорость движенія оцѣнивается быстрой или медленной тратой силы на движеніе. Первоначально эта мѣра прилагается только къ движеніямъ нашихъ членовъ, а потомъ и къ движеніямъ всѣхъ предметовъ. Когда мы слѣдимъ за движущимся предметомъ или глазами, или рукой, или же идемъ и бѣжимъ наравнѣ съ нимъ, то мы оцѣниваемъ его скорость быстротой собственныхъ движеній, а эти послѣднія— быстротой въ расходѣ силъ. Само собой разумѣется, что идеи тѣла и вѣса, времени, пространства и скорости движенія первоначально бываютъ очень не ясными и не опредѣленными. Онѣ выясняются и опредѣляются вслѣдствіе соединенія мускульныхъ ощущеній съ осязательными и зрительными.

§ 55. Всѣ указанные психическіе продукты имѣютъ свой первоначальный источникъ собственно въ мускульныхъ ощущеніяхъ и образуются процессомъ сліянія. Посмотримъ, какъ развиваются и опредѣляются эти продукты отъ присоединенія элементовъ другихъ органовъ, именно осязательныхъ и зрительныхъ, сочетающихся съ мускульными. Когда мы совершаемъ движенія, не касаясь никакого предмета, то это движеніе является гораздо менѣе опредѣленнымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда при началѣ и концѣ движенія мы получаемъ осязательныя впечатлѣнія. Предположимъ, что мы двигаемъ рукой между двумя какими либо препятствіями, напримѣръ стѣнками ящика. Начиная движенія, мы касаемся одной стѣнки ящика и получаемъ осязательныя ощущенія прикосновенія, давленія и сопротивленія. Затѣмъ наша рука движется безпрепятственно, мы получаемъ одни только мускульныя ощущенія. Начало движенія будетъ такимъ образомъ отчетливѣе представляться нашему сознанію, такъ какъ при началѣ движенія наше сознаніе испытываетъ перемѣну: то оно было наполнено осязательными ощущеніями и отчасти только мускульными (сопротивленія), то вдругъ лишается всѣхъ осязательныхъ ощущеній и испытываетъ только мускульныя. Такой перемѣной умъ возбуждается къ наблюденію и воспріятію послѣдующаго движенія. Послѣ извѣстнаго количества движенія встрѣчается другая стѣнка ящика, движеніе прекращается и сознаніе снова наполняется осязательными

ощущеніями. Конецъ движенія такимъ образомъ такъ же ярко отпечатлѣвается въ умѣ, какъ и начало. Безъ этихъ осязательныхъ пограничныхъ помѣтокъ чувство движенія имѣло бы извѣстную степень неопредѣленности.

Но не только начало и конецъ движенія, самый его процессъ, середина, также выясняется вслѣдствіе соединенія осязательныхъ ощущеній съ мускульными. Когда мы движемъ рукой не въ пустомъ пространствѣ, а по поверхности предмета, то идея продолженія движенія напечатлѣвается въ насъ не только мускульными ощущеніями, но и рядомъ осязательныхъ ощущеній. Вслѣдствіе разнообразія сочетавающихся ощущеній наше сознаніе дѣлается острѣе, мы болѣе тонко и раздѣльно бываемъ способны оцѣнить продолжительность движенія. Когда мы движемъ рукой по поверхности предмета, то мы получаемъ рядъ осязательныхъ ощущеній; когда мы совершаемъ обратное движеніе, то получаемъ тотъ же рядъ, только въ обратномъ порядкѣ; движемъ мы рукой быстро—и рядъ точекъ, вызывающій рядъ осязательныхъ ощущеній, проходитъ предъ нами быстро; движемъ медленно, и осязательныя ощущенія являются медленно. Этотъ опытъ, часто повторяемый, напечатлѣваетъ въ насъ представленіе о рядѣ точекъ, независимомъ отъ нашей воли, рядѣ неизмѣнномъ, какія бы движенія мы ни совершали, быстрыя или медленныя, прямыя или обратныя. Идея линейнаго протяженія является такимъ образомъ значительно ясною и отчетливою въ нашемъ умѣ, а вмѣстѣ съ линейнымъ протяженіемъ и протяженіе вообще.

Первоначальное понятіе о формѣ предметовъ получается помощію осязательныхъ ощущеній, именно ощущенія раздѣльныхъ точекъ. Но если предметъ не оканчивается или не состоитъ изъ раздѣльныхъ точекъ, то помощію осязанія невозможно бываетъ и составить опредѣленнаго представленія о его формѣ. Тогда мы прибѣгаемъ къ мускульному чувству, вспомоществуемому впрочемъ осязаніемъ. Изслѣдуя форму предмета, мы обыкновенно обводимъ осязательно-мускульнымъ аппаратомъ по его краямъ, по его поверхности и такимъ образомъ знакомимся съ его очертаніями. Сообразно съ различной формой предметовъ, мы совершаемъ и различныя движенія, прямыя, круговыя, овальныя, многоугольныя и т. д. Вслѣд-

ствіе присоединенія осязательныхъ ощущеній и представленій къ мускульнымъ, наше сознаніе бываетъ острѣе и отчетливѣе, вниманіе сильнѣе приковывается къ предмету и процессу изслѣдованія.

Величина предметовъ также познается нами дѣятельностію осязательно-мускульнаго аппарата. Мы должны обвести предметъ руками, чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе о его размѣрахъ. Чѣмъ больше предметъ, тѣмъ большее количество движенія требуется для ознакомленія съ нимъ и тѣмъ дѣйствительно большимъ мы признаемъ самый предметъ,

Итакъ комбинація осязательно-мускульныхъ элементарныхъ представленій даетъ намъ основныя представленія о внѣшнемъ мірѣ: пространство и время, въ которыя, какъ въ рамки, мы вкладываемъ всѣ другія представленія, безъ которыхъ мы совсѣмъ не можемъ представлять себѣ внѣшняго міра; различныя формы и величины, различнаго вѣса, твердыя, мягкія, газообразныя; различныя движенія, различной скорости. Такимъ образомъ въ своихъ основныхъ чертахъ міровоззрѣніе дается намъ дѣятельностью осязательно-мускульнаго аппарата и психическими комбинаціями результатовъ этой дѣятельности. Правда, этотъ мускульно-осязательный міръ теменъ, беззвученъ, безъ запаховъ и вкусовъ, но по существу дѣла онъ уже существуетъ, его нужно только дополнить, расцвѣтить красками, оживить звуками, разлить по нему запахи и дать вкусъ его вещамъ. Это и совершается комбинаціей мускульно-осязательныхъ представленій съ представленіями другихъ органовъ. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ анализу этихъ другихъ комбинацій ощущеній, мы остановимся еще на нѣкоторое время на одномъ конкретномъ примѣрѣ значенія осязательно-мускульныхъ представленій для развитія всей психической жизни и въ частности для развитія міровоззрѣнія. Этотъ примѣръ, весьма интересный и поучительный, представляетъ Лаура Бриджманъ, родившаяся 20-го декабря 1829 г. въ Ганноверѣ въ Нью-Гампширѣ. Будучи 20-ти мѣсяцевъ отъ роду, она, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, совершенно утратила зрѣніе, слухъ и обоняніе, и владѣла только нѣкоторыми вкусовыми ощущеніями, напримѣръ, сладкаго, и затѣмъ еще осязательнымъ и мускульнымъ чувствомъ. Подъ руковод-

ствомъ учителя для глухонѣмыхъ, она достигла значительнаго развитія въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. На десятомъ году она хорошо отличала доброе отъ дурнаго, дѣлала сложеніе и вычитаніе надъ небольшими числами, могла считать довольно большія и тѣ, которыхъ не умѣла сосчитать, называла сотней. Уже въ то время она легко пользовалась рельефной азбукой для слѣпыхъ и писала довольно четко. Ея лицо было осмысленно; она всегда была внимательна за урокомъ, рукодѣліемъ, въ играхъ; никогда не сердилась, по большей части была рѣзва и весела, искусно владѣла иголкой и легко вязала. Она была очень понятлива, скоро усвоивала приличія, старательно одѣвалась и вела себя прилично; имѣла понятіе о смерти, съ которой постоянно соединяла представленіе о холодѣ и погребеніи; понятіе же ея о времени было очень хорошо развито: не нуждаясь въ напоминаніи, она ложилась спать ровно въ семь часовъ. Ея сужденія о положеніи и разстояніи были очень точны: она вставала съ мѣста, прямо шла къ двери, совершенно во время останавливалась и сразу бралась за ручку двери. Если же она подбѣгала къ запертой двери, ожидая найти ее открытою, и ударялась о нее, то не изъявляла никакихъ жалобъ на свою ошибку, но, почесавъ голову, принималась хохотать, какъ будто вполнѣ понимая комичность своей попытки пройти чрезъ закрытую дверь. Когда она идетъ по корридору, то узнаетъ, по дрожанію пола, или по движенію воздуха, или же по лучамъ теплоты, что кто-то находится вблизи ея, и тогда весьма трудно пройти мимо нея не замѣченнымъ. Она протягиваетъ свои маленькія ручки и, лишь только успѣетъ схватить руку или край одежды встрѣченнаго лица, тотчасъ узнаетъ его и, объявивъ объ этомъ извѣстнымъ знакомъ, отпускаетъ. Во флигелѣ заведенія для слѣпыхъ, гдѣ она жила, было до сорока лицъ и со всѣми она была знакома. Благодаря постоянному, неутомимому упражненію своихъ осязательныхъ органовъ, она имѣла точное свѣдѣніе обо всемъ, что находится въ домѣ. Если гдѣ нибудь въ комнатѣ лежитъ новая вещь, она, находясь въ постоянномъ движеніи, быстро замѣчаетъ ее и въ большинствѣ случаевъ даже узнаетъ, по какой нибудь примѣтѣ, кому принадлежитъ эта вещь. Лаура была очень любознательна. Лишь только

позволяли ей дѣлать все, что угодно, она принималась ощупывать всѣ предметы, изучала ихъ величину, плотность, узнавала объ ихъ употребленіи, названіи и пользѣ и такимъ образомъ съ ненасытною страстью постепенно увеличивала запасъ своихъ свѣдѣній.

§ 56. Разсмотримъ теперь, что даетъ намъ сочетаніе зрительныхъ представленій съ осязательно-мускульными, встрѣчающееся очень часто, такъ какъ глазъ нашъ находится почти постоянно въ движеніи.

Присоединеніе къ осязательно-мускульнымъ представленіямъ зрительныхъ дѣлаетъ видимымъ, блистающимъ осязательно-мускульный міръ, сообщаетъ предметамъ цвѣта и краски; прежній темный міръ дѣлается свѣтлымъ. Эта прибавка къ мускульно-осязательнымъ представленіямъ зрительныхъ чрезвычайно важна, зрительныя представленія поражаютъ нашъ умъ, занимаютъ въ немъ первое мѣсто и становятся замѣстителями другихъ представленій. Когда мы мыслимъ о человѣкѣ, деревѣ, камнѣ, о какой либо машинѣ, странѣ, городѣ, и т. д., тогда мы имѣемъ въ умѣ болѣе или менѣе опредѣленный зрительный образъ. Мысля о человѣкѣ, мы не представляемъ себѣ его голосъ, вѣсъ, упругость или мягкость его тѣла, но мы представляемъ себѣ фигуру человѣка; то же самое бываетъ при размышленіи о всѣхъ другихъ предметахъ. На первомъ планѣ обыкновенно стоятъ зрительныя, видимыя свойства предметовъ и только послѣ нихъ свойства, узнанныя нами помощью другихъ органовъ. Для насъ мыслить значитъ почти внутренно видѣть, представлять себѣ образы предметовъ. Зрительныя ощущенія суть символы, значки всѣхъ другихъ, они какъ бы вытѣсняютъ изъ сознанія всѣ другія, занимаютъ ихъ мѣсто, какъ алгебрическіе знаки и формулы заступаютъ въ умѣ алгебраиста мѣсто дѣйствительныхъ количествъ. Въ сновидѣніяхъ, въ мечтахъ фантазіи, въ болѣзненномъ бреду, въ обыкновенномъ разговорѣ и поэтическомъ языкѣ—всюду массы зрительныхъ представленій. Блестящая мысль, темная рѣчь, возвышенный характеръ, низкій человѣкъ, непоколебимое рѣшеніе, наглядное обученіе, выяснить, освѣтить предметъ, сорвать съ него маску, раскрыть тайныя пружины и пр. все это зрительныя представленія. Синонимомъ выраженія внѣшній

міръ для насъ служитъ выраженіе видимый міръ. Количество теплоты мы опредѣляемъ по термометру, вѣсъ тѣлъ—вѣсами, т. е. осязательныя и мускульныя ощущенія переводимъ на зрительныя. Причина такого преобладанія зрительныхъ представленій надъ всѣми другими — ихъ чрезвычайная ясность. Свѣтъ, краски, блескъ — вотъ на что мы переводимъ темныя ощущенія другихъ чувствъ. Когда мы составляемъ понятіе о формѣ какого либо предмета по мускульнымъ и осязательнымъ ощущеніямъ, тогда мы представляемъ себѣ только различные линіи и углы; когда же къ этимъ ощущеніямъ присоединяется зрительное, тогда мы одѣваемъ эти линіи, углы и поверхности свѣтомъ и красками. Вслѣдствіе своей ясности и отчетливости, зрительныя ощущенія помнятся долго и припоминаются легче, чѣмъ ощущенія другихъ органовъ.

Но преобладающее значеніе зрительныхъ представленій, обусловленное ихъ необычайною ясностью, не ограничивается тѣмъ, что они до нѣкоторой степени вытѣсняютъ или замѣщаютъ другія, но простирается далѣе: мы оставляемъ въ сторонѣ осязательно-мускульный аппаратъ при усвоеніи такихъ явленій, которыя составляютъ исконное достояніе этого органа и замѣняемъ его зрѣніемъ; мы зрѣніемъ опредѣляемъ форму предметовъ, ихъ величину, тѣлесность, разстояніе отъ насъ; мы видимъ все это и намъ нѣтъ нужды тревожить свой осязательно-мускульный аппаратъ, дѣло совершается гораздо быстрѣе и легче помощію зрѣнія. Спрашивается: какъ же это возможно? Какимъ образомъ мускульныя и осязательныя представленія, служащія какъ мы видѣли, первоначальнымъ источникомъ нашихъ знаній о пространствѣ и формахъ тѣлъ, переводятся на зрительныя? Этотъ переводъ мускульныхъ и осязательныхъ ощущеній на языкъ зрѣнія совершается посредствомъ мускульныхъ ощущеній, свойственныхъ глазу, такъ что мы первоначально осязательныя и мускульныя ощущенія различныхъ органовъ тѣла переводимъ на мускульныя же ощущенія глаза, а потомъ мускульно-зрительныя ощущенія переводимъ на чисто зрительныя.

§ 57. Подобно нашей кожѣ, наша сѣтчатка въ различныхъ мѣстахъ различно чувствительна къ раздраженіямъ: въ однихъ болѣе, въ другихъ менѣе. Станемъ смотрѣть, напр., на доску-

токъ красной бумаги и потомъ будемъ медленно подвигать этотъ лоскутокъ въ сторону, не слѣдуя за нимъ глазомъ; въ такомъ случаѣ изображеніе краснаго лоскутка сначала упадетъ на желтое пятно, а потомъ на все болѣе и болѣе отдаленныя отъ него части сѣтчатой оболочки. При этомъ мы замѣтимъ, что ощущеніе краснаго цвѣта постепенно измѣняется во время этого движенія: цвѣтъ становится темнѣе, какъ будто переходя въ синеватый, и наконецъ кажется совершенно чернымъ. Точно такія же превращенія происходятъ и со всякимъ другимъ цвѣтомъ, простымъ или смѣшаннымъ, и даже съ соединеніемъ всѣхъ цвѣтовъ, бѣлымъ цвѣтомъ: каждый разъ цвѣтъ подъ конецъ переходитъ въ черный. Очевидно, явленіе это происходитъ оттого, что мы различными частями нашей сѣтчатой оболочки чувствуемъ различно; впечатлѣніе, переходя отъ центра сѣтчатой оболочки въ сторону, производитъ постепенную перемѣну и въ ощущеніи. Это измѣненіе происходитъ одинаковымъ образомъ въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, но съ весьма различною скоростью. Сами по себѣ эти мѣстныя различія ощущеній ничего не даютъ нашему сознанію, кромѣ различныхъ по степени ощущеній свѣта и цвѣтовъ. Но эти мѣстныя отличія свѣтовыхъ ощущеній получаютъ громадное значеніе, соединяясь съ мускульными. Обыкновенно нашъ глазъ рѣдко находится въ покоѣ; мы не дожидаемся, чтобы предметъ самъ отразился на желтомъ пятнѣ, мы наводимъ желтое пятно на предметъ, фиксируемъ его. Вслѣдствіе этого мы, при разсмотрѣніи предметовъ, получаемъ двойной и совершенно параллельный рядъ ощущеній: чисто зрительныя, зависящія отъ различнаго мѣста раздраженія сѣтчатой оболочки, и мускульныя, происходящія отъ движенія глазныхъ яблокъ. Каждому изъ зрительныхъ ощущеній соотвѣтствуетъ извѣстное мускульное. Вотъ посредствомъ этихъ-то мускульныхъ ощущеній глаза, неразрывно связанныхъ съ чисто зрительными ощущеніями, мы и переводимъ пространственныя воспріятія съ языка мускуловъ и осязанія на языкъ зрѣнія.

Что чисто зрительныя ощущенія не могутъ сами по себѣ дать пространственныхъ воспріятій, это видно уже изъ наблюденій надъ развитіемъ способности видѣть у исцѣленныхъ слѣпорожденныхъ и ослѣпшихъ. Изображеніе предмета на сѣт-

чатой оболочкѣ отлично отъ того образа предмета, который мы составляемъ себѣ и сообразно съ которымъ мы представляемъ предметъ существующимъ во внѣшнемъ пространствѣ. Чтобы создать пространственныя представленія, для этого къ свѣтовымъ ощущеніямъ должны присоединиться мускульныя. И зависимость пространственныхъ представленій глаза отъ его мускульныхъ ощущеній можно доказать неподлежащими сомнѣнію опытами и наблюденіями.

Часто наблюдаютъ не полный параличъ мускула, дѣйствіемъ котораго глазное яблоко движется къ наружной сторонѣ. При этомъ происходитъ особеннаго рода измѣненіе въ зрѣніи. Больной имѣетъ совершенно ложное представленіе о мѣстѣ, гдѣ находятся видимые имъ предметы; ему кажется, что всѣ предметы лежатъ гораздо дальше въ наружную сторону отъ его больнаго глаза, нежели на самомъ дѣлѣ. Когда онъ хочетъ взять какой либо предметъ, то рука его попадаетъ мимо, къ наружной сторонѣ отъ предмета. Одинъ каменьщикъ, подвергшійся этой болѣзни, сталъ вмѣсто камня обтесывать киркой свою собственную руку. Но и въ этихъ случаяхъ замѣчено, что если болѣзнь продолжается значительное время безъ перемѣны, то больные мало по малу приспособляются къ ней и снова научаются вѣрно производить движенія; они жалуются только на большое усиліе, котораго стоитъ имъ движеніе больнаго члена.

Вліяніе мускульныхъ ощущеній на воспріятіе пространства подтверждается не только патологическими случаями, но и опытами надъ здоровымъ глазомъ. Слѣдующій опытъ доказываетъ, что глазъ своимъ движеніемъ опредѣляетъ мѣсто, гдѣ находится предметъ. Предъ обоими глазами помѣщаютъ ящикъ, съ одной стороны открытый, а на противоположной сторонѣ имѣющій горизонтальную щель. Сквозь эту щель будемъ смотрѣть такъ, чтобы намъ была видна только бѣлая стѣна комнаты и ничего больше. Потомъ между стѣною и ящикомъ помѣстимъ вертикальную нить, на которой привѣшена тяжесть. Когда все это будетъ сдѣлано, каждый глазъ самъ собою приметъ такое положеніе что изображеніе нити упадетъ на желтое пятно, мѣсто наибольшей ясности зрѣнія. Такъ какъ прямая линія, проведенная отъ этого мѣста чрезъ центръ глаза,

называется осью зрѣнія, то говорятъ: зрительныя оси обоихъ глазъ пересѣкаются въ разсматриваемой точкѣ. Если перемѣнимъ положеніе нити, помѣстимъ ее ближе или дальше относительно глазъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнится и уголъ пресѣченія зрительныхъ осей, потому что послѣднія всегда будутъ слѣдовать за нитью и будутъ на нее направлены. Когда нить подвигается дальше отъ глазъ, то оба глаза поварачиваются къ наружной сторонѣ и уголъ пресѣченія дѣлается острѣе; когда нить приближается къ глазамъ, то глаза поварачиваются къ внутренней сторонѣ и уголъ пересѣченія становится тупѣе. Поэтому изъ перемѣны разстоянія нити можно легко опредѣлить, на сколько подвинулся глазъ около своего центра. Для произведенія этого опыта всегда нужно два человѣка, изъ которыхъ одинъ смотритъ на нить сквозь щель ящика, а другой медленно двигаетъ эту нить. Если подвинемъ нить на самое малое разстояніе, то смотрящій въ щель не замѣтитъ никакой перемѣны; значитъ, движеніе глазъ около центра было такъ мало, что мы не замѣчаемъ происходящаго оттого мышечнаго ощущенія. Мы начинаемъ замѣчать мышечное ощущеніе только при извѣстной величинѣ движенія, и только тогда намъ кажется, что нить приблизилась или удалилась. Эта точка, гдѣ мы только что начинаемъ замѣчать перемѣну, можетъ быть опредѣлена лишь изъ многихъ опытовъ и при различныхъ разстояніяхъ нити отъ глазъ. При этомъ мы находимъ, что глазъ обладаетъ чрезвычайно тонкою чувствительностью мышцъ; мы замѣчаемъ такую разницу въ разстояніи, при которой глазъ подвигается около своего центра приблизительно на шестидесятую долю градуса окружности, слѣдовательно на одну минуту.

Можно привесть еще нѣкоторые факты относительно вліянія мускульныхъ ощущеній глаза на пространственныя воспріятія. Когда мы сравниваемъ между собою величины различнаго направленія, горизонтальныя и вертикальныя, то мы обыкновенно считаемъ вертикальныя большими, чѣмъ равныя имъ горизонтальныя. Если мы будемъ разсматривать какую нибудь правильную геометрическую фигуру, напр. квадратъ, то онъ намъ покажется прямоугольнымъ четыреугольникомъ, высота котораго больше его основанія. Если мы изобразимъ

форму креста двумя одинаковой величины линіями, горизонтальной и вертикальной, то вертикальная линія покажется намъ большей, чѣмъ горизонтальная. Эта ошибка въ оцѣнкѣ величинъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ бываетъ больше, когда сравниваются два пространства, обозначенныя только на своихъ конечныхъ пунктахъ точками. Въ этомъ случаѣ ошибка достигаетъ, по наблюденію Вундта, до $^1/_5$ цѣлой величины, такъ что вертикальное пространство въ 20 миллиметровъ кажется совершенно равнымъ горизонтальному въ 28 миллиметровъ. Причина такихъ неправильностей въ оцѣнкѣ величинъ различнаго направленія заключается въ мускульныхъ ощущеніяхъ. Для вращенія глаза въ стороны (въ горизонтальномъ направленіи) употребляется одна пара мышцъ, прямая внѣшняя и внутреняя; при вращеніи же глаза вверхъ и внизъ участвуютъ двѣ пары мышцъ, прямая верхняя и нижняя и потомъ еще косыя. Поэтому усиліе, необходимое для того, чтобы поворотить глазъ вверхъ или внизъ (вертикальное направленіе) въ общей сложности бываетъ больше усилія, необходимаго для того же движенія въ какую либо сторону (горизонтальное направленіе). Разумѣется и мышечныя ощущенія бываютъ сильнѣе въ двухъ первыхъ случаяхъ, нежели въ двухъ послѣднихъ. Поэтому одно и то же разстояніе кажется намъ большимъ въ вертикальномъ направленіи, нежели въ горизонтальномъ.

Такимъ образомъ является несомнѣннымъ, что пространственныя зрительныя воспріятія совершаются при посредствѣ мускульныхъ ощущеній глаза. Теперь намъ не трудно будетъ понять, почему мы, при оцѣнкѣ разстояній и формъ предметовъ, пользуемся по преимуществу органомъ зрѣнія, почему мы переводимъ мускульныя и осязательныя ощущенія различныхъ органовъ тѣла на мускульныя ощущенія глаза. Причина этого явленія заключается въ быстротѣ и легкости мускульныхъ ощущеній глаза и въ сравнительной медленности и трудности мускульныхъ ощущеній другихъ органовъ. Предположимъ, что мы стоимъ у открытаго окна, изъ котораго прекрасный видъ на далекій лѣсъ, еще болѣе далекую гору, рѣку, луга и проч. Если оцѣнивать разстояніе и величину этихъ предметовъ мускульными и осязательными ощущеніями

рукъ, ногъ и т. п., то намъ, очевидно, нужно воспроизводить длинные ряды этихъ ощущеній и сравнивать ихъ между собою. Въ такомъ случаѣ мы были бы въ одинаковомъ положеніи съ слѣпорожденными и должны были бы оцѣнивать длину предмета болѣе или менѣе продолжительнымъ рядомъ ощущеній, его форму—воспроизведеніемъ осязательно-мускульныхъ ощущеній при ощупываніи рукой угловъ этого предмета, его сторонъ и т. п. Все это потребовало бы значительнаго напряженія и времени. Но весь процессъ значительно облегчается мускульными ощущеніями глаза Посредствомъ этихъ ощущеній мы способны оцѣнивать разстояніе и формы предметовъ несравненно лучше и легче. Движенія глаза совершаются на весьма небольшомъ пространствѣ, они очень коротки, малы, и быстро слѣдуютъ одно за другимъ. Поэтому помощью ихъ мы можемъ быстрѣе и легче оцѣнить разстояніе и величину предметовъ. Самымъ незначительнымъ поворотомъ глазъ мы обозрѣваемъ пространства въ десятки и сотни аршинъ и сажень, для измѣренія которыхъ другими мускульными и осязательными ощущеніями намъ потребовались бы длинные ряды такихъ ощущеній; мускульныя ощущенія глаза такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, что нерѣдко кажутся намъ одновременными, между тѣмъ какъ тѣ же ощущенія другихъ органовъ совершаются гораздо медленнѣе, вслѣдствіе большей величины самыхъ движеній.

Итакъ мускульныя ощущенія глаза даютъ намъ относительно пространства, формъ предметовъ, направленія движенія, его скорости и т. д. тоже самое, что осязательныя и мускульныя ощущенія и другихъ органовъ, но только въ значительно уменьшенномъ и сокращенномъ масштабѣ: десятки и сотни верстъ они переводятъ на дюймы и линіи. А намъ чрезвычайно важно и дорого это сокращеніе количествъ при вычисленіяхъ, ибо оно чрезвычайно упрощаетъ самое вычисленіе, дѣлаетъ его болѣе легкимъ и быстрымъ. Важность этой сокращенной формулы увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что подобныя вычисленія, т. е. оцѣнку разстояній, величинъ, направленій, скоростей, мы производимъ постоянно; куда мы ни взглянемъ, мы всюду видимъ различные предметы извѣстныхъ величинъ, опредѣленныхъ скоростей

движенія, разнообразныхъ формъ и пр. Эти маленькія, короткія мускульныя ощущенія глаза, почти одновременныя, служатъ для насъ символами другихъ ощущеній, осязательныхъ и мускульныхъ, которыя были раздѣльно послѣдовательны. Такое символическое отношеніе, будучи болѣе короткимъ, обыкновенно занимаетъ въ нашемъ умѣ мѣсто того, которое оно обозначаетъ. Впрочемъ этотъ переводъ, замѣна ощущеній одного класса ощущеніями другаго класса—осязательно-мускульныхъ зрительными—совершается иногда, вслѣдствіе привычки и другихъ обстоятельствъ, съ трудомъ. Штрикеръ сообщаетъ о себѣ, что онъ навыкъ представленіе выступанія другихъ людей сопровождать ощущеніями въ своихъ конечностяхъ и ему стоило большаго труда замѣнить ихъ ощущеніями глазныхъ мускуловъ. [1])

Но, служа замѣной, символомъ, сокращенной формулой другихъ мускульныхъ и осязательныхъ ощущеній, мускульныя ощущенія глаза естественно регулируются и провѣряются другими мускульными ощущеніями, тѣми, которыхъ они замѣняютъ. Мы нерѣдко не довѣряемъ оцѣнкѣ предметовъ, произведенной помощію органа зрѣнія, и провѣряемъ ее другими органами, мускулами и осязаніемъ. Предметъ, который мы сами вымѣряемъ и ощупаемъ, кажется намъ лучше и достовѣрнѣе извѣстнымъ, чѣмъ тотъ, о которомъ мы судимъ только по глазомѣру. Про русскаго человѣка обыкновенно говорятъ, что онъ глазамъ не вѣритъ, что онъ любитъ все пощупать. Въ этомъ стремленіи сказывается стремленіе, свойственное не только русскому чоловѣку, но и каждому человѣку провѣрять впечатлѣнія одного органа впечатлѣніями другихъ и въ частности данныя зрѣнія данными мускуловъ и осязанія.

Послѣдняя ступень въ развитіи зрительныхъ ощущеній состоитъ въ переводѣ мускульныхъ ощущеній глаза при воспріятіи пространственныхъ величинъ на чисто зрительныя. Тѣ измѣренія пространства, которыя первоначально бываютъ возможны только при посредствѣ движеній глаза, съ теченіемъ времени становятся возможными и при покоющемся глазѣ. Малѣйшее разстояніе, различаемое глазомъ въ движеніи,

---

[1]) Stricker, Studien uber die Bewegungsvorttellungen. s. 17.

можетъ различаться имъ и въ состояніи покоя. Каждый взрослый человѣкъ можетъ привесть свои глаза въ состояніе абсолютнаго покоя и въ то же время совершенно правильно судить о разстояніи предметовъ, находящихся въ полѣ его зрѣнія. Неправильности, происходящія при оцѣнкѣ зрѣніемъ одинаковыхъ величинъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ и другія ошибки, совершаются не только при движеніи глаза, но и при его покоѣ, хотя нѣкоторыя и бываютъ нѣсколько меньше. Очевидно, что условія, помощію которыхъ мы первоначально оцѣниваемъ разстоянія, т. е. движенія, мускульныя напряженія, остаются дѣйствительными и для оцѣнки разстоянія глазомъ вообще, и для покоющагося глаза. Какимъ образомъ возможно подобное явленіе?

Въ соединеніи, въ параллелизмѣ чисто зрительныхъ и мускульныхъ ощущеній нужно искать разгадки этого, повидимому чрезвычайно страннаго, явленія, тѣхъ условій, которыя способствуютъ освобожденію пространственнаго созерцанія отъ непосредственнаго вліянія мышечныхъ ощущеній. Мы уже замѣтили прежде, что наша ретина не одинаково чувствительна къ раздраженіямъ, что наши свѣтовыя ощущенія имѣютъ мѣстные признаки. Каждому такому мѣстному свѣтовому ощущенію соотвѣтствуетъ особенное мускульное ощущеніе, такъ какъ нашъ глазъ находится въ постоянномъ движеніи и причина, по которой мы извѣстное свѣтовое раздраженіе воспринимаемъ то этой, то той частью сѣтчатки, заключается по большей части въ движеніяхъ глаза. Мускульныя ощущенія при движеніяхъ глаза также бываютъ различны, подобно свѣтовымъ ощущеніямъ, такъ какъ въ различное время приводятся въ движеніе различныя глазныя мышцы и съ различною силою. Такимъ образомъ каждому мѣстному свѣтовому ощущенію соотвѣтствуетъ извѣстное мускульное. Первоначально мы оцѣниваемъ разстояніе помощью этихъ мускульныхъ ощущеній, такъ какъ безъ нихъ, по однимъ свѣтовымъ ощущеніямъ, мы воспринимать пространства не можемъ. Но послѣ того какъ мы, вслѣдствіе повторенія акта множество разъ, пріобрѣтаемъ, посредствомъ мускульныхъ ощущеній, мѣру для разстоянія, соотвѣтствующаго извѣстному мѣстному свѣтовому ощущенію, то эта мѣра становится самостоятельною. Съ каждымъ мѣст-

нымъ оттѣнкомъ свѣтоваго ощущенія соединяется тогда опредѣленное отношеніе въ пространствѣ и такимъ образомъ глазъ получаетъ способность воспринимать пространственныя отношенія и въ состояніи покоя.

§ 58. Ознакомившись съ процессами, которыми образуются представленія, мы легко можемъ отдать себѣ отчетъ въ особенностяхъ представленій по сравненію съ ощущеніями.

Нельзя указать существеннаго различія между представленіемъ и ощущеніемъ; эти двѣ формы психической жизни по своему основному типу одинаковы. Что составляетъ содержаніе ощущенія, тоже составляетъ и содержаніе представленія: ощущаемъ мы цвѣтъ — цвѣтъ и представляемъ; получаемъ раздраженіе слуховаго нерва — и представляемъ звукъ. Напряженность или силу ощущенія представленіе также отображаетъ въ себѣ, хотя и въ измѣненной формѣ. Представленіе имѣетъ различную степень ясности и его ясность въ большинствѣ случаевъ прямо обусловлена силой ощущенія. Если отъ какого либо предмета мы получили слабыя раздраженія, не смотря на всѣ старанія, не могли, напр. разсмотрѣть отчетливо его форму, его цвѣтъ, сравнить его съ другими предметами и отличить отъ нихъ, то и представленіе о такомъ предметѣ мы будемъ имѣть неясное. Предметъ, который мы имѣли возможность наблюдать обстоятельно, не торопливо, оставляетъ по себѣ въ нашемъ сознаніи ясное, раздѣльное представленіе. Итакъ слабость ощущенія сопровождается неясностію возникающаго изъ него представленія, значительная сила ощущенія раздѣльностію слѣдующаго за нимъ представленія. Весьма высокая сила ощущенія снова влечетъ за собой неясность представленія, потому что такое ощущеніе обыкновенно переходитъ въ ощущеніе боли, а ощущеніе боли субъективно. Средняя величина ощущенія, заключенная въ границахъ минимума и максимума, наиболѣе способствуетъ ясности и отчетливости возникающаго изъ него представленія.

Но отрицая существенное различіе между ощущеніемъ и представленіемъ, мы не должны упускать изъ вида ихъ относительныя различія. Первое и весьма значительное отличіе представленія отъ ощущенія заключается въ томъ, что представленіе есть дѣятельность синтетическаго характера,

между тѣмъ какъ ощущеніе аналитическаго. Получать ощущенія отъ предмета значитъ раздѣлять тѣ свойства, совокупность которыхъ и составляетъ предметъ. Въ ощущеніи зрительныя свойства предмета воспринимаются отдѣльно, какъ нѣчто самостоятельное и независимое отъ другихъ свойствъ, особымъ спеціальнымъ органомъ; слуховыя также особо, особымъ органомъ, также осязательныя, обонятельныя и вкусовыя. Слѣдовательно въ ощущеніи предметъ анализируется, разлагается на составляющія его свойства. Ощущеніе само по себѣ не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній о предметѣ, потому что для знанія предмета нужно обнять предметъ цѣликомъ, постигнуть соотношеніе составляющихъ его свойствъ. Если, предположимъ, мы никогда не видали лампы, то, воспринимая различными органами ея различные признаки, мы о лампѣ понятія не получимъ, у насъ будетъ просто рядъ отдѣльныхъ свѣдѣній — что то небольшаго размѣра и довольно сложной формы, твердое и тяжелое, пахнущее керосиномъ, издающее негромкій звукъ при соприкосновеніи со столомъ и т. д. Но перечисленіе такихъ признаковъ не есть представленіе лампы. Лампа какъ цѣлый и самостоятельный предметъ явится въ нашемъ сознаніи только тогда, когда всѣ исчисленные признаки соберутся вмѣстѣ, придутъ въ соотношеніе, синтезируются. Этотъ синтезъ ощущенію недоступенъ и составляетъ характерную черту представленія. Синтезъ, развивающійся въ представленіи, касается не только разнородныхъ свойствъ предметовъ (процессъ сочетанія), но и однородныхъ (процессъ сліянія тожественныхъ ощущеній).

§ 59. Первая отличительная черта представленія обусловливаетъ вторую — представленіе, по сравненію съ ощущеніемъ есть всегда актъ болѣе сложный, для его возникновенія — даже и въ томъ случаѣ, когда предметъ его одно какое либо свойство, напр. цвѣтъ, вкусъ, — нужно не одно ощущеніе, а нѣсколько, необходимо повтореніе ощущенія. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться, если будемъ наблюдать образованіе представленій у дѣтей, образованіе зрительныхъ представленій у исцѣленныхъ слѣпорожденныхъ, образованіе новыхъ представленій у взрослыхъ.

Представленія объ окружающихъ предметахъ и лицахъ у

ребенка складываются постепенно, проходитъ довольно значительный промежутокъ времени, прежде чѣмъ ребенокъ начнетъ признавать окружающіе лица и предметы, причемъ на первыхъ порахъ дѣло не обходится безъ путаницы и замѣшательствъ. Почему же у ребенка такъ медленно складываются представленія, почему же они не возникаютъ непосредственно вслѣдъ за первымъ или вторымъ ощущеніемъ? Очевидно потому, что одного ощущенія недостаточно для образованія представленія, что одно ощущеніе не оставляетъ по себѣ никакого прочнаго слѣда; нужно, чтобы извѣстное ощущеніе повторилось много разъ и только тогда возникнетъ болѣе или менѣе твердое представленіе. Пере передаетъ такой опытъ съ ребенкомъ семи мѣсяцевъ: онъ подсовывалъ ему, на разстояніи его руки, щетку, щетиною вверхъ. Ребенокъ нажималъ на нее обѣими руками и, укалываясь о щетину, отдергивалъ руки. Пять разъ ребенокъ кололъ себѣ руки — между опытами были промежутки въ нѣсколько минутъ, — пока наконецъ въ шестой, послѣ внимательнаго осмотра, отказался дотронуться до подсунутой щетки. [1]) Такъ медленно формировалось у него представленіе о щеткѣ.

Исцѣленные слѣпорожденные представляютъ тоже самое явленіе, только въ частномъ видѣ, именно мы можемъ наблюдать у нихъ процессъ образованія зрительныхъ представленій. У исцѣленныхъ слѣпорожденныхъ замѣчается такой фактъ, что они долгое время не могутъ сочетать свои зрительныя представленія съ представленіями другихъ органовъ, что зрѣніемъ они долгое время не могутъ распознавать предметовъ, хорошо имъ знакомыхъ по осязанію и другимъ чувствамъ. Причина такого явленія отчасти заключается въ самой трудности сліянія разнородныхъ представленій въ одинъ цѣльный образъ, а отчасти въ медленности процесса образованія зрительныхъ представленій. Исцѣленный слѣпорожденный много разъ долженъ повторить извѣстное зрительное ощущеніе, чтобы у него образовалось болѣе или менѣе устойчивое представленіе, вслѣдствіе чего на первыхъ порахъ по исцѣленіи онъ и не можетъ зрѣніемъ распознавать окружающіе предметы.

---

[1]) Первые три года жизни ребенка, стр. 110—111.

Когда взрослый человѣкъ въ первый разъ встрѣчается съ какимъ либо новымъ предметомъ, то онъ не ограничивается бѣглымъ обзоромъ этого предмета, однимъ ощущеніемъ отъ него, но онъ всматривается въ предметъ, т. е. повторяетъ свое ощущеніе. Мы обыкновенно разсматриваемъ новые предметы съ различныхъ сторонъ, на различныхъ разстояніяхъ, иногда даже освѣщаемъ предметъ свѣтомъ различной силы, чтобы наблюсти, какимъ покажется предметъ при различной обстановкѣ. Только обстоятельно разсмотрѣвъ предметъ, мы составляемъ представленіе о немъ.

Изъ одного ощущенія, какъ бы сильно оно ни было, представленіе не можетъ образоваться. Сильное ощущеніе можетъ потрясти организмъ и слѣды этого потрясенія останутся надолго, но само-то ощущеніе, за быстролетностію своего существованія, не успѣетъ превратиться въ болѣе прочную форму и исчезнетъ. Если бы какой либо предметъ, даже просто поверхность извѣстнаго цвѣта, освѣтить чрезвычайно яркимъ свѣтомъ на такой короткій промежутокъ времени, чтобы въ него уложилось только одно ощущеніе, то у насъ не получилось бы представленія объ этомъ предметѣ или объ этомъ цвѣтѣ. Намъ кажется, что мы нерѣдко по одному ощущенію, напр. по одному прикосновенію, узнаемъ предметъ, говоримъ, что это ткань, а не дерево и не металлъ. Но въ этомъ случаѣ смѣшиваются два совершенно различные психологическіе процесса: образованіе представленія и отнесеніе ощущенія къ какой либо группѣ уже образованныхъ представленій (апперцепція). Изъ одного ощущенія образовать представленіе нельзя; апперцепировать же одно ощущеніе можно, т. е. можно отнести его къ соотвѣтствующей группѣ готовыхъ представленій, свойствами этой группы представленій пополнить сейчасъ получаемое ощущеніе и такимъ образомъ повидимому сейчасъ образовать изъ него новое представленіе (объ апперцепціи ниже особая глава).

Наконецъ мы должны обратить вниманіе и на то, что нервное раздраженіе при ощущеніи не есть одно движеніе или одинъ толчекъ, а всегда неизбѣжно цѣлый рядъ толчковъ, серія движеній, а потому и само ощущеніе есть уже собственно результатъ сліянія психическихъ реакцій на отдѣльные нерв-

ные толчки, т. е. есть собственно представленіе. Въ справедливости высказанной мысли легко убѣдиться такимъ опытомъ: берутъ колесо съ 2000 зубцовъ, которое дѣлаетъ полный оборотъ въ одну секунду. Если держать предъ нимъ карту, то оно дѣлаетъ, слѣдовательно, 2000 ударовъ въ секунду, два удара въ каждую $^1/_{1000}$ секунды. Если всѣ эти зубцы отнять, за исключеніемъ двухъ смежныхъ, въ такомъ случѣ два удара займутъ $^1/_{1000}$ секунды. Но эти два удара даютъ ясный и опредѣленный звукъ. Звукъ же, который мы получаемъ втеченіи цѣлой секунды, когда у колеса цѣлы всѣ зубцы, состоитъ изъ 1000 подобныхъ звуковъ, продолжающихся каждый $^1/_{1000}$ секунды. А между тѣмъ онъ намъ кажется единымъ цѣльнымъ звукомъ. Если теперь мы каждый изъ 1000 элементарныхъ звуковъ, вызываемый двумя зубцами колеса и, слѣдовательно, состоящій изъ двухъ послѣдовательныхъ ощущеній, раздѣлимъ, то въ отдѣльности они не будутъ сознаваться. Тонъ тогда исчезнетъ и будетъ слышаться только толчекъ; имъ необходимо, чтобы быть замѣтными, соединяться по два. [1])

Итакъ представленіе, будучи явленіемъ синтетическаго характера, въ то же самое время по самому своему существу есть явленіе всегда болѣе сложное, чѣмъ ощущеніе.

§ 60. Третье важное отличіе представленія отъ ощущенія есть живость послѣдняго и слабость перваго. Если мы будемъ сравнивать какую либо дѣйствительную боль и представленіе этой боли, дѣйствительный выстрѣлъ изъ пушки и представленіе этого выстрѣла, дѣйствительное наслажденіе вкуснымъ напиткомъ и представленіе этого наслажденія, мы замѣтимъ между этими двумя состояніями большую разницу: одно живо, ярко, поглощаетъ наше вниманіе, другое относительно блѣдно, безжизненно и не оказываетъ такого давленія на наше вниманіе. Точно опредѣлить, измѣрить степень и силу этого различія невозможно, такъ какъ оно есть величина не постоянная, а измѣнчивая. Иногда, какъ въ указанныхъ случаяхъ, разница очень велика, иногда же, вслѣдствіе многочисленныхъ и весьма разнообразныхъ обстоятельствъ, она значительно уменьшается и въ галлюцинаціи доходитъ до нуля.

---

[1]) Тэнъ, Объ умѣ и познаніи, 1, 113—114.

*

Присматриваясь ближе къ указанному различію между представленіемъ и ощущеніемъ, мы замѣчаемъ въ немъ двѣ частныя черты: яркость и подробность содержанія. Ощущеніе извѣстной краски и представленіе этой же краски по содержанію совершенно равны, но значительно различны по степени яркости; ощущенія отъ человѣка и представленіе человѣка различны не только по степени яркости, но и по содержанію. Въ ощущеніяхъ больше чертъ, чѣмъ въ представленіи, различныя мелкія черточки въ представленіи исчезаютъ, поэтому художникъ не можетъ рисовать портретъ въ отсутствіи оригинала, по одному представленію. Различіе яркости представленія и ощущенія зависитъ отъ того, что представленіе центральнаго происхожденія, а ощущеніе периферическаго. Для возникновенія ощущенія, съ физіологической точки зрѣнія, необходимо раздраженіе чувствительнаго нерва и нервнаго центра. Значитъ, ощущеніе возникаетъ подъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ двухъ факторовъ: периферической нервной системы и центральной. Представленіе же физіологически предполагаетъ непосредственное возбужденіе только нервнаго центра, значитъ одного фактора, возбужденія же соотвѣтствующаго чувствительнаго нерва при обыкновенномъ представленіи не бываетъ. Естественно, что представленіе кажется намъ фактомъ менѣе яркимъ, чѣмъ ощущеніе. Когда же, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, при представленіи возбуждается не только нервый центръ, но и соотвѣтствующій чувствительный нервъ, тогда представленіе по степени яркости сравнивается съ ощущеніемъ. Такое состояніе представленія есть галлюцинація.

Что касается утраты представленіемъ частныхъ чертъ, существующихъ въ ощущеніи, то въ этомъ случаѣ нужно припомнить сложный синтетическій характеръ представленія. Въ ощущеніи мы имѣемъ дѣло съ однимъ элементарнымъ состояніемъ; мы погружаемся, въ силу его яркости, въ переживаніе самого явленія, сосредоточиваемся на немъ, вслѣдствіе чего каждая его черточка намъ видна и ясна; въ представленіи мы синтезируемъ, какъ бы накладываемъ одно ощущеніе на другое, вслѣдствіе чего ощущенія до нѣкоторой степени закрываютъ другъ друга. Работа здѣсь сложнѣе, естественный интересъ, по причинѣ меньшей яркости представ-

ленія, не такъ значителенъ, а отсюда выпаденіе мелкихъ чертъ, находящихся въ ощущеніи. Притомъ мелкая черта, согласно съ своей природой, производитъ слабое впечатлѣніе, которое быстро и улетучивается.

Во всякомъ случаѣ ощущеніе и представленіе не два явленія, а одно явленіе, явленіе и его видоизмѣненіе; представленіе возбуждаетъ тѣ же самые нервные органы и элементы, какіе возбуждаетъ и ощущеніе, имѣть представленіе о чемъ либо значитъ испытывать въ слабой степени ощущеніе этого чего либо. Если мы не будемъ гнаться за большею точностію, то ощущеніе и представленіе можемъ сравнить съ тѣми розмахами, которые совершаетъ струна, выведенная изъ своего спокойнаго состоянія. Первоначально струна совершаетъ большіе розмахи, а потомъ они становятся все меньше и меньше, вслѣдствіе чего ослабѣваетъ и сила звука, пока наконецъ струна не вернется въ свое первоначальное спокойное состояніе и звукъ не прекратится. Но при уменьшеніи розмаховъ струны, количество ея колебаній въ единицу времени остается одинаковымъ, вслѣдствіе чего не измѣняется, при уменьшеніи силы звука, его высота, звукъ не понижается; тэмбръ звука остается точно также неизмѣннымъ. Первый, самый сильный, розмахъ струны можно сравнить съ ощущеніемъ, всѣ послѣдующіе розмахи, неизбѣжно болѣе слабые, чѣмъ первый, съ представленіемъ. Какъ сила звука постепенно ослабѣваетъ и звукъ наконецъ замираетъ, такъ и представленіе, отъ времени, мало по малу теряетъ свою яркость, тускнѣетъ, блѣднѣетъ и наконецъ забывается; какъ высота и тэмбръ звука, при ослабленіи его силы, остаются неизмѣнными, такъ и при потускненіи представленія его качество, т. е. содержаніе остается тѣмъ же самымъ, извѣстное представленіе все же остается этимъ, а не другимъ представленіемъ, хотя нѣкоторыя черты изъ его содержанія и выпадаютъ; наконецъ какъ первый и всѣ послѣдующіе розмахи суть колебанія одной и той же струны, только нѣсколько измѣненныя, именно ослабленныя, такъ и представленіе есть тоже ощущеніе, только измѣненное, именно ослабленное, потерявшее первоначальную живость и свѣжесть. Словомъ представленіе, выражаясь извѣстнымъ фигуральнымъ оборотомъ, есть слѣдъ ощущенія. Воспоминаніе о рѣчи есть

подавленный говоръ, воспоминаніе о пріятномъ есть очень слабая степень пріятности.

Мы особенно настаиваемъ на тожествѣ по существу ощущенія и представленія, потому что это одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ психологіи представленій. Безъ него трудно сколько нибудь удовлетворительно понять представленіе. Въ настоящій разъ мы указали сходство между ощущеніемъ и представленіемъ по преимуществу съ психологической точки зрѣнія; позднѣе, въ изложеніи ученія о памяти, мы вернемся къ этой мысли и обоснуемъ ее съ физіологической стороны.

§ 61. Процессы, которыми образуются представленія, совершаются съ необходимостію. Тѣмъ не менѣе педагогъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы они совершались съ надлежащею полнотою и энергіею. Отдѣльныя однородныя представленія, образующіяся путемъ сліянія ощущеній, послѣ ощущеній суть самый нижній слой нашей умственной жизни, они служатъ элементами дальнѣйшихъ образованій. Поэтому необходимо, чтобы элементарныя представленія образовались въ достаточномъ числѣ и были достаточно ярки. Педагогу нужно озаботиться, чтобы отдѣльныя однородныя ощущенія притекали изобильно къ развивающемуся уму и чтобы они владѣли надлежащею силой; время отъ времени онъ долженъ провѣрять, слились ли эти ощущенія въ достаточно твердыя элементарныя представленія, есть ли у питомца отчетливыя представленія цвѣтовъ и ихъ оттѣнковъ, звуковъ различныхъ инструментовъ, животныхъ, человѣческихъ голосовъ, различныхъ степеней твердости, запаховъ, температуры и т. д. Какъ скоро оказывается, что какое либо отдѣльное элементарное представленіе не ясно, не твердо, его нужно выяснить и подкрѣпить соотвѣтствующими ощущеніями достаточной силы. Элементарныя представленія нужно воспроизводить какъ можно чаще, нужно устранять малѣйшую неясность и колебаніе ихъ, имѣя въ виду, что ихъ неясность неизбѣжно повлечетъ за собою неясность всѣхъ дальнѣйшихъ образованій.

На процессъ сочетанія педагогъ долженъ обратить особенно тщательное вниманіе. Въ этомъ отношеніи онъ долженъ прежде всего отчетливо выяснить себѣ трудности этого процесса. Сочетаніе представленій различныхъ органовъ въ одинъ сложный образъ

намъ кажется дѣломъ въ высшей степени простымъ и легкимъ. Но мы при этомъ забываемъ разнородность сочетаемыхъ элементовъ, то обстоятельство, что каждый органъ освѣщаетъ предметъ своимъ особеннымъ свѣтомъ, разсматриваетъ его подъ своимъ собственнымъ угломъ зрѣнія, такъ что никакого сходства, никакого логическаго соотношенія между представленіями различныхъ органовъ нѣтъ. Когда человѣкъ снабженъ всѣми органами внѣшнихъ чувствъ, тогда ассоціація представленій различныхъ органовъ совершается вполнѣ естественнымъ путемъ: одинъ органъ непрерывно контролируется другимъ органомъ, изученіе предмета различными органами, съ различныхъ точекъ зрѣнія, совершается параллельно и свѣдѣнія, полученныя о предметѣ однимъ органомъ, совмѣщаются со свѣдѣніями, полученными отъ другихъ органовъ. При нормальной организаціи человѣка, ассоціація разнородныхъ представленій совершается очень рано, такъ что мы не можемъ припомнить процесса образованія сложныхъ образовъ и понять его трудности. Тѣмъ не менѣе онъ идетъ не быстро. Ребенокъ долгое время не признаетъ окружающихъ предметовъ и лицъ, т. е. не можетъ сочетать въ одинъ цѣльный образъ всѣ получаемыя имъ ощущенія. Случается иногда, что онъ признаетъ извѣстное лицо по голосу, но не признаетъ его, когда оно молчитъ, или наоборотъ, т. е. не умѣетъ еще сочетать зрительное и слуховое представленія. За то мы получаемъ обстоятельныя свѣдѣнія о процессѣ сочетанія и его трудностяхъ отъ тѣхъ лицъ, которыя сначала были лишены услугъ какого либо органа и потому составили міровоззрѣніе безъ его помощи, а потомъ, въ силу счастливой операціи, получили возможность пользоваться недостававшимъ органомъ и такимъ образомъ должны были дополнить міровоззрѣніе представленіями этого исцѣленнаго органа, совмѣстить представленія прежнихъ органовъ съ представленіями новаго. Между такими лицами мы имѣемъ свидѣтельства отъ многихъ исцѣленныхъ слѣпорожденныхъ, или рано ослѣпшихъ, но исцѣлившихся отъ слѣпоты, какъ трудно имъ было совмѣщать новыя, зрительныя, представленія съ прежними, осязательно-мускульными, относительно формы предметовъ, величины ихъ, разстоянія и т. д. Мальчику трехъ лѣтъ, совершенно слѣпому отъ рожденія, была сдѣлана удачная операція—чрезъ нѣсколько дней оба зрачка

оказались совершенно чистыми. Управлять своими движеніями при помощи зрѣнія онъ учился мало по малу; расхаживая послѣ операціи, когда уже началъ видѣть, по дому, съ которымъ мальчикъ успѣлъ ознакомиться до операціи и гдѣ была произведена самая операція, онъ обыкновенно закрывалъ глаза: зрѣніе, очевидно, скорѣе мѣшало, чѣмъ помогало ему въ этомъ случаѣ. Вернувшись домой къ своимъ родителямъ на ферму и бродя по знакомому двору, онъ закрывалъ глаза, но на новомъ мѣстѣ глядѣлъ, какъ говорится, въ оба и, по всѣмъ признакамъ, руководился своимъ зрѣніемъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ онъ выучился полагаться на свои глаза: какъ другія дѣти его лѣтъ. [1]) Исцѣленная слѣпорожденная молодая женщина, по свидѣтельству оператора, была положительно не въ состояніи узнавать предметы при помощи одного зрѣнія, хотя совершенно вѣрно описывала ихъ форму и цвѣтъ. И только послѣ того, какъ она воспитала одно чувство посредствомъ другаго и сравнила между собою осязательныя и зрительныя ощущенія, она выучилась различать предметы, не прикасаясь къ нимъ. Однажды, разсказываетъ операторъ, [2]) я показалъ ей ножницы: она немедленно опредѣлила ихъ форму, цвѣтъ, металлическій характеръ, но никакъ не могла рѣшить, что это такое, пока не дотронулась до нихъ пальцами. Тутъ она мгновенно назвала ихъ и засмѣялась своей «глупости», удивляясь, какъ это она могла не узнать ножницъ. Такое же свидѣтельство мы имѣемъ и отъ третьяго исцѣленнаго слѣпорожденнаго.

Докторъ Францъ сдѣлалъ удачную операцію одному слѣпому молодому человѣку (18 лѣтъ), вслѣдствіе которой онъ сталъ видѣть. Это было въ 1840 году. Исцѣленный слѣпецъ родился съ непрозрачнымъ хрусталикомъ въ обоихъ глазахъ, на второмъ году жизни ослѣпъ на правый глазъ, а лѣвымъ ощущалъ свѣтъ такъ слабо, что могъ отличать только яркіе цвѣта. Наблюденія надъ нимъ были произведены очень тщательно. Въ первое время, когда больной сталъ видѣть, ему казалось, что всѣ предметы находятся такъ близко отъ него,

---

[1]) Carpenter, Principles of mental Physiology, p. 180—181.
[2]) Ibidem, p. 189.

что онъ часто боялся, какъ бы не задѣть ихъ, хотя въ дѣйствительности они весьма далеко отстояли отъ него. Все казалось ему больше, чѣмъ онъ ожидалъ на основаніи своихъ прежнихъ осязательныхъ ощущеній: особенно большими казались движущіеся и одушевленные предметы, какъ напр. люди, лошади. Если онъ желалъ узнать, въ какомъ разстояніи находится отъ него какой либо предметъ, то онъ разсматривалъ его съ различныхъ сторонъ, поворачивая голову то направо, то налѣво. Спустя долгое время послѣ операціи, предметы представлялись ему плоскими, въ видѣ тонкихъ пластинокъ. Онъ зналъ очень хорошо посредствомъ осязанія, что на человѣческомъ лицѣ носъ выдается впередъ, а глаза вдаются внутрь; но онъ все таки считалъ человѣческое лицо плоскимъ и, внимательно разсматривая его, постоянно дивился его формѣ. Онъ превосходно запоминалъ все, что слышалъ или осязалъ; но все видимое весьма не долго удерживалось въ его памяти. Онъ до тѣхъ поръ не узнавалъ лицъ, которыя посѣщали его, которыхъ онъ уже видѣлъ и зналъ, пока они не заговаривали съ нимъ. Иногда больному случалось нѣсколько разъ видѣть одинъ и тотъ же предметъ, и все таки онъ не удерживалъ его въ памяти и не могъ описать его; но онъ описывалъ его съ безукоризненною точностью, когда онъ смотрѣлъ на него.—Слѣпой, вылѣченный Чесельденомъ, постоянно забывалъ форму видѣнныхъ вещей. «Я запоминалъ и забывалъ тысячу вещей въ день», говорилъ онъ о себѣ. Хотя, по ощущенію, онъ зналъ форму кошки и собаки, но когда началъ видѣть, то постоянно смѣшивалъ ихъ, принималъ кошку за собаку и собаку за кошку. Однажды онъ поймалъ кошку, долго и пристально разсматривалъ, потомъ поставилъ на полъ и сказалъ: «ну, кисанька, теперь я признаю тебя въ другой разъ». [1])

Такихъ свидѣтельствъ можно было бы привести много. Всѣ они показываютъ, какъ трудно на первыхъ порахъ ассоціировать зрительныя представленія съ осязательно-мускульными.

Ассоціаціи представленій другихъ органовъ даются легче, но также не безъ труда. Мы иногда затрудняемся сочетать

---

[1]) Тэнъ, Объ умѣ и познаніи, 11, 62—67.

зрительныя представленія съ слуховыми. Положимъ, пѣвца или пѣвицу мы никогда не видали внѣ театра, а только на сценѣ и представляемъ ихъ потому съ преобладаніемъ слуховыхъ элементовъ—голоса. Когда же намъ показываютъ, что вотъ это лицо и есть хорошо знакомый намъ (по голосу) пѣвецъ или пѣвица, то намъ иногда кажется, что такой голосъ не можетъ принадлежать такой фигурѣ и мы испытываемъ явно затрудненіе слить въ одинъ цѣльный образъ и зрительныя и слуховыя представленія. Подобныя же затрудненія мы испытываемъ иногда и при сочетаніи представленій другихъ органовъ.

Указанныя трудности процесса сочетанія должны внушить педагогу осторожность и тщательность при уходѣ за образованіемъ сложныхъ представленій. Нужно достаточное время для такой сложной работы, необходимо повтореніе элементарныхъ представленій въ той же самой послѣдовательности, необходима совмѣстная работа органовъ. Предположимъ, что задача педагога ознакомить на урокѣ воспитанниковъ съ пятью минералами. Ознакомить съ пятью минералами значитъ вызвать образованіе пяти новыхъ сложныхъ представленій. Созданіе пяти новыхъ сложныхъ представленій въ теченіе урока задача, превышающая силы учащихся, если мы будемъ требовать отъ представленій надлежащей устойчивости и ясности. На подобную работу нужно времени гораздо болѣе часа, потому что всѣ характернѣйшія свойства минерала должны быть нѣсколько разъ восприняты органами внѣшнихъ чувствъ учащагося, изъ воспріятій должны образоваться ощущенія, ощущенія должны превратиться въ элементарныя представленія, а эти послѣднія—въ одно сложное. Работа не маленькая. Притомъ педагогъ долженъ еще помнить, что необходимо сложное представленіе для отчетливости воспроизвести нѣсколько разъ, потому что форма минерала, его цвѣтъ, плотность и прочія свойства не имѣютъ между собою никакого логическаго соотношенія, не связываютъ, не поддерживаютъ другъ друга, а потому сложное представленіе легко можетъ разложиться на простыя, т. е. уничтожиться.

§ 62. При образованіи сложнаго представленія педагогъ можетъ идти двумя путями: путемъ синтеза ощущеній и элементарныхъ представленій, на который сейчасъ указано, и

путемъ синтеза только элементарныхъ представленій. Послѣдній пріемъ есть пріемъ воображенія и онъ далеко не имѣетъ одинаковаго достоинства по сравненію съ первымъ пріемомъ, хотя онъ значительно ускоряетъ работу. Положимъ, требуется образовать представленіе о слонѣ. Это можно сдѣлать двоякимъ путемъ: путемъ сочетанія ощущеній и элементарныхъ представленій и путемъ синтеза только представленій. Въ первомъ случаѣ мы сами наблюдаемъ слона: разсматриваемъ его фигуру, измѣряемъ величину, присматриваемся къ движеніямъ, замѣчаемъ, что онъ ѣстъ и сколько, на сколько понятливъ и т. д. Всѣ полученныя ощущенія и представленія синтезируемъ и такимъ образомъ строимъ сложное представленіе о слонѣ. Той же цѣли мы можемъ достигнуть и другимъ, кратчайшимъ, путемъ: мы имѣемъ уже элементарныя представленія о цвѣтахъ, звукахъ, вкусахъ и т. д., поэтому мы, вмѣсто дѣйствительнаго наблюденія слона, только прочитаемъ или прослушаемъ разсказъ о слонѣ, его образѣ жизни, его умѣ, его фигурѣ, величинѣ и т. д. и затѣмъ всѣ эти элементы сочетаемъ въ одно цѣлое и такимъ путемъ образуемъ сложное представленіе о слонѣ. Для облегченія этой работы мы можемъ розыскать гдѣ нибудь картинку слона и разсмотрѣніемъ картинки выяснить и оживить свое теоретическое представленіе о слонѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ получится представленіе о слонѣ, только эти представленія, сообразно съ процессомъ своего возникновенія, будутъ имѣть не одинаковую цѣнность для нашего психическаго развитія. Второе представленіе будетъ сравнительно блѣдно, неопредѣленно, какъ построенное изъ давно созданныхъ, старыхъ элементовъ. Какъ бы мы ни напрягали свое воображеніе, мы никогда не въ состояніи образовать такое яркое, живое и опредѣленное сложное представленіе изъ старыхъ элементовъ, какое мы можемъ образовать изъ новыхъ, сейчасъ синтезируя ощущенія въ элементарныя представленія. Теперь предположимъ, что такихъ сложныхъ представленій, созданныхъ путемъ воображенія, очень много въ сознаніи какой либо личности, а представленій, возникшихъ путемъ сочетанія ощущеній, очень мало; какова будетъ психическая жизнь такого лица? Можно прямо утверждать, что такой человѣкъ будетъ умственный калѣка, что все зданіе его

умственнаго развитія будетъ построено на пескѣ. Повсюду у него будетъ проглядывать недостатокъ опредѣлительности и рѣшительности въ сужденіяхъ, его мысль будетъ нѣсколько туманна, расплывчата и онъ будетъ не въ состояніи создавать отчетливыя, ясныя идеи. А такой недостатокъ въ процессѣ образованія представленій встрѣчается нерѣдко. Съ теченіемъ времени книга получаетъ все большее и большее значеніе въ нашей умственной жизни: съ понятіемъ о школѣ у насъ очень твердо ассоціировалось представленіе о книгѣ, какъ главнѣйшемъ и существеннѣйшемъ орудіи школьнаго воспитанія; выраженія: отправить въ школу и посадить за книжку— сдѣлались почти синонимическими. Школьное обученіе есть книжное обученіе, учиться въ школѣ значитъ изучать различныя книжки. Въ дошкольный періодъ книга также имѣетъ весьма широкое примѣненіе, литература для маленькихъ дѣтей все увеличивается и постепенно захватываетъ все меньшіе и меньшіе возрасты. А книжныя представленія относятся ко второму изъ очерченныхъ выше типовъ представленій, а не первому.

Въ виду такого положенія дѣлъ, обязанность педагога по отношенію къ развитію сложныхъ представленій—образованіе ихъ путемъ синтеза ощущеній и элементарныхъ представленій, а не усилій воображенія. Поэтому каждый педагогъ долженъ быть ревностнымъ послѣдователемъ принципа нагляднаго обученія во всей его широтѣ и полнотѣ, понимаемаго не въ видѣ признанія полезности при обученіи картинокъ, моделей и т. п. суррогатовъ, а въ видѣ признанія необходимости наблюденія живой дѣйствительности. Картинки, модели и т. д. суть полунаглядность, а не полная наглядность. Собственно педагогу, для полной раціональности его занятій, слѣдовало бы точно опредѣлить: какія именно представленія по извѣстному предмету необходимо образовать путемъ синтеза ощущеній и какія путемъ усилій воображенія. И въ послѣднемъ случаѣ для образованія какихъ представленій необходимы, въ виду ихъ сложности и трудности, наглядныя пособія въ видѣ картинъ, моделей и т. п. и какія могутъ быть созданы прямо путемъ воображенія. Безъ разрѣшенія этой задачи педагогъ можетъ надѣлать много важныхъ, непоправимыхъ промаховъ

на первыхъ порахъ умственнаго развитія воспитываемой личности, въ дѣлѣ образованія отдѣльныхъ представленій; какъ же ему вести дальше это дѣло—образованіе ассоціацій представленій, идей и ассоціацій идей, какъ ему строить громадное высокое зданіе, когда не твердъ фундаментъ?

Въ сложныхъ представленіяхъ, именно въ конкретныхъ, обыкновенно нѣкоторыя черты выдвигаются на первый планъ, становятся центромъ, прочія же являются второстепенными, дополнительными. Вслѣдствіе этого конкретное представленіе имѣетъ нѣкоторое естественное стремленіе къ превращенію изъ разнороднаго въ однородное. Такое превращеніе влечетъ потерю представленіемъ полноты и живости, влечетъ значительную односторонность нашихъ представленій, пріурочивая ихъ по большей части къ классу зрительныхъ. Чтобы предохранить представленіе отъ подобной односторонности, важно, при воспроизведеніи представленія, обращать вниманіе на всѣ его черты, а не на нѣкоторыя только. Съ этой точки зрѣнія весьма полезно классифицировать предметы на различныхъ основаніяхъ, напр. по осязательнымъ свойствамъ, по слуховымъ, по цвѣту, по фигурѣ, по величинѣ, по пользѣ, приносимой человѣку и т. д. При такихъ классификаціяхъ предметы, первые въ одной классификаціи, должны сдѣлаться послѣдними въ другой, въ третьей занять среднее мѣсто и т. д. Такимъ образомъ всѣ свойства предметовъ постепенно будутъ выдвинуты на первый планъ, къ нимъ будетъ привлечено вниманіе и они усвоятся съ надлежащею точностью.

Высшая педагогическая цѣль при образованіи отдѣльныхъ представленій – созданіе представленій живыхъ, отчетливыхъ. Для достиженія этой цѣли полезно время отъ времени: а) заставлять воспитываемую личность воспроизводить представленія съ возможною степенью ясности и давать подробное словесное описаніе этихъ представленій; б) дѣлать чертежъ соотвѣтствующаго предмета на бумагѣ, нанося на рисунокъ по возможности всѣ, болѣе или менѣе, характерныя черты его.

Глава VI.

Объ ассоціаціяхъ представленій.

---

§ 63. Образовались отдѣльныя представленія, элементарныя и сложныя. Что же дѣлается съ ними дальше? Отдѣльныя представленія входятъ между собою въ связи, въ отношенія, не остаются существовать особняками; они образуютъ ряды, группы, являются такъ или иначе объединенными. Начала, связывающія отдѣльныя образованныя представленія между собою, тѣ же самыя, которыми представленія и образовались, именно сліяніе, сочетаніе и соединеніе того и другаго: сходныя представленія группируются отдѣльно, другъ друга вызываютъ въ сознаніи, образуютъ свой рядъ явленій; различныя представленія, слѣдовавшія непосредственно другъ за другомъ въ сознаніи соприкасавшіяся или смежныя, также образуютъ свою группу, свой рядъ; сходство и смежность могутъ сочетаться между собою при образованіи связей между представленіями и создать сложныя отношенія явленій. Сочетаясь между собою, отдѣльныя представленія, какъ факты уже болѣе или менѣе сложные и своеобразные, въ значительной степени сохраняютъ свою отдѣльность и независимость, исключая очень сходныхъ по содержанію, которыя иногда сливаются; крѣпость связи между ассоціирующимися представленіями бываетъ различна. Итакъ ассоціаціи представленій бываютъ трехъ родовъ: по сходству, по смежности и вмѣстѣ по сходству и смежности (сложныя).

Ассоціаціи представленій по сходству могутъ быть весьма разнообразны: ассоціируются образы очень сходные, которыхъ одна какая нибудь маленькая различная черточка не допускаетъ до сліянія; ассоціируются образы на половину сходные и на половину различные; ассоціируются образы съ преобладаніемъ различій надъ сходствами; въ этихъ различныхъ формахъ ассо-

ціируются и представленія предметовъ и представленія словъ. Такимъ образомъ получаются самыя разнообразныя сочетанія по сходству: за́мокъ—замо̀къ, соборъ—заборъ, нагрѣлся—наѣлся, унылой—милой, скрылся—свѣтился; Петръ апостолъ, Петръ аміенскій, Петръ Великій; блескъ, драгоцѣнный камень, свѣтъ, просвѣщеніе, ученье—свѣтъ, а неученье—тьма и т. д.; мысль растянута, война возгорѣлась, сбить съ него спѣсь, министерство пало, глубокій умъ, ходъ представленій и т. п.

Сцѣпленіе представленій по сходству совершается не вслѣдствіе сознательнаго и разумнаго сопоставленія представленій, а безсознательно, органически: наблюдая зарожденіе какой либо сходной ассоціаціи, мы не можемъ прослѣдить того момента, когда сопоставлялись два сходныя въ чемъ либо представленія, почему они сопоставлялись и какъ; мы встрѣчаемъ ихъ уже сопоставленными. Изслѣдуя отношеніе сопоставленныхъ представленій, мы только или подтверждаемъ сдѣланное органически, безсознательно сопоставленіе, или же находимъ его неправильнымъ, вслѣдствіе преобладанія различій надъ сходствами. Бываетъ иногда даже, что по поводу какого либо представленія мы говоримъ, что нѣчто подобное мы слыхали или видали, но что именно—въ данный моментъ припомнить не можемъ. Слѣдовательно здѣсь мы имѣемъ одну чисто органическую ассоціацію сходства безъ всякаго разсужденія и сопоставленія, потому что на лицо только одно представленіе, другаго мы припомнить не можемъ, а потому не можемъ и сопоставить его съ первымъ. Самое же признаніе сходства между сходными представленіями объясняется возбужденіемъ однихъ и тѣхъ же нервныхъ элементовъ. Нѣкогда были возбуждены такіе-то нервные элементы и такъ-то; теперь они снова возбуждаются подобнымъ же образомъ. Получается такимъ образомъ сознаніе подобія возбужденія въ обоихъ случаяхъ, хотя одинъ изъ подобныхъ случаевъ и могъ позабыться въ своихъ частныхъ чертахъ.

Наблюдая дѣтей, мы замѣчаемъ въ ихъ сходныхъ ассоціаціяхъ такой же безсознательный, органическій характеръ. Извѣстно, что дѣти нерѣдко очень удачно острятъ, т. е. какъ будто бы обнаруживаютъ значительную силу умственныхъ способностей; но сказавъ хорошую остроту, дѣти вслѣдъ за

тѣмъ нерѣдко говорятъ великую глупость, т. е. обнаруживаютъ какъ будто бы слабость умственныхъ способностей. На самомъ дѣлѣ въ подобныхъ слухаяхъ нельзя видѣть ни силы, ни слабости умственныхъ способностей, а здѣсь есть простыя органическія сходныя ассоціаціи, которыя въ однихъ случаяхъ бываютъ удачны (остроты), а въ другихъ неудачны (глупости). Припомнимъ, что и между взрослыми остряки не всегда бываютъ умные люди. Остроты дѣтей, очень часто и взрослыхъ, не суть плодъ сознательнаго, разсудочнаго сопоставленія и сравненія представленій, а суть результатъ невольнаго соединенія ихъ подъ вліяніемъ поразившаго сходства, «безсознательной церебраціи», говоря выраженіемъ Карпентера. И ребенокъ и взрослый, невольно пораженый какой либо сходной чертой представленіе, увлекаются иногда потокомъ сходства, сочетаютъ представленія, а между тѣмъ въ нихъ, по изслѣдованіи, оказывается гораздо больше различія, чѣмъ сходства, сходство ничтожно. Безсознательный, органическій характеръ многихъ остроумныхъ сопоставленій тѣмъ и обнаруживается, что сопоставленія бываютъ иногда слишкомъ уже смѣлы, рискованы, что разница между сопоставляемыми представленіями совсѣмъ пренебрегается, вслѣдствіе чего сопоставленіе нерѣдко и бываетъ въ высшей степени искуственнымъ, «притянутымъ за волоса», такъ что самъ авторъ остается имъ очень недоволенъ и сожалѣетъ, что оно имъ сдѣлано и высказано.

§ 64. Ассоціаціи смежности обыкновенно разлагаются на два вида: сосуществованія и послѣдовательности. Представленія являются въ сознаніи или одновременно, сосуществуютъ, или въ непрерывной послѣдовательности. Образы свойствъ и частей предмета составляютъ ассоціацію сосуществованія, образы движеній, развитія — ассоціацію послѣдовательную. Но въ строгомъ смыслѣ слова существуетъ одна ассоціація смежности — послѣдовательная. Сосуществованіе есть пространственность, свойство явленій внѣшняго міра, къ духу же пространственность не приложима. Конечно, нервные элементы, съ дѣятельностію которыхъ связана психическая жизнь, занимаютъ опредѣленное мѣсто; но мы не приписываемъ свойства протяженія самымъ психическимъ реакціямъ, они обусловливаются, согласно мнѣнію Канта, только формой

времени. Можемъ ли мы сознавать одновременно нѣсколько представленій—объ этомъ и до сихъ поръ идутъ споры въ психологіи. Можно допустить безъ какихъ либо противорѣчій, что темныя, неясныя сознаванія нѣсколькихъ одновременныхъ психическихъ состояній, даже многихъ, вполнѣ возможны; но вниманіе, т. е. ясное, отчетливое сознаніе, можетъ имѣть своимъ предметомъ только что либо одно. Быть внимательнымъ одновременно къ двумъ явленіямъ одному человѣку невозможно. Такимъ образомъ психическія явленія мы должны представлять себѣ въ формѣ послѣдовательнаго ряда актовъ сознаванія, актовъ или непрерывно слѣдующихъ одинъ за другимъ или же перемежаемыхъ безсознательными состояніями. Темное сознаніе можетъ принадлежать одновременно нѣсколькимъ душевнымъ явленіямъ, ясное только одному. Слѣдовательно настоящая форма душевной жизни есть строго послѣдовательный рядъ и истинная, дѣйствительная ассоціація смежности есть послѣдовательность. Нѣкоторыя же представленія намъ кажутся одновременными вслѣдствіе быстрой смѣны психическихъ состояній и субъективной формы пространства, въ которой мы размѣщаемъ явленія внѣшняго міра и съ котораго нѣкоторыя свойства мы переносимъ на самихъ себя.

Силой послѣдовательности связываются такія представленія, которыя непосредственно смѣняли въ сознаніи одно другое, какъ бы соприкасались; когда одно исчезало, другое въ это время уже возникало. Психическая жизнь есть длинный послѣдовательный рядъ явленій и въ ней имѣютъ значеніе не только самыя явленія, матеріалъ, но и форма, т. е. самая смѣна явленій, ихъ отношеніе. Въ частности въ послѣдовательной ассоціаціи содержаніе представленій совершенно безразлично: если смѣняли другъ друга въ сознаніи сродныя по содержанію представленія, то въ послѣдовательной ассоціаціи будетъ логическая правильность; если же въ непосредственномъ преемствѣ слѣдовали совершенно разнородныя представленія, то и они ассоціируются между собою, взаимное соприкосновеніе въ одномъ актѣ сознанія объединитъ ихъ. Отсюда возникаетъ возможность нелѣпѣйшихъ послѣдовательныхъ ассоціацій, которыя дѣйствительно нерѣдко и встрѣчаются въ человѣческомъ умѣ. Школьникъ однимъ и тѣмъ же

процессомъ связываетъ въ одно цѣлое и геніальное изрѣченіе мудреца и глупѣйшую школьную прибаутку.

§ 65. Начала сходства и преемства обыкновенно соединяются между собою при ассоціаціяхъ представленій, такъ что ассоціаціи суть сплетенія, сѣти, сотканныя изъ сходства и преемства. Наша мысль очень рѣдко движется въ какомъ либо одномъ прямомъ направленіи: чистаго сходства или чистаго преемства, она постоянно перебѣгаетъ съ одного пути на другой, отъ преемства къ сходству и обратно. Какъ напримѣръ такихъ сложныхъ ассоціацій можно указать на ассоціаціи по контрасту. Въ нихъ легко различить и принципъ преемства съ принципомъ сходства и нѣкоторые другіе элементы, какъ то вліяніе чувства на мысль и стремленіе къ логическому развитію мысли. Ассоціаціи по контрасту встрѣчаются у насъ очень часто, напр. бѣдный и богатый, добрый и злой, правый и лѣвый и т. д. На первый разъ кажется, что, воспроизводя такія представленія, какъ добро и зло, свѣтъ и тьма и т. п., мы руководимся принципомъ противоположности и что въ этомъ случаѣ никакого другаго принципа нѣтъ. Но всматриваясь въ нихъ ближе, мы легко замѣтимъ, что главная руководящая въ нихъ нить не контрастъ, а сходство. Эти видно изъ того, что по закону контраста мы воспроизводимъ только такія представленія, которыя относятся къ одному и тому же классу вещей, которыя представляютъ различныя состоянія одной и той же способности, одного и того же качества, которыя существенно сходны между собою. Но никогда по контрасту мы не воспроизводимъ, и не можемъ воспроизводить, представленій, относящихся къ двумъ различнымъ классамъ вещей, между которыми сходства нѣтъ. Напр. вслѣдъ за представленіемъ о богатствѣ мы воспроизводимъ представленіе о бѣдности, а не о тишинѣ. Но легко замѣтить, что богатство и бѣдность относятся къ одному и тому же классу, и то и другое выражаетъ собою матеріальную состоятельность вообще. Человѣкъ, съ точки зрѣнія своего имущества, можетъ быть разсматриваемъ какъ человѣкъ богатый и какъ человѣкъ бѣдный, а затѣмъ могутъ быть и другія среднія степени. Когда мы, вслѣдъ за представленіемъ о богатствѣ, воспроизводимъ пред-

ставленіе о бѣдности, то мы идемъ вдоль развитія одного явленія, по его различнымъ ступенямъ и формамъ, а не перескакиваемъ отъ предмета одного класса къ предмету другаго класса.

Законъ преемства также имѣетъ значеніе въ ассоціаціяхъ по контрасту. Непосредственно другъ послѣ друга мы видимъ много контрастовъ, напр. верхъ и низъ, свѣтлое и темное, большое и малое, песчаную мѣстность и покрытую травой, гористый берегъ и низкій берегъ, лачугу и дворецъ и т. д. Навыкнувъ видѣть эти контрасты другъ послѣ друга, мы и воспроизводимъ ихъ силой преемства. Кромѣ того у насъ есть много контрастовъ искуственныхъ, словесныхъ, выдуманныхъ нарочно, по образцу контрастовъ естественныхъ, напр. четъ и нечетъ, бытіе и небытіе, форма и матерія и т. п. Контрасты, какъ искуственные, такъ и естественные, мы въ большомъ количествѣ вычитываемъ изъ книгъ.

Что же заставляетъ нашу мысль, при контрастѣ, переходить отъ одной крайней точки развитія предмета къ другой, крайней же, отъ одного контраста къ другому, если этотъ контрастъ не усвоенъ преемствомъ? Причина такого движенія нашей мысли отчасти заключается въ самомъ сходствѣ контрастовъ, какъ принадлежащихъ къ одному классу явленій, а отчасти еще въ сходствѣ тѣхъ волненій, которыя возбуждаютъ въ насъ двѣ крайнія точки развитія одного и того же явленія. Человѣкъ очень малаго роста и человѣкъ очень большаго роста равно вызываютъ волненія удивленія; точно также умъ замѣчательно обширный и тонкій и феноменальная глупость, красота и безобразіе и т. д. При видѣ одной изъ этихъ крайнихъ точекъ развитія явленія, наша мысль сходствомъ волненія переводится къ другой, такъ что здѣсь ассоціація бываетъ не прямая—отъ представленія къ представленію, а косвенная или обходная—отъ представленія къ связанному съ нимъ по преемству чувству, отъ чувства къ другому чувству по сходству и отъ этого втораго чувства къ другому представленію опять по преемству. Отчасти же переходъ отъ контраста къ контрасту совершается подъ вліяніемъ того непріятнаго чувства, которое нерѣдко возбуждаетъ одна изъ крайнихъ точекъ развитія явленія и желанія устранить это не-

пріятное чувство, вслѣдствіе чего мысль наша и переходитъ къ другому противоположному представленію, имѣющему противоположное дѣйствіе на сердце. Представленія о ранахъ, страданіяхъ, болѣзняхъ, вообще о недостаткахъ, лишеніяхъ, отсутствіи хорошаго и пріятнаго, угнетаютъ насъ; мы естественно стремимся освободиться отъ угнетающаго чувства и вслѣдствіе этой органической потребности въ наслажденіи наша мысль механически отталкивается къ противоположному концу—къ представленіямъ о цвѣтущемъ состояніи здоровья, о тѣлесной силѣ и крѣпости; страдая отъ голода, мы мечтаемъ о вкусныхъ явствахъ и такимъ образомъ дѣйствительныя страданія стараемся заглушить идеальными удовольствіями. Можно сослаться еще, для объясненія этого явленія, на логическую складку нашего ума. Думая о какомъ либо предметѣ, мы, подъ давленіемъ логическихъ законовъ, пробѣгаемъ умственно всю лѣстницу развитія, представляемую даннымъ явленіемъ. На двухъ концахъ лѣстницы мы встрѣчаемъ противоположные факты—обильное присутствіе качества и полное отсутствіе его. Эти факты, какъ болѣе рѣзкіе, запечатлѣваются въ нашемъ сознаніи, а всѣ промежуточныя ступени, какъ не имѣющія рельефности, пропускаются и такимъ образомъ одинъ конечный пунктъ развитія явленія непосредственно ассоціируется съ другимъ конечнымъ, противоположнымъ пунктомъ. Эту логическую складку нашего ума особенно нужно имѣть въ виду для объясненія движенія нашей мысли по контрасту въ тѣхъ случаяхъ, когда исходнымъ пунктомъ служитъ для насъ представленіе объ обиліи свойства, а конечнымъ—представленіе о недостаточности его, о лишеніяхъ и т. п.

§ 66. Тѣсная связь принциповъ сходства и преемства въ ассоціаціяхъ представленій объясняетъ намъ фактъ непрерывнаго колебанія и измѣненія нашихъ ассоціацій. Наши ассоціаціи не имѣютъ устойчивой формы, въ нихъ постоянно совершается круговращеніе: представленія, связанныя преемствомъ, становятся съ теченіемъ времени сходными и бывшія сочетанія по сходству превращаются въ чисто послѣдовательныя. Такихъ фактовъ очень много, приведемъ нѣсколько. Каждое остроумное изрѣченіе, какъ и каждое удачное сравненіе, предполагаетъ операцію по сходству. А между тѣмъ мы,

говоря ходячія остроты, пользуясь извѣстными сравненіями, часто не имѣемъ въ умѣ никакихъ сходныхъ ассоціацій. Когда мы произносимъ, напр., выраженіе «борьба стихій», то мы при этомъ никакой борьбы себѣ не представляемъ, а просто говоримъ заученную и часто повторяемую фразу. Для насъ она ничто иное, какъ ассоціація по смежности, а между тѣмъ для лицъ, которыя придумали это остроумное сближеніе, она была сходной ассоціаціей. Для созданія такой метафоры требовалась длинная и довольно сложная работа: нужно было наблюдать борьбу между людьми и борьбу между стихіями, эти двѣ различныя борьбы привести въ соотношеніе между собою, до нѣкоторой степени отожествить ихъ. Чтобы совершить такую работу, нужно было имѣть много знаній о борьбѣ между людьми и о борьбѣ силъ во внѣшней природѣ и значительную отожествляющую способность; это сравненіе имѣетъ въ своей основѣ трудный и сложный процессъ. А между тѣмъ оно даже не вызываетъ у насъ никакихъ представленій, мы просто повторяемъ эту фразу по памяти. Если при ребенкѣ повторяется остроумное выраженіе, то и онъ начинаетъ употреблять его. Это остроумное изрѣченіе, стоившее работы взрослому, въ устахъ ребенка является, конечно, нисколько не остроумнымъ, потому что изъ сходной ассоціаціи у него оно превратилось въ смежную, изъ интеллектуальной въ механическую; хотя оно и употребляется, но уже потеряло свою внутреннюю свѣжесть и силу, свой букетъ, перестало жить. Чтобы оно снова ожило, отъ ребенка оно должно опять перейти къ взрослому.

Значительную массу этихъ метафоръ, этихъ остроумныхъ сближеній, которыя требовали довольно трудныхъ операцій по закону сходства и которыя потомъ, вслѣдствіе повторенія, превратились въ смежныя ассоціаціи,—представляетъ человѣческая рѣчь. Если бы мы стали разбирать слова нашего языка, то замѣтили бы, что каждое слово представляетъ остроумное сближеніе предметовъ. Дѣло въ томъ, что слова выражаютъ главнымъ образомъ физическія дѣятельности. Языкъ былъ созданъ въ то время, когда мышленіе было развито очень мало, когда оно вращалось въ кругу нагляднаго, чувственнаго. Но затѣмъ, съ развитіемъ цивилизаціи и науки,

у человѣка явилось очень много представленій о психическихъ дѣятельностяхъ, а языкъ остался тотъ же. Вслѣдствіе этого возникла необходимость терминами, первоначально прилагавшимися къ матеріальнымъ явленіямъ, обозначить явленія совсѣмъ другаго характера. Поэтому первые творцы языка должны были въ значительной степени изощрять свое остроуміе, чтобы языкомъ, годнымъ для обозначенія физической дѣятельности, выражать также и всѣ психическія состоянія. Этотъ языкъ мы и унаслѣдовали, но мы уже не представляемъ себѣ, что почти каждое наше слово выражаетъ болѣе или менѣе остроумное сближеніе предметовъ. Мы просто усвоили извѣстную преемственную ассоціацію между словами и представленіями. Возьмемъ самыя простыя выраженія, которыя часто употребляемъ: блестящая мысль, блестящее краснорѣчіе; но даръ краснорѣчія—дѣятельность психофизическая. Можетъ ли, собственно говоря, къ этой психофизической дѣятельности имѣть примѣненіе терминъ «блестящій»? Блестящій можно сказать прежде всего объ огнѣ, потомъ о предметѣ, сильно отражающемъ лучи свѣта, но можно ли его примѣнить къ краснорѣчію или мысли? А между тѣмъ мы употребляемъ это выраженіе, нисколько не подозрѣвая, что пользуемся въ этомъ случаѣ весьма смѣлою метафорой, требовавшей не мало труда для своего созданія; для насъ это просто ассоціація по смежности. Мы говоримъ: такой то впалъ въ безпамятство; къ нему вернулось сознаніе. Но впадать и возвращаться—термины чисто физическаго характера и къ состояніямъ сознанія могутъ примѣняться только метафорически. Такимъ образомъ, если разобрать слова обыкновеннаго языка, легко замѣтить, что онъ наполненъ массою смѣлыхъ, иногда очень удачныхъ, а иногда и неудачныхъ, метафоръ. Мы догадываемся о нихъ только тогда, когда обратимся къ филологіи, иначе же мы ихъ и не подозрѣваемъ.

Въ свою очередь и послѣдовательныя ассоціаціи измѣняются и становятся сходными. Такое превращеніе испытываютъ наши ассоціаціи, когда мы переходимъ отъ одного возраста къ другому, и когда то, что для насъ въ дѣтствѣ было непонятно, мы постепенно освящаемъ какою нибудь мыслью. Извѣстно, что для ребенка есть много непо-

нятнаго въ отношеніяхъ напр. лицъ, его окружающихъ. Его умственный кругозоръ настолько малъ, что онъ не можетъ схватить той идеи, которая выражется въ отношеніяхъ отца, матери и другихъ членовъ семьи. А между тѣмъ отца и мать онъ видитъ каждый день, отдѣльные факты у него на глазахъ. Понятно, что они запечетлѣваются въ его памяти, которая удерживаетъ эти факты, какъ смежные, многіе годы. Позднѣе ребенокъ дѣлается взрослымъ, начинаетъ размышлять и тогда у него возникаетъ мысль, которая освѣщаетъ всѣ разрозненные факты, онъ понимаетъ, что во всѣхъ этихъ фактахъ выражается такое то соотношеніе, такой-то принципъ. То, что до сихъ поръ для него было чисто смежной ассоціаціей, разомъ превращается въ сходную. Тоже случается при изученіи каждой науки. Тѣ факты, которые изучаетъ каждая наука, въ нѣкоторой степени доступны всякому. Положимъ, мы ничего не знаемъ изъ науки астрономіи, но звѣзды мы видимъ, мы можемъ ихъ наблюдать и имѣемъ обыкновенно о нихъ довольно много элементарныхъ фактическихъ знаній; начиная изучать науку астрономію, мы знакомимся съ законами, управляющими извѣстными намъ фактами. Разрозненные, неосмысленные факты освѣщаются тогда для насъ новымъ свѣтомъ, объединяются идеей, принципомъ. Какъ скоро это сдѣлано, факты изъ смежныхъ становятся сходными, мы будемъ воспроизводить ихъ не потому, что они встрѣчаются одинъ за другимъ, а потому, что между ними находится связь, сходство, что ими управляетъ одинъ общій принципъ. Процессъ обученія, съ значительною долею справедливости, можетъ быть названъ процессомъ превращенія смежныхъ ассоціацій въ сходныя. Наука вообще и философія въ частности имѣютъ въ виду тотъ же самый процессъ. Итакъ въ своихъ ассоціаціяхъ мы замѣчаемъ постоянный круговоротъ: ассоціаціи смежныя превращаются съ теченіемъ времени въ ассоціаціи сходныя и наоборотъ ассоціаціи сходныя превращаются въ ассоціаціи смежныя.

§ 67. Сила связи между душевными явленіями, по законамъ ассоціаціи, бываетъ разная: иногда душевныя явленія ассоціируются между собою такъ слабо, что сейчасъ же, по сочетаніи, разрываются и снова начинаютъ вести самостоя-

тельное, отдѣльное существованіе. Газетный листъ, пробѣгаемый нами ежедневно, даетъ намъ громадную послѣдовательную ассоціацію, которая сейчасъ же, по прочтеніи, и распадается на составляющія ее звѣнья; на прогулкѣ по большой улицѣ большаго города мы встрѣчаемъ много людей, идущихъ другъ за другомъ. Но и порядокъ слѣдованія людей и даже самыя личности, какъ ассоціированныя очень слабо, сейчасъ же забываются. Иногда душевные факты, ассоціируясь, образуютъ сочетаніе на столько прочное, что оно удерживается долго и разрушается съ трудомъ: отрывокъ, заученный твердо въ дѣтствѣ, не рѣдко сохраняется въ памяти всю жизнь; событіе, поразившее насъ, также воспроизводится долгое время очень отчетливо. Иногда же душевныя явленія законами ассоціаціи сочетаются неразрывно. Неразрывныя ассоціаціи мы можемъ находить и у цѣлыхъ племенъ и у отдѣльныхъ личностей. Представленія различныхъ народовъ о божествѣ, мірѣ, загробной жизни, происхожденіи людей и т. д. въ нѣкоторыя эпохи ихъ развитія являются недоступными для измѣненій. Вообразить себѣ міръ или Бога инымъ, чѣмъ каковы они по принятому обычаю, кажется дѣломъ невозможнымъ, привычная форма представленія сковала, поработила мысль и выбиться изъ нея пока нельзя, не смотря на всѣ усилія. Въ этомъ отношеніи всѣ народы на извѣстной ступени развитія похожи на того сантала, о которомъ разсказываетъ Гёнтеръ, что онъ, выслушавъ разсказъ миссіонера о всемогуществѣ Божіемъ, воскликнулъ: «а что если этотъ сильный съѣстъ меня?» [1]) И вообще когда заявляется людямъ какая либо новая мысль, идущая въ разрѣзъ съ укоренившимися въ нихъ представленіями, она обыкновенно отвергается, какъ явно невозможная и нелѣпая и здравость умственныхъ способностей новатора подвергается сомнѣнію. Въ свое время люди никакъ не могли представить землю шарообразной, разорвать ту ассоціацію представленій о внѣшнемъ видѣ земли, которая укоренилась вѣками. Довольно извѣстный въ свое время писатель Лактанцій говоритъ слѣдующее объ этомъ новомъ ученіи—шарообразности земли: «возможно ли, чтобы люди могли быть такъ

---

[1]) Спенсеръ, Соціологія, 1, 439.

безумны и повѣрили, что жатва и деревья на другой сторонѣ земли висятъ внизъ и что у людей ноги выше головъ? Если вы у нихъ спросите, какъ они защищаютъ эти чудовищныя нелѣпости, какъ вещи не упадутъ на той сторонѣ земли, они отвѣчаютъ, что природа вещей такова, что тяжелыя тѣла стремятся къ центру, какъ спицы колеса, а легкія, какъ напр. облака, дымъ, огонь, стремятся отъ центра во всѣ стороны къ небесамъ! Я, право, не нахожусь что сказать о тѣхъ, которые, впавъ однажды въ ошибку, упорствуютъ въ своемъ заблужденіи и одно нелѣпое мнѣніе защищаютъ другимъ». [1]) Многіе великіе планы и проэкты, а позднѣе открытія и изобрѣтенія, встрѣтили на первыхъ порахъ такой пріемъ. Надъ Колумбомъ смѣялась коллегія современныхъ ученыхъ и называла его за его планы безумцемъ; въ паровыя машины многіе также на первыхъ порахъ не вѣрили, считая ихъ невозможными. Многое, казавшееся въ дѣтствѣ совершенно неразрывнымъ, позднѣе разрывается, хотя и съ трудомъ. Наши обычныя представленія предметовъ образуютъ такія твердыя ассоціаціи, что онѣ разрываются не легко: представить огонь не свѣтлымъ и не жгущимъ мы можемъ съ трудомъ, воду не мокрою едвали въ состояніи, равно какъ и наблюдаемый предметъ не имѣющимъ противоположной стороны; слыша названія предметовъ, мы не можемъ не воспроизводить въ умѣ ихъ общихъ очерковъ и т. д.

Въ разсматриваемомъ отношеніи особенно интересно наблюдать людей, достигшихъ весьма преклоннаго возраста. Извѣстно, что самодѣятельность въ старые годы значительно понижается. Человѣкъ подъ старость живетъ тѣмъ, чѣмъ онъ жилъ прежде; новыхъ пріобрѣтеній въ психическомъ отношеніи онъ дѣлаетъ очень мало. Поэтому мы нерѣдко встрѣчаемъ такихъ субъектовъ, которые рѣшительно не въ состояніи измѣнить свои привычки, свои воззрѣнія, которые постоянно повторяютъ одно и тоже, какіе бы доводы имъ не представляли. Можно бываетъ наблюдать, какъ человѣкъ мало по малу изъ существа дѣйствительно самостоятельнаго, способнаго до нѣкоторой степени измѣнять себя, становится какой то машиной, которая дѣйствуетъ рѣшительно однообразно

[1]) Дрэперъ, Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой, 59.

и ни къ какимъ перемѣнамъ неспособна. Отучить стараго человѣка отъ какой нибудь привычки или заставить его усвоить новую—дѣло часто непреодолимой трудности. На старыхъ людяхъ оправдывается англійское выраженіе, что «человѣкъ есть связка привычекъ» (man is a bundle of habits). А привычка есть только твердая ассоціація.

Условій образованія неразрывныхъ ассоціацій существуетъ два: частое и долгое повтореніе ассоціаціи въ неизмѣнномъ порядкѣ и отсутствіе фактовъ, опровергающихъ ассоціацію, отсутствіе контръ-ассоціаціи. Ассоціація будетъ рѣшительно, вполнѣ неразрывной только при наличности обоихъ указанныхъ условій; при существованіи же одного перваго условія она будетъ только относительно неразрывной, для извѣстнаго времени, извѣстнаго племени, извѣстной личности. Создавая мало по малу контръ-ассоціацію, удерживая, по возможности отчетливо, въ сознаніи факты, противорѣчащіе установившейся ассоціаціи, мы мало по малу ослабимъ ее и наконецъ совсѣмъ разорвемъ. Напр., отъ самого сотворенія міра день слѣдовалъ за ночью, а ночь за днемъ и въ такомъ порядкѣ люди постоянно воспринимали смѣну этихъ явленій; точно также отъ самого сотворенія міра люди наблюдаютъ, что камень, брошенный въ воду, тонетъ, т. е. падаетъ на дно. А между тѣмъ неразрывной ассоціаціи не возникло ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, мы можемъ представить день безъ ночи, ночь безъ дня, можемъ вообразить камень не тонущимъ въ водѣ, а плавающимъ на ея поверхности. Причина отсутствія неразрывной ассоціаціи заключается въ возможности образованія контръ-ассоціаціи, мало по малу расшатывающей и расторгающей неизмѣнную послѣдовательность явленій. Мы знаемъ, что день слѣдуетъ за ночью и ночь за днемъ вслѣдствіе восхода и заката солнца. Представляя, что солнце никогда не зайдетъ или никогда не взойдетъ, что мы легко можемъ сдѣлать, припоминая факты чрезвычайно долгихъ дней и ночей у полюсовъ, мы и получаемъ возможность расторженія ассоціаціи о смѣнѣ дня и ночи. Брошенный въ воду камень мы легко можемъ представить плавающимъ на ея поверхности, потому что мы часто наблюдаемъ, какъ камень при поддержкѣ, напр. на деревѣ, плаваетъ по водѣ.

Приведемъ еще одинъ примѣръ. Когда солнце заходитъ, то наблюдателю кажется, что оно движется, а земля остается неподвижной. Закатъ солнца при неподвижности земли—это была ассоціація неразрывная для всѣхъ людей до временъ Коперника. Потомъ люди узнали, что при закатѣ солнца само солнце остается неподвижнымъ, а движется земля. Но и по настоящее время громадное большинство людей, совершенно убѣжденныхъ въ справедливости изложенной сейчасъ астрономической истины, наблюдая закатъ солнца, не можетъ видѣть его иначе, какъ въ формѣ старой ассоціаціи — опусканія солнца за землю. Оно видитъ то, о чемъ разсудокъ говоритъ, какъ о не существующемъ. Старая ассоціація не рвется, не смотря на всѣ доводы разсудка. Но нѣкоторымъ умамъ удалось поколебать старую ассоціацію, создавая усиліями разсудка контръ-ассоціацію. Джонъ Стюартъ Милль свидѣтельствовалъ о себѣ, что онъ могъ представлять закатъ солнца въ любой формѣ, сообразно направленію своихъ мыслей. Онъ могъ видѣть закатъ солнца въ такой формѣ, что земля несется выше солнца или въ такой, что солнце опускается ниже земли. Точно также онъ былъ способенъ— когда желѣзнодорожный поѣздъ проходилъ мимо другаго, недвигавшагося—воображать двигающимся любой изъ поѣздовъ, если при этомъ глаза его не останавливались на какомъ либо третьемъ предметѣ. [1]) Какъ же скоро встрѣчается ассоціація, не допускающая возможности образованія контръ-ассоціаціи, то такая ассоціація, бываетъ вполнѣ неразрывной, какъ напр. неизбѣжное представленіе вмѣстѣ съ цвѣтомъ и поверхности, съ протяженіемъ какой нибудь формы.

§ 68. Такъ какъ законы ассоціаціи имѣютъ очень большое значеніе въ развитіи всей нашей психической и въ частности умственной жизни, то, естественно, ихъ практическія приложенія должны привлечь вниманіе педагоговъ.

Какъ скоро возникли отдѣльныя представленія, то связь между ними будетъ создаваться необходимымъ, естественнымъ путемъ. Тѣмъ не менѣе педагогъ долженъ обратить тщательное

---

[1]) Iames Mill, Analysis, vol. II, p. 411 (въ послѣднемъ примѣчаніи Стюарта Милля къ гл. Belief).

вниманіе на правильное образованіе ассоціацій представленій и въ этомъ отношеніи нужно отмѣтить нѣсколько важныхъ пунктовъ.

Наблюдая состояніе представленій у различныхъ лицъ, мы легко можемъ замѣтить, что у однихъ представленія тѣснѣе связаны между собою, чѣмъ у другихъ. Есть умы, въ которыхъ представленія являются болѣе или менѣе разрозненными, слабо ассоціированными, у которыхъ ряды представленій легко разрываются, между тѣмъ какъ отдѣльныя представленія развиты достаточно полно и владѣютъ значительною яркостью. Такія лица отчетливо воспроизводятъ отдѣльные образы, любятъ погружаться и рисовать ихъ детали, но съ трудомъ переходятъ отъ образа къ образу и плохо связываютъ ихъ между собою. Представленія сидятъ въ ихъ умѣ группами, гнѣздами, островками, мало и слабо ассоціированными; каждое представленіе, каждая группа представленій существуетъ сама по себѣ. Въ мышленіи такихъ людей часто являются скачки и нелогичности, въ рѣчи—отрывистыя фразы, безсвязные періоды, шероховатость, отсутствіе плавности; подобныя лица могутъ удивлять подчасъ совершенно неожиданными, «ни къ селу, ни къ городу» не идущими, мыслями и сужденіями и запутанностью и неясностью выраженій. Все это признаки недостаточной ассоціаціи представленій и они указываютъ на существенный порокъ умственной организаціи. Отдѣльныя представленія образованы правильно и выработаны достаточно, связь же между ними слаба. Нужно этотъ пробѣлъ пополнить. Какимъ образомъ?

Представленія связываются смежностью и сходствомъ. Смежность и сходство—два рычага, которыми приводится въ движеніе нашъ познавательный механизмъ, они альфа и омега нашего мышленія. Однако оцѣняя ихъ относительное достоинство, мы легко можемъ придти къ мысли, что сходство выше смежности. По смежности, въ нашемъ умѣ отображается фотографическая картина нашей прошлой жизни со всѣми ея случайными и постоянными послѣдовательностями; смежность законъ механическій и однородное съ разнороднымъ, истину съ ложью, важное съ ничтожнымъ онъ соединяетъ равно, безъ всякаго разбора, если они слѣдовали непосредственно

другъ за другомъ. Сходство—законъ интеллектуальный, помощью его мы возвышаемся надъ механическою связью фактовъ, пользуемся ею только какъ матеріаломъ. Въ силу закона сходства мы соединяемъ представленія о предметахъ, раздѣленныхъ громаднымъ промежуткомъ времени или обширнымъ пространствомъ, но въ чемъ либо сходныхъ, чего законъ смежности сдѣлать не можетъ. Поэтому педагогъ можетъ задаться такою задачей—по преимуществу культировать сходныя ассоціаціи и мало давать значенія смежнымъ. Подобная задача будетъ ложная, фальшивая задача. Невозможно ни смежность вывести изъ сходства, ни сходство изъ смежности (объ этомъ см. слѣдующую главу). Эти два пути связыванія фактовъ остаются раздѣльными и самостоятельными; со временемъ ихъ, можетъ быть, удастся вывести изъ какого либо высшаго начала ассоціаціи, но и тогда они сохранятъ свое настоящее, значительно самостоятельное, положеніе въ отношеніи другъ къ другу. Это показываетъ, что и педагогъ не имѣетъ права одному виду ассоціацій давать больше значенія, чѣмъ другому, оба они равно важны. Недостатокъ смежныхъ ассоціацій влечетъ за собою недостатокъ основательности, фактичности въ сужденіяхъ и взглядахъ; люди съ живымъ и сильнымъ умомъ отъ природы, но недостаточно богатые фактами, имѣютъ большую наклонность къ широкимъ обобщеніямъ, остроумнымъ сближеніямъ и сопоставленіямъ, къ внѣшнему блеску и эффекту, но безъ солиднаго фундамента. Примѣръ тому—всѣ философы вообще и древніе греческіе въ особенности. Существенный недостатокъ большинства философскихъ системъ — малая фактичность при остроумныхъ и чрезвычайно смѣлыхъ сопоставленіяхъ и сближеніяхъ. Древніе греческіе философы, владѣя очень ограниченнымъ запасомъ наблюденій относительно явленій природы, нисколько не стѣснялись строить цѣлыя міровоззрѣнія, рѣшать вопросы о началѣ и концѣ міра, о происхожденіи органической жизни на землѣ и человѣка и т. д. Въ этомъ случаѣ они руководились тѣмъ принципомъ, который позднѣе выразилъ Шеллингъ въ словахъ: «мыслить о природѣ значитъ тоже, что творить природу». Недостатокъ сходныхъ ассоціацій не менѣе важенъ. Онъ дѣлаетъ ученаго только чернорабочимъ въ сферѣ его

науки, но не мастеромъ, собирателемъ и сортировщикомъ матеріала, но не строителемъ изъ собраннаго матеріала зданія науки. Наука не есть груда матеріала, наваленнаго какъ пришлось, наука есть система законовъ, общихъ правилъ и положеній, извлеченныхъ изъ разнороднаго матеріала. А это извлеченіе общаго невозможно безъ сходныхъ ассоціацій. И такъ умъ, развитый правильно, — тотъ, который равно владѣетъ и смежными и сходными ассоціаціями, который не поддается преимущественно одному изъ этихъ направленій, который чуждъ этихъ односторонностей.

Разномѣрное развитіе ума въ направленіи смежности и сходства далеко не всегда выполнялось практикой воспитанія. Въ этомъ отношеніи можно различать два періода въ исторіи обученія: первый—древній періодъ, когда особенно налегали на смежныя ассоціаціи, мало заботясь о сходныхъ, и второй—новый періодъ, когда образованіе сходныхъ ассоціацій было поставлено существенной, главнѣйшей задачей, а смежныя отодвинулись на задній планъ. Въ старыхъ школахъ обученіе состояло главнымъ образомъ въ механическомъ заучиваньи, раціональной элементъ былъ слабъ. Причиной такого явленія слѣдуетъ признать неудовлетворительность методовъ обученія. Кто знакомъ съ этими методами, тотъ согласится, что, придерживаясь ихъ, трудно было учить разумно. Учебный матеріалъ сообщался дѣтямъ въ формѣ чрезвычайно трудной, такъ что имъ ничего болѣе не оставалось, какъ только заучивать, т. е. усвоять преподаваемое силой послѣдовательности. Такъ учитъ и въ настоящее время большинство матерей своихъ дѣтей молитвамъ. Многіе изъ насъ «Богородице» и «Отче нашъ» знаютъ съ такого ранняго дѣтства, что и не припомнишь, когда выучилъ эти молитвы; но понимать-то ихъ всѣ научаются гораздо позднѣе, уже въ историческое время своей жизни.

Новая школа постаралась иначе поставить обученіе. Ребенокъ долженъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ каждомъ усвояемомъ фактѣ; обученіе должно возбудительно дѣйствовать на умъ ребенка, вызывать его на самостоятельное размышленіе. Поэтому механическаго заучиванья нужно остерегаться, все ребенку нужно прежде всего разъяснить, растолковать. Такія воззрѣнія должны были вести къ коренному измѣненію мето-

довъ преподаванія; къ этому они дѣйствительно и привели. Въ новыхъ методахъ обращено большое вниманіе на то, чтобы дать ребенку возможность работать своимъ умомъ, наблюдать и сравнивать, самому выводить заключенія. Сравненіе, напр., буквъ одной съ другой при обученіи письму, отысканіе и выдѣленіе извѣстнаго звука изъ неизвѣстныхъ при обученіи чтенію, отысканіе сходныхъ и различныхъ чертъ между разсматриваемыми предметами при наглядномъ обученіи, самостоятельное примѣненіе нравственныхъ истинъ къ событіямъ собственной жизни и лицъ окружающихъ при обученіи Закону Божію, самостоятельное выведеніе ариѳметическихъ правилъ и законовъ изъ продѣланныхъ примѣровъ и т. д. — всѣ эти частные пріемы обученія имѣютъ въ виду возбуждать и упражнять умъ ребенка, развивать его наблюдательность и способность сужденія.

Но несравненно важнѣе всѣхъ этихъ частныхъ пріемовъ обученія общій духъ и характеръ обученія въ новыхъ школахъ. Онъ выражается въ широкомъ примѣненіи, по возможности ко всѣмъ преподаваемымъ предметамъ, такъ называемой эвристической формы обученія. Сущность эвристической формы состоитъ въ томъ, что по ней догматически ребенку ничего не сообщается; всѣ нужныя знанія ребенокъ пріобрѣтаетъ самъ, своимъ собственнымъ трудомъ и усиліемъ. Ему даются для наблюденія факты и предметы; онъ ихъ сравниваетъ и изучаетъ, изъ сравненій выводитъ сужденія объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и качествахъ, изъ этихъ частныхъ сужденій болѣе общія. Такимъ образомъ при эвристической формѣ обученія ребенокъ вполнѣ дѣятеленъ, онъ постоянно упражняетъ свои чувства и умъ, онъ на первомъ планѣ, а не учитель. Учитель только руководитель и помощникъ. При такой формѣ обученія усвоять что либо только механически, единственно въ силу смежности, нельзя; относиться къ обученію апатично, лѣниво также нельзя, здѣсь ребенокъ самъ постоянно долженъ работать. А между тѣмъ эвристическая форма обученія основывается на сходныхъ асоціаціяхъ. Эвристическая форма требуетъ, чтобы самъ ребенокъ выводилъ общіе законы и правила; но общіе законы и правила суть только формулы, выражающія сходства между предметами и ихъ отношеніями. Слѣдовательно,

эвристическая форма обученія прямо требуетъ отъ ребенка широкаго упражненія ума въ сходныхъ ассоціаціяхъ.

И такъ въ старой школѣ преобладали смежныя ассоціаціи, а въ новой - сходныя. И если въ старой школѣ очень не рѣдко доходили почти до полнаго забвенія сходныхъ ассоціацій — разумѣемъ сознательное, намѣренное употребленіе ихъ при обученіи, — то и въ новой школѣ бывали увлеченія въ противоположномъ духѣ. Были такіе рьяные «развиватели», которые знать не хотѣли усвоенія по смежности, которые пренебрегали повтореніемъ и заучиваньемъ, считая единственнымъ средствомъ прочнаго усвоенія учебнаго матеріала разъясненія и бесѣды. Результатъ, разумѣется, выходилъ отсюда плохой. Ученики знали мало и слабо и оказывались позднѣе верхоглядами и пустыми резонерами. Вообще пренебреженіе или смежными или сходными ассоціаціями не проходитъ безнаказанно для умственнаго развитія.

§ 69. Сложная ассоціація по контрасту должна обратить на себя вниманіе педагога, потому что она представляетъ ему прекрасное средство для выясненія и опредѣленія представленій. Контрасты — крайніе пункты развитія явленій какого либо класса. Какъ крайніе, они указываютъ границы развитія извѣстнаго явленія и хорошо оттѣняютъ другъ друга. Если мы желаемъ твердо напечатлѣть въ чьемъ либо умѣ картину крайняго сѣвера, мы должны сопоставить ее съ картиной юга, тропиковъ; если желаемъ выяснить и опредѣлить особенности быта дикаго человѣка, то должны сопоставить его бытъ съ жизнію человѣка вполнѣ образованнаго и т. д. Пользуясь контрастами для выясненія представленій, очень полезно къ указанію контрастовъ присоединять еще указаніе нѣсколькихъ посредствующихъ между контрастами звѣньевъ; въ такомъ случаѣ получится полное представленіе о развитіи явленія, а не только о его крайнихъ, пограничныхъ точкахъ, и вся ассоціація получитъ логическій оттѣнокъ и характеръ.

Въ фактѣ перехода смежныхъ ассоціаціи въ сходныя и сходныхъ въ смежныя педагогъ долженъ отмѣтить для себя то обстоятельство, что у дѣтей послѣдній случай бываетъ очень легко и часто. Дѣло въ томъ, что и взрослый не прочь бываетъ сходную ассоціацію перевести въ смежную, такъ какъ смеж-

ная легче, не требуетъ постояннаго напряженія вниманія, а если она въ достаточной мѣрѣ утвердилась, то можетъ совершаться и совсѣмъ помимо сознанія. Сходная же, какъ болѣе или менѣе интеллектуальнаго характера, особенно не въ элементарномъ, а сложномъ видѣ, требуетъ большей сознательности и внимательности, она граничитъ съ настоящимъ серьезнымъ размышленіемъ. Большой трудъ при сходныхъ и особенно сложныхъ ассоціаціяхъ естественно еще менѣе привлекаетъ ребенка, чѣмъ взрослаго, поэтому ребенокъ охотнѣе взрослаго всегда готовъ бываетъ замѣнить сходную ассоціацію смежной. Такимъ образомъ и случается часто, что факты и правила, одинъ разъ достаточно объясненные учителемъ и достаточно понятые учениками, съ теченіемъ времени, не смотря на частое повтореніе и повидимому твердое знаніе ихъ учениками, перестаютъ ими пониматься. Твердо отвѣчая извѣстный урокъ, нѣкогда хорошо объясненный и понятый, учащійся оказывается не понимающимъ этого урока—сложная ассоціація по смежности и сходству у него превратилась съ теченіемъ времени въ простую смежную ассоціацію. Ученикъ и достаточно понялъ и твердо запомнилъ объясненіе учителя, когда тотъ говорилъ, что именно и почему нужно сдѣлать, чтобы умножить цѣлое число на дробь; но позднѣе правило-то у него осталось, а смыслъ его улетучился. Учителю постоянно нужно наводить справки о томъ, связи по смежности сопровождаются ли сознаніемъ надлежащихъ элементовъ сходства между представленіями въ умѣ учащихся.

Изъ различныхъ видовъ ассоціацій педагогъ долженъ еще обратить вниманіе на ассоціаціи неразрывныя. Онѣ даютъ ему могущественное средство вліянія на питомца. Мы встрѣчаемъ нерѣдко такое явленіе, что школа кладетъ неизгладимую печать на развивающуюся личность. Бываетъ даже, что человѣкъ желаетъ уничтожить вліяніе школы, признавая его въ какомъ либо отношеніи неудобнымъ, борется съ нимъ и остается побѣжденнымъ. Въ чемъ же секретъ такого прочнаго вліянія школы? Фактъ неразрывныхъ ассоціацій даетъ намъ объясненіе. Въ средней общеобразовательной школѣ учащійся проводитъ 7—8 лѣтъ. Это большой промежутокъ времени, особенно для развивающагося организма. Представьте теперь, что за все

это время школа дѣйствуетъ совершенно послѣдовательно, систематически, прививая питомцамъ извѣстныя привычки, склонности, воззрѣнія. Настойчивымъ повтореніемъ, систематическимъ подборомъ однородныхъ впечатлѣній она можетъ создать ассоціаціи значительной прочности. Правда, возможность контръ-ассоціацій остается; но когда-то еще воспитываемая личность замѣтитъ фальшивость какого нибудь взгляда, когда-то жизнь натолкнетъ ее на необходимость измѣненія привычки, склонности. Тщательно воспитываемая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ склонность окажется значительной силой, которую побѣдить трудно, для этого нужно будетъ сдѣлать весьма серьезныя усилія, которыя многимъ окажутся не подъ силу. Такимъ образомъ волей-неволей всю жизнь придется носить печать школы, какъ каторжникъ въ старину носилъ позорныя клейма. Правда, они стирались, изглаживались отъ времени и стараній изгладить ихъ, но опытный глазъ могъ признать ихъ въ самомъ дряхломъ старцѣ. Также бываетъ и съ систематическими долговременными школьными вліяніями: они старѣютъ, слабѣютъ, отъ времени и столкновенія съ другими вліяніями, но никогда не изглаживаются. Особенно школьныя вліянія бываютъ прочны, если школа была закрытымъ заведеніемъ, въ которомъ всѣ не школьныя вліянія были значительно ослаблены и если руководители школы отличались особенною выдержкою и послѣдовательностію. Таковы были іезуитскія коллегіи и ихъ руководители и вліяніе этихъ школъ и этихъ руководителей было, какъ извѣстно, очень прочно.

Давая въ руки такое могучее орудіе воспитателю, школа естественно въ правѣ требовать отъ него отвѣтственности за употребленіе этого орудія. А оно можетъ быть употреблено, какъ и все, на пользу и на вредъ. Правильный взглядъ, хорошая привычка могутъ сдѣлаться почти неизгладимыми; но точно также и дурная склонность и фальшивое воззрѣніе. Весьма тщательное и разносторонее наблюденіе за формированіемъ всей личности особенно необходимо въ виду факта неразрывныхъ ассоціацій.

§ 70. Наконецъ есть еще одинъ очень важный пунктъ въ ученіи объ ассоціаціяхъ, на который педагогу нужно обратить

вниманіе—это легкая возможность образованія ложныхъ ассоціацій, и смежныхъ и сходныхъ.

Послѣдовательностію связываются всякіе факты, какъ находящіеся въ причинной зависимости другъ отъ друга, такъ и случайно встрѣтившіеся; сходствомъ объединяются какъ такія представленія, въ которыхъ больше сходства, чѣмъ различія, такъ нерѣдко и такія, въ которыхъ больше различія, чѣмъ сходства. Отсюда легкая возможность многочисленныхъ нелѣпыхъ ассоціацій. Приведемъ нѣсколько фактовъ такихъ ассоціацій по смежности и по сходству.

По смежности всѣ факты, слѣдовавшіе непосредственно другъ за другомъ, легко принимаются за причину и дѣйствіе. Post hoc—ergo propter hoc. Въ 1504 году 1-го марта Христофоръ Колумбъ, когда туземцы Америки лишили его возможности достать какую-либо провизію, воспользовался луннымъ затмѣніемъ. Зная, что оно скоро должно произойти, онъ объявилъ дикарямъ, что если они недоставятъ ему немедленно съѣстныхъ припасовъ, то онъ подвергнетъ ихъ величайшимъ бѣдствіямъ и лишитъ свѣта луны. Они презрѣли его угрозы, но какъ скоро увидѣли, что луна исчезаетъ, тотчасъ же бросились за требуемой провизіей и прибѣжали къ побѣдителю, умоляя его о прощеніи.—Одинъ древній писатель разсказываетъ такой фактъ: нѣсколько англійскихъ крестьянъ были остановлены въ ту самую минуту, когда они вскрыли брюхо ослу, чтобы вынуть оттуда луну. Это свѣтило, которое отражалось въ весьма прозрачномъ источникѣ, вдругъ исчезло, пока оселъ пилъ воду, и они вообразили, что вислоухое животное проглотило царицу ночи. [1]) Другу доктора Келлога пришлось однажды въ молодости совершить морское путешествіе въ бурную погоду; онъ сильно страдалъ отъ морской болѣзни. На пароходѣ находился слѣпой скрипачъ, который старался своей музыкой развлечь пассажировъ и облегчить ихъ страданія. Съ этого времени, въ теченіи многихъ лѣтъ, другъ доктора Келлога постоянно начиналъ чувствовать тошноту при звукахъ скрипки. [2])

По сходству всѣ предметы, подобные хотя бы самымъ

---

[1]) Фламаріонъ, Исторія неба, 429—432.

[2]) Военно-медицинскій журналъ 1874 г. ст. г-жи Манассеиной.

*

отдаленнымъ образомъ, нерѣдко признаются имѣющими совершенно одинаковыя свойства и дѣйствія.

Нѣкоторые предметы, по мнѣнію дикихъ, имѣютъ на людей нравственное и физическое дѣйствіе, соотвѣтствующее ихъ внѣшнимъ качествамъ. Въ Новой Зеландіи, когда дитя мужескаго пола приметъ крещеніе по туземному обычаю и получитъ имя, ему въ горло вводятъ маленькіе камушки, величиною съ булавочную головку, чтобы сдѣлать его сердце твердымъ и неспособнымъ къ жалости. Красные индѣйцы охотники носятъ украшенія изъ костей сѣраго медвѣдя, чтобы имѣть его храбрость и лютость. У дэйяковъ молодые люди никогда не ѣдятъ мяса серны, чтобы не сдѣлаться робкими, и передъ охотою за кабанами не ѣдятъ масла, чтобы кабанъ не выскользнулъ изъ ихъ рукъ. Воины Южной Америки также не ѣдятъ мяса медленно ходящихъ и робкихъ животныхъ и любятъ мясо тигровъ, оленей и кабановъ, чтобы быть мужественными и проворными. Одинъ англійскій купецъ въ Шангаѣ, во время нападенія тайпинговъ, встрѣтилъ своего слугу-китайца, несущаго домой сердце, и спросилъ у него, что это такое. Тотъ отвѣчалъ, что это сердце мятежника, и что онъ идетъ домой съѣсть его, чтобы сдѣлаться храбрымъ. Въ Камчаткѣ, когда украдена какая-либо вещь и не могутъ найти вора, бросаютъ нервы или жилы въ огонь, для того, чтобы подобно тому, какъ они съеживаются и крутятся отъ жара, и тѣло вора испытывало тѣ же мученія (Тэйлоръ).

Наибольшая сумма суевѣрныхъ мнѣній и дѣйствій, основанныхъ на неправильныхъ операціяхъ по сходству, возникаетъ вслѣдствіе одушевленія всего міра и полнѣйшаго очеловѣченія животныхъ. Извѣстно, что для дѣтей, равно какъ и для первобытнаго человѣчества, въ мірѣ нѣтъ ничего мертваго, неодушевленнаго, все въ немъ живо и человѣчно, все думаетъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ точно такъ же, какъ и человѣкъ. Это уподобленіе всѣхъ предметовъ человѣку ведетъ за собой признаніе ребенкомъ живыми, совершенно человѣкообразными существами животныхъ, игрушекъ, мебели и пр.; оно же послужило основой миѳовъ, въ которыхъ всѣ предметы представляются личностями и всѣ отношенія между ними дѣйствіями.

Различнаго рода ложныя ассоціаціи неизбѣжно возникаютъ

во всякомъ умѣ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, особенно же легко онѣ возникаютъ въ дѣтскомъ умѣ, мало знакомомъ съ правильной смѣной явленій и ихъ дѣйствительными свойствами. Педагогъ не можетъ оставаться индиферентнымъ въ виду такихъ ложныхъ ассоціацій, онъ долженъ стремиться къ ихъ уничтоженію. Средства для достиженія такой цѣли заключаются прежде всего въ тщательномъ наблюденіи за формировкой ассоціацій у воспитываемыхъ личностей. Педагогъ долженъ пользоваться каждымъ случаемъ для знакомства съ ассоціаціями воспитанника по извѣстному предмету. Какъ скоро замѣчены ложныя ассоціаціи, нужно прежде всего обстоятельно и убѣдительно, соотвѣтствующими фактами, выяснить ихъ ложность и на мѣсто ложной образовать истинную ассоціацію. Истинную ассоціацію нужно воспроизводить какъ можно чаще, ложную же, по возможности, предать забвенію. При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ борьбу съ ложной ассоціаціей необходимо вступать какъ можно скорѣе (со времени ея возникновенія) и вести ее какъ можно энергичнѣе. А то отъ времени и повтореній и вялой, слабой борьбы ложная ассоціація окрѣпнетъ и разрушить ее будетъ очень трудно.

Глава VII.

Критическій обзоръ различныхъ теорій о законахъ ассоціаціи.

§ 71. Представленный анализъ ассоціацій показываетъ, что существуютъ два, тѣсно связанныя между собою, начала ассоціаціи: сходство и преемство. Но и логически возможны и въ исторіи психологіи существуютъ разнообразныя мнѣнія о числѣ законовъ ассоціаціи. Ихъ мы сводимъ къ слѣдующимъ двумъ группамъ: а) законовъ ассоціаціи болѣе двухъ, б) менѣе двухъ.

Самое дробное и мелкое дѣленіе законовъ ассоціаціи мы находимъ у Ушинскаго, семь законовъ, и четыре вида ассоціацій встрѣчаемъ у Бэна. Разсмотримъ коротко эти взгляды.

Ушинскій исчисляетъ слѣдующія ассоціаціи: по противоположности, по сходству, по порядку времени, по единству мѣста, разсудочныя ассоціаціи, по сердечному чувству и ассоціаціи развитія или разумныя. [1]) Подвергая ближайшему разсмотрѣнію исчисленныя группы ассоціацій, Ушинскій самъ признаетъ, что представленный имъ анализъ ассоціацій «поверхностенъ», что классификація ассоціацій у него имѣетъ цѣль «педагогическую», а не психологическую собственно, что между указанными группами ассоціацій есть сродство, что напр. ассоціаціи по сердечному чувству «входятъ въ разрядъ ассоціацій по противоположности и сходству». И дѣйствительно такая классификація ассоціацій Ушинскаго вполнѣ не удовлетворительна съ психологической точки зрѣнія. Немного пристальнѣе приглядываясь къ исчисленнымъ группамъ ассоціацій, мы легко замѣчаемъ, что здѣсь перемѣшиваются родовыя и видовыя отличія, что частныя формы ассоціацій ставятся на ряду съ главными. Семь указанныхъ группъ ассоціацій легко и значительно сокращаются. Ассоціаціи по порядку времени и по единству мѣста составляютъ собственно одну послѣдовательную ассоціацію; ассоціаціи по сходству и и ассоціаціи по сердечному чувству составляютъ одну сходную ассоціацію, какъ это допускаетъ и самъ Ушинскій. Онъ только замѣчаетъ, что ассоціаціи по сердечному чувству (напр. поэтъ подмѣчаетъ въ шумѣ моря сходство со стонами человѣка, въ блескѣ глазъ видитъ блескъ молніи и т. п.) открываются «не разсудкомъ, а поэтическимъ чувствомъ человѣка». Не говоря уже про психологическую неопредѣленность такого объясненія, мы замѣтимъ только, что самъ же Ушинскій въ этомъ же параграфѣ объ ассоціаціяхъ по сердечному чувству замѣчаетъ, что «конечно, не всѣ связи по внутреннему чувству такого поэтическаго характера». Относительно ассоціацій по противоположности мы уже доказали, что это ассоціація не простая, а сложная, составная и что потому ее

---

[1]) Педагогическая антропологія. Часть I, стр. 223—237.

нельзя исчислять въ ряду простыхъ ассоціацій. Такимъ образомъ вмѣсто семи ассоціацій мы получаемъ всего четыре: по смежности, по сходству, разсудочныя ассоціаціи и ассоціаціи развитія или разумныя. Посмотримъ, нельзя ли и это число ассоціацій сократить.

Останавливаясь на послѣдней ассоціаціи—развитія или разумной, кромѣ Ушинскаго не встрѣчающейся ни у одного психолога,—мы приходимъ къ такому заключенію, что она внесена въ разрядъ ассоціацій по недоразумѣнію. Ее Ушинскій поясняетъ такимъ примѣромъ: заучило дитя стихи на иностранномъ языкѣ, совсѣмъ не зная этого языка; это ассоціація механическая. Спустя нѣкоторое время, дитя выучивается языку, на которомъ написано стихотвореніе и вотъ къ прежней, совершенно механической, ассоціаціи ряда звуковъ присоединяется новая и менѣе механическая ассоціація ряда понятныхъ словъ. Подрастая, дитя пойметъ связь словъ, мысль, въ нихъ выражающуюся, но эта мысль можетъ оставаться чуждой душѣ ребенка, превышая его развитіе, не имѣя точекъ соприкосновенія съ его интересами. Возникая вслѣдствіе своей ассоціаціи съ извѣстными словами, она будетъ замирать безъ послѣдствій въ душѣ дитяти. Но вотъ дитя сдѣлалось юношей, у него назрѣлъ вопросъ или чувство, отвѣтомъ на которые и служитъ идея выученнаго стихотворенія. Тогда совершится высшее усвоеніе стихотворенія, образуется новая ассоціація—духовная, разумная или ассоціація развитія.

На сколько можно понять дѣло изъ такихъ объясненій, никакой новой ассоціаціи здѣсь и вообще въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ. Здѣсь описываются различныя ступени, чрезъ которыя можетъ пройти человѣкъ въ своемъ пониманіи какой либо идеи; но новыя высшія, болѣе развитыя, ступени пониманія какого либо вопроса нисколько не предполагаютъ новыхъ особенныхъ формъ ассоціацій. И въ данномъ примѣрѣ, кромѣ сложной ассоціаціи, мы ничего не находимъ: сначала является двойная смежная ассоціація—послѣдовательный рядъ непонятныхъ словъ и потомъ понятныхъ,—а потомъ двойная сходная, объединяющая отдѣльныя представленія въ одно цѣлое—поверхностное усвоеніе идеи стихотворенія и болѣе глубокое.

Итакъ вмѣсто семи законовъ ассоціаціи у насъ остается всего на всего три.

§ 72. Разсудочныя ассоціаціи—это ассоціаціи по внутренней логической необходимости, отношенія причины и слѣдствія, средства и цѣли, цѣлаго и его необходимой части, положенія и вывода и т. д. Не одинъ Ушинскій выдѣляетъ эти ассоціаціи въ особую группу, такъ поступаютъ и другіе психологи. Такъ Юмъ выдѣлялъ ассоціацію причинности изъ сходныхъ и смежныхъ ассоціацій, [1]) хотя такая классификація законовъ ассоціаціи и не вполнѣ согласовалась съ его философскими взглядами. Нѣкоторые позднѣйшіе психологи поступали такъ же, какъ напр. Эпгемъ. [2]) Но достаточныхъ основаній для выдѣленія этихъ ассоціацій въ особую группу нѣтъ, всѣ онѣ по своей сущности суть ассоціаціи послѣдовательныя. Когда мы говоримъ, что явленія связаны между собою причинною связью, что мы тогда разумѣемъ подъ ассоціаціей причины и дѣйствія? Не входя въ философское изслѣдованіе понятія причины, мы во всякомъ случаѣ должны внести въ это понятіе слѣдующіе признаки: явленія, находящіяся между собою въ причинной связи, слѣдуютъ другъ за другомъ неизмѣнно и безусловно. Въ каждомъ дѣйствіи по закону причинности мы можемъ различить предъидущее или рядъ предъидущихъ и послѣдующее или рядъ послѣдующихъ. Предъидущее явленіе мы называемъ причиной, послѣдующее—слѣдствіемъ. На порохъ падаетъ искра—происходитъ взрывъ. Паденіе искры предъидущее явленіе или причина, взрывъ—послѣдующее или слѣдствіе. Но, понятно, не каждое преемство явленій предполагаетъ причинную связь между ними, явленія могутъ слѣдовать одно за другимъ, не будучи связаны между собою закономъ причины и дѣйствія, встрѣчаясь одно послѣ другаго случайно. Только та послѣдовательность есть причинность, которая постоянна, неизмѣнна, которая повторяется не одинъ или два раза, а всегда. Къ

---

[1]) David Hume, The philosophical works, in four volumes. изд. 1854 г. Vol. 1, p. 26.

[2]) Upham, Mental philosophy. New—York, 1869. Vol. 1, p. 307—8 и 314—315.

неизмѣнности слѣдованія явленій въ причинной связи нужно прибавить еще безусловность смѣны. Отъ самаго сотворенія міра день неизмѣнно слѣдовалъ за ночью, а ночь неизмѣнно слѣдовала за днемъ. Но день не есть причина ночи, а ночь дня, потому что они смѣняются подъ условіемъ существованія третьяго факта—восхода и заката солнца. Не взойди или не зайди солнце—и упомянутая смѣна дня и ночи исчезнетъ. Причиной можно называть только такое предъидущее, которое безусловно сопровождается послѣдующимъ; какъ скоро предъидущее дано, то послѣдующее явится безъ какихъ либо другихъ условій. Строго говоря, кромѣ неизмѣнной и безусловной послѣдовательности, мы въ причинныхъ явленіяхъ ничего болѣе замѣтить не можемъ. Выстрѣлъ изъ револьвера повлекъ за собою смерть: мы здѣсь наблюдаемъ преемство двухъ событій, выстрѣла и смерти. Кромѣ непосредственнаго преемства мы здѣсь ничего не найдемъ. Мы можемъ разложить эти общіе факты на частные, можемъ изслѣдовать, какіе сосуды разрушила и повредила пуля, какія измѣненія въ кровообращеніи, дыханіи и нервной дѣятельности послѣдовали непосредственно за поврежденіемъ сосудовъ и каждое изъ этихъ измѣненій можемъ разбивать на частнѣйшіе ряды событій. Но повсюду мы встрѣтимъ ряды болѣе и болѣе мелкихъ фактовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ и болѣе ничего. Наблюденіе не даетъ намъ ничего болѣе. Если мы отнимемъ отъ явленій свойства неизмѣннаго и безусловнаго слѣдованія другъ за другомъ, тогда явленія суть уже внѣ причинной связи. Пусть мы даже оставимъ открытымъ вопросъ: нужно ли къ предикатамъ неизмѣннаго и безусловнаго слѣдованія другъ за другомъ прибавить еще что нибудь, чтобы составить полное понятіе о причинѣ; но во всякомъ случаѣ причинность есть въ основѣ своей неизмѣнная и безусловная послѣдовательность, съ прибавкой чего либо или безъ прибавки, иначе сказать, она есть послѣдовательная ассоціація.

Всѣ другія логическія ассоціаціи представляютъ тоже явленіе, всѣ они прежде всего воспринимаются какъ послѣдовательности, а потомъ уже, на почвѣ этого отношенія, создаются другія отношенія. Мы говоримъ: поднятіе матеріальнаго благосостоянія народа способствуетъ цѣлямъ его

умственнаго и нравственнаго развитія. Но прежде чѣмъ поставить въ такое логическое отношеніе матеріальное благосостояніе народа и его умственное и нравственное развитіе (отношеніе средства къ цѣли), мы должны наблюдать нѣсколько разъ эти два факта въ послѣдовательности, должны дѣйствительно замѣтить, что матеріальное благосостояніе влечетъ за собой въ нѣкоторой степени умственное и нравственное развитіе. Иначе утвержденіе логическаго отношенія между ними вещь совершенно невозможная. Было бы очень странно, если бы мы сказали, что такія то явленія находятся въ такомъ то логическомъ соотношеніи между собою, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ эти явленія никогда и не встрѣчались слѣдующими одно за другимъ. Логика вещей и логика идей не двѣ отдѣльныя, не согласныя между собою, логики, а одна. Слѣдовательно въ концѣ концовъ логическія отношенія суть послѣдовательныя отношенія.

Итакъ мы остались, вмѣсто семи, при двухъ законахъ ассоціаціи: сходствѣ и послѣдовательности.

§ 73. Бэнъ признаетъ четыре группы ассоціацій: смежныя, сходныя, сложныя и построительныя. [1]) Относительно смежныхъ и сходныхъ распространяться нечего, онѣ понятны; сложныя ассоціаціи представляютъ собой комбинаціи или только смежностей, или только сходствъ, или смежностей и сходствъ вмѣстѣ. Общій законъ ихъ можетъ быть выраженъ такимъ образомъ: «прошедшія дѣйствія, ощущенія, мысли или волненія воспроизводятся легче, когда они ассоціированы или по смежности или по сходству болѣе, чѣмъ съ однимъ настоящимъ предметомъ или впечатлѣніемъ». Бэнъ прямо замѣчаетъ, что никакого новаго начала въ эти сложныя ассоціаціи не входитъ, что все дѣло состоитъ въ томъ, что отдѣльныя ассоціаціи — по смежности или сходству — нерѣдко бываютъ слабы для того, чтобы вызвать припоминаніе прошлыхъ состояній, но что эти воспроизведенія совершаются гораздо легче и вѣрнѣе, когда ассоціація бываетъ комбинированная, или изъ смежностей, или изъ сходствъ, или

---

[1]) См. его Senses and the Intellect (third edition, 1868 г.) Intellect, гл. I. II, III, IV; см. также Бэнъ, Психологія, пер. съ англійскаго, книга II, гл . I, II, III, IV.

изъ смежностей и сходствъ вмѣстѣ, когда слѣдовательно соединяется нѣсколько нитей для оживленія прошлыхъ состояній. [1]) Построительная ассоціація обнимаетъ собой высшія формы умственной дѣятельности, творчество человѣка, созданіе новыхъ психическихъ продуктовъ и образовъ. Уже ассоціація сходства ведетъ къ новому, соединяя то, что было раздѣлено и временемъ и пространствомъ; построительная же ассоціація имѣетъ дѣло съ болѣе высокими формами творчества, которыя лежатъ далеко за предѣлами простой отожествляющей способности. Формула построительной ассоціаціи такова: «средствами ассоціаціи умъ имѣетъ способность образовать новыя комбинаціи или аггрегаты, отличные отъ представлявшихся ему въ теченіи опыта». Впрочемъ Бэнъ замѣчаетъ, что интеллектуальныя силы, дѣйствующія въ построительной ассоціаціи, суть тѣже, которыя дѣйствуютъ и въ простыхъ ассоціаціяхъ. Новыя комбинаціи выростаютъ уже изъ имѣющихся въ умѣ элементовъ и приводятся къ обозрѣнію согласно съ законами, дѣйствующими въ другихъ ассоціаціяхъ. [2])

Относительно взгляда Бэна на законы ассоціаціи споръ съ нашей стороны можетъ быть предъявленъ только къ построительной ассоціаціи. Сходство и смежность (собственно послѣдовательность) мы признаемъ; сложныя ассоціаціи также признаемъ; остается одна построительная ассоціація, относительно постановки которой въ одинъ рядъ съ другими можетъ быть споръ.

Построительная ассоціація Бэна есть вещь очень сложная и разнообразная по составляющимъ ее элементамъ. Ею обозначается не одинъ какой либо опредѣленный процессъ, а собраніе множества различныхъ процессовъ, которыми создаются высшія формы умственной жизни, именно построительная ассоціація обозначаетъ разсудочное мышленія и творческое воображеніе. При такой сложности построительной ассоціаціи ее едва ли удобно ставить въ одинъ рядъ съ смежными и сходными ассоціаціями, явленіями сравнительно простыми. Чтобы не упустить изъ вида особенностей построительной

---

[1]) Senses and the intellect, p. 544—545.

[2]) Senses and Intellect, p. 570—571.

ассоціаціи, ее лучше разсмотрѣть особо. Вообще нужно замѣтить, что у Бэна, при анализѣ различныхъ душевныхъ явленій, видовыя характерныя особенности той или другой группы не всегда выставляются достаточно рельефно. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы въ высшихъ и сложныхъ явленіяхъ отыскать основные элементы душевной жизни. Выполненіе такой задачи очень важно, но тѣмъ не менѣе это только одна сторона дѣла. Нужно съ достаточною внимательностію отнестись и къ тѣмъ процессамъ, въ силу которыхъ элементы усложняются, преобразуются и такимъ образомъ возникаютъ, хотя и на почвѣ прежнихъ, новыя душевныя явленія. Высшія формы жизни ума создаются изъ низшихъ, творчество изъ простыхъ ассоціацій, между обоими родовая генетическая связь; но все это не даетъ психологу ни малѣйшаго права закрывать глаза на видовыя особенности разнообразныхъ группъ душевныхъ явленій. Раздѣлять однородное дурно, но и сливать разнородное также не хорошо.

Итакъ мы опять остались при двухъ законахъ ассоціаціи: сходствѣ и преемствѣ.

§ 74. Но нельзя ли свести эти два закона къ одному, одинъ законъ признать первичнымъ, основнымъ, а другой—вторичнымъ, производнымъ? Такія попытки были дѣлаемы давно, дѣлаются онѣ и въ настоящее время. По данному вопросу, очевидно, можно предположить только три отвѣта: смежность—основной законъ, а сходство—производный; сходство—основной законъ, а смежность—производный; и смежность и сходство равно производны, вторичны и вытекаютъ изъ высшаго первоосновнаго закона ассоціаціи. Первое мнѣніе защищалось многими психологами: Малебраншемъ, Вольфомъ, Джемсомъ Миллемъ и др.; въ настоящее время оно развито проф. Владиславлевымъ; второе мнѣніе по преимуществу защищается Спенсеромъ; третью попытку сдѣлали Гамильтонъ, Гегель, Тэнъ.

Что смежность основной законъ ассоціаціи, а сходство производный, за это положеніе приводятъ слѣдующія доказательства: логика намъ говоритъ, что признаніе сходства между представленіями есть дѣйствіе рефлексіи. А актъ рефлексіи не можетъ состояться безъ того, чтобы не поставить предметы рядомъ; слѣдовательно прежде чѣмъ мы образуемъ

сходную ассоціацію, у насъ уже есть смежная. А представленія, одинъ разъ сочетавшіяся по смежности, и впередъ будутъ воспроизводиться по смежности же. Это соображеніе указываетъ несамостоятельность сходной ассоціаціи. Выводится же она изъ смежной такимъ образомъ: а) въ средѣ окружающихъ насъ предметовъ мы встрѣчаемъ много сходныхъ вещей другъ возлѣ друга, усвояемъ ихъ по смежности, по смежности же и воспроизводимъ. Съ другой стороны мы вычитываемъ много сходныхъ ассоціацій изъ книгъ и усвояемъ эти сходныя ассоціаціи смежностью; б) образуя общія понятія, мы сопоставляемъ и перебираемъ различные виды ихъ, которые имѣютъ, не смотря на различіе, и сходство. Перебирая ихъ, мы подводимъ ихъ подъ дѣйствіе закона смежности. Припоминая позднѣе одинъ изъ сопоставленныхъ сходныхъ видовъ, мы припомнимъ и другіе виды того же рода, т. е. сходные, но припомнимъ не по сходству, а по смежности; в) называя однимъ именемъ множество сходныхъ предметовъ, мы образуемъ рядъ смежныхъ ассоціацій между словомъ и сходными предметами. Припоминая позднѣе имя, мы будемъ припоминать и сходные предметы, называющіеся этимъ именемъ, но будемъ припоминать не по сходству, а по смежности; г) сходныя представленія могутъ возбуждаться въ насъ по смежности чрезъ чувствованія: въ минуты гнѣва припоминаются прежнія обиды и оскорбленія, вызывавшія гнѣвъ, въ минуты радости, стыда припоминаются случаи, служившіе поводомъ радостныхъ или стыдливыхъ возбужденій; д) если бы сходная ассоціація была самостоятельна, тогда человѣчество давно бы открыло всѣ сходства въ представляемыхъ имъ предметахъ и всѣ подобныя представленія сблизило бы между собою. [1])

Изложенная аргументація страдаетъ, по нашему мнѣнію, важными недостатками. Въ основѣ ея лежитъ предположеніе, что всякая операція по сходству есть результатъ рефлексіи. Такое предположеніе несправедливо. Самый актъ отожествленія сходнаго, какъ мы замѣчали ранѣе, ускользаетъ отъ нашего наблюденія и рефлексіи, мы видимъ представленія уже сопо-

---

[1]) Владиславлевъ, Психологія, т. I, стр. 248—256.

ставленными или отожествленными, правильно или неправильно — это другой вопросъ. Самое открытіе сходства есть результатъ талантливости или изобрѣтательности человѣка, свойство чисто органическое, котораго не пріобрѣтешь никакой, самой тщательной, рефлексіей. Д. С. Милль совершенно справедливо замѣтилъ, что «изобрѣтательность можетъ быть изощряема, но не подчинена правилу; нѣтъ науки, которая давала бы человѣку способность придумать то, что соотвѣтствуетъ его цѣли»; «логика ни наблюдаетъ, ни изобрѣтаетъ, ни открываетъ, но судитъ». [1])

Другой недостатокъ изложенной аргументаціи состоитъ въ предположеніи, что сходная ассоціація возникаетъ всегда позднѣе смежной и на почвѣ смежной. Но такое предположеніе несправедливо. Самый нижній слой, фундаментъ всѣхъ нашихъ представленій и ассоціацій — простыя однородныя представленія; а они возникаютъ отъ сліянія сходныхъ ощущеній. Даже самыя ощущенія, какъ весьма вѣроятно, суть уже сліянія болѣе элементарныхъ сходныхъ психическихъ реакцій.

Отдѣльные доводы также мало убѣдительны. Что мы наблюдаемъ много сходныхъ предметовъ существующими въ сплошномъ преемствѣ, или отъ какого либо чувства, по смежности, переходимъ къ сходнымъ представленіямъ, это правильно, но ничего не говоритъ противъ самостоятельности закона сходства, касаясь частностей, а не сущности дѣла. Но мы не въ силахъ себѣ представить образованіе общихъ понятій и общихъ именъ безъ помощи процесса отожествленія, съ одними смежными ассоціаціями. Когда виды предметовъ подводятся подъ одинъ классъ или множеству предметовъ дается общее имя, то преобладающимъ процессомъ здѣсь, заправляющимъ всей работой, будетъ сходство, а не смежность, и трудно оттереть этотъ главенствующій процессъ на второй планъ какими либо соображеніями.

Но устроняя сходство, какъ самостоятельную операцію, нужно же однако объяснить, какимъ образомъ были созданы самыя первыя уподобленія, самыя первоначальныя общія понятія и имена, въ силу чего же, если не въ силу сходства,

---

[1]) Система логики. Перев. Розенера. Т. I, стр. 313 и 10.

первый творецъ ихъ пришелъ къ такимъ результатамъ въ своей дѣятельности. По этому поводу на сцену является случай. «Многія уподобленія были сдѣланы и дѣлаются потому, что кто либо имѣлъ *случай* видѣть два сходныхъ предмета вмѣстѣ, рядомъ, или скоро одинъ послѣ другаго; человѣкъ *случайно* встрѣчалъ предметъ, который его рефлексія сейчасъ же признавала сходнымъ съ представляемымъ» ..... «равнымъ образомъ субъектъ могъ въ *случайно* встрѣтившихся предметахъ поразиться какимъ либо качествомъ, или дѣятельностью ихъ, и уподобить ихъ;... могъ *случайно* встрѣтить ихъ въ новомъ предметѣ» [1]) и т. д. «Другой источникъ уподобленій есть воображеніе: оно дѣйствуетъ не методически, а *случайно*, по вдохновенію, открываетъ въ различныхъ предметахъ сходство» [2]) и т. д.

Обращая вниманіе на отмѣченныя нами курсивомъ слова: случай и случайно, часто повторяющіяся въ объясненіи, мы мало склонны придавать большое значеніе случайности въ такомъ важномъ процессѣ, какъ сходство. Объяснять процессъ громадной важности случайностью — это значитъ поступать такъ же, какъ нѣкоторое драматурги, признающіе случайныя встрѣчи и столкновенія основными пружинами дѣйствій своихъ героевъ и героинь.

Указаніе на то, что самостоятельность сходной ассоціаціи влекла бы за собой открытіе всѣхъ сходствъ въ предметахъ, было бы справедливо, если бы сходство не затемнялось различіями и не ослаблялось потускненіемъ представленій. Но эти два обстоятельства весьма много мѣшаютъ сходнымъ операціямъ. Поэтому же она и не дѣйствуетъ постоянно, какъ не дѣйствуетъ постоянно и смежная ассоціація, встрѣчая затрудненія. Какъ часто мы стараемся припомнить послѣдовательный порядокъ событій и не можемъ? Вообще сила сходства есть коренной, основной фактъ душевной жизни и внѣ его, по нашему мнѣнію, пониманіе душевныхъ явленій невозможно. Если нѣтъ естественнаго, органическаго стремленія сходному сливаться, то никакая смежность не создастъ этого

---

[1]) Владиславлевъ, Психологія, т. I, стр. 255.
[2]) Ibidem, стр. 256.

стремленія. Смежность, какъ бы ее ни перевертывали, всегда останется смежностью, хотя бы и смежностью сходнаго. Сама рефлексія, самъ разумъ, безъ естественнаго стремленія сходныхъ фактовъ къ сліянію, не можетъ создать отожествленій. Вѣдь нужно помнить, что разумъ, рефлексія не силы, не самостоятельныя способности и какіе либо дѣятели; это только наименованія классовъ душевныхъ явленій. Не разумъ создаетъ отношенія сходства, а отношенія сходства создаютъ разумъ. Законъ сходства въ психической сферѣ есть тоже, что законъ ассимиляціи въ органической жизни. Органическая жизнь не мыслима безъ ассимиляціи, психическая не мыслима безъ сходства. Поэтому мы считаемъ совершенно справедливыми и въ настоящее время слова Юма, что въ душевной сферѣ «существуетъ родъ притяженія, который въ умственномъ мірѣ производитъ такія же необыкновенныя дѣйствія, какъ и въ естественномъ, и обнаруживаетъ себя въ столь же многочисленныхъ, какъ и разнообразныхъ формахъ. Его дѣйствія повсюду очевидны; но что касается его причинъ, онѣ въ большинствѣ случаевъ неизвѣстны и должны быть сведены на оригинальныя качества человѣческой природы, которыя я не имѣю претензіи объяснить». [1])

Итакъ мы пока опять же остаемся при двухъ законахъ ассоціаціи: смежности и сходствѣ, считая послѣдній не менѣе первоначальнымъ, чѣмъ и первый. Теперь ознакомимся со взглядомъ Спенсера.

§ 75. Всѣ психическія явленія Спенсеръ дѣлитъ на чувствованія и отношенія между чувствованіями. Первичная и существеннѣйшая ассоціація есть ассоціація между каждымъ чувствованіемъ и между классомъ, порядкомъ, родомъ, видомъ и разновидностью предшествовавшихъ чувствованій, подобныхъ ему самому. Эта ассоціація автоматична, она не есть актъ мышленія, который можетъ имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ, или не имѣть его; но она составляетъ собой самый актъ признанія чувствованія за такое-то или такое-то. Чувствованіе не можетъ стать элементомъ духа, если оно не будетъ ассоціиро-

---

[1]) The Philosophical works, vol. 1, p. 28.

вано съ предшествовавшими чувствованіями болѣе или менѣе той же самой природы. Въ процессѣ этой автоматической ассоціаціи каждое чувствованіе соединяется мгновенно съ большою группою, къ которой оно принадлежитъ; также мгновенно соединяется оно съ своею подгруппою и т. д. Автоматическій характеръ процесса измѣняется только тогда, когда дѣло доходитъ до самыхъ мелкихъ группъ. Вообще же ассоціація не есть такое дѣло, въ которое входило бы мышленіе или воля: она мгновенна и абсолютна». [1]) «Это соединеніе каждаго чувствованія съ прежде испытанными чувствованіями того же самаго класса, порядка, рода, вида, и, насколько это возможно, той же самой разновидности есть единственный процессъ ассоціаціи чувствованій. Всѣ другія явленія ассоціаціи чувствованій суть послѣдствія соединенія этого процесса съ параллельнымъ и одновременнымъ процессомъ» [2]).

Такой же результатъ получается и изъ изслѣдованія объ ассоціаціяхъ отношеній между чувствованіями. «При взглядѣ, напр., на цвѣтокъ, растущій у дороги, отношенія между чувствованіями свѣта, получаемыми нами отъ его лепестковъ, мгновенно ассоціируются съ отношеніями сосуществованія вообще, съ подъ-классомъ зрительныхъ отношеній сосуществованія, съ подъ-подъ-классомъ этихъ отношеній, образующихъ пространство впереди насъ, и съ еще меньшею группою этихъ отношеній, аггрегированныхъ въ наше понятіе о пространствѣ внизу, съ правой стороны» и т. д. [3]) Каждое отношеніе, подобно чувствованію, при самомъ появленіи своемъ въ сознаніи, ассоціируется съ подобными ему предшествовавшими отношеніями. Знать какое либо отношеніе, такъ же какъ и знать чувствованіе, значитъ ассимилировать его прошедшимъ подобнымъ ему отношеніямъ; а знать его вполнѣ значитъ ассимилировать его прошедшимъ отношеніямъ, совершенно сходнымъ съ нимъ. Изъ этого закона вытекаетъ ассоціація смежности. Ассоціація смежности сводится на сход-

---

[1]) Основанія психологіи, Т. I, стр. 262.
[2]) Ibidem, 264.
[3]) Ibidem, 271.

ство отношенія во времени, или въ пространствѣ, или и въ томъ и въ другомъ. Какимъ образомъ?

Отношенія времени неизбѣжны для сознанія. Но самое время мы можемъ представить только въ формѣ послѣдовательнаго ряда чувствованій, наполняющихъ время. О пустомъ времени мы думать не можемъ, какъ можемъ думать о пустомъ пространствѣ. Чувствованія суть вѣхи, значки для измѣренія продолжительности, времени. Слѣдовательно представляя какое либо положеніе во времени, мы необходимо представляемъ чувствованія, которыя занимали эти пункты времени и смежные. Но ассоціація чувствованій есть ассоціація сходства, какъ это было объяснено выше. Съ послѣдовательнымъ рядомъ чувствованій не рѣдко ассоціируются различныя отношенія сосуществованія, особенно доставляемыя осязаніемъ и зрѣніемъ. Вслѣдствіе этого, при воспоминаніи какихъ либо отношеній послѣдовательности, въ нашемъ сознаніи склонны бываютъ возставать и различныя отношенія сосуществованія, которыя были восприняты вмѣстѣ съ ними. Мы узнаемъ лицо, видѣнное нами на прошлой недѣлѣ и замѣчаемъ, что у него нѣтъ того румянца на щекахъ, который былъ прежде. Здѣсь сущность дѣла заключается въ ассимиляціи различныхъ отношеній съ сходными прежними. Но такъ какъ съ прежними отношеніями сочетались по сосуществованію представленіе о румянцѣ щекъ, то ассимиляція этихъ прежнихъ отношеній съ настоящими порождаетъ сознаніе объ отсутствующей чертѣ.

Окончательный выводъ: «основной законъ ассоціаціи отношеній, подобно основному закону ассоціаціи чувствованій, заключается въ томъ, что каждое отношеніе, въ моментъ своего представленія уму, аггрегируется съ сходными съ нимъ отношеніями въ нашей прошедшей опытности. Кромѣ этого закона ассоціаціи нѣтъ никакого другаго закона и всѣ дальнѣйшіе феномены ассоціаціи суть несущественные и случайные». [1])

Намъ нѣтъ нужды много говорить о взглядѣ Спенсера. Мы признаемъ совершенно правильной мысль, что каждое явленіе, возникая въ нашемъ умѣ, прежде всего должно быть

---

[1]) Основанія психологіи, т. I стр. 277. Общее ученіе о законахъ ассоціаціи см. т. I, гл. Ассоціированіе чувствованій и ассоціированіе отношеній, стр. 257—278.

признано какъ такое-то и такое-то, т. е. должно быть отожествлено съ группой, съ классомъ, съ подклассомъ, съ разноводностью и т. п., иначе невозможно о немъ и мыслить; эта ассоціація въ своей основѣ, въ своемъ элементарномъ видѣ, есть дѣятельность чисто автоматическая, органическая. Безъ сліянія сходныхъ психическихъ явленій собственно психическая жизнь начаться не можетъ. Но можемъ ли мы вывесть самую смежность изъ сходства, можемъ ли мы считать послѣдовательность видоизмѣненнымъ сходствомъ? Нѣтъ, не можемъ. Преемство есть преемство, а сходство, есть сходство; это двѣ вещи различныя, хотя и неразрывно связанныя между собою, какъ иное дѣло раздраженіе нервной системы, а иное дѣло сознаніе раздраженія, хотя оба составляютъ одно неразрывное цѣлое— ощущеніе. И выведеніе смежности изъ сходства Спенсеромъ мы признаемъ совсѣмъ неудовлетворительнымъ: слишкомъ туманнымъ и притомъ уже предполагающимъ существующими и послѣдовательныя ассоціаціи и сосуществованія. Фактъ, ассимилируемый съ прошедшимъ подобнымъ, непремѣнно имѣетъ или различныя свойства или части, каждое ощущеніе напр. имѣетъ содержаніе, силу; а свойства и части обыкновенно не имѣютъ никакого сходства, никакого логическаго соотношенія между собою, и могутъ быть усвояемы только послѣдовательностію. Ассимилируя фактъ съ подобнымъ прошлымъ, мы ассимилируемъ его свойства и части, фактъ и есть совокупность извѣстныхъ свойствъ и частей. Слѣдовательно сходство, т. е. признаваніе факта такимъ-то, включаетъ уже смежность. Да и вообще непрерывно послѣдовательный рядъ явленій, сходныхъ или не сходныхъ, составляетъ основную форму всей нашей психической жизни; а то, что соприкасалось, связывается между собою единственно въ силу своей непосредственной преемственности.

§ 76. Но если оказывается невозможнымъ вывести сходство изъ смежности или смежность изъ сходства, то не будетъ ли удачнѣе попытка вывести оба эти закона изъ новаго высшаго принципа ассоціаціи? Опыты въ этомъ родѣ были дѣлаемы, но только нельзя сказать, чтобы съ большимъ успѣхомъ. Мы укажемъ для примѣра на три попытки: Гамильтона, Гегеля и Тэна.

*

Гамильтонъ [1]) сначала сводитъ всѣ типы ассоціаціи къ двумъ: одновременности и сходству. Законъ одновременности обнимаетъ сосуществующіе предметы или непосредственно слѣдующіе во времени; законъ сходства вещи взаимно сродныя или объективно, въ себѣ самихъ, или субъективно, въ способахъ нашего пониманія ихъ. Потомъ одновременность и сходство онъ старается привести къ высшему закону, называемому имъ закономъ возстановленія или цѣлостности (the law of Redintegration or Totality.) Сущность этого послѣдняго закона состоитъ въ томъ, что въ основѣ смежности и сходства лежитъ одно и тоже условіе, что каждый изъ нихъ составляетъ часть того же самаго акта духа, того же цѣлаго мысли. Всѣ разнообразные акты ума представляютъ неразрывную связь между собою, такъ какъ всѣ они суть частныя модификаціи одной и той же общей дѣятельности. Каждая умственная дѣятельность — мысль, чувство, желаніе—возбуждаетъ въ нѣкоторой степени всѣ прежде существовавшія дѣятельности. Поэтому высшій законъ ассоціаціи можно формулировать такъ: «мысли или умственныя дѣятельности, составлявшія однажды части той же цѣлой мысли или умственной дѣятельности, послѣ всегда стремятся непосредственно внушать (to suggest) одна другую» (vol 11 p. 239). Подвергая анализу эту формулу высшаго закона ассоціаціи, Гамильтонъ выводитъ изъ нея законы смежности и сходства. Феномены ума открываются намъ подъ двойной формой: 1) какъ событія во времени и 2) какъ энергіи или модификаціи я, ихъ причины и субъекта. Время и я суть двѣ формы внутренняго міра, въ этихъ двухъ формахъ лежатъ корни двухъ законовъ—одновременности и сродства.

Нѣкоторые психологи считаютъ эту попытку Гамильтона объединить законы ассоціаціи очень удачной и придаютъ ей значеніе [2]); мы же признаемъ ее радикально неудовлетворительной. Съ точки зрѣнія Гамильтона, ассоціируется только то, что когда нибудь составляло одинъ актъ духа; что же не входило никогда въ одно и тоже цѣлое, то никогда и ассоціи-

---

[1]) Hamilton, Lectures on Methaphysics and Logic. In four volumes. Vol II, lectures XXXI и XXXII (изд. 1882, Edinburgh and London).

[2]) Louis Ferri, La Psychologie de l'association. P. 252—256.

роваться между собою не можетъ. Но такой взглядъ совершенно ложенъ. Законы ассоціаціи не суть только средства воспроизведенія душевныхъ явленій, но и ихъ произведенія или образованія; ими соединяется въ одно цѣлое то, что прежде никогда не составляло одного акта духа, создаются новыя психическія явленія. Нерѣдко ученіе объ ассоціаціи относятъ спеціально къ ученію о памяти, къ теоріи репродукціи и въ ассоціаціяхъ видятъ только главнѣйшія пути и средства репродукціи. Такъ именно и думаетъ Гамильтонъ. При такомъ пониманіи, его обобщеніе законовъ ассоціаціи дѣйствительно очень удачно. Но подобный взглядъ слишкомъ ограничиваетъ приложеніе и значеніе законовъ ассоціаціи, тогда слѣдовательно должны быть указаны особенные законы, завѣдующіе образованіемъ психическихъ фактовъ. Но такихъ законовъ до сихъ поръ не указано и врядъ ли они будутъ указаны. Наблюдая же образованіе душевныхъ явленій, мы замѣчаемъ, что они возникаютъ подъ вліяніемъ законовъ ассоціаціи. Появленіе представленія вообще и затѣмъ образованіе различныхъ классовъ представленій, простыхъ и сложныхъ, однородныхъ и разнородныхъ, мы не можемъ объяснить себѣ помимо вліянія законовъ ассоціаціи, напр. въ частности синтетическій характеръ представленія по сравненію съ ощущеніемъ. Если признать, что и ощущенія суть также факты сложные, что они составлены изъ элементовъ, въ отдѣльности убѣгающихъ отъ нашего изслѣдованія, то тогда необходимо будетъ допустить вліяніе законовъ ассоціаціи и на образованіе ощущеній. Эти послѣдніе элементы нашей психической жизни опять же будутъ сочетаться между собою или въ силу смежности или въ силу сходства. Поэтому мы и не можемъ признать правильнымъ взглядъ Гамильтона. Съ этой же точки зрѣнія мы признаемъ неудовлетворительными и многія частныя формулы законовъ ассоціаціи, напр. тѣ, которыя предлагаетъ Бэнъ. Въ этихъ формулахъ не только нѣтъ опредѣленнаго указанія на то, что законы ассоціаціи суть законы образованія явленій, но напротивъ есть намеки, что какъ будто бы законы ассоціаціи касаются только воспроизведенія явленій. Такъ напр. формула сходства у него такова: «дѣйствія, ощущенія, мысли или волненія настоящія стремятся оживлять сходныя съ ними впечатлѣнія

или состоянія прошлыя». Формула касается собственно репродукціи душевныхъ явленій. Также неудовлетворительна и формула смежности, имѣющая въ виду репродукцію: «дѣйствія, ощущенія и состоянія чувства, встрѣчающіяся вмѣстѣ или въ сплошномъ преемствѣ, стремятся и возникать вмѣстѣ или связываются, такъ что когда впослѣдствіи является въ умѣ одно изъ нихъ, то готовы бываютъ въ идеѣ возстановиться и другія». [1])

§ 77. Взглядъ Гегеля таковъ: «ассоціацію представленій нужно понимать какъ подчиненіе (subsumtion) отдѣльнаго всеобщему, составляющему связь отдѣльнаго». «То, чѣмъ отдѣльные образы имѣютъ соотношеніе другъ съ другомъ, состоитъ въ ихъ общности. Это общее есть или одна сторона предмета, возвысившаяся въ форму всеобщности, какъ напр. въ розѣ красная краска, или конкретно всеобщее, родъ, напр. въ розѣ растеніе, во всякомъ случаѣ оно есть представленіе, возникающее чрезъ разрѣшеніе эмпирической связи разнообразныхъ опредѣленій предмета, исходящее отъ интеллекта. При созданіи общихъ представленій интеллектъ поступаетъ самодѣятельно». [2])

Этотъ взглядъ и къ сходнымъ ассоціаціямъ, которыя онъ имѣетъ въ виду, можетъ быть приложенъ только съ грѣхомъ пополамъ, потому что далеко не каждая сходная ассоціація есть подчиненіе отдѣльнаго факта всеобщему; протолковать же подобнымъ образомъ смежныя ассоціаціи совсѣмъ невозможно.

Тэнъ смежность и сходство выводитъ изъ присущаго каждому ощущенію и образу его (представленію) стремленія возрождаться. По его взгляду, каждое ощущеніе есть состояніе, носящее въ себѣ неудержимое стремленіе къ возобновленію, каждый образъ есть сила, стремящаяся занять мѣсто ощущенія, вызвать галлюцинацію. Начало каждаго ощущенія находится въ продолженіи предшествующихъ ощущеній, а конецъ теряется въ началѣ послѣдующихъ; равно и конецъ всякаго образа совпадаетъ съ началомъ другаго, а другой начинаетъ

---

[1]) Bain, Senses and Intellect, p. 457 и 327; Бэнъ, психологія, стр. 144, 96.
[2]) Encyclopädie, III, 333, 334.

возрождаться, когда первый исчезаетъ. Поэтому когда какой либо образъ возрождается, то онъ пробуждаетъ на своей передней оконечности окончаніе другаго образа, а на задней— начало третьяго образа (законъ смежности). А такъ какъ различныя ощущенія въ нѣкоторой степени сходны между собою, то какъ скоро появляется одинъ изъ сходныхъ образовъ, возникаетъ отчасти и другой. Часть возникшаго образа, сходная съ другими образами, вызываетъ одинъ за другимъ эти послѣдніе. Представленіе полосъ, сверкающихъ на водѣ отъ солнца, своею сходною частью вызываетъ представленія узоровъ, струекъ, серебрянныхъ блестокъ (законъ сходства). Очень часто намъ трудно замѣтить это частное возрожденіе образовъ. Съ перваго взгляда намъ кажется, что та или другая идея пробудилась въ насъ внезапно и случайно, мы не видимъ ея связи съ предъидущею. Но на самомъ дѣлѣ связь всегда существуетъ и тщательнымъ анализомъ она можетъ быть открыта. Гоббсъ разсказываетъ, что однажды, во время разговора объ англійской междоусобной войнѣ, кто-то изъ присутствовавшихъ неожиданно спросилъ, чему равнялся при Тиверіи римскій динарій. Этотъ неумѣстный вопросъ не имѣлъ, по видимому, никакой связи съ предшествовавшимъ разговоромъ; тѣмъ не менѣе связь существовала и послѣ непродолжительнаго размышленія была найдена. Междоусобная война въ Англіи была при Карлѣ I, Карлъ I былъ проданъ шотландцами за 200,000 фунтовъ стерлинговъ, а Іисусъ Христосъ былъ проданъ при Тиверіи за 30 динаріевъ. Вотъ тѣ звѣнья внутренней цѣпи, которыя привели помянутаго собесѣдника къ его, на первый разъ, странному вопросу. [1])

Относительно взгляда Тэна мы замѣтимъ, что въ немъ нѣтъ никакого противорѣчія фактамъ, нѣтъ какого либо фальшиваго освѣщенія законовъ ассоціаціи. Но его взглядъ находится въ тѣсной связи съ его общимъ воззрѣніемъ на характеръ умственной и психической жизни и отдѣльно, въ этомъ мѣстѣ, обсуждаемъ быть не можетъ; притомъ едва ли кто рѣшится утверждать, что представленное Тэномъ объединеніе законовъ ассоціаціи въ высшемъ принципѣ есть единственно возможное.

---

[1]) Объ умѣ и познаніи, 1, 86—89.

§ 78. Для выясненія значенія законовъ ассоціаціи въ развитіи психической жизни нужно обратить вниманіе еще на одну черту, именно на то, что законы ассоціаціи не только могутъ соединять душевныя явленія, но и разъединять. Эта послѣдняя черта повидимому противорѣчитъ самой сущности законовъ ассоціаціи. Законы соединенія и вдругъ разъединяютъ! А между тѣмъ дизассоціація, анализъ — дѣло чрезвычайной важности въ нашей психической жизни, на него главнымъ образомъ опираются всѣ наши собственно разсудочныя работы. Если анализъ беретъ свое начало не въ законахъ ассоціаціи, а въ другомъ чемъ либо, то значеніе законовъ ассоціаціи въ нашей психической жизни будетъ значительно ограничено. И противники великаго значенія законовъ ассоціаціи въ психологіи съ энергіею указываютъ на эту черту. Луи Ферри, которому принадлежитъ весьма почтенный трудъ по психологіи ассоціаціи, именно по исторіи и критикѣ этой психологической доктрины, говоритъ: «если наука начинаетъ анализомъ, если безъ него наука невозможна, то какимъ образомъ всѣ научныя операціи могутъ быть приведены къ одной ассоціаціи? Если существуетъ пунктъ, въ которомъ новая доктрина (ассоціанизмъ) оказывается безсильной объяснить духъ человѣческій, то онъ есть именно этотъ. Анализъ разлагаетъ, а ассоціація сочетаетъ». [1]) Но дѣйствительно ли анализъ нельзя вывести изъ ассоціаціи?

Дизассоціація неразрывно связана съ ассоціаціей. Еще Спиноза сказалъ, что каждое опредѣленіе есть отрицаніе, потому что мы, опредѣляя предметъ, тѣмъ самымъ исключаемъ изъ него или отрицаемъ отъ него всѣ другія черты, помимо указанныхъ въ опредѣленіи. Можно сказать, что почти каждая ассоціація есть въ тоже время и дизассоціація, носитъ въ своемъ синтезѣ начало анализа. Сила сцѣпленія, возникающая подъ вліяніемъ законовъ ассоціаціи, бываетъ различна: сравнительно съ общимъ числомъ образуемыхъ ассоціацій, только немногія становятся неразрывными. Большинство же разрывается, спустя большій или меньшій промежутокъ времени;

---

[1]) Louis Ferri, La Psychologie de l'association depuis Hobbes jusqu'a nos jours. Histoire et critique. Paris, 1883 p. 237.

члены ассоціаціи начинаютъ вести отдѣльное самостоятельное существованіе, бывшая ассоціація забывается. Условія прочности ассоціацій и причины ихъ слабости, разрыва и забвенія мы подробно разсмотримъ въ ученіи о памяти, теперь же только замѣтимъ, что эти условія лежатъ не внѣ ассоціацій, а въ нихъ самихъ, въ условіяхъ ихъ образованія и ихъ взаимоотношеній. Дизассоціація очень часто происходитъ вслѣдствіе неравномѣрной силы между ассоціированными представленіями. Мы встрѣчаемъ незнакомаго намъ доселѣ человѣка и знакомимся съ нимъ, узнаемъ его имя, запоминаемъ черты его лица, фигуру, такъ что послѣ свиданія мы можемъ описать его и назвать по имени. Затѣмъ мы съ нимъ долго не встрѣчаемся. А когда сойдемся снова, то сначала не узнаемъ его, можетъ быть, а потомъ припомнимъ свою встрѣчу, свой разговоръ съ нимъ, но, случается, не можемъ правильно припомнить его имени. Если мы не услышимъ отъ кого либо его имя, то случается, что имя его забывается вовсе, а черты лица, фигура и пр. напротивъ, хорошо помнятся. Бываетъ и наоборотъ. Мы слышимъ какое либо имя, припоминаемъ, что эта фамилія намъ знакома, припоминаемъ, что мы были нѣкогда знакомы съ человѣкомъ, носившимъ такую фамилію, но воспроизвести черты его лица, его фигуру, бываемъ не въ состояніи. Причина подобныхъ явленій — а они многочисленны — заключается въ неравномѣрной силѣ связанныхъ ощущеній и представленій. Вслѣдствіе различныхъ частныхъ обстоятельствъ, мы иногда болѣе обращаемъ вниманіе на фигуру человѣка, чѣмъ его имя, а иногда больше на имя, и поэтому бываемъ въ состояніи иногда воспроизвести его фигуру, но не его имя, и наоборотъ.

Другая причина невольной дизассоціаціи представленій— отсутствіе одного изъ ассоціированныхъ предметовъ и новыя ассоціаціи. Мы привыкли постоянно встрѣчать извѣстное лицо въ извѣстномъ мѣстѣ, домѣ и т. п., такъ что у насъ представленіе объ этомъ мѣстѣ связалось съ представленіемъ объ извѣстномъ человѣкѣ. Но случается, что этого человѣка нѣтъ онъ сдѣлался тяжко боленъ, уѣхалъ, умеръ и т. п., и вотъ прежняя ассоціація постепенно разрывается. Мы привыкли представлять извѣстнаго человѣка въ бѣдной обстановкѣ, среди неизысканнаго общества, самого его блѣднымъ худымъ и т. д.

Но вотъ этотъ человѣкъ разбогатѣлъ, добился чиновъ и крестовъ, потолстѣлъ—и новыя ассоціаціи постепенно вытѣсняютъ старыя. Такимъ образомъ съ ассоціаціей нераздѣленъ фактъ дизассоціаціи. А этотъ неизбѣжный фактъ и есть первый шагъ къ анализу, основа анализа.

Дизассоціируясь, элементы ассоціаціи выдѣляются, обособляются и если вспоминаются, то являются нашему уму самостоятельными, независимыми. А анализъ и есть разрѣшеніе сложнаго на составляющіе элементы и поставленіе элементовъ въ видѣ самостоятельныхъ объектовъ мысли. Особенно это начало анализа дизассоціаціей бываетъ замѣтно, какъ скоро ассоціація простирается на свойства только одной вещи. Тогда прямо цѣлое будетъ разлагаться на элементы и въ такой дизассоціаціи мы можемъ даже видѣть начало абстракціи.

Мы можемъ даже утверждать, что у насъ есть органическое предрасположеніе къ такимъ сложнымъ разсудочнымъ дѣятельностямъ, какъ ассоціація и дизассоціація, анализъ и синтезъ. Именно это предрасположеніе дано строеніемъ нервной системы. Наша нервная система устроена такимъ образомъ, что часть раздраженія съ одного нерва можетъ быть перенесена на другой, съ чувствующаго на двигательный. Извѣстно, что послѣдствіемъ свѣтоваго впечатлѣнія у ребенка часто бываетъ болѣе или менѣе обширное отраженное мышечное движеніе. Когда у него передъ глазами ярко окрашенная вещь, то онъ кричитъ, смѣется, двигаетъ руками, ногами и туловищемъ. Ясно, что у ребенка возможно перенесеніе раздраженія съ зрительнаго нерва на нервы движенія, развѣтвляющіеся въ мускулахъ рукъ, ногъ и т. п. Вслѣдствіе этого различныя представленія могутъ связаться одно съ другимъ и образовать цѣльную группу представленій о предметѣ. Предположимъ такой случай: ребенокъ видитъ колокольчикъ. Свѣтовое впечатлѣніе переносится съ зрительнаго нерва на двигательный нервъ рукъ, и вотъ ребенокъ протягиваетъ руки къ колокольчику. Когда онъ взялъ рукой колокольчикъ, онъ получаетъ рядъ осязательныхъ ощущеній и потомъ еще ощущенія звука. Такимъ образомъ у ребенка свяжутся представленія о формѣ колокольчика, его твердости и звукѣ. Когда онъ подростетъ и начнетъ говорить, то къ этимъ тремъ представленіямъ прибавится новое — наз-

ваніе колокольчика динь - динь. Очевидно, что такое названіе колокольчика есть ничто иное, какъ отраженіе раздраженія (рефлексъ) съ органа слуха на органъ языка. Вслѣдствіе такой ассоціаціи скажите вы ребенку динь-динь, и у него сейчасъ же явится представленіе о формѣ колокольчика, его звукѣ и твердости; зазвените при немъ въ колокольчикъ, и онъ сейчасъ скажетъ динь-динь, представитъ себѣ его форму и т. д. Положимъ, что предъ ребенкомъ стоитъ картина изъ мозаики. Ребенокъ видитъ, во первыхъ, всю фигуру и далѣе замѣчаетъ, что человѣкъ состоитъ изъ головы, шеи, туловища, рукъ и ногъ. При внимательномъ же разсмотрѣніи онъ видитъ отдѣльно каждый камешекъ, составляющій, можетъ быть, тысячную часть всей картины. Спрашивается: какимъ образомъ развивается эта способность къ синтезу и анализу? Условіе, конечно, должно состоять въ способности глаза ощущать каждую точку видимаго предмета отдѣльно отъ другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ разомъ. Такое условіе дано особеннымъ устройствомъ зрительнаго нерва и лежитъ, слѣдовательно, въ матеріальной организаціи глаза.

Наши нервы не представляютъ сплошныхъ нераздѣльныхъ нитей, а соединеніе множества отдѣльныхъ волоконъ, которыя проводятъ самостоятельно до самого центра полученное возбужденіе, не передавая его на своемъ пути другимъ волокнамъ. Поверхность ретины представляетъ своего рода мозаическое сочетаніе концовъ нервныхъ волоконъ, такъ что отдѣльнымъ камешкамъ мозаической картины соотвѣтствуютъ отдѣльныя волокна зрительнаго нерва. Поэтому ребенокъ можетъ видѣть разомъ всю картину, когда она отображается на его ретинѣ, и можетъ отдѣльно разсматривать одну какую либо ея часть, напр. носъ, пользуясь для этого тѣми волокнами, на которыя падаетъ изображеніе этой части картины. Тогда онъ видитъ лучше всего носъ, менѣе ясно ротъ и глаза, наконецъ всего хуже ноги, какъ наиболѣе удаленныя отъ носа части картины.

Слушая музыкальную піесу, исполняемую оркестромъ, мы можемъ наслаждаться исполненіемъ всего оркестра (синтезировать) и можемъ изъ всего оркестра выбрать одинъ какой либо инструментъ и слѣдить за выполненіемъ имъ своей партіи (анализировать); изъ одновременнаго сочетанія музыкальныхъ

тоновъ наше ухо способно выдѣлять каждый тонъ поодиночкѣ. Условія этого слуховаго синтеза и анализа чисто физіологическія. Въ части уха, называемой улиткой, слуховой нервъ раздѣляется на отдѣльныя волокна, а каждое изъ волоконъ находится въ связи съ эластическимъ тѣломъ — клавишей. Въ настоящее время думаютъ, что эти клавиши, подобно струнамъ въ музыкальныхъ инструментахъ, настроены въ правильномъ музыкальномъ порядкѣ, и что колебанію каждой клавиши соотвѣтствуетъ опредѣленный музыкальный тонъ. Клавишъ этихъ считается у человѣка до 3000, вслѣдствіе чего наше ухо способно различать не только цѣлые музыкальные тоны, но и малыя части полутоновъ. И впечатлѣніе музыкальнаго аккорда объясняется по этой гипотезѣ тѣмъ, что здѣсь разомъ приходятъ въ колебаніе клавиши, соотвѣтствующія различнымъ составнымъ тонамъ аккорда. Вслѣдствіе такого устройства слуховаго нерва мы и можемъ наслаждаться и цѣлымъ впечатлѣніемъ музыкальной піесы, и можемъ разлагать это цѣлое на составляющіе его отдѣльные тоны и полутоны. [1]) Самое существованіе различныхъ органовъ, владѣющихъ специфическою энергіей, служитъ органической основой анализа.

Конечно, эти ассоціаціи и дизассоціаціи, эти анализы и синтезы, возникающіе чисто на органической подкладкѣ, очень несовершенны, грубы, далеко на выражаютъ всей тонкости и сложности упомянутыхъ процессовъ. Но мы не должны упускать изъ виду генетическую связь душевныхъ процессовъ, какъ скоро хотимъ понять ихъ правильно; въ тоже самое время мы, конечно, не приминемъ отмѣтить и видовыя особенности этихъ процессовъ и вообще надлежащимъ образомъ очертить ихъ въ своемъ мѣстѣ. [2])

§ 79. Придавая весьма большое значеніе законамъ ассоціаціи, мы въ тоже время должны признать, что они указываютъ только самые общіе пути для нашей мысли безъ

---

[1]) Приведенные примѣры взяты изъ сочиненія Сѣченова, Рефлексы головнаго мозга.

[2]) Построеніе всего содержанія логики на ассоціаціяхъ и дизассоціаціяхъ (включая сюда процессы диссоціаціи, интеграціи, дизинтеграціи и дифференціаціи) см. въ книгѣ Н. Грота Къ вопросу о реформѣ логики. 1882.

всякихъ ближайшихъ опредѣленій. Имѣя въ виду законы ассоціаціи, мы не можемъ предсказать, какое именно душевное явленіе появится въ слѣдъ за даннымъ, смежныхъ и сходныхъ фактовъ у насъ существуетъ и возникаетъ безчисленное множество. То или другое частное направленіе ассоціацій будетъ зависѣть отъ множества личныхъ, субъективныхъ условій привычнаго круга занятій, силы отдѣльныхъ душевныхъ фактовъ, вліянія чисто случайныхъ расположеній, обстановки и предмета занятій въ данный моментъ времени и т. д. Вслѣдствіе этого частное направленіе ассоціацій представляется безконечно разнообразнымъ и въ высшей степени субъективнымъ, что и даетъ поводъ нѣкоторымъ психологамъ утверждать: что невозможно свести ассоціаціи къ опредѣленнымъ формуламъ и законамъ, что съ даннымъ представленіемъ можетъ ассоціироваться всякое другое. Таково было мнѣніе Рида. Указавъ на мнѣніе Юма, по ученію котораго существуютъ три группы ассоціацій: смежности, сходства и причинности, онъ утверждаетъ, что такое исчисленіе велико, какъ скоро ближе разсматриваютъ теорію Юма, ибо причинность можетъ быть приведена къ смежности, и слишкомъ недостаточно, какъ скоро сопоставляютъ теорію съ дѣйствительностью. Кромѣ указанныхъ направленій, одна мысль можетъ вызывать другую въ силу множества условій, нашего расположенія, привычекъ умственныхъ и нравственныхъ, рода занятій и т. д. Одно и тоже событіе внушаетъ различныя рефлексіи различнымъ лицамъ и даже одному и тому же лицу въ различное время, смотря по тому, счастливо оно или несчастно, весело или печально, здорово или больно. «Память, сужденіе, размышленіе, страсти, аффекты, намѣренія, однимъ словомъ всѣ операціи духа, исключая операцій чувствъ, появляются случайно въ смѣнѣ мыслей и входятъ въ нее какъ элементы». «Есть два вида смѣны мыслей. Однѣ мысли текутъ сами собой, какъ вода изъ своего источника, никакой принципъ не управляетъ ими и не упорядочиваетъ ихъ; другія упорядочиваются и направляются къ цѣли активнымъ усиліемъ духа». [1])

---

[1]) Oevres complètes de Thomas Reid. Изданіе M. Th. Jouffroy, Paris, 1828. T. IV, p. 190—191, 168—169.

Конечно, подобныя воззрѣнія неправильны. Разнообразно направленіе частыхъ ассоціацій, субъективны причины такого разнообразія. Но тѣмъ не менѣе среди этого разнообразія мы можемъ усмотрѣть общіе пути ассоціаціи—послѣдовательность и сходство. Они ясно рисуются нашему уму, какъ скоро мы бросаемъ широкій взглядъ на наши ассоціаціи. Съ даннымъ фактомъ можетъ ассоціироваться не всякій другой, а только смежный или сходный. Невозможно себѣ даже и представить, какъ стали бы ассоціироваться психическія состоянія помимо смежности и сходства. Что же касается субъективности частныхъ направленій ассоціацій, то здѣсь отчасти слѣдуетъ видѣть естественное ограниченіе точности научнаго изслѣдованія, возникающее изъ самой природы дѣла — своеобразной человѣческой личности; а отчасти можно ожидать значительнаго усовершенствованія, въ отношеніи спеціализаціи и точности, ученія о законахъ ассоціаціи отъ дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій, начало которымъ полагается въ настоящее время. [1])

Впрочемъ наша мыслительность не ограничивается одними ассоціаціями. На почвѣ ассоціацій и средствами ассоціацій у насъ возникаютъ новые процессы, которыми элементы психической жизни приводятся въ болѣе близкія и правильныя соотношенія, дающія больше возможности предсказывать ихъ появленіе и смѣну. Это процессы образованія идей или разсудочные, къ анализу которыхъ и переходимъ.

---

[1]) Для примѣра укажемъ на изслѣдованія ассоціацій Гальтономъ—Brain, a journal of neurology, 1879, July—и Траутшольдтомъ—Philosophische Studien, herausgegeben von Wuudt. Erster Band, 2 Heft (1882)

Глава VIII.

Объ идеяхъ.

---

§ 80. Нервныя возбужденія вызываютъ въ насъ ощущенія; ощущенія, по смежности и сходству, слагаются въ разнообразныя представленія; представленія ассоціируются между собою. Что же происходитъ дальше? Указанными процессами наша умственная жизнь не исчерпывается: ассоціированныя представленія, подъ вліяніемъ сходства, вновь сливаются между собою и образуютъ новые продукты. Нужно замѣтить, что во всѣхъ дальнѣйшихъ умственныхъ процессахъ сходство играетъ выдающуюся роль, взаимное тяготѣніе сходныхъ психическихъ образованій составляетъ главнѣйшее, основное явленіе, на почвѣ котораго развивается вся дальнѣйшая жизнь ума. Изслѣдованіе склада міровоззрѣнія мы окончили наблюденіемъ образованія конкретныхъ представленій и связей между представленіями. Теперь продолжимъ наше изслѣдованіе относительно образованія міровоззрѣнія.

Конкретныхъ представленій у насъ существуетъ безчисленное множество; въ нихъ бываетъ много сходнаго. Припомнимъ, что число элементовъ, изъ которыхъ мы строимъ свое міровоззрѣніе, приблизительно равняется 30. Конечно, каждый элементъ можетъ являться въ множествѣ видоизмѣненій, частныхъ формъ, въ различной обстановкѣ и новыхъ сочетаніяхъ, напр. одна и таже краска можетъ дать намъ десятки нѣсколько различныхъ ощущеній; тѣмъ не менѣе наши построенія, въ виду ограниченности матеріала, должны неизбѣжно заключать въ себѣ много сходныхъ элементовъ. Эти-то сходные элементы конкретныхъ представленій, своимъ тяготѣніемъ другъ къ другу, и вызываютъ появленіе новыхъ психическихъ процессовъ, дающихъ намъ въ концѣ концовъ идеи.

Подъ вліяніемъ сходства конкретныхъ представленій въ нашемъ сознаніи отлагаются два ряда образованій: болѣе твердыя образованія — сходства конкретныхъ представленій и слабѣйшія образованія—различія конкретныхъ представленій. Возьмемъ такой частный случай: мы ходимъ по лѣсу и видимъ множество деревьевъ—березы, осины, ели, сосны. Мы разсматриваемъ ихъ, беремъ въ руки куски различныхъ деревъ, отдираемъ кору, срываемъ листья или иглы, однимъ словомъ получаемъ отъ нихъ много разнородныхъ ощущеній. Разнородныя ощущенія даютъ намъ конкретныя представленія. Но выходя изъ лѣсу, мы уносимъ съ собою не массу конкретныхъ представленій объ отдѣльныхъ, видѣнныхъ и изслѣдованныхъ нами, экземплярахъ деревъ, но выносимъ общія представленія: береза, сосна, ель, осина, которыя нерѣдко опять сливаются вмѣстѣ и образуютъ болѣе общее и въ тоже время болѣе твердое представленіе—дерево, т. е. представленіе о корняхъ, стволѣ, вѣтвяхъ, листьяхъ или иглахъ. Что же касается различій видѣнныхъ деревъ, то мы выносимъ общее представленіе и о нихъ, припоминаемъ, что то бываютъ деревья сосны, то березы, то ели, то осины. Но эти представленія различій между деревьями бываютъ слабѣе и темнѣе общаго представленія о деревѣ и даже представленій объ отдѣльныхъ видахъ деревъ. Чѣмъ собственно отличается береза отъ осины, мы на первыхъ порахъ представляемъ неясно, опредѣлить точно не можемъ, хотя въ дѣйствительности и не перемѣшаемъ березу съ осиной. Какъ же объяснить возникновеніе такихъ различныхъ отложеній въ нашемъ сознаніи?

Дѣло выясняется тяготѣніемъ сходныхъ образованій другъ къ другу. Въ конкретныхъ представленіяхъ отдѣльныхъ деревьевъ есть много сходнаго, это сходное сливается и такимъ образомъ усиливается; различія же, сталкиваясь другъ съ другомъ, до нѣкоторой степени ослабляютъ, нейтрализуютъ другъ друга, вслѣдствіе чего даютъ болѣе тусклые образы. Словомъ, въ нашей душѣ въ это время, т. е. во время образованія изъ конкретныхъ общихъ представленій, происходитъ нѣчто подобное одному физическому явленію, о которомъ сообщаемъ извѣстный англійскій психологъ Галь-

тонъ. [1]) Именно онъ говоритъ, что портреты различныхъ лицъ, изготовленные для волшебнаго фонаря, онъ накладывалъ одинъ на другой и на экранѣ получалъ одно общее изображеніе, непохожее ни на одинъ изъ взятыхъ портретовъ въ отдѣльности, но заключавшее черты всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Черты, общія всѣмъ этимъ портретамъ, усиливались, благодаря сліянію; особенности же каждаго изъ нихъ казались относительно мелки и почти исчезали. Онъ производилъ такіе опыты въ самыхъ различныхъ формахъ и всегда находилъ возможнымъ изъ коллекціи отдѣльныхъ портретовъ сдѣлать обобщенное изображеніе, имѣющее видъ снятаго съ живаго лица, если только между портретами было хотя отдаленное сходство и они были сняты съ одинаковаго пункта и имѣли одинаковые размѣры. Подобное же наложеніе и съ подобными же результатами происходитъ и въ нашей душѣ съ конкретными представленіями: сходныя черты конкретныхъ представленій усиливаются, а различныя ослабѣваютъ, причемъ тѣ и другія болѣе или менѣе раздѣляются и составляютъ особыя образованія.

Общія представленія и суть идеи на низшей ступени ихъ развитія. Возникнувъ, онѣ не имѣютъ свойства неизмѣнности, не являются разъ навсегда строго опредѣленными и замкнутыми. Онѣ живутъ, онѣ измѣняются, онѣ находятся въ непрерывномъ общеніи съ отдѣльными конкретными представленіями и то сливаются съ ними, то отдѣляются отъ нихъ. Новыя конкретныя представленія образуются въ насъ непрерывно вслѣдствіе постояннаго притока новыхъ ощущеній; образовавшись, они сейчасъ же вступаютъ въ связь съ прежде образованными идеями, съ которыми имѣютъ наиболѣе сходства. Вслѣдствіе такого сочетанія идей съ конкретными представленіями, идеи постоянно освѣжаются, дополняются частными чертами, спеціализуются, представляютъ постоянное колебаніе въ своемъ содержаніи, впитывая новый матеріалъ; вновь же образуемыя конкретныя представленія, сочетаясь съ идеями, дѣлаются общѣе, классифицируются и вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени теряютъ свою индивиндуальность и обособленность.

---

[1]) «Умственныя картины». Переводъ этой статьи изъ англійскаго журнала сдѣланъ въ Новомъ Обозрѣніи 1881, № 1.

Этотъ непрерывный процессъ—спеціализація идей и обобщеніе конкретныхъ представленій, освѣженіе идеи новыми соками конкретнаго представленія и классифицированіе послѣдняго въ ряду идей — составляетъ одинъ изъ главныхъ видовъ жизни идей.

§ 81. Процессъ обобщенія (образованія общихъ представленій) полагаетъ начало новому процессу—классификаціи. Смежность есть слишкомъ не логичная группировка представленій; сходство вноситъ новое, интеллектуальное начало. Но по всей сущности, сліяніе и отожествленіе сходнаго есть также дѣятельность чисто органическая и механическая, она можетъ совершаться весьма неудачно, неправильно. Тѣмъ не менѣе въ силу сходства однородное начинаетъ выдѣляться отъ разнороднаго въ общихъ представленіяхъ. Такое обособленіе представленій въ двѣ большія и довольно неопредѣленныя группы: однородное и разнородное привлекаетъ наше вниманіе къ представленіямъ, вызываетъ сознательный процессъ сопоставленія, сравненія, вслѣдствіе чего сходства и различія представленій открываются яснѣе, лучше и представленія распадаются на болѣе мелкія группы. Такимъ путемъ мало по малу возникаетъ классификація.

Классификація представленій у насъ происходитъ съ двухъ точекъ зрѣнія: съ жизненной или практической и научной или теоретической. Основа первой классификаціи—соотношеніе средства и цѣли; принципъ второй—причинная зависимость явленій. Первая классификація совершается прежде всего, такъ какъ она вынуждается ежедневнымъ обращеніемъ съ вещами. Находясь среди міра вещей, пользуясь ими для своихъ надобностей и терпя вліяніе отъ нихъ, мы естественно стараемся привести въ порядокъ этотъ окружающій насъ міръ, опредѣлить ближе его значеніе для насъ и его вліяніе. Первая наша задача въ такой классификаціи—выясненіе пользы и вреда вещей. Намъ въ нашей практической жизни весьма важно знать, служитъ ли извѣстная вещь источникомъ удовольствія для насъ или страданія, удовольствія и страданія непосредственнаго, ближайшаго или отдаленнаго, нельзя ли предотвратить вредное дѣйствіе извѣстной вещи, комбинируя ея дѣйствіе съ дѣйствіемъ другихъ вещей, нельзя ли усилить удовольствіе, получаемое отъ извѣстнаго круга предметовъ и т. д. Словомъ весь міръ

распадается для насъ съ этой точки зрѣнія на вещи пріятныя и вещи непріятныя, на источники наслажденія и источники страданія, при чемъ частнѣйшее опредѣленіе порядка вещей обусловливается тѣмъ же принципомъ: впереди стоятъ вещи наиболѣе пріятныя и наиболѣе непріятныя, потомъ менѣе пріятныя и непріятныя и т. д. и классификація заканчивается обширной группой вещей безразличныхъ, недоставляющихъ ни наслажденія, ни страданія, на которыя, какъ на безразличныя, не обращается вниманія. Очень многіе ограничиваются такой классификаціей вещей, считая ее совершенно достаточной и удовлетворительной; дикари, дѣти и необразованные люди не знаютъ иной группировки предметовъ. Въ этой классификаціи, замѣтили мы, преобладающимъ принципомъ является мотивъ цѣли и средства: цѣль—собственное благополучіе и наслажденіе, средства—весь міръ. Созданіе этой классификаціи начинается очень рано, съ первыхъ проблесковъ сознательной жизни человѣка, и потомъ усовершенствуется и усложняется во всю послѣдующую жизнь, сообразно съ развитіемъ потребности наслажденія и способности оцѣнивать вещи, какъ средства для удовлетворенія этой потребности.

Вторая классификація, теоретическая или научная, возникаетъ значительно позже первой и составляетъ результатъ нѣкоторой умственной культуры. Она возникаетъ подъ давленіемъ пробудившагося умственнаго интереса, желанія знать, умѣнья найти удовольствіе въ знаніи вещей, въ объясненіи ихъ свойствъ и природы. Первая классификація вещей біологическая, вторая интеллектуальная. Вторая классификація бываетъ гораздо шире первой. Громадный разрядъ вещей, названныхъ въ первой классификаціи вещами безразличными, въ которой были свалены въ кучу самые разнородные предметы, отъ отдаленной звѣзды на небѣ до ничтожной вещи домашняго обихода, она тщательно разбираетъ и сортируетъ; всю первую классификацію она также передѣлываетъ, группируя вещи съ своей точки зрѣнія. Эта новая точка зрѣнія—желаніе расположить предметы по степени ихъ сходства, указать причинную связь между ними. Личные интересы и удобства въ такой классификаціи не имѣютъ никакого значенія, совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ. Поэтому вся вселенная

составляетъ объектъ этой классификаціи. Конечно, такая классификація должна создаваться медленно, цѣлыми вѣками, такъ какъ хорошая научная классификація находится въ самой тѣсной связи съ развитіемъ науки и до нѣкоторой степени служитъ выразительницей ея блестящаго или плачевнаго состоянія. Подобная классификація сначала обыкновенно опирается на внѣшнія сходства предметовъ, а потомъ переходитъ къ внутреннимъ, сначала поражается внѣшнею, болѣе или менѣе случайною, зависимостью фактовъ и ихъ совпаденіемъ, а потомъ переходитъ къ открытію дѣйствительной причинной связи между ними.

Процессъ классификаціи имѣетъ своей причиной необходимыя движенія нашей мысли подъ вліяніемъ сходства, а не какія либо внѣшнія обстоятельства. По Джемсу Миллю, люди были приведены къ классификаціи единственно потребностями экономіи въ употребленіи словъ. Человѣкъ знакомится прежде всего съ индивидуумами и ихъ называетъ. Но индивидуумовъ существуетъ безчисленное количество, такъ что словъ для ихъ названія не хватаетъ. Необходимостью человѣкъ вынуждался пользоваться однимъ именемъ для обозначенія многихъ индивидуумовъ. Такимъ образомъ и возникаетъ классификація. Еслибы процессъ называнія и разсужденія могъ удобно совершаться съ именами для каждаго индивидуума, тогда имена классовъ и идея классификаціи не существовали бы. [1]) Подобный взглядъ на происхожденіе классификаціи едва ли можно признать особенно глубокимъ и правильнымъ. Подъ классомъ Джемсъ Милль разумѣетъ собраніе предметовъ, съ которыми ассоціировалось одно и то же имя. Слово человѣкъ, напримѣръ, сначала было приложено къ одному индивидууму, оно ассоціировалось съ идеей этого индивидуума и пріобрѣло способность возбуждать идею этого индивидуума. Потомъ оно было приложено къ другому индивидууму и пріобрѣло способность вызывать идею о немъ, затѣмъ къ третьему, четвертому, пока не ассоціировалось съ неопредѣленнымъ количествомъ индивидуумовъ и не пріобрѣло способности возбуждать неопредѣленное

---

[1]) Analysis, vol. I, гл. Classification and Abstraction, p. 260.

число этихъ идей безразлично. Поэтому идея класса есть сложная идея, составленная изъ множества отдѣльныхъ идей, идея неясная, неотчетливая. [1])

Но подобный взглядъ на классификацію представляетъ то существенное неудобство, что второстепенному онъ даетъ значеніе первостепеннаго. Подъ классомъ мы, между прочимъ, мыслимъ и неопредѣленное количество извѣстныхъ индивидуумовъ. Но почему же мы этихъ индивидуумовъ мыслимъ подъ этимъ классомъ? Потому что всѣмъ имъ принадлежитъ извѣстная черта, потому что всѣ они въ извѣстномъ отношеніи сходны между собою. Поэтому съ названіемъ класса у насъ соединяется прежде всего не представленіе неопредѣленнаго количества индивидуумовъ, а представленіе извѣстныхъ свойствъ, принадлежащихъ какому то неопредѣленному числу индивидуумовъ, какой то неясной фигурѣ. Слово черный вызываетъ въ насъ прежде всего не представленія черныхъ индивидуумовъ—людей, животныхъ, одежды, а именно свойство черноты, принадлежащее какой то неясной фигурѣ. Слѣдовательно главное, существенное идеи класса—это сходство въ чемъ либо, оно составляетъ неизмѣнную основу класса, а затѣмъ самые индивидуумы—вещь второстепенная, больше ихъ или меньше, измѣняются они или нѣтъ—все это большаго значенія не имѣетъ. Такимъ образомъ идея класса слагается изъ двухъ элементовъ: а) извѣстнаго сходства, твердой постоянной комбинаціи нѣкоторыхъ признаковъ, б) неопредѣленнаго количества индивидуумовъ, владѣющихъ сходствомъ. Первый элементъ главный, у Джемса же Милля онъ менѣе чѣмъ второстепенный.

Процессъ образованія классификаціи сопровождается энергическою работою дизассоціаціи—прежнія связи представленій разрушаются и на мѣсто разрушенныхъ создаются новыя. Ассоціаціи имѣютъ различную степень крѣпости, вслѣдствіе чего процессъ дизассоціаціи совершается или быстро, легко или же съ трудомъ и медленно, смотря по силѣ и крѣпости прежнихъ связей. Слабыя ассоціаціи, конечно, легко уступаютъ давленію новой классификаціи и исчезаютъ; но старыя укоренившіяся связи вступаютъ въ борьбу съ новыми и не-

---

[1]) Analysis, 1, 264, 265.

рѣдко одерживаютъ побѣду. Нелѣпыя ассоціаціи, образовавшіяся въ дѣтствѣ, нерѣдко хранятся всю жизнь, не смотря на все ихъ противорѣчіе вновь открытымъ сходствамъ и различіямъ представленій.

§ 82. Распредѣленіе представленій по группамъ даетъ возможность болѣе точнаго указанія ихъ свойствъ, такъ что одновременно съ работой классификаціи у насъ совершается другая умственная работа—познаніе свойствъ вещей и объясненіе ихъ природы. Самая классификація, сколько нибудь удовлетворительная, уже предполагаетъ нѣкоторое знаніе вещей. Познаніе и объясненіе вещей совершается въ двухъ направленіяхъ: мы изучаемъ качественную и количественную стороны вещей, вслѣдствіе чего и разсужденіе наше бываетъ качественное и количественное, а равно и законы, устанавливаемые нашимъ умомъ, касаются качества и количества вещей. Качественное разсужденіе есть болѣе элементарное и первоначальное, чѣмъ количественное. Первые вопросы, которые мы себѣ даемъ, знакомясь съ вещью, это вопросы о томъ, что такое вещь, какія свойства она имѣетъ, чѣмъ отличается отъ другихъ вещей, какія свойства въ ней существенныя и какія несущественныя. Безъ отвѣтовъ на поставленные вопросы мы не можемъ составить опредѣленнаго представленія о вещи, безъ нихъ вещь явится для насъ неяснымъ, темнымъ пятномъ. Узнаваніе свойствъ вещей, повидимому, процессъ совершенно простой, но на самомъ дѣлѣ онъ очень труденъ и качественное разсужденіе встрѣчаетъ много препятствій на своемъ пути. Качества въ вещахъ то бываютъ очевидны, то скрыты; качество то присутствуетъ въ извѣстной вещи, то отсутствуетъ; является то въ большей мѣрѣ, то въ меньшей; наконецъ вещи имѣютъ всегда не одно качество, а много и распознать, какое изъ нихъ въ вещи необходимо, а какое случайно, не всегда легко, тѣмъ болѣе, что различныя качества, соединяясь въ одной вещи, вліяютъ другъ на друга, и видоизмѣняются, смѣшиваются. Чистыя, несмѣшанныя качества мы встрѣчаемъ очень рѣдко.

Ознакомившись съ качествами вещей, мы ставимъ дальнѣйшій вопросъ—о томъ количествѣ, въ которомъ является качество. Въ своемъ знаніи мы не ограничиваемся качествен-

ной стороной, ея одной недостаточно. Пусть мы знаемъ, что одно тѣло теплое, а другое холодное; намъ нужны дальнѣйшія свѣдѣнія—на сколько тепло одно тѣло, и сколько градусовъ холода имѣетъ другое. Простое различеніе качества есть различеніе сравнительно грубо; опредѣленіе же мѣры и вѣса, въ которыхъ присутствуетъ качество въ извѣстной вещи, есть вѣнецъ знанія, знаніе вполнѣ точное и опредѣленное. Если бы предположить, что мы своимъ умомъ когда либо будемъ въ состояніи постигнуть всѣ качества всѣхъ вещей вселенной, ихъ связи, смѣшенія и видоизмѣненія, и будемъ въ состояніи взвѣсить и измѣрить всѣ эти качества, опредѣлить всѣ существующія пропорціи ихъ и отношенія, тогда наше знаніе вселенной было бы полно, закончено и мы, по умственной сторонѣ, превратились бы въ боговъ. Узнать качества и соотношенія качествъ въ вещахъ и измѣрить эти качества и соотношенія—вотъ высшій идеалъ нашего знанія.

Итакъ разсужденіе качественное и количественное суть два послѣдовательные момента одного цѣлаго процесса—познанія вещей, моменты, которые не рѣдко развиваются параллельно, идутъ рука объ руку, взаимно поддерживая другъ друга. Психологическіе принципы, которые лежатъ въ основѣ того и другаго, одни и тѣ же, совершенно одинаковы.

Разсужденіе качественное и количественное есть ничто иное, какъ образованіе смежныхъ и сходныхъ ассоціацій, но ассоціацій усовершенствованныхъ, твердыхъ, сознательныхъ. Смежныя ассоціаціи могутъ быть совершенно случайными; въ сходныхъ ассоціаціяхъ нашъ умъ можетъ поразиться какимъ либо внѣшнимъ сходствомъ и не обратить вниманія на значительныя разницы между ассоціируемыми предметами; тѣ и другія ассоціаціи часто совершаются помимо нашего вниманія и сознанія. Въ разсужденіи такихъ явленій быть не должно, въ разсужденіи должны быть связываемы по смежности такіе факты, которые связаны въ дѣйствительности, и должно быть утверждаемо сходство такихъ вещей, которыя дѣйствительно имѣютъ больше сходства, чѣмъ различія; процессъ разсужденія есть процессъ вполнѣ сознательный, отчетливый. Поэтому въ разсужденіи мы совершаемъ переработку, пересмотръ образованныхъ ассоціацій, ненадлежащія ассоціаціи разрываемъ

и на мѣсто расторгнутыхъ создаемъ новыя. Итакъ съ формальной стороны всякое разсужденіе можетъ быть сведено къ одному процессу, именно: разрыву ложныхъ ассоціацій и образованію истинныхъ.

Если мы постараемся опредѣлить, что выражаютъ различные законы, которымъ подчиняются вещи, то мы найдемъ слѣдующее: они выражаютъ сосуществованія, послѣдовательности и сходства, да ничего другаго они и выражать не могутъ. Намъ нужно знать, что такое вещи, насъ окружающія, изъ чего онѣ состоятъ, въ какой пропорціи соединены въ нихъ различные элементы. Всѣ такого рода знанія легко могутъ быть подведены подъ формулу сосуществованія, напр. физическіе и химическіе законы, потому что они выражаютъ одновременное существованіе извѣстныхъ качествъ въ извѣстной пропорціи. Конечно, образовать такія ассоціаціи сосуществованія не легко, чтобы онѣ возникли, нужны многочисленные опыты, самая обширная и разнообразная провѣрка ихъ состоятельности, но тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ подобные законы суть законы, составленные по формулѣ сосуществованія.

Другой рядъ законовъ, напр. біологическіе и историческіе законы, опредѣляетъ послѣдовательность, порядокъ событій. Намъ необходимо знать, въ какомъ порядкѣ вещи и явленія смѣняютъ другъ друга, такъ какъ смѣна ихъ не случайна. Въ этомъ случаѣ простая послѣдовательная ассоціація должна быть превращена въ причинную. Превращеніе дается не легко, заблужденіе—post hoc-ergo propter hoc—угрожаетъ намъ на каждомъ шагу и мы должны имѣть много осторожности и терпѣнія, чтобы счастливо избѣжать его въ своихъ разсужденіяхъ. Обнаруженіе причинной сзязи явленій одна изъ капитальнѣйшихъ задачъ науки.

Наконецъ сходство лежитъ въ основѣ всѣхъ законовъ. Извѣстныя сосуществованія и послѣдовательности касаются не одной вещи, не одного явленія, а многихъ, слѣдовательно эти многія сосуществованія и послѣдовательности признаются сходными, одинаковыми. Въ нѣкоторыхъ законахъ и правилахъ элементъ сходства особенно выдается. Если философія когда либо создастъ опредѣленные законы, то несомнѣнно эти законы

возникнутъ подъ преобладающимъ вліяніемъ сходства. Да и вообще можно сказать, что наука занята отысканіемъ единаго во многомъ.

Такимъ образомъ всякое разсужденіе, и качественное и количественное, на сколько оно касается открытія законовъ природы, есть образованіе твердыхъ, правильныхъ и сознательныхъ ассоціацій по смежности и сходству.

§ 83. Какъ скоро мы пытаемся ближе и точнѣе, съ качественной или количественной стороны, опредѣлить представленія, мы пользуемся пріемомъ разложенія цѣлаго явленія на элементы, выдѣленія одного свойства изъ ряда другихъ и поставленія его въ видѣ самостоятельнаго предмета мысли. Все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ процессъ абстракціи или образованія идей въ собственномъ смыслѣ этого слова. Онъ совершается въ насъ съ такою же неизбѣжностью, какъ и всѣ предъидущія мыслительныя работы. Много причинъ можетъ побуждать насъ остановить наше вниманіе на какомъ либо одномъ элементѣ сложнаго цѣлаго и на немъ сосредоточиться, устраняя всѣ прочіе: удовольствіе или страданіе, истекающее изъ даннаго свойства цѣлаго, интеллектуальный интересъ, противорѣчіе, вносимое имъ въ наше мышленіе и т. д. Разглядывая лицо человѣка, съ которымъ меня только что сейчасъ познакомили, я обращаю особенное вниманіе на его глаза, потому что глаза меня поражаютъ своей живостью, блескомъ, огнемъ; припоминая Волгу, я особенно останавливаюсь на длинѣ этой рѣки, далеко превосходящей множество рѣкъ въ данномъ отношеніи. И въ первомъ и во второмъ случаѣ происходитъ процессъ абстракціи.

Процессъ абстракціи есть дальнѣйшее развитіе предшествующихъ процессовъ—обобщенія и классификаціи. Сначала, подъ вліяніемъ сходства, въ нашемъ сознаніи происходитъ раздѣленіе однороднаго и разнороднаго; потомъ, подъ давленіемъ различныхъ практическихъ и теоретическихъ потребностей, выдѣлившіяся однородное и разнородное располагаются въ болѣе частныя и мелкія группы. Здѣсь такимъ образомъ мы уже встрѣчаемъ анализъ, дизассоціаціи цѣлыхъ группъ представленій; остается только съ группъ перенести анализъ на отдѣльныя представленія и появится настоящая абстракція.

Это случается подъ давленіемъ тѣхъ же практическихъ и теоретическихъ интересовъ.

Находясь въ генетической связи съ обобщеніемъ и классификаціей, абстракція не можетъ рѣзко отдѣляться отъ нихъ и невидимо въ нихъ присутствуетъ. Абстракція и обобщеніе собственно два различные процессы. Абстракція въ тѣсномъ смыслѣ слова есть выдѣленіе одного свойства изъ цѣлой ассоціаціи и поставленіе его въ видѣ самостоятельнаго предмета мысли; напр. изъ всѣхъ признаковъ дома я выдѣляю одинъ—величину и о немъ мыслю. Абстрагировать мы можемъ, не обобщая, мы можемъ размышлять объ извѣстной величинѣ дома, не сопровождая свое мышленіе добавочнымъ представленіемъ, что такая величина есть принадлежность не одного дома, а многихъ; абстракты могутъ быть частные, индивиндуальные, абстрагированье совершается и существуетъ само по себѣ, обобщеніе же можетъ присоединиться къ нему и тогда получатся обобщенные абстракты, а можетъ и не присоединяться. Трудность абстрагированія заключается именно въ процессѣ выдѣленія и удерживанія въ сознаніи одного признака изъ цѣлой ассоціаціи ихъ; обыкновенно въ умѣ, вслѣдъ за однимъ признакомъ, по законамъ ассоціаціи, возникаетъ и вся совокупность, все цѣлое, къ которому принадлежитъ данный признакъ. Обобщеніе расширяетъ объемъ идеи, количество представленій, владѣющихъ извѣстной чертой. Обобщеніе можетъ существовать безъ абстракціи: воспроизводя образы предметовъ и припоминая ихъ отдѣльныя свойства, мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя свойства повторяются и что слѣдовательно по этимъ повторяющимся свойствамъ образы сходны, причемъ мы не отвлекаемъ сходныхъ свойствъ отъ всей совокупности свойствъ. Но обыкновенно эти два процесса — абстрагированье и обобщеніе—соединяются между собою и абстракты бываютъ обобщенные.

Классификація есть ничто иное, какъ обобщеніе, подробное и систематическое. Поэтому замѣчанія, представленныя объ отношеніи абстракціи къ обобщенію, имѣютъ приложеніе и объ отношеніи абстракціи къ классификаціи. Можно прибавить, что созданіе абстрактовъ есть очень хорошее вспомогательное средство при классификаціи. Въ предметахъ, разсматриваемыхъ или

какъ источники наслажденія или теоретически, какъ сходные и несходные, неизбѣжно замѣчается нами повтореніе свойствъ, широкая распространенность того или другаго качества. Такія черты или качества мы называемъ общими. Общность чертъ, распространенность или частая повторяемость качества и есть весьма важное средство классификаціи. Помощью его мы можемъ расположить всѣ представленія въ одинъ почти безконечный рядъ по степени общности, такъ что каждый новый членъ ряда будетъ включать въ себя всѣхъ, ниже его стоящихъ, членовъ; а ниже стоящій членъ будетъ непремѣнно имѣть тоже свойство, что и выше стоящій, да кромѣ того нѣкоторыя новыя свойства. На одномъ концѣ этого длиннаго ряда будутъ стоять отдѣльныя свойства и черты, встрѣчающіяся во всѣхъ существующихъ предметахъ, а на другомъ, противоположномъ, концѣ отдѣльные предметы съ такими свойствами, которыя встрѣчаются только въ нихъ и нигдѣ болѣе. Такимъ образомъ и возникаютъ абстракты первой степени, второй, третьей и т. д. Самая суть процесса образованія абстрактовъ различныхъ степеней заключается въ извлеченіи части содержанія, общей многимъ идеямъ, и поставленіи ея въ формѣ цѣлаго, самостоятельнаго предмета мышленія; потомъ извлеченіи и изъ этой выдѣленной части новой общей части и поставленіи ея отдѣльно и т. д. Представимъ отдѣльный примѣръ образованія абстрактовъ различныхъ степеней: «Критика чистаго разума» Канта, нѣмецкая книга, книга философскаго содержанія, книга, продуктъ научнаго творчества, произведеніе ума человѣческаго, созданіе человѣка, продуктъ и т. д. Каждый послѣдующій членъ этого ряда абстрактовъ бѣднѣе содержаніемъ каждаго предъидущаго члена, но за то заключаетъ въ себѣ, въ своемъ объемѣ, всѣ предъидущіе, онъ общѣе; словомъ продуктъ мы можемъ назвать и «Критику», написанную Кантомъ, и просто книгу, и созданіе человѣка и т. д.; каждый предъидущій членъ богаче содержаніемъ каждаго послѣдующаго, но объемомъ менѣе; терминомъ нѣмецкая книга не можетъ быть названа каждая книга философскаго содержанія, а тѣмъ болѣе произведеніе ума человѣческаго, продуктъ вообще и т. д. Поэтому самый богатый содержаніемъ членъ есть «Критика чистаго разума», а самый бѣдный—продуктъ, но за то «Кри-

тика чистаго разума» обнимаетъ только одно произведеніе, а продуктъ—неисчислимое множество.

Абстракты развиваются у насъ двумя параллельными рядами: абстракціи отъ внѣшнихъ предметовъ и абстракціи отъ внутреннихъ психическихъ процессовъ. Чтобы получить полный, систематическій, рядъ абстрактовъ отъ внѣшнихъ предметовъ, для этого необходимо обозрѣть все содержаніе наукъ, изучающихъ природу и человѣческое общество, составить обстоятельный послѣдовательный списокъ понятій, входящихъ въ сферу каждой, опредѣлить отношенія понятій одной науки къ понятіямъ другой, и тогда получится первая таблица абстрактовъ. Задача, очевидно, не изъ легкихъ. Также надобно поступить и съ науками, изучающими психическія явленія въ человѣкѣ—логикой, психологіей, этикой и т. д., надобно составить списокъ абстрактовъ, возникающихъ чисто на почвѣ психическихъ дѣятельностей. Затѣмъ нужно будетъ опредѣлить отношенія абстрактовъ одного ряда къ абстрактамъ другаго ряда и попытаться составить одинъ списокъ абстрактовъ, но полный и послѣдовательный, обнимающій все существующее въ его генетическомъ порядкѣ. Это и есть задача философіи. Очевидно, разрѣшить такую задачу значитъ систематизировать всѣ научныя понятія, объединить все знаніе—трудъ, требующій необычайно обширныхъ свѣдѣній и необычайно крѣпкаго и смѣлаго ума. Понятно, что даже такіе энциклопедисты и геніи, какъ Аристотель въ древности, Лейбницъ въ новое время, встрѣчали затрудненія при рѣшеніи такой громадной задачи.

Между абстрактами наиболѣе общими нужно считать тѣ, которые основываются исключительно на формахъ нашей умственной дѣятельности, съ полнымъ устраненіемъ содержанія представленій или понятій. Когда мы совершаемъ послѣдовательный процессъ абстракціи, то мы мало по малу исключаемъ все больше и больше содержаніе мыслимыхъ объектовъ. Сначала нашъ абстрактъ—положимъ первой степени—заключалъ въ своемъ содержаніи пять признаковъ, потомъ мы одинъ исключимъ и получимъ абстрактъ второй степени, затѣмъ исключимъ еще одинъ и наконецъ, путемъ постепеннаго исключенія признаковъ, дойдемъ до полнаго уничтоженія содержанія мысли-

маго объекта. Но при такомъ условіи, т. е. при уничтоженіи содержанія мыслимыхъ объектовъ, не прекращается возможность образованія абстрактовъ. Мышленіе безъ объектовъ мысли, конечно, быть не можетъ, но мы можемъ брать любые объекты мысли и, не обращая вниманіе на ихъ содержаніе, относясь къ содержанію вполнѣ индиферентно, наблюдать за движеніями своей мысли и изъ видовъ, способовъ и формъ этихъ движеній образовать новые абстракты. Таковы именно и суть логическіе абстракты, наиболѣе общіе изъ всѣхъ абстрактовъ, потому что всѣ прочіе абстракты имѣютъ въ виду содержаніе представленій и идей, а не тѣ движенія нашей мысли, которыя при этомъ можно наблюдать.

§ 84. Какъ же мы должны понимать абстракты? Суть ли они особые самостоятельные продукты, подобно ощущеніямъ и элементарнымъ представленіямъ или нѣтъ? Этотъ вопросъ очень спорный и онъ издавна дѣлилъ психологовъ на два враждебные лагеря. Одни говорили, что все, что есть въ умѣ, все это частное, отдѣльное, что общее и абстрактное само по себѣ не существуетъ, общее есть только индивиндуальный образъ, сдѣлавшійся представителемъ класса, общее имя. Такіе психологи называются номиналистами. Противники ихъ—концептуалисты—утверждали, что абстракты, общія идеи суть реальныя психическія явленія, а не имена или индивидуумы, только исполняющіе обязаность представителей классовъ. Мы становимся на сторону послѣднихъ. А такъ какъ нѣкоторые номиналисты, напр. Гамильтонъ, говорили, что доктрина номиналистовъ не только истинна, но и очевидна, противоположная же доктрина на столько осязательно нелѣпа, что не могла пріобрѣсти многихъ защитниковъ, [1]) то мы сначала подробнѣе изложимъ доктрину номиналистовъ, а потомъ обоснуемъ свое мнѣніе. Въ представители номинализма мы возьмемъ не древняго психолога, а современнаго, француза Тэна.

«Можемъ ли мы имѣть опытъ, воспріятіе или чувственное представленіе этого отдѣльнаго и абсолютнаго отрывка (абстракта)? Конечно нѣтъ, ибо это противорѣчило бы самому себѣ». «Представлять напр. многоульникъ, значитъ представлять

---

[1]) Lectures on Methaphysics and Logic, vol II, 298, 301.

опредѣленное число сторонъ, а между тѣмъ абстрактъ многоугольникъ есть фигура со многими сторонами, при чемъ количество сторонъ не опредѣлено, вслѣдствіе чего невозможно себѣ его и представить. Велѣть кому либо видѣть или вообразить многія стороны и въ то же время не видѣть и не воображать ни трехъ, ни четырехъ, ни вообще какого нибудь числа— значитъ въ одно и то же время предписать и запретить одну и ту же операцію. Подобнымъ образомъ, когда, увидавъ за городомъ тридцать разныхъ деревьевъ, дубы, липы, березы, тополи, я произношу слово дерево, то я не нахожу въ себѣ цвѣтной фигуры, которая была бы дерево вообще; невозможно себѣ представить величину и форму такъ, чтобы эта величина и форма не были такія то и такія то, т. е. опредѣленныя». [1]) Такимъ образомъ «мы не имѣемъ, собственно говоря, общихъ идей; мы имѣемъ стремленія къ называнію и имена». «То, что мы называемъ общею идеею, общимъ взглядомъ, есть лишь нѣкоторое имя». [2]) «Общее и абстрактное понятіе есть имя, не болѣе какъ имя, имя, обозначающее рядъ подобныхъ фактовъ, подобныхъ индивидуумовъ, обыкновенно сопровождаемое чувственнымъ, но неопредѣленнымъ представленіемъ какого нибудь изъ этихъ фактовъ или индивидуумовъ.... Но это представленіе не есть общее и абстрактное понятіе, оно только его аккомпаниментъ. Если я остановлю его и буду настаивать на немъ, то оно повторяетъ нѣкоторое частное зрительное ощущеніе.... Что же во мнѣ есть столь чистое и опредѣленное, соотвѣтствующее абстрактному признаку и только ему? Имя класса». [3])

§ 85. Мы не считаемъ возможнымъ согласиться съ высказаннымъ мнѣніемъ. При анализѣ изложеннаго мнѣнія нужно различать собственно двѣ мысли: представляемость абстрактовъ индивиндуальныхъ и представляемость обобщенныхъ абстрактовъ. Представляемость абстрактовъ индивиндуальныхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Если цѣлое можно представлять, то почему же нельзя представлять одинъ элементъ цѣлаго? Обыкновенно цѣлое не есть неразрывная ассоціація, поэтому

---

[1]) Тэнъ, Объ умѣ и познаніи т. I, стр. 11.
[2]) Ibidem, 16.
[3]) Ibidem, т. II, стр. 137, 138, 139.

препятствій къ представленію элементовъ не имѣется. Представляя всю совокупность психическихъ свойствъ извѣстнаго человѣка, я могу долгое время сосредоточивать свое вниманіе на одномъ умѣ его, устраняя всѣ прочія свойства. Такимъ образомъ вопросъ можетъ возникать только относительно представляемости обобщенныхъ абстрактовъ, т. е. не цвѣта отдѣльнаго предмета, формы извѣстной вещи, а цвѣта и формы вообще. Мы утверждаемъ, что и обобщенные абстракты представимы.

Имѣя въ мысли обобщенные абстракты, мы всегда имѣемъ болѣе или менѣе опредѣленныя представленія. Абстрактъ — человѣкъ всегда сопровождается у насъ представленіемъ и представленіемъ не отдѣльнаго индивидуума изъ класса людей, а представленіемъ именно человѣка — абстракта. Мысля о человѣкѣ, я имѣю въ своемъ сознаніи фигуру человѣка, мысля о деревѣ или домѣ — фигуру дерева или дома. Въ этомъ представленіи абстракта существенная, основная черта — соотношеніе свойствъ, органовъ и частей фигуры и ихъ форма безъ всякихъ дальнѣйшихъ опредѣленій. Представляя человѣка вообще, я совсѣмъ не представляю извѣстную опредѣленную личность — бѣлой расы, европейца, жителя Россіи, петербуржца, своего знакомаго, — а только соотношеніе, расположеніе органовъ человѣческаго тѣла и ихъ форму, т. е. я представляю себѣ связь головы, туловища, рукъ и ногъ, причемъ, конечно, я представляю и форму исчисленныхъ органовъ, руки не представляю имѣющими форму головы, голову — форму рукъ и т. д. Что же касается до величины фигуры и отдѣльныхъ органовъ, цвѣта кожи, различій мужскаго и женскаго пола, возраста и т. п., все это совсѣмъ не входитъ въ мое представленіе обобщеннаго абстракта человѣка, до всего этого мнѣ рѣшительно нѣтъ въ данномъ случаѣ никакого дѣла. Представляя себѣ домъ вообще, я не представляю его непремѣнно каменнымъ, въ два этажа, крытымъ желѣзомъ, съ зеркальными окнами, я представляю только общее соотношеніе частей дома — стѣнъ, пола, крыши, оконъ, дверей, а до частностей, характеризующихъ тотъ или другой отдѣльный домъ, мнѣ опять нѣтъ никакого дѣла, онѣ мнѣ не нужны. Такіе обобщенные абстракты у насъ несомнѣнно существуютъ и отвер-

гать ихъ невозможно. Сейчасъ на бумагѣ, на маленькомъ клочкѣ, я начерчу фигуру дома или человѣка, мой чертежъ будетъ имѣть опредѣленную величину, но это не то значитъ, чтобы я именно и представлялъ себѣ домъ или человѣка въ вершокъ или полтора, а это значитъ, что то, что я называю домомъ или человѣкомъ, необходимо имѣетъ вотъ такое именно соотношеніе частей и органовъ, какъ это есть на чертежѣ. Чѣмъ общѣе абстрактъ, тѣмъ неопредѣленнѣе, неуловимѣе становится его представленіе, и когда мы доходимъ до самыхъ общихъ абстрактовъ, которые заключаютъ всего на всего одинъ признакъ, принадлежащій всей вселенной и потому растекающійся по необозримой массѣ предметовъ, тогда у насъ не возникаетъ уже никакого опредѣленнаго представленія и мы, желая мыслить такой абстрактъ, неизбѣжно должны пользоваться пособіемъ рѣчи. Таковы абстракты: бытіе, отношеніе, нѣчто. Но и при такихъ, чрезвычайно обобщенныхъ, абстрактахъ у насъ бываютъ весьма темныя и неясныя представленія.

Наблюдая состояніе своей мысли при обобщенныхъ абстрактахъ, мы должны имѣть въ виду, что слѣдить за состояніемъ мысли надобно въ самомъ началѣ, лишь только задача поставлена, обобщенный абстрактъ вызванъ, потому что абстрактъ очень легко и быстро переходитъ въ конкретъ. Если бы мнѣ сейчасъ сказали слово «окно», то у меня на первыхъ порахъ возникъ бы въ сознаніи абстрактъ-окно, т. е. представленіе какого нибудь отверзстія въ стѣнѣ, но затѣмъ этотъ абстрактъ легко и быстро можетъ превратиться въ представленіе какого либо опредѣленнаго окна. Еслибы у меня даже сразу вслѣдъ за словомъ окно явилось представленіе опредѣленнаго окна, того, которое я разсматривалъ недавно и припоминаю живо или того, которое меня особенно поразило и съ которымъ я поэтому наиболѣе твердо ассоціировалъ слово окно, то и это не доказывало бы моей неспособности представлять абстракты. Подобное обстоятельство просто указывало бы на то, что извѣстное слово гораздо прочнѣе ассоціировалось съ объемомъ понятія и именно съ опредѣленною частью этого объема, чѣмъ съ его содержаніемъ. Увеличеніе количества подобныхъ экспериментовъ несомнѣнно укажетъ намъ такіе случаи,

когда наша мысль нѣкоторое время остается при представленіи собственно абстракта, общаго, а потомъ уже переходитъ въ конкретъ.

Любопытное явленіе въ данномъ случаѣ представляютъ глухонѣмые. Не смотря на отсутствіе членораздѣльной рѣчи, мы не можемъ отказать имъ въ абстрактахъ. Нѣкоторые глухонѣмые достигаютъ высокой степени развитія, а высокое развитіе безъ образованія обобщенныхъ абстрактовъ невозможно. Какимъ образомъ они возбуждаютъ другъ въ другѣ или сообщаютъ другъ другу абстракты и какъ ихъ мыслятъ? У нихъ абстракты обозначаются по выдающемуся, наиболѣе характерному для нихъ, признаку и мыслятся подъ этимъ признакомъ. Такъ похлопываніе руками на подобіе крыльевъ означаетъ всякую птицу или птицъ вообще; движеніе, которымъ какъ бы становятся на четвереньки, означаетъ звѣрей или четвероногихъ вообще; движеніе, изображающее наливаніе чего нибудь изъ кружки, выражаетъ понятіе жидкости вообще, и воду и чай и ртуть; прикосновеніе къ губамъ обозначаетъ не только красноту губъ, но и красноту неба, картины, платья, цвѣтка, т. е. красноту вообще и т. д. Обозначая подобными знаками не одинъ предметъ, а много и притомъ съ опредѣленной стороны, по извѣстному свойству, глухонѣмые обозначаютъ абстрактное, общее, которое они и мыслятъ подъ формой этихъ знаковъ. Слѣдовательно существующіе у нихъ абстракты сопровождаются опредѣленными представленіями наиболѣе характерныхъ чертъ этихъ абстрактовъ. Мы утверждаемъ, что нѣчто подобное совершается и въ сознаніи нормальныхъ людей, какъ скоро они мыслятъ обобщенные абстракты.

Обращаясь собственно къ математическимъ абстрактамъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Абстрактъ многоугольникъ не есть необходимо опредѣленный многоугольникъ. Мы можемъ вообразить такой многоугольникъ, который имѣетъ для нашего сознанія неопредѣленное количество сторонъ. Разсматриваемый объективно, онъ, конечно, имѣетъ извѣстное число сторонъ и слѣдовательно есть опредѣленный многоугольникъ; но для нашего сознанія онъ неопредѣленная фигура, потому что въ данномъ случаѣ для насъ рѣшительно не имѣетъ никакой важности то обстоятельство, сколько въ

этомъ многоугольникѣ сторонъ—13, 14 или 12, для насъ важно, чтобы это былъ именно многоугольникъ. Существованіе такихъ представленій неопредѣленныхъ фигуръ не можетъ подлежать сомнѣнію. Положимъ, я сейчасъ сижу противъ стѣны и разсматриваю рисунокъ обоевъ. Онъ мнѣ не нравится—это какіе-то цвѣтки — и я представляю, что было бы лучше вмѣсто цвѣтковъ нарисовать на обояхъ правильныя геометрическія фигуры, напримѣръ многоугольники. Я бы желалъ, чтобы одинъ многоугольникъ тянулся отъ потолка до пола, чтобы отъ правой руки къ лѣвой онъ занималъ столько же пространства, сколько есть отъ полу до потолка и чтобы каждая сторона его по величинѣ равнялась аршину. Я воображаю это многоугольникъ и мысленно черчу его на стѣнѣ. Утверждать, что въ это время у меня нѣтъ представленія многоугольника, невозможно, я его воображаю; утверждать, что это есть представленіе не многоугольника вообще, а опредѣленнаго многоугольника, также нельзя, такъ какъ я не знаю числа сторонъ своего воображаемаго многоугольника, не могу высчитать числа его угловъ, да я даже не могу точно сказать, какъ именно велико разстояніе отъ пола до потолка. Да и самъ Тэнъ хотя и утверждаетъ, что общія идеи суть только имена и стремленія называть, вынужденъ однако допустить существованіе образовъ, сопровождающихъ называніе абстрактовъ. «Передъ словомъ дерево, особенно если я читаю его медленно и со вниманіемъ, во мнѣ пробуждается смутный образъ, столь смутный, что въ первое мгновеніе я не могу сказать: есть ли это образъ яблони или образъ сосны. Точно также, слыша слово многоугольникъ, я черчу въ себѣ самомъ весьма неясныя линіи, которыя пересѣкаются и стремятся заключить пространство, при чемъ я еще не знаю, будетъ ли рождающаяся фигура четыреугольная или пятиугольная». [1])

§ 86. Каждое психическое пріобрѣтеніе имѣетъ свою основу, свое воплощеніе въ нервной системѣ. Припоминаніе образа означаетъ, что соотвѣтствующій ему нервной элементъ не потерялъ еще полученнаго имъ возбужденія, что оно еще въ

---

[1]) Объ умѣ и познаніи, т. I, стр. 11.

немъ сохраняется въ количествѣ или равномъ или превышающемъ необходимый минимумъ, чтобы возникало психическое явленіе. Что же будетъ значить теперь сліяніе образовъ, возникновеніе обобщенныхъ абстрактовъ? Оно будетъ значить, что сходныя черты многихъ отдѣльныхъ образовъ возбуждаются въ весьма быстрой послѣдовательности, что возбужденіе съ одного нервнаго элемента весьма быстро переходитъ къ другому, третьему, десятому, сотому и въ нихъ вызываетъ сходную дѣятельность, такой же процессъ возбужденія. Немыслимо образованіе абстрактовъ безъ соотвѣтствующей нервной дѣятельности; самое существованіе образа обусловливается сохраненіемъ нервнаго возбужденія и никакая перемѣна въ состояніи и положеніи образа не можетъ совершиться безъ соотвѣтствующей перемѣны въ состояніи и положеніи нервныхъ элементовъ. Слѣдовательно образованіе абстрактовъ неизбѣжно предполагаетъ такое же реальное возбужденіе нервныхъ элементовъ, какъ и ощущеніе и представленіе. Разница въ томъ, что при ощущеніи и представленіи возбуждается небольшое количество нервныхъ элементовъ, а въ процессѣ образованія абстракта очень значительное, и это количество бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ общѣе абстрактъ. Представленія движенія суть несомнѣнно обобщенные абстракты. А между тѣмъ, по изслѣдованіямъ проф. Штрикера, представленіе движенія неразрывно связывается съ соотвѣтствующими мускульными ощущеніями. Представляя лошадь, тянущую тяжелую повозку, онъ испытываетъ ощущеніе въ области груди и плечъ; представляя поднятіе лѣвой ноги, онъ испытываетъ соотвѣтствующее ощущеніе въ лѣвомъ бедрѣ; представленія движеній неодушевленныхъ предметовъ у него связываются съ ощущеніями глазныхъ мышцъ [1]) и т. д. Такимъ образомъ при абстрактѣ мы имѣемъ не только возбужденіе соотвѣтствующихъ частей нервной системы, но и возбужденіе соотвѣтствующихъ органовъ тѣла. Абстрактъ является очень реальнымъ.

Относительно обобщенныхъ абстрактовъ нужно указать еще слѣдующія черты: абстракты легко переходятъ въ конкретныя

---

[1]) Stricker, Studien uber die Bewegungsvorstellungen, Wien, 1882, s. 14—17.

*

представленія—это неизбѣжный процессъ для абстрактовъ. Абстрактъ есть одинаковое возбужденіе многихъ нервныхъ элементовъ. Но каждый данный нервный элементъ заключаетъ въ себѣ не только ту частицу возбужденія, которой онъ похожъ на другіе элементы; но онъ заключаетъ цѣлое особенное возбужденіе. Понятно, что какъ скоро въ немъ возникаетъ часть возбужденія, имъ сохраняемаго, то бываетъ готово возникнуть и все то возбужденіе цѣликомъ, часть котораго данное возбужденіе составляетъ. Въ психологіи это будетъ соотвѣтствовать такому явленію: сходныя черты различныхъ представленій, пробуждаясь непосредственно одна за другой въ силу своего сходства, по смежности вызываютъ цѣлые образы, часть которыхъ онѣ составляютъ. Книга философскаго содержанія есть абстрактъ, извлеченный мною изъ многихъ представленій объ извѣстныхъ мнѣ философскихъ книгахъ. Мысля этотъ абстрактъ, я испытываю переходъ нервнаго возбужденія отъ одной нервной клѣтки къ другой, съ дѣятельностью которыхъ у меня сочетались представленія объ отдѣльныхъ книгахъ философскаго содержанія. Но какъ скоро возбужденіе касается какой либо клѣтки, то въ сознаніи у меня легко можетъ пробудиться не только представленіе о философичности книги, но и о всей книгѣ цѣликомъ. Поэтому думая о книгѣ философскаго содержанія, я легко могу перейти своею мыслію къ «Критикѣ чистаго разума» Канта, «Этикѣ» Спинозы, «Политикѣ»—Платона.

Изъ самой природы обобщеннаго абстракта точно также слѣдуетъ, что абстрактъ легко можетъ перейти не въ одно конкретное представленіе, а во многія. То возбужденіе, которое возникаетъ при абстрактѣ, затрогиваетъ многія нервыя клѣтки, дѣятельность которыхъ влечетъ припоминаніе многихъ конкретныхъ представленій. Поэтому мы всегда имѣемъ богатый выборъ при замѣнѣ абстракта конкретомъ. Но, конечно, не каждое изъ конкретныхъ представленій имѣетъ равную возможность замѣнять абстрактъ, абстракты легче переходятъ въ одни конкреты, чѣмъ въ другіе. Конкреты, наиболѣе удобные для замѣны абстрактовъ, суть наиболѣе типичные, наиболѣе характерные конкреты, въ которыхъ рельефно отображаются свойства цѣлаго класса вещей, вообще наиболѣе выдающіеся

экземпляры класса, долѣе задерживающіе на себѣ наше вниманіе. Поэтому абстрактъ: философская книга легче перейдетъ въ конкретъ «Критика чистаго разума» Канта, или «Логика» Гегеля, или «Разсужденіе о методѣ» Декарта, чѣмъ въ какое либо второстепенное философское сочиненіе.

Способность людей удерживать болѣе или менѣе продолжительный срокъ въ своемъ сознаніи абстракты и не переводить ихъ въ конкреты бываетъ очень различна. У нѣкоторыхъ абстрактъ почти мгновенно переводится въ конкретъ или рядъ конкретовъ; у другихъ абстрактъ долгое время не допускаетъ конкреты въ сознаніе. Гальтонъ хотѣлъ знать, какія представленія вызоветъ слово лодка. Онъ говорилъ различнымъ лицамъ: «я хочу поговорить съ вами о лодкѣ». Подобный опытъ привелъ къ слѣдующему результату: одна молодая дѣвушка сказала, что ей тотчасъ же представилась большая, отплывающая отъ берега, лодка, наполненная мужчинами и дамами, причемъ дамы были въ бѣломъ и голубомъ. Другое лице, имѣющее привычку къ философскимъ сужденіямъ, отвѣтило, что слово лодка не вызываетъ въ немъ никакого опредѣленнаго образа, потому что оно старалось намѣренно воздерживать свой умъ отъ этого, не допуская возникнуть въ немъ конкретному представленію ялика, шлюпки, барки, катера и другихъ мелкихъ судовъ; болѣе того, оно отказывалось думать въ частности о какомъ либо изъ этихъ видовъ и разсматривать его съ какой либо спеціальной точки зрѣнія. У нѣкоторыхъ лицъ абстракты связываются, вслѣдствіе дѣтскихъ ассоціацій, съ оригинальными конкретами, напр. буквы съ различными цвѣтами, такъ что каждое слово въ ихъ воображеніи будетъ разноцвѣтнымъ. Одинъ господинъ объяснилъ Гальтону, что онъ видитъ умственно систему нумераціи въ формѣ волнообразной и разноцвѣтной ленты. Подобныя же ассоціаціи наблюдаются по отношенію къ днямъ, мѣсяцамъ, числамъ [1]).

§ 87. Процессы, которыми мы образуемъ идеи, отличаются отъ простыхъ ассоціацій не только большею сознательностью, сложностью и опредѣленностью, но еще и своимъ логическимъ

---

[1]) Умственныя картины.

методическимъ характеромъ. Въ сравнительно общихъ и неопредѣленныхъ путяхъ ассоціаціи мы намѣчаемъ себѣ пути болѣе частные и опредѣленные, вслѣдствіе чего наша умственная работа бываетъ плодотворнѣе, быстрѣе ведетъ насъ къ цѣли. Что касается методовъ, которыми мы пользуемся при созданіи міровозрѣнія вообще и при образованіи идей въ частности, то это суть анализъ и синтезъ и ихъ усовершенствованія—дедукція и индукція. Въ мышленіи мы только то и дѣлаемъ, что анализируемъ и синтезируемъ. Работа нашего ума начинается анализомъ. Каждый предметъ есть совокупность свойствъ; различныя свойства предмета усвояются нами помощью различныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Слѣдовательно наши чувства разлагаютъ предметъ на составляющія его свойства. Это первый анализъ, совершаемый нами. Вслѣдъ за анализомъ сейчасъ же совершается синтезъ: отдѣльныя ощущенія одного органа или различныхъ органовъ сочетаются между собою и образуютъ или однородное или разнородное представленіе. Это нашъ первый синтезъ. Затѣмъ подобные анализы и синтезы совершаются безчисленное количество разъ. Въ дальнѣйшемъ общемъ потокѣ умственной дѣятельности мы ясно различаемъ два момента съ господствующимъ преобладаніемъ то синтеза, то анализа. Ощущенія складываются въ представленія однородныя и разнородныя; представленія ассоціируются между собою и образуютъ ряды и группы; къ возникшимъ представленіямъ изъ вновь получаемыхъ ощущеній прибавляются новые признаки и черты. Это налипаніе по смежности признака къ признаку и представленія къ представленію, это отожествленіе сходнаго и составляютъ основныя черты синтетической дѣятельности нашего ума. Образованныя представленія и ассоціаціи, силой сходства и различія, разлагаются: однородное выдѣляется отъ разнороднаго; возникаютъ обобщенія разнороднаго; появляются абстракты. Это развитіе мысли аналитическаго характера, оно представляетъ обратное движеніе: отъ цѣлаго къ элементамъ и обособленію элементовъ. Конечно, въ строгомъ смыслѣ у насъ синтетическая работа никогда совершенно не отдѣляется отъ аналитической и аналитическая отъ синтетической.

Главнѣйшіе логическіе методы—дедукція и индукція суть

ничто иное, какъ усовершенствованные и усложненные анализъ и синтезъ, имѣющіе своей основой ассоціацію сходства. Когда мы въ силлогизмѣ изъ общаго сужденія, представляемаго большой посылкой, извлекаемъ частное заключеніе, то такой процессъ вывода есть дѣятельность аналитико-синтетическая. Мы можемъ назвать силлогизмъ анализомъ, обращая вниманіе на объемъ сужденій, его составляющихъ. Въ силлогизмѣ объемъ большой посылки дробится и въ заключеніи изъ него берется только одна какая либо часть. Всѣ науки полезны; логика наука; логика полезна. Большая посылка говоритъ о всѣхъ наукахъ, заключеніе объ одной логикѣ. Въ силлогизмѣ такимъ образомъ, со стороны объема составляющихъ его сужденій, мысль идетъ отъ цѣлаго къ части, отъ большаго къ малому, отъ сложнаго къ простому, что составляетъ самую характерную черту анализа. Но рядомъ съ этимъ движеніемъ мысли, въ силлогизмѣ можно обнаружить и другое умственное теченіе, именно синтетическое, если мы обратимъ вниманіе на содержаніе сужденій, составляющихъ силлогизмъ. Въ большой посылкѣ мы говоримъ о всѣхъ наукахъ, въ заключеніи объ одной логикѣ. Сравнивая между собою понятія наука и логика, мы найдемъ, что понятіе наука гораздо скуднѣе по содержанію, чѣмъ понятіе логика. Въ понятіе логика входятъ не только всѣ тѣ признаки, которые заключаются въ понятіи наука, но еще и другіе, которые характеризуютъ логику и отличаютъ ее отъ всѣхъ другихъ наукъ. Слѣдовательно въ силлогизмѣ мы начинаемъ разсужденіе понятіемъ сравнительно бѣднымъ по содержанію и заканчиваемъ понятіемъ сравнительно богатымъ; наша мысль, со стороны содержанія сужденій, составляющихъ силлогизмъ, перешла отъ простаго къ сложному, отъ общаго къ частному, отъ болѣе отвлеченнаго къ менѣе отвлеченному, что составляетъ самую характерную черту синтеза. На этомъ основаніи и можно утверждать, что движеніе мысли въ силлогизмѣ представляетъ сложный процессъ, аналитико-синтетическій.

Индукція представляетъ собою процессъ синтетико-аналитическій. Обращая вниманіе на объемъ сужденій, составляющихъ индуктивный выводъ, мы замѣчаемъ, что заключеніе имѣетъ болѣе широкій объемъ, чѣмъ посылки, что начинаемъ мы разсужденіе въ индукціи съ отдѣльныхъ предметовъ, а

переходимъ въ заключеніи къ цѣлому виду или роду такихъ вещей. И логика и психологія и физика и математика полезны; перечисленные предметы суть науки, слѣдовательно науки полезны. Со стороны объема сужденій, составляющихъ индуктивный выводъ, мысль въ индуктивномъ разсужденіи идетъ отъ частнаго къ общему, отъ части къ цѣлому, отъ меньшаго къ большому, вслѣдствіе чего индуктивный выводъ и можетъ быть названъ процессомъ синтетическимъ, на сколько дѣло касается объема входящихъ въ него сужденій. Но въ индукціи мы легко открываемъ и другое движеніе мысли, аналитическое. Мы начинаемъ разсужденіе въ индукціи съ понятій сравнительно богатыхъ содержаніемъ и оканчиваемъ понятіями сравнительно бѣдными по содержанію. Въ началѣ разсужденія, въ приведенномъ выше примѣрѣ, у насъ находятся понятія логики, психологіи и т. д., а въ концѣ понятіе науки. А такое движеніе мысли есть аналитическое. Слѣдовательно индукція, по составу и характеру мыслительнаго процесса, въ ней заключеннаго, можетъ быть названа разсужденіемъ синтетико-аналитическимъ.

И дедуктивное и индуктивное разсужденія имѣютъ одну и ту же основу—признаніе мыслей и соотвѣтствующихъ имъ явленій сходными. Мы такъ говоримъ: науки полезны, логика наука, логика полезна. Исходный пунктъ мысли—признаніе полезности того порядка явленій, который обозначается словомъ наука. А почему мы признаемъ полезной логику? Потому что утверждаемъ, что она наука, т. е. что она тожественна или очень похожа на тѣ явленія, за которыми мы признали полезность въ большой посылкѣ. Слѣдовательно мы переносимъ признакъ (полезности) съ одной группы явленій—съ науки—на другой подобный предметъ—логику, мы замѣщаемъ въ своемъ мышленіи одинъ предметъ другимъ подобнымъ предметомъ. Принципъ замѣщенія подобныхъ, перенесеніе знаній съ одного предмета на другой подобный предметъ—вотъ въ чемъ основа дедуктивнаго мышленія.

Основаніе индуктивнаго мышленія—тоже самое, т. е. замѣщеніе подобныхъ и перенесеніе знанія съ одного предмета на другой сходный. Мы говоримъ: и логика и психологія и физика и математика полезны; а это науки; слѣдовательно науки полезны. Мы утверждаемъ, что извѣстныя намъ четыре явленія

владѣютъ признакомъ полезности; мы утверждаемъ, что и науки вообще полезны. На какомъ основаніи? На основаніи сходства тѣхъ явленій, которыя мы обозначаемъ словами логика, психологія, физика, математика и тѣхъ, которыя мы обозначаемъ терминомъ наука. Въ силу сходства мы и переносимъ признакъ полезности съ упомянутыхъ четырехъ явленій на цѣлый классъ вещей, обозначаемый словомъ наука.

Итакъ основой всѣхъ нашихъ выводовъ, дедуктивныхъ и индуктивныхъ, отъ общаго къ частному и отъ частнаго къ общему, служитъ утвержденіе сходства между двумя мыслями и соотвѣтствующими имъ явленіями, а вслѣдствіе этого возникаетъ возможность перенести знанія съ одного явленія на другое подобное, замѣстить одинъ предметъ мышленія другимъ сходнымъ. Сходство же, приписываемое нами предметамъ, можетъ имѣть различныя степени: подобіе, сходство, равенство, одинаковость, тожество. Смотря по тому, какой степенью сходства мы довольствуемся при разсужденіи о вещахъ, и наше заключеніе бываетъ твердо или не твердо. Въ выводѣ по анологіи мы принимаемъ за основу заключенія сходство не особенно значительное и твердое, и сообразно съ этимъ выводы, пріобрѣтенные путемъ аналогіи, выводы не изъ прочныхъ, легко могутъ оказаться ложными; въ основѣ индуктивнаго вывода сходства больше и индуктивное заключеніе бываетъ гораздо тверже. Есть лица, которыя оспариваютъ твердость индуктивныхъ выводовъ на томъ основаніи, что природа, вопреки предполагаемому при индукціи единообразію, можетъ, неожиданно для насъ, оказаться разнообразной, менѣе сходной, чѣмъ мы предполагали и такимъ образомъ въ корнѣ подорвать состоятельность индуктивнаго вывода. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ нашихъ выводахъ, весьма важное дѣло не упускать изъ вида разницу между вещами, не увлекаться сходствомъ до забвенія несходства, нужно постоянно помнить, что сходства идутъ рука объ руку съ несходствами. Коротко сущность всѣхъ нашихъ выводовъ можно выразить такой формулой: найти сходное въ различномъ, не забывая о различномъ.

Окидывая въ заключеніе однимъ взглядомъ совокупность процессовъ, образующихъ идеи, и сопоставляя ихъ съ простыми ассоціаціями, мы находимъ между тѣми и другими родовое,

генетическое сродство: наше разсужденіе въ концѣ концовъ есть образованіе правильныхъ и твердыхъ ассоціацій средствами же ассоціаціи. Но видовыя различія между этими двумя группами процессовъ значительны: въ мышленіи общіе пути ассоціаціи спеціализуются и такимъ образомъ создаются новые процессы: обобщеніе, классификація, разсужденіе качественное и количественное, абстракція; вся дѣятельность является болѣе сознательной и методической; сочетанія представленій вслѣдствіе этого оказываются болѣе правильными и твердыми въ мыслительныхъ работахъ, чѣмъ въ простыхъ ассоціаціяхъ.

§ 88. Педагогу при заботахъ о наилучшемъ развитіи тѣхъ процессовъ, которыми образуются идеи, нужно обратить вниманіе прежде всего на обобщеніе и абстракцію. Процессъ обобщенія можетъ совершаться съ различною долею основательности и правильности, сообразно съ количествомъ и качествомъ обобщаемаго матеріала. Имѣя подъ рукой очень маленькое количество экземпляровъ, и притомъ не характерныхъ, извѣстнаго класса, мы можемъ сдѣлать обобщеніе, простирающееся на весь классъ. Видѣвъ случайно только одинъ десятокъ китайцевъ, мы можемъ составить представленіе о китайцахъ вообще. Для основательности и правильности обобщенія педагогу слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующіе два пункта: а) количество обобщаемаго матеріала должно быть всегда достаточно обильно. Въ противномъ случаѣ мы рискуемъ впасть въ серьезныя ошибки при обобщеніи: замѣтить не всѣ отличительныя черты класса, такъ какъ нѣкоторыя характерныя черты могутъ быть выражены въ отдѣльныхъ экземплярахъ недостатачно рельефно; важнымъ чертамъ не придать значенія вслѣдствіе случайнаго не энергичнаго выраженія ихъ; черты индивиндуальныя принять за родовыя и такимъ образомъ въ корнѣ подорвать правильность обобщенія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣлается таже ошибка, которую въ очень рѣзкомъ и грубомъ видѣ сдѣлала одинъ разъ извѣстная Лаура Бриджманъ: она узнала отъ кого-то слово «холостой» и просила объяснить смыслъ его. Ей было указано, что мужчины, у которыхъ есть жены, называются женатыми, а у которыхъ женъ нѣтъ—холостыми и въ примѣръ послѣднихъ привели ея стараго друга, который много курилъ. Затѣмъ ей предложили самой объяснить слово «холостой» и она

написала: «холостые не имѣютъ женъ и курятъ»; б) обобщаемый матеріалъ долженъ быть достаточно разнообразенъ и типиченъ. При обобщеніи нужно имѣть въ виду не только всѣ характерныя черты класса, но и различныя степени, въ которыхъ присутствуетъ то или другое свойство въ разныхъ представителяхъ класса, чтобы составить себѣ о немъ полное понятіе. Поэтому и важно, чтобы обобщаемый матеріалъ, принадлежа одному и тому же классу, былъ разнообразенъ. А чтобы не обременять себя излѣдованіемъ обширнаго и разнообразнаго матеріала, далеко притомъ не всегда доступнаго, надо стараться отыскать типичныхъ представителей класса, въ которыхъ всѣ характерныя черты не только присутствовали бы, но и были бы выражены рельефно и въ различныхъ степеняхъ развитія. Такіе типичные представители значительно ускоряютъ и облегчаютъ процессъ обобщенія, нисколько не ослабляя его правильности и основательности.

Развитіе абстрактнаго мышленія есть одна изъ очень важныхъ и въ то же время трудныхъ воспитательныхъ задачъ. Вслѣдъ за однимъ свойствомъ мы, въ силу ассоціаціи, стремимся сейчасъ же вызвать въ своемъ умѣ цѣлый образъ, которому принадлежитъ свойство. Требовать рано способности абстрактнаго мышленія отъ учащихся значитъ требовать отъ нихъ совершенія рабаты, превосходящей ихъ силы. Одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ старинной схоластической школы и заключался въ указанномъ требованіи, все обученіе въ ней было насквозь проникнуто обобщенными абстракціями и въ самомъ началѣ курсовъ ариѳметикъ, грамматикъ, катехизисовъ обыкновенно и стояли, въ видѣ опредѣленій предмета науки, самыя общія абстракціи. Учащимся ничего болѣе не оставалось, какъ усвоять всю предлагаемую мудрость силой одной послѣдовательности и опытомъ убѣждаться, что корень ученія дѣйствительно горекъ.

Способность абстрактнаго мышленія нужно подготовлять тщательно. Первый рядъ упражненій, годный для достиженія поставленной цѣли, есть сосредоточеніе вниманія на элементарныхъ, хорошо извѣстныхъ, представленіяхъ, на опредѣленномъ цвѣтѣ, звукѣ, вкусѣ, гладкости и т. п. Вызывая въ умѣ такое хорошо извѣстное, элементарное представленіе, мы

и создаемъ нѣкоторый навыкъ мыслить только объ этомъ предметѣ, не вызывая, по возможности, сложныхъ представленій. Затѣмъ изъ цѣлой ассоціаціи нужно учить выдѣлять одно свойство и на немъ останавливаться, не обобщая этого абстрагированнаго свойства, мысля о немъ какъ объ индивиндуальномъ, только какъ о свойствѣ этого отдѣльнаго предмета. Самое абстрагированье всегда нужно достаточно мотивировать, напр. вредомъ или пользой этого свойства, если дѣло идетъ о растеніи, животномъ, минералѣ, теоретическою важностью этого свойства въ ряду другихъ, его внѣшнею эффектностью и т. п. Предметъ, изъ цѣлостности котораго отвлекается данное свойство, долженъ быть подъ рукой, чтобы не было препятствій къ отчетливому представленію абстрагированнаго свойства. Наконецъ за этими упражненіями должно слѣдовать собственно идейное мышленіе, т. е. сосредоточеніе вниманія на обобщенныхъ абстрактахъ. Но никогда не нужно забывать осторожности въ требованіи строго идейнаго мышленія, подобное требованіе умѣстно только на довольно высокой ступени умственнаго развитія, на которой большинство учащихся, особенно въ среднихъ школахъ, не находится. Наиболѣе же легкій и естественный переходъ отъ индивиндуальныхъ абстрактовъ къ обобщеннымъ абстрактамъ состоитъ въ абстрагированіи даннаго свойства отъ множества разнородныхъ предметовъ. Нужно создать идею круга, какъ чистой формы. И вотъ мы даемъ множество круглыхъ предметовъ—монеты и деревянные кружки разной величины, вырѣзываемъ кружки изъ бумаги, чертимъ круги на бумагѣ и на доскѣ различными красками и различныхъ величинъ. Отъ множества видѣнныхъ начерченныхъ разноцвѣтныхъ круговъ и круглыхъ предметовъ разной величины и матеріала, круглая форма мало по малу абстрагируется и предстанетъ предъ нашимъ умомъ въ видѣ чистой формы, безъ опредѣленной величины и матеріала, если только у насъ не будетъ никакихъ особенныхъ побужденій слить идею круга съ какимъ либо отдѣльнымъ предметомъ.

§ 89. Для методическаго развитія мышленія нужно занять умъ серьезнымъ изученіемъ наукъ съ преобладающимъ индуктивнымъ и дедуктивнымъ характеромъ. Индуктивный методъ преобладаетъ въ естественныхъ наукахъ, гдѣ онъ встрѣчается

въ различныхъ формахъ и примѣненіяхъ, сообразно съ тѣмъ или другимъ характеромъ и матеріаломъ науки. Поэтому лучшая практика для изощренія ума въ индуктивныхъ заключеніяхъ—это основательное изученіе нѣсколькихъ естественныхъ наукъ. Индуктивныя заключенія въ естественныхъ наукахъ выводятся очень осмотрительно и осторожно. Природа выдаетъ свои тайны и чудеса только осторожному, строгому изслѣдователю, который не навязываетъ ей произвольно составленныхъ, сфантазированныхъ, теорій и гипотезъ, но подслушиваетъ объясненіе натуральныхъ явленій у самой природы. Естественныя науки имѣютъ за собой еще то преимущество, что преподаваніе ихъ можетъ быть поставлено совершенно наглядно, такъ что питомецъ самъ будетъ видѣть, какъ изъ наблюденія и сравненія отдѣльныхъ фактовъ возникаютъ общія положенія, какъ, комбинируя эти положенія, мы получаемъ болѣе широкія и отвлеченныя формулы и т. д. Въ то же время и провѣрка добытыхъ общихъ правилъ и законовъ можетъ быть производима вполнѣ наглядно—опытами и наблюденіями. Не каждая наука, съ преобладаніемъ индукціи, имѣетъ за собой это преимущество наглядности.

Если естественныя науки прекрасно выражаютъ характеръ индуктивнаго изслѣдованія, то математика, и въ частности геометрія, равно прекрасно выражаетъ сущность дедуктивнаго метода. Изъ немногихъ аксіомъ путемъ вывода геометръ построяетъ все зданіе своей науки; теорема за теоремой являются изъ самыхъ простыхъ началъ. Поэтому для развитія способности къ дедуктивному мышленію занятіе геометріей особенно полезно. Философія также можетъ принести въ этомъ отношеніи существенную пользу, такъ какъ ея методъ дедуктивный.

Но какъ ни полезно для развитія методической мыслительности изучать тѣ науки, въ которыхъ съ особенною силою выразились главнѣйшія формы человѣческой мысли, т. е. изучить эти формы въ примѣненіи къ той или другой частной области знанія, было бы очень хорошо это практическое ознакомленіе съ формами нашей мысли пополнить теоретическимъ изученіемъ чистыхъ формъ мысли, т. е. логики. Кто хочетъ дать себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ тѣхъ путяхъ, которыми идетъ наша мысль, въ заблужденіяхъ, которыя возможны при

этомъ, и способахъ предотвращать ихъ, тотъ долженъ обратиться къ логикѣ. Благотворное вліяніе знакомства съ логикой на осмотрительность и основательность сужденій несомнѣнно. Милль въ своей «Автобіографіи» говоритъ, что «нѣтъ ни одного предмета во всемъ обширномъ курсѣ моего воспитанія, которому я былъ бы столькимъ обязанъ за развитіе способности правильно мыслить, какъ логика.. Я убѣжденъ, что ничто въ современномъ воспитаніи не можетъ служить къ лучшему образованію положительныхъ мыслителей, придающихъ опредѣленный смыслъ словамъ и предложеніямъ и не поддающихся вліянію смутныхъ, неточныхъ, двусмысленныхъ выраженій. Хваленое вліяніе математическихъ занятій въ сравненіи съ логикой ничто, такъ какъ въ математическомъ процессѣ не встрѣчаются настоящія трудности правильнаго мышленія» (20—24). Особенно полезно ознакомиться съ логикой послѣ практическаго занятія размышленіемъ, т. е. послѣ изученія нѣсколькихъ естественныхъ наукъ и геометріи. Практика мысли тогда пояснится и расширится теоріей, а теорія будетъ имѣть прочную основу въ практикѣ. А Милль полагаетъ, что занятіе логикой возможно даже «въ первоначальную эпоху научнаго образованія» прежде самостоятельнаго развитія мысли путемъ опыта и размышленія. «Человѣкъ можетъ обладать способностью распутывать сложныя, противорѣчащія нити запутанныхъ мыслей, прежде чѣмъ его собственное мышленіе достигнетъ значительнаго развитія. Этой способности недостаетъ однако у многихъ, въ другихъ отношеніяхъ одаренныхъ, людей».

При заботахъ объ интеллектуальномъ развитіи невозможно ограничиться попеченіемъ только о формальномъ развитіи разсудка, умѣньи правильно составлять сужденія, выводить заключенія, избѣгать вообще промаховъ, ошибокъ въ процессѣ размышленія; нужно имѣть въ виду и матеріальную сторону дѣла, т. е. обогащеніе ума знаніями. Задача воспитанія заключается не въ томъ, чтобы выработать изъ ребенка спеціалиста, естествовѣда или математика, но въ томъ, чтобы воспитать человѣка, возбудить въ ребенкѣ охоту къ умственному труду, интересъ къ самымъ различнымъ сферамъ знанія, дать ему правильный взглядъ на природу и окружающія

его явленія въ человѣческомъ обществѣ. Школы не должны быть «цифирными» школами, въ которыхъ физико-математическія науки составляютъ альфу и омегу обученія, но должны быть «мастерскими гуманности», по выраженію Амоса Коменскаго, возбуждать и развивать всѣ умственныя потребности. Достигнуть этой цѣли разносторонняго умственнаго развитія возможно только подъ условіемъ сообщенія дѣтямъ знаній изъ самыхъ различныхъ сферъ вѣдѣнія, знакомства ихъ съ основами по возможности большаго числа наукъ. Человѣкъ, воспитавшійся исключительно на физико-математическихъ наукахъ, не будетъ питать ни малѣйшаго интереса къ словесности и исторіи, эти области знанія будутъ для него совершенно неизвѣстнымъ и притомъ скучнымъ царствомъ, въ которое не стоитъ и заглядывать. Вслѣдствіе этого умственная жизнь подобнаго человѣка будетъ въ высшей степени одностороння, его умственный кругозоръ тѣсенъ. Онъ не можетъ сказать про себя: я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо, потому что ко многимъ умственнымъ интересамъ и сторонамъ жизни онъ останется холоденъ, равнодушенъ.

Чтобы избѣжать односторонности въ умственномъ развитіи, необходимо упражнять мысль ребенка въ различныхъ направленіяхъ, на различныхъ предметахъ, обогащать его умъ самыми разнородными знаніями. Что это въ самомъ дѣлѣ за образованіе, которое дѣлаетъ человѣка чуждымъ большей части умственныхъ интересовъ человѣчества, которое замыкаетъ человѣка въ томъ спеціальномъ муравейникѣ, къ которому онъ принадлежитъ по своей профессіи и внѣ котораго для него ничего не существуетъ. Успѣшное развитіе науки отъ такого воспитанія много проигрываетъ, потому что науки имѣютъ тѣсную связь между собою, соприкасаются. Обширныя спеціальныя знанія безъ обширнаго общаго образованія—результатъ неправильнаго воспитанія, неправильныхъ умственныхъ занятій. Каждый человѣкъ сначала долженъ быть образованнымъ человѣкомъ, а потомъ уже спеціалистомъ. Поэтому умъ ребенка, кромѣ физико-математическихъ наукъ, нужно занимать еще словесностью (языки и литература), исторіей, искусствами. И большинство замѣчательныхъ людей на поприщѣ умственнаго труда владѣло очень обширными и разносторонними зна-

ніями, каковы Аристотель, Лейбницъ, Кантъ, А. и В. Гумбольдты, Гете, Дарвинъ, Спенсеръ и др.

Но настаивая на необходимости сообщать дѣтямъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, мы, разумѣется, не о томъ хлопочемъ, чтобы только начинить головы дѣтей клочками разныхъ наукъ, сдѣлать ихъ способными немножко понимать каждую науку. Знанія не должны быть, такъ сказать, пришитыми къ ученику, навязанными ему насильно, механическими втиснутыми въ его голову; они должны быть органически усвоены и переработаны имъ, должны увеличивать не только матеріалъ его мысли, но изъяснять и самую мысль, искуство разсуждать правильно, основательно. Сообщеніе знаній необходимо должно вести къ развитію умственной самодѣятельности. Безъ самодѣятельности масса знаній—мертвый капиталъ, который не принесетъ никакой существенной пользы обладателю. «Собственно человѣческое въ человѣкѣ есть его самодѣятельность. Все человѣческое, свободное, оригинальное рождается изъ самодѣятельности; поэзія, мышленіе, наблюденіе, чувство, господство надъ самимъ собою, рѣчь, дѣятельность и всѣ свободные движенія и жесты имѣютъ въ ней свое средоточіе. Воспитаніе простирается только настолько, насколько простирается самостоятельность; только такъ далеко, какъ она простирается, человѣкъ способенъ къ образованію чрезъ другихъ, или къ самообразованію. Главная цѣль воспитателя должна такимъ образомъ заключаться въ томъ, чтобы развивать самодѣятельность, чрезъ которую человѣкъ позднѣе можетъ сдѣлаться собственнымъ господиномъ, устроителемъ своей жизни, дать этой самостоятельности величайшую силу, жизненность и широкое распространеніе, подчинить ей прочія духовныя и тѣлесныя силы. Высочайшая цѣль воспитанія, его субъективная основа, есть такимъ образомъ развитіе самодѣятельности». [1]) Какъ бы ни были обширны знанія человѣка, но безъ самодѣятельности въ нихъ не будетъ твердости и опредѣленности, «что ему книга послѣдняя скажетъ, то на душѣ его сверху и ляжетъ; вѣрить, не вѣрить—ему все равно, лишь бы доказано было умно».

---

[1]) Diesterweg, Wegweiser, t. 1, s. 45 (изд. 5).

Для развитія самостоятельнаго мышленія мы считаемъ пригодными слѣдующія средства: а) самостоятельное чтеніе учащагося. Оно будитъ мысль, ставитъ новые вопросы, вызываетъ разныя сомнѣнія и недоумѣнія, словомъ не даетъ мысли успокоиться, причемъ чтеніе нерѣдко даетъ и разрѣшеніе вопросовъ и неудомѣній. Разумѣемъ чтеніе серьезное; б) дебатированье различныхъ вопросовъ въ товарищескихъ кружкахъ. Важно не только составить себѣ какой либо свой взглядъ, но и сопоставить его съ другимъ, защитить его отъ возраженій. Товарищескіе кружки, устроенные со цѣлью удовлетворенія умственныхъ интересовъ, представляютъ для достиженія указанной цѣли прекрасное средство; в) письменныя работы по научнымъ вопросамъ. Ничто такъ не можетъ ввести въ науку, ознакомить съ ея задачами и методами, какъ письменная работа. Она невольно вызываетъ и развиваетъ вкусъ къ самостоятельному мышленію, особенно если касается спорнаго вопроса, по которому можно приводить доводы за и противъ, такъ что при рѣшеніи его необходимо быть самостоятельнымъ судьей и цѣнителемъ.

Глава IX.

Апперцепція.

§ 90. До сихъ поръ мы изучали ощущенія самихъ по себѣ и тѣ формы душевной жизни, которыя развиваются изъ ощущеній. Послѣднія мы изучали также самихъ по себѣ, внѣ ихъ постояннаго взаимодѣйствія съ ощущеніями, такъ что наше изслѣдованіе на двухъ своихъ концахъ имѣетъ ощущенія и идеи. Эти два конечныя звѣна нашего изслѣдованія до сихъ поръ остаются разомкнутыми, идея кажется далеко возвышающейся надъ ощущеніемъ, не имѣющей къ нему никакого непосредственнаго отношенія. Но на самомъ дѣлѣ между идеей и ощущеніемъ есть прямое, непосредственное отношеніе, въ

процессъ образованія идей втѣсняются ощущенія и съ ощущеніями сливаются идеи. Живой и непрерывный обмѣнъ силъ ощущенія и развившихся изъ него формъ душевной жизни, объединеніе, сочетаніе въ одно цѣлое дѣятельности периферій (ощущенія) съ дѣятельностью центровъ (идеи) мы и называемъ апперцепціей. Такимъ образомъ подъ именемъ апперцепціи мы будемъ изучать не ощущенія и не идеи самихъ по себѣ — въ отдѣльности мы ихъ уже изучили, — а взаимное отношеніе, взаимное вліяніе идей и ощущеній. [1])

Апперцепція есть одинъ изъ процессовъ, наиболѣе часто встрѣчающихся въ нашей душевной жизни. Распознаваніе окружающаго есть апперцепція. Мы признаемъ извѣстную мѣстность, улицу, домъ, квартиру, книгу, членовъ своего семейства и знакомыхъ безъ подробныхъ предварительныхъ изслѣдованій, быстро, почти мгновенно. Изъ всей совокупности признаковъ, представляемыхъ отдѣльными существами, вещами и явленіями, мы сейчасъ замѣчаемъ два — три и по нимъ отожествляемъ предметъ, т. е. сливаемъ сейчасъ полученное ощущеніе съ соотвѣтствующей группой уже существовавшихъ у насъ образовъ. Мы слушаемъ рѣчь, мы читаемъ книгу. Въ это время мы чрезвычайно быстро совершаемъ безчисленное множество апперцепцій: каждый отдѣльный звукъ, каждая отдѣльная буква узнаются, т. е. отожествляются съ имѣющимися представленіями этого звука и этой буквы; тотъ же процессъ совершается и съ отдѣльными словами. Если рѣчь произносится быстро, а чтеніе идетъ спѣшно, то мы не каждое слово и тѣмъ болѣе, конечно, не каждый звукъ и не каждую букву воспринимаемъ отдѣльно; мы довольствуемся тогда прочтеніемъ или прослушаніемъ только части словъ предложенія и по нимъ догадываемся о смыслѣ цѣлаго предложенія. Непрочтенныя или непрослушанныя слова мы дополняемъ уже готовыми, имѣющимися у насъ въ умѣ, въ той группѣ или серіи словъ, съ

---

[1]) Терминъ апперцепція, введенный въ философію Лейбницемъ, употреблялся философами и психологами въ очень различныхъ смыслахъ, сообразно съ ихъ общими философскими и психологическими воззрѣніями. Исторію ученія объ апперцепціи можно найти въ статьѣ Staude, Der Begriff der Apperception in der neueren Psychologie, помѣщенной въ Philosophische Studien von Wundt. Erster Band, 2 Heft.

которой мы сочетаемъ сейчасъ прочтенныя или прослушанныя. Тамъ, въ умѣ, существуетъ ихъ полная серія, а потому изъ сейчасъ слушаемой рѣчи мы беремъ только часть, потому что и по этой части мы хорошо поймемъ цѣлое. Мы наблюдаемъ душевное состояніе другаго лица. Понять душевную жизнь другаго мы можемъ или изъ его словъ или изъ движеній, въ которыхъ душевная дѣятельность воплощается, изъ выраженія лица, глазъ и т. д. Наблюдая человѣка съ цѣлью ознакомиться съ его душевнымъ состояніемъ, мы слѣдовательно цѣлый рядъ ощущеній сливаемъ съ цѣлымъ рядомъ образовъ, т. е. постоянно говоримъ про себя, что такое-то выраженіе лица значитъ то-то, такое-то выраженіе глазъ соединяется съ такимъ душевнымъ настроеніемъ и т. д.

Но не только самые простые и обыденные процессы относятся къ разряду апперцепцій, высшія и сложныя формы умственной дѣятельности очень часто такъ же суть ничто иное, какъ апперцепціи. Таковы научные эксперименты и научныя наблюденія, классификаціи, провѣрка научныхъ дедукцій, провѣрка типовъ художественнаго творчества, операціи научнаго метода вообще.

Научный экспериментъ, равно какъ и научное наблюденіе, непремѣнно предполагаютъ два акта: собственно наблюденіе извѣстнаго явленія и провѣрку этимъ наблюденіемъ имѣющихся представленій и взглядовъ о явленіи. Научные эксперименты и наблюденія дѣлаются въ тѣхъ видахъ, чтобы рѣшить, правильно или ложно составленное представленіе о предметѣ, согласно оно, подтверждается наблюдаемыми въ немъ свойствами или нѣтъ. Конечно, такая дѣятельность предполагаетъ уже раннѣйшія работы по изученію изслѣдуемаго явленія. Но если мы возьмемъ самое первое наблюденіе предмета, когда еще о немъ не составлено никакого представленія, то и въ этомъ случаѣ процессъ существенно не измѣняется. Какъ скоро мы совершаемъ наблюденіе, то оно сейчасъ же вызываетъ дѣятельность центровъ, ряды болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ группъ представленій, образованныхъ прежде, и затѣмъ возникаетъ процессъ сліянія этихъ группъ съ получаемымъ ощущеніемъ.

Классификація представляетъ также форму апперцепціи. Классифицировать значитъ какое либо явленіе относить къ

соотвѣтствующей группѣ. Для этого, очевидно, необходимо наблюдать явленіе, изучать его свойства и отношенія и имѣть представленіе о различныхъ группахъ предметовъ, болѣе или менѣе сходныхъ съ изучаемымъ предметомъ, имѣть представленіе объ ихъ отличительныхъ, характерныхъ чертахъ. Какъ скоро эти два условія на лицо, то и произойдетъ процессъ сліянія даннаго предмета съ наиболѣе соотвѣтствующей группой, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго сравненія наблюдаемаго предмета со всѣми въ большей или меньшей мѣрѣ сходными группами. Это и будетъ классификація.

Провѣрка научныхъ дедукцій и типовъ художественнаго творчества совершается путемъ апперцепціи. Ученый предлагаетъ намъ гипотезу для объясненія извѣстныхъ явленій, художникъ даетъ намъ типическое изображеніе нѣкотораго вида людей, направленія общественной дѣятельности. Правильна ли ученая гипотеза, правдивъ ли художественный типъ? Для рѣшенія такихъ вопросовъ мы должны произвести провѣрку, мы должны прикинуть или примѣрить на данные типъ и гипотезу цѣлую серію подходящихъ отдѣльныхъ явленій и смотрѣть, укладываются они въ данной мѣркѣ или нѣтъ. Если теорія хорошо объясняетъ извѣстныя явленія, а типъ хорошо выражаетъ извѣстныя направленія общественной жизни, то происходитъ сліяніе серіи отдѣльныхъ фактовъ съ гипотезой или типомъ, гипотеза превращается въ научную теорію или законъ, а типъ становится нарицательнымъ именемъ выраженныхъ въ немъ фактовъ; если же нѣтъ, то они разъединяются, гипотеза и типъ отбрасываются какъ фальшивые и остаются только одни отдѣльные факты, ожидая новаго объясненія въ видѣ новой гипотезы или новаго типа.

Наконецъ истинно научный методъ постоянно предполагаетъ процессъ апперцепціи. Научный методъ не есть ни дедукція, ни индукція. но сочетаніе той и другой въ одинъ сложный методъ. Моменты такого метода можно указать слѣдующіе: индуктивное изслѣдованіе, лежащее въ основѣ всего процесса; дедуктивный выводъ на основаніи индуктивныхъ данныхъ; провѣрка дедукціи наблюденіемъ, опытомъ или достовѣрнымъ свидѣтельствомъ. Каждый изъ поименованныхъ трехъ моментовъ вполнѣ необходимъ въ истинно научномъ методѣ, а методъ въ

такомъ видѣ, въ первой и третьей стадіи своего развитія, неизбѣжно включаетъ въ себя и процессъ апперцепціи, хотя кромѣ апперцепціи здѣсь совершаются и другіе процессы.

§ 91. Скорость совершенія процесса апперцепціи бываетъ различна, то весьма значительна, то незначительна. Причины, отъ которыхъ зависитъ различіе въ быстротѣ апперцепціи, заключаются въ большей или меньшей степени знакомства съ воспринимаемымъ предметомъ и въ степени сложности процесса апперцепціи. Чѣмъ знакомѣе воспринимаемый предметъ, тѣмъ быстрѣе и вѣрнѣе происходитъ ассимиляція сейчасъ получаемыхъ ощущеній прежнимъ сходнымъ представленіямъ, пока дѣло не дойдетъ до полной механичности отожествленія или непосредственности наблюденія; чѣмъ менѣе знакомъ намъ предметъ, тѣмъ медленнѣе и труднѣе совершается его воспріятіе. Читая, мы какъ будто совсѣмъ не уподобляемъ встрѣчающіяся буквы прежде нами видѣннымъ, да и заняты собственно не разсматриваніемъ буквъ, а вниканіемъ въ смыслъ читаемаго. Но на самомъ дѣлѣ разсматриваніе буквъ совершается, совершается и ассимиляція ихъ, иначе невозможно было бы и самое чтеніе, только процессъ, вслѣдствіе привычки, совершается очень быстро, нерѣдко съ значительнымъ пропускомъ буквъ и даже цѣлыхъ словъ, каковые пропуски пополняются имѣющимися наготовѣ ассоціаціями. Учащійся читать ассимилируетъ буквы очень медленно и очень часто неправильно, вслѣдствіе чего и ошибается въ чтеніи. Встрѣчаясь съ знакомымъ каждый день, мы не думаемъ задаваться вопросомъ: да это лицо дѣйствительно ли есть нашъ знакомый? Но не видавъ этого знакомаго нѣсколько лѣтъ и снова встрѣтившись съ нимъ, мы иногда замѣчаемъ: да онъ ли это? Онъ такъ измѣнился, что его трудно узнать. Въ одномъ случаѣ ассимиляція совершается легко и быстро, въ другомъ съ препятствіями и медленно.

Другая причина, отъ которой зависитъ быстрота апперцепціи, есть большая или меньшая сложность процесса воспріятія. Апперцепція можетъ имѣть различную степень сложности, отъ дѣятельности сравнительно простой и нетрудной она можетъ подниматься до процесса весьма запутаннаго и многосложнаго, включающаго въ себя и собственно ощущенія и высшія формы умственной жизни. Сложность процесса

апперцепціи можетъ обусловливаться двумя обстоятельствами: или тѣми ощущеніями, которыя классифируются въ апперцепціи, или тѣми группами образовъ, къ которымъ надобно отнести соотвѣтствующее ощущеніе. Воспринимаемое ощущеніе можетъ быть единичнымъ или можетъ представлять цѣлый рядъ ощущеній. Мы разсматриваемъ, напр., розовый цвѣтъ какой либо ткани и отожествляемъ этотъ цвѣтъ съ прежде полученными ощущеніями такого же цвѣта. Въ данномъ случаѣ воспринимаемое ощущеніе единично и времени на апперцепцію ощущенія тратится немного. Мы приглядываемся къ довольно обширной мѣстности, въ которую мы попали случайно, сбившись съ пути. Были мы когда либо здѣсь или нѣтъ? И вотъ мы приглядываемся, есть ли здѣсь вправо маленькая рѣчка, дѣлающая довольно крутые повороты, недалеко отъ одного изъ ея поворотовъ есть ли небольшой холмъ, покрытый мелкимъ кустарникомъ, влѣво — есть ли полуразвалившаяся хижина и т. д. Въ этомъ второмъ случаѣ воспринимаемыя ощущенія составляютъ цѣлый рядъ и, очевидно, апперцепція ихъ потребуетъ большаго количества времени, чѣмъ въ первомъ случаѣ.

Воспринимаемое ощущеніе можетъ замедлять процессъ апперцепціи еще и тѣмъ, что тѣ признаки, по которымъ узнается ощущеніе, могутъ быть измѣнчивыми, то появляться, то исчезать, то обнаруживаться въ большей мѣрѣ, то въ меньшей. Съ подобными условіями приходится очень часто встрѣчаться ученому экспериментатору, вслѣдствіе чего точная экспериментація и представляетъ значительныя трудности.

Что касается тѣхъ группъ представленій, въ которыя мы воспринимаемъ извѣстное ощущеніе, то и онѣ могутъ имѣть весьма различную степень сложности. При апперцепціи наша задача можетъ состоять въ томъ, чтобы отнести какой либо предметъ къ какой либо очень широкой группѣ предметовъ, къ большому классу вещей, имѣющему, на основаніи логическихъ законовъ, немного чертъ въ своемъ содержаніи и потому допускающему ошибку и затрудненіе только въ рѣдкихъ случаяхъ; или же задача состоитъ въ томъ, чтобы отнести вещь къ какому либо виду, частной группѣ вещей, имѣющей въ своемъ содержаніи много чертъ и потому пред-

ставляющей значительныя затрудненія процессу апперцепціи. Большая разница отвѣтить на вопросъ: это животное собака или не собака?—отнести вещь къ обширной группѣ вещей—или: это животное пудель или не пудель?—отнести вещь къ меньшей группѣ, съ большимъ содержаніемъ. Точно также: этотъ человѣкъ европеецъ или не европеецъ? французъ или не французъ?

§ 92. Въ апперцепціи ощущенія и идеи вступаютъ во взаимоотношеніе. Что же каждое изъ нихъ выигрываетъ отъ такого взаимоотношенія, какимъ измѣненіямъ подвергается? Разсмотримъ прежде всего, какъ измѣняется ощущеніе въ апперцепціи.

Ощущеніе въ апперцепціи дополняется. Каждый изъ окружающихъ насъ предметовъ, каждое явленіе представляетъ совокупность множества признаковъ, неопредѣленнаго ихъ числа. Но признавая окружающее, мы довольствуемся въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюденіемъ одного, двухъ признаковъ и по нимъ сливаемъ ощущеніе съ цѣлою совокупностью признаковъ. Глядя на различныя постройки, мы говоримъ: это—церковь, это—дворецъ, это—тюрьма, это—школа. Съ каждымъ изъ перечисленныхъ названій мы соединяемъ массу различныхъ признаковъ, различныхъ представленій, каждое изъ перечисленныхъ словъ предполагаетъ богатое содержаніе. А что мы видимъ, что ощущаемъ? Мы видимъ только цвѣтъ, форму и величину какихъ-то зданій и больше ничего. Цвѣтъ, форма и величина ихъ различны, но въ этой разности нѣтъ никакого другаго содержанія, никакихъ другихъ признаковъ. А между тѣмъ, называя одно зданіе — церковью, другое — дворцемъ, третье — тюрьмой и т. д., мы мыслимъ не только цвѣтъ, форму и величину зданія, но и множество другихъ признаковъ, осязательныхъ, мускульныхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ, десять, двадцать, можетъ быть болѣе. Откуда же берутся эти добавочные признаки? Изъ соотвѣтствующихъ группъ образовъ, раньше нами сформированныхъ, къ которымъ мы пріурочиваемъ данныя ощущенія. Давъ своимъ скуднымъ зрительнымъ ощущеніямъ такое названіе, мы воспринимаемъ ихъ сейчасъ же въ соотвѣтствующія группы ранѣе созданныхъ образовъ, апперцепируемъ ихъ и, вслѣдствіе апперцепціи,

восполняемъ ихъ прежде извѣстными намъ чертами, прибавляемъ имъ содержанія въ десять, въ двадцать, можетъ быть во сто, разъ больше, чѣмъ сколько сейчасъ замѣчаемъ въ нихъ. Было бы въ высшей степени вредно для нашего развитія, если бы мы каждый предметъ вынуждены были переизслѣдовать цѣликомъ при каждомъ новомъ воспріятіи его, это чрезвычайно замедлило бы наше развитіе. Въ разговорѣ, въ чтеніи, въ наблюденіи, особенно совершаемыхъ бѣгло, поспѣшно, торопливо, мы довольствуемся замѣчаніемъ небольшой части признаковъ предмета, а остальную большую часть дополняемъ отъ себя. Даже когда намъ сообщаютъ что либо новое, то и новое мы усвояемъ и восполняемъ съ помощію стараго и старымъ. Когда намъ описываютъ новое животное или растеніе, то мы сейчасъ же умственно сопоставляемъ его съ прежде намъ извѣстными и находимъ черты сходства и различія. Наблюдая, учась, воспринимая новыя впечатлѣнія, мы не столько новымъ пополняемъ старое, сколько, наоборотъ, старымъ дополняемъ новое, старыя впечатлѣнія даютъ гораздо больше новому впечатлѣнію, чѣмъ сколько сами берутъ отъ него. И такое взаимоотношеніе между старыми и новыми впечатлѣніями совершенно необходимо. Прежнія представленія заключаютъ въ себѣ всю сумму опыта, и представленія пространства и времени, и массу конкретныхъ представленій, и разнообразныя идеи, новое же ощущеніе есть только капля, которая, ассимилируясь съ прежнимъ опытомъ, и тонетъ въ этомъ морѣ, конечно, сама давая нѣчто морю.

Ощущеніе въ апперцепціи исправляется. Когда мы читаемъ книгу, напечатанную неправильно, то при чтеніи мы исправляемъ опечатки, произносимъ слова правильно, иногда же вовсе и не замѣчаемъ опечатокъ. Очевидно, такое исправленіе опечатокъ совершается въ силу прежнихъ многочисленныхъ правильныхъ воспріятій словъ. Стоя на одномъ концѣ длинной и прямой улицы или аллеи, мы видимъ, какъ дома или деревья противоположнаго конца все ближе и ближе сходятся между собою и наконецъ вмѣсто двухъ параллельныхъ рядовъ образуютъ одинъ рядъ. Но мы, наученные опытомъ, знаемъ, что это только намъ кажется, что на самомъ дѣлѣ ряды домовъ или деревьевъ остаются и на противоположномъ концѣ

столь же далекими другъ отъ друга, какъ и на томъ, на которомъ мы стоимъ. И если бы на самомъ дѣлѣ оказалось, что тамъ, далеко отъ насъ, деревья или дома дѣйствительно сошлись, то мы этому очень удивились бы. Въ безводныхъ пустыняхъ и степяхъ утомленные путники иногда недалеко отъ себя видятъ большія озера, рѣки и на ихъ берегахъ цвѣтущіе города. Но опытные путешественники не обманываются этими видѣніями, они знаютъ, что и вода и города только кажующіеся, а не дѣйствительные.

§ 93. Какимъ измѣненіямъ подвергаются въ апперцепціяхъ идеи? Съ идеями въ апперцепціяхъ совершается тоже самое, что и съ ощущеніями, т. е. онѣ дополняются и исправляются.

Наши представленія объ окружающихъ насъ явленіяхъ складываются постепенно, очень часто бываетъ, что наше знаніе какого либо предмета расширяется въ теченіе всей нашей жизни. Какимъ образомъ происходитъ расширеніе нашихъ знаній? Чрезъ наростаніе матеріала, относящагося къ сферѣ извѣстнаго предмета, чрезъ увеличеніе наблюденій, экспериментовъ, чрезъ полученіе вообще новыхъ ощущеній. Выше мы назвали отдѣльное новое ощущеніе, присоединяющееся ко всей совокупности прежняго опыта, каплей, тонущей въ морѣ. Но нужно помнить, что безчисленное множество капель, соединяясь между собою, можетъ образовать море. Капли—ощущенія, приливающія постоянно въ одномъ направленіи, могутъ значительно измѣнить наконецъ море опыта. По пословицѣ, и капля, падая постоянно, долбитъ камень. Конечно, мы можемъ расширять свои знанія и такимъ путемъ, что постараемся изъ собраннаго уже матеріала извлечь всѣ возможныя слѣдствія, сдѣлать всѣ выводы, которыхъ прежде мы не дѣлали, не смотря на то, что владѣли тѣмъ же матеріаломъ. Но такое, чисто логическое, расширеніе нашего знанія, взятое въ своемъ чистомъ видѣ, безъ всякой примѣси новаго матеріала въ видѣ новыхъ ощущеній, очень ограничено по своему объему. Новый выводъ дѣлается обыкновенно тогда, когда къ прежнему матеріалу присоединяется нѣчто новое, хотя бы и не очень значительное само по себѣ. Да и на самый выводъ мы обыкновенно наталкиваемся какимъ либо наблюденіемъ, которое можетъ и не представляться особенно новымъ,

но почему нибудь поразило насъ, дало толчекъ нашей мысли и вмѣстѣ новый оборотъ нашимъ идеямъ, новую группировку. Говорятъ, что Ньютонъ пришелъ къ мысли о всемірномъ тяготѣніи, глядя на падающее съ яблони яблоко. Не въ первый разъ, конечно, онъ видѣлъ это явленіе, оно было ему хорошо знакомо раньше, но тѣмъ не менѣе толчекъ, приведшій мысль Ньютона къ закону всемірнаго тяготѣнія, былъ данъ наблюденіемъ явленія, хотя бы и знакомаго. Но пусть мыслитель, путемъ чисто логическаго разсужденія, пришелъ къ новымъ выводамъ изъ матеріала, которымъ онъ владѣлъ давно; выводы надобно провѣрить, справедливы ли они, сообразны ли съ фактами. Слѣдовательно въ концѣ концовъ наши знанія настоящимъ, твердымъ образомъ расширятся только тогда, когда къ имѣющимся идеямъ присоединятся ощущенія или новыя или если и прежнія, то провѣренныя, тщательныя, вполнѣ сообразныя съ извѣстными идеями.

Одновременно съ расширеніемъ знаній происходитъ и исправленіе его. Въ нашихъ первоначальныхъ представленіяхъ о вещахъ бываетъ очень много не соотвѣтствующаго самимъ вещамъ, первоначальное міровоззрѣніе есть міровозрѣніе фантастическое или миѳологическое. Мы приходимъ къ болѣе правильному взгляду на вещи только путемъ непрерывной поправки: получая постоянно новыя впечатлѣнія отъ вещей, мы и волей и неволей сравниваемъ эти ощущенія съ имѣющимися представленіями о вещахъ и, замѣчая фальшь своихъ представленій, исправляемъ ихъ, согласно съ новымъ опытомъ. Процессъ поправки тянется всю жизнь, мыслящій старикъ найдетъ въ своихъ представленіяхъ много такого, что требовало бы капитальной поправки. Непрерывно исправлять ошибки своихъ представленій, постоянно работать надъ своимъ умственнымъ самоусовершенствованіемъ—вотъ одна изъ существенныхъ задачъ нашей умственной дѣятельности. Человѣкъ, пришедшій къ сознанію, что его свѣдѣнія и достаточно полны и достаточно правильны, такъ что не нуждаются ни въ расширеніи, ни въ исправленіи, такой человѣкъ умственно уже омертвѣлъ и долженъ быть вычеркнутъ изъ списка лицъ, живущихъ умственною жизнью.

Итакъ апперцепція такой процессъ, въ которомъ всѣ фак-

торы умственнаго развитія вступаютъ въ живой и плодотворный союзъ для созданія болѣе высокихъ и твердо обоснованныхъ результатовъ умственнаго труда, въ которомъ факторы взаимно дополняются и контролируются, вслѣдствіе чего умственная жизнь и достигаетъ возможнаго для нея расцвѣта. [1])

§ 94. Процессъ апперцепціи можетъ совершаться правильно и неправильно. Если настоящее ощущеніе сливается съ той группой образовъ, къ которой оно дѣйствительно принадлежитъ, то апперцепція совершилась вполнѣ правильно; но, по разнымъ причинамъ, ощущеніе можетъ слиться не съ той группой образовъ, къ которой принадлежитъ, а съ какой либо другой, болѣе или менѣе ему соотвѣтствующей, и тогда произойдетъ неправильная апперцепція. Неправильная апперцепція есть иллюзія.

Обыкновенно на иллюзіи смотрятъ какъ на явленія болѣзненныя, не нормальныя и относятъ ихъ къ области патологіи. Но нѣтъ ничего болѣе обычнаго и распространеннаго въ нашей психической жизни, какъ иллюзія, и въ тоже время вполнѣ естественнаго и нормальнаго. Мы постоянно подвергаемся иллюзіямъ, каждую минуту живемъ среди иллюзій и избавиться отъ нихъ не имѣемъ возможности. Когда мы одного человѣка принимаемъ за другаго, знакомое мѣсто за незнакомое и наоборотъ, сѣрый цвѣтъ за бѣлый, лицемѣріе за искренность и т. д., мы подвергаемся иллюзіямъ.

Причины и виды иллюзій различны. Такъ какъ апper-

---

[1]) Были сдѣланы попытки точно формулировать отношеніе идей и ощущеній въ апперцепціи. Главная изъ нихъ принадлежитъ Гамильтону (Lectures on the Methaphysics and Logic, 11, 98—99). Перцепцію онъ признавалъ спеціальнымъ видомъ знанія, а ощущеніе—спеціальнымъ видомъ чувствованія; первая объективна, второе субъективно. Поэтому законъ, опредѣляющій отношеніе между ними, Гамильтонъ формулировалъ такъ: «знаніе и чувствованіе, перцепція и ощущеніе, хотя всегда сосуществуютъ, всегда находятся въ обратномъ отношеніи (in the inverse ratio) другъ къ другу». Спенсеръ (Основанія психологіи, т. III, гл. XVIII—Воспріятіе вообще), подвергая критикѣ формулу Гамильтона, считаетъ болѣе справедливымъ утверждать, что ощущеніе и воспріятіе исключаютъ другъ друга. Съ нашей точки зрѣнія подобныя формулы не имѣютъ значенія, потому что въ нихъ подъ апперцепціей разумѣется не взаимоотношеніе между идеями и ощущеніями, а взаимоотношеніе между чувствованіями и познаніями.

цепція слагается изъ двухъ моментовъ: ощущенія и идей, то и причины иллюзій могутъ лежать или въ ощущеніяхъ или въ идеяхъ. Разсмотримъ, какимъ образомъ ощущенія могутъ порождать иллюзіи и какимъ образомъ идеи.

Характеръ ощущенія опредѣляется характеромъ внѣшняго возбужденія и качествомъ воспринимающаго возбужденіе органа. Причина иллюзіи и можетъ корениться въ этихъ двухъ обстоятельствахъ.

Внѣшнее раздраженіе очень часто бываетъ слабымъ, что затрудняетъ правильное воспріятіе его. Мы слышимъ звукъ, который доносится къ намъ издалека. По слабости звука, мы не можемъ опредѣлить, кѣмъ издается этотъ звукъ, живымъ существомъ или инструментомъ, выражаетъ онъ отчаяніе или радость. Мы выбираемъ одно изъ предположеній, по нашему мнѣнію, наиболѣе сообразное съ фактомъ и нерѣдко жестоко ошибаемся. Мы видимъ вдали или въ полумракѣ какой либо предметъ, очертаній котораго не можемъ хорошо разсмотрѣть; мы предполагаемъ, что видимъ такой то предметъ, кошку, а на дѣлѣ оказывается совершенно другой, собака. Поэтому органы, получающіе наиболѣе сильныя и отчетливыя впечатлѣнія, служатъ рѣже источникомъ иллюзій, чѣмъ органы, получающіе возбужденія обыкновенно слабыя и не вполнѣ раздѣльныя. Запахи гораздо легче и чаще направильно воспринимаются, чѣмъ цвѣта.

Впечатлѣніе можетъ отличаться большою сложностью, такъ что характеристичность составляющихъ его элементовъ можетъ скрываться, распознаваніе ихъ затрудняется, вслѣдствіе чего и воспріятіе часто бываетъ неправильнымъ. Мы видимъ предъ собой двухъ человѣкъ, о которыхъ намъ сказано, что одинъ изъ нихъ французъ, а другой нѣмецъ. Спрашивается теперь: который же изъ нихъ нѣмецъ и который фрунцузъ? Признаковъ, характеризующихъ каждый типъ, такъ много, они такъ перепутываются между собою и, сочетаясь, въ отдѣльныхъ индивидуумахъ такъ слаживаются, что трудно вполнѣ рѣшительно отвѣтить на вопросъ.

Искуснымъ подборомъ различныхъ впечатлѣній пользуются въ художествахъ, чтобы вызвать въ зрителяхъ нужную иллюзію, подборомъ цвѣтовъ, тѣней, соразмѣрностью разстоянія,

надлежащимъ освѣщеніемъ, постановкой и т. д. Таковы живопись и декоративное искусство, заставляющія насъ видѣть тѣла тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ существуютъ только плоскости, различно раскрашенныя.

Причина иллюзіи можетъ корениться въ органѣ, подвергающемся дѣйствію впечатлѣнія. Наши органы владѣютъ чувствительностью въ опредѣленныхъ границахъ; какъ скоро эти границы нарушаются, впечатлѣніе бываетъ или слишкомъ слабымъ или слишкомъ сильнымъ, то оно сейчасъ же апперцепируется неправильно. Къ такимъ особеннымъ случаямъ мы прилагаемъ свои обычныя нормы, вслѣдствіе чего и выходитъ ошибка. Напримѣръ, въ опредѣленныхъ частяхъ тѣла отъ двухъ ножекъ циркуля, раздвинутыхъ на опредѣленное разстояніе, получается, вслѣдствіе ограниченности чувствительности нашей кожи, одно впечатлѣніе; если рядомъ поставлены двѣ поверхности: свѣтлая и темная, то свѣтлая неизбѣжно будетъ казаться свѣтлѣе, чѣмъ какова она есть на самомъ дѣлѣ; вслѣдствіе ограниченной чувствительности нашего глаза, мы не замѣчаемъ въ здоровомъ глазѣ такъ называемыхъ «летающихъ мухъ», двойныхъ изображеній при обыкновенномъ смотрѣніи двумя глазами и т. д. Всѣ подобныя иллюзіи могутъ быть названы иллюзіями не въ собственномъ смыслѣ, потому что онѣ возникаютъ вслѣдствіе основнаго устройства нашего организма и побороть эти иллюзіи мы не въ силахъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и про всѣ случаи локолизаціи ощущеній. Ощущенія совершаются въ центрахъ нервной системы, а мы обыкновенно выносимъ ихъ на периферіи тѣла и здѣсь локолизируемъ. Иначе поступать мы не можемъ, это иллюзія непреодолимая, обусловленная строеніемъ нашего организма.

Часто причиной иллюзіи служитъ измѣнчивость чувствительности нашихъ органовъ, ихъ особенная тупость или острота, при различныхъ положеніяхъ. Если, напримѣръ, мы одну руку погрузимъ въ холодную воду, а другую—въ горячую и затѣмъ обѣ въ тепловатую, то одна и та же вода одновременно будетъ казаться и теплой и холодной. Въ различныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ часто встрѣчаются и повышеніе и пониженіе чувствительности, которыя продолжаются иногда до-

вольно значительное время и такимъ образомъ составляютъ въ нѣкоторой степени уже постоянное свойство нашего организма. Таковы гиперестезія (повышенная чувствительность) и анестезія (подавленная чувствительность).

Формы душевной жизни, развившіяся изъ ощущеній, также часто служатъ источникомъ иллюзій. Въ нихъ, какъ источники иллюзій, мы можемъ отличать болѣе или менѣе постоянныя настроенія и быстро измѣняющіяся состоянія.

Къ числу устойчивыхъ источниковъ иллюзій въ психологическомъ отношеніи нужно отнести постоянный складъ мысли и занятій и господствующія чувствованія. Если человѣкъ постоянно занимается однимъ какимъ либо спеціальнымъ предметомъ, то естественно, что въ его сознаніи неизмѣнно присутствуютъ группы представленій только извѣстнаго рода. Эти представленія и стремятся сочетаться съ каждымъ новымъ ощущеніемъ. Поэтому каждый спеціалистъ смотритъ на всѣ явленія съ своей особой точки зрѣнія, воспринимаетъ ощущенія только въ опредѣленные круги представленій. Покажите одну и ту же вещь ботанику, зоологу, живописцу, ремесленнику, торговцу и каждый выскажетъ о вещи что либо свое, особенное, свойственное обычному кругу его представленій и интересовъ. А это и будетъ значить, что каждый изъ нихъ сочеталъ полученное ощущеніе съ специфической группой образовъ. Отсюда до настоящей иллюзіи одинъ шагъ. По разсказу Гельвеція, приводимому Кантомъ, одна дама смотрѣла въ телескопъ на луну и увидала тамъ тѣни двухъ влюбленныхъ. Священникъ, который смотрѣлъ вслѣдъ за ней, сказалъ: «нѣтъ, madame, это не влюбленные, а двѣ башни на одномъ соборѣ». [1]) Постоянное опредѣленное настроеніе чувства даетъ тотъ же результатъ: человѣкъ боязливый во всемъ видитъ страшное, пессимистъ — дурное, человѣкъ веселый и легкомысленный никакъ не можетъ отнестись къ серьезной вещи надлежащимъ образомъ и т. д. Вліяніе такого устойчиваго настроенія на возникновеніе иллюзій прекрасно изображено Сервантесомъ въ Донъ Кихотѣ. Донъ Кихотъ, начитавшійся рыцарскихъ романовъ, образовалъ въ себѣ прочный строй мысли и чувства въ

---

[1]) Kant, Anthropologie, erster Theil, § 31.

духѣ рыцарства и въ это своеобразное міровоззрѣніе воспринималъ всѣ, даже самыя обыденныя, впечатлѣнія, вслѣдствіе чего и получилась масса курьезныхъ иллюзій: деревню онъ принималъ за замокъ, мельницу за великановъ, стадо барановъ за рыцарей, съ которыми и вступалъ въ бой, не смотря на то, что его оруженосецъ кричалъ ему: «клянусь Богомъ! Вы, ваша милость, нападаете на барановъ».

Летучія, быстро проходящія, психическія состоянія также часто могутъ служить причиной иллюзій, какъ напримѣръ волненія страха, ожиданія, подозрительность, простая разсѣянность и невнимательность, соединяющіяся съ отсутствіемъ точнаго наблюденія предмета, причемъ одинаковое настроеніе многихъ лицъ можетъ вызвать одинаковую иллюзію. Лацарусъ (въ журналѣ народной психологіи и лингвистики, V т.) приводитъ слѣдующій разсказъ одного англійскаго писателя Мура: весь экипажъ одного корабля однажды ночью былъ испуганъ привидѣніемъ повара, незадолго передъ тѣмъ умершаго. Всѣ ясно видѣли, какъ онъ шелъ по водѣ, прихрамывая особеннымъ образомъ, отличавшимъ его всегда, такъ какъ у него одна нога была короче другой. Поваръ, узнанный такимъ образомъ всѣми, на разсвѣтѣ оказался обломкомъ стараго разбитаго корабля. Очевидно, впечатлѣніе недавней смерти повара и покачиванье обломка на волнахъ, нѣсколько напоминавшее хромоту повара, вызвало эту иллюзію. Болѣе быстро измѣняющіяся психическія состоянія могутъ вызвать иллюзію. Когда мы смотримъ на облака, лунныя пятна, отдаленныя скалы съ цѣлью отыскать въ нихъ какой либо образъ, какую либо форму, то въ одинъ моментъ мы видимъ одинъ образъ, въ другой — другой, а тамъ третій, четвертый и т. д. Въ той мѣрѣ, какъ измѣняются въ нашемъ сознаніи преставленія, измѣняется и форма облаковъ, лунныхъ пятенъ, скалъ. Мечта, капризъ имѣетъ въ возникновеніи такихъ иллюзій большое значеніе.

Особенно большое значеніе для возникновенія иллюзій имѣетъ чувствованіе ожиданія. Подъ вліяніемъ ожиданія каждому приходится пережить тысячи иллюзій. Ожиданіе въ томъ и состоитъ, что у насъ въ сознаніи имѣется вполнѣ наготовѣ опредѣленное представленіе или группа представленій и мы знаемъ, что скоро, можетъ быть сейчасъ, мы испытаемъ такое ощу-

щеніе, которое однородно съ представленіемъ и потому должно съ нимъ слиться. Естественно, что въ каждомъ ощущеніи, получаемомъ въ это время, мы видимъ ожидаемое и такъ какъ въ ощущеніи легко можетъ быть нѣчто, дѣйствительно сходное съ имѣющимся наготовѣ въ сознаніи представленіемъ, то актъ сліянія и происходитъ, вслѣдствіе чего и возникаетъ иллюзія. Этотъ классъ иллюзій составляетъ настолько обыденное явленіе, что приводить отдѣльные примѣры ихъ нѣтъ нужды.

§ 95. Въ иллюзіи и вообще въ апперцепціи присутствуютъ оба элемента, необходимые для совершенія процесса: ощущенія и идеи. Но степень участія этихъ элементовъ бываетъ очень различна. Вообще можно сказать, что чѣмъ меньше учавствуетъ въ апперцепціи ощущеніе, тѣмъ легче она можетъ сдѣлаться неправильной, т. е. иллюзіей, и чѣмъ значительнѣе роль ощущенія, тѣмъ вѣроятнѣе правильный процессъ апперцепціи. Въ иллюзіи ощущеніе часто участвуетъ въ незначительной мѣрѣ, такъ что большая часть всего процесса падаетъ въ долю идей. Въ той мѣрѣ, какъ участіе ощущенія въ иллюзіи становится все меньше и меньше, иллюзія все больше и больше приближается къ галлюцинаціи и наконецъ сливается съ нею. Обыкновенно между иллюзіей и галлюцинаціей полагается такое различіе: иллюзія есть неправильное воспріятіе дѣйствительно существующаго внѣшняго возбужденія, въ галлюцинаціи же никакого внѣшняго возбужденія не существуетъ и психическое явленіе сполна создается нами самими. Такое различеніе иллюзіи и галлюцинаціи повидимому хорошо, такъ какъ очень ясно. Но оно далеко не вполнѣ отвѣчаетъ фактамъ и, можно сказать, неправильно по существу. Строго разграничивать иллюзію и галлюцинацію невозможно, это явленія смежныя, соприкасающіяся, непосредственно переходящія одно въ другое. Галлюцинація есть таже самая иллюзія, только на высшей степени развитія. Въ каждой галлюцинаціи есть предварительное нервное возбужденіе и оно тѣмъ отличается отъ нервнаго возбужденія при иллюзіи, что не столь опредѣленно, болѣе общаго характера и можетъ быть получено не сейчасъ, а за много времени ранѣе. Несомнѣнно, что истощеніе организма болѣзнью, утомленіе отдѣльныхъ органовъ чрезмѣрной работой, напр. глаза при занятіяхъ микроскопомъ, нарушенія обычнаго порядка

жизни въ связи съ большими волненіями и потрясеніями, могутъ вызывать и дѣйствительно вызываютъ галлюцинаціи. Здѣсь такимъ образомъ внѣшнее возбужденіе и слѣдовательно ощущеніе несомнѣнно присутствуютъ; но это возбужденіе могло быть получено не сейчасъ, а значительное количество времени тому назадъ, и оно было не спеціальнымъ возбужденіемъ, предопредѣлявшимъ вотъ именно такую иллюзію, а не другую, но общимъ, дававшимъ просто толчекъ дѣятельности центровъ. Воспріятіе же возбужденія въ ту или другую форму зависѣло уже собственно отъ идей, бывшихъ въ данный моментъ въ сознаніи. Одинъ человѣкъ былъ боленъ холерой, а потомъ выздоровѣлъ. Выздоровленіе не сопровождалось ничѣмъ особеннымъ, кромѣ появленія призраковъ около трехъ футовъ вышиной, одѣтыхъ въ жакетки и панталоны цвѣта зеленаго гороха. По мѣрѣ выздоровленія, призраки являлись рѣже и уменьшались въ своей величинѣ, такъ что съ теченіемъ времени сдѣлались не больше пальца, а наконецъ и совсѣмъ исчезли [1]). Несомнѣнно, что галлюцинація возникла вслѣдствіе истощенія и возбужденія организма холерой. Но почему это возбужденіе отлилось въ такую смѣшную форму — какихъ-то лиллипутовъ въ одеждѣ гороховаго цвѣта, объясненіе этого надобно искать въ психическомъ строѣ мысли и чувства галлюцината во время болѣзни и выздоровленія. И въ тѣхъ галлюцинаціяхъ, которыя не вызваны повидимому ничѣмъ внѣшнимъ, которыя чисто центральнаго и психическаго характера, мы всегда можемъ предполагать внѣшнее возбужденіе, можетъ быть давнее, но еще сохраняющееся и дѣйствующее именно на центры, а не на периферіи.

Какъ на обычный примѣръ такихъ иллюзій — галлюцинацій, въ которыхъ роль ощущенія сравнительно ничтожна и почти весь процессъ падаетъ на долю представленій, мы можемъ указать на сновидѣнія. Начинаются они несомнѣнно отъ дѣйствій предметовъ на остающіеся открытыми во снѣ органы внѣшнихъ чувствъ, отъ дѣйствій жизненныхъ процессовъ нашего тѣла и отъ сохраняющихся въ центрахъ нервной системы дневныхъ возбужденій. Но эти возбужденія суть только первые

---

[1]) Тэнъ, Объ умѣ и познаніи, 1, 59.

толчки; какъ скоро толчекъ данъ, то уже представленія сами развертываются въ широкія, разнообразныя, блестящія картины, въ которыхъ часто совсѣмъ нѣтъ и помину о первомъ толчкѣ, давшемъ поводъ къ ихъ возникновенію. Поэтому сновидѣнія, по крайней мѣрѣ очень многія, наиболѣе далеко отошедшія отъ первоначальныхъ возбужденій, послужившихъ имъ исходной точкой, правильнѣе называть галлюцинаціями, чѣмъ иллюзіями.

Вообще надобно имѣть въ виду, что полная нормальность нашей психической жизни обусловливается равновѣсіемъ ощущеній и идей. Какъ скоро послѣднія получаютъ перевѣсъ, возникаютъ иллюзіи и галлюцинаціи. Представленія, идеи суть тѣже ощущенія, только видоизмѣненныя; они признаются нами явленіями субъективными только до тѣхъ поръ, пока у насъ на лицо есть явленія болѣе объективнаго характера, именно ощущенія. На ряду съ ощущеніями представленія блѣдны, слабы, субъективны, но преградите приливъ ощущеній, оставьте въ сознаніи однѣ идеи безъ сравненія съ ощущеніями и эти образы, какъ видоизмѣненныя ощущенія, сейчасъ примутъ характеръ послѣднихъ, покажутся объективными. Передъ сномъ, когда ощущенія постепенно ослабѣваютъ и замедляются, представленія становятся все ярче и живѣе и въ сновидѣніяхъ превращаются въ настоящія ощущенія. Пробуждаемся мы, начинается приливъ ощущеній и вотъ представленія все дальше и дальше отступаютъ отъ насъ, становятся все блѣднѣе, субъективнѣе. Непосредственно по пробужденіи мы еще какъ будто видимъ сонъ, онъ для насъ еще дѣйствительность, мы отъ него не освободились; но настоящія ощущенія быстро пересиливаютъ образы, отодвигаютъ ихъ на второй планъ и обычная бодрственная жизнь, съ равновѣсіемъ и нѣкоторымъ даже преобладаніемъ ощущеній надъ идеями, начинается.

Можно искуственно приводить себя въ такое состояніе, въ которомъ образы будутъ преобладать надъ ощущеніями и въ результатѣ получатся цѣлые ряды иллюзій и галлюцинацій. Значительный пріемъ спиртныхъ напитковъ, гашишъ и т. п. вещества даютъ представленіямъ особенную легкость и грандіозные размѣры, притупляя тъ то же время нашу чувствительность къ ощущеніямъ. Гипнотическое состояніе съ

психологической стороны въ существѣ дѣла представляетъ тоже явленіе — оцепенѣніе органовъ внѣшнихъ чувствъ, прекращеніе чувствительности кожи, перерывъ ощущеній, вслѣдствіе чего каждая внушаемая субъекту идея, каждый образъ занимаетъ мѣсто ощущенія, объективируется. Получается такимъ образомъ галлюцинація. Подвергните галлюцината холодному душу, громкому шуму, словомъ заставьте испытать острое рѣзкое ощущеніе и галлюцинація исчезнетъ. Настоящее ощущеніе возьметъ верхъ надъ образомъ и отодвинетъ его на второй планъ. Вотъ почему уединеніе, молчаніе, темнота недостатокъ вниманія, всѣ обстоятельства, ослабляющія ощущенія, облегчаютъ или вызываютъ галлюцинацію. Если подойти къ больному, страдающему галлюцинаціями слуха и если заговорить съ нимъ такъ, чтобы привлечь его вниманіе, то можно убѣдиться, что его невидимые собесѣдники молчатъ, пока продолжается разговоръ. Одинъ больной переставалъ подвергаться галлюцинаціямъ, когда его переводили въ другую залу и къ другимъ сосѣдямъ. Но это прекращеніе галлюцинацій продолжалось лишь нѣсколько дней, пока были новы и остры ощущенія; какъ же скоро больной привыкалъ къ новымъ условіямъ, среди которыхъ находился, онъ опять впадалъ въ свои ложныя воспріятія. Такихъ фактовъ замѣчено много. [1])

§ 96. Процессомъ апперцепціи построеніе нашего реальнаго міровоззрѣнія заканчивается, самая вѣра во внѣшній дѣйствительный міръ создается актомъ апперцепціи. Какимъ образомъ?

Въ предшествующихъ анализахъ намъ приходилось нерѣдко употреблять слова: внѣшній міръ, дѣйствительный предметъ, отношеніе между предметомъ и представленіемъ. Всѣ эти выраженія предполагаютъ существованіе независимаго отъ насъ внѣшняго міра, имѣющаго свое бытіе помимо нашихъ ощущеній и представленій. Хотя избѣжать подобныхъ выраженій намъ было невозможно, но, собственно говоря, мы не имѣли до сихъ поръ права употреблять означенныя выраженія въ ихъ обыкновенномъ значеніи, такъ какъ еще не разсмотрѣли психологическаго вопроса объ основаніяхъ увѣренности въ

---

[1]) См. Тэнъ, Объ умѣ и познаніи, т. I, стр. 57—58.

*

существованіи внѣшняго міра. До сихъ поръ мы изучали ощущенія и видоизмѣненія ощущеній — представленія и идеи; и тѣ и другія суть психическія реакціи на раздраженія и, какъ таковыя, суть состоянія чисто субъективныя, въ которыхъ ничего внѣшняго нѣтъ. Правда, между этими субъективными реакціями мы разсмотрѣли такія, какъ представленія о пространствѣ, времени, тѣлѣ, движеніи, формѣ, величинѣ, направленіи, отдѣльныхъ предметахъ, т. е. такіе продукты, которые фактомъ своего существованія предполагаютъ существованіе разнообразнаго внѣшняго міра. Но и въ нихъ, строго говоря, никакого элемента внѣшности нѣтъ, дальше своихъ субъективныхъ ощущеній и представленій мы въ нихъ не заходимъ. Положимъ, что представленія о пространствѣ, времени, тѣлѣ и т. д. суть представленія о чемъ-то внѣшнемъ, но не надобно забывать, что все это только представленія, самобытныя психическія реакціи на раздраженія. А въ представленіи, какъ извѣстномъ субъективвомъ актѣ, ничего внѣшняго нѣтъ. Я могу представлять себѣ не только обыкновенный внѣшній міръ, наполненный обыденными предметами и явленіями, я могу представлять міръ совершенно фантастическій—молочныя рѣки съ кисельными берегами, людей безъ недостатковъ, розы безъ шиповъ, полное отсутствіе всякой неправды во взаимныхъ сношеніяхъ и т. д. И такое представленіе неизбѣжно будетъ предполагать что-то внѣшнее. Но изъ того, что я это внѣшнее себѣ представляю, не слѣдуетъ, что оно и дѣйствительно существуетъ внѣ меня, въ формѣ объективнаго бытія, оно существуетъ только субъективно, какъ мое представленіе, не больше. Тоже самое нужно сказать и о представленіи обыкновеннаго внѣшняго міра. Какія же основанія есть у насъ вѣрить его объективному существованію?

Поставленнымъ вопросомъ издавна занимались англійскіе психологи и философы, цѣлый рядъ блестящихъ умовъ приложилъ стараніе къ его разрѣшенію, именно Берклей, Юмъ, Ридъ, Джемсъ Милль, Джонъ Стюартъ Милль, Гамильтонъ, Бэнъ, Сюлли. Въ нашу задачу не входитъ изложеніе историческаго развитія изысканій по данному вопросу, мы изложимъ свой взглядъ, дѣлая соотвѣтствующія ссылки (въ порядкѣ логическомъ, а не хронологическомъ) на такіе труды англій-

скихъ психологовъ, которые имѣютъ наибольшее положительное значеніе при рѣшеніи поставленнаго вопроса. [1])

Вѣра во внѣшній міръ по самой своей сущности есть фактъ интеллектуальной природы. Наше міровоззрѣніе есть результатъ нашей теоретической работы и убѣжденіе, что этой теоретической работѣ отвѣчаетъ нѣчто внѣшнее, дѣйствительное, есть явленіе столь же теоретическое и никакимъ другимъ быть не можетъ. Бэнъ держится иного взгляда, вѣра вообще, по его мнѣнію, есть фактъ очень сложный, въ немъ есть элементы теоретическіе, умственные, напр. знаніе порядка явленій природы, есть нѣкоторая доля вліянія чувства, но самая сущность вѣры, главный ея стержень—дѣятельность, воля. «По своему существу вѣра есть фаза нашей активной природы, иначе называемой волей». [2]) «Готовность дѣйствовать согласно съ тѣмъ, что мы утверждаемъ, во всякомъ случаѣ нужно признать единственнымъ, настоящимъ, безошибочнымъ критеріемъ вѣры. Колумбъ показалъ свою вѣру въ круглоту земли и въ существованіе сплошнаго океана между Европой и восточнымъ берегомъ Азіи, когда онъ предпринялъ свои путешествія». [3]) Обсуждая въ частности основанія вѣры во внѣшній міръ, Бэнъ на первомъ планѣ ставитъ мускульную энергію, какъ противоположную пассивнымъ ощущеніямъ, ощущеніямъ всѣхъ другихъ органовъ. [4])

Такой взглядъ несправедливъ по самой своей сущности. Что такое готовность дѣйствовать, что такое мускульная энергія въ противоположность пассивному ощущенію? Во всякомъ случаѣ это наши субъективныя состоянія. Одно свое состояніе мы называемъ готовностью дѣйствовать, другое—самымъ дѣйствіемъ, одно ощущеніе—активнымъ, другое—пассивнымъ. Но отъ такихъ различныхъ наименованій субъективная природа нашихъ состояній нисколько не измѣняется,

---

[1]) Краткое изложеніе взглядовъ поименованныхъ въ текстѣ психологовъ и нѣкоторыхъ не поименованныхъ см. Bain, Mental and Moral Science. Part first (изд. 1875 г.) p. 202—214; его же The Emotions and the Will (3 edition, 1875 г.) p. 532—538; Hamilton, Lectures on the Methaphysics and Logic, t. II, Lectures Perception.

[2]) James Mill, Analysis, v. I, прим. Бэна въ концѣ гл. Belief, p. 394.

[3]) Emotions and Will, p. 505 и вся глава Belief.

[4]) Mental and moral Science, p. 198—199.

они равно остаются субъективными, никакого указанія на что либо объективное, никакого перехода къ внѣшней дѣйствительности мы въ нихъ не найдемъ, если даже возьмемъ для наблюденія самую полнѣйшую готовность дѣйствовать и мускульную энергію высокой степени. Основа вѣры во внѣшній міръ лежитъ не въ какомъ либо отдѣльномъ психическомъ фактѣ, а въ тѣхъ построеніяхъ, тѣхъ процессахъ, которые развиваются на почвѣ отдѣльныхъ фактовъ. Эти процессы умственнаго характера и вѣра во внѣшній міръ есть мысль, постоянно возникающая и поддерживающая саму себя, есть явленіе интеллектуальной природы, неразрывно связанное съ нашею умственною жизнью. На какіе же именно факты опирается эта мысль? Какимъ путемъ она слагается и постоянно поддерживается? Такъ какъ наша умственная жизнь представляетъ многіе и сложные процессы, то естественно, что и отвѣтъ на поставленный вопросъ можетъ быть данъ не одинъ, а нѣсколько. Именно согласно съ различеніемъ въ умственной дѣятельности ощущеній и идей, можно утверждать, что вѣра во внѣшній міръ покоится или по преимуществу на процессѣ ощущеній, или по преимуществу на процессѣ идей, или на отношеніи идей къ ощущеніямъ. Эти три взгляда и были высказаны.

§ 97. Первый взглядъ принадлежитъ Джону Стюарту Миллю. Онъ самъ его называетъ «психологической теоріей довѣрія къ внѣшнему міру». [1]) Сущность его выражается такой формулой: «вещество (матерія) можетъ быть опредѣлено какъ постоянная возможность ощущенія». «Довѣрчивость людей къ реальному существованію видимыхъ и осязаемыхъ предметовъ подразумѣваетъ собою довѣрчивость къ реальности и постоянству возможностей зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній, когда никакія такія ощущенія не были испытаны». Теорія ничего не предполагаетъ, кромѣ способности духа къ ожиданію и законовъ ассоціаціи смежности и сходства, причемъ ассоціаціи повтореніемъ укрѣпляются до неразрывности, по крайней мѣрѣ временной. Мы изложимъ психологическую

---

[1]) Обзоръ философіи Сэръ Вильяма Гамильтона, (1869), гл. XI, стр. 180—192.

теорію нѣсколько подробнѣе, такъ какъ она имѣетъ значительную психологическую цѣнность.

Мое представленіе о внѣшнемъ мірѣ въ какое либо мгновеніе состоитъ въ незначительной долѣ изъ дѣйствительныхъ, настоящихъ ощущеній, а по большей части изъ возможныхъ. Прошлое наблюденіе говоритъ мнѣ, что кромѣ настоящихъ ощущеній я могъ бы, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, получить безчисленное множество другихъ. Возможныя ощущенія—это неисчерпаемый фондъ дѣйствительныхъ ощущеній. Мы знаемъ, что если будемъ смотрѣть на извѣстную вещь, то получимъ такія-то ощущенія; если возьмемъ ее въ руки, то испытаемъ другія; если будемъ пробовать на вкусъ и обоняніе, получимъ новые ряды особыхъ ощущеній. Всѣ эти ощущенія мы можемъ видоизмѣнять безъ конца, такъ что наши дѣйствительныя ощущенія составляютъ только маленькую частичку изъ данной группы возможныхъ ощущеній.

Возможныя ощущенія совершаются въ извѣстномъ порядкѣ, именно послѣдовательномъ, который служитъ основой причинности. Отправляясь въ Калькутту, я увѣренъ, что не только получу ощущенія, но ощущенія послѣдовательныя, правильныя, сначала одно, потомъ другое, десятое, сотое, какъ разсказываютъ о Калькуттѣ путешественники. Возможныя ощущенія владѣютъ такимъ образомъ твердостію, постоянствомъ. Если мы выходимъ изъ извѣстныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ полученіе ощущеній, напр. изъ комнаты, то мы не уносимъ съ собой этой возможности, другія чувствующія существа, находясь въ тѣхъ же условіяхъ, испытываютъ извѣстныя ощущенія. Если мы, спустя большій или меньшій промежутокъ времени, вернемся въ тѣ же условія, то снова испытаемъ извѣстныя ощущенія. Настоящія ощущенія случайны, летучи, возникаютъ и погибаютъ съ нами; возможныя тверды, постоянны, существовали для безконечнаго числа предшествующихъ поколѣній и будутъ существовать для безконечнаго числа послѣдующихъ поколѣній. Такимъ образомъ и со стороны количества и со стороны постоянства мы научаемся противопоставлять возможныя ощущенія дѣйствительнымъ, видѣть въ первыхъ нѣчто генетически различное отъ вторыхъ, считать возможныя ощущенія причиной

дѣйствительныхъ. А въ этомъ и заключается сущность вѣры во внѣшній міръ.

Анализъ Милля имѣетъ значительныя достоинства. Несомнѣнно, что противопоставленіе постоянныхъ возможныхъ ощущеній дѣйствительнымъ есть одно изъ основаній нашей вѣры во внѣшній міръ. Но анализъ Милля не исчерпываетъ всего вопроса. Подъ внѣшнимъ міромъ мы разумѣемъ не только постоянную возможность ощущеній, но болѣе того, міръ самостоятельныхъ предметовъ, ведущихъ свою особую жизнь, дѣйствующихъ другъ на друга и на наше сознаніе, имѣющихъ свои законы бытія, словомъ особое царство. Съ другой стороны, противопоставляя себѣ внѣшній міръ, мы противопоставляемъ не только дѣйствительныя ощущенія возможнымъ; подъ самими собой, подъ своимъ я мы разумѣемъ болѣе богатое содержаніе, чѣмъ дѣйствительныя ощущенія. Я и не—я, субъектъ и объектъ—это цѣлые мѣры, сложные, разнообразные и самостоятельные. Анализъ Милля изъ цѣлой совокупности противопоставленія я и не—я выбираетъ только одинъ элементъ и имъ ограничивается. Черта взята справедливая, но она всего дѣла не исчерпываетъ.

Процессомъ идей вѣру во внѣшній міръ объяснялъ отецъ Д. С. Милля, Джемсъ Милль. По его мнѣнію, она возникаетъ вслѣдствіе неразрывной ассоціаціи и слагается собственно изъ двухъ моментовъ: изъ группы идей, соединенныхъ ассоціаціей и изъ идеи антецедента или причины этой группы. Я вижу розу—каковъ смыслъ этого факта? Фактъ предполагаетъ прежде всего вѣру въ ощущенія, получаемыя отъ розы; но имѣть ощущенія и вѣрить въ нихъ—это значитъ одно и тоже. Вѣра въ существованіе внѣшняго предмета есть нѣчто большее, чѣмъ просто вѣра въ ощущенія, это есть вѣра въ нераздѣльное сочетаніе ощущеній въ одно цѣлое, въ которомъ одно или два свойства являются преобладающими. Внѣшній объектъ—роза есть неразрывная ассоціація идей запаха, осязанія, цвѣта и нѣкоторыхъ другихъ съ идеей фигуры. Но и кромѣ вѣры въ неразрывность извѣстныхъ идеей въ разсматриваемомъ фактѣ есть еще нѣчто, именно вѣра въ причину, слѣдствія которой суть мои ощущенія. Этой причинѣ, а не слѣдствію, мы усвояемъ названіе объекта. Розой мы называемъ не самыя ощущенія, а тотъ неизвѣстный субстратъ, которому принадлежатъ раз-

личныя свойства и который вызываетъ въ насъ ощущенія. Идея причины есть опять же результатъ неразрывной ассоціаціи между предъидущимъ явленіемъ и послѣдующимъ. Мы такъ часто занимаемся наблюденіемъ постоянныхъ связей между фактами, что идея причины дѣлается частью нашего бытія и идеи событій становятся невозможными безъ идеи причины. У насъ есть ассоціація идей запаха, цвѣта, осязанія и т. д., эту ассоціацію мы сочетаемъ съ идеей причины и предполагаемой причинѣ даемъ имя субстрата, въ данномъ случаѣ розы и такимъ образомъ получаемъ внѣшній предметъ. Слѣдовательно вѣра во внѣшній міръ есть собственно результатъ двойной ассоціаціи: ассоціаціи отдѣльныхъ идей въ неразрывныя группы и ассоціаціи этихъ группъ съ идеей причины или антецедента. [1])

Объясненіе Джемса Милля совсѣмъ не достигаетъ цѣли, хотя несомнѣнно, что идеи и ассоціаціи имѣютъ большое значеніе въ происхожденіи нашей увѣренности въ существованіи внѣшняго міра. Если мы сочетаемъ одну идею или ассоціацію идей съ другой какой либо идеей, хотя бы причины, то въ результатѣ у насъ получится сочетаніе идей, субъективныхъ состояній, а не вѣра во внѣшній міръ. Откуда же у насъ возьмется мысль о чемъ либо внѣшнемъ? Нужно было обстоятельно показать генесисъ этой мысли, а у Джемса Милля мы его не находимъ; мы встрѣчаемъ у него указанія на возникновеніе неразрывныхъ ассоціацій, на сочетаніе этихъ ассоціацій съ идеей причины, а не объясненіе вѣры во внѣшній міръ. Одними идеями и ихъ сочетаніями объяснить вѣру во внѣшній міръ нельзя, точно такъ же, какъ одними ощущеніями, напримѣръ противопоставленіемъ ощущеній дѣйствительныхъ возможнымъ.

Можно высказать и такой взглядъ, что наша вѣра во внѣшній міръ есть результатъ отношеній ощущеній къ идеямъ. Подобный взглядъ и высказываетъ Сюлли. Онъ вообще вѣру признаетъ фактомъ сложнымъ, на нее вліяетъ и дѣятельность, вліяютъ и чувствованія, но самая сущность ея интеллектуаль-

---

[1]) James Mill, Analysis of the Phenomena of the human Mind. Vol 1, chap. Belief, p. 344—354.

ной природы. Самый ранній зародышъ вѣры, предшествующій всѣмъ другимъ вліяніямъ на нее, заключается «въ переходѣ отъ ощущенія къ идеѣ» (in the transition from a sensation to an idea). Когда частное ощущеніе повторилось нѣсколько разъ, въ умѣ остается образъ его, похожій и напоминающій ощущеніе, но въ тоже время въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и различный, именно въ степени живости. Идея пламени приводитъ сознаніе ребенка къ ощущенію пламени, болѣе глубокому и сильному, чѣмъ идея. Это различіе между ощущеніемъ и идеей чувствуется ребенкомъ очень рано, прежде какихъ либо объективныхъ ассоціацій и ассоціацій времени. Какъ же скоро сдѣлалось возможнымъ различеніе настоящей идеи и отсутствующаго ощущенія, то имѣя идею, умъ и впадаетъ въ состояніе вѣры въ отсутствующее ощущеніе. Ребенокъ такъ могъ бы описать намъ въ данномъ отношеніи состояніе своего ума: «въ моемъ умѣ есть нѣчто, переносящее мою мысль къ другой вещи, болѣе свѣтлой и лучшей, чѣмъ оно само и хотя этой другой вещи въ моемъ умѣ сейчасъ нѣтъ, но она кажется близкой и готовой вступить въ него». «Въ необъяснимомъ фактѣ, что настоящая идея носитъ на себѣ знакъ своего происхожденія и напоминаетъ объ ощущеніи, которое ему предшествовало, мы имѣемъ послѣднее доступное состояніе вѣры». Въ разнообразныхъ формахъ, которыя послѣдовательно принимаетъ человѣческая вѣра, во всѣхъ можно открыть присутствіе этого инстинктивнаго импульса—вѣрить въ нѣчто, внушаемое настоящей идеей. [1])

На сколько этотъ общій анализъ происхожденія вѣры можно приложить къ спеціальному случаю вѣры во внѣшній міръ, его нельзя признать удовлетворительнымъ.

Изъ изложеннаго взгляда Сюлли слѣдуетъ, что въ человѣкѣ возникаетъ вѣра не во внѣшній міръ, а въ свои ощущенія. Идея напоминаетъ о прежнемъ, болѣе яркомъ, явленіи—ощущеніи, изъ котораго она произошла; откуда возникаетъ вѣра въ ощущенія. Но вѣра въ ощущенія и вѣра во внѣшній, независимый отъ насъ и ощущеній, міръ далеко не одно и

---

[1]) James Sully, Sensation and Intuition. Second edition, London, 1880. P. 82, 83. Essay IV, Belief: its varieties and its conditions.

тоже. Она коренится въ отношеніи идей къ ощущеніямъ, но не въ томъ процессѣ, на который указываетъ Сюлли. Не «переходъ отъ ощущенія къ идеѣ», а апперцепція есть источникъ вѣры во внѣшній міръ. Даже то, что самъ Сюлли далѣе говоритъ въ поясненіе приведеннаго выраженія, не совсѣмъ подходитъ къ поставленной имъ формулѣ. Апперцепція и переходъ отъ ощущенія къ идеѣ различные процессы, хотя ихъ, вслѣдствіе сходства, и легко смѣшать. Переходъ отъ ощущенія въ идеѣ есть, строго говоря, тоже, что переходъ ощущенія въ идею, т. е. процессъ образованія идеи изъ ощущенія; апперцепція же есть сочетаніе готовой, образованной идеи съ новымъ подобнымъ ощущеніемъ. А это не совсѣмъ одно и тоже. Теперь мы изложимъ свой взглядъ.

§ 98. Вѣра во внѣшній міръ есть явленіе интеллектуальной природы; она не представляетъ собою какого либо одного отдѣльнаго факта, на которомъ бы она исключительно и покоилась, который своимъ бытіемъ или не бытіемъ обусловливалъ бы присутствіе или отсутствіе вѣры. Вѣра во внѣшній міръ есть построеніе, процессъ, обусловленный цѣлымъ ходомъ жизни нашего ума. Его нельзя вывести изъ какой нибудь одной группы умственныхъ дѣятельностей, каковы ощущенія, идеи, переходъ ощущенія въ идею, онъ опирается на всѣ ихъ вмѣстѣ, есть результатъ апперцепціи. Въ апперцепціи, какъ источникѣ вѣры во внѣшній міръ, мы должны различить два главныя начала: противопоставленіе идей и ощущеній и ихъ сліяніе.

Исходный пунктъ нашей увѣренности въ существованіи внѣшняго, независимаго отъ насъ, міра—это тѣ значительныя различія, которыя мы невольно замѣчаемъ между ощущеніями и идеями и на основаніи которыхъ мы противопоставляемъ ихъ. Различія могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ пунктамъ: яркости ощущеній, вынудительности ихъ и постоянству ощущеній. О первой чертѣ различія между ощущеніемъ и идеей мы достаточно говорили, характеризуя представленія. Здѣсь мы только замѣтимъ, что уже представленію мы должны приписывать несравненно меньшую степень живости, чѣмъ ощущенію; но идея, сравниваемая съ представленіемъ, есть актъ значительно отвлеченный, вслѣдствіе чего различіе по живости

между ощущеніемъ и идеей возрастаетъ.—Вынудительность ощущеній состоитъ въ томъ, что мы, находясь въ извѣстныхъ условіяхъ, не можемъ никакими силами избавиться отъ извѣстныхъ ощущеній. Находясь днемъ на открытой луговинѣ, мы не можемъ не видѣть дневнаго свѣта, неба, земли, травы, не слышать шума, раздающагося здѣсь, пѣнія птицъ, не обонять запаха цвѣтовъ и т. д., предполагая, что мы не закрываемъ намѣренно органовъ и не погружены въ размышленіе или чувство. Идеи же не имѣютъ такой вынудительности: онѣ мѣняются по сходству и смежности безъ конца, и, пребывая подъ давленіемъ однихъ и тѣхъ же ощущеній, воспринимая все тотъ же лугъ, слыша все тѣхъ же птицъ, обоняя все тѣ же запахи, идеями мы можемъ обнимать всю вселенную со всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ ея явленій. Измѣнить свои ощущенія мы можемъ, поставивъ себя въ новыя условія, перешедъ напр. на новое мѣсто; но здѣсь, на новомъ мѣстѣ, мы опять подпадаемъ новымъ вынудительнымъ ощущеніямъ, которыя и не прекратятся до тѣхъ поръ, пока не измѣнится наше положеніе. Вынудительность ощущеній даетъ намъ идею о нашей зависимости отъ какихъ-то неизвѣстныхъ, чуждыхъ намъ, силъ, которыя держатъ насъ въ своей власти, какъ скоро мы попадаемъ въ сферу ихъ вліянія. И перемѣняя мѣста, смѣняя ощущенія, мы только переходимъ отъ власти однихъ силъ къ власти другихъ.—Испытавъ достаточное количество такихъ переходовъ изъ сферы вліянія однихъ силъ къ сферамъ вліянія другихъ, мы легко замѣчаемъ, что въ извѣстныхъ условіяхъ мы получаемъ постоянно одинаковыя ощущенія, между тѣмъ какъ наши идеи въ каждомъ положеніи представляютъ колеблющееся, непрерывно волнующееся, море: то явится одна идея, то другая совсѣмъ особая отъ нея, третья опять оригинальная и т. д. безъ конца, постоянства и устойчивости въ нашихъ идеяхъ при одинаковости положенія не замѣчается. Ставя себя въ извѣстныя условія, мы напередъ можемъ сказать, какія ощущенія у насъ будутъ и какихъ не будетъ; объ идеяхъ же мы ничего подобнаго сказать напередъ не можемъ. Неизвѣстныя силы, подъ вліяніе которыхъ мы подпадаемъ въ ощущеніяхъ, дѣйствуютъ постоянно, систематически.

Каждую минуту у насъ совершается процессъ апперцепціи,

каждую минуту чувствуются нами, постоянно удерживаются предъ нашимъ сознаніемъ разницы между ощущеніями и идеями. Онѣ такимъ образомъ рельефно отпечатлѣваются въ насъ и вызываютъ противопоставленіе міра идей міру ощущеній. Въ мірѣ идей мы чувствуемъ себя болѣе свободными, болѣе хозяевами, болѣе дома, чѣмъ въ мірѣ ощущеній; чѣмъ ближе наша мысль подходитъ отъ идей къ ощущеніямъ, тѣмъ меньше становится замѣтнымъ наше вліяніе, тѣмъ сильнѣе чувствуется въ смѣнѣ душевныхъ явленій вліяніе необходимости, дѣйствіе какихъ-то неизвѣстныхъ агентовъ, предъ которыми мы вполнѣ безсильны; чѣмъ дальше мы отходимъ отъ ощущеній, тѣмъ блѣднѣе и блѣднѣе становятся психическія явленія, пока наконецъ рядъ образовъ не заканчивается такими туманными, общими, расплывчатыми образованіями, которыя мы удерживаемъ въ болѣе или менѣе опредѣленномъ видѣ только помощію слова; чѣмъ ближе къ ощущеніямъ, тѣмъ образы становятся все ярче, живѣе и въ тоже время навязчивѣе, вынудительнѣе, пока мы не дойдемъ до противоположнаго нашимъ идеямъ конца—ощущеній, въ сферѣ которыхъ мы совершенно безсильны. Мы поражаемся различіями конечныхъ явленій указаннаго психическаго ряда, противопоставляемъ ихъ, міръ идей называемъ своимъ я, міръ ощущеній не—я. Подъ не—я, сообразно съ самымъ характеромъ ощущеній—яркихъ, навязчивыхъ, постоянныхъ, мы начинаемъ воображать самостоятельный міръ силъ, имѣющихъ свое собственное бытіе и законы, вторгающихся въ насъ, дѣйствующихъ и подчиняющихъ насъ себѣ въ ощущеніяхъ А такъ какъ у насъ есть уже представленія пространства, времени, конкретныхъ предметовъ, движеній, то мы отожествляемъ, сливаемъ міръ неизвѣстныхъ самостоятельныхъ силъ съ этими продуктами нашей психической дѣятельности. Такимъ образомъ происходитъ объектированіе субъективныхъ психическихъ дѣятельностей, иначе сказать возникаетъ вѣра во внѣшній, независимый отъ насъ, міръ, котораго наши психическія состоянія считаются нами только блѣдными копіями. Самая мысль о томъ, что весь внѣшній міръ и вѣра въ его реальность суть только наши умственныя построенія на основаніи различій между идеями и ощущеніями, улетучивается изъ обыкновеннаго сознанія,

вселенная, матерія представляются имѣющими гораздо большую реальность, чѣмъ ощущенія и идеи. Словомъ между субъективнымъ и объективнымъ міромъ наступаетъ обратное отношеніе, объективный міръ кажется уже достовѣрнѣе субъективнаго.

§ 99. Въ возникновеніи вѣры во внѣшній міръ нужно обратить вниманіе на апперцепцію въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. на сліяніе идей и ощущеній. Еслибы не было непосредственнаго сліянія идей и ощущеній, то образованіе вѣры во внѣшній міръ въ значительной степени затруднилось бы и самый внѣшній міръ не имѣлъ бы для насъ такого значенія, какое имѣетъ теперь. Представимъ себѣ, что наши умственныя дѣятельности развиваются въ одномъ прямомъ направленіи, имѣютъ форму длиннаго послѣдовательнаго ряда, конечные члены котораго—ощущенія и идеи—не соприкасаются непосредственно другъ съ другомъ. Тогда идея и ощущеніе не сопоставлялись бы другъ съ другомъ, тогда ощущеніе, чтобы слиться съ идеей, должно было бы само превращаться, образовываться въ идею, т. е. сдѣлаться сначала элементарнымъ представленіемъ, потомъ сложнымъ, войти въ составъ общаго, подвергнуться процессу абстракціи; идеи тогда непосредственно сопоставлялись бы съ идеями, а ощущенія съ ощущеніями. Вслѣдствіе отсутствія непосредственнаго отношенія между идеями и ощущеніями, различія между ними были бы для нашего сознанія менѣе ясны, не такъ живо чувствовались. А между тѣмъ вѣра во внѣшній міръ и держится на живомъ сознаніи различій между идеями и ощущеніями: непрерывно и непосредственно, въ апперцепціи, сопоставляя идеи и ощущенія, живо чувствуя различія между ними, мы проникаемся убѣжденіемъ, что за постоянною возможностью этихъ яркихъ и вынудительныхъ состояній (ощущеній) скрывается міръ постоянно существующихъ самостоятельныхъ предметовъ.

Еслибы у насъ не существовало непосредственнаго сліянія идей и ощущеній, то внѣшній міръ не имѣлъ бы для насъ того значенія, какое онъ имѣетъ теперь. Наша психическая жизнь тогда раскололась бы: ощущенія существовали бы сами по себѣ, а идеи сами по себѣ. Теперь, вслѣдствіе живаго обмѣна въ апперцепціи силъ ощущеній и идей, каждая идея

носитъ болѣе или менѣе ясный знакъ своего происхожденія изъ ощущенія; приглядываясь къ различнымъ идеямъ, наблюдая, какъ онѣ ассимилируютъ ощущенія, мы можемъ слѣдить исторію ихъ развитія, когда онѣ существовали въ болѣе конкрентныхъ формахъ представленія, можемъ открыть наконецъ и первичный типъ идей—ощущенія. Сливаясь постоянно съ соотвѣтствующимъ ощущеніемъ, своимъ первичнымъ типомъ, каждая идея постоянно напоминаетъ намъ собою объ этомъ первичномъ типѣ, болѣе яркомъ, болѣе живомъ; она какъ бы говоритъ намъ, что она есть только блѣдная копія, отзвукъ, отраженіе этой болѣе живой реальности. Въ настоящее время психологія твердо установила тотъ догматъ, что у насъ нѣтъ идей не отъ міра сего, т. е. нѣтъ идей не изъ ощущеній, если не отдѣльнаго человѣка, то человѣчества. Но исторія ученія о врожденныхъ идеяхъ свидѣтельствуетъ, что были другія времена, когда, не смотря на процессъ апперцепціи, думали, что не только есть идеи не изъ ощущеній, но что, строго говоря, всѣ настоящія идеи возникаютъ не изъ ощущеній. Представимъ теперь, что процесса апперцепціи совсѣмъ нѣтъ, идеи не ассимилируютъ непосредственно ощущенія, идеи и ощущенія не соприкасаются, а ощущенія, рядомъ длинныхъ измѣненій, превращаются въ идеи; тогда связь идей съ ощущеніями сдѣлается менѣе замѣтной для нашего сознанія, печать земнаго происхожденія идей изъ ощущеній будетъ не такъ рельефна, сгладится. Идеи легко покажутся тогда чѣмъ-то совершенно особеннымъ и независимымъ отъ ощущеній; онѣ, образуя особое царство, будутъ внѣгенетической связи съ ощущеніями. А такъ какъ онѣ въ мышленіи важнѣе ощущеній, то легко будетъ видѣть въ идеяхъ истинную реальность, истинное бытіе, истинное знаніе, а въ ощущеніяхъ какой то странный живой сонъ, яркую забавную фантасмагорію, миражъ, путающій настоящее серьезное разсужденіе, вносящій смуту въ идеи. Тогда можно будетъ предполагать, что идеи имѣютъ своимъ источникомъ особый идеальный міръ, которому и принадлежитъ истинное бытіе, истинная реальность, ощущенія же возникаютъ изъ міра не вполнѣ реальнаго и дѣйствительнаго, словомъ тогда легко придти къ философскимъ взглядамъ Платона. И замѣтимъ, что всѣ философы, въ родѣ

Платона, которые не допускали генетической связи между идеями и ощущеніями, не придавали такого большаго значенія внѣшнему міру, какое ему обыкновенно придается. Чтобы мы твердо вѣрили во внѣшній независимый отъ насъ міръ, для этого необходимо и живо чувствовать разницу между идеями и ощущеніями, непосредственно сопоставляя ихъ, и замѣчать ихъ генетическую связь, сливая ощущенія съ идеями. Каждая изъ этихъ сторонъ равно необходима, а именно эти-то оба процесса мы и находимъ въ апперцепціи.

Такимъ образомъ вѣра во внѣшній міръ не есть фактъ первоначальный, коренной нашего сознанія, но вторичный, производный, есть наше построеніе. Тѣмъ не менѣе вѣра обыкновенно бываетъ очень твердой. Причина заключается въ томъ, что процессъ апперцепціи начинается очень рано, хотя сначала и въ несовершенной формѣ, и затѣмъ совершается каждую минуту нашего существованія, такъ что вѣра во внѣшній міръ постоянно возрождается и поддерживается. Какъ только въ сознаніи ребенка отложились элементарныя представленія, то между ними и новыми подобными ощущеніями и начинаетъ совершаться процессъ апперцепціи въ формѣ сначала очень элементарной и несовершенной. По мѣрѣ увеличенія психической опытности и усложненія первоначальныхъ психическихъ образованій, процессъ апперцепціи совершается въ болѣе совершенной формѣ. Сообразно съ возрастаніемъ отчетливости процесса апперцепціи, именно по мѣрѣ сопоставленія не представленій, а идей съ ощущеніями, возрастаетъ и вѣра во внѣшній міръ. Мы начинаемъ свою психическую жизнь сознаніемъ своихъ состояній безъ всякаго отнесенія ихъ къ чему либо внѣшнему и довольно долгое время дѣти плохо различаютъ между міромъ субъективнымъ и объективнымъ, субъективное состояніе, напр. сновидѣніе, они готовы бываютъ признать объективнымъ фактомъ и любой объективный фактъ за свою грезу, мечту. Съ образованіемъ же идей и сопоставленіемъ ихъ съ ощущеніями въ апперцепціи, вѣра во внѣшній міръ формируется надлежащимъ образомъ и затѣмъ создается вновь и поддерживается каждымъ актомъ апперцепціи, такъ что сопровождаетъ каждый шагъ нашей умственной дѣятельности. И когда позднѣе, помощію психологическаго анализа, мы узнаемъ,

что пространство, время, предметы, самая мысль о чемъ-то внѣ насъ существующемъ суть наши субъективныя построенія, а что такое есть внѣ насъ—это совершенно неразрѣшимый иксъ; психологическій анализъ оказывается уже безсильнымъ, объективація субъективныхъ психическихъ состояній совершилась твердо, возникла неразрывная ассоціація между нашими отдѣльными представленіями и представленіемъ внѣшняго, по отношенію къ намъ, бытія и мы, волей—неволей, міръ представляемъ внѣшнимъ и инымъ представить не можемъ. Процессъ апперцепціи занимаетъ слишкомъ видное и существенное положеніе въ ряду нашихъ умственныхъ дѣятельностей, чтобы мы могли освободиться отъ тѣхъ построеній, которыя онъ необходимо внушаетъ.

§ 100. Знакомство педагога съ процессомъ апперцепціи должно обратить его вниманіе на воспитаніе способности правильнаго, точнаго наблюденія. Сущность апперцепціи въ томъ и состоитъ, что съ сейчасъ получаемымъ ощущеніемъ сливаются однородныя представленія и идеи, восполняютъ ощущеніе, даютъ ему все богатство своего содержанія. Ощущеніе, понятно, отъ этого измѣняется. Ощущеніе въ апперцепціи легко можетъ быть отнесено не къ той группѣ образовъ, къ какой слѣдуетъ, тогда возникнетъ иллюзія, въ которой ощущеніе еще болѣе измѣняется. Наконецъ идеи могутъ совсѣмъ подавить ощущеніе, извратить его вполнѣ въ галлюцинаціи. Къ вліянію идей нужно прибавить еще вліяніе чувствованій, точно также могущихъ весьма значительно искажать наши ощущенія. А отъ всѣхъ подобныхъ измѣненій и искаженій ощущенія часто страдаетъ точность и правильность наблюденія. Надлежащій нормальный процессъ апперцепціи, конечно, не только не мѣшаетъ наблюденію, но, напротивъ, способствуетъ ему, ускоряя и разъясняя его; но малѣйшее уклоненіе апперцепціи отъ нормальнаго хода вредитъ наблюденію, придавая ему субъективный, односторонній оттѣнокъ, лишая его вполнѣ безпристрастнаго объективнаго характера. Хорошее наблюденіе то, которое видитъ фактъ такимъ, какимъ онъ совершается, которое не привноситъ къ наблюдаемому явленію ничего личнаго, измѣняющаго свойства этого факта, уменьшающаго впечатлѣніе, имъ производимое

или увеличивающаго его. Хорошее наблюденіе—дѣло чрезвычайной важности и при теоретическихъ занятіяхъ и въ практической жизни. Основа каждой науки—факты; заниматься наукой невозможно, не производя постоянно наблюденій надъ природой, жизнью человѣческихъ обществъ, психологическихъ наблюденій надъ жизнью отдѣльнаго лица. Но что же у насъ будетъ за наука, если мы не будемъ усвоять факты такими, каковы они есть, будемъ давать имъ собственную окраску, извѣстное, субъективное освѣщеніе? Мы уничтожимъ тогда самую возможность научнаго изслѣдованія. Практическая жизнь также требуетъ отъ насъ точныхъ наблюденій; успѣхъ нашъ въ жизни нерѣдко зависитъ отъ того, насколько правильное и точное представленіе мы имѣемъ о свойствахъ окружающихъ насъ лицъ, на сколько мы можемъ правильно и точно наблюдать событія, въ которыхъ мы необходимо должны принять участіе.

Между тѣмъ искусствомъ наблюдать правильно и хорошо владѣютъ не многіе. Обыкновенно наблюдаемый фактъ обезображивается, вслѣдствіе процесса апперцепціи и вліянія чувствованій, личными мнѣніями и взглядами, субъективными симпатіями и антипатіями; выводъ изъ факта, личное мнѣніе о немъ обыкновенно примѣшиваютъ къ самому факту и считаютъ частью факта; сужденіе выдаютъ за ощущеніе, то, что подумали и почувствовали, за то, что видѣли и слышали. Передайте вы одинъ и тотъ же фактъ десятку различныхъ по своему образованію, положенію въ обществѣ и занятіямъ личностей, и попросите воспроизвесть этотъ фактъ. Каждый воспроизведетъ его уже съ нѣкоторыми оттѣнками и измѣненіями, иногда почти незамѣтными. Будетъ уже не одинъ фактъ а 10 фактовъ, столько, сколько было лицъ, слышавшихъ разсказъ. И плохою способностью наблюдать отличаются не только люди, не получившіе достаточно хорошаго воспитанія, но и хорошо образованные и даже ученые, которые въ своихъ занятіяхъ много стараются о томъ, чтобы не подкрашивать фактовъ собственными впечатлѣніями и выводы изъ нихъ не считать свойствами самаго факта. Приведемъ примѣры. Различные историки, совершенно невинные въ умышленномъ лжетолкованіи, видятъ въ историческихъ фактахъ лишь благопріятное протестантамъ или католикамъ, роялистамъ или

республиканцамъ, Карлу I или Кромвеллю; другіе же, исходя изъ предвзятаго понятія, что крайности непремѣнно несправедливы, неспособны видѣть истину и право, когда послѣднія находятся цѣликомъ на одной сторонѣ. Мирабо—отецъ сказалъ однажды: «въ книгахъ каждый читаетъ только то, что у него уже есть въ головѣ или сердцѣ». Разверните психологическіе трактаты Бенеке и Ульрици и вы на каждой страницѣ увидите, какъ авторы этихъ трактатовъ свою психологическую теорію примѣшиваютъ къ фактамъ психической жизни и нерѣдко прямо свое мнѣніе, свой взглядъ выдаютъ за фактъ. Мы уже не говоримъ о произведеніяхъ нѣмецкихъ философовъ-идеалистовъ, въ которыхъ нерѣдко мнѣніе автора выдается за законъ природы и на факты, несогласные съ исторіей, не обращается никакого вниманія. Само собой разумѣется, что и естествоиспытатели, для которыхъ точное наблюденіе особенно важно, нерѣдко не свободны отъ недостатковъ наблюденія. Бываютъ такіе случаи, что одинъ наблюдатель видитъ то, чего, не смотря на всѣ старанія, не видитъ другой. Особенно часто это случается по отношенію къ такимъ предметамъ, которые, или по своей незначительной величинѣ, или по какимъ либо другимъ свойствамъ, требуютъ чрезвычайно тщательнаго наблюденія и которые въ то же время спорны.

Приведемъ нѣсколько частныхъ фактовъ для поясненія высказанныхъ мыслей. Отто Герике утверждалъ, что онъ слышалъ чиканье часовъ въ колоколѣ, изъ котораго былъ выкачанъ воздухъ, потому что совсѣмъ не соглашался съ ученіемъ о звукѣ, какъ колебаніи воздуха. — Когда д-ръ Пирсонъ въ первый разъ взвѣсилъ на пальцахъ шарикъ калія, добытый батареей Деви, онъ воскликнулъ: «какой тяжелый металлъ»! Предвзятая мысль о совпаденіи металлическаго блеска съ значительнымъ удѣльнымъ вѣсомъ заставила его чувствовать тяжесть въ веществѣ, которое, по непреложному свидѣтельству вѣсовъ, оказалось легче воды.—Свѣдѣнія, выносимыя обыкновеннымъ путешественникомъ изъ чужой страны, какъ засвидѣтельствованныя его внѣшними чувствами, почти всегда точно совпадаютъ съ мнѣніями, съ которыми онъ отправился въ путь. Онъ видѣлъ и слышалъ лишь такія вещи, которыя надѣялся найти.

Иногда извѣстныя мысли такъ сильно дѣйствуютъ на

людей, что мѣшаютъ имъ даже произвесть самыя простыя наблюденія, которыя легко опровергли бы ихъ ложныя аксіомы. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ тому можетъ служить споръ о системѣ Коперника. Противники Коперника отвергали движеніе земли на томъ основаніи, что еслибъ она двигалась, то камень, упавъ съ высокой башни, достигъ бы земли не у подошвы башни, а на небольшомъ отъ нея разстояніи, въ направленіи, противномъ движеніи земли,—точно такъ же (говорили они), какъ мячикъ, выпущенный изъ рукъ съ вершины мачты, на полномъ ходу корабля, упадетъ не вплоть у основанія мачты, а ближе къ кормѣ корабля. Сторонники Коперника разомъ заставили бы своихъ оппонентовъ замолчать, если бы они попробовали уронить мячикъ сверху мачты. Тогда они увѣдили бы, что онъ упадетъ вплоть у мачты, какъ того требуетъ теорія. Но нѣтъ; они допустили мнимый фактъ и тщетно пытались отыскать различіе между двумя случаями. «Мячикъ не часть корабля, и движеніе впередъ не естественно ни для корабля, ни для мячика. Съ другой стороны камень, упавшій съ вершины башни, часть земли, и потому суточныя и годовыя вращенія, естественныя для земли, естественны и для камня; вслѣдствіе этого камень сохранитъ одно движеніе съ башней и упадетъ на землю у самой подошвы башни». [1]) Негры, носящіе кораллъ какъ талисманъ, утверждаютъ, по словамъ Париса, что цвѣтъ его «всегда зависитъ отъ состоянія здоровья человѣка, носящаго амулетъ, и блѣднѣетъ отъ болѣзни этого человѣка». О предметѣ, доступномъ всеобщему наблюденію, общее предложеніе, не представляющее ни малѣйшаго признака истинности, принимается какъ результатъ опыта, такъ что повидимому предвзятое мнѣніе препятствуетъ всякому наблюденію надъ предметомъ.

Чѣмъ меньше степень образованія человѣка, тѣмъ меньше у него способность выдѣлять наблюдаемый фактъ отъ тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ произвелъ на него. Эта неспособность породила много чудесныхъ разсказовъ, много скандальныхъ анекдотовъ. Разсказчикъ сообщаетъ не то, что онъ

---

[1]) Милль, Система логики, т. II, стр. 318.

видѣлъ или слышалъ, а впечатлѣніе, произведенное на него видѣннымъ или слышаннымъ,—впечатлѣніе, большая часть котораго состояла, можетъ быть, изъ вывода, хотя все оно сообщается не какъ выводъ, а какъ фактъ. Трудность заставить свидѣтелей умѣренно примѣшивать выводы къ изложенію своихъ воспріятій хорошо извѣстна опытнымъ судебнымъ слѣдователямъ. Она еще значительнѣе, когда невѣжды пытаются описать какое-либо естественное явленіе. «Самый простой разсказъ самаго невѣжественнаго наблюдателя, говоритъ Дюгальдъ Стюартъ, заключаетъ большее или меньшее число гипотезъ, мало того: обыкновенно чѣмъ человѣкъ невѣжественнѣе, тѣмъ болѣе въ его разсказѣ найдется гипотетическихъ предположеній. Деревенскій аптекарь и—если возможно, еще въ большей степени—опытная кормилица рѣдко способны описать самый простой случай, не прибѣгая къ выраженіямъ, каждое слово которыхъ есть теорія, между тѣмъ какъ простое и вѣрное обозначеніе отдѣльныхъ явленій, составляющихъ признакъ данной болѣзни,—обозначеніе, не извращаемое воображеніемъ или предвзятыми понятіями, можно принять за несомнѣнное доказательство ума, который долгимъ и успѣшнымъ изученіемъ усвоилъ самое трудное изъ всѣхъ искусствъ: искусство вѣрно толковать природу». [1])

Самой собой разумѣется, что дѣти гораздо менѣе взрослыхъ способны отдѣлять факты отъ впечатлѣній, производимыхъ этими фактами. Когда ребенокъ передаетъ какой либо фактъ, то это не есть объективный разсказъ, а рядъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ наблюденія этого факта. Объективныя свойства ощущенія у дѣтей стоятъ на второмъ планѣ, главную же роль играетъ тонъ ощущенія, т. е. его пріятный или непріятный характеръ. Поэтому дѣти—величайшіе субъективисты въ оцѣнкѣ всѣхъ возможныхъ явленій. И эта наклонность—ко всему примѣшивать свои личныя впечатлѣнія и выдавать ихъ за дѣйствительные факты — долго остается преобладающею у дѣтей. Даже въ школѣ она нерѣдко даетъ знать о себѣ. Учится ребенокъ читать и нужно ему прочитать напр. слово башня. Прочитавъ первыя двѣ буквы, онъ спокойно говоритъ

---

[1]) Ibidem, стр. 326.

баня, не обращая вниманія на дальнѣйшія буквы и произнося первое слово, которое память воспроизвела ему, какъ начинающееся съ б и а.

Какія же средства можно указать для того, чтобы научить ребенка правильно наблюдать, не примѣшивая къ наблюдаемымъ фактамъ личныхъ впечатлѣній? Средство очевидно одно: провѣрка разсказа ребенка и исправленіе. Какъ скоро ребенокъ уклонился отъ правильнаго описанія факта, прикрасилъ его собственными впечатлѣніями, то сейчасъ и слѣдуетъ произвести разграниченіе между фактомъ и впечатлѣніемъ отъ факта. Конечно, ребенокъ можетъ высказывать свои мысли и чувства по поводу извѣстнаго факта, но при изложеніи самаго факта нужно заботиться о томъ, чтобы онъ не былъ обезображенъ ничѣмъ постороннимъ. Для пріученія ребенка къ отчетливому воспринятію фактовъ, весьма полезно давать ему какіе либо предметы для наблюденія и послѣ спрашивать описаніе этихъ предметовъ, ихъ формы, цвѣта, тяжести и т. п. Въ такомъ случаѣ провѣрка описанія можетъ быть вполнѣ удобна и и каждое уклоненіе отъ дѣйствительности наглядно можетъ быть показано ребенку. Изъ разсказовъ для этой цѣли особенно удобны тѣ, которые допускаютъ возможность легкой провѣрки, каковы напр. библейскія повѣствованія, историческіе факты, разсказъ, заимствованный изъ какой либо дѣтской книжки и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ не трудно произвести сравненіе первоначальнаго разсказа и его передѣлки въ устахъ ребенка и открыть прикрасы и искаженія. Вообще никогда не нужно дозволять ребенку передавать фактъ не правильно, не точно и оставлять его неисправленнымъ въ видахъ шутки, снисхожденія къ маленькому ребенку, собственной лѣни провѣрить справедливость сказаннаго и т. п. Искусство правильно наблюдать слишкомъ важно въ жизни человѣка, чтобы на развитіе его не обратить серьезнаго вниманія съ самаго начала. А между тѣмъ нерѣдко бываетъ, что и взрослые дозволяютъ себѣ сознательно искажать факты, особенно увеличивать или уменьшать ихъ размѣры и значеніе, ради эффекта, выгоды, краснаго словца, а иногда просто по лѣни исправить не точное, не правильное выраженіе. Подобное умственное неряшество, укрѣпляясь, парализуетъ способность хорошаго наблюденія.

§ 101. Педагогу недостаточно озаботиться только тѣмъ, чтобы предохранить процессъ наблюденія отъ искаженій посторонними примѣсями; ему нужно принять мѣры и для того, чтобы наблюденіе давало всѣ результаты, какіе только оно можетъ дать. Для этого нужно прежде всего озаботиться: а) запоминаніемъ наблюдаемаго. Правильное усвоеніе разнообразныхъ ощущеній, сильныхъ и слабыхъ, будетъ полезно только тогда, когда не будетъ улетучиваться очень быстро, а будетъ оставаться болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени въ нашей памяти. Мы наблюдаемъ за тѣмъ, чтобы одно наблюденіе сравнивать съ другимъ и изъ сопоставленія ихъ извлекать новыя заключенія. Если же наблюденіе очень быстро исчезаетъ изъ нашей памяти, то какъ бы прекрасно оно произведено ни было, оно теряетъ для насъ свою цѣну. Итакъ наблюдаемое необходимо умѣть закрѣплять въ памяти. б) Весьма важно умѣть различать въ наблюдаемомъ существенное и несущественное. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ предметъ наблюденія есть сложное явленіе, представляющее совокупность многихъ чертъ и свойствъ. При спеціальномъ частномъ наблюденіи обыкновенно требуется вниманіе не ко всѣмъ чертамъ предмета, а только къ нѣкоторымъ, имѣющимъ интересъ и значеніе въ данное время, при данныхъ обстоятельствахъ. Необходимо умѣть выдѣлять эти нужныя черты отъ другихъ не нужныхъ. И вообще при наблюденіяхъ важно подмѣчать существенное, а для этого нужно владѣть способностью быстраго распознаванія, что есть въ предметѣ существеннаго и что имѣетъ второстепенное значеніе. Самыя же характерныя черты предмета не всегда бываютъ самыми видными, поражающими чувства; существенныя свойства явленій нерѣдко съ виду кажутся не важными, скрываются за другими свойствами. Нужно умѣть ихъ быстро подмѣчать и выдѣлять. Очевидно, что такая способность наблюденія находится въ тѣсной связи съ высшими мыслительными дѣятельностями и въ частности съ процессомъ апперцепціи. Если въ нашемъ сознаніи утвердилось достаточное количество апперцепирующихъ центровъ, въ видѣ классовъ и группъ идей, родовъ и видовъ представленій, тогда сліяніе новаго ощущенія съ какимъ либо апперцепирующимъ центромъ происходитъ быстро, а отнесеніемъ наблю-

денія къ извѣстному классу идей, его классификаціей, опредѣляются въ немъ черты главныя, существенныя и второстепенныя. Если же апперцепирующіе центры еще не установились въ сознаніи, тогда сліяніе ощущеній наблюденія съ подходящей группой представленій затрудняется, а вмѣстѣ съ этимъ встрѣчаетъ помѣхи и все наблюденіе.

Вообще апперцепція, нерѣдко искажая наше наблюденіе, часто является и пособникомъ его, изощряя воспріимчивость нашихъ органовъ, дѣлая насъ чутче къ соотвѣтствующимъ впечатлѣніямъ. Извѣстный нѣмецкій психологъ и лингвистъ Лацарусъ разсказывалъ о себѣ, что ему приходилось разсматривать, въ теченіе нѣкотораго времени, очень пристально простыми глазами различныя мелкія начертанія и тонкія ткани, искуственныя и природныя. Изображеніе, пріобрѣтенное такимъ путемъ, было весьма опредѣленно. Затѣмъ онъ разсматривалъ тотъ же самый предметъ въ микроскопъ и открывалъ въ тканяхъ многія новыя черты, которыхъ дотолѣ не видѣлъ. Если потомъ онъ опять смотрѣлъ на предметъ простымъ глазомъ, то замѣчалъ и тѣ черты, которыя прежде не были видны простымъ глазомъ, а были узнаны только съ помощію микроскопа. Очевидно, возникшій вновь, съ помощію микроскопа, апперцепирующій зрительный центръ сдѣлалъ наблюденіе простымъ глазомъ болѣе тонкимъ. Подобныхъ фактовъ мы имѣемъ много о различнаго рода спеціалистахъ, тупыхъ ко всѣмъ впечатлѣніямъ, не касающимся спеціальнаго предмета ихъ занятій, и тонко и отчетливо наблюдающихъ и воспринимающихъ предметы своей спеціальности. Извѣстно напримѣръ, что нерѣдко музыканты, почти совершенно оглохнувъ, будучи не въ состояніи понимать разговоръ другихъ даже при сильномъ крикѣ, хорошо слышатъ самый тихій музыкальный тонъ. Итакъ апперцепція есть часто врагъ точнаго, безпристрастнаго наблюденія, но нерѣдко и помогаетъ наблюденію, изощряетъ нашу спеціальную воспріимчивость сообразно съ тѣмъ или другимъ апперцепирующимъ центромъ. Значитъ, нужно умѣть ею пользоваться при наблюденіи.

Глава X.

Теоретическій анализъ памяти.

§ 102. Одновременно съ построеніемъ міровоззрѣнія совершается и запоминаніе его. Запоминать не значитъ создавать новыя душевныя явленія, а повторять только тѣ, которыя уже были, и въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ они были. Міровоззрѣніе, созданное нами одинъ разъ, имѣетъ способность переживаться нами безконечное число разъ. Это и значитъ припоминать, воспроизводить. Воспроизводя какую либо частичку своего міровоззрѣнія, какой либо процессъ, которымъ создали его, мы всегда имѣемъ убѣжденіе, что эта частичка, этотъ процессъ не новыя явленія, а старые наши знакомые, съ которыми мы встрѣчались раньше. Гдѣ нѣтъ этого убѣжденія, тамъ субъективно, психологически нѣтъ памяти, а есть новое построеніе, хотя на самомъ дѣлѣ, объективно мы и можемъ имѣть дѣло въ это время съ фактомъ воспроизведенія, а не творчества. Такимъ образомъ психологически все воспроизведеніе держится на законѣ сходства. Мы потому единственно питаемъ убѣжденіе, что воспроизводимое нами состояніе нѣкогда было пережито нами, что оно сходно съ этимъ нѣкогда пережитымъ, въ самомъ себѣ носитъ помѣтку, указаніе на свою вторичность появленія въ сознаніи. Помѣтка можетъ имѣть различную степень ясности: иногда мы отчетливо сознаемъ, что данное состояніе мы пережили тогда-то и при такихъ-то обстоятельствахъ; иногда всѣ сопутствующія обстоятельства исчезаютъ изъ нашего сознанія, но вторичность переживаемаго нами факта все же ясна; иногда мы прямо колеблемся сказать, что данное состояніе было когда либо нами пережито. Какъ скоро помѣтка вторичности появленія въ сознаніи извѣстнаго факта изглаживается, стирается, уничтожается и воспроизведеніе. Такимъ образомъ каждое воспроизведеніе есть болѣе или менѣе совершенная сходная ассоціація, повтореніе бывшаго явленія и внѣ закона сходства понято быть не можетъ.

Что же побуждаетъ психическое явленіе, одинъ разъ образованное и пережитое, снова появляться въ сознаніи? На чемъ основывается способность воспроизведенія? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы сдѣлаемъ сначала критическое обозрѣніе различныхъ теорій о памяти, а потомъ представимъ положительное объясненіе.

О памяти можно предположить слѣдующія четыре гипотезы, представляющія собой одно стройное логическое цѣлое; а) пережитыя состоянія собственно не воспроизводятся, а создаются заново. Исчезая изъ сознанія, они вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ прекращаютъ свое бытіе. Слѣдовательно памяти, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, не существуетъ. б) Можно предположить, что пережитыя состоянія, исчезая сами изъ сознанія, оставляютъ послѣ себя нѣчто, наклонность, расположеніе или способность къ воспроизведенію, въ силу чего они послѣ и воспроизводятся. в) Можно предполагать, что пережитыя состоянія оставляютъ послѣ себя болѣе глубокій и прочный слѣдъ, чѣмъ наклонность или расположеніе, именно остовъ или скелетъ явленія, къ которому только кое-что нужно прибавить, чтобы они сдѣлались полными, т. е. припомнились. г) А можно и такимъ предположеніемъ не ограничиться, можно пойти дальше и утверждать, что пережитыя состоянія совсѣмъ никуда не исчезаютъ, не перестаютъ существовать, они преспокойно остаются тамъ, гдѣ были прежде, и въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ были прежде, съ тою лишь разницею, что они большій или меньшій промежутокъ времени не сознаются, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ. По этой послѣдней теоріи забвенія собственно не существуетъ, а существуетъ только или сознательность или несознательность психическихъ процессовъ.

Указанныя четыре гипотезы о памяти образуютъ логически соединенный кругъ главнѣшихъ возможныхъ предположеній о храненіи пережитыхъ состояній. Каждая новая гипотеза о памяти должна или прямо или только съ небольшимъ видоизмѣненіемъ воспроизвести какой либо изъ указанныхъ типовъ. Къ сказанному мы считаемъ нужнымъ прибавить, что каждая изъ указаныхъ гипотезъ можетъ быть понимаема въ троякомъ смыслѣ: въ смыслѣ чисто спиритуальной гипотезы, чисто физіологической гипотезы и одновременно спиритуальной и физіологической.

Изложимъ перечисленныя гипотезы и представимъ нѣсколько замѣчаній о нихъ.

§ 103. Первую гипотезу мы встрѣчаемъ у Морелля. [1]) По его мнѣнію, утверждать, что память есть возобновленное или продолженное ощущеніе или какой нибудь родъ воспроизведенія ощущенія, совершенно неправильно. Мы не можемъ ни продолжать, не оживлять нашихъ ощущеній. Они приходятъ и уходятъ, они наполняютъ опытъ даннаго момента и потомъ исчезаютъ навсегда. То, что мы воспроизводимъ, есть просто продуктъ нашей собственной умственной дѣятельности. Что же это за продуктъ?

Когда человѣкъ получаетъ ощущеніе, то его вниманіе сосредоточивается на получаемомъ ощущеніи. А вниманіе есть просто усиліе ума обнять данную интуицію или перцепцію съ возможной степенью ясности, фиксировать ее, отпечатлѣть ее въ душѣ по возможности глубоко и неизгладимо. Умъ схватываетъ выдающіяся черты въ каждой перцепціи и своею собственною силою создаетъ себѣ новый и своеобразный видъ всего явленія. Это новое представленіе явленія есть идея, которая способна къ почти совершенному оживленію, между тѣмъ какъ объектъ, соотвѣтствующій идеѣ, уже исчезъ. Память такимъ образомъ есть ничто иное, какъ повтореніе, отдѣльно отъ реальнаго феномена, того же самаго процесса вниманія, который умъ уже совершилъ въ присутствіи премета. «Память есть собственно повтореніе простой умственной операціи, называемой вниманіемъ, сопровождаемой сознаніемъ ея прежняго существованія». [2])

Такимъ образомъ Морелль и признаетъ и не признаетъ память. Онъ не признаетъ памяти первичныхъ психическихъ состояній—ощущеній. Ощущенія не вспоминаются, они пришли и ушли. Но онъ признаетъ память идей, этихъ оригинальныхъ продуктовъ ума, которые, будучи отображеніемъ ощущеній, включая ихъ выдающіяся черты, суть въ то же время явленія совершенно особенныя отъ ощущеній, совсѣмъ на нихъ не похожія, явленія вниманія. Понять такую теорію трудно,

---

[1]) Elements of Psychology, By J. D. Morell, A. M. Part 1. London, 1853, p. 166—172.

[2]) Ibidem p. 171.

она утверждаетъ непроходимую пропасть между ощущеніемъ и представленіемъ или идеей, она раскалываетъ психическія явленія на двѣ противоположныя группы: ощущенія и идеи. Цѣльный взглядъ на психическія явленія становится невозможнымъ и, выставляя такую грубую дуалистическую теорію, авторъ тѣмъ самымъ преграждаетъ себѣ путь къ научному пониманію душевной жизни. [1])

Теорія, по которой пережитыя состоянія оставляютъ послѣ себя расположенія къ своему воспроизведенію, защищается Вундтомъ. Кратко онъ высказалъ ее въ своемъ сочиненіи «Душа человѣка и животныхъ» и нѣсколько подробнѣе въ «Основаніяхъ физіологической психологіи». Въ первомъ сочиненіи онъ утверждаетъ, что представленія потому остаются въ душѣ, что въ мозгу остаются впечатлѣнія. Всякое чувственное возбужденіе оставляетъ въ мозгу слѣдъ, который бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ интенсивнѣе и свѣжѣе внѣшнее впечатлѣніе. Но эти слѣды въ мозгу нужно понимать не буквально, не какъ дѣйствительныя постоянные слѣды, но скорѣе какъ расположенія; въ физическомъ отношеніи дѣло идетъ не о дѣйствительномъ, но о возможномъ продолженіи впечатлѣній, т. е. что нервные элементы мозга, которые при извѣстномъ представленіи были приведены въ возбужденіе, сохраняютъ свойство приходить въ то же возбужденіе и безъ всякаго внѣшняго мотива. [2])

---

[1]) Теорія, подобная теоріи Морелля и даже въ болѣе рѣзкой формѣ встрѣчается между прочимъ въ настоящее время. Одинъ современный писатель говоритъ слѣдующее: «по истинѣ, непроходимая пропасть существуетъ между сознательнымъ и несознательнымъ бытіемъ. То, что по причинѣ сознательности названо умственнымъ фактомъ, не можетъ удерживать характеръ умственнаго факта, когда лишено сознательности. Не можетъ существовать ощущенія, которое не чувствуется; воспріятія, которое не воспринимается; мысли, которая не познается; хотѣнія, которое не желается. Какъ этотъ дѣйствительный умственный фактъ, онъ погибъ навсегда. Если что либо подобное ему въ будущемъ встрѣтится снова, оно должно быть создано заново (it has to be created anew), должно быть всецѣло воспроизведено съ помощію того постояннаго субстрата, который имѣетъ мѣсто въ несознательной операціи». «Разсматриваемое умственно, прошлое исчезло навсегда. Оно остается у насъ сознательнымъ фактомъ только чрезъ дѣйствительную ре-презентанцію (re-psesentation)» (Mind, No. XXVI, April, 1882, p. 215, 217. Causation and its organic Conditions, by Edmund Montgomery).

[2]) Душа человѣка и животныхъ, т. I, стр. 470—471.

Во второмъ изъ упомянутыхъ сочиненій Вундтъ входитъ въ болѣе подробное ббъясненіе того, что нужно называть расположеніемъ къ воспроизведенію, оставляемому пережитыми состояніями. Нужно различать расположеніе и слѣдъ и для этого очень удобно воспользоваться аналогіями изъ физіологической области. Въ глазу ослѣпительный свѣтъ оставляетъ слѣдъ (Nachbild); глазъ, который часто измѣряетъ и сравниваетъ пространственныя разстоянія, пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе острый глазомѣръ. Продолжающееся ощущеніе (Nachbild) въ глазу отъ раздраженія свѣтомъ есть слѣдъ, а пріобрѣтенный глазомѣръ – расположеніе. Сѣтчатка и мускулы глаза, много практиковавшагося въ работѣ, можетъ быть совершенно таковы же, какъ сѣтчатка и мускулы глаза не практиковавшагося, и однако первый имѣетъ расположеніе въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ второй. Въ центрахъ нервной системы, при воспроизведеніи представленій, несомнѣнно совершаются измѣненія, потому что всякое представленіе сопровождается возбужденіемъ центральныхъ чувствующихъ областей. Если же допустить, что ни одного представленія не возникаетъ безъ сопровождающаго его центральнаго возбужденія, то слѣдовательно, сообразно съ свойствами нервной системы, каждое возбужденіе центральной чувственной области должно оставлять послѣ себя расположеніе къ возобновленію этого возбужденія. Это расположеніе вовсе несравнимо съ функціей, для которой оно служитъ основой. [1])

§ 104. Теорія слѣдовъ или остатковъ подъ слѣдами разумѣетъ тѣ же представленія, но лишенныя нѣкоторыхъ свойствъ, оттиски или отпечатки представленій, слѣдовательно допускаетъ существованіе представленій и послѣ ихъ исчезновенія изъ сознанія, но представленій неполныхъ, а какихъ-то половинчатыхъ, какихъ-то скелетовъ или остатковъ. Слѣды понимаются различно, или матеріально или психически или же одновременно матеріально и психически. Съ гипотезой матеріальныхъ слѣдовъ мы встрѣчаемся у древнихъ греческихъ мыслителей вообще, особенно же у мыслителей стоической и эпикурейской школъ, потомъ въ 17 и 18 вѣкахъ, при возрожденіи

---

[1]) Стр. 853—854 (по перев. Кандинскаго).

матеріализма въ Англіи и Франціи. Такъ Ѳедоръ Крааненъ въ своемъ трактатѣ о человѣкѣ (1689 г.) былъ въ состояніи дать изображенія матеріальныхъ идей или слѣдовъ. [1]) Слѣды одновременно и въ физическомъ и психическомъ смыслѣ принимали Декартъ, Малебраншъ, Лейбницъ. [2]) Но самый знаменитый защитникъ теоріи слѣдовъ, Бенеке, понималъ ихъ чисто въ психическомъ смыслѣ.

По его взгляду, всѣ психическіе процессы суть сочетанія первосилъ съ впечатлѣніями. Эти два основные элемента психическихъ образованій: первосилы и впечатлѣнія могутъ сочетаться твердо между собою и слабо. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ элементы будутъ подвижными и могутъ быть переносимы въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ съ одного образованія на другое. При такомъ перенесеніи или уравненіи элементовъ, они могутъ испытать или повышенія, напримѣръ въ сердечныхъ волненіяхъ радости, энтузіазма, любви, гнѣва, или пониженія, напримѣръ въ состояніяхъ печали, тревоги. Эти пониженія душевныхъ элементовъ могутъ быть столь значительны, что душевное образованіе изъ сознательнаго сдѣлается несознательнымъ или слѣдомъ. Слѣдъ состоитъ изъ силы и впечатлѣнія. Та потеря, которую испытываетъ душевное образованіе, становясь изъ сознательнаго состоянія слѣдомъ, касается впечатлѣнія, а не силы. Поэтому въ слѣдѣ сила оказывается не наполненной или свободной, она стремится къ возстановленію того, что потеряла, т. е. къ вторичному сознанію. Если не встрѣчается препятствія, то слѣдъ въ репродукціи возстановляется не только качественно, но и количественно въ точной сообразности съ прежними образованіями; родъ раздраженія и крѣпость первосилы возвращаются въ сознаніе въ томъ видѣ, какъ они при своемъ соединеніи обусловили развитіе слѣда. Вообще существованіе слѣда есть продолженіе существованія душевнаго образованія и совершенство слѣда зависитъ вообще отъ совершенства душевнаго образованія. Поэтому душевное образованіе, возникшее въ нашей душѣ съ извѣстною степенью совершенства, не исчезаетъ изъ души, оно продолжаетъ суще-

---

[1]) Volkmann, Lehrbuch der Psychologie, erster Band, s. 395—396.
[2]) Ibidem, s. 396—397.

ствовать до тѣхъ поръ, пока какія либо особенныя причины не уничтожатъ его. Итакъ «слѣдъ есть то, что лежитъ въ срединѣ между произведеніемъ душевной дѣятельности (напримѣръ чувственнымъ воспріятіемъ) и ея воспроизведеніемъ (напримѣръ припоминаніемъ); а такъ какъ оба акта суть психическіе акты, то слѣдъ мы должны представлять только въ психической формѣ». «Для этихъ слѣдовъ не существуетъ ни какого гдѣ». «Эти слѣды не привязаны ни къ какому тѣлесному органу». [1])

Подобно теоріи слѣдовъ, теорія, по которой представленія почти цѣликомъ хранятся въ нашей памяти, имѣетъ два вида: форму спиритуальной гипотезы и форму физіологической гипотезы. Первая гипотеза защищается школой Гербарта, вторая нѣкоторыми послѣдователями физіологической психологіи, въ частности г. Зеленскимъ.

Самая сущность психологическихъ воззрѣній школы Гербарта исключаетъ возможность исчезновенія представленій изъ души. Представленія суть акты душевной самодѣятельности, «въ представленіяхъ душа не получаетъ никакой матеріи извнѣ, представленія суть разнообразныя выраженія собственнаго внутренняго качества души». [2]) Правда, представленіе возникаетъ вслѣдствіе связи души съ другими духами, но то развитіе, которое достигается душею чрезъ представленіе и въ представленіи, не уничтожается съ прекращеніемъ связи. Представленіе есть позитивное развитіе и внутреннее образованіе души; если связь души съ другими духами и прекращается, то это не значитъ, что душа можетъ сама по себѣ освободиться отъ того развитія, котораго она достигла, ничто внѣшнее не можетъ лишить ее того, что она создала сама изъ себя. Такимъ образомъ представленіе, разъ возникнувъ въ душѣ, становится вѣчнымъ ея достояніемъ. Правда, различныя представленія могутъ сталкиваться въ самой душѣ, могутъ вытѣснять другъ друга изъ сознанія, служить задержкой другъ для друга. Но задержка не есть уничтоженіе представленія, представленіе

---

[1]) Beneke, Lehrbuch der Psychologie, als Naturwissenschaft. Neu bearbeitet von Dressler. Vierte Auflage. Berlin. 1877 § 29. Вообще же ученіе о слѣдахъ §§ 26—34; ср. Beneke, Pragmatische Psychologie, 1, 34—39.

[2]) Herbart, Sämmtliche Werke, Band 6, s. 260

остается, хотя оно въ дѣйствительности и не представляется, задержка значитъ скрытое состояніе процесса представленія, несознаваемость представленія въ различной степени (Latentwerden des Vorstellens, ein Unbewusstwerden der Vorstellung). Задержанный процессъ представленія продолжаетъ существовать, но такъ какъ онъ порализованъ задержкой, другимъ процессомъ, то онъ есть не дѣйствительный процессъ, но только стремленіе представлять. Поэтому самая задержка можетъ быть опредѣлена какъ превращеніе дѣйствительнаго процесса представленія въ стремленіе представлять, задержка сказывается уменьшеніемъ степени ясности представленія. «Представленіе должно опускаться (отъ противодѣйствія другихъ представленій), не уничтожаясь. Это значитъ, что дѣйствительное представленіе превращается въ стремленіе представлять. Этимъ же сказано, что какъ скоро препятствіе отпадаетъ, представленіе опять выступаетъ, вслѣдствіе своего собственнаго стремленія. Въ такомъ фактѣ и заключается возможность репродукціи». [1])

Не смотря на пропасть, раздѣляющую спиритуализмъ и матеріализмъ, мы ставимъ въ одну группу теорій о памяти теорію гербартіанцевъ и теорію г. Зеленскаго, потому что между ними много сходнаго. По гербартіанской теоріи признается, что представленіе, разъ возникнувшее, исчезнуть не можетъ, хотя и можетъ не припоминаться всю жизнь; г. Зеленскій допускаетъ возможность погибели представленія (интеллектуальнаго тѣла, по его терминологіи), но не погибшее хранится почти цѣликомъ въ видѣ особаго продукта, живетъ, питается и, при внѣшнемъ толчкѣ, изъ потенціальнаго переходитъ въ активное состояніе. «Иное психо-интеллектуальное тѣло, перешедшее въ потенціальное состояніе, можетъ оставаться въ томъ состояніи годами и даже всю жизь, не возобновляя интеллектуальной работы, по тому только, что случай не привелъ получить соотвѣтственный внѣшній толчекъ для перехода въ активное состояніе». [2])

---

[1]) Herbart's, Sämmtliche Werke, Band 5, s. 16; ср. Volkmann, Lehrbuch der Psycholgie. 1875. Erster Band, §§ 26 и 50.

[2]) Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства. Т. II, стр. 435.

Особенность психологической теоріи г. Зеленскаго состоитъ въ томъ, что на душевные факты онъ смотритъ не какъ на функціи нервныхъ клѣтокъ, а какъ на особыя тѣла, на особыя микроскопическія клѣтки, находящіяся въ мозгу, «интеллектуальныя ячейки». Ячейки, рождаясь, владѣютъ активной силой, возникающей отъ самаго акта образованія; изъ крови онѣ извлекаютъ потенціальную силу и переводятъ ее въ активную. Активная сила интеллектуальныхъ ячеекъ выражается различно: сознаніемъ содержимаго въ каждой формаціи, стремленіемъ къ соединенію съ другими ячейками, образованіемъ новыхъ ячеекъ и т. д. Но эта живая сила мыслевымъ тѣломъ постепенно расходуется, вслѣдствіе противодѣйствія среды, въ которой оно движется и противодѣйствія другихъ интеллектуальныхъ теченій, дѣйствующихъ не въ одномъ направленіи съ движущимся интеллектуальнымъ тѣломъ, такъ что сила и продолжительность функціи мыслевой ячейки зависитъ отъ активной силы, полученной ею при образованіи и бываетъ обратно пропорціональна встрѣчаемому ею психоинтеллектуальному противотеченію. Израсходовавъ всю активную силу, ячейка изъ состоянія дѣятельнаго переходитъ въ потенціальное, причемъ у ней остается только одна функція, присущая всѣмъ организованнымъ клѣточкамъ и тканямъ организма, это—функція вегетативная, т. е. полученіе изъ пищи матеріала съ потенціальной силой. Въ такомъ видѣ, съ потенціальной силой, психо-интеллектуальная формація можетъ долго лежать неподвижно, не производя никакой работы, годы, всю жизнь. Переходъ ячейки отъ покоя къ дѣятельности зависитъ отъ двухъ причинъ: отъ силы, заключающейся въ ней самой, и отъ внѣшняго толчка, болѣе или менѣе способнаго побѣдить инерцію покоющихся формацій. Продолжительность жизни каждой отдѣльной клѣточки зависитъ отъ условій рожденія ея, ея вещества и движенія. Энергическія интеллектуальныя ячейки, съ большой природной силой, живутъ долго и свободно, легко вызываютъ припоминаніе; слабыя ячейки вызываютъ припоминаніе съ большимъ трудомъ и то недалеко отъ времени ихъ зарожденія; могутъ онѣ и совсѣмъ умереть. Неживучесть ячеекъ зависитъ или отъ слабости питанія вообще или недостаточнаго притока крови

къ мозгу или отъ ослабленія функціи и питанія мозговыхъ ячеекъ матерей и т. п. Но какъ бы ячейка ни была сильна сама по себѣ, она можетъ перейти изъ потенціальнаго въ активное состояніе только съ помощію внѣшняго толчка. Самый частый и нормальный толчекъ получается отъ другой дѣятельной интеллектуальной формаціи, когда, вслѣдствіе сродства между дѣятельной формаціей и находящейся въ покоѣ, между ними происходитъ соединеніе. [1])

§ 105. Присматриваясь ближе къ изложеннымъ четыремъ теоріямъ о памяти, мы замѣчаемъ, что онѣ собственно распадаются на двѣ группы, выражаютъ два взгляда: первыя двѣ теоріи держатся того принципа, что психическое состояніе, исчезая изъ сознанія, нигдѣ не хранится, совсѣмъ не существуетъ даже въ безсознательной формѣ и воспроизводясь, оно собственно создается вновь; послѣднія же двѣ теоріи утверждаютъ, что психическое состояніе, исчезая изъ сознанія, не прекращаетъ своего существованія, но что потому-то оно и можетъ быть воспроизведено, что продолжаетъ существовать, но конечно въ формѣ особенной, по сравненію съ сознательной. Различіе между теоріями, принадлежащими къ какой либо изъ указанныхъ группъ, есть не принципіальное, а видовое или степенное. Первая теорія первой группы полагаетъ, что психическое состояніе, переставая сознаваться, такъ-таки совсѣмъ и исчезаетъ, не оставляя послѣ себя ничего; а вторая теорія той же группы утверждаетъ, что хотя само явленіе и исчезаетъ, но послѣ него остается нѣчто—расположеніе, правда на самое явленіе совсѣмъ не похожее, но все же нѣчто. Первая теорія второй группы говоритъ, что психическое явленіе, исчезая изъ сознанія, существуетъ въ формѣ какого-то безсознательнаго остатка, слѣда, остова, скелета; вторая же теорія той же группы полагаетъ, что исчезнувшее изъ сознанія явленіе представляетъ собою не скелетъ и не слѣдъ, а почти полное явленіе, потерявшее только главнымъ образомъ сознательность. Поэтому для насъ важно прежде всего рѣшить принципіальный коренной вопросъ: психическія явленія, переставая сознаваться, продолжаютъ существовать въ душѣ или нѣтъ? Другіе,

---

[1]) Зеленскій, т. II, стр. 431—447.

болѣе частные, вопросы выяснятся сами собой вмѣстѣ съ главнымъ.

Пережитыя состоянія не исчезаютъ изъ нашей души, но сохраняются въ ней въ формѣ безсознательныхъ явленій. Допустивъ исчезновеніе пережитыхъ состояній, мы сдѣлаемъ актъ воспоминанія до нѣкоторой степени чудеснымъ. Тогда мы будемъ находиться въ состояніи непрерывнаго творчества. У насъ психическія явленія будутъ непрерывно возникать и уничтожаться, оставляя послѣ себя много—много какое-то расположеніе къ воспроизведенію. Творчество же тоже будетъ дивное: оно на половину будетъ состоять въ томъ, чтобы создать точь въ точь то, что было пережито раньше, да и не только создать самые факты, но и увѣренность, что эти факты не новые, а старые, бывшіе. Вообще выйдетъ путаница.

Память есть фактъ біологическій и сохраненіе пережитаго въ своей основѣ есть явленіе нервное, безсознательное. Память безраздѣльна съ организмомъ, она есть, говоря выраженіемъ Геринга, «общая функція организованной матеріи». Мы не можемъ понять развитіе организмовъ, не допуская существованія органической безсознательной памяти. Организмы развиваются постепенно, высшіе организмы суть разультатъ развитія низшихъ. То, что пережито и переиспытано низшими организмами, то не забыто высшими, не прошло для нихъ безслѣдно, а усвоено ими, и къ опыту низшихъ организмовъ высшіе прибавили свой опытъ. Слѣдовательно опытъ въ растительномъ и животномъ царствахъ запоминался органически, вліянія, дѣйствовавшія на организмъ, складывались въ прочныя образованія. «Каждое органическое существо настоящаго времени есть продуктъ несознательной памяти организованной матеріи, которая, постоянно выростая и постоянно дѣлясь, ассимилируя постоянно новую матерію, а другую оставляя неорганическому міру, воспринимая постоянно новое въ свою память, чтобы опять и опять воспроизводить его, развивалась все богаче и богаче, чѣмъ дольше она жила». [1]) Наслѣдственность и память суть соотносительные факты.

---

[1]) Hering, Uber das Gedächtniss, s. 18. (zweite Auflage, 1876 г.).

*

Частныя, отдѣльныя свойства и человѣка и животныхъ представляютъ намъ также результатъ органической памяти, таковы инстинкты и различныя врожденныя особенности. Инстинктъ несомнѣнно формировался постепенно, былъ слѣдствіемъ постепеннаго накопленія опыта, разсудительности животныхъ, твердаго, механическаго усвоенія ими одинаковыхъ, однообразно дѣйствующихъ, вліяній среды. Цыпленокъ, только что вылупившійся изъ яйца, видя зерна, начинаетъ ихъ клевать. Онъ видитъ ихъ въ первый разъ, признаетъ ихъ съѣдобными, вѣрно схватываетъ ихъ, т. е. правильно оцѣниваетъ разстояніе ихъ отъ себя, направленіе, величину. Откуда такія разнообразныя, богатыя знанія, откуда такія увѣренныя, твердыя движенія тотчасъ по рожденіи? Цыпленокъ владѣетъ инстинктомъ, т. е. опытомъ длиннаго ряда предшествующихъ поколѣній и организмовъ, его организмъ владѣетъ довольно обширною органическою памятью; цыпленокъ только что начинаетъ жить индивиндуально, но его нервная система хранитъ запись родовой жизни и родоваго опыта, которая и обнаруживается съ первыхъ шаговъ индивиндуальной жизни.

Мы получаемъ отъ своихъ родителей по наслѣдству различныя черты и свойства. Эти качества иногда бываютъ не родовыя, а благопріобрѣтенныя, т. е. усвоенныя въ теченіи, недолгой сравнительно, индивиндуальной жизни родителей и затѣмъ переданныя ими слѣдующему поколѣнію. Въ подобныхъ случаяхъ дѣятельность органической памяти выражается особенно рельефно и можетъ быть наблюдаема въ не очень долгій періодъ времени.

Итакъ память есть въ своей сущности фактъ безсознательный, органическій, нераздѣльный съ живыми существами, она есть свойство мозговой субстанціи. Эта память есть основа развитія животнаго міра и человѣка, она прочнѣе, вѣрнѣе хранитъ результаты предшествующаго опыта, чѣмъ письмена и фоліанты. Письменность хранитъ идеи, созданныя человѣчествомъ, въ формѣ ряда внѣшнихъ зрительныхъ и слуховыхъ знаковъ. Но чтобы, согласно съ этими знаками, воспроизвесть заключенныя въ нихъ идеи, для этого нужна нервная система, организованная извѣстнымъ образомъ, владѣющая органическою памятью. На почвѣ органической, безсознательной, родовой

памяти возникаетъ и развивается память сознательная, психическая, индивиндуальная. Какимъ образомъ?

§ 106. Для пониманія явленій сознательной индивиндуальной памяти весьма важно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что возбужденіе, испытанное нервной системой, продолжается неопредѣленное время и послѣ того, какъ раздражающій предметъ исчезъ и внѣшній процессъ возбужденія кончился. Въ этой продолжаемости неопредѣленное время нервнаго возбужденія по прекращеніи соотвѣтствующаго внѣшняго возбужденія и лежитъ ключъ къ явленіямъ сознательной, индивиндуальной памяти.

Извѣстное явленіе—если раскаленнымъ угольком, подвѣшеннымъ на какой либо тонкой бичевкѣ, совершать быстрыя круговыя движенія, то мы будемъ видѣть не отдѣльныя свѣтлыя точки, а цѣлую круговую линію — объясняется продолжаемостію, сохраненіемъ нѣкоторое время нервной системой испытаннаго ею раздраженія. Прежде чѣмъ исчезло одно такое раздраженіе и ощущеніе, является новое такое же, за нимъ третье, четвертое и т. д. Одно ощущеніе такимъ образомъ непосредственно сливается съ другимъ, получается сплошной рядъ ощущеній и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣніе круговой огненной линіи.—Одинъ изъ моихъ друзей, говоритъ Дарвинъ, однажды очень внимательно разсматривалъ, наклонивши голову, маленькую гравюру св. дѣвы и младенца Іисуса. Поднявшись, онъ былъ очень удивленъ, замѣтивъ на концѣ комнаты фигуру женщины въ натуральную величину съ ребенкомъ на рукахъ. Когда прошло первое впечатлѣніе удивленія, онъ понялъ источникъ иллюзіи и замѣтилъ, что фигура точно соотвѣтствовала той, которую онъ видѣлъ на гравюрѣ. Иллюзія продолжалась двѣ минуты. [1])

Сохраненіе нервными элементами полученнаго возбужденія большій или меньшій срокъ по окончаніи внѣшняго возбужденія есть фактъ вполнѣ несомнѣнный, такъ какъ онъ подтверждается экспериментальнымъ путемъ, именно такъ: раздражаютъ мускулъ, нервъ или спинной мозгъ электрическимъ токомъ такой незначительной силы, что онъ, взятый отдѣльно, только

---

[1]) Тэнъ, Объ умѣ и познаніи, 1, 50.

самъ по себѣ, оказывается не дѣйствительнымъ, т. е. ничѣмъ не обнаруживается. Повторяютъ тоже раздраженіе съ значительными промежутками времени—въ 5, 10 минутъ,—результата никакого. Тогда измѣняютъ опытъ: повторяютъ тоже раздраженіе съ меньшими промежутками времени, чрезъ нѣсколько секундъ, чрезъ одну минуту и результатъ обнаруживается—происходитъ рефлективное движеніе. Слѣдовательно возбужденіе не исчезаетъ изъ нервныхъ элементовъ, а сохраняется ими нѣкоторое время, потому что второе возбужденіе прибавляется къ первому, если второе слѣдуетъ быстро за первымъ. Для мускуловъ и нервовъ сохраненіе полученнаго возбужденія считается секундами и частями секунды, для спиннаго мозга частями минуты и цѣлыми минутами, именно сохраненіе возбужденія въ спинномъ мозгу продолжается отъ 2 до 3 минутъ. [1]) Относительно головнаго мозга мы имѣемъ подобные же факты, но только свидѣтельствующіе о несравненно продолжительнѣйшемъ сохраненіи имъ полученныхъ возбужденій.

Продолжительныя работы съ микроскопомъ влекутъ за собой видѣніе при закрытыхъ глазахъ тѣхъ предметовъ, которые разсматривались въ микроскопъ, даже спустя нѣсколько часовъ послѣ прекращенія работы. Внимательное и продолжительное прислушиваніе къ какому либо звуку вызываетъ ощущеніе этого звука спустя значительное время послѣ прекращенія соотвѣтствующаго раздраженія. Долгое путешествіе по желѣзной дорогѣ влечетъ ощущеніе шума отъ движенія поѣзда нѣкоторое время и послѣ окончанія путешествія. Фехнеръ разсказываетъ о себѣ, что, въ бытность его профессоромъ физики въ Лейпцигѣ, ему приходилось дѣлать довольно продолжительныя наблюденія надъ напряженностію магнетизма съ помощію аппарата Гаусса. При этомъ ему нужно было наблюдать движеніе черной нити, въ зрительной трубкѣ, по бѣлой скалѣ съ черными полосками и цифрами градусовъ и въ то же время считать удары секунднаго маятника. Послѣ двухчасовой такой работы, Фехнеру стоило только закрыть глаза или смотрѣть въ темноту и онъ сейчасъ же видѣлъ черную нить вмѣстѣ съ

---

[1]) Revue philosophique, 1881, № 5 (Mai) Art. Richet, La memoire élémentaire.

бѣлой скалой съ черными полосками и цифрами. Это видѣніе совершалось безъ всякаго усилія съ его стороны даже спустя 24 часа послѣ прекращенія работы. Удары же секундпаго маятника онъ слышалъ еще и на другое утро, если работа происходила вечеромъ и если утромъ все было тихо, и слышалъ такъ отчетливо, какъ будто бы маятникъ находился въ сосѣдней комнатѣ и ему приходилось удостовѣряться, что никакого внѣшняго раздраженія не существуетъ. [1])

Мы имѣемъ факты относительно и гораздо продолжительнѣйшей сохраняемости головнымъ мозгомъ полученнаго возбужденія. Одинъ англійскій живописецъ разсказываетъ о себѣ: «когда являлся оригиналъ, я внимательно разсматривалъ его въ теченіе получаса, отъ времени до времени набрасывая его черты на полотно. Мнѣ не нужно было длиннаго сеанса; я снималъ полотно и переходилъ къ другому человѣку. Когда я хотѣлъ продолжать первый портретъ, я въ умѣ бралъ этого человѣка, сажалъ его на кресло, на которомъ и видѣлъ его такъ же ясно, какъ если бы онъ сидѣлъ тутъ въ дѣйствительности и даже, могу прибавить, съ болѣе рѣзкими и живыми формами и красками. Отъ времени до времени я взглядывалъ на воображаемую фигуру и принимался рисовать; я останавливалъ свою работу, чтобы разсмотрѣть позу, совершенно такъ же, какъ еслибы оригиналъ былъ передо мною. Каждый разъ, когда я бросалъ взглядъ на кресло, я видѣлъ человѣка..... Мало по малу я начиналъ терять различіе между воображаемою фигурою и дѣйствительною и иногда я доказывалъ оригиналамъ, что они вчера уже были у меня. Наконецъ я въ этомъ совершенно увѣрился; потомъ все спуталось.... Я сошелъ съ ума и просидѣлъ 30 лѣтъ въ больницѣ». [2])

Рише [3]) производилъ такіе опыты надъ двумя дамами-сомнамбулками: во время сна онъ давалъ имъ приказанія и онѣ, по пробужденіи, исполняли ихъ, не зная, что имъ были даны такія приказанія, и стараясь мотивировать свои дѣйствія,

---

[1]) Fechner, Elemente der Psychophysik, II, s. 499—500.

[2]) Тэнъ, Объ умѣ и познаніи 1, 48—49.

[3]) Revue philosophique, 1883, № 3 (Mars), La personnalite et la memoire dans le somnabulisme (p. 240).

направленныя къ исполненію данныхъ приказаній, различными благовидными причинами. Одной изъ дамъ Рише сказалъ, чтобы она пришла къ нему чрезъ десять дней, въ такой-то день и часъ. И она пришла къ нему въ назначенное время и сама не знала, зачѣмъ пришла, и мотивировала свой визитъ тѣмъ, что она давно его не видала.—Еще болѣе поразителенъ фактъ, передаваемый д-ромъ Гои: отецъ смотрѣлъ, какъ сынъ его прицѣливался и неудачно выстрѣлилъ въ орла; пуля, не попавъ въ цѣль, отскочила отъ дерева и попала отцу въ лобъ, вслѣдствіе чего онъ лишился сознанія. Онъ не умеръ однако отъ раны, но въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ жилъ чисто растительною жизнью, не сознавая и не понимая ничего изъ окружающаго. Наконецъ на мѣстѣ удара пули образовался нарывъ, что и повело къ оперативному вмѣшательству для удаленія пули. Какъ только послѣдняя была вынута, больной тотчасъ воскликнулъ: «а все таки не попалъ». «Въ кого»? спросилъ врачъ. «Въ орла, конечно». Такимъ образомъ, съ удаленіемъ давящаго на мозгъ предмета, больной сказалъ ту самую фразу, которую онъ приготовился было сказать, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ пуля попала ему въ лобъ. [1])

§ 107. Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующій взглядъ на память: возбужденіе, испытанное нервными элементами отъ раздраженія, сохраняется ими неопредѣленно долгое время. Энергія, интенсивность этого сохраняемаго возбужденія не остается постоянно одинаковой, но измѣняется, именно ослабѣваетъ отъ времени все болѣе и болѣе, теряется, улетучивается. Въ этомъ отношеніи возбужденные нервные элементы могутъ быть сравнены съ накаленымъ тѣломъ, только мало по малу теряющимъ свою теплоту и сохраняющимъ огонь внутри въ то время, когда по внѣшности оно кажется совершенно остывшимъ. Сообразно съ измѣненіемъ энергіи въ возбужденномъ состояніи нервныхъ элементовъ, измѣняется и ихъ психическій коррелятивъ, хотя измѣняется опять же только по степени живости, а не по существу. При наибольшей энергіи возбужденія нервныхъ элементовъ мы имѣемъ ощущенія,

---

[1]) Тархановъ, О психомоторныхъ центрахъ, (1879 стр. 25.

наиболѣе живыя психическія состоянія; при нѣкоторомъ ослабленіи этого возбужденія, которое неизбѣжно настаетъ за устраненіемъ раздражающей причины, ощущеніе смѣняется слѣдомъ [1]), уступающимъ въ своей живости ощущенію; съ дальнѣйшимъ ослабленіемъ возбужденія, слѣдъ замѣняется образомъ памяти, образомъ иногда очень яснымъ и даже яркимъ, а иногда блѣднымъ, безкровнымъ; еще ослабляется возбужденіе—представленіе, хранимое памятью, тускнѣетъ все больше и больше, блекнетъ, растериваетъ понемножку отдѣльныя черты своего содержанія; возбужденіе дошло до минимума энергіи—образъ совсѣмъ не воспроизводится памятью, согласно съ психофизическимъ закономъ. Психофизическій законъ говоритъ намъ, что не каждое раздраженіе сопровождается ощущеніемъ или вообще психическою сознательною дѣятельностію, а только то, которое достигло извѣстнаго минимума силы. Возбужденіе, потерявшее свою энергію, спустившееся ниже требуемаго минимума, не имѣетъ сознательнаго психическаго коррелятива до тѣхъ поръ, пока не увиличитъ своей силы. Слѣдовательно естественно, что представленіе, по мѣрѣ ослабленія обусловливающаго его возбужденія, теряетъ свою яркость и наконецъ совсѣмъ забывается; естественно также, что забытое представленіе припоминается снова, когда обусловливающее его возбужденіе получаетъ поддержку, увеличивается въ своей силѣ, что и бываетъ или при полученіи новаго, совершенно такого же, какъ и старое, возбужденія или подобнаго (сходная ассоціація) или отъ помощи сосѣднихъ, энергично возбужденныхъ, нервныхъ элементовъ (смежная ассоціація).

Высказанный взглядъ на память подтверждается многочисленными фактами: а) тѣми нерѣдкими случаями, когда образы, хранимые памятью, вслѣдствіе сосредоточенія на нихъ вниманія и другихъ оживляющихъ ихъ обстоятельствъ, ста-

---

[1]) Слѣдомъ въ настоящемъ случаѣ мы называемъ тѣ живыя психическія состоянія, которыя, наступая иногда вскорѣ по прекращеніи внѣшняго раздраженія (какъ въ приведенныхъ случаяхъ съ Фехнеромъ и другими), бываютъ менѣе живы, чѣмъ ощущенія, и болѣе ярки, чѣмъ образы памяти. Ихъ Фехнеръ называетъ Nachempfindungen, Nachklänge, Nachbilder. (Elemente d. Psychophys. II, 469).

новятся мало по малу все яснѣе и яснѣе, подробности ихъ всплываютъ наружу, образы достигаютъ живости слѣда и наконецъ совсѣмъ не отличаются отъ ощущенія. Такого рода факты [1]) несомнѣнно свидѣтельствуютъ за существованіе сохраняющихся въ нервной системѣ прежнихъ впечатлѣній, подкрѣпляемыхъ въ данный моментъ сходными и смежными вліяніями; б) безплодными усиліями припомнить что либо забытое съ одной стороны, невольнымъ припоминаніемъ забытаго въ то время, когда о немъ уже не думали—съ другой, словомъ фактами автоматическаго припоминанія. Если нервное возбужденіе, обусловливавшее извѣстное представленіе, ослабѣло, то мы можемъ дѣлать величайшія усилія къ припоминанію и удовлетворительнаго результата не получимъ, хотя у насъ и остается сознаніе, что данное представленіе было намъ извѣстно. Когда же получатся какія либо сходныя возбужденія той же клѣтки или возбудятся сосѣднія клѣтки, то сила первоначальнаго возбужденія данной клѣтки увеличится, перейдетъ необходимый минимумъ и соотвѣтствующее представленіе припомнится.

Итакъ на поставленный нами въ началѣ этой главы вопросъ: почему пережитое явленіе снова возникаетъ въ нашемъ сознаніи? получается такой отвѣтъ: потому, что обусловливавшее его существованіе нервное возбужденіе, по удаленіи раздражающей причины, не прекратилось, а только ослабѣло. Поэтому воспроизведеніе обыкновенно бываетъ слабѣе, не такъ ярко, какъ оригинальное состояніе; поэтому воспроизведеніе въ своей сущности есть тоже оригинальное явленіе; поэтому воспроизведеніе напоминаетъ намъ свой оригиналъ, т. е. самаго же себя, носитъ въ себѣ помѣтку своего вторичнаго появленія въ сознаніи.

§ 108. Къ представленному общему объясненію явленій памяти нужно присоединить еще одно частное.

Съ памятью у насъ неразрывно связано представленіе о прошломъ времени. Самое припоминаніе, актъ мы считаемъ настоящимъ, сейчасъ переживаемымъ, событіемъ, а предметъ

---

[1]) Богатый подборъ такихъ фактовъ можно найти у Тэна, Объ умѣ и познаніи, I гл. второй книги; см. также Carpenter, Principles of mental Physiology, p. 432.

припоминанія, какое либо пережитое событіе, прошлымъ, возстановляющимся теперь въ нашемъ сознаніи. Мы признаемъ также припоминаніе и предметъ его двумя различными по содержанію событіями, двумя раздѣльными психическими актами. Несправедливость послѣдней мысли—различіе припоминанія и оригинала по содержанію—мы уже видѣли: припоминаніе и его предметъ или оригиналъ не два факта, а одинъ и тотъ же фактъ. Несправедлива также и первая мысль—различіе припоминанія и оригинала по времени, что при помощи памяти мы живемъ прошлымъ временемъ, что во время припоминанія у насъ въ сознаніи присутствуютъ два момента времени: настоящее и прошедшее. Мы всегда живемъ только настоящимъ.

Главнѣйшая помѣтка нашихъ воспоминаній со стороны времени такова: факты прошлые, факты настоящіе, факты будущіе. Эти три періода времени: прошлое, настоящее и будущее не составляютъ первоначальнаго достоянія нашего сознанія, свойствъ первоначальнаго представленія времени. Такое представленіе есть продуктъ значительной абстракціи. Первоначальное представленіе времени есть фактъ болѣе живой и конкретный и онъ заключается въ представленіи событія или еще совершающимся, или совершившимся, или имѣющимъ сейчасъ начаться. Дикари, да и вообще простые люди, довольно слабо и неопредѣленно представляютъ время въ его отвлеченномъ видѣ, хронологическія помѣтки у нихъ очень не тверды и они во времени оріентируются съ большимъ трудомъ. Ихъ умъ поглощенъ фактами, уносится ихъ теченіемъ, они отлично знаютъ, совершается или уже совершилось извѣстное событіе или только еще имѣетъ совершиться, но вставить это событіе въ опредѣленныя рамки отвлеченнаго времени—прошедшаго, настоящаго и будущаго—они затрудняются. Разсказывая и слушая событіе, особенно поразительное, простой человѣкъ мало обращаетъ вниманіе на хронологическую помѣтку, прошедшее и будущее есть для него сейчасъ переживаемое настоящее, онъ не замѣчаетъ промежутка времени, протекшаго между событіемъ и разсказомъ, прошедшее и будущее сливаются въ его сознаніи съ настоящимъ. Древній грекъ, слушавшій разсказы про троянскую войну или походъ аргонавтовъ, русскій

крестьянинъ, слушающій разсказы про любимаго народнаго героя, ребенокъ, слушающій сказку—всѣ они мало заботятся о хронологическихъ помѣткахъ событія, они живутъ настоящимъ, они переживаютъ съ героемъ его приключенія. Да и со всѣми такъ бываетъ при живомъ, талантливомъ разсказѣ, при хорошей пьесѣ въ театрѣ и т. д. Слѣдовательно основная, элементарная хронологическая помѣтка такова: событіе совершается, окончилось уже, или только что сейчасъ начнется.

Но, собственно говоря, и такое представленіе времени есть уже продуктъ абстракціи, собственно говоря, въ строгомъ психологическомъ смыслѣ, существуетъ только одно время—настоящее, и то въ смыслѣ реальнаго совершающагося факта; что же касается прошедшаго и будущаго, то это абстракціи, а не реальные факты въ томъ смыслѣ, какъ сейчасъ совершающійся фактъ. Припоминать прошлое или мечтать о будущемъ значитъ сейчасъ переживать извѣстнаго рода состоянія; мы можемъ сдѣлать что угодно содержаніемъ своего представленія—самое отдаленное прошлое, самое отдаленное будущее, но это нисколько не измѣнитъ настоящаго характера нашего представленія, именно какъ настоящаго со стороны времени. Когда мы гадаемъ о будущемъ или припоминаемъ прошлое, мы не выходимъ изъ сферы настоящаго, мы вѣчно живемъ настоящей минутой, а жить дѣйствительно прошлымъ или будущимъ невозможно. Идея времени, строго говоря, есть иллюзія, возникающая первоначально изъ мускульныхъ ощущеній, а потомъ развивающаяся отъ дѣятельности представленій. Какимъ образомъ?

Каждое психическое состояніе занимаетъ извѣстный промежутокъ времени. Всѣ психическія состоянія составляютъ одинъ длинный, непрерывный рядъ, такъ что когда одно состояніе кончается, то другое начинается, конецъ втораго соприкасается съ началомъ третьяго и т. д. Психическія состоянія, вслѣдствіе неодинаковой силы, у насъ постоянно измѣняются: сейчасъ мы были заняты воспоминаніями и размышленіями, потому что не было сильныхъ ощущеній; но громкій звукъ, рѣзкій свѣтъ вытѣсняютъ изъ сознанія всѣ прежнія состоянія и наполняютъ его новыми, которыя, ослабѣвъ, опять замѣняются новыми и т. д. безъ конца. То

воспоминанія всплываютъ на верхъ, одерживая побѣду надъ ощущеніями, то ощущенія вытѣсняютъ воспоминанія. Эти длинные ряды пестрыхъ состояній, переживаемыхъ нами и развертывающихся необозримою цѣпью, обобщаются сознаніемъ, оставляютъ послѣ себя мысль, что то и то было пережито. Желая воспроизвести или вновь пережить какое либо состояніе, хотя бы и въ слабѣйшей степени, мы должны двигаться послѣдовательно по цѣпи ассоціаціи, вслѣдствіе законовъ ассоціаціи; мы не можемъ перескакивать по цѣпи отъ одного кольца къ другому, какъ пришлось, мы должны держаться порядка, воспроизводить одно звѣно за другимъ по смежности, чтобы добраться до нужнаго. А воспроизведеніе или переживаніе каждаго требуетъ своего особаго времени и мы, припоминая, получаемъ рядъ различныхъ возбужденій и вмѣстѣ съ тѣмъ точекъ времени. Правда, всѣ эти точки и состоянія настоящія; но, отрываясь отъ отдѣльныхъ переживаемыхъ фактовъ и возвышаясь надъ ними помощью абстракціи, мы объединяемъ памятью отдѣльныя настоящія точки времени въ цѣлыя психическія образованія и, ставя эти образованія на ряду съ совершающимися фактами, получаемъ изъ настоящихъ фактовъ идеи прошлаго и будущаго, смотря по тому, къ какому концу переживаемаго факта присоединяемъ созданную абстракцію ряда послѣдовательныхъ точекъ. Слѣдовательно прошлое и будущее есть ничто иное, какъ сначала расчлененное, а потомъ опять синтезированное настоящее.

Глава XI.

Фактическій анализъ памяти.

§ 109. Если самая сущность явленій памяти физіологически обусловливается сохраненіемъ нервной системой полученнаго возбужденія неопредѣленное время, а психологически закономъ сходства, то порядокъ воспроизведенія всецѣло зависитъ отъ

закона послѣдовательности. Какія явленія воспроизводятся нами одно за другимъ и въ какомъ порядкѣ? Воспроизводятся нами одно за другимъ тѣ явленія, которыя непосредственно слѣдовали другъ за другомъ и въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ слѣдовали. Такъ какъ воспроизводить міровоззрѣніе значитъ переживать тѣ же самыя явленія, тѣ же самые процессы, изъ которыхъ и которыми міровоззрѣніе образуется, то никакого другаго порядка, кромѣ опредѣляемаго закономъ послѣдовательности, въ воспроизведеніи и быть не можетъ. Законъ сходства въ этомъ послѣднемъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія, потому что воспроизведеніе, строго говоря, есть работа совершенно механическая, никакихъ новыхъ сближеній, никакого творчества въ ней нѣтъ. Какъ скоро самое геніальное и сложное построеніе одинъ разъ сдѣлано, оно становится добычей смежности. Если же мы послѣдовательную ассоціацію въ воспроизведеніи сопровождаемъ сходной ассоціаціей, то это значитъ, что къ воспроизведенію мы присоединяемъ элементъ построенія.

Присматриваясь къ механизму воспроизведенія, мы замѣчаемъ въ немъ два главные момента: воспроизведеніе идеи или факта и воспроизведеніе контекста идеи и обстановки факта. Механизмъ воспроизведенія состоитъ въ психической локализаціи факта со стороны времени, мѣста и въ логическомъ отношеніи. Припоминая что нибудь, мы стараемся воспроизвести извѣстный фактъ или идею съ возможною отчетливостью, а это и значитъ стараться воспроизвести его со всей той обстановкой, среди которой онъ былъ замѣченъ нами въ первый разъ, вмѣстѣ со всѣми непосредственно предъидущими, послѣдующими и сосуществующими идеями и фактами. Какъ скоро фактъ воспроизводится одинъ, безъ обстановки, то мы свое припоминаніе не признаемъ вполнѣ яснымъ и отчетливымъ. Каждый фактъ, каждая идея связаны съ другими ближайшими фактами и идеями и понимаются только по соотношенію съ ними. Поэтому вырвать при запоминаніи фактъ или идею изъ ихъ естественной связи и обстановки неудобно, нужно запомнить и фактъ или идею и ихъ связь или обстановку. Намъ говорятъ: вотъ идея совершенно новая и оригинальная. Мы иногда отвѣчаемъ: нѣтъ, эта идея не новая, мы ее встрѣчали раньше,

не то когда то вычитали изъ книги, не то слышали въ разговорѣ. И мы не успокоиваемся до тѣхъ поръ, пока отчетливо не опредѣлимъ, гдѣ и когда мы встрѣтили эту идею, среди какихъ другихъ предшествующихъ и послѣдующихъ идей, въ какой логической и фактической обстановкѣ. Припоминаніе географическихъ, историческихъ и всякаго рода другихъ жизненныхъ и научныхъ фактовъ есть вкладываніе факта въ въ рамку пространственныхъ, временныхъ и логическихъ отношеній. Невозможность припомнить самый фактъ или обстановку факта есть уже забвеніе. Поэтому мы и разсмотримъ два вопроса относительно воспроизведенія: почему помнятся идеи и факты, взятые сами по себѣ? Почему помнится обстановка идей и фактовъ?

§ 110. Главная причина памяти отдѣльныхъ идей и фактовъ, взятыхъ самихъ по себѣ, заключается въ силѣ того впечатлѣнія, которое производитъ на насъ извѣстный фактъ или идея и степени сосредоточенія вниманія на идеѣ или фактѣ, степени, зависящей также отъ силы впечатлѣнія. Чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на насъ фактъ, тѣмъ дольше и вѣрнѣе онъ помнится; чѣмъ слабѣе, тѣмъ меньшее время и туманнѣе помнится. Сила же впечатлѣнія можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ: со стороны физической и со стороны психической.

Физическая сила членовъ ассоціаціи состоитъ во вліяніи этой ассоціаціи на нашъ физическій и по преимуществу нервный организмъ, въ степени возбужденія нервныхъ клѣтокъ. Нервныя клѣтки, поставленныя въ состояніе наивысшаго возбужденія, долго сохраняютъ это возбужденіе и такимъ образомъ даютъ возможность воспроизведенія соотвѣтствующаго представленія неопредѣленно долгое время. Поэтому самое простое и лучшее средство закрѣпленія извѣстной ассоціаціи— значительная сила всѣхъ членовъ ассоціаціи. Отсюда понятно, что сильные, громкіе звуки и острые запахи помнятся гораздо лучше и дольше, чѣмъ тихіе и слабые, серьезная тяжелая болѣзнь долѣе легкой; лица, которыя мы видимъ на прогулкѣ, сейчасъ же забываются нами, какъ только они прошли мимо насъ и нужно какое либо особенное возбужденіе, чтобы припомнить которое либо изъ нихъ; фигура же, почему

либо поразившая насъ, странностью или оригинальностью костюма, эксцентричными манерами, помнится долго и припоминается отчетливо. Какой либо замѣчательный видъ природы, гроза, метеоръ и т. п. нерѣдко оставляютъ по себѣ воспоминаніе на всю жизнь, слабыя же впечатлѣнія улетучиваются очень быстро. «По прошествіи 30 лѣтъ, я черта за чертой припоминаю видъ театра, куда меня привели въ первый разъ, говоритъ Тэнъ. [1]) Съ третьяго яруса зала казалась мнѣ чудовищнымъ колодцемъ, совершенно краснымъ и пламенѣющимъ, съ муравейникомъ головъ; совершенно внизу, направо, на узкій помостъ вошли двое мущинъ и одна женщина, вышли, и опять вошли, жестикулировали и казались мнѣ двигающимися куклами; къ моему великому удивленію, одна изъ этихъ куколъ стала на колѣна, цѣловала руку дамы, потомъ скрылась за ширмами; другая, которая вошла, казалась сердитой и подняла руки. Мнѣ было семь лѣтъ, я ничего не могъ понять; но колодецъ бархатно-малиноваго цвѣта былъ такъ набитъ народомъ, такъ золотистъ и свѣтелъ, что чрезъ четверть часа я былъ какъ бы пьяный и заснулъ». Но приведенное условіе имѣетъ и ограниченіе: если впечатлѣніе чрезвычайно сильно, производитъ болѣзненное потрясеніе организма, словомъ превосходитъ maximum раздраженія, то оно помнится смутно, потому что въ такой формѣ оно воспринимается не отчетливо.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда запоминаемый фактъ есть сложный, состоящій изъ нѣсколькихъ представленій, тогда ассоціація усвоится хорошо, если не всѣ члены ея производятъ сильное впечатлѣніе, а только нѣсколько и даже одинъ. Такимъ путемъ обыкновенно внѣдряютъ въ дѣтскія головы много всякой премудрости, сочетая какое либо знаніе, правило, сентенцію, сами по себѣ производящія впечатлѣнія очень мало, съ острою тѣлесною болью. Мать, которая даетъ плюху своему ребенку за то, что тотъ забылъ, что она ему сказала, и прибавляетъ: «теперь ты это будешь помнить», признаетъ, сама того не зная, этотъ психологическій принципъ. Плюха связываетъ съ идеей чувство болѣе сильное, которое дѣлаетъ умственное впечатлѣніе болѣе энергичнымъ, слѣдовательно

---

[1]) Объ умѣ и познаніи, 1, 82.

болѣе продолжительнымъ. Взрослые въ своей жизни часто пользуются этимъ сцѣпленіемъ слабаго факта съ сильнымъ, чтобы поддержать слабый энергіей сильнаго. Я не помню, когда я купилъ такую-то книгу, но я помню, что въ этотъ день была дурная сырая погода, что я, отправляясь въ магазинъ, простудился и хворалъ нѣсколько дней. Свою болѣзнь, какъ фактъ болѣе сильный, я помню лучше, а по ассоціаціи съ ней припомню и время покупки книги.

Но не всѣ предметы могутъ производить на насъ сильное впечатлѣніе, есть множество предметовъ, дѣйствующихъ и могущихъ дѣйствовать только слабо. Чтобы прочно запомнить ихъ, мы можемъ прибѣгнуть къ двумъ средствамъ, помощію которыхъ сила ихъ впечатлѣнія увеличится: а) къ воспріятію предмета различными органами, б) къ повторенію.

Каждый предметъ имѣетъ различныя свойства, которыя могутъ быть усвоены различными органами. Мы уже прежде показали, что наши представленія объ отдѣльныхъ вещахъ — конкретныя представленія — суть разнородныя соединенія, въ нихъ сочетаются элементы трехъ, четырехъ и даже пяти органовъ. Этимъ свойствомъ предметовъ и соотвѣтствующихъ имъ представленій мы и пользуемся при запоминаніи. Свойства предмета таковы, что не могутъ произвесть на насъ сильнаго впечатлѣнія; тогда мы беремъ по одиночкѣ каждое свойство и дѣйствуемъ имъ на соотвѣтствующій органъ, по возможности заботясь о раздраженіи каждаго органа. Эти слабыя впечатлѣнія на каждый органъ въ отдѣльности, вмѣстѣ взятыя, сведенныя въ одну сумму, будутъ равняться сильному. Они будутъ поддерживать и замѣнять другъ друга и если предметъ забудется по впечатлѣнію на одинъ органъ, то припомнится по впечатлѣнію на другой. При знакомствѣ съ вещью мы можемъ ограничиться разсмотрѣніемъ ея, а можемъ еще брать ее въ руки, обнюхать ее, попробовать на вкусъ, стучать ею. Въ послѣднемъ случаѣ вещь будетъ припоминаться дольше и вѣрнѣе, чѣмъ въ первомъ.

Повтореніе впечатлѣнія ведетъ къ тому же самому результату. Если вещь не производитъ сильнаго впечатлѣнія и если ею нельзя затронуть различные органы, то остается одинъ путь къ ея твердому запоминанію — повтореніе. «Повтореніе—

мать занятій», такъ говорили еще древніе. Важность и дѣйствительность этого средства твердаго запоминанія слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы нужно было объ этомъ много распространяться. Можно сказать только, что на это средство очень часто слишкомъ сильно налегаютъ, игнорируя прочія. Частыя повторенія наиболѣе умѣстны и нужны при занятіяхъ съ маленькими дѣтьми, безъ повтореній изъ дѣтской головы все весьма быстро улетучивается. Впрочемъ и вообще только фактъ, нѣсколько разъ нами прочитанный и нѣсколько разъ нами обдуманный, становится нашимъ вѣчнымъ достояніемъ, готовымъ къ воспроизведенію въ каждый данный моментъ времени. Само собою разумѣется, повторенія должны быть поставлены раціонально, чтобы не надоѣсть «хуже горькой рѣдьки», а именно должны имѣть въ виду главное и существенное, а не мелочи и частности, должны освѣщать предметъ съ новыхъ точекъ зрѣнія и вести ученика къ свободному и разумному пользованію знаніями, а не механическому задалбливанью ихъ. Даже буквальнымъ заучиваньемъ нельзя пренебрегать. Многое необходимо бываетъ запомнить буквально, какъ, напримѣръ, молитвы, тексты, формулы въ различныхъ наукахъ, стихи. Буквальное выучиванье отрывковъ изъ лучшихъ отечественныхъ писателей можетъ обогатить рѣчь дитяти многими словами и прекрасными оборотами, ввести его въ духъ языка, познакомить его съ его первоисточниками. О заучиваньи безъ полнаго, отчетливаго поминанія заучиваемаго, слѣдовательно безъ предварительнаго обстоятельнаго объясненія, не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Повтореніе же и выучиванье вполнѣ понятаго не только не есть нѣчто противоположное развитію ума, но есть одно изъ важныхъ и существенныхъ средствъ умственнаго развитія. Безъ повтореній и заучиванья не можетъ быть обширныхъ свѣдѣній; безъ обширныхъ свѣдѣній не можетъ быть обширнаго ума.

§ 111. Психическая сила ассоціаціи, обусловливающая сосредоточеніе на ней вниманія и твердое запоминаніе, можетъ выражаться различно: а) новостью ассоціаціи, б) значительнымъ интересомъ или чувствомъ, соединяемымъ съ ней, в) подробнымъ и отчетливымъ различеніемъ качествъ и составныхъ частей ассоціаціи.

Новость впечатлѣнія — обстоятельство большой важности для отчетливаго запоминанія. Переживать постоянно вновь уже пережитое, старое—вещь утомительно скучная и тягостная. Старыя удовольствія и тѣ пріѣдаются, теряютъ свою остроту, свою пряность и превращаются въ обыденныя, почти безразличныя, вещи; простыя же впечатлѣнія, не доставляющія удовольствія, очень часто повторяясь, явно надоѣдаютъ. Потому мы жадно накидываемся на все новое, интересуемся имъ, хорошо его запоминаемъ. И чѣмъ больше новизны въ новомъ фактѣ, чѣмъ рѣзче онъ становится въ оппозицію къ прежде извѣстнымъ намъ фактамъ, тѣмъ больше привлекается наше вниманіе къ нему. Впрочемъ нужно замѣтить, что къ этимъ новымъ свѣдѣніямъ уже должна быть напередъ подготовка. Свѣдѣнія совершенно, абсолютно новыя не заинтересуютъ, потому что не найдутъ въ нашей душѣ ничего однороднаго, ничего родственнаго. Какъ бы ни былъ интересенъ и новъ самъ по себѣ трактатъ по психологіи, но мы не заинтересуемъ имъ астронома и математика, если прежде они вовсе не занимались психологіей, и наоборотъ, — астрономическіе и математическіе трактаты будутъ не интересны для психолога, не занимавшагося этими науками. Разумѣется, эти слова имѣютъ примѣненіе только къ взрослымъ. Нервная система дѣтей еще такъ воспріимчива, у нихъ еще не сложилось опредѣленныхъ навыковъ и направленій мысли, какъ у взрослаго, вслѣдствіе чего дѣти жадно накидываются на все новое. Для взрослаго же свѣдѣнія, несоотвѣтствующія его умственнымъ привычкамъ и неимѣющія напередъ запасеннаго достаточнаго количества однородныхъ знаній, представляются не интересными. У дѣтей ихъ всесторонній интересъ къ новому ограничивается врожденными склонностями къ тому или другому роду умственныхъ занятій. Предметы, соотвѣтствующіе врожденной склонности, интересуютъ ихъ болѣе, чѣмъ несоотвѣтствующіе ей.

Но не только новизна впечатлѣнія можетъ привлекать къ себѣ наше вниманіе, съ предметомъ у насъ могутъ связываться другіе психическіе интересы. Онъ можетъ относиться къ сферѣ нашихъ любимыхъ занятій и потому, не будучи особенно новымъ, привлекать къ себѣ наше вниманіе; онъ можетъ возбуждать въ насъ радость или печаль, гнѣвъ или страхъ, любовь или

отвращеніе и потому производитъ на насъ сильное впечатлѣніе и долго помниться. Случаи значительной опасности и большой радости, дни особенно счастливые для насъ и особенно несчастные помнятся нами отчетливо всю жизнь. Вообще наши склонности страсти, чувствованія, разнообразные интересы могутъ напечатлѣвать образы предметовъ навсегда въ нашемъ сознаніи, хотя бы физическое впечатлѣніе ихъ и было слабо. Слово, сказанное шопотомъ, иногда поражаетъ насъ чрезвычайно сильно, а крикъ во все горло часто совсѣмъ не привлекаетъ къ себѣ нашего вниманія.

Если же представленіе не отличается ни новизной, ни возбуждаетъ какого либо нашего интереса, а между тѣмъ намъ почему либо нужно его запомнить, то мы можемъ усилить его интеллектуальное, дѣйствіе, анализируя, его, отчетливо наблюдая его свойства и части, различая его внимательно отъ другихъ подобныхъ представленій. Чѣмъ отчетливѣе мы сознаемъ представленіе, чѣмъ обстоятельнѣе сравнимъ его съ другими подобными представленіями и выдѣлимъ изъ нихъ, тѣмъ дольше и лучше оно будетъ помнится. При этомъ условіи каждая черта, каждый признакъ представленія отобразятся въ нашемъ сознаніи и произведутъ большее впечатлѣніе, чѣмъ слитное представленіе цѣликомъ. Поэтому ясныя, раздѣльныя представленія помнятся дольше и лучше, чѣмъ слитныя и не ясныя; поэтому память зависитъ отъ способности находить различія въ предметахъ и въ свойствахъ предметовъ, т. е. прямо отъ интеллекта. Разсматриваемый процессъ вполнѣ аналогиченъ тому, когда мы, для лучшаго запоминанія предмета, стараемся подѣйствовать имъ на различные органы. Разница заключается въ томъ что тамъ дѣйствіе предмета физическое, а здѣсь интеллектуальное, тамъ на органы внѣшнихъ чувствъ, здѣсь—на сознаніе.

Повтореніе имѣетъ значеніе усиливающаго энергію представленія средства и при психическомъ дѣйствіи предметовъ, какъ и при физическомъ.

§ 112. Какимъ образомъ запоминается обстановка идей и фактовъ, какимъ образомъ фактъ психически локализуется? Психическая локализація факта можетъ имѣть три частныя направленія: среди послѣдовательныхъ фактовъ (локализація

во времени), среди сосуществующихъ (локолизація въ пространствѣ) и локолизація логическая, собственно идейная. Ихъ мы и разсмотримъ.

Близость или отдаленность какого либо явленія въ прошломъ и будущемъ оцѣниваются нами длиной ассоціаціи, количествомъ членовъ отъ настоящаго момента, т. е. переживаемаго факта, до того, который мы хотимъ пережить опять. Чѣмъ больше легло членовъ ассоціаціи между переживаемымъ и пережитымъ фактомъ, чѣмъ длиннѣе путь, тѣмъ большимъ намъ кажется время, потому что болѣе получается точекъ настоящаго. Желая припомнить, когда было—давно или недавно—съ нами такое то происшествіе, мы на разсвѣтѣ жизни пользуемся такимъ пріемомъ: сначала вспоминаемъ, что было пережито минуту назадъ, двѣ, часъ, день, недѣлю и т. д. Чѣмъ больше будетъ та цѣпь, которую намъ нужно перебрать, чтобы дойти до извѣстнаго факта, тѣмъ больше мы положимъ времени между настоящимъ событіемъ и припоминаемымъ и наоборотъ.

Очевидно, что такое послѣдовательное перебираніе ассоціацій вещь необычайно утомительная и она весьма значительно затрудняла бы всѣ наши психическіе процессы, если бы намъ необходимо было при каждой локолизаціи факта во времени постоянно сполна прибѣгать къ этому длинному процессу. Мы его сокращаемъ: множество мелкихъ, частныхъ членовъ ассоціаціи мы выбрасываемъ, а оставляемъ, только главные. На мѣсто всего ряда фактовъ мы ставимъ вѣхи, штандпункты, дающіе возможность оріентироваться и ими пользуемся при локолизаціи фактовъ во времени. Желая опредѣлить время совершенія какого либо событія въ нашей жизни, мы не воспроизводимъ всѣхъ пережитыхъ состояній, а только сравниваемъ нужный фактъ съ стоящими въ нашемъ сознаніи штандпунктами: случился онъ до окончанія школьнаго ученья или послѣ, до отъѣзда въ такой городъ или послѣ и т. д. Мы считаемъ фактъ достаточно опредѣленнымъ со стороны времени, какъ скоро намъ удастся вставить его между какими либо двумя вѣхами. За точнѣйшимъ и болѣе подробнымъ пріурочиваніемъ факта къ извѣстному пункту времени мы гонимся только тогда, когда это намъ особенно нужно. Тогда мы стараемся воспроизвести всѣхъ членовъ ассоціаціи въ порядкѣ. Опредѣленіе времени

совершенія историческихъ фактовъ всегда нами дѣлается съ помощію историческихъ вѣхъ. Мы говоримъ: такое-то событіе случилось при Периклѣ или во вторую пуническую войну. И пріурочивъ фактъ къ подобной исторической вѣхѣ, мы успокоиваемся. Иначе и нельзя, иначе мы не столько бы жили вновь, сколько безъ конца припоминали бы. Только что по поводу одного припоминанія мы перебрали длиннѣйшую цѣпь ассоціацій и вотъ по поводу другаго мы должны снова начать ту же работу. Тогда наши умственныя работы были бы буквально трудомъ данаидъ. Разстояніе же по времени самыхъ вѣхъ отъ переживаемаго факта и другъ отъ друга должно быть твердо напечатлѣно въ нашемъ сознаніи нѣсколько разъ повтореннымъ основательнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ членовъ ассоціацій, послѣ чего эти отдѣльные члены замѣняются вѣхами и улетучиваются изъ памяти, какъ сослужившіе свою службу и больше не нужные, увольняются «въ чистую» впредь до экстренныхъ надобностей. Припоминать время совершенія факта и значитъ пріурочивать его, по какимъ либо частнымъ чертамъ, къ какой либо вѣхѣ. Само собой разумѣется, что сразу правильнаго пріуроченія мы сдѣлать не можемъ, особенно если самое событіе помнится не отчетливо. Тогда образъ можетъ скользить между вѣхами, перебѣгать отъ одной къ другой и эти колебанія образа со стороны времени будутъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ тускнѣе и скуднѣе содержаніемъ образъ.

Относительно локолизаціи припоминаемаго въ пространствѣ распространяться много нечего, такъ какъ процессъ тотъ же самый, что и при локолизаціи во времени. Мы прежде всего познаемъ пространство, среди котораго находимся сами, ближайшее къ намъ, и измѣряемъ его величину тратой собственной силы; потомъ всѣ другія разстоянія и пространства мы оцѣниваемъ примѣнительно и помощію насъ окружающаго пространства, создаемъ также извѣстные штандпункты и къ нимъ пріурочиваемъ предметы. Географическія воспроизведенія и суть воспроизведенія по такимъ пространственнымъ вѣхамъ. Гдѣ находится островъ Цейлонъ? Пріурочивъ его къ какой либо географической вѣхѣ, напримѣръ, къ извѣстному градусу долготы и широты, къ извѣстной части свѣта и большому полуострову, мы считаемъ дѣло поконченнымъ. Самая же вѣха

запечатлѣвается въ нашей памяти отчетливымъ воспроизведеніемъ какого либо хорошо извѣстнаго намъ по собственному опыту пространства—сажени, версты, мили—и сознаніемъ, что это пространство до извѣстной вѣхи отъ насъ или между извѣстными вѣхами повторится столько-то разъ. Чѣмъ больше уляжется между вѣхами хорошо намъ извѣстныхъ пространствъ, чѣмъ слѣдовательно больше должна бы у насъ быть трата силы на передвиженіе себя по этимъ пространствамъ, тѣмъ большимъ мы признаемъ данное разстояніе и наоборотъ.

Идейная локолизація ничѣмъ существенно не отличается отъ другихъ, здѣсь также должны быть утверждены вѣхи—идеи, обозначающія собою логическіе штандпункты. Напримѣръ, изучающему исторію философіи необходимо намѣтить главнѣйшіе принципы, развивающіеся въ извѣстный періодъ времени и развиваемые отдѣльными философами, ихъ выяснить и утвердить сопоставленіемъ и размышленіемъ и потомъ къ нимъ пріурочивать частные взгляды и мнѣнія. Безъ идей—вѣхъ такъ же легко запутаться въ философіи, какъ и въ исторіи и географіи. Отчетливое воспроизведеніе содержанія каждой отвлеченной науки предполагаетъ вполнѣ твердое и ясное усвоеніе главнѣйшихъ пунктовъ, главнѣйшихъ положеній науки, рельефную помѣтку частей, отдѣловъ и подъ-отдѣловъ науки, знаніе существеннаго содержанія каждой части, отдѣла и т. д.

§ 113. Изслѣдованіе процесса локолизаціи припоминаемаго показываетъ, что самое главнѣйшее условіе хорошаго запоминанія обстановки или среды факта есть твердая установка руководящихъ штандпунктовъ. Къ чему мы будемъ пріурочивать припоминаемые факты и идеи, если у насъ слабы, колеблются основныя положенія? Никогда преподаватель исторіи и географіи не добьется отчетливыхъ воспроизведеній отъ своихъ учениковъ, если крѣпко-накрѣпко не утвердитъ въ ихъ сознаніи нѣкоторыхъ главнѣйшихъ пунктовъ, нѣкоторыхъ основныхъ представленій—вѣхъ, которыя могли бы служить точкой опоры для другихъ, частныхъ, а эти частныя могли бы въ порядкѣ укладываться между главными. Утвердивъ основныя вѣхи, мы должны стараться, какъ можно крѣпче связать извѣстный фактъ съ соотвѣтствующей вѣхой. Для

этого хорошо отъ даннаго событія или идеи протягивать умственныя нити не къ одной вѣхѣ, а къ нѣсколькимъ смежнымъ. Если между самыми вѣхами есть факты болѣе частнаго характера, но хорошо извѣстные и однородные, то полезно связывать данное обстоятельство и съ ними, вплесть его въ однородную группу, причемъ дѣло будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше различныхъ сопоставленій мы сдѣлаемъ между частнымъ обстоятельствомъ и группой: порвется одна или двѣ нити, связь представленій будетъ держаться другими нитями. Объяснимъ это примѣромъ. Предположимъ, что мы имѣемъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Руссо, Базедова, Фребеля и Дистервега, но не знаемъ ничего о Песталоцци. Какъ намъ прочнѣе усвоить свѣдѣнія о немъ, напримѣръ, время его жизни и дѣятельности 1746—1827 гг.? Если отрывочно запомнить этотъ фактъ, то онъ недолго продержится въ нашей головѣ. Намъ нужно отнести этотъ фактъ прежде всего къ извѣстной вѣхѣ, т. е. къ эпохѣ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, нужно связать дѣятельность Песталоцци съ общими направленіемъ жизни того времени, съ французской революціей прошлаго вѣка, съ правленіемъ Наполеона, его войнами и т. д. Для этого нужно имѣть въ виду, что Песталоцци представлялся императорамъ Наполеону I и Александру I, что основанныя имъ школы въ Станцѣ и Бургдорфѣ прекращали свое существованіе вслѣдствіе смутъ тогдашняго времени, прохода французскихъ войскъ, измѣненія правленія въ Швейцаріи и т. д. Такимъ образомъ дѣятельность Песталоцци будетъ пріурочена къ извѣстной исторической вѣхѣ. Но этого мало, нужно тверже и частнѣе закрѣпить извѣстный фактъ, а для этого хорошо его связать съ другими частными, намъ извѣстными фактами, напр. сообразить, что Песталоцци былъ младшимъ современникомъ Руссо и Базедова и старшимъ Фребеля и Дестервега. Но одна эта связь недостаточна, она легко можетъ порваться. Поэтому ее нужно закрѣпить другими связями, напримѣръ, имѣть въ виду, что Эмиль Руссо произвелъ на юношу—Песталоцци сильное вліяніе и способствовалъ укрѣпленію въ немъ его идеалистическихъ воззрѣній и что Фребель былъ ученикомъ Песталоцци, жилъ у него нѣкоторое время въ Ифертенѣ.

Далѣе можно навести связь другаго рода именно ту, что время жизни Песталоцци совпадаетъ со временемъ жизни нѣкоторыхъ извѣстныхъ философовъ, напримѣръ Фихте и Гербарта, которые оба очень сочувственно отнеслись къ Песталоцци и его дѣятельности. При этомъ можно будетъ припомнить, что старшій современникъ этихъ двухъ философовъ, Кантъ, также благосклонно отнесся къ старшему современнику Песталоцци, педагогу Базедову. Когда мы такимъ образомъ свяжемъ фактъ жизни Песталоцци множествомъ нитей съ другими извѣстными намъ фактами, то намъ трудно будетъ забыть этотъ фактъ. Конечно, подобное усвоеніе требуетъ нѣкоторой траты времени, но за то оно бываетъ прочно. А мы учимся, конечно, не за тѣмъ, чтобы забывать. Отсюда становится понятнымъ, что чѣмъ болѣе мы имѣемъ представленій однородныхъ съ извѣстнымъ впечатлѣніемъ, тѣмъ легче и точнѣе усвоимъ это впечатлѣніе.

§ 114. Можемъ ли мы полагаться на свою память? Пусть будутъ выполнены всѣ условія, вліяющія на прочное усвоеніе; можемъ ли мы тогда поручиться, что наши воспоминанія будутъ вполнѣ правильны и точны, что все было нами пережито въ томъ самомъ видѣ, въ той самой формѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ наша память? Признать память непогрѣшимой нельзя, съ буквальною, математическою точностью память наша ничего воспроизводить не можетъ, самая лучшая, самая вѣрная память неизбѣжно совершаетъ много ошибокъ, то болѣе грубыхъ и рѣзкихъ, то болѣе легкихъ. Разсмотримъ ошибки памяти.

Каждый знаетъ, что воспроизведеніе пережитаго, за исключеніемъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ, бываетъ менѣе живо и ясно, чѣмъ сама дѣйствительность, само ощущеніе. Воспроизведеніе есть повтореніе, копія оригинальнаго факта, а копіи никогда не сравняться съ оригиналомъ по яркости и жизненности. И чѣмъ больше проходитъ времени между извѣстнымъ фактомъ и его воспроизведеніемъ, тѣмъ больше и больше убываютъ живость и отчетливость воспроизведенія и послѣднее становится блѣднѣе, безкровнѣе, такъ что вообще мы можемъ сказать, что живость и ясность воспроизведенія и количество протекшаго времени между совершеніемъ факта и его воспро-

изведеніемъ обратно пропорціональны: чѣмъ больше времени, тѣмъ меньше живости и наоборотъ. Поэтому факты, въ большинствѣ случаевъ наиболѣе туманно припоминаемые, суть давніе факты, отдѣленные отъ настоящаго времени десятками лѣтъ. [1]) Основанія такого явленія нами уже указаны: нервныя клѣтки мало по малу теряютъ полученныя ими раздраженія, а вмѣстѣ съ ослабленіемъ полученнаго раздраженія и соотвѣтствующій психическій актъ становится все менѣе и менѣе яснымъ. Съ уменьшеніемъ живости и ясности воспроизводимыхъ образовъ становится возможной замѣна одного припоминаемаго факта другимъ, болѣе или менѣе сходнымъ съ нимъ. Отсюда возникаетъ цѣлая масса ошибокъ, недоразумѣній, споровъ, взаимныхъ обвиненій и т. д. Подобная замѣна происходитъ даже въ сферѣ такихъ припоминаемыхъ фактовъ, которые должны бы помниться чрезвычайно ясно и отчетливо и не допускать смѣшенія съ другими подобными. Пѣвцы и музыканты должны бы повидимому очень точно припоминать и воспроизводить основные музыкальные звуки, а между тѣмъ одинъ изслѣдователь, заставляя многихъ выдающихся пѣвцовъ и музыкантовъ взять ля и провѣряя это ля особымъ инструментомъ, убѣдился, что оно очень далеко отъ точнаго воспроизведенія и бываетъ только приблизительнымъ, замѣняясь подобнымъ звукомъ. [2])

Воспроизведенія обыкновеннымъ сознаніемъ относятся къ прошлому. Поэтому важно знать, какъ память воспроизводитъ самое время, точно или не точно? Воспроизведенія времени бываютъ довольно не точными. Наблюдая ихъ, мы можемъ легко замѣтить, что длинные промежутки времени мы при воспроизведеніи сокращаемъ, а очень короткіе удлиняемъ. Сокращенія бываютъ тѣмъ больше, чѣмъ больше по объему воспроизводимый періодъ времени и чѣмъ дальше отстоитъ онъ отъ настоящаго момента. Годъ въ воспроизведеніи сокращается нами гораздо больше, чѣмъ мѣсяцъ, и годъ, пережи-

---

[1]) Объ особенностяхъ старческаго воспроизведенія, представляющаго уклоненія отъ указаннаго правила, мы будемъ говорить ниже.

[2]) Revue philosophique, 1882, № 9, p. 310—312, ст. Hérault, La memoire de l'intonation.

тый нами 10 лѣтъ тому назадъ, сокращается гораздо больше, чѣмъ годъ, предшествовавшій тому, въ которомъ мы сейчасъ живемъ. И наоборотъ чѣмъ меньше та часть времени, которую намъ требуется воспроизвести, тѣмъ больше мы ее увеличиваемъ. Причины такого явленія заключаются въ слѣдующемъ: время, его продолжительность мы можемъ цѣнить, пробѣгая памятью по ряду событій, наполнявшихъ извѣстный періодъ времени. Времени чистаго, отвлеченнаго отъ совершавшихся въ немъ событій, мы не знаемъ и знать не можемъ, помимо техническихъ обозначеній единицъ времени и ихъ различныхъ сочетаній, будетъ ли то помощію словъ членораздѣльной рѣчи, или помощію какихъ либо другихъ знаковъ. Слѣдовательно воспроизводя обширный или даже краткій промежутокъ времени, мы должны припомнить всѣ событія, его наполнявшія, иначе сказать, снова пережить умственно всѣ эти событія. А такая работа потребовала бы столько же времени, сколько и первое, дѣйствительное переживаніе событій и даже больше, такъ какъ въ воспроизведеніи переходъ отъ одного событія къ другому совершается съ большимъ или меньшимъ трудомъ, котораго не бываетъ при настоящемъ переживаніи событій. Естественно, что мы должны сокращать время въ воспроизведеніи, сжимать его, тѣмъ болѣе, что многихъ мелкихъ событій, совершившихся въ извѣстный періодъ времени, мы даже и не въ состояніи припомнить. Очень малыя же части времени, напримѣръ четверть секунды, мы въ воспроизведеніи необходимо увеличиваемъ, потому что припоминать моменты времени значитъ совершать переходы, передвиженія мысли отъ одной точки къ другой,—отъ одного факта къ другому; а такія передвиженія мысли сами требуютъ времени и нерѣдко большаго, чѣмъ представляемое, вслѣдствіе чего послѣднее намъ и кажется больше, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Вслѣдствіе этой же причины мы можемъ иногда время, протекшее между двумя событіями, признать гораздо меньшимъ, чѣмъ каково оно было въ дѣйствительности, потому что наша мысль быстрѣе, въ болѣе короткій промежутокъ времени перейдетъ отъ одного событія къ другому, чѣмъ какъ въ дѣйствительности смѣнялись эти событія. Точно также тотъ періодъ времени, который былъ наполненъ нѣсколькими

отдѣльными, хорошо различаемыми нами, событіями, покажется въ воспроизведеніи большимъ, чѣмъ равный ему періодъ, въ который наше вниманіе было поглощено какимъ либо однимъ событіемъ, пусть даже очень важнымъ. Для путешественника, изучающаго незнакомую страну и получающаго массу новыхъ впечатлѣній, недѣля кажется періодомъ времени очень долгимъ, а для человѣка, проскучавшаго недѣлю, ничѣмъ не занимавшагося, недѣля въ воспоминаніи кажется очень короткой; у перваго мысли, при напоминаніи недѣли, есть возможность остановиться на многомъ, у втораго же ей остановиться не на чемъ. При обсужденіи подобныхъ случаевъ не надобно смѣшивать двухъ хотя и различныхъ вещей, но тѣмъ не менѣе легко смѣшиваемыхъ: самаго переживанія времени и припоминанія времени пережитаго. Время переживается наиболѣе медленно тогда, когда оно не занято событіями или работой, или занято такой работой, которая совершенно механична, однообразна и не привлекаетъ къ себѣ сознанія; время переживается очень быстро, когда оно занято множествомъ разнообразныхъ интересныхъ событій, сосредоточивающихъ на себѣ наше вниманіе. Человѣкъ бездѣльничающій и ничѣмъ не интересующійся живетъ крайне медленно, мучительно медленно, настоящее едва тянется предъ его сознаніемъ, оно безконечно длинно; за то прошлое его крайне кратко, такъ какъ совершенно пусто, все его содержаніе характеризуется и выражается однимъ словомъ—скука. У человѣка занятаго и работающаго время бѣжитъ, летитъ незамѣтно, настоящее переживается быстро, но за то воспроизведеніе его—прошлое очень богато, развертывается безконечнымъ рядомъ ассоціацій.

§ 115. Кромѣ указанныхъ ошибокъ наша память подлежитъ еще новой неизбѣжной ошибкѣ. Мы невольно перемѣшиваемъ до нѣкоторой степени прошлое съ настоящимъ, измѣняемъ и передѣлываемъ факты прошедшіе по настоящимъ, смотримъ на прошедшее съ точки зрѣнія сейчасъ существующихъ убѣжденій и отношеній. Очень наглядно такая ошибка памяти выражается въ пониманіи и воспроизведеніи прошлыхъ историческихъ фактовъ примѣнительно къ современнымъ. Каждому историку предстоитъ нелегкая задача воспроизвести

старину правильно, не примѣшивая къ ней современности. А между тѣмъ извѣстно, что одна изъ наиболѣе распространенныхъ погрѣшностей историковъ—это перенесеніе на болѣе или менѣе отдаленное прошлое современныхъ взглядовъ, обычаевъ, условій общественной и частной жизни и т. д. Ту опасность, которая грозитъ историку при изученіи жизни народовъ, каждому человѣку приходится испытывать при воспроизведеніи своей прошлой жизни. Настоящая личная жизнь отражается на нашихъ воспоминаніяхъ и подкрашиваетъ ихъ въ свой цвѣтъ.

Убѣжденія, которыя пріобрѣтаются нами вновь, волненія и страсти, которыя мы переживаемъ, всѣ психическіе перевороты и кризисы не остаются безъ вліянія на запасъ представленій, хранимый нашей памятью, но незамѣтно для насъ, для нашего сознанія, помимо нашей воли, видоизмѣняютъ прежніе образы въ духѣ новыхъ убѣжденій и чувствъ. Гдѣ-то тамъ, за границами нашего сознанія, идетъ тихая, незамѣтная, но тѣмъ не менѣе дѣятельная работа, передѣлывающая наши воспоминанія въ новую форму, отливающая ихъ въ новый видъ, дающая пережитому новый оттѣнокъ, новый характеръ. То, что прежде казалось намъ чрезвычайно грустнымъ и тяжелымъ, со временемъ облегчается и въ немъ отыскиваются свѣтлыя, какъ будто незамѣченныя прежде, черты, отвѣчающія нашему настоящему веселому настроенію; факты, служившіе прежде непоколебимой опорой какого либо взгляда, съ перемѣной убѣжденія, съ появленіемъ какой либо новой вѣры, представляются крайне шаткими и мало достовѣрными, въ нихъ оказывается много сомнительнаго; человѣкъ, къ которому мы были прежде рѣшительно равнодушны, дѣйствія котораго не имѣли для насъ никакой привлекательности, совсѣмъ измѣняется въ нашихъ глазахъ, какъ скоро мы его полюбили, все его прошлое представляется намъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, онъ оказывается и умнымъ, и любезнымъ, и всѣмъ, чѣмъ хотите. Особенно поучительны въ разсматриваемомъ отношеніи случаи обращенія какого либо искренняго, глубоко вѣрующаго, человѣка въ новую вѣру: вся прошлая жизнь рисуется ему тогда совсѣмъ другой, онъ начинаетъ воспроизводить ее совсѣмъ иначе, онъ иногда самъ говоритъ про себя: «только теперь я прозрѣлъ». Психологически эта фраза зна-

читъ, что данная личность съ настоящаго момента будетъ воспроизводить всю свою прошлую жизнь неправильно, примѣшивая къ давнимъ воспоминаніямъ элементы своего настоящаго настроенія, перекрашивая ихъ въ цвѣтъ настоящаго чувства. Эта порча воспоминаній измѣненными убѣжденіями и новыми чувствами вполнѣ аналогична той порчѣ разсказа, который передается десяткомъ различныхъ слушателей: каждый слушатель оттѣняетъ въ разсказѣ то, что кажется ему наиболѣе важнымъ, что съ его точки зрѣнія нужно оттѣнить. Разсказъ получаетъ цѣлый десятокъ частныхъ формъ или редакцій. То, что въ этомъ случаѣ совершается одновременно съ разсказомъ въ головахъ десяти слушателей, тоже совершается послѣдовательно въ головѣ одного человѣка, мѣняющаго убѣжденія и переживающаго новыя и новыя треволненія чувствъ и страстей. Поэтому автобіографическіе разсказы великихъ людей и даже цѣлыя автобіографіи, написанныя ими подъ старость, требуютъ непремѣнно тщательной критической провѣрки, потому что въ нихъ обыкновенно оказывается много неумышленно ложнаго. Такова автобіографія Гете, таковы автобіографическія показанія Виктора Гюго.

Для разъясненія сейчасъ высказанной мысли можно привесть одинъ фактъ, который приводитъ Карпентеръ: одной писательницѣ (Miss Cobbe) случилось слышать отъ своего, скрупулезно совѣстливаго, друга случай о движеніи стола. Къ сообщенію случая разскащица прибавила увѣреніе, что столъ стучалъ, когда никого не было около него на разстояніи ярда. Писательница была смущена этимъ послѣднимъ фактомъ и передававшая случай лэди, хотя вполнѣ довольная аккуратностью своего утвержденія, обѣщала взглянуть въ записку, которую она составила десять лѣтъ тому назадъ о происшествіи. Записка была изслѣдована и было найдено, что она содержала раздѣльное утвержденіе, что столъ стучалъ, когда руки шести человѣкъ оставались на немъ. Память лэди во всѣхъ прочихъ пунктахъ была строго правильна, но въ данной частности она ошибалась вслѣдствіе своей доброй вѣры. [1])

§ 116. Есть еще одна ошибка, которой наша память под-

---

[1]) Principles of mental Physiology, p. 457.

лежитъ необходимо и которая случается очень часто, именно смѣшеніе образовъ памяти съ образами воображенія. Продукты творчества, особенно художественнаго, бываютъ иногда очень ярки, такъ что съ этой стороны они почти не отличаются отъ представленій о дѣйствительныхъ лицахъ и событіяхъ; съ другой стороны въ нихъ можетъ не быть никакого противорѣчія дѣйствительности, никакого несогласія съ несомнѣнно реальными фактами; наконецъ ихъ элементы, все равно что и элементы памяти, въ сущности почерпнуты изъ одного и того же источника—дѣйствительныхъ впечатлѣній. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ сходствъ образы воображенія перемѣшиваются съ образами памяти. Мы читаемъ массу романовъ и повѣстей, видимъ много трагедій и комедій на сценѣ. Въ нихъ нерѣдко вполнѣ правдиво, вполнѣ жизненно изображается та или другая сторона быта, тотъ или другой кружекъ, извѣстное сословіе и т. д. Намъ, вѣроятно, не одинъ разъ приходилось видѣть и купца и крестьянина, говорить съ ними, наблюдать ихъ жизнь, складъ воззрѣній, рѣчь; но мы едва-ли теперь въ состояніи распутать, что въ нашихъ представленіяхъ купца и крестьянина почерпнуто изъ дѣйствительныхъ наблюденій и что изъ чтенія романовъ, разсказовъ, театральныхъ пьесъ и т. д. Знанія, почерпнутыя изъ этихъ двухъ источниковъ, какъ равно яркія и согласныя между собою, слились въ одно цѣлое, такъ что мы съ полной вѣрой можемъ выдавать вычитанное за дѣйствительное наблюденіе, а самостоятельное наблюденіе за свѣдѣніе, почерпнутое изъ книги. Тэнъ, со словъ Мори, передаетъ такой фактъ: одинъ старикъ много путешествовалъ, но еще больше читалъ путешествій. Воспоминанія его странствій и его чтенія наконецъ совершенно смѣшались и все вмѣстѣ представлялось его уму, когда онъ лежалъ на своемъ длинномъ креслѣ. Онъ преважно разсказывалъ вамъ все, что читалъ. Онъ говорилъ вамъ напримѣръ, что онъ былъ въ Индіи съ Тавернье, на Сандвичевыхъ островахъ съ Кукомъ и что оттуда онъ возвратился въ Филадельфію, гдѣ служилъ подъ начальствомъ Лафайета. Послѣдній фактъ былъ справедливъ. [1])

---

[1]) Объ умѣ и познаніи, 1, 68.

Понятно, что люди съ особенно живымъ воображеніемъ наиболѣе склонны подвергаться такой ошибкѣ. О нѣкоторыхъ романистахъ извѣстно, что они жили среди созданныхъ ими личностей какъ среди живыхъ, что образы этихъ выдуманныхъ личностей и дѣйствительныхъ нѣкоторое время были одинаково ясны для ихъ сознанія. Подобный фактъ нерѣдко наблюдается надъ дѣтьми: они создаютъ себѣ фантастическія существа, къ которымъ и относятся какъ къ дѣйствительнымъ; если недавно они прочитали интересный разсказъ про охоту, то могутъ съ искренней вѣрой поразсказать, какъ они сами охотились въ лѣсу, убили волка и т. п. Сюлли разсказываетъ о себѣ, что онъ часто ловилъ себя на иллюзіи, продолжавшейся правда очень короткое время, что онъ былъ на выставкѣ 1851 г. Причина иллюзіи заключалась въ томъ, что онъ хорошо могъ припоминать описаніе выставки, сдѣланное ему его друзьями, и въ возбужденіи, испытанномъ во время путешествія ихъ въ Лондонъ по этому случаю. [1])

У многихъ людей смѣшеніе припоминанія и творчества выражается еще сліяніемъ въ одно цѣлое факта и его объясненія, наблюденія въ какой либо личности извѣстныхъ свойствъ и своего мнѣнія о ней. Встрѣчаясь съ какимъ либо фактомъ, мы невольно создаемъ объясненіе его, встрѣчаясь съ новою личностью, создаемъ мнѣніе о ней. На первыхъ порахъ мы еще можемъ съ нѣкоторою долею отчетливости различить эти два совершенно особые элемента мысли: фактъ и выводъ изъ факта. Но по мѣрѣ увеличенія промежутка времени между наблюденіемъ факта или личности и составленія мнѣнія или объясненія и воспроизведеніемъ этихъ психическихъ процессовъ, указанные два элемента мысли все больше и больше сливаются между собою, такъ что наконецъ образуютъ одно нераздѣльное цѣлое. То, что мы первоначально только предполагали существующимъ въ личности или фактѣ, то позднѣе въ воспроизведеніи мы начинаемъ считать дѣйствительно замѣченнымъ нами въ фактѣ или личности. Такому смѣшенію факта и творчества особенно благопріятствуютъ различныя сердечныя

---

[1]) Sully, Illusions, p. 279 (London, 1881 г.).

волненія: чувствованія авторитета, страха, сильный интересъ и т. п. Объясненіе, данное знаменитымъ ученымъ факту, догадка, имъ высказанная, его учениками и послѣдователями нерѣдко считаются частью самого факта, непререкаемою дѣйствительностію; подъ вліяніемъ страха или ненависти или любви мы нерѣдко упорно видимъ въ предметѣ такія свойства, которыхъ въ немъ совсѣмъ нѣтъ и которыя мы только вообразили.

Наконецъ есть еще одна уже не неизбѣжная ошибка памяти, именно смѣшеніе сновидѣній съ дѣйствительностію. Эта ошибка возможна потому, что сновидѣнія бываютъ часто очень живы и даже ярки и притомъ иногда не заключаютъ въ себѣ ничего нелѣпаго. Такія сновидѣнія могутъ смѣшаться съ припоминаніями дѣйствительности. Смѣшеніе сновидѣній съ дѣйствительностію особенно часто происходитъ у дѣтей, которыя выдаютъ въ такихъ случаяхъ воображаемыя ими лица и событія за дѣйствительныя и по этому поводу упорно спорятъ съ своими родителями и воспитателями. Дѣтей нерѣдко наказываютъ за ложь, когда они съ вѣрой и убѣжденіемъ выдаютъ свои грезы за дѣйствительность. Подобное же явленіе замѣчается за старыми людьми, вслѣдствіе пониженія у нихъ яркости ощущеній и образовъ памяти, такъ что сновидѣнія и дѣйствительность у нихъ, по степени живости, приближаются къ одному уровню. У взрослыхъ людей среднихъ лѣтъ смѣшеніе сновидѣній съ дѣйствительностію бываетъ рѣже, но все же бываетъ. Философъ и врачъ Эргардъ сообщаетъ о себѣ, что въ дѣтствѣ онъ нерѣдко спорилъ съ своими родителями, выдавая приснившіеся ему предметы, лица и событія за дѣйствительные. Подобные случаи бывали съ нимъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Такъ ему одинъ разъ приснилось, что одному механику въ Нюрнбергѣ онъ заказалъ телескопъ и микроскопъ, но, когда они ему были доставлены, онъ не могъ уплатить денегъ, чѣмъ и поставилъ механика въ весьма затруднительное положеніе. По пробужденіи Эргарду показалось, что это былъ не сонъ, а дѣйствительность и онъ долженъ былъ отчетливо припоминать все, случившееся съ нимъ въ Нюрнбергѣ, чтобы убѣдиться въ недѣйствительности воображаемаго событія. Мало того: спустя около полугода ему часто снова приходила мысль, что событіе было на самомъ

дѣлѣ и онъ долженъ былъ вновь убѣждать себя въ его недѣйствительности. [1])

§ 117. Впечатлѣнія, въ извѣстномъ смыслѣ новыя, постоянно вновь притекаютъ къ намъ въ большемъ числѣ. Удерживать всю массу пережитыхъ впечатлѣній мы рѣшительно не въ состояніи, никакая, самая обширная, память ихъ вмѣстить не можетъ, поэтому забывать для насъ такъ же необходимо и естественно, какъ необходимо и естественно помнить. Если мы хотимъ сохранить въ себѣ способность дальнѣйшаго развитія, то мы должны значительно сокращать количество припоминаемаго, новому мы можемъ дать мѣсто, только выбросивъ часть стараго. Причины забвенія представляютъ обратную сторону условій хорошаго припоминанія съ прибавкой только нѣкоторыхъ новыхъ обстоятельствъ. Поэтому можно сказать, что слабость впѣчатлѣнія, физическая и психическая, неподкрѣпляемая ни повтореніемъ, ни другими условіями, есть главная причина забвенія отдѣльныхъ фактовъ, а отсутствіе или слабость вѣхъ въ сознаніи, слабость связи даннаго факта съ другими, дѣлаетъ невозможнымъ правильное воспроизведеніе обстановки идеи или факта. Но есть еще нѣкоторыя обстоятельства, помогающія забвенію. На забвеніе отдѣльныхъ образовъ большое вліяніе имѣетъ тотъ процессъ, который можно назвать затираніемъ прежняго образа новыми подобными. Если мы напр. знаемъ всего нѣсколько различныхъ словъ на иностранномъ языкѣ, то эти слова, хотя и не въ состояніи оказать поддержку другъ другу при воспоминаніи, какъ различныя, однако и не мѣшаютъ другъ другу, не покрываютъ, не затираютъ другъ друга и опять потому, что они различны. Но предположимъ, что мы знаемъ нѣсколько тысячъ словъ на иностранномъ языкѣ. Между этими словами будетъ много такихъ, которыя вполнѣ не могутъ слиться между собою, потому что они имѣютъ нѣкоторыя различія, и не могутъ стоять совершенно отдѣльно другъ отъ друга, до нѣкоторой степени покрываютъ другъ друга, потому что они отчасти сходны. Такія слова будутъ мѣшать другъ другу при воспроизведеніи, будутъ путаться. Начиная припоминать такое слово, мы увле-

---

[1]) Beneke, Pragmatische Psychologie. Erster Band, s. 242.

каемся сходствомъ и сливаемъ его съ какимъ либо другимъ, словомъ—выходитъ ошибка; обращая вниманіе на отличія этого слова, мы боимся допустить въ немъ что либо сходное съ другими и потому опять воспроизводимъ слово ошибочно. Но не только слова—цѣлая масса предметовъ, лицъ, явленій, дѣйствій имѣетъ ту же особенность, всѣ они въ одно и то же время и сходны и различны между собою, различны на столько, что не допускаютъ сліянія, сходны на столько, что отчасти покрываютъ другъ друга. Такіе факты производятъ путаницу, затираютъ, заслоняютъ другъ друга и потому плохо воспроизводятся, забываются.

На забвеніе обстановки факта, на неправильную его психическую локолизацію большое вліяніе имѣютъ постоянная перестройка и передѣлка представленій, вѣчно новые планы, фантазерство, частая перемѣна убѣжденій и взглядовъ и особенно образованіе контръ-ассоціацій. Всѣ перечисленныя обстоятельства неблагопріятны для хорошаго припоминанія въ томъ отношеніи, что они предполагаютъ постоянно новое и новое образованіе ассоціацій на мѣсто старыхъ. Въ подобныхъ случаяхъ новыя ассоціаціи строятся не изъ новаго матеріала, не изъ новыхъ наблюденій и узнанныхъ фактовъ, а изъ прежнихъ ассоціацій, которыя для этого разрываются и изъ нихъ образуются новыя комбинаціи. А такъ какъ такое выстроиванье новыхъ комбинацій представленій происходитъ непрерывно, то естественно, никакихъ прочныхъ связей между представленіями у такого человѣка нѣтъ. Онъ только то и дѣлаетъ, что разрываетъ прежнія связи и образуетъ новыя для того, чтобы завтра замѣнить ихъ еще болѣе новыми. Новыя ассоціаціи должны идти параллельно съ новыми наблюденіями, съ пріобрѣтеніемъ новыхъ знаній; если нѣтъ новаго матеріала, то, конечно, слѣдуетъ пересматривать и старый, въ видахъ исправленія ложныхъ ассоціацій. Но какъ скоро ложныя ассоціаціи устранены и всѣ вообще ассоціаціи приведены въ надлежащую связь и порядокъ, то снова переставлять и передѣлывать ихъ, безъ серьезныхъ на то причинъ, вредно, ведетъ къ забвенію первоначальной обстановки факта, той естественной среды, въ которой фактъ возникъ, хотя самый фактъ и можетъ помниться. Особенно же забвенію ассоціацій способствуетъ постоянное обра-

зованіе не только новыхъ, но противоположныхъ прежнимъ ассоціацій, контръ-ассоціацій. Простая ассоціація и контръ-ассоціація суть антогонисты, взаимно ослабляютъ и разрушаютъ другъ друга, вмѣстѣ ужиться не могутъ. Существованіе одной предполагаетъ гибель другой.

Причины забвенія, равно какъ и отчетливаго припоминанія, часто бываютъ чисто физіологическаго характера. Такъ какъ память есть фактъ біологическій, то естественно, что состояніе организма—здоровое, сильное, свѣжее или истощенное, болѣзненное, слабое—значительно вліяетъ на память. Рибо думаетъ поставить въ связь сохраненіе пережитаго по преимуществу съ питаніемъ, а собственно воспроизведеніе съ кровообращеніемъ, общимъ или мѣстнымъ. [1]) Не говоря уже про то, что относительно связи воспроизведенія съ кровообращеніемъ данныя, по признанію самаго Рибо, [2]) «очень не полны» и весь вопросъ вообще очень теменъ, нужно указать и на то, что едва ли есть настоятельная необходимость въ такомъ спеціальномъ пріурочиваньи психическихъ фактовъ къ различнымъ органическимъ процессамъ. Съ одной стороны и психическіе факты—память и воспроизведеніе—неразрывно связаны между собою, такъ что о памяти мы знаемъ собственно по воспроизведенію; съ другой стороны и соотвѣтствующіе имъ физіологическіе факты—питаніе и кровообращеніе—также неразрывно связаны и встрѣчаются обыкновенно сосуществующими. Если дѣти запоминаютъ быстро и удерживаютъ довольно много, а старики не только не удерживаютъ новаго, но постепенно растериваютъ старое, то параллельно этому у дѣтей мы находимъ сильное питаніе и кровообращеніе, а у стариковъ ослабленное питаніе и кровообращеніе. Эти факты—и физіологическіе и психическіе—и логически и физически связаны между собою, составляютъ одно цѣлое и въ спеціальномъ пріурочиваніи ихъ другъ къ другу нѣтъ нужды.

Бэнъ полагаетъ, [3]) что «психическая способность запоми-

---

[1]) Ribot, Les Maladies de la memoire. Paris, 1881, p. 155.

[2]) Ibidem, p. 159.

[3]) Воспитаніе какъ предметъ науки. Пер. съ англійскаго, Петербургъ, 1879 г. стр. 19.

нанія есть высшая энергія мозга, вѣнецъ нервной дѣятельности. Чтобы сдѣлать впечатлѣніе постояннымъ и возобновляемымъ, требуется болѣе мозговой силы, чѣмъ всякимъ другимъ условіемъ духа». Такое мнѣніе нельзя признать правильнымъ. Построительныя, творческія дѣятельности требуютъ не меньшей, а большей затраты мозговой энергіи, чѣмъ простое припоминаніе. Въ каждый актъ творчества составнымъ элементомъ всегда входитъ припоминаніе, безъ удерживанія и воспроизведенія извѣстныхъ фактовъ творчество немыслимо. Но для творчества недостаточно одного удерживанія фактовъ, нужна еще новая комбинація ихъ, а эта новая дѣятельность требуетъ и новаго расхода силы, такъ какъ даромъ намъ ничто не дается. Но и простое припоминаніе требуетъ значительныхъ затратъ мозговой энергіи, что каждый можетъ замѣтить на самомъ себѣ. Лучше всего запоминается тогда, когда нашъ организмъ свѣжъ и силенъ, когда происходитъ быстрый обмѣнъ веществъ, быстрое возобновленіе потраченнаго, когда кровь съ силой стремится по сосудамъ. Истощенное же состояніе организма влечетъ за собой тупое усвоеніе и не отчетливое припоминаніе. Каждый знаетъ, что вечеромъ, когда уже организмъ утомленъ дневной работой, и заучивается и припоминается гораздо труднѣе, чѣмъ утромъ. Во время путешествія первый величественный, горный, морской или иной видъ запоминается тверже и вспоминается отчетливѣе, чѣмъ послѣдующіе, не менѣе величественные, а можетъ быть даже и болѣе. Это хорошо знаетъ каждый туристъ, какъ каждый школьникъ хорошо знаетъ тотъ фактъ, что если съ вечера онъ можетъ кое какъ наизусть прочитать урокъ, то утромъ онъ будетъ знать его отлично: блѣдная и слабая вечерняя ассоціація, при утомленной нервной системѣ, сдѣлается свѣжѣе и крѣпче при запасшейся силой, обновленной нервной системѣ. Сэръ Генри Голэндъ разсказываетъ о себѣ, что ему въ одинъ день случилось спуститься въ двѣ глубокія мины Гарца и оставаться въ каждой по нѣскольку часовъ. Во второй минѣ онъ такъ ослабѣлъ отъ усталости и недостатка пищи, что былъ рѣшительно не въ состояніи разговаривать съ нѣмецкимъ инспекторомъ, сопровождавшимъ его. Всѣ слова, всѣ фразы нѣмецкія исчезли изъ его памяти и онъ снова припомнилъ ихъ

только послѣ того, какъ, вышедши на свѣжій воздухъ, подкрѣпилъ себя пищей и виномъ и нѣсколько отдохнулъ. [1]) Однородные факты съ изложенными сейчасъ представляютъ тѣ больные, которыя теряютъ или вообще память (общая амнезія) или только отчасти (частная амнезія) подъ вліяніемъ нервныхъ потрясеній, ударовъ, ушибовъ, тяжелыхъ болей и т. п., забываютъ или всецѣло прошлое или часть его, извѣстный языкъ, періодъ жизни, разрядъ словъ и т. д. Такъ какъ подобные факты общеизвѣстны, то нѣтъ нужды приводить ихъ здѣсь. [2])

Но болѣзни и вообще всѣ чрезвычайныя возбужденія могутъ и оживлять память и доводить ее даже до экзальтаціи (гипермнезія). Тогда припомнятся факты, давнымъ давно забытые, въ сознаніи снова пройдутъ казавшіяся совсѣмъ утерянными отдаленныя приключенія дѣтства, вспомянутся различныя мелочныя обстоятельства и т. д. Такія необычайныя возбужденія памяти бываютъ общія и частныя; [3]) горячечный бредъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ тому примѣровъ. Особенныя возбужденія и вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣтлѣнія памяти могутъ встрѣчаться и въ нормальномъ состояніи, именно когда обстановка утеряннаго факта намъ живо припоминается самими дѣйствительными предметами, когда мы вступаемъ въ ихъ среду и они напоминаютъ забытый фактъ, совершившійся среди ихъ. Такъ бываетъ съ нами на нашей родинѣ, гдѣ мы провели свое дѣтство, куда мы возвращаемся послѣ долгаго отсутствія. Тогда припоминаются намъ такіе факты изъ дѣтской жизни, которыхъ ранѣе мы припомнить никакъ не могли. Карпентеръ сообщаетъ такой случай: [4]) сильно больная лэди изъ Лондона была перевезена въ деревню. Ея дочь—ребенокъ посѣтила ее здѣсь и послѣ короткаго свиданія была увезена обратно въ городъ. Лэди чрезъ нѣсколько дней умерла и дочь выросла, не помня матери. Въ зрѣломъ возрастѣ ей пришлось однажды войти въ ту комнату, въ которой умерла ея мать, хотя она

---

[1]) Тэнъ, Объ умѣ и познаніи, т. 1, стр. 94.

[2]) См. собраніе ихъ у Тэна (Объ умѣ и познаніи) и у Ribot, Maladies de la memoire.

[3]) См. у Ribot, гл. IV Les Exaltations de la memoire ou hypermnesies.

[4]) Principles of mental Physiology, p. 430.

сама и не знала, что когда нибудь была здѣсь. Вошедъ въ комнату, она вздрогнула и, на вопросъ сопровождавшаго ее друга, отвѣтила, что она отчетливо припоминаетъ, какъ была въ этой комнатѣ раньше, и какъ лэди, которая лежала въ томъ углу и казалась больной, склонилась надъ ней и плакала. Карпентеръ сообщаетъ и другой фактъ въ томъ же родѣ, именно что подробности мѣста, видѣнныя ребенкомъ 18 мѣсяцевъ, припомнились очень живо, когда этотъ ребенокъ сдѣлался взрослымъ и снова попалъ въ ту же мѣстность. [1])

§ 118. Забвеніе пережитаго происходитъ не какъ пришлось, не случайно, а слѣдуетъ опредѣленному правилу. Память сознательная, психологическая возникаетъ на почвѣ памяти біологической, безсознательной; память органическая накоплялась рядами поколѣній, столѣтіями, это память твердая, независимая отъ воли индивидуума; память же сознательная есть память сравнительно слабая и непрочная, возникшая за короткій срокъ жизни отдѣльнаго лица и потому не успѣвшая сдѣлаться безраздѣльной съ организмомъ. Отсюда уже понятно, что когда память начнетъ разрушаться, когда наступитъ амнезія общая или частная, то она коснется прежде всего продуктовъ сознательной памяти, которые могутъ всѣ позабыться, между тѣмъ какъ органическая память останется неповрежденною. Подтвержденіе этому мы можемъ видѣть на каждомъ шагу: старикъ, впадающій постепенно въ общую амнезію, можетъ наконецъ потерять всѣ высшія пріобрѣтенія памяти—знанія наукъ, языковъ, искусствъ, родной рѣчи,—но низшія у него обыкновенно остаются, каковы умѣнье—ходить, ѣсть, пить, одѣваться, механическія упражненія въ ремеслѣ, ежедневныя привычки и т. д. Тоже подтверждаютъ и психически больные: они забываютъ не привычки и дѣйствія, касающіяся потребностей органической жизни, а болѣе сложный и высокій родъ знаній, теряютъ память не родовую, полученную съ организмомъ по наслѣдству, а память благопріобрѣтенную, личную. Словомъ прежде всего забывается, какъ это и должно быть по естественному порядку, сложное, какъ менѣе твердое, а потомъ уже простое, какъ болѣе твердое, сначала произвольное и

---

[1]) Ibidem, 430—431.

сознательное, а потомъ уже автоматическое и безсознательное; потеря памяти, забвеніе, говоря словами Рибо, слѣдуетъ «линіи наименьшаго сопротивленія».

При общемъ и прогрессивномъ забвеніи замѣчается еще такое любопытное явленіе: сначала забывается новое, недавно пережитое, а потомъ давно минувшее—обычный фактъ въ забвеніи стариковъ,—сначала забываются идеи, а потомъ уже чувствованія, сначала чувствованія, а потомъ дѣйствія. Первый фактъ—забвеніе новыхъ событій, а потомъ уже старыхъ—на первый разъ представляется страннымъ, казалось бы, что недавнее должно лучше помниться, чѣмъ давнее. Но въ случаяхъ общей и прогрессивной потери памяти мы должны принять въ разсчетъ начавшееся уже перерожденіе и омертвеніе клѣтокъ, ихъ атрофированье. При такомъ состояніи нервныхъ элементовъ новыя впечатлѣнія не могутъ уже образовать прочныхъ ассоціацій и быстро забываются, тогда какъ прежнія, возникшія при болѣе благопріятныхъ условіяхъ нервной системы, еще держатся, и чѣмъ древнѣе ассоціаціи, тѣмъ онѣ прочнѣе и тѣмъ тверже держатся. Если новыя впечатлѣнія повторяютъ старыя, то больные часто относятъ ихъ въ это давно прошедшее время, современную же обстановку впечатлѣнія быстро забываютъ. Чувствованія угасаютъ послѣ идей, потому что чувствованія вполнѣ субъективныя явленія, выражаютъ наше интимное я, безраздѣльно связаны съ нами самими, тогда какъ идеи суть нѣчто объективное и болѣе общечеловѣческое. Движенія забываются послѣ всего, потому что они наразрывно связаны съ существенными, необходимыми потребностями нашей жизни.

Изложенный порядокъ забвенія пережитаго подтверждается тѣми случаями, когда память постепенно возвращается къ больному. Возвращеніе памяти начинается съ фактовъ давно пережитыхъ и кончается событіями текущаго дня, т. е. совершается въ порядкѣ, прямо обратномъ забвенію, что и естественно: факты, крѣпче засѣвшіе въ нашей памяти и потому забытые позднѣе, должны припомниться ранѣе, быстрѣе новыхъ и потому болѣе слабыхъ. Тэнъ передаетъ, что въ Россіи одинъ знаменитый астрономъ постепенно забывалъ сначала событія вчерашняго дня, потомъ событія прошлаго года, потомъ событія

послѣднихъ годовъ и т. д., пробѣлъ все увеличивался, пока наконецъ не дошелъ до воспоминаній дѣтства. Больнаго считали уже погибшимъ. Но, вслѣдствіе внезапнаго перерыва и непредвидѣннаго поворота, пробѣлъ сталъ наполняться въ обратномъ порядкѣ, сначала появились воспоминанія молодости, затѣмъ зрѣлаго возраста, затѣмъ недавно прошедшія воспоминанія и наконецъ воспоминанія прошлаго дня. Онъ умеръ, но передъ смертью память возвратилась къ нему вполнѣ. [1]) Случай въ такомъ же родѣ передаетъ Рибо. [2])

При частныхъ потеряхъ памяти, и именно при забвеніи частей рѣчи, мы встрѣчаемъ тотъ же законъ, что и при общей амнезіи, забвеніе идетъ отъ именъ собственныхъ къ именамъ общимъ, отъ нихъ къ прилагательнымъ и глаголамъ, потомъ къ языку чувствъ и наконецъ къ жестамъ, т. е. отъ болѣе сложнаго къ болѣе простому, отъ менѣе автоматическаго къ болѣе автоматическому. Чѣмъ большее количество вещей обозначаетъ терминъ, тѣмъ чаще онъ повторяется, тѣмъ тверже удерживается памятью и обратно. Естественно поэтому, что собственныя имена, какъ чисто индивиндуальныя, забываются прежде всего, за ними слѣдуютъ названія вещей, какъ наиболѣе конкретныя, далѣе прилагательныя и глаголы, выражающіе качества и дѣйствія. Познаніе качества и дѣйствія составляетъ основу нашихъ наиболѣе сложныхъ знаній, и потому держится тверже въ памяти, какъ самое понятіе, такъ и слово, его обозначащее. Языкъ чувства забывается послѣ языка разума и больные, не владѣющіе членораздѣльной рѣчью, пользуются междометіями, чтобы выражать свои волненія. Самыя чувствованія, какъ было замѣчено выше, забываются позже идей. Наконецъ языкъ жестовъ сохраняется долѣе всего и рѣдко бываютъ такіе случаи, когда онъ теряется. [3])

§ 119. Очертивъ въ общемъ ходъ забвенія, мы укажемъ теперь частности. Такъ какъ припоминаніе есть воспроизведеніе образа и его психическая локолизація, то и забвеніе можетъ

---

[1]) Объ умѣ и познаніи, 1, 95.

[2]) Maladies de la memoire, p. 96—98.

[3]) Подробности объ этомъ предметѣ см. у Ribot, Maladies de la memoire, chap. III, Les Amnesies partielles.

коснуться обстановки образа, предъидущихъ, сосуществующихъ и послѣдующихъ фактовъ, и самаго образа, его содержанія и энергіи, его отожествляемости. Забвеніе той связи идей и фактовъ, въ которой образъ долженъ бы находиться, совершается очень часто и образъ остается не пріуроченнымъ ни къ какой вѣхѣ. Такіе не локолизированные образы суть образы—бродяги, не имѣющіе опредѣленнаго мѣста и времени, переходящіе отъ одной вѣхи къ другой, сегодня примыкающіе къ этой ассоціаціи, а завтра къ другой; это образы, потерявшіе свой паспортъ, т. е. помѣтку, откуда они взялись, гдѣ прежде были, съ кѣмъ въ связи стояли. Положеніе такихъ образовъ—бродягъ опасное, потому что имъ угрожаетъ забвеніе, они, какъ безпріютные скитальцы, совсѣмъ бездомные, легко забудутся нами, если не соединены съ какимъ либо сильнымъ интересомъ.

Вырвавшись изъ своей ассоціаціи, образы—одиночки начинаютъ позабываться и сами. Если въ ихъ содержаніи находится нѣсколько чертъ, то начинаютъ выпадать отдѣльныя черты, образъ суживается, становится все скуднѣе и скуднѣе, пока не превратится въ какую-то пустую раму, такъ какъ вслѣдъ за мелкими чертами забвеніе постигаетъ и главныя черты. Если же образъ не сложный, состоитъ изъ одной, двухъ чертъ—представленія цвѣта, звука, вкуса и т. д.,—то убываютъ его живость и энергія, онъ блекнетъ, пока не ослабѣетъ до неприпоминаемости.

Забвеніе образа не ограничивается его неприпоминаемостію, забвеніе можетъ сдѣлать еще одинъ шагъ далѣе, именно потерять способность отожествляемости. Когда кто либо намъ напомнитъ образъ, бывшій нѣкогда намъ знакомымъ, мы его иногда не признаемъ, считаемъ образомъ совершенно новымъ. Въ нормальномъ состояніи подобные факты случаются тогда, когда образъ, отъ самаго начала своего существованія, былъ блѣденъ, слабъ, не произвелъ на насъ впечатлѣнія, мы не отнеслись къ нему внимательно. Иногда подобныя явленія имѣютъ своей причиной старость или болѣзнь. Въ концѣ своей жизни Линней находилъ удовольствіе въ перечитываніи своихъ собственныхъ сочиненій и, погруженный въ чтеніе, онъ забывалъ, что былъ авторомъ этихъ сочиненій, и восклицалъ: «какъ прекрасно!

Если бы я написалъ это»!—Подобный фактъ разсказываютъ о Ньютонѣ, объ открытіи дифференціальнаго счисленія.—Вальтеръ Скоттъ въ старости былъ подверженъ забвенію такого же рода. Однажды ему пришлось присутствовать при чтеніи поэмы, ему понравившейся; онъ спросилъ имя автора; оказалось, что авторъ былъ онъ, читали пѣсню изъ его «Пирата». Подобный же фактъ извѣстенъ объ одномъ англійскомъ ученомъ (Wycherley), но фактъ съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ. Если вечеромъ ему что нибудь читали, то на слѣдующе утро онъ вставалъ, полный мыслей и выраженій, слышанныхъ наканунѣ. Онъ ихъ записывалъ и при этомъ сохранялъ самую искреннюю вѣру, что онъ ихъ выдумалъ самъ. [1]) Подобные факты составляютъ границу памяти.

Мы забываемъ очень много изъ того, что запоминаемъ. Но спрашивается: какъ забываемъ? Абсолютно, такъ что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не можемъ припомнить извѣстнаго представленія, или же только относительно, на извѣстное время, въ извѣстный моментъ, но при особыхъ благопріятныхъ условіяхъ можемъ припомнить забытое? Рѣшить этотъ вопросъ съ полною несомнѣнностью едва ли возможно, такъ какъ мы не можемъ произвесть вполнѣ удовлетворительныхъ опытовъ въ этомъ направленіи; но тѣ факты, которые у насъ есть по этому вопросу, показываютъ, что мы, при благопріятныхъ условіяхъ, можемъ припомнить такія вещи, которыя считали окончательно, навсегда, забытыми. Многіе медики цитировали исторію одной дѣвушки 25 лѣтъ, очень необразованной и не умѣвшей даже читать, которая во время болѣзни повторяла довольно длинные отрывки на латинскомъ, греческомъ и еврейско-раввинскомъ языкахъ, но которая, по выздоровленіи, могла говорить только на своемъ родномъ языкѣ. Во время ея бреда, подъ ея диктовку записали нѣкоторые изъ этихъ отрывковъ. По наведеніи справокъ оказалось, что девяти лѣтъ она была взята своимъ дядей, очень ученымъ пасторомъ, который имѣлъ обычай прогуливаться послѣ обѣда по коридору, примыкавшему къ кухнѣ, и повторять мѣста изъ любимыхъ писателей на еврейско-раввинскомъ и греческомъ языкахъ.

---

[1]) Ribot, Les Maladies de la memoire, p. 41, 42.

Справились съ его книгами и оказалось, что многіе отрывки слово въ слово были повторены больной. [1]) Неумѣвшая даже читать дѣвушка, разумѣется, не могла понимать еврейскаго и греческаго языка и поэтому не могла съ большимъ интересомъ прислушиваться къ рѣчи пастора, когда онъ повторялъ отрывки на этихъ языкахъ. Но не смотря на промежутокъ въ цѣлые пятнадцать лѣтъ, она во время болѣзни снова воспроизвела эти мимолетныя для нея звуковыя впечатлѣнія, да еще слово въ слово.—Объ одномъ крестьянинѣ разсказываютъ, что онъ въ горячечномъ бреду декламировалъ греческіе стихи. По выздоровленіи его оказалось, что онъ вмѣстѣ съ сыномъ пастора учился по гречески; но въ здоровомъ состояніи не помнилъ ни одной буквы этого языка, и т. д. Подобныхъ фактовъ можно было бы привести очень много, но они всѣ въ томъ же родѣ. Эти факты если не могутъ убѣдить насъ въ вѣчной возможности воспроизведенія каждаго, самого мимолетнаго, впечатлѣнія, показываютъ однако, что ни про одно впечатлѣніе, даже самое слабое, мы не можемъ сказать, что оно никогда, ни при какихъ условіяхъ, не можетъ быть воспроизведено.

§ 120. Культура памяти дѣло очень важное въ нашемъ общемъ умственномъ развитіи и въ частности при школьномъ обученіи. Въ школахъ постоянно учатъ, т. е. запоминаютъ и для многихъ умственная жизнь представляется по преимуществу подъ формой запоминанія и припоминанія. При культурѣ памяти нужно обратить вниманіе на физическія условія этого психическаго процесса, на предохраненіе отъ ошибокъ, въ которыя впадаетъ наша память, и, по возможности, отъ забвенія и наконецъ на возможно широкое положительное развитіе памяти.

Первое условіе хорошей памяти—правильный и энергичный обмѣнъ веществъ въ организмѣ. Удовлетворительное питаніе, надлежащее кровообращеніе, общая гигіеническая постановка всей жизни весьма важны для отчетливаго и твердаго запоминанія. Истощенному, обезсиленному организму работа хорошаго запоминанія слишкомъ трудна, такому организму не до усвоенія новыхъ фактовъ, ему надобно употреблять усилія,

---

[1]) Тэнъ, Объ умѣ и познаніи, т. I, 80.

чтобы не растерять уже накопленнаго запаса. О болѣзняхъ мы уже не говоримъ, онѣ явно губительно дѣйствуютъ на память.

Второе условіе прочнаго запоминанія — достаточное время для усвоенія, потому что прочное усвоеніе можетъ совершаться только въ извѣстномъ объемѣ въ извѣстное время. Память основывается на физіологическихъ процессахъ, запомнить извѣстный фактъ значитъ затратить на него извѣстное количество физической и психической силы. Если запоминаніе идетъ очень поспѣшно, торопливо, обгоняетъ движеніе физіологическихъ процессовъ, то оно неизбѣжно становится очень поверхностнымъ, непрочнымъ, не успѣвая зарегистроваться физіологически. Такія знанія, нахватанныя на скорую руку, собственно не усвоенныя, а взятыя только на прокатъ, забываются чрезвычайно легко, быстро улетучиваются, какъ не имѣющія подъ собой твердой органической почвы. Въ школахъ бываетъ нерѣдко, что учитель, медленно двигавшійся въ обученіи въ теченіи года и потому запоздавшій, начинаетъ наверстывать потерянное въ концѣ года и потому спѣшитъ, идетъ форсированнымъ маршемъ. Онъ прямо осуждаетъ свое обученіе на быстрое забвеніе. Было бы лучше, если бы онъ часть программы оставилъ не выполненной, чѣмъ торопливо прошелъ всю. Студентъ, начинающій изучать науку только предъ экзаменомъ и въ небольшое количество дней проглатывающій значительное количество умственной пищи, ее нисколько не перивариваетъ и сохраняетъ свои знанія почти только на время экзамена; послѣ лѣтнихъ каникулъ отъ нихъ остается одно неопредѣленное припоминаніе.

Можно ли предохранить знанія отъ ошибочныхъ воспроизведеній и отъ забвенія? Въ нѣкоторой степени можно.

Наши припоминанія неизбѣжно блекнутъ отъ времени. Съ этимъ недостаткомъ памяти можно бороться двумя средствами: подновленіемъ извѣстнаго образа новымъ впечатлѣніемъ и по возможности рельефнымъ первоначальнымъ отпечатлѣніемъ образа въ нашемъ сознаніи. Если мы замѣчаемъ, что извѣстное припоминаніе сдѣлалось блѣднымъ, туманнымъ, то мы можемъ подновить его соотвѣтствующимъ впечатлѣніемъ. Образъ получитъ тогда снова свѣжесть и яркость, почерпнетъ въ новомъ

впечатлѣніи новыя силы, какъ древній Антей, касавшійся земли. Чтобы не пришлось очень скоро прибѣгать къ подновленію образа и очень часто, нужно позаботиться о первомъ, по возможности рельефномъ, отпечатлѣніи образа въ сознаніи. Большая разница въ отчетливости впечатлѣнія произойдетъ отъ того, сами ли мы наблюдаемъ извѣстное явленіе или читаемъ описаніе его, составленное точнымъ, совѣстливымъ наблюдателемъ или же слушаемъ разсказъ о немъ обыкновеннаго человѣка, за точностію никогда не гоняющагося. А разницей въ отчетливости первоначальнаго впечатлѣнія обусловится различная сила потребности въ подновленіи образа новымъ соотвѣтствующимъ наблюденіемъ.

Парализовать неточность въ воспроизведеніи времени рѣшительно невозможно.

Передѣлка образовъ памяти новыми впечатлѣніями въ значительной степени можетъ быть задерживаема повѣркой, время отъ времени, всего умственнаго багажа, особенно послѣ какого либо умственнаго или нравственнаго кризиса. Рѣшительныя, поворотныя эпохи жизни непремѣнно должны вызывать пересмотръ запаса памяти, иначе мы рискуемъ, незамѣтно для самихъ себя, перекрасить въ новый цвѣтъ весь предшествующій опытъ. Въ жизни мы нерѣдко можемъ наблюдать, что даже значительное повышеніе въ чинѣ, въ должности, значительное увеличеніе матеріальныхъ средствъ влекутъ уже искаженіе образовъ памяти. И вообще въ виду неизбѣжности и безсознательности переработки образовъ, хранимыхъ памятью, новыми взглядами и впечатлѣніями, мы не можемъ особенно много довѣрять нашей памяти въ указанномъ отношеніи.

Смѣшеніе продуктовъ творчества съ образами памяти можетъ быть порализовано только въ нѣкоторой степени, именно смѣшеніе наблюденія и объясненія его, вывода, культурой способности наблюденія, о чемъ мы уже говорили (въ гл. IX). Другіе виды этой ошибки памяти неустранимы.

Смѣшеніе сновидѣній съ дѣйствительностью бываетъ сравнительно рѣдко и человѣкъ, болѣе или менѣе внимательно относящійся къ своей психической жизни, можетъ предостеречься отъ этой ошибки.

Имѣя въ виду указанныя ошибки памяти и трудность

ихъ устраненія, педагогъ долженъ еще замѣтить, что всѣмъ ошибкамъ памяти дѣти подлежатъ въ гораздо значительнѣйшей степени, чѣмъ взрослые. Невѣрность воспроизведенія, будучи актомъ невольнымъ, несознательнымъ, можетъ нерѣдко самого честнаго и осторожнаго взрослаго человѣка поставить въ весьма неловкое положеніе; тѣмъ легче не вѣрныя воспроизведенія возможны у дѣтей, у которыхъ психическія явленія еще не такъ опредѣленны, какъ у взрослаго, и самая рѣчь еще не тверда.

Когда запасъ свѣдѣній на столько увеличился, что новыя могутъ быть пріобрѣтаемы только на счетъ старыхъ, то процессъ забвенія долженъ совершаться въ порядкѣ, именно забвеніе никогда не должно постигать вѣхъ, основныхъ представленій, а должно касаться только частностей. Если мы допустимъ погибель вѣхъ, то мы уничтожимъ всю предшествующую работу памяти въ извѣстной сферѣ, безъ вѣхъ все дизассоціируется. Если же мы сохранимъ вѣхи, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ сохранимъ возможность новаго быстраго пріобрѣтенія забытыхъ познаній. Понятно, что чрезвычайно важно, кромѣ основныхъ вѣхъ, удерживать въ памяти, если возможно, нѣсколько второстепенныхъ пунктовъ, которые, въ видѣ станцій въ степи, поддерживали бы связь между вѣхами—городами. Оживленіе частностей тогда производилось бы легче и наше мышленіе при этомъ условіи было бы цѣлостнѣе, содержательнѣе, богаче результатами. Нечего говорить, что повтореніе одно изъ могучихъ средствъ противъ забвенія.

Неизбѣжность для насъ забвенія, въ связи съ возможностью неопредѣленно долгаго храненія воспринятыхъ впечатлѣній, должна навести педагога на мысль о необходимости строгаго выбора матеріала, поручаемаго памяти питомца. Если наша память не можетъ вмѣщать въ себя безконечное количество свѣдѣній, если есть предѣлъ ея ёмкости, за которымъ начинается забвеніе, то безбожно было бы загромождать ее различнымъ старьемъ и хламомъ, засаривать различными мелкими ничтожными свѣдѣніями, которыя составятъ только лишнюю безполезную тяжесть въ умѣ, отвлекутъ мысль отъ главнаго и существеннаго, и которыя, для серьезныхъ дальнѣйшихъ успѣховъ, нужно будетъ постараться забыть. А у ретивыхъ

учителей есть наклонность пичкать дѣтей знаніями безъ достаточнаго выбора, стараться сообщать имъ какъ можно больше свѣдѣній, въ той надеждѣ, что всякое свѣдѣніе полезно. Съ другой стороны, если даже мелкія впечатлѣнія сохраняютъ способность неопредѣленно долгаго воспроизведенія, то педагогу, при какомъ нибудь воспитательномъ промахѣ, не слѣдуетъ утѣшать себя тѣмъ, что ребенокъ еще малъ, что онъ все это забудетъ, что отъ какихъ либо неблагопріятныхъ вліяній у него не останется и слѣда. Конечно, можетъ быть, забудетъ, а можетъ быть, при благопріятномъ случаѣ, припомнитъ все весьма отчетливо, но во всякомъ случаѣ ни одно впечатлѣніе не пройдетъ въ немъ безслѣдно, не останется безъ вліянія. Если бы какое либо впечатлѣніе проходило совершенно безслѣдно, то оно ни въ какомъ случаѣ не могло бы быть воспроизведено. А что сказать про тѣ впечатлѣнія, которыя повторяются не одинъ или два раза, а много разъ? Тѣ, очевидно, навсегда останутся въ душѣ ребенка, хотя бы во всю послѣдующую его жизнь они ни разу не были воспроизведены. Отсюда понятно, на сколько важна для психическаго развитія ребенка та ежедневная будничная обстановка, которая его окружаетъ— дѣтская комната, мебель, нянька, родители, образъ жизни ребенка и всѣхъ окружающихъ его лицъ, ихъ разговоры, манеры, дѣйствія. Все это, въ отдѣльности взятое, не важно, ничтожно, перезабудется; но взятое вмѣстѣ, дѣйствуя постоянно, это громадная воспитательная сила ко благу или злу питомца. Извѣстно, что даже капля долбитъ камень, если падаетъ постоянно на одно и то же мѣсто.

§ 121. При положительномъ воспитаніи памяти педагогу нужно обратить вниманіе на нѣкоторыя главнѣйшія индивидуальныя видоизмѣненія памяти. Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду различіе объема памяти различныхъ лицъ. Всѣ мы въ большей или меньшей степени безпамятны на что нибудь, у всѣхъ насъ память ограничена въ какомъ либо отношеніи. Запоминая легко, вѣрно и много въ одной сферѣ явленій, мы иногда оказываемся безпамятными въ другой. Линней имѣлъ обширную память по части растеній, но былъ совсѣмъ безпамятенъ на языки. Случалось ему живать въ странѣ по нѣскольку лѣтъ, но усвоить языка ея жителей онъ не могъ;

Вальтеръ Скоттъ легко запоминалъ пѣсенки, баллады, отрывки изъ трагедій и комедій, но имена, числа и вообще точная исторія была не по его части. Въ этомъ родѣ каждый можетъ дѣлать наблюденія надъ самимъ собой; иногда такія односторонности памяти бываютъ поразительны. Архидіаконъ Фиронъ разсказываетъ, что въ приходѣ его отца былъ идіотъ, который помнилъ всѣхъ умершихъ и погребенныхъ въ продолженіе 35 лѣтъ, ихъ имена, лѣта, а равно и всѣхъ присутствовавшихъ при ихъ погребеніи. За то кромѣ погребеній онъ ничего не помнилъ, не могъ даже самъ принимать пищу. [1]) Для воспитанія памяти по возможности, разносторонней и объемистой, нужна разнообразная практика въ запоминаніи. Запоминаніе каждаго класса фактовъ много облегчается существованіемъ однородныхъ ассоціацій. Поэтому школа должна заложить по возможности широкій фундаментъ ассоціацій, такъ чтобы была зацѣпка для самыхъ разнородныхъ позднѣшихъ познаній. Формировать заново въ зрѣломъ возрастѣ ассоціаціи—вещь трудная, дорожки въ мозгу, хотя бы и узенькія, должны быть уже проторены, школа должна сдѣлать основныя просѣки, предоставляя позднѣйшей самостоятельной работѣ лица проведеніе соединительныхъ вѣтвей и второстепенныхъ дорогъ.

При изслѣдованіи ассоціацій представленій мы указали на такую особенность въ умственномъ складѣ людей: у многихъ представленія оказываются плохо ассоціированными, ряды ихъ легко разрываются и умственные продукты существуютъ островками, отдѣльными группами и гнѣздами (гл. VI, стр. 204). Есть другая категорія умовъ, у которыхъ отдѣльные факты такъ плотно примыкаютъ одинъ къ другому, что раздѣльное воспроизведеніе ихъ становится очень затруднительнымъ, каждый фактъ неудержимо въ ихъ сознаніи сопровождается цѣлой массой предъидущихъ и послѣдующихъ фактовъ. Спросите такого человѣка о какомъ либо событіи и онъ начнетъ свой разсказъ издалека, съ Адама, приплететъ сюда массу вводныхъ обстоятельствъ, такъ какъ всѣ повѣствуемыя событія образуютъ у него одинъ твердо сплоченный рядъ. За нѣкоторыми школьниками замѣчается такое явленіе: останов-

---

[1]) Винсловъ, Болѣзни мозга и души, 585.

ленные, при отвѣтѣ, на срединѣ ассоціаціи, они не могутъ продолжать, не начавъ воспроизведеніе съ первыхъ членовъ. Аберкромби разсказываетъ объ одномъ, очень способномъ, человѣкѣ, владѣвшемъ большою памятью, что онъ, прочитавъ одинъ разъ, могъ правильно повторить длинный актъ парламента или что нибудь подобное. Но когда онъ желалъ припомнить какое либо отдѣльное звѣно ассоціаціи, онъ могъ сдѣлать это, только начавъ воспроизводить всю ассоціацію съ перваго члена и постепенно доходя до нужнаго пункта. Средневѣковые историки, по свидѣтельству Бокля, желая описать событія изъ жизни того или другаго народа, обыкновенно начинали свой разсказъ съ того самого момента, когда Адамъ оставилъ позади себя двери рая; потомъ сообщали болѣе или менѣе обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія о потопѣ, смѣшеніи языковъ, разселеніи племенъ по землѣ, распространеніи христіанства и только уже послѣ этого считали возможнымъ перейти къ настоящей задачѣ своего труда. Въ томъ же духѣ написана и лѣтопись пр. Нестора.

Съ этими двумя недостатками представленій и памяти педагогъ и долженъ считаться. Въ борьбѣ съ первымъ полезно давать такія упражненія, которыя необходимо предполагаютъ сцѣпленіе представленій въ одну стройную ассоціацію, таковы: связный разсказъ о событіи, письменное изложеніе какого либо историческаго факта, логически связное развитіе какой нибудь мысли съ опредѣленной формулировкой заключенія, указаніе и выясненіе связей между отдѣльными представленіями, цѣлыми отдѣлами знаній и т. д. Для борьбы съ другимъ недостаткомъ педагогъ долженъ рекомендовать такія упражненія, которыя предполагаютъ анализъ цѣлаго на элементы, таковы раздѣленіе событія, разсказа, стихотворенія, повѣсти на части, отысканіе главной мысли и второстепенныхъ, изслѣдованіе плана или построенія извѣстнаго произведенія и т. д. Полезно, для устраненія неразборчиваго сцѣпленія представленій, сопровождать работу воспроизведенія нѣкоторой долей построительной, творческой дѣятельности. Собственно воспроизведеніе есть актъ чисто механическій, основывающійся на законѣ послѣдовательности. Поэтому онъ, взятый въ своемъ чистомъ видѣ, не особенно интересенъ, для

умовъ же съ значительною склонностью къ построительной, творческой дѣятельности явно тягостенъ, особенно если повторяется часто. Вообще повторенія, не освѣжаемыя новыми фактами и взглядами, скучны. Такого рода повторенія именно и образуютъ трудно разрѣшимыя ассоціаціи, потому что въ нихъ нѣтъ никакихъ другихъ элементовъ, кромѣ непосредственнаго преемства, мысли остановиться тутъ не на чѣмъ и задержать движеніе ассоціаціи нечѣмъ. Сопровождая же послѣдовательную ассоціацію при запоминаніи элементомъ построенія, мы вносимъ въ ассоціацію новое начало, дѣлаемъ запоминаніе болѣе интересной работой и создаемъ себѣ опору въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ почему либо понадобилось задержать движеніе ассоціаціи.

Наконецъ педагогъ, для правильной оцѣнки качествъ воспроизведенія, долженъ обратить вниманіе на состояніе, въ которомъ находится лице воспроизводящее. Въ этомъ отношеніи можно поставить общее положеніе, что всякое, болѣе или менѣе значительное, раздраженіе, дѣйствующее на лицо въ моментъ воспроизведенія, понижаетъ качества воспроизведенія. Аффекты парализуютъ память вполнѣ; менѣе сильныя чувствованія значительно затрудняютъ воспроизведеніе, напр. смущеніе, общее тревожное состояніе у экзаменующагося; внѣшнія слуховыя, свѣтовыя и иныя раздраженія, превосходящія силой норму, также мѣшаютъ отчетливому и быстрому воспроизведенію, особенно если воспроизведеніе, по своему содержанію, однородно съ получаемыми раздраженіями. Слушая оркестръ, играющій forte, намъ трудно въ это время вообразить его играющимъ piano; имѣя предъ глазами фигуру извѣстнаго цвѣта, мы съ трудомъ припоминаемъ фигуру другаго цвѣта; сытому трудно припоминается голодъ. Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ силы наши отвлекаются отъ предмета воспроизведенія въ другую сторону, чѣмъ энергія и точность воспроизведенія и парализуются.

*

Глава XII.

О воображеніи.

---

§ 122. Созданіемъ и запоминаніемъ реальнаго міровоззрѣнія наша умственная жизнь не исчерпывается, не заканчивается. Реальное міровоззрѣніе имѣетъ много пробѣловъ, недостатковъ, одно оно насъ не удовлетворяетъ. Дая восполненія его, для всесторонняго удовлетворенія своихъ умственныхъ потребностей, мы создаемъ новое, идеальное или фантастическое, міровоззрѣніе, которое тысячью нитей переплетается съ реальнымъ и составляетъ съ нимъ одно цѣлое. Можно даже утверждать, что реальное міровоззрѣніе, въ строгомъ смыслѣ слова, совсѣмъ не можетъ существовать безъ идеальнаго.

По своему личному опыту и наблюденію, мы знаемъ ничтожную часть земли и міра: то мѣстечко, городъ, село, въ которомъ живемъ, съ его рѣчками, холмами, озерами; тѣ растенія и животныхъ, которыя тутъ водятся; тѣхъ людей, тотъ бытъ, который видимъ вокругъ; тѣ звѣзды, какія есть на нашемъ небѣ. Поэтому и міровоззрѣніе, строго реальное, должно бы имѣть своимъ предметомъ только этотъ маленькій мірокъ, ограничиваться его тѣсными предѣлами, процессъ представленій и идей долженъ былъ бы всецѣло покоиться на этомъ узенькомъ фундаментѣ. Но этого не бываетъ: мы, никогда далеко не выѣзжавшіе, можетъ быть, изъ родной деревни или города, говоримъ и о тропикахъ и о сѣверномъ полюсѣ, разсказываемъ о никогда не виданныхъ животныхъ и растеніяхъ, о буряхъ на морѣ, о горахъ, уходящихъ въ облака, о томъ, какъ жили въ старину различные народы, какія учрежденія имѣли; знакомые реально съ ничтожнымъ клочкомъ земли, съ ничтожнымъ количествомъ времени, мы объемлемъ мыслью вселенную, говоримъ о безконечныхъ міровыхъ пространствахъ, о милліонахъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ совершались космическіе процессы. Откуда все это? Въ строго реальномъ міро-

воззрѣніи подобныхъ элементовъ нѣтъ. Это все построенія воображенія на основаніи данныхъ реальнаго міровоззрѣнія. Тѣ маленькія реальныя данныя, которыя получены нами путемъ личнаго опыта, мы воображеніемъ безконечно увеличиваемъ и такимъ образомъ построеваемъ вселенную, и настоящую и прошлую. Чтобы представить себѣ громадные размѣры вселенной, я отправляюсь отъ того реальнаго пространства, которое мнѣ лично и непосредственно извѣстно и увеличиваю его во много разъ; чтобы представить себѣ продолжительность геологическихъ переворотовъ, я исхожу изъ понятія о тѣхъ немногихъ десяткахъ лѣтъ, которые я прожилъ и ихъ увеличиваю; чтобы представить себѣ бытъ и жизнь древнихъ исчезнувшихъ народовъ, я отправляюсь отъ современнаго быта и обстановки. Другаго пути представить себѣ вселенную прошлую или настоящую нѣтъ. Правда можно сказать, что факты о землѣ, о народахъ, ее населявшихъ и населяющихъ, ея флорѣ и фаунѣ и т. п. мы получаемъ отъ различныхъ наблюдателей и ихъ намъ нужно просто усвоить, а не создавать. Но подобное усвоеніе есть уже построеніе. Какъ я могу представить себѣ то, чего никогда не наблюдалъ? Единственно процессомъ построенія.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на практическое творчество. Мы не довольствуемся тѣмъ, что дано намъ природой и общественностью, мы стараемся улучшить и природу и жизнь общественную, вступаемъ въ борьбу съ различными естественными и соціальными препятствіями. Мы создаемъ различныя удобства жизни—строимъ дома, проводимъ дороги, осушаемъ почву, создаемъ ремесла и различныя орудія производства, различные общественные и государственные институты, воспитательныя системы; мы пишемъ проэкты о прекращеніи войнъ, объ уничтоженіи бѣдности, мечтаемъ о лучшемъ матеріальномъ и умственномъ положеніи человѣчества, словомъ выдумываемъ различныя «утопіи». Во всѣхъ подобныхъ дѣятельностяхъ мы выходимъ за предѣлы строго реальнаго міровоззрѣнія, мы возвышаемся надъ дѣйствительностію, мы улучшаемъ дѣйствительность или пытаемся улучшить, согласно съ своими идеальными, теоретическими построеніями. Въ подобныхъ построеніяхъ главное мѣсто принадлежитъ воображенію, конечно, подъ контролемъ и на почвѣ реальныхъ данныхъ.

Итакъ наши реальное и идеальное міровоззрѣнія составляютъ не два отдѣльныя построенія, а одно органическое, неразрывное цѣлое, наше міровоззрѣніе необходимо есть реально-идеальное. Разсмотримъ теперь частнѣе элементы и отдѣльныя направленія идеальнаго міровоззрѣнія.

§ 123. Въ нашемъ знаніи, въ нашемъ реальномъ міровоззрѣніи есть много пробѣловъ, полосы знанія чередуются въ немъ съ полосами незнанія. По мѣрѣ развитія наукъ, пробѣлы пополняются, знанія становятся цѣльнѣе и связнѣе; но до надлежащей полноты и цѣлостности знаній въ настоящее время еще далеко. А между тѣмъ нашему уму пробѣлы въ знаніи тягостны, мы стремимся къ знанію полному, законченному, цѣлостному и на мѣсто недостающаго знанія ставимъ догадки, предположенія, фантазіи.—Кромѣ обыкновенныхъ реальныхъ умственныхъ вопросовъ и потребностей, разрѣшаемыхъ и удовлетворяемыхъ положительной наукой, у насъ есть еще вопросы и потребности болѣе сложнаго и высокаго порядка, разрѣшенія и удовлетворенія которыхъ мы не находимъ въ положительной наукѣ. Это потребности философско-религіознаго характера, метафизическіе вопросы. Многими указанная категорія вопросовъ считается не подлежащей научному изслѣдованію и рѣшенію и пробѣлъ не пополнимымъ. А между тѣмъ метафизическіе вопросы живо и глубоко интересовали и интересуютъ все человѣчество—въ философской или религіозной формѣ ихъ постановки и рѣшенія,—неодолимо влекутъ его къ себѣ. Человѣкъ не въ состояніи противиться искушенію—попытаться проникнуть въ эти запретныя, заповѣдныя для позитивнаго ума, сферы, можетъ быть онѣ и познаваемы. Результатомъ этого стремленія являются идеальныя, фантастическія построенія.—Постройка реальнаго міровоззрѣнія имѣетъ цѣлью дать намъ пониманіе дѣйствительныхъ явленій; законы, формулы, обобщенія и отвлеченія въ немъ играютъ весьма видную роль; чувствованія, которыя возбуждаются въ насъ различными фактами дѣйствительности, игнорируются реальнымъ міровоззрѣніемъ. А такое общее и сухое построеніе міра не удовлетворяетъ насъ, мы желаемъ видѣть міръ во всемъ богатствѣ и разнообразіи его конкретныхъ явленій, со всѣми волненіями, возникающими въ душѣ человѣка при видѣ конкретныхъ

явленій міра. Эта потребность удовлетворяется художественнымъ изображеніемъ міра.

Такимъ образомъ чисто реальное міровоззрѣніе не можетъ удовлетворить всѣмъ запросамъ мыслительности человѣка. Кромѣ строго реальныхъ умственныхъ интересовъ есть еще другіе, близко родственные научнымъ и соприкасающіеся постоянно съ ними, интересы, не менѣе настоятельные и важные, чѣмъ и научные. Какъ же мы удовлетворяемъ этимъ, болѣе сложнымъ и высокимъ, психическимъ интересамъ, какими процессами? Помощію тѣхъ процессовъ, которые называются воображеніемъ, построеніемъ идеальнаго міровоззрѣнія.

Изъ указанія трехъ направленій дѣятельности воображенія—пополненія пробѣловъ реальнаго знанія, разрѣшенія метафизическихъ вопросовъ и художественнаго воспроизведенія дѣйствительности—легко можно видѣть, что воображеніе (идеальное міровоззрѣніе) множествомъ нитей переплетается съ разсудкомъ (реальное міровоззрѣніе), можетъ оказывать ему существенныя услуги, будучи въ союзѣ съ нимъ, и можетъ значительно затруднять его, вступая съ нимъ въ борьбу, ставя свои образы на мѣсто разсудочныхъ продуктовъ. Нашъ умъ стремится къ цѣлостному, связному знанію, но фактически такая цѣлостность въ настоящее время невозможна, вслѣдствіе обширныхъ пробѣловъ въ нашемъ знаніи, и долгое время будетъ еще невозможна. Пробѣлы временно мы пополняемъ воображеніемъ, на мѣсто недостающаго знанія ставимъ предположенія, догадки, просто фантазіи. Очевидно, въ данномъ случаѣ фантазія и разсудокъ должны идти рука объ руку, воображеніе помогать разсудку. Но эта помощь можетъ быть важна и дѣйствительна только тогда, когда картины, создаваемыя воображеніемъ, опираются на данныя положительнаго знанія, а не сочиняются самопроизвольно. Въ послѣднемъ случаѣ между характеромъ положительнаго знанія и характеромъ пополненія пробѣловъ его не будетъ гармоніи и пробѣлы не только не пополнятся такимъ путемъ, но напротивъ будутъ зіять еще рѣзче. Затѣмъ, по мѣрѣ расширенія области положительнаго знанія, сфера дѣятельности воображенія должна сокращаться, воображеніе должно отступать безъ сопротивленія предъ нашествіемъ разсудка Если же воображеніе будетъ видѣть въ своихъ созданіяхъ

нѣчто твердое и постоянное, что должно существовать вѣчно, оно вмѣсто пользы принесетъ вредъ научному мышленію. Поэтому весьма важно всегда точно опредѣлять границу, до которой простирается положительное точное знаніе, и начало и предѣлы того пробѣла, который восполняется воображеніемъ, тѣмъ болѣе, что образы воображенія по своему типу и характеру могутъ иногда быть очень похожими на продукты разсудочной дѣятельности.

Картины, создаваемыя воображеніемъ относительно бытія, положительной наукой не познаваемаго, собственно не затрогиваютъ интересовъ разсудка, лишь бы только всегда ясной держалась въ сознаніи грань между научно познаваемымъ и научно не познаваемымъ, лишь бы продукты фантазіи не выдавались за продукты разсудка. Послѣдній случай бываетъ нерѣдко, тогда происходитъ смѣшеніе фантастическаго и научнаго, что очень вредитъ строго научному мышленію, задерживаетъ успѣхи положительнаго знанія, сбивая умъ съ надлежащаго пути, обольщая его мнимо точными знаніями непознаваемаго.

Созданіе идеаловъ и отображеніе дѣйствительности въ художественной формѣ—дѣятельность высоко важная, имѣющая вліяніе на весь складъ и теченіе психическаго развитія. Было бы, очевидно, прискорбно, если бы воображеніе отрѣшилось въ данномъ случаѣ отъ союза съ разсудкомъ, отказалось отъ его помощи и критическихъ указаній. Тогда пострадала бы не только эта спеціальная функція—идеально-художественная, но и все вообще психическое развитіе.—Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о воображеніи, войдемъ въ обсужденіе частныхъ вопросовъ.

§ 124. Потребность въ пополненіи точнаго знанія воображеніемъ бываетъ особенно чувствительна въ то время, когда настоящее знаніе только начинается, когда оно представляетъ почти одинъ большой пробѣлъ. Тогда волей-неволей приходится прибѣгать къ помощи воображенія, въ противномъ же случаѣ нужно отказаться отъ всякаго пониманія и объясненія явленій. Отсюда мы уже прямо можемъ заключить, что воображеніе будетъ занимать первое мѣсто въ ряду умственныхъ дѣятельностей въ отдаленныя доисторическія времена, когда наука и искусство едва-едва начинались, на первыхъ порахъ жизни отдѣльныхъ личностей, когда положительныя знанія

еще не могли быть пріобрѣтены, и при умственномъ убожествѣ и невѣжествѣ, ограничивающемся самымъ скуднымъ запасомъ положительнаго знанія. Въ дѣйствительности это такъ было и бываетъ. Первоначальное міровоззрѣніе человѣчества было не научное, а миѳологическое, т. е. фантастическое. Во времена созданія миѳовъ точныхъ знаній почти не было, положительное мышленіе почти не существовало, а такъ или иначе понять и объяснить явленія было необходимо. Наша потребность знанія и пониманія не ждетъ терпѣливо того времени, когда явится возможность научнаго объясненія фактовъ, она, какъ и всякая другая настоятельная потребность, требуетъ удовлетворенія сейчасъ же, немедля. И вотъ, подъ давленіемъ этой умственной потребности, пробѣлъ въ нашемъ знаніи наполняется и на мѣсто положительнаго міровоззрѣнія создается миѳологическое.

Подобное же явленіе бываетъ и въ дѣтствѣ. Ребенокъ стоитъ лицомъ къ лицу съ явленіями, которыхъ не понимаетъ и по существу понять не можетъ, а между тѣмъ уйти отъ нихъ некуда, нельзя преградить доступъ впечатлѣніямъ къ органу мышленія. Любознательность пробуждается, ребенокъ постоянно обращается къ окружающимъ съ вопросами, нерѣдко спрашиваетъ о вещахъ очень трудныхъ и сложныхъ. Нужно во чтобы то ни стало и такъ или иначе удовлетворить любознательности и вотъ снова создается міровоззрѣніе, до нѣкоторой степени напоминающее миѳологическое и такимъ образомъ потребность удовлетворяется и пробѣлъ пополняется.

Люди необразованные, не имѣющіе значительнаго запаса положительныхъ знаній и не могущіе, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, пополнить его, также по необходимости должны постоянно прибѣгать къ услугамъ своего воображенія, потому что другаго пути, хотя къ какому либо пониманію явленій, для нихъ нѣтъ. И извѣстно, что въ необразованной средѣ всемозможные нелѣпые слухи и противорѣчащія всѣмъ законамъ событія пользуются чрезвычайно твердой вѣрой, какъ самые обыденные факты.

Считаемъ не лишнимъ здѣсь же замѣтить, что указанный фактъ преобладающей роли воображенія въ первое время жизни человѣчества и человѣка не свидѣтельствуетъ о какой либо

необычайной силѣ воображенія и о позднѣйшемъ ослабленіи его. Въ указанныхъ условіяхъ мы видимъ полную невозможность еще строго реальнаго мышленія, каковая невозможность обусловливаетъ широту дѣятельности воображенія; въ подобныхъ фактахъ обнаруживается прежде всего слабость разсудка, а не сила воображенія. Воображеніе же въ то время является, разсматриваемое само по себѣ, также слабымъ и несовершеннымъ, оно сильно развѣ только потому, что въ данное время въ наличности не имѣется превосходящаго его по энергіи мыслительнаго процесса, словомъ потому, почему «на безрыбьи и ракъ рыба».

Съ развитіемъ науки, съ сокращеніемъ пробѣловъ въ системѣ положительнаго знанія, дѣятельность воображенія въ указанномъ направленіи становится менѣе объемистой и менѣе значительной. Но такъ какъ въ наукахъ, и особенно касающихся человѣка и человѣческаго общества, пробѣловъ еще много и въ настоящее время, то естественно, что воображеніе и понынѣ важный факторъ въ научномъ мышленіи. Безъ пополненія пробѣловъ въ системѣ положительнаго знанія воображеніемъ, знаніе является недостаточно связнымъ и цѣлостнымъ; воображеніе, связывая кольца разорванной цѣпи, нерѣдко дѣлаетъ чрезвычайно удачныя сближенія и предположенія, наводитъ на богатыя мысли и открытія. Поэтому великій ученый нашихъ дней немыслимъ безъ могучаго воображенія; воображеніе, сдерживаемое въ границахъ и старающееся ближе держаться почвы разсудка, не врагъ ученаго, а незамѣнимый другъ и пособникъ, безъ помощи котораго невозможно сдѣлать ничего важнаго въ наукѣ. Всѣ открытія и изобрѣтенія суть первоначально фантазіи, провѣренныя же разсудкомъ они становятся научными истинами и законами. Существованіе свѣтоваго эѳира и атомовъ въ настоящее время принимается всѣми, а между тѣмъ ихъ, конечно, никто и никогда не наблюдалъ, они просто суть фантазіи, вполнѣ сообразныя съ научными формулами и выводами разсудка. Приведемъ еще одинъ примѣръ дѣятельности воображенія, пополняющаго пробѣлы знанія—взглядъ Геккеля на генеалогію человѣка [1])

---

[1]) Топинаръ, Антропологія, стр. 516.

(Геккель при этомъ опирается на сравнительную анатомію, палеонтологію и эмбріологію): въ началѣ періода развитія земли, названнаго геологами Лаврентьевскимъ, въ силу случайной встрѣчи (подъ вліяніемъ условій, которыя, быть можетъ, только и ограничивались той эпохой) нѣсколькихъ элементовъ: углерода, кислорода, водорода и азота, образовались первые комки бѣлковаго вещества. На счетъ ихъ, путемъ произвольнаго зарожденія, образовались первые извѣстные организмы — монеры. Затѣмъ эти существа дѣлятся, размножаются, располагаются въ органы и доходятъ чрезъ рядъ превращеній, которыхъ Геккель насчитываетъ семь, до образованія первобытныхъ позвоночныхъ, въ родѣ ланцетной рыбки (Amphioxus lanceolatus). У нихъ уже обозначились раздѣленіе половъ, спинной мозгъ и спинная струна. На десятой степени появляется головной мозгъ и черепъ, подобно нынѣшнимъ миногамъ. На 11 появляются конечности и челюсти, какъ у поперечно-ротыхъ рыбъ. Земля въ это время еще находится только въ силурійскомъ періодѣ. На 16 степени заканчивается приспособленіе къ сухопутному образу жизни. На 17, соотвѣтствующей юрскому періоду исторіи земли, генеалогія человѣка доходитъ до кэнгуру, изъ числа сумчатыхъ. На 18 появляются лемуровыя и начинается третичная эпоха. На 19 степени родоначальникъ человѣка становится узконосой, т. е. хвостатой, обезьяной. На 20, въ теченіе всего міоценоваго періода, онъ уже превращается въ человѣкообразную обезьяну. На 21 степени послѣдняя становится человѣко-обезьяной, не обладающей слѣдовательно еще ни способностью рѣчи, ни соотвѣтствующимъ мозгомъ. Наконецъ на 22 человѣкъ появляется въ знакомомъ намъ видѣ, сходномъ по крайней мѣрѣ съ низшими расами. На этомъ и кончается генеалогія человѣка, по Геккелю. Несомнѣнно, она есть плодъ реально-фантастическаго мышленія.

§ 125. Если съ расширеніемъ области положительнаго знанія дѣятельность воображенія, какъ пополнителя пробѣловъ научной системы, сокращается, то есть такая сфера, въ которой воображеніе царитъ абсолютно, въ которой власть его не уменьшается и не ограничивается разсудкомъ—это сфера метафизики, до сихъ поръ не подлежащая строго

научному изслѣдованію. Будутъ ли когда нибудь метафизическія проблеммы доступны строго позитивному рѣшенію— этотъ вопросъ мы оставимъ въ сторонѣ. Одно несомнѣнно, что въ настоящее время и еще на долгое время въ будущемъ метафизическія проблеммы будутъ лежать внѣ сферы строго позитивнаго изслѣдованія. Впрочемъ для насъ особенно важно настоящее время. Можно ли въ настоящее время строго научнымъ путемъ рѣшить вопросъ о сущности бытія? Что такое, такъ называемая, матерія и, такъ называемый, духъ сами по себѣ и каково въ концѣ концовъ ихъ отношеніе другъ къ другу? Какъ мы должны представлять себѣ первоисточникъ жизни вселенной и постепенное развитіе жизни? Это такого рода вопросы, которые въ настоящее время далеко превышаютъ всякое строго научное изслѣдованіе. Извѣстно, что указанные вопросы издавна привлекали къ себѣ любознательность человѣка и попытокъ ихъ рѣшенія сдѣлано очень много, попытокъ весьма разнообразныхъ. Между тѣмъ эти вопросы въ настоящее время по существу такъ же далеки отъ своего рѣшенія, какъ тысячу или двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

Само собой разумѣется, что при разрѣшеніи метафизическихъ вопросовъ собственно разсудочная дѣятельность имѣетъ большое значеніе. Она фундаментъ метафизическихъ построеній и критерій ихъ провѣрки. Цѣнность метафизическихъ построеній въ исторіи умственнаго развитія человѣчества обусловливается главнымъ образомъ двумя обстоятельствами: а) широтою научнаго фундамента и стремленіемъ философа держаться или ближе или дальше отъ положительнаго знанія; б) широтою и смѣлостью творческаго синтеза. Если метафизикъ приступаетъ къ созданію своего построенія, будучи мало знакомъ съ состояніемъ современной науки, то какое же значеніе будетъ имѣть продуктъ его творчества? Общіе вопросы, каковы всѣ метафизическіе, могутъ быть рѣшены сколько нибудь основательно только послѣ рѣшенія частныхъ; а если частные вопросы далеко не во всемъ своемъ объемѣ знакомы данному лицу, то очевидно, что рѣшеніе общихъ вопросовъ, включающихъ частные, будетъ не устойчивымъ, малоосновательнымъ, какъ покоющееся на весьма не широкомъ фундаментѣ.

Кромѣ обширнаго и основательнаго знакомства съ современной

наукой, при постройкѣ философской системы весьма важно стремленіе держаться или какъ можно ближе данныхъ науки, желать гармоніи съ ними или же не особенно объ этомъ заботиться. Если пренебрегать провѣркой положительной науки, освободиться совсѣмъ отъ ея требованій и обязательствъ, то можетъ получиться система въ высшей степени странная, причудливая, совсѣмъ не могущая помириться съ несомнѣнными данными современной науки. Нужно помнить, что метафизическіе вопросы суть наиболѣе высокіе и общіе объединительные вопросы нашего знанія и рѣшеніе ихъ должно подчиняться, въ концѣ концовъ, обыкновеннымъ логическимъ, психологическимъ и вообще научнымъ канонамъ.

Творческій синтезъ въ широкомъ размѣрѣ необходимъ для построенія метафизическихъ системъ. Сущность метафизики въ томъ и состоитъ, чтобы отдѣльныя положительныя науки объединить между собою, изъ всѣхъ наукъ создать одно стройное гармоническое цѣлое. Для этого должны быть взяты основныя данныя отдѣльныхъ наукъ и синтезированы; синтезъ же долженъ быть не механическій, онъ долженъ проникаться и оживляться руководящей идеей, принципомъ. Выполненіе подобной работы безъ могучей способности широкаго творческаго синтеза невозможно.

Въ отдѣльныхъ метафизическихъ системахъ одинъ изъ указанныхъ двухъ элементовъ — или научно-фактическій или построительно-синтетическій—можетъ преобладать, вслѣдствіе чего система получитъ специфическую окраску: будетъ являться или по преимуществу систематизаціей отрывочныхъ данныхъ положительнаго знанія и приближаться къ строгому позитивизму — при преобладаніи перваго процесса—или же собственно будетъ построеніемъ, смѣлой необузданной игрой нашего ума въ синтетическомъ направленіи и будетъ приближаться къ мистицизму—при преобладаніи втораго изъ указанныхъ процессовъ. Позитивизмъ и мистицизмъ—двѣ крайнія точки въ развитіи метафизическихъ построеній.

§ 126. Мы уже замѣтили, что разсудокъ и воображеніе могутъ быть въ мирѣ и согласіи между собою, а можетъ между ними происходить и борьба: воображеніе не будетъ уступать своего мѣста разсудку по мѣрѣ развитія послѣдняго

и свои построенія будетъ выдавать за результаты точнаго знанія. Борьба между воображеніемъ и разсудкомъ одно изъ самыхъ обычныхъ и важныхъ явленій въ исторіи культуры. [1]) Мы уже говорили, что первоначальное міровоззрѣніе есть міровоззрѣніе миѳологическое, фантастическое. Оно возникаетъ вслѣдствіе недостатка положительнаго знанія. Но разъ возникнувъ, оно не уступаетъ своего мѣста безъ борьбы міровоззрѣнію реальному, оно желаетъ вытѣснить его изъ сознанія людей, недопустить даже его до возникновенія и развитія. Борьбу между миѳологическимъ и реальнымъ міросозерцаніями можно наблюдать во многихъ странахъ, съ значительною же точностью и послѣдовательностью ее можно наблюдать въ древней Греціи. Борьба шла и развивалась постепенно. Сначала самая сущность миѳологическаго міросозерцанія сомнѣнію не подвергалась, существованіе миѳическихъ героевъ и героинь, ихъ происхожденіе, взаимныя отношенія, подвиги, миѳологическая хронологія, считались совершенно истинными и дѣйствительными; подвергались сомнѣнію и отрицанію только нѣкоторыя частныя сказанія, или глубоко возмущавшія нравственное чувство или уже слишкомъ странныя и противорѣчивыя. На такой точкѣ зрѣнія стояли греческіе логографы, историки и нѣкоторые поэты временъ блеска Эллады. Историки напримѣръ, образовавъ въ себѣ навыкъ обращаться съ историческими фактами, будучи постоянно внимательны къ различію между вѣроятнымъ и невѣроятнымъ, между достовѣрнымъ и недостовѣрнымъ, подвергая разсказываемыя событія исторической критикѣ, естественно не могли уже съ дѣтской вѣрой толпы относиться къ миѳамъ. Геродоту и Ѳукидиду многіе миѳическіе разсказы кажутся недостовѣрными, невѣроятными, они ихъ или прямо отрицаютъ или толкуютъ въ аллегорическомъ смыслѣ; Ѳукидидъ даетъ имъ политическую окраску, напримѣръ событіямъ изъ троянской войны. Протолковавъ по своему, раціоналистически, миѳъ, Геродотъ иногда прибавляетъ: «но сказанное нами доселѣ да примутъ боги и герои въ добрую сторону».

---

[1]) Въ подтвержденіе этого сужденія ссылаемся, для примѣра, на книгу Дрэпера, Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой. Пер. съ англ. Пыпина. Петер. 1876.

Въ такой прибавкѣ очевидно выражается борьба двухъ міровоззрѣній: фантастическаго и реальнаго.

Болѣе рѣшительно, чѣмъ логографы, историки и поэты, выступили противъ миѳологіи философы. Они напали уже на самую сущность миѳологическаго міросозерцанія и прямо противопоставили ему иное, абстрактное. Отецъ философіи, Ѳалесъ, началъ походъ. По гезіодовской теогоніи, Океанъ и Ѳетида суть божественная чета, родители боговъ и другихъ существъ. По Ѳалесу же, вода источникъ всего сущаго и даже самихъ боговъ. Итакъ миѳологическія божественныя личности начали замѣняться простыми стихіями, считавшимися въ то время элементами. Особенно энергичны и рѣзки нападки на миѳологію были со стороны Ксенофана и элейцевъ. «То, что о богахъ разсказываютъ Гомеръ и Гезіодъ, говорилъ Ксенофанъ, было бы стыдомъ и вѣчнымъ позоромъ для всякаго изъ людей: нарушенные обѣты, кражи и взаимные обманы». О немъ говорили, что онъ разсказывалъ не похоже на то, какъ вѣщали древніе боги. Началась открытая борьба между защитниками миѳологическаго міровоззрѣнія и научнаго. Защитники старины упрекали философовъ въ безбожіи, философы обвиняли своихъ противниковъ въ легковѣріи, въ оскорбленіи божества недостойными представленіями его. Сила была на сторонѣ защитниковъ старины и философы сидѣли въ тюрьмѣ и изгонялись изъ отечества, какъ Анаксагоръ, или прямо предавались смерти, какъ Сократъ.

Конечно, и у философовъ разрывъ между старымъ и новымъ міровоззрѣніемъ совершился не вдругъ, не разомъ. Такъ тотъ же Сократъ раздѣлялъ феномены на два класса: въ одномъ связь предъидущаго съ послѣдующимъ была неизмѣнна и будущее могло быть доступно предвѣдѣнію чрезъ изученіе; другой же классъ явленій, болѣе важный и обширный, оставался во власти боговъ. Ничего неизмѣннаго въ немъ нѣтъ. Узнать будущія событія этого класса было возможно только чрезъ пророчество или другое подобное спеціальное сообщеніе. Чѣмъ далѣе шло развитіе философскихъ идей, тѣмъ первый классъ явленій, по дѣленію Сократа, все увеличивался, да увеличивался, а второй все уменьшался, да суживался и этотъ процессъ продолжался до тѣхъ поръ, пока второй классъ явленій

не сталъ равенъ нулю, а первый не получилъ исключительнаго господства. Уже Гиппократъ, современникъ Сократа, соединилъ оба сократовскіе класса феноменовъ, управляемыхъ и божественными и натуральными причинами. Именно онъ полагалъ, что боги суть дѣйствующія причины при происхожденіи каждаго феномена, маленькаго и большаго, важнаго и неважнаго. Они стоятъ въ связи со всѣми феноменами вообще, но спеціально ни съ однимъ и задача изслѣдователя заключается въ томъ, чтобы открыть тѣ условія и правила, которыми постоянно опредѣляется дѣйствованіе боговъ и по которымъ ихъ можно предсказывать. Полный разрывъ между старымъ и новымъ міровоззрѣніемъ совершился въ ученіи Эпикура, который утверждалъ, что хотя боги и дѣйствительно существуютъ, но не такъ, какъ представляетъ ихъ толпа. Въ теченіе явленій природы и событій человѣческаго общества они вовсе не вмѣшиваются, они праздные зрители этихъ событій. Не тотъ невѣрующій, говорилъ Эпикуръ, кто отрицаетъ боговъ толпы, но тотъ, кто представляетъ ихъ по народному. [1])

Воззрѣнія, подобныя миѳологичекому, существовали не только въ отдаленную отъ насъ древнюю эпоху, но и въ средніе вѣка, а отчасти существуютъ и въ настоящее время. Средніе вѣка имѣли свою полную христіанскую миѳологію и борьба съ нею положительной наукѣ была не легче, чѣмъ борьба съ настоящей миѳологіей древней философіи. Средневѣковая положительная наука такъ же имѣла своихъ мучениковъ, какъ и древняя. Вѣра въ чудесное была въ высшей степени тверда въ средніе вѣка. Мыслители, считавшіеся весьма либеральными, которыхъ обвиняли въ безбожіи, въ подрываніи христіанской религіи, питали убѣжденія въ высокой степени суевѣрныя. Іоганнъ Вейеръ, ученый и талантливый врачъ, былъ обвиняемъ въ томъ, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ «вооружился противъ Бога». Между тѣмъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія возставать противъ какого либо изъ основныхъ положеній народной вѣры, или даже самому освободиться отъ господствующихъ взглядовъ. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что міръ населенъ толпами демоновъ, постоянно дѣлав-

---

[1]) Приведенные факты заимствованы изъ Исторіи Греціи Грота.

шихъ чудесныя вещи между людьми. Онъ далъ даже каталогъ адскихъ начальниковъ и описалъ внутреннее устройство ада. Въ этомъ каталогѣ приводятся имена 72 князей демоновъ, а количество ихъ подданныхъ вычисляется въ 7, 405, 926 дьяволовъ. Все безбожіе Вейера заключалось въ томъ, что онъ, какъ врачъ, былъ убѣжденъ, что многіе, считавшіеся колдунами, были просто сумасшедшіе, и будучи весьма человѣколюбивъ, онъ былъ пораженъ страданіями, которымъ подвергали этихъ несчастныхъ. Онъ хотѣлъ помирить понятіе о повсюдномъ присутствіи демоновъ и объ одержаніи бѣсами съ своимъ убѣжденіемъ, что многія изъ явленій, считавшихся сверхъестественными, происходили отъ болѣзни, что нужно остановить пролитіе невинной крови. На Вейера вооружился одинъ изъ самыхъ передовыхъ умовъ 16 в , Бодэнъ, признаваемый однимъ изъ замѣчательныхъ философовъ въ Европѣ, однимъ изъ талантливѣйшихъ писателей Франціи. Бодэнъ былъ однимъ изъ главныхъ основателей политической философіи и политической исторіи и относительно этихъ предметовъ онъ предвосхитилъ многіе взгляды настоящаго времени. Онъ обвинялъ Вейера въ нечестіи и безбожіи за то, что тотъ осмѣлился думать, будто такъ называемые одержимые суть сумасшедшіе. Самъ же онъ глубоко вѣрилъ въ колдуновъ, вѣдьмъ, одержаніе бѣсами и т. д. Онъ съ самыми точными и обстоятельными подробностями и съ самой твердой увѣренностью разсказываетъ весь ходъ шабашей вѣдьмъ, способы, употребляемые вѣдьмами для летанія по воздуху, ихъ превращенія, ихъ тѣлесныя сообщенія съ дьяволомъ, различныя средства, какія употребляютъ онѣ для причиненія зла своимъ врагамъ, признаки, ведущіе къ ихъ открытію, ихъ признаки при осужденіи и ихъ поведеніе на кострѣ. Говоря о трактатѣ Вейера, Бодэнъ едва можетъ найти слова, чтобы выразить удивленіе и негодованіе, съ которыми онъ читалъ эту книгу. Она есть «сплетеніе ужасающихъ богохульствъ», «ни одинъ человѣкъ, сколько нибудь дорожащій почтеніемъ къ Богу, не можетъ читать такихъ богохульствъ безъ справедливаго гнѣва». [1]) Словомъ воображеніе, разъ занявъ мѣсто на ряду

---

[1]) Лекки, Исторія раціонализма въ Европѣ. Пер. Пыпина, т. I, стр. 74—77.

съ разсудкомъ, этого мѣста разсудку позднѣе не уступаетъ и разсудку приходится брать принадлежащее ему съ бою. Во многихъ умахъ реальные позитивные процессы далеки и теперь отъ торжества надъ процессами воображенія.

Борьба между разсудкомъ и воображеніемъ можетъ принять и другой видъ, именно метафизическія построенія могутъ быть выданы за результаты точнаго научнаго изслѣдованія и будетъ предъявлено требованіе сообразовать факты дѣйствительнаго научнаго знанія съ выводами мнимаго научнаго изслѣдованія. Иначе сказать, правильное отношеніе между элементами философской системы будетъ переставлено наоборотъ. Мы указывали уже, что метафизическая система можетъ имѣть значеніе только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы синтетическая творческая дѣятельность ума постоянно опиралась, сообразовалась и провѣрялась данными положительной науки. Какъ же скоро предъявляется требованіе, чтобы наука сообразовалась съ положеніями метафизической системы, то почва изъ подъ ногъ ускользаетъ и открывается полная возможность самой необузданной фантастической игры представленіями. Подобное явленіе мы встрѣчаемъ не разъ въ исторіи философіи, не система строится на основаніи данныхъ науки, но наука подгоняется къ системѣ. Самый рѣзкій примѣръ неправильнаго отношенія метафизической системы къ наукѣ представляетъ система Аристотеля и средневѣковая наука. Аристотель въ средніе вѣка подавлялъ всю самостоятельную науку. Стоитъ припомнить еще хотя бы знаменитую систему Гегеля и ея отношеніе къ научнымъ даннымъ. Философскихъ системъ съ такимъ же отношеніемъ къ даннымъ точныхъ наукъ, какъ въ системѣ Гегеля, существовало много. Какъ скоро указанные два элемента метафизическихъ системъ перемѣняютъ свои мѣста, метафизика сливается съ наукой и послѣдняя всегда терпитъ отъ этого большой ущербъ, въ значительной степени пренебрегается, такъ что приходится употребить много времени и труда, чтобы разъяснить истинное положеніе дѣлъ.

§ 127. Третье направленіе дѣятельности воображенія—художественое изображеніе дѣйствительности и одновременно созданіе идеаловъ. Реальное бытіе можетъ быть нами отображаемо двояко: или въ видѣ системы представленій и идей, соотвѣт-

ствующихъ, по возможности строго, дѣйствительности—разсудочное мышленіе—или въ художественной формѣ, въ которой рельефно обрисовываются характернѣйшія и интереснѣйшія явленія, съ примѣсью нашихъ желаній и ожиданій, т. е. чувствованій и идеаловъ—мышленіе воображенія. Въ художественномъ творчествѣ нужно различать элементы двухъ категорій: теоретическій и чувствованія. Оба равно необходимы при созданіи художественныхъ произведеній.

Художественная дѣятельность точно такъ же имѣетъ своей задачей пополнить пробѣлы разсудка, какъ и всякая другая дѣятельность воображенія. Такой характеръ художественной дѣятельности обнаруживается прежде всего внесеніемъ идеальной стороны въ изображеніе дѣйствительности. Бываютъ такія художественныя произведенія, которыя основной своей задачей ставятъ, по возможности, безпристрастное и объективное изображеніе дѣйствительности; но есть много и такихъ художественныхъ произведеній, которыя въ изящной, эстетической формѣ даютъ критическій анализъ дѣйствительности, изображаютъ ея недостатки, мрачныя стороны и рисуютъ желательныя болѣе свѣтлыя картины. Внесеніе же въ произведеніе идеальнаго элемента, изображеніе желаемаго, возможнаго, но тѣмъ не менѣе недѣйствительнаго, очевидно, составляетъ дополненіе фактическаго разсудочнаго мышленія, пополненіе тѣхъ недостатковъ и пробѣловъ, которые есть въ объективной дѣйствительности, а вмѣстѣ и въ міровоззрѣніи, строго сообразующемся съ дѣйствительностію.

Но и та категорія художественныхъ произведеній, которая стремится въ эстетической формѣ отобразить объективную правду безъ всякой субъективной окраски и оцѣнки, также есть дополненіе разсудочнаго мышленія. Дѣйствительность подлежитъ разсудочному анализу, научному мышленію, въ формулахъ и законахъ науки эта дѣйствительность находитъ свое объясненіе. Зачѣмъ же иное изображеніе дѣйствительности, кромѣ научнаго? Ели бы научный анализъ дѣйствительности представлялъ всѣ возможныя удобства для всѣхъ, тогда художественное изображеніе дѣйствительности существовать бы не могло, въ немъ никто не имѣлъ бы никакой нужды. Фактомъ своего существованія художественное изображеніе дѣйствительности

свидѣтельствуетъ о присутствіи пробѣловъ и неудобствъ въ научномъ изображеніи жизни.

Наука изображаетъ намъ факты дѣйствительности въ формулахъ и законахъ. Но такое схематическое изображеніе жизни весьма односторонне. Жизнь не есть рядъ общихъ схемъ, а есть рядъ разнообразныхъ конкретныхъ явленій. Зная схему явленія, мы вслѣдствіе этого еще не знаемъ явленіе вполнѣ, цѣликомъ, для этого намъ надобно посмотрѣть, какъ общая схема осуществляется въ отдѣльномъ явленіи, намъ надо посмотрѣть на явленіе живьемъ, въ его конкретности и случайности. Конечно, можно удовлетворить этой потребности путемъ чисто опытнымъ—дѣлая разнообразныя и многочисленныя наблюденія и слѣдя въ нихъ осуществленіе и выраженіе извѣстнаго принципа. Но личный опытъ обыкновенно бываетъ очень скуденъ и одностороненъ, многія стороны жизни остаются совсѣмъ неизвѣстными, лежащими внѣ сферы дѣятельности извѣстнаго лица; а если подходящіе факты и встрѣчаются, то часто не осмысливаются. Потребности нагляднаго осмысленнаго знакомства съ отдѣльными явленіями и стремится удовлетворить художественное творчество, давая намъ не формулы явленій, а описывая самыя явленія, изображая опредѣленныя личности, опредѣленныя мѣста, опредѣленныя событія. Составивъ себѣ понятіе о чемъ либо, мы желаемъ представить это нѣчто, видѣть его умственно живьемъ, а не въ формѣ схемы. Составивъ себѣ понятіе о формѣ земли, расположеніи океановъ и материковъ, мы создаемъ глобусъ, чтобы посмотрѣть землю въ цѣломъ, т. е. переводимъ понятіе въ представленіе; составивъ себѣ понятіе о животномъ, узнавъ, къ какому классу оно принадлежитъ, какіе имѣетъ отличительные видовые признаки, мы стараемся вообразить фигуру этого животнаго. И до тѣхъ поръ, пока мы не переведемъ понятіе въ представленіе, абстрактное въ конкретное, дѣло остается для насъ не совсѣмъ яснымъ.

Требуя отъ художественныхъ произведеній, чтобы они знакомили насъ съ отдѣльными явленіями въ всей ихъ жизненной свѣжести и подробности, мы конечно очень хорошо сознаемъ, что всѣхъ явленій жизни изобразить нельзя, такъ какъ ихъ существуетъ безчисленное множество. Поэтому мы отъ художника требуемъ типичности изображеній. Мы мало

цѣнимъ такія художественныя произведенія, въ которыхъ, можетъ быть съ большимъ талантомъ, изображены исключительныя явленія, встрѣчающіяся очень рѣдко, слишкомъ своеобразныя; мы желаемъ, чтобы описанное лицо или событіе было образцомъ, типомъ, представителемъ многихъ подобныхъ лицъ и событій, чтобы оно, будучи индивиндуальнымъ, въ то же самое время было и общимъ. Въ одномъ охарактеризовать многое—вотъ задача художественнаго творчества. При отсутствіи типичности въ художественныхъ, послѣднія не могутъ пополнять пробѣловъ разсудочнаго мышленія; отдѣльныхъ явленій существуетъ безчисленное множество, всѣхъ ихъ не узнать, да такое знаніе и безполезно. Знаніе есть знаніе общаго, а не частнаго. Поэтому типичность необходимое и существенное свойство художественныхъ изображеній.

Присутствіе теоретическаго элемента въ художественномъ творчествѣ объясняетъ намъ большую разницу между такими произведеніями, которыя по своимъ художественнымъ качествамъ, можетъ быть, и равны, но очень различны по значительности содержанія. Художникъ можетъ типично изображать намъ такіе конкретные факты, которые могутъ встрѣчаться вездѣ и во всѣ времена, притомъ факты важные, характерные; или такіе, которые встрѣчаются только у извѣстнаго народа, въ извѣстное время; или такіе, которые встрѣчаются только въ какомъ либо кружкѣ, въ данный моментъ времени и наконецъ факты, свойственные только извѣстному индивидууму. Сообразно съ такимъ измѣненіемъ въ широтѣ и содержательности сюжета, измѣняется и значеніе художественнаго произведенія: произведенія на общечеловѣческіе и притомъ характерные, значительные, сюжеты, конечно въ случаѣ ихъ талантливости, интересны и важны, потому что даютъ знаніе, картину, имѣющую цѣнность для каждаго; произведенія на кружковые мотивы, а тѣмъ болѣе на индивиндуальные, если въ послѣднихъ нѣтъ элементовъ типичности, общественности, мало интересуютъ, не смотря на талантливость, потому что кому какое дѣло до подобныхъ раритетовъ? Имъ мѣсто въ кунсткамерѣ, а не въ искусствѣ.

Но иногда сюжеты, повидимому самые мелкіе и ничтожные, въ художественныхъ произведеніяхъ получаютъ большое значеніе

и возбуждаютъ значительный интересъ. Что можетъ быть ничтожнѣе такого мотива: мелкій чиновникъ представляется большому начальству. Съ одной стороны отъ страха и трепета предъ начальствомъ, а съ другой—отъ ветхости вицмундира, во время представленія одна пуговица отрывается отъ вицмундира чиновника и катится по полу. А между тѣмъ какую прекрасную, сильную картину создалъ изъ этой мизерной исторіи художникъ (Достоевскій), картину, хватающую за сердце каждаго! Дѣло объясняется другимъ элементомъ художественныхъ произведеній—чувствованіями.

§ 128. Въ научномъ пониманіи и изображеніи міра чувствованія совершенно игнорируются, какъ будто бы ихъ и нѣтъ. Но на самомъ дѣлѣ они постоянно присутствуютъ: каждый фактъ дѣйствительности вызываетъ въ насъ разнообразныя волненія, онъ обусловливаетъ возникновеніе не только другихъ объективныхъ фактовъ, но и субъективныхъ—чувствованій. Полное изображеніе фактовъ непремѣнно включаетъ такимъ образомъ двѣ стороны: объективную—собственно фактъ, и субъективную—чувствованія. Изображеніемъ чувствованій, ассоціированныхъ съ различными фактами, художественное творчество существенно и дополняетъ реальное міровоззрѣніе и въ этомъ отношеніи художественное міросозерцаніе должно быть названо болѣе реальнымъ, чѣмъ самое наиреальнѣйшее научное.

При изображеніи чувствованій, ассоціированныхъ съ различными фактами, художникъ встрѣчается съ тою же самою задачею, какъ и при изображеніи самыхъ фактовъ, т. е. съ требованіемъ типичности. Изображаемое чувство должно быть болѣе или менѣе общечеловѣческимъ, а не какимъ либо одностороннимъ или болѣзненнымъ выраженіемъ индивиндуальной чувствительности. Послѣднее есть предметъ патологіи, а не искусства. Всякая спеціализація и односторонность въ изображеніи чувства вредитъ художественному произведенію, нанося ущербъ типичности его образовъ. Этимъ требованіемъ общечеловѣчности въ изображеніи чувствованій можно объяснить, почему художественныя произведенія такъ часто и много говорятъ о любви, о гнѣвѣ, о мести, о страстяхъ. Всѣ эти волненія постоянно всѣми переживаются, они такъ тѣсно ассо-

ціированы со многими и разнообразными фактами, что не возможно не касаться этихъ волненій при изображеніи фактовъ. На тему любви написано безчисленное количество произведеній и они читаются и будутъ читаться, потому что каждый читатель найдетъ въ такихъ произведеніяхъ отзвукъ, художественное выраженіе своихъ собственныхъ волненій. Какъ же скоро чувство изображается въ какомъ либо одностороннемъ, спеціальномъ и тѣмъ болѣе патологическомъ обнаруженіи, оно становится мало понятнымъ читателю, неизвѣстно ему, не пережито имъ, не типично, а вслѣдствіе этого и не производитъ впечатлѣнія. Именно отъ указаннаго свойства очень много теряютъ, не говоря о недостаткахъ формы, произведенія Достоевскаго, хотя они тѣмъ цѣннѣе дѣлаются для психолога и патолога, раскрывая имъ сравнительно рѣдкія, затаенныя и оригинальныя движенія души человѣческой.

Какъ скоро волненія изображены въ художественномъ произведеніи правдиво, типично, общечеловѣчно и притомъ достаточно рельефно, то они своею тяжестью, своимъ интересомъ придаютъ интересъ и значеніе объективнымъ фактамъ, повидимому самымъ ничтожнымъ, въ родѣ пуговицы, оторвавшейся отъ вицмундира чиновника. Нужно помнить, что психологически эти два элемента художественныхъ произведеній: объективный или теоретическій и субъективный или чувствованія равно факты и, какъ таковые, имѣютъ равное значеніе, могутъ, своей собственной силой и тяжестью, придавать интересъ и значеніе произведенію. Но художественное произведеніе достигаетъ наибольшей высоты тогда, когда оно типично и рельефно изображаетъ общечеловѣческіе, характерные, болѣе или менѣе значительные факты, и объективные и субъективные, когда въ немъ замѣчается полная гармонія между теоретическимъ элементомъ и чувствованіями.

Изложенный взглядъ на художественное творчество вполнѣ исключаетъ, такъ называемые, «фотографированье» и «протоколизмъ» при художественномъ творчествѣ. Фотографировать дѣйствительность, т. е. изображать ее со всѣми мелочами, подробностями и повтореніями, и безполезно, да и невозможно. И менѣе всего подобная задача можетъ быть задачей художественной дѣятельности, имѣющей дѣло по самой своей сущности

съ типичнымъ, съ характернымъ, а не съ тѣмъ, что первое попалось подъ протоколъ, съ ежедневною будничною мелочью и обыденностью. Художникъ долженъ не машинообразно фотографировать, но выбирать, взвѣшивать, что годится и что не годится для его произведенія, долженъ умѣть изображать факты.

Мало того, каждое художественное произведеніе необходимо бываетъ тенденціознымъ въ большей или меньшей мѣрѣ. Отображая въ художественной формѣ явленія дѣйствительности, художникъ, самый объективнѣйшій и нетенденціознѣйшій, живописуетъ ее намъ, имѣя идеалъ передъ собою, и этотъ невидимый, предносящійся предъ нимъ умственно, идеалъ управляетъ его рукой, оттѣняетъ краски, усиливаетъ или ослабляетъ сцены, придаетъ характерность выводимымъ лицамъ. Уже въ одномъ выборѣ сюжета и въ общей его постановкѣ сказывается этотъ невидимый, руководящій художникомъ, идеалъ. Каждый художникъ изображаетъ въ своемъ произведеніи то, что онъ считаетъ важнымъ и нужнымъ, и изображаетъ такъ, какъ онъ считаетъ это нужнымъ для достиженія своей цѣли. Сфера, въ которой онъ вращается, идеи и стремленія, которыми онъ живетъ, неизбѣжно отобразятся въ его произведеніи. Произведенія всякаго великаго художника тѣсно связаны съ его личностью и личною жизнью. Уйти отъ субъективизма и тенденціозности, превратиться въ какой то безличный объективизмъ, художнику, да всякому писателю, всякому человѣку вообще, невозможно. Это значитъ отказаться отъ самаго себя, отъ своихъ способностей, склонностей, знаній, взглядовъ; источникъ тенденціозности заключенъ въ личности. Кто что видитъ и чувствуетъ, о чемъ думаетъ, чего желаетъ, къ чему стремится, тотъ то и изображаетъ и иначе, конечно, быть не можетъ. Самая же тенденція, какъ и личность, отъ которой она исходитъ, бываетъ различная, либеральная и консервативная, умная и глупая, общечеловѣческая, гуманная и партійная, узкая и т. д. Поэтому разграничивать художественныя произведенія на тенденціозныя и не тенденціозныя неудобно, разница между ними сводится къ степени сознательности—что опять составляетъ общее свойство личности,—съ которой идеалъ выражается въ произведеніи. У одного

художника онъ отображается самъ собою и художникъ какъ будто не замѣчаетъ вліянія идеала на свое произведеніе; другой же художникъ прямо ставитъ своей задачей выразить въ произведеніи излюбленный идеалъ. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что тенденціозность и художественность нисколько не исключаютъ другъ друга и когда мы слышимъ такія сужденія, что вотъ такому-то писателю въ такомъ-то художественномъ его произведеніи очень много помѣшала его тенденціозность, то подобныя выраженія нужно понимать такъ, что художнику помѣшалъ недостатокъ таланта, знанія, психологической проницательности.

§ 129. Существенный пріемъ воображенія, его главный методъ есть синтезъ—цѣлыхъ образовъ, ихъ частей и признаковъ. Въ разсудочной дѣятельности самое важное дѣло есть образованіе различной степени абстрактовъ, т. е. выдѣленіе изъ какихъ либо умственныхъ продуктовъ какихъ либо свойствъ или чертъ и постановленіе ихъ въ видѣ самостоятельнаго предмета мышленія. Въ силу такого пріема и является возможнымъ всѣ предметы мысли расположить въ одинъ длинный рядъ по степени общности и быстро ихъ обозрѣвать. Слѣдовательно дѣятельность разсудка есть по преимуществу дѣятельность аналитическая. Въ воображеніи же процессъ идетъ инымъ путемъ: въ немъ дѣятельностъ абстракціи сравнительно слаба и на первое мѣсто выдвигается другой пріемъ—синтезъ, или цѣлыхъ представленій или ихъ частей или свойствъ. Воображеніемъ мы пополняемъ пробѣлы въ нашемъ знаніи, связываемъ разорванныя звѣнья научныхъ системъ; воображеніемъ мы создаемъ картины научно не познаваемаго бытія и строимъ міръ художественно - идеальный поверхъ міра дѣйствительнаго. А вся эта дѣятельность по самому своему существу синтетическая; при помощи воображенія мы постоянно сочетаемъ, соединяемъ, выстраиваемъ не безконечный рядъ болѣе и болѣе общихъ образовъ, заключающихъ въ себѣ менѣе общіе, но группы образовъ равно конкретныхъ, которые стоятъ другъ подлѣ друга, часто не заключая въ своемъ объемѣ сосѣдей, которые иногда скорѣе исключаютъ другъ друга и объединяются только своимъ отношеніемъ къ цѣлому, къ идеѣ, къ чувству. Если бы мы сказали, что

разсудочное творчество идетъ въ глубь или въ верхъ и изъ абстрактовъ построеваетъ тѣсно связанный рядъ ступенекъ, то о воображеніи мы должны были бы сказать, что оно идетъ въ ширь, растекается и постоянно создаетъ отдѣльные образы или группы образовъ самостоятельныхъ и независимыхъ; абстракты суть отдѣльныя свойства и черты, превратившіяся въ самостоятельные предметы мысли, а продукты воображенія суть настоящіе цѣлые образы, цѣльныя фигуры даже и тогда, когда ихъ задача и смыслъ выразить только одно какое либо отдѣльное свойство. Скупость—это абстрактъ, въ которомъ свойство мыслится какъ самостоятельный предметъ; Плюшкинъ—это образъ воображенія, цѣльная фигура, живой человѣкъ, но имѣющій своею задачею воплотить отдѣльное свойство—скупость; «Логика» Гегеля есть въ извѣстномъ смыслѣ произведеніе собственно разсудочнаго творчества, имѣющее своей задачей представить намъ систему понятій по степени ихъ общности, въ которомъ каждое понятіе есть только моментъ въ развитіи абсолютной идеи, но моментъ необходимый (съ точки зрѣнія Гегеля), такъ что выбросьте одно понятіе и вся длинная цѣпь понятій разорвется; Фаустъ Гете есть созданіе воображенія, имѣющее своей задачей представить различныя треволненія, сопряженныя съ умственною дѣятельностью. Оно также есть нѣчто цѣлое, органически единое, но образы здѣсь самостоятельны. Докторъ Вагнеръ не заключаетъ въ себѣ и не предполагаетъ необходимо доктора Фауста, докторъ Фаустъ Марту, сцена въ погребкѣ сцену въ саду и т. д. О Праксителѣ разсказываютъ, что онъ, удовлетворяя желанію жителей острова Коса имѣть статую богини Венеры, собралъ красивѣйшихъ женщинъ и для созданія статуи богини онъ взялъ у каждой изъ своихъ моделей наиболѣе красивые части и органы, слилъ ихъ въ одно гармоническое цѣлое и такимъ образомъ исполнилъ данное ему порученіе. Этотъ пріемъ есть типическій пріемъ воображенія, оно занимается не абстракціей, но синтезомъ частей и свойствъ, оно создаетъ не отвлеченное, а конкретное и живое. Абстракція въ воображеніи имѣетъ, какъ увидимъ, сравнительно мало значенія.

§ 130. Методическіе пріемы, которыми преимущественно пользуется воображеніе при пополненіи пробѣловъ реальнаго

знанія есть составленіе гипотезъ, а при изображеніи бытія научно непознаваемаго—процессъ аналогіи. Гипотеза своими корнями лежитъ въ фактахъ: она создается для объясненія фактовъ, на основаніи фактовъ и ея истинность или ложность провѣряется фактами же. Какъ скоро встрѣчается пробѣлъ въ положительномъ знаніи, сейчасъ на помощь является гипотеза и служитъ мостомъ, переходомъ отъ одной группы фактовъ къ другой. Гипотеза имѣетъ громадное значеніе въ развитіи нашей мысли, потому что частные пробѣлы въ нашихъ реальныхъ знаніяхъ обыкновенно покрываются гипотезами. При встрѣчѣ съ знакомымъ, я замѣчаю въ немъ какую-то особенную вялость и малодѣятельность. Въ чемъ причина такого явленія? Нездоровье, испытанное разочарованіе, утомленіе отъ долгаго и напряженнаго труда? Я выбираю одну изъ возможныхъ гипотезъ и начинаю провѣрять ее фактами. Гипотеза, вполнѣ согласная съ фактами, есть уже теорія, на которую мы можемъ полагаться. И каждое открытіе, каждый законъ, прежде чѣмъ онъ всесторонне будетъ провѣренъ и подтвержденъ фактами, есть ничто иное, какъ гипотеза. Поэтому умѣнье составлять хорошія гипотезы есть великое искусство въ научномъ трудѣ. Наша умственная работа въ томъ и состоитъ, что мы наблюдаемъ факты, для объясненія ихъ составляемъ гипотезу и составленную гипотезу провѣряемъ новыми фактами. Изъ частныхъ гипотезъ мы образуемъ болѣе общія, провѣряемъ ихъ опять фактами, снова наблюдаемъ факты и составляемъ гипотезы и т. д. безъ конца.

При изображеніи научно непознаваемаго бытія умъ нашъ прибѣгаетъ обыкновенно къ аналогіи. Если сфера бытія научному анализу, по крайней мѣрѣ въ данное время, не подлежитъ, а между тѣмъ какой либо интеллектуальный интересъ неудержимо влечетъ насъ къ ней, то намъ ничего болѣе не остается, какъ только воспользоваться аналогіями: научно непознаваемое бытіе представить существующимъ по образу и подобію того бытія, которое насъ окружаетъ, съ неизбѣжными перемѣнами свойствъ реальнаго бытія, ихъ сокращеніями и дополненіями. Есть ли жители на свѣтилахъ небесныхъ, кромѣ земли, и если есть, то что это за существа и каковы условія ихъ жизни? Рѣшить вопросъ научно возможности нѣтъ, а

любопытство можетъ приковать умъ человѣка и къ этому вопросу. Остается одно средство: положительно отвѣтивъ на поставленный вопросъ, создать картину бытія этихъ невѣдомыхъ существъ по аналогіи съ несомнѣнно живущими вокругъ насъ, измѣнивъ, что нужно, по логическимъ и инымъ требованіямъ. Во всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ, имѣющихъ цѣлью изобразить загробную жизнь, адскія муки и райскія наслажденія, чистилище, процессъ аналогіи является господствующимъ. Дантъ и другіе авторы того же направленія, изображая съ великими подробностями загробную жизнь, рисуютъ ее постоянно по образу и подобію земной и, понятно, иначе поступить не могутъ, такъ какъ для ея изображенія нѣтъ никакихъ другихъ элементовъ, кромѣ земныхъ. Сколько они ни напрягаютъ свою фантазію, чтобы дать новую поразительную картину мученій грѣшниковъ или наслажденій праведниковъ—всѣ ихъ усилія не уносятъ ихъ выше земли, дальше земныхъ наслажденій и земныхъ страданій. Представленія дикихъ о мѣстопребываніи отшедшихъ душъ, ихъ жизни, занятіяхъ и пр., изображеніе у Гомера блаженства безсмертныхъ боговъ на Олимпѣ и т. п. картины составляются главнымъ образомъ процессомъ аналогіи съ землей, человѣкомъ и его бытомъ. Шопенгауэръ насмѣшливо, но справедливо замѣтилъ о Дантѣ: «откуда же иначе Данте взялъ матеріалъ для своего Ада, какъ не изъ нашего дѣйствительнаго міра? И тѣмъ не менѣе вышелъ очень изрядный адъ. Напротивъ, когда онъ дошелъ до задачи—изобразить небо и его блаженства, предъ нимъ оказалось непреоборимое затрудненіе; потому именно, что міръ нашъ не представляетъ матеріаловъ къ чему либо подобному». [1])

Значеніе аналогій въ умственномъ процессѣ гораздо меньше, чѣмъ гипотезъ. Аналогія, по существу дѣла, есть та же гипотеза, только очень смѣлая, рискованная, имѣющая въ своей основѣ не вполнѣ установленные и прочные факты, а главное гипотеза, часто недоступная фактической провѣркѣ, что и дѣлаетъ ее сравнительно мало полезной для науки. Пусть какой либо ученый дастъ намъ цѣлый трактатъ о суще-

---

[1]) Міръ какъ представленіе и воля. Пер. Фета, стр. 386.

ствахъ, населяющихъ луну, Марсъ или другую какую нибудь планету, съ подробнымъ изображеніемъ условій жизни этихъ небесныхъ жителей. Мы провѣрить его не можемъ, а потому и весь трактатъ почти безплоденъ, онъ можетъ давать только большія или меньшія основы для вѣры.

§ 131. Частные синтетическіе пріемы, которыми пользуется художникъ при созданіи своихъ произведеній, можно свести къ слѣдующимъ тремъ: а) комбинація представленій, взятыхъ въ цѣломъ или по частямъ; б) комбинація признаковъ представленій; в) соединеніе первыхъ двухъ пріемовъ, дающее спеціальный пріемъ — увеличеніе или уменьшеніе свойствъ какого либо представленія.

Сочетаніе представленій цѣликомъ или по частямъ наиболѣе простой пріемъ художественнаго творчества. Нужно описать художнику мѣсто дѣйствія, обстановку и самихъ дѣйствующихъ лицъ и вотъ художникъ пользуется запасомъ представленій, сохраняемыхъ памятью и черпаетъ оттуда, не подвергая матеріалъ значительной переработкѣ. Не только части представленій или отдѣльныя представленія, цѣлыя вереницы и ассоціаціи ихъ—лица, костюмы, дѣйствія, мѣстности, условія жизни,— изъ памяти непосредственно переходятъ въ художественное произведеніе. Въ настоящее время натуралистическая школа романистовъ, преслѣдующая «фотографированье» въ искусствѣ, широко пользуется указываемымъ пріемомъ: послѣдователи этой школы тщательно изучаютъ рынки, магазины, продажныхъ женщинъ, людей всѣхъ классовъ общества, предпринимаютъ путешествія для ознакомленія съ мѣстностями, посѣщаютъ архивы, читаютъ по извѣстному вопросу ученыя сочиненія, словомъ серьезно подготовляются къ созданію художественнаго творенія, заботливо собираютъ «человѣческіе документы»; изъ своей записной книжки они многое прямо и непосредственно переносятъ въ свои романы. Конечно, этотъ пріемъ всегда практиковался, онъ часто употребляется и въ будничной жизни для различныхъ построеній: ощущенія одного органа мы сочетаемъ съ ощущеніями другаго, одно чувство съ другимъ чувствомъ, беремъ часть одного ландшафта и сочетаемъ съ частью другаго, вслѣдствіе чего и получаемъ какой либо новый видъ. Беремъ, напримѣръ, часть организма чело-

вѣка и часть организма лошади и создаемъ фантастическое существо—центавра; беремъ часть организма женщины и часть организма рыбы, сочетаемъ ихъ и получаемъ представленія о сиренѣ, никсѣ, морянѣ, которыя до пояса юныя дѣвы чудной красоты, а ниже пояса имѣютъ рыбій хвостъ. Въ сновидѣніяхъ, въ мечтахъ, въ импровизаціяхъ разсматриваемый пріемъ творчества является преобладающимъ. Въ указанныхъ частныхъ формахъ творчества мы не имѣемъ возможности пересматривать отдѣльныя представленія, перемѣнять въ нихъ признаки и вообще производить детальную работу; мы быстро сцѣпляемъ цѣлыя представленія или ихъ части и такимъ образомъ создаемъ новые сложные образы.

Второй пріемъ синтетической работы при художественномъ творчествѣ гораздо труднѣе перваго. Онъ заключается въ комбинаціи признаковъ представленій для образованія новыхъ продуктовъ. Такъ какъ наши представленія предметовъ имѣютъ обыкновенно нѣсколько признаковъ въ своемъ содержаніи, то комбинація признаковъ можетъ быть очень разнообразной. Частныхъ пріемовъ можно указать четыре: 1) пріемъ сокращенія представленія. Нѣсколько признаковъ изъ содержанія представленія опускается, представленіе сжимается и получаетъ новый видъ; 2) пріемъ расширенія представленія. Къ признакамъ даннаго представленія мы прибавляемъ признаки изъ другаго представленія и такимъ образомъ первое представленіе расширяемъ, пополняемъ; 3) пріемъ абстракціи и синтеза отдѣльныхъ признаковъ многихъ представленій для выстроиванья изъ нихъ новаго конкретнаго цѣлаго; 4) пріемъ мѣны. Два или нѣсколько представленій обмѣниваются признаками, или небольшою ихъ частью или значительною или всѣми.

Пріемъ сокращенія употребляется очень часто. Между своими наблюденіями и представленіями памяти мы встрѣчаемъ нерѣдко такія, которыя вполнѣ подходили бы для выраженія занимающей насъ идеи, если бы исключить изъ нихъ нѣкоторые признаки. Живая личность, которую встрѣчаетъ художникъ, иногда цѣликомъ могла бы быть перенесена на страницы романа или на полотно, если бы въ ней отсутствовали вотъ такіе-то и такіе-то признаки, въ данномъ случаѣ не нужные. И художникъ обыкновенно пользуется встрѣтив-

шеюся счастливою личностью, опуская въ своемъ изображеніи ея все то, что ему не нужно и такимъ образомъ сокращая дѣйствительное представленіе о личности (Базаровъ Тургенева).

Но такъ бываетъ сравнительно рѣдко, чтобы одна личность типически выражала свойства цѣлаго класса. Чаще приходится дополнять свойства одной личности свойствами другой или другихъ. Если данная личность владѣетъ многими чертами, нужными художнику для созданія образа, такъ что остается дополнить ее только нѣсколькими свойствами, которыя нужно позаимствовать изъ представленія о другой личности, то процессъ приметъ форму втораго изъ указанныхъ нами пріемовъ— дополненія. Если же, для созданія образа, приходится собирать разсѣянныя черты со многихъ представленій, отвлекать ихъ отъ цѣлыхъ представленій и затѣмъ отвлеченныя снова сочетать въ одно цѣлое, то получится третій, указанный нами, пріемъ. Простѣйшій видъ этого пріема творчества встрѣчается тогда, когда признаки уже отвлечены и намъ остается только построить изъ нихъ образъ.

Такой видъ творчества часто встрѣчается при изученіи минералогіи, ботаники, зоологіи, исторіи, географіи. Когда намъ говорятъ, или мы читаемъ въ книгѣ, что такой-то минералъ или растеніе имѣетъ такую-то форму, цвѣтъ, строеніе, величину и пр., то всѣ перечисляемыя черты суть черты отвлеченныя. Наша же задача будетъ состоять въ томъ, чтобы изъ этихъ абстрактныхъ чертъ составить себѣ живой образъ растенія, минерала или животнаго, превратить абстрактное въ конкретное. Тотъ же процессъ совершается и при изученіи исторіи и географіи. Намъ описываютъ человѣка, описываютъ страну, но какъ бы описаніе ни было живо и картинно, оно все же не можетъ намъ показать живаго человѣка, или дѣйствительную страну; оно можетъ только, и то въ постепенномъ порядкѣ, другъ за другомъ, по возможности ясно и раздѣльно, перечислить характерныя, отличительныя черты человѣка и страны, представляя творческой дѣятельности слушателя или читателя собрать эти, послѣдовательныя и разрозненныя, черты въ одинъ цѣльный продуктъ, слить ихъ и такимъ образомъ создать живой образъ историческаго дѣятеля или страны, въ которой жилъ этотъ

дѣятель. Въ болѣе сложномъ видѣ этотъ же пріемъ предстаетъ передъ нами, когда процессъ абстракціи еще не выполненъ и его нужно совершить, а потомъ уже абстрагированное синтезировать.

Пріемъ мѣны признаковъ двухъ или нѣсколькихъ представленій встрѣчается гораздо рѣже и имѣетъ значеніе меньшее, чѣмъ указанные первые три пріема. Онъ предполагаетъ принципъ превращенія одного существа въ другое, а такой принципъ нѣкогда имѣлъ весьма широкое примѣненіе въ нашемъ мышленіи, въ настоящее же время онъ свое значеніе утратилъ. Помощью этого пріема мы создаемъ представленія о самыхъ фантастическихъ и противорѣчивыхъ существахъ, каковы оборотни, боги, превратившіеся въ людей, люди, превратившіеся въ животныхъ и т. п. Пріемъ мѣны есть господствующій пріемъ сказокъ, миѳовъ и басенъ. Въ сновидѣніяхъ и мечтахъ онъ также занимаетъ видное мѣсто. Въ сновидѣніяхъ одно представленіе безъ особеннаго труда превращается въ другое; въ мечтахъ мы также любимъ представлять самихъ себя въ другихъ образахъ и видахъ, чѣмъ въ какихъ существуемъ на самомъ дѣлѣ, и любуемся своими собственными превращеніями, на манеръ гоголевскаго титулярнаго совѣтника Поприщина: «вдругъ, напримѣръ, я вхожу въ генеральскомъ мундирѣ: у меня и на правомъ плечѣ эполета, и на лѣвомъ плечѣ эполета, черезъ плечо голубая лента.....».

§ 132. Увеличеніе или уменьшеніе свойствъ одного представленія есть повидимому пріемъ аналитическій, а не синтетическій. Синтезъ предполагаетъ нѣсколько представленій, а здѣсь всего только одно. Но когда мы увеличиваемъ или уменьшаемъ свойства какого либо представленія, тогда у насъ въ процессѣ, собственно говоря, учавствуетъ не одно, а нѣсколько представленій. Я только тогда могу увеличить размѣры, напр. обыкновеннаго человѣческаго роста, сдѣлать изъ простаго смертнаго гиганта, великана, когда я видѣлъ или очень большихъ людей или вообще что либо значительно большее человѣка, напр. гору. Тогда признакъ величины я возьму съ этого другаго представленія и перенесу на данное. Точно тоже нужно сказать относительно уменьшенія представленія: мы никогда не создали бы представленія о пигмеяхъ и лиллипутахъ, если бы не знали маленькихъ людей или вещей гораздо

меньшихъ человѣка. Вообще только опытъ служитъ основой нашей дѣятельности при той творческой формѣ, которую мы разсматриваемъ. Наблюдая дѣтей, мы легко замѣтимъ, что они, увеличивая или уменьшая какой либо предметъ, сейчасъ же сопоставляютъ его съ другимъ, имъ извѣстнымъ, большимъ или меньшимъ. Если же при увеличеніи или уменьшеніи свойствъ какого либо представленія въ нашемъ сознаніи не присутствуютъ ясно и отчетливо тѣ другія представленія, съ которыхъ берутся нужныя свойства, то это потому, что они сдѣлались слишкомъ обычными намъ, подразумѣваются нами не ясно, не сознательно. Мы легко напр. можемъ увеличить представленія о промежуткѣ времени въ одинъ годъ и изъ одного года сдѣлать сотню лѣтъ или уменьшить годъ до одной минуты и въ этомъ случаѣ у насъ повидимому никакихъ другихъ опредѣленныхъ представленій въ сознаніи нѣтъ. Но на самомъ дѣлѣ они несомнѣнно есть, именно представленія о весьма большихъ количествахъ времени и о весьма малыхъ; представленія о сотнѣ лѣтъ и объ одной минутѣ мы создаемъ не сейчасъ, они были у насъ раньше, мы пользуемся ими готовыми. Слѣдовательно при увеличеніи или уменьшеніи свойствъ одного представленія въ нашемъ умственномъ процессѣ учавствуетъ не одно представленіе, а нѣсколько и слѣдовательно этотъ процессъ синтетическаго характера. Строго говоря, онъ представляетъ собой второй частный видъ художественнаго творчества съ большей или меньшею примѣсью перваго.

Эта форма творчества—увеличеніе, уменьшеніе и вообще измѣненіе свойствъ одного даннаго представленія — употребляется нами во многихъ случаяхъ. Имѣя ясное представленіе о томъ или другомъ цвѣтѣ, мы можемъ мысленно или увеличивать или уменьшать степень его яркости, сообразно съ своими цѣлями; имѣя раздѣльное впечатлѣніе тяжести въ одинъ фунтъ вѣсомъ, мы можемъ создать представленіе о тяжести втрое большей, утрояя умственно извѣстное намъ впечатлѣніе; глядя на отдаленныя вершины горъ, на луну, на звѣзды, мы оцѣниваемъ ихъ разстояніе отъ насъ, прибѣгая къ творчеству въ сферѣ мускульнаго чувства, увеличивая во много разъ свои мускульныя упражненія и получая такимъ образомъ, безъ сомнѣнія слабую и не адекватную, идею этихъ

громадныхъ разстояній; при чувствѣ симпатіи намъ часто приходится пользоваться этой формой творчества, чтобы понять состояніе другаго. Мы нерѣдко бываемъ вынуждены въ подобныхъ обстоятельствахъ увеличивать во много разъ какое либо пережитое нами чувство или ощущеніе, чтобы войти въ положеніе другаго, хотя приблизительно чувствовать то, что чувствуетъ эта личность; подъ вліяніемъ чувствъ гнѣва, любви, самолюбія мы также увеличиваемъ и уменьшаемъ признаки предметовъ. Любимую особу и себя самихъ мы представляемъ нерѣдко съ увеличенными хорошими качествами и уменьшенными дурными, врага же, наоборотъ, представляемъ съ увеличенными дурными качествами и уменьшенными хорошими; въ художественныхъ произведеніяхъ, въ сатирахъ, въ драмахъ, комедіяхъ мы часто встрѣчаемъ также преувеличенія свойствъ дѣйствительныхъ личностей, для большаго эффекта и назидательности, встрѣчаемъ изображенія и физическихъ и духовныхъ, т. е. умственныхъ и нравственныхъ, пигмеевъ и великановъ.

Особенно легко доступны увеличенію и уменьшенію пространственныя и временныя представленія, такъ какъ величина есть одно изъ самыхъ обычныхъ и постоянно присущихъ намъ представленій. Увеличить или уменьшить объемъ предмета въ 20 разъ противъ его дѣйствительныхъ размѣровъ, превратить годъ въ 1000 лѣтъ,—для этого не требуется какихъ либо особенныхъ знаній и особыхъ напряженій со стороны человѣка, даже самаго посредственнаго, одареннаго психически наиболѣе скудно. Поэтому народы на первыхъ ступеняхъ своего развитія, дѣти, даже психически больные рельефно обнаруживаютъ эту форму творчества. По мнѣнію индусовъ, въ древнія времена средняя продолжительность жизни людей была 80,000 лѣтъ, святые же жили болѣе 100,000 лѣтъ. Одинъ святой мужъ, жившій во времена чистоты нравовъ и добродѣтели, былъ особенно долголѣтенъ. При воцареніи ему было 2,000,000 лѣтъ; царствовалъ онъ 6,300,000 лѣтъ, по прошествіи которыхъ отказался отъ престола и жилъ еще 100,000 лѣтъ. [1]) Подобную же игру представленіями величины

---

[1]) Бокль, Исторія цивилизаціи, т. I, стр. 134, прим. 133.

можно часто встрѣчать у психически больныхъ. Такой больной не довольствуется состояніемъ въ 2, 3, 10 милліоновъ, или названіемъ себя императоромъ какой нибудь опредѣленной страны, но переступаетъ всѣ предѣлы возможнаго и мыслимаго. У него 100,000 арабскихъ лошадей, 7,000 заводовъ или фабрикъ, 600,000 брилліантовъ, 20,000 милліоновъ ежегоднаго дохода. Онъ величаетъ себя царемъ всѣхъ странъ, всей Европы и Америки, всего земнаго шара, всей вселенной. Онъ признаетъ своею собственностью все существующее и не существующее и даже невозможное. Съ добродушной щедростью подаривъ вамъ все, онъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что кромѣ того, т. е. кромѣ всего, у него еще осталось гораздо болѣе того, что онъ сейчасъ только отдалъ вамъ. Въ то же время онъ приписываетъ себѣ всѣ способности, познанія, ученыя степени, въ совершеннѣйшемъ видѣ онъ знаетъ всѣ языки, онъ докторъ всѣхъ наукъ, путешествовалъ по всѣмъ краямъ свѣта, пользуется не только наилучшимъ здоровьемъ, но избыткомъ своего здоровья и своихъ силъ исцѣляетъ больныхъ и т. п. [1])

Поэты всѣхъ временъ пользовались этимъ пріемомъ и поэзія отъ своихъ древнѣйшихъ эпохъ и до нынѣшнихъ дней представляетъ рядъ боговъ, полубоговъ, героевъ. Сообразно съ идеалами человѣчества въ каждую эпоху, эти герои представлялись или силачами, въ родѣ титановъ и Геркулеса, мудрецами, рыцарями и т. д. Особенно эти преувеличенія любили авторы старинныхъ романовъ и поэмъ: героями ихъ произведеній были принцессы, рыцари, феи, одѣтые въ красивыя, яркія одежды, живущіе въ великолѣпныхъ, роскошно убранныхъ, чертогахъ, проводящіе свое время въ пирахъ, при самой богатой обстановкѣ, при массѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей, при свѣтѣ «прекраснаго дня или тысячи огней». Когда же и этого казалось мало, тогда поэтъ, безъ дальнихъ околичностей, переносилъ дѣйствіе на востокъ, и тамъ его герои утопали въ блаженствѣ среди красивыхъ женщинъ, яркихъ тканей, массы драгоцѣнныхъ камней и золота, араматовъ дорогихъ благовонныхъ веществъ и т. д. Природу древніе поэты

---

[1]) Фрезе, Очеркъ судебной психологіи. Казань, 1871 г. стр. 121.

*

любили также величественную, любили изображать дѣвственные лѣса, широкія и быстрыя рѣки, страшныхъ звѣрей и т. п. Собственно въ наукѣ этотъ пріемъ также имѣетъ большое значеніе. Астрономія и геологія, исчисляющія время совершенія различныхъ переворотовъ въ мірѣ милліонами лѣтъ, даже археологія, исторія и географія, предполагающія постоянно расширеніе обычныхъ, среднихъ пространственныхъ и временныхъ представленій, вынуждены постоянно прибѣгать къ этому построительному пріему. Каждое отдѣльное лице знаетъ по собственному опыту пространство и время въ весьма ограниченной сферѣ: пространство въ объемѣ данной мѣстности, въ которой живетъ, время въ объемѣ тѣхъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, которые оно прожило. Слѣдовательно всѣ географическія и историческія представленія основываются на томъ пріемѣ, на который мы указываемъ.

Въ изображеніи бытія научно непознаваемаго люди постоянно прибѣгаютъ къ разсматриваемому пріему—увеличенію признаковъ даннаго представленія. Несомнѣнно, что представленіе о Богѣ заключаетъ тѣ же признаки, которые мы наблюдаемъ и въ психической дѣятельности человѣка, только эти признаки расширены въ безконечные аттрибуты. Какъ же скоро хотятъ дать детальную и яркую картину научно непознаваемаго бытія, тогда ничего больше не остается, какъ увеличить размѣры дѣйствительности и взять краски по ярче. Въ этомъ отношеніи весьма интересны описанія «Корана» различныхъ небесъ.

Условія запоминанія идеальнаго міровоззрѣнія тѣ же самыя, что условія запоминанія и реальнаго.

§ 133. Такъ какъ сущность воображенія заключается въ построеніяхъ, въ синтезѣ, то при воспитаніи воображенія на упражненія въ построеніяхъ педагогу и нужно обратить свое вниманіе. Синтетическія упражненія могутъ быть двухъ родовъ: теоретическія и практическія. Теоретическія упражненія состоятъ въ комбинаціи данныхъ теоретическихъ въ новое цѣлое, практическія – практическихъ, наглядныхъ. Послѣдній видъ упражненій суть игры; онѣ представляютъ самое простое упражненіе въ синтетическихъ построеніяхъ и въ то же время самое любимое занятіе дѣтей. По степени сложности построенія, игры могутъ

быть безконечно разнообразны. Если мы дадимъ ребенку двѣ карты и онъ построитъ изъ нихъ шалашъ, это будетъ уже элементарное синтетическое упражненіе воображенія: ребенокъ два куска матеріала сложилъ извѣстнымъ образомъ и получилъ новый результатъ. Если мы дадимъ ему побольше картъ и онъ построитъ изъ нихъ домъ, это будетъ упражненіе болѣе сложное и вмѣстѣ болѣе высокаго порядка. Если же изъ картъ ребенокъ сдѣлаетъ такую постройку, которой онъ вокругъ себя не видалъ, которую онъ себѣ только вообразилъ, то это упражненіе будетъ еще болѣе высокаго ранга, потому что въ первыхъ двухъ случаяхъ форма постройки ему была дана окружающею дѣйствительностію и его творчество имѣло своей задачей данную форму создать изъ того матеріала, который находился въ распоряженіи, творческимъ былъ только процессъ; въ послѣднемъ же случаѣ создается и самая форма постройки, которая осуществляется, работа является творческой и по замыслу и по процессу. Усложнять эти работы мы можемъ безконечно, а разнообразя матеріалъ, мы можемъ придавать упражненіямъ безконечно различные виды. Для того, чтобы подобныя упражненія были вполнѣ цѣлесообразны, нужно выполнить слѣдующія условія: а) матеріалъ упражненій не долженъ имѣть опредѣленную форму, которая предопредѣляла бы собой характеръ игры. Онъ долженъ быть не готовой законченной игрушкой, а просто матеріаломъ; б) матеріалъ упражненій долженъ быть разнообразенъ, въ видахъ большаго интереса упражненій и удовлетворенія личнымъ вкусамъ дѣтей; в) усложненіе упражненій должно происходить постепенно; г) дѣти должны имѣть достаточный запасъ однородныхъ и разнородныхъ представленій, которыя могли бы комбинировать по новому въ игрѣ. Чѣмъ багаче будетъ ребенокъ представленіями, чѣмъ представленія будутъ разнообразнѣе и живѣе, тѣмъ охотнѣе и съ большимъ интересомъ будетъ ребенокъ играть.

Что касается теоретическихъ упражненій въ построеніяхъ, то они гораздо труднѣе практическихъ. О практическихъ построеніяхъ вообще можно сказать, что они соотвѣтствуютъ комбинаціи цѣлыхъ представленій или ихъ частей въ новое образованіе, о теоретическихъ же — что они соотвѣтствуютъ комбинаціи признаковъ представленій. Теоретическія упражненія

въ построеніяхъ, подобно практическимъ, могутъ быть весьма разнообразны и многочисленны, и по матеріалу и по степени сложности. Особенную важность имѣютъ такія построенія и упражненія, которыя допускаютъ возможность тщательной фактической провѣрки. Сообщаются дитяти, напримѣръ, признаки какого либо животнаго или растенія или минерала и потомъ требуется, чтобы оно перечисленные признаки слило и построило изъ нихъ цѣлый образъ, фигуру животнаго, растенія, минерала. Для пособія построенію можно показать картинку построеваемаго предмета, а потомъ сличить построеніе съ дѣйствительнымъ предметомъ. При сличеніи построенія съ дѣйствительностію, обнаружатся недостатки дѣтскаго синтеза, которые и исправятся наблюденіемъ. Подобныя упражненія весьма важны, такъ какъ они пріучаютъ умъ къ построеніямъ реальнымъ, а не фантастическимъ. Такія же упражненія могутъ имѣть своимъ предметомъ различныя географическія данныя— рѣки, озера, острова, низменности и возвышенности, разныя мастерства, орудія производства и т. д. Нечего, конечно, прибавлять, что элементарныя представленія при такихъ построеніяхъ у дитяти должны существовать обильныя и яркія.

Историческія построенія представляютъ дальнѣйшую ступень трудности. Въ нихъ наглядная провѣрка невозможна въ большинствѣ случаевъ, ибо памятниковъ, особенно отъ древнихъ народовъ, осталось немного и видѣть ихъ можетъ далеко не каждый. Приходится довольствоваться картинами и чертежами и сличать теоретическое построеніе учащагося съ теоретическимъ построеніемъ, имѣющимся у самого учителя. Само собой разумѣется, что всякая неясность въ историческомъ построеніи какого либо факта у учителя, всякая неясность или недостаточность построительныхъ элементовъ въ сознаніи учащагося гибельно отражаются на достоинствахъ построенія. Положимъ, ученику сообщаются свѣдѣнія о государственномъ строѣ и управленіи аѳинскаго народа, и требуется соотвѣтствующее построеніе, а онъ толкомъ не знаетъ, какъ управляется русскій народъ, что такое государственный совѣтъ, сенатъ, синодъ, какое значеніе имѣютъ министры и какое отношеніе всѣхъ этихъ органовъ государственнаго управленія другъ къ другу и къ царской власти. Понятно, за недостаткомъ и неясностью

соотвѣтствующихъ элементовъ, построеніе ученика о государственномъ строѣ и управленіи аѳинянъ будетъ очень неудовлетворительно; слова-то, конечно, онъ запомнитъ, но смыслъ ихъ понимать будетъ очень плохо.

Геологическія, астрономическія и подобныя построенія удадутся учащемуся еще хуже историческихъ, потому что построительные элементы ему менѣе знакомы, болѣе далеки и чужды, чѣмъ историческіе. Притомъ въ нихъ требуется спеціальная построительная способность по части временныхъ и пространственныхъ представленій, которой учащіеся обыкновенно владѣютъ весьма недостаточно; для нихъ обозначенія пространства и времени по большей части суть пустые знаки, слова, а не реальныя представленія, переставить событіе изъ одного вѣка въ другой, а мѣстность передвинуть на нѣсколько градусовъ имъ ничего не значитъ. Преподавателямъ исторіи, географіи и соотвѣтствующихъ предметовъ слѣдовало бы обратить спеціальное вниманіе на развитіе способности синтетическаго творчества въ сферѣ пространства и времени. Главнѣйшими средствами для достиженія цѣли могутъ быть: отчетливое напечатлѣніе въ умѣ сначала небольшихъ промежутковъ времени и пространства; постепенное сочетаніе ихъ въ большія единицы; приведеніе большихъ количествъ времени и пространства къ какимъ либо нагляднымъ величинамъ, выражающимъ нужную идею если не вполнѣ точно, за то достаточно рельефно.

§ 134. Изъ теоретическихъ упражненій развитія творчества обыкновенно хорошимъ средствомъ считаются сказки, басни, повѣсти, вообще доступная дѣтямъ художественная литература, такъ какъ она сама обязана своимъ существованіемъ воображенію. При оцѣнкѣ этого воспитательнаго средства прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что способствовать развитію построительной способности можно наиболѣе всего такими упражненіями, которыя представляютъ практику въ построеніяхъ. Но слушаніе и усвоеніе сказокъ и прочихъ произведеній художественнаго творчества не есть собственная построительная работа, а простое усвоеніе смежностію чужихъ построеній, готовыхъ синтезовъ. Если же мы будемъ безконечно много усвоять чужихъ построеній, а сами синтетически работать не будемъ, то у насъ построительная способность не разовьется.

Слѣдовательно мы можемъ признавать сказки и прочую художественную литературу воспитательнымъ средствомъ воображенія не потому, чтобы сами онѣ заключали въ себѣ упражненія въ построеніяхъ, а потому, что онѣ, будучи продуктами воображенія, могутъ затрогивать, будить эту сторону дѣятельности нашего ума и служить образцами.

И въ указанномъ смыслѣ значеніе сказокъ, какъ воспитательнаго средства воображенія, нужно ограничить. Извѣстно, что сказки и нѣкоторые другіе виды художественныхъ произведеній характеризуются тѣмъ, что они довольно часто пренебѣждаютъ законы естества, противорѣчатъ и физикѣ и психологіи и логикѣ, въ сказкахъ много чудеснаго, сверхъестественнаго. Если творческая способность дитяти, подъ вліяніемъ сказокъ, направится въ сторону чудеснаго, сверхъестественнаго, то получится не нормальное развитіе воображенія. Идеальное міровоззрѣніе должно дополнять реальное, должно органически слиться съ нимъ. А какое же можетъ быть дополненіе и сліяніе въ томъ случаѣ, когда воображеніе будетъ утверждать то, что отрицаетъ разсудокъ, когда идеальное и реальное міровоззрѣнія будутъ построены на двухъ, взаимно исключающихъ другъ друга, принципахъ? Итакъ изъ сферы художественныхъ произведеній, какъ воспитательнаго средства воображенія, нужно исключить все то, что могло бы толкать умъ на путь сверхъестественнаго. Прочія же художественныя произведенія, отвѣчающія дѣтскому возрасту, могутъ быть полезны для развитія воображенія, именно въ смыслѣ пробужденія охоты къ нему и представленіемъ образцовъ. Въ частности сказки даютъ нѣкоторые, весьма рѣзко очерченные, типы, глубоко западающіе въ душу ребенка, напр. злой мачихи, дѣтокъ, невинно ею преслѣдуемыхъ, Иванушки—дурачка, мѣтко охарактеризованные образы звѣрей, напр. лисицы, волка, въ простой, вполнѣ доступной, дѣтямъ формѣ знакомятъ съ людскими отношеніями, ихъ правдой и неправдой. Сказка вообще по плечу дѣтямъ по отсутствію сложнаго и тонкаго психологическаго анализа, по рѣзкой обрисовкѣ образовъ, по своему антропоморфическому изображенію вселенной. Поэтому сказки такъ нравятся дѣтямъ и производятъ на нихъ сильное впечатлѣніе. Но нужно помнить, что простое возбужденіе

творческой способности сказками и другими художественными произведеніями должно принять болѣе опредѣленное направленіе и притомъ такое, чтобы въ концѣ концовъ нашъ разсудокъ нашелъ пособника и восполнителя въ нашемъ воображеніи. А для этого весьма важны тѣ практическія и теоретическія упражненія въ творчествѣ, которыя были указаны выше.

Глава XIII.

Главнѣйшія причины измѣненія міровоззрѣнія.

§ 135. Міровоззрѣніе построено. Со времени своей постройки, оно остается неизмѣннымъ или измѣняется? Собственно законченнаго, твердаго, неизмѣннаго міровоззрѣнія мы не знаемъ, пока мы живемъ, мы все его строимъ, измѣняемъ; міровоззрѣніе есть своего рода вавилонская башня, которую человѣкъ бросаетъ недостроенной въ моментъ своей смерти. Множество разнообразныхъ причинъ вызываетъ насъ на непрерывную стройку и передѣлку міровоззрѣнія.

Прежде всего каждый возрастъ вноситъ свой вкладъ въ наше міровоззрѣніе. Мы начинаемъ психическую жизнь отсутствіемъ всякаго міровоззрѣнія, нѣсколькими разрозненными субъективными состояніями, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на что либо внѣшнее. Съ развитіемъ психическихъ процессовъ, мало по малу создаются обычныя представленія о внѣшнемъ мірѣ и возникаетъ вѣра въ его самостоятельное существованіе. Но міръ дитяти очень малъ, тѣсенъ и еще слишкомъ проникнутъ субъективными состояніями, не—я еще не вполнѣ выдѣлилось отъ я. Весь періодъ ученья (отрочество и юность) и есть процессъ выдѣленія міра отъ субъективныхъ состояній, расширенія міровоззрѣнія и болѣе тщательной и точной формировки различныхъ частей его; каждая новая наука открываетъ намъ или прямо новый міръ или значительно исправляетъ и расширяетъ уже существующія области нашего міровоззрѣнія. Ограниченные въ дѣтствѣ сферой своихъ ближайшихъ интересовъ, заключенные своимъ сла-

бымъ сознаніемъ въ незначительное количество пространства и времени, мы, при помощи различныхъ наукъ, проникаемся въ періодъ ученья общечеловѣческими интересами, мысль наша обнимаетъ громадные міры и ихъ далекое прошлое, мы знакомимся съ исторіей своего рода и своимъ положеніемъ во вселенной. По окончаніи періода ученья, наше міровоззрѣніе не ростетъ такъ быстро, такими гигантскими шагами, какъ въ періодъ ученья; но было бы несправедливо сказать, что въ дальнѣйшіе возрасты наше міровоззрѣніе остается неизмѣннымъ. Если человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ отдается умственному труду, его міровоззрѣніе, въ сферѣ его спеціальной дѣятельности, значительно усовершенствуется, дѣлается подробнѣе, точнѣе, обстоятельнѣе; на пути спеціальной работы ему открываются нерѣдко новыя широкія точки зрѣнія, въ значительной степени измѣняющія, окрашивающія въ свой цвѣтъ, всѣ его представленія. Если человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ отдается практической дѣятельности, то онъ привноситъ новый, весьма важный элементъ въ свое міровоззрѣніе—знаніе людей и людскихъ отношеній. Періодъ ученья есть періодъ теоріи и идеальныхъ чувствованій, дѣйствительность мало знакома юношѣ и нѣсколько розовый, оптимистическій, взглядъ, свойственный юности, не вполнѣ ладитъ съ настоящими свойствами людей и ихъ отношеній. Практическая дѣятельность знакомитъ человѣка не съ той лучшей, казовой стороной человѣческой природы, съ которой знакомитъ его школа — съ научнымъ и художественнымъ творчествомъ человѣка, его цивилизаціей, его культурными институтами, интересами и чувствами,—а съ обратной стороной—съ грубѣйшимъ эгоизмомъ въ дѣлахъ повидимому самыхъ святыхъ, съ пошлостью и глупостью людей, весьма значительными, съ низменной стороной человѣческой природы. Словомъ практическая дѣятельность ознакомитъ не съ геніями, не съ героями, не съ лучшими представителями человѣчества, какъ школа, а съ заурядною посредственностью во всей ея иногда—красотѣ, а чаще—безобразіи и пошлости. Такое восполненіе міровоззрѣнія, приносимое зрѣлымъ возрастомъ въ большей или меньшей степени каждому человѣку, нельзя не признать существеннымъ.

Въ старости ростъ міровоззрѣнія въ большинствѣ случаевъ

останавливается, не многіе старики способны на расширеніе міровоззрѣнія, его сколько нибудь значительную и существенную перестройку. Но міровоззрѣніе не остается и въ старости въ неизмѣнной формѣ, застывшимъ, измѣненія въ немъ происходятъ постоянно. Измѣненія совершаются въ двухъ направленіяхъ: ослабленіи чувства и постепенномъ забвеніи различныхъ частей міровоззрѣнія. Волненія чувства подъ старость становятся менѣе энергичными, ихъ разнообразіе и количество сокращаются, старецъ является тихимъ, спокойнымъ существомъ, ничему не удивляющимся, ни къ чему не относящимся страстно; такъ какъ онъ много всякихъ видовъ видалъ на своемъ вѣку, то онъ, подобно умудренному опытомъ судьѣ, «добру и злу внимаетъ равнодушно». Вслѣдствіе этого окраска міровоззрѣнія различными чувствованіями въ старости становится слабѣе и все міровоззрѣніе дѣлается суше, холоднѣе, практичнѣе. Войти въ интересы молодежи, особенно въ ея чувствованія, старцу становится наконецъ затруднительно. Даетъ себя чувствовать въ старости и забвеніе пережитаго: то одно, то другое звѣно выпадаетъ изъ міровоззрѣнія, связь между его частями становится слабѣе, само оно сжимается, сокращается въ объемѣ. Умственная смерть, разрушеніе міровоззрѣнія настаютъ нерѣдко задолго до смерти тѣла.

§ 136. Страна, въ которой мы живемъ, оказываетъ значительное вліяніе на характеръ нашего міровоззрѣнія. Бокль въ своемъ извѣстномъ трудѣ доказываетъ, что природа, слишкомъ могучая и роскошная, подавляетъ умъ человѣка, дѣлаетъ его безсильнымъ въ борьбѣ съ ней, а вслѣдствіе этого, препятствуя трезвому научному пониманію явленій, создавая большія затрудненія образованію реальнаго міровоззрѣнія, тѣмъ самымъ способствуетъ развитію фантастическаго, преобладанію процессовъ воображенія надъ процессами разсудка. Такъ было въ Индіи. Въ другихъ странахъ, напр. въ Греціи, природа далеко не такъ грандіозна и могуча, вслѣдствіе чего человѣку легче справиться съ нею, удобнѣе подчинить своему вліянію. Въ такихъ странахъ развивается реальное міровоззрѣніе. Въ мнѣніи Бокля есть значительная доля правды. Вся цивилизація того или другаго народа несомнѣнно въ своемъ строѣ, въ своей формѣ носитъ весьма замѣтную печать

страны, ея характера и особенностей. И человѣкъ вліяетъ на свойства страны, измѣняетъ ихъ, но прежде всего самъ терпитъ отъ нея вліянія. Его вѣрованія, его искусство, образъ жизни, преобладающія занятія, а вслѣдъ за ними нравы, складъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій, народный характеръ въ значительной степени опредѣляются свойствами населяемой имъ страны. Содержаніе же міровоззрѣнія несомнѣнно дается природой. Непосредственнымъ опытомъ мы знаемъ міръ очень немного, то, что мы называемъ міромъ, есть построеніе воображенія изъ опытныхъ данныхъ. Поэтому качество первоначальныхъ данныхъ неизбѣжно отражается на всемъ нашемъ міровоззрѣніи: если эти данныя ярки, разнообразны, опредѣленны, то и все міровоззрѣніе будетъ болѣе или менѣе живымъ и яснымъ; если же они скудны и однообразны, то и міровоззрѣніе не будетъ блистать свѣжестью красокъ. Отсюда становится понятнымъ, что міровоззрѣнія горнаго жителя, приморскаго, жителя континента, равнины, культурной страны и не культурной, сѣверянина и южанина и т. д. будутъ очень различны, потому что будутъ строиться изъ очень неодинаковыхъ элементовъ.

§ 137. Полъ имѣетъ вліяніе на характеръ міровоззрѣнія. Къ особенностямъ женскаго міросозерцанія нужно отнести слѣдующія черты: значительную конкретность и значительное участіе чувства. Склонность къ абстрактному логическому мышленію замѣчается больше въ мужскомъ умѣ, чѣмъ въ женскомъ; женскій умъ предпочитаетъ представлять все, какъ цѣлое, разомъ обнимать всѣ стороны предмета въ ихъ взаимоотношеніи, а не отдѣльно одно свойство за другимъ. Доказывая какой либо тезисъ, женщина имѣетъ постоянно въ виду всю личность своего оппонента, старается склонить на свою сторону не только его умъ, его логику, но и все его существо. Мужской умъ предпочитаетъ строгій анализъ и раздѣльность сторонъ предмета въ мышленіи, вслѣдствіе чего мышленіе и міровоззрѣніе мужчины, по сравненію съ мышленіемъ и міровоззрѣніемъ женскими, отвлеченны. Настоящій фактъ во всей его жизненной цѣлостности, во всѣхъ его индивиндуальныхъ оттѣнкахъ, во всей обстановкѣ гораздо ближе и интереснѣе женскому уму, чѣмъ мужскому. Женщина

больше погружается въ живое переживаніе настоящаго факта, чѣмъ мужчина, сейчасъ же аналитически разчленяющій его и выводящій изъ него или отдаленныя слѣдствія или отыскивающій его причины.—Другая характерная черта женскаго міровоззрѣнія — значительная примѣсь чувства ко всѣмъ умственнымъ работамъ. Эта черта тѣсно связана съ первой. Волненія у насъ гораздо больше вызываются представленіями цѣлыхъ предметовъ, чѣмъ ихъ абстрагированныхъ частей и свойствъ; совсѣмъ иное дѣло для нашего чувствованія представлять то просто красоту, умъ, величину, а то красоту этой мѣстности, умъ этого человѣка, величину этого зданія. А женское мышленіе характеризуется конкретностью. Наклонность понимать каждое явленіе какъ цѣлое, во взаимодѣйствіи всѣхъ его частей и обстановки, должна также влечь увеличеніе значенія чувствованій въ міровоззрѣніи, потому что цѣлый фактъ включаетъ въ себѣ и объективную, логическую сторону и субъективную, чувствованія. Особенно это важно при представленіи человѣка и его жизни, въ которыхъ чувствованія играютъ такую значительную роль. Входя въ положеніе человѣка, понимая его какъ цѣлое существо, женщина должна понимать чувство, оцѣнивать значеніе его въ общей совокупности жизни. Такимъ образомъ, на основаніи указанныхъ двухъ чертъ, можно сказать, что міровоззрѣніе женщины до нѣкоторой степени есть художественное міровоззрѣніе, а міровоззрѣніе мужчины—логическое.

§ 138. Общій складъ ума имѣетъ вліяніе на характеръ міровоззрѣнія. Окидывая однимъ взглядомъ всю сумму процессовъ, изъ которыхъ слагается наша умственная жизнь, нашъ умъ, мы замѣчаемъ три главные процесса: ощущеніе, представленіе или идею (включая сюда и дѣятельность воображенія) и апперцепцію (память есть отчасти апперцепція, а отчасти идейный процессъ). Каждый изъ нихъ имѣетъ свои характерныя черты и съ физіологической и съ психологической стороны.

Нервная система дѣлится на периферическую и центральную, на мозгъ головной и спинной, на нервы чувствительные (съ прибавкой органовъ внѣшнихъ чувствъ) и двигательные. Нервы сами по себѣ дѣйствовать не могутъ, они совершаютъ свои отправленія только въ связи съ центрами нервной

системы; тѣмъ не менѣе въ дѣятельности нервной системы можетъ преобладать периферическая или центральная часть. Органы внѣшнихъ чувствъ въ связи съ чувствительными нервами могутъ находиться въ состояніи непрерывнаго раздраженія, непрекращающейся работы, между тѣмъ какъ центры будутъ только реагировать на раздраженія периферіи, не производя никакой дальнѣйшей переработки полученныхъ впечатлѣній; а то центры въ свою очередь могутъ находиться въ состояніи возбужденія, энергической работы, между тѣмъ какъ периферіи будутъ затронуты слабо. Возможна и такая форма нервной дѣятельности, которая потребуетъ равно и энергіи периферій и энергіи центровъ. Понятно, что въ каждомъ изъ трехъ указанныхъ случаевъ нервная дѣятельность и ея результаты будутъ различны.

Разсматривая разнообразныя умственныя душевныя явленія въ ихъ соотношеніяхъ съ указанными тремя видами нервной дѣятельности, мы замѣчаемъ такіе процессы, которые требуютъ особенно дѣятельнаго участія органовъ внѣшнихъ чувствъ и связанныхъ съ ними чувствительныхъ нервовъ и которые предполагаютъ сравнительно незначительную дѣятельность нервныхъ центровъ. Таковы ощущенія. Далѣе мы замѣчаемъ такіе умственные процессы, для совершенія которыхъ органы внѣшнихъ чувствъ имѣютъ второстепенное значеніе, но которые неразрывно связаны съ энергическою дѣятельностью центровъ, предполагаютъ ее, требуютъ по преимуществу работы отъ нихъ. Таковы представленія и идеи. Наконецъ можно указать и такіе процессы, которые соединяютъ въ себѣ первые два, которые въ одно и то же время и центральны и периферичны. Такова апперцепція.

Каждый отдѣльный умъ есть неизбѣжно сумма ощущеній, идей и апперцепцій, ни одинъ изъ этихъ процессовъ ни въ одномъ умѣ отсутствовать не можетъ. Но въ отдѣльныхъ умахъ одинъ изъ упомянутыхъ процессовъ можетъ преобладать, можетъ совершаться съ особенною энергіею и силою, а другіе въ то же время могутъ совершаться сравнительно вяло и слабо. Умъ получитъ тогда спеціальный оттѣнокъ, его конструкція будетъ отличаться отъ конструкціи другихъ умовъ. Отсюда и возникаютъ главнѣйшіе умственные типы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главнѣйшія особенности міровоззрѣнія, сообразно съ тѣмъ или другимъ складомъ ума.

Начало умственнаго развитія характеризуется преобладаніемъ периферіи надъ центрами, ощущеній надъ представленіями. У дикихъ племенъ такой складъ ума выраженъ очень рельефно. Отдѣльныхъ ощущеній у нихъ очень много, но идей, выработанныхъ изъ этихъ ощущеній, предполагающихъ развитую дѣятельность нервныхъ центровъ, очень мало. То, что Спикъ и Марціусъ разсказываютъ о бразильскихъ индѣйцахъ, повидимому, примѣнимо ко многимъ, если не ко всѣмъ, дикимъ народамъ. Лексиконъ ихъ богатъ и они имѣютъ особыя названія для каждой части тѣла, для каждаго извѣстнаго имъ животнаго и растенія, для каждаго предмета, который они могутъ видѣть и осязать. Но, съ другой стороны, у нихъ вовсе нѣтъ словъ для выраженія абстрактныхъ идей, какъ напр. для понятій: цвѣтъ, звукъ, полъ, видъ, умъ и т. д. У абипоновъ нѣтъ такихъ словъ, какъ напр. человѣкъ, тѣло, мѣсто, время, никогда, когда либо, вездѣ и т. д., нѣтъ также такого глагола, какъ напр. быть. Малайскій языкъ также очень бѣденъ отвлеченными выраженіями. Въ немъ есть отдѣльныя слова для различныхъ цвѣтовъ, но нѣтъ слова для выраженія общаго понятія о цвѣтѣ. У тасманійцевъ не было слова для общаго понятія о деревѣ, хотя для каждаго отдѣльнаго вида деревьевъ они имѣли особое названіе. Точно также они не могли выразить качества вещей, въ родѣ твердый, мягкій, теплый, холодный, длинный, короткій, круглый и т. д. Вмѣсто «твердый» они говорили: «какъ камень», вмѣсто «высокій»: «длинныя ноги», вмѣсто «круглый»: «какъ шаръ, какъ мѣсяцъ» и т. д. По словамъ миссіонеровъ, у пешересовъ нѣтъ вовсе отвлеченныхъ выраженій для передачи истинъ нашей религіи, а въ сѣвероамериканскихъ языкахъ «выраженіе, достаточно общее для передачи напр. понятія дубъ, дубовое дерево, принадлежитъ уже къ исключеніямъ». Даже у сравнительно цивилизованныхъ обитателей Таити, по словамъ Форстера, не было особыхъ словъ для выраженія отвлеченныхъ идей. [1]) Относительно дамаровъ Гальтонъ свидѣтельствуетъ, что у нихъ человѣкъ «никогда не обобщаетъ» и кажется необыкновенно тупымъ.

---

[1]) Леббокъ, Доисторическія времена. Стр. 456—457.

О горныхъ племенахъ Индіи Годжсонъ свидѣтельствуетъ: «свѣтъ есть отвлеченіе столь высокое, что ни одинъ изъ допрошенныхъ мной туземцевъ не могъ схватить его, хотя они легко представляли эквиваленты для словъ: солнечный блескъ, пламя свѣчи, огонь костра». [1]) Одинъ зулусъ чистосердечно замѣтилъ Коллэуею: «наше знаніе не побуждаетъ насъ отыскивать корни его; мы и не пытаемся увидѣть ихъ; если кто нибудь немного и подумаетъ объ этомъ, онъ скоро отъ этого отказывается и обращается къ тѣмъ предметамъ, которые видитъ своими глазами; да и о томъ, что онъ видитъ предъ собою, онъ не имѣетъ настоящаго понятія» [2]).

Слабость дикарей въ счетѣ извѣстна, а недостатокъ развитія этой способности явно указываетъ на весьма недостаточную дѣятельность центровъ нервной системы. Многія племена дикихъ не умѣютъ считать дальше трехъ, четырехъ, пяти. Докторъ Рэ, извѣстный своимъ расположеніемъ къ эскимосамъ, увѣряетъ, что если спросить отца семейства, сколько у него дѣтей, то можно часто привести его въ большое затрудненіе. Посчитавъ нѣсколько времени по пальцамъ, онъ, по всей вѣроятности, долженъ будетъ еще посовѣтоваться съ женой, причемъ оба супруга могутъ придти къ различному результату даже въ томъ случаѣ, если дѣтей всего только четверо или пятеро [3]). О дамарахъ Гальтонъ говоритъ: «послѣ пяти они начинаютъ сильно путаться въ счетѣ, потому что у нихъ больше недостаетъ свободной руки, чтобы брать и удерживать пальцы, изображающіе единицы. Однако они рѣдко теряютъ своихъ быковъ. Но при повѣркѣ стада они узнаютъ о потерѣ, не вслѣдствіе уменьшенія составлявшаго его числа головъ, а вслѣдствіе отсутствія извѣстной знакомой фигуры. При мѣновомъ торгѣ имъ приходится платить за каждую овцу отдѣльно. Предположимъ, что овца промѣнивается на двѣ папуши табаку: въ какомъ случаѣ дамарецъ былъ бы сильно спутанъ въ мысляхъ, если бы взяли у него прямо двѣ овцы и вручили бы ему четыре папуши табаку» [4]).

---

[1]) Спенсеръ, Основанія соціологіи. Т. I, стр. 92—96.
[2]) Леббокъ, Начало цивилизаціи, стр. 155.
[3]) Леббокъ, ib. 410.
[4]) Спенсеръ, ibid. 96.

О массѣ людей нужно, впрочемъ, сказать, что она и теперь живетъ больше дѣятельностью периферической нервной системы, чѣмъ центральной, больше ощущеніями, чѣмъ представленіями. Углубляться въ размышленіе, сосредоточиваться на развитіи какой либо идеи, отстранивъ отъ себя всѣ внѣшнія впечатлѣнія, не въ привычкахъ людскихъ массъ. Онѣ мыслятъ, пока ощущаютъ, и ихъ мышленіе есть небольшая прибавка представленій къ ощущеніямъ. Въ этомъ отношеніи массы людей удерживаютъ характеръ дѣтскаго мышленія: дѣти сосредоточиваться почти неспособны,—для нихъ мыслить значитъ ощущать. Дѣти никогда не поступаютъ такъ, какъ поступаютъ взрослые при мышленіи: они никогда не стараются преградить доступъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, какъ скоро начинаютъ мыслить, напротивъ они ищутъ впечатлѣній и прекращеніе впечатлѣній причиняетъ имъ скуку. Въ примѣненіи къ дѣтямъ совершенно справедливо выраженіе Кондильяка: «penser c'est sentir».

§ 139. Складъ ума, представляющій полную противоположность описанному выше, отличается преобладаніемъ процесса представленія надъ ощущеніемъ, дѣятельности центровъ надъ дѣятельностію периферій. Этотъ умственный типъ стоитъ гораздо выше перваго и предполагаетъ своимъ существованіемъ болѣе или менѣе значительное умственное развитіе. Въ жизни каждаго человѣка бываютъ такіе моменты, когда идеи съ неодолимою силою приковываютъ къ себѣ все вниманіе, такъ что на долю ощущеній ничего не остается; человѣкъ кажется глухимъ и слѣпымъ. О Джонѣ Стюартѣ Миллѣ Карпентеръ передаетъ, что онъ обдумывалъ свою «Логику», прогуливаясь по шумнымъ и людныхъ лондонскимъ улицамъ; о нѣкоторыхъ ученыхъ извѣстно, что они могли отвлечь свое вниманіе отъ физическихъ страданій на какой либо научный вопросъ, напримѣръ на предметъ лекціи и тѣмъ на нѣкоторое время избавлялись отъ страданій. Извѣстныя преданія объ Архимедѣ и его знаменитомъ «эврика» также свидѣтельствуютъ о случаяхъ полнаго сосредоточенія вниманія на работѣ центровъ и сравнительной недѣятельности периферій. Въ подобныхъ фактахъ мы несомнѣнно встрѣчаемся съ преобладаніемъ центровъ надъ периферіями. Если мы представимъ себѣ,

что подобное состояніе есть не краткое, но постоянное настроеніе индивидуума, характерная черта его ума, то мы и получимъ указываемый второй типъ умовъ—съ преобладаніемъ процесса представленія надъ ощущеніемъ.

Обо всѣхъ людяхъ, преданныхъ отвлеченной мыслительной работѣ и глубоко погружающихся въ нее, можно сказать, что у нихъ представленіе преобладаетъ надъ ощущеніемъ. Чѣмъ больше они интересуются своей работой, тѣмъ слабѣе бываетъ дѣятельность ощущенія. Разнаго рода мистики, мечтатели, нерѣдко поэты, отвлеченные мыслители и философы отличаются указываемою складкою ума. Мыслитель, книжникъ, мечтатель тѣмъ и характеризуются, что міръ ощущаемый у нихъ заслоняется и покрывается міромъ представленія, міромъ субъективнымъ, что наединѣ съ своими мыслями, мечтами, книгами они чувствуютъ себя счастливыми. Они избѣгаютъ шумныхъ сборищъ, толпы, движенія, они любятъ покой, тишину и уединеніе. Для нихъ ощущенія не важны и единственно цѣнны идеи. Мистики уходятъ всѣхъ дальше въ этомъ отношеніи: они прямо стараются прекратить приливъ ощущеній, задерживаютъ дыханіе, ничего не слышатъ и не видятъ, чтобы полнѣе отдаться религіозному или философскому экстазу. Изъ отдѣльныхъ лицъ, какъ на типъ подобныхъ умовъ, мы укажемъ на Руссо.

Въ своихъ сочиненіяхъ изображая намъ первобытнаго человѣка и картину постепеннаго развитія человѣчества, Руссо не стремился къ тому, чтобы сдѣлать свою картину исторически вѣрной, раскрасить ее сообразно съ дѣйствительными фактами; онъ изображаетъ первобытнаго человѣка и постепенное развитіе человѣчества такъ, какъ ему думалось, мечталось объ этомъ, изъ идеи, а не на основаніи фактическаго изученія. Впрочемъ, въ указанномъ спеціальномъ случаѣ, упомянутый недостатокъ въ нѣкоторой степени свойственен и другимъ ученымъ того же времени. У Руссо только эта умственная черта выражается и во многихъ другихъ фактахъ и выражается очень своеобразно и сильно.

Руссо былъ мечтатель, фантазеръ, жившій умственно не столько внѣшними фактами и наблюденіями, сколько мечтами и иллюзіями. Внѣшній міръ, человѣческое общество имѣли для него небольшую цѣну, онъ любилъ уединеніе, любилъ

удаляться отъ людей. На счетъ счастья онъ имѣлъ свою собственную теорію. На землѣ, по его взгляду, все постоянно измѣняется, ничто не сохраняетъ опредѣленной формы. Наши радости, имѣющія своимъ объектомъ земные предметы, преходящи, прочнаго счастья не даютъ. Источникъ прочнаго счастья въ самомъ человѣкѣ, когда человѣкъ наслаждается не тѣмъ, что внѣ его, «ничѣмъ инымъ, какъ самимъ собою и своимъ собственнымъ существованіемъ». «Этого рода мечтаніями можно наслаждаться повсюду, гдѣ можно быть спокойнымъ, и я часто думалъ, что я могъ бы пріятно мечтать въ Бастиліи и даже въ темницѣ, гдѣ никакой предметъ не поражаетъ моего зрѣнія».

И подобная теорія счастья проповѣдывалась Руссо не только на словахъ, но подкрѣплялась и самымъ дѣломъ. Когда власти Бернскаго кантона стали гнать его съ маленькаго островка на Біэнскомъ озерѣ, на которомъ Руссо было поселился, тогда онъ обратился къ нимъ съ неслыханной просьбой: «я прошу дозволить мнѣ, писалъ Руссо, провести остатокъ моихъ дней въ тюрьмѣ, въ которомъ нибудь изъ вашихъ замковъ или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ по вашему усмотрѣнію. Я буду жить тамъ на свой счетъ и дамъ вамъ обезпеченіе въ томъ, что никогда не буду ничего вамъ стоить. Я соглашаюсь не держать ни перьевъ, ни бумаги и не имѣть никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ,—развѣ только въ случаяхъ крайней необходимости и то чрезъ посредство тѣхъ, чьему надзору я буду подчиненъ. Пусть только дозволятъ мнѣ пользоваться моими книгами и иногда гулять по саду, и я буду этимъ доволенъ». За время своего пребыванія на островкѣ онъ часто «не былъ въ состояніи обозначить пунктъ раздѣленія вымысловъ отъ дѣйствительности». [1])

§ 140. Третья группа умовъ—это умы уравновѣшенные, умы наиболѣе счастливо одаренные, въ которыхъ гармонически сочетаются процессы ощущенія съ процессами представленія, дѣятельность центровъ съ дѣятельностію периферій. Апперцепція—вотъ основной, преобладающій процессъ такихъ умовъ, которыхъ поэтому и можно назвать умами апперцепирую-

---

[1]) Джонъ Морлей, Руссо. Рус. пер. Москва, 1881, стр. 300, 301, 302, 303.

*

щими Умъ, владѣющій такой счастливой конструкціей, будетъ тѣмъ выше, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше будутъ развиты у него и периферическая и центральная нервныя дѣятельности. При надлежащей энергіи обѣихъ дѣятельностей, такой умъ можетъ одновременно поражать и глубиною отвлеченнаго философскаго мышленія, широтою своихъ теорій, взглядовъ, и тонкимъ наблюденіемъ, большою способностью къ самымъ точнымъ экспериментамъ. Изъ такихъ счастливыхъ умовъ укажемъ два: Дарвина и Гете. Дарвинъ поражаетъ смѣлостью, широтою своихъ теорій, охватывающихъ безчисленное количество явленій, цѣлыя царства природы, и въ то же время тщательностью и многочисленностью наблюденій, на которыхъ онъ основываетъ свои предположенія. Каждый согласится, что основы дарвиновскихъ теорій широки и прочны, что Дарвинъ былъ тонкій и неутомимый экспериментаторъ и наблюдатель, постоянно пускавшій въ ходъ свой глазъ, свое ухо, свой осязательно-мускульный аппаратъ. Въ то же самое время его теоріи необычайно смѣлы, многообъемлющи и оригинальны. Гете также гармонически сочеталъ два великіе дара: громадную силу художественнаго творчества самаго широкаго розмаха и тонкую наблюдательность какъ жизни человѣческаго общества, такъ равно и внѣшней природы. Гете одновременно былъ и поэтъ и ученый, еще въ дѣтствѣ онъ заслушивался сказокъ своей матери, любилъ посѣщать мастерскія художниковъ и въ то же время пытался построить электрическую машину.

Гете такъ хактеризуетъ высшій типъ умовъ: «Величайшій геній никогда не сдѣлаетъ чего либо замѣчательнаго, если захочетъ ограничиться только своими собственными средствами. Что такое геній, какъ не способность все, что приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, схватить и всѣмъ воспользоваться; всякій представляющійся матеріалъ привести въ порядокъ и оживить; здѣсь взять мраморъ, тамъ мѣдь и изъ этого построить прочный монументъ? Чѣмъ былъ бы я, что осталось бы отъ меня, если бы такой родъ усвоенія вредилъ геніальности? Что я сдѣлалъ? Я все, что я видѣлъ, слышалъ, наблюдалъ, собралъ и пустилъ въ дѣло, я воспользовался произведеніями природы и людей. Каждое изъ моихъ сочиненій

навѣяно мнѣ тысячью различныхъ лицъ, тысячью различныхъ вещей; ученый и невѣжда, мудрецъ и глупецъ, дѣтство и старость—всѣ внесли сюда свою долю. По большей части не предчувствуя этого, они принесли мнѣ даръ своихъ мыслей, своихъ способностей, своей опытности; они часто сѣяли зерно, которое я пожалъ... Вы поступаете такъ, какъ нѣкоторые философы изъ моихъ земляковъ, которые воображаютъ, что если бы они лѣтъ на тридцать заперлись въ своемъ кабинетѣ и занимались бы единственно тѣмъ, чтобы идеи, которыя они вытягиваютъ изъ своего бѣднаго мозга, процѣживать и просѣвать, то они достигли бы неисчерпаемаго источника оригинальности! Знаете ли вы, что изъ этого выходитъ? Дымъ, одинъ дымъ (Wolken, nichts als Wolken)». [1])

Кромѣ указанныхъ особенностей умственнаго склада, обусловливаемыхъ преобладаніемъ одной изъ трехъ основныхъ группъ умственныхъ дѣятельностей, бываютъ еще нѣкоторыя болѣе частныя особенности склада отдѣльныхъ умовъ, опредѣляемыя преобладаніемъ и энергіею какого либо частнаго умственнаго процесса въ какой либо изъ трехъ основныхъ группъ, при сравнительной слабости другихъ. Сообразно тремъ главнымъ группамъ, и частныя видоизмѣненія умственной дѣятельности могутъ касаться или собственно процессовъ ощущенія или процесса представленія или процесса апперцепціи. [2])

§ 141. Есть еще причины, которыя производятъ болѣе частныя и быстрыя измѣненія нашего міровоззрѣнія. Таковъ сонъ. Въ бодрственномъ состояніи мы имѣемъ одно міровоззрѣніе, въ сновидѣніяхъ почти другое. Особенности сновидѣній, по сравненію съ психическими состояніями бодрственной жизни, заключаются въ слѣдующемъ: а) субъективныя явленія во снѣ принимаются за объективныя, смѣна представленій за смѣну фактовъ, вслѣдствіе чего отъ воображаемыхъ во снѣ приключеній мы испытываемъ весьма значительныя волненія—страхъ, радость, горе и т. д.; б) значительное

---

[1]) Beneke, Pragmatische Psychologie, 1, 300—301.

[2]) Въ болѣе подробное изслѣдованіе умственныхъ типовъ входить здѣсь мы считаемъ неумѣстнымъ. Эту работу мы выполнили на страницахъ Женскаго Образованія 1883, №№ 3, 4 и 5.

ослабленіе сознательности и мыслительности. Въ сновидѣніяхъ мы нерѣдко совершаемъ дѣйствія, противорѣчащія законамъ физическимъ, логическимъ, нравственнымъ и нисколько не поражаемся противорѣчіями, какъ будто бы ихъ и не было; в) реальныя впечатлѣнія въ сновидѣніи весьма часто и весьма значительно увеличиваются: легкій шумъ кажется раскатомъ грома, незначительное давленіе цѣлой скалой, придавившей насъ и т. д. Связь между элементами сновидѣній бываетъ очень слабая: разъ образовавъ извѣстную группу, представленія сейчасъ же выходятъ изъ ассоціаціи, вслѣдствіе чего мы иногда бываемъ не въ состояніи припомнить сновидѣніе даже непосредственно по пробужденіи.

Господствующія настроенія, чувствованія, преобладающія направленія дѣятельности, умственные и нравственные кризисы, болѣе легкія и скоро проходящія волненія—все это даетъ особые оттѣнки міровоззрѣнію. Человѣкъ съ преобладаніемъ умственныхъ элементовъ будетъ отличаться въ своемъ міровоззрѣніи отъ человѣка съ преобладаніемъ чувствованій; міровоззрѣніе практика, дѣльца и міровоззрѣніе теоретика, ученаго не одно и то же, равно какъ эгоиста и безкорыстнаго дѣятеля; здоровье и болѣзнь, радость и горе, скука, подозрительность, скупость, хорошая и дурная погода, употребленіе спиртныхъ напитковъ и вообще возбуждающихъ средствъ—всѣ эти обстоятелъства измѣняютъ наше міровоззрѣніе, производятъ въ немъ болѣе или менѣе значительныя колебанія, такъ что оно не остается въ одномъ и томъ же видѣ на одинъ день, на одну ночь. Типомъ такихъ колебаній нашего міровоззрѣнія можетъ служить мечтательность.

Мечты, фантазированье—это сновидѣнія на яву и по своему характеру весьма близко подходятъ къ сновидѣніямъ. Самыя разнообразныя чувства могутъ служить мотивомъ фантазированій, гнѣвъ, гордость, самолюбіе, грусть, радость и т. д. Сущность фантазированья состоитъ въ подборѣ представленій, соотвѣтствующихъ извѣстному чувству, гармонирующихъ съ нимъ. По тону, заданному чувствомъ, мы изъ массы представленій выбираемъ тѣ, которыя отвѣчаютъ характеру чувства и нанизываемъ ихъ на одну нить другъ за другомъ. О связности образовъ, ихъ органическомъ единствѣ и цѣлост-

ности при фантазированьи мы не заботимся; образы приходятъ и уходятъ, для насъ важно не то, чтобы изъ нихъ составилась какая нибудь стройная связная картина, а важно соотвѣтствіе образовъ чувству, настроенію. Поэтому группировки представленій, созданныя мечтой, быстро разрываются и забываются. О соотвѣтствіи съ дѣйствительностью въ мечтѣ мы заботимся мало. Если представленія идутъ въ мечтѣ плавно, подъ тактъ настроенія, то мы бываемъ довольны, бываемъ поглощены мечтами, выстраиваемъ цѣлый фантастическій міръ, въ которомъ мы являемся полными хозяевами и распорядителями; если же въ среду ихъ врывается образъ другаго характера, иллюзія разрушается и мы разомъ изъ заоблачной сферы, изъ какого нибудь воздушнаго замка, падаемъ въ суровую дѣйствительность. Переходъ обыкновенно сопровождается непріятнымъ чувствомъ. Смѣняясь вмѣстѣ съ чувствомъ, съ настроеніемъ, мечта кажется чѣмъ то летучимъ и капризнымъ: то она высоко возноситъ насъ подъ давленіемъ самолюбія, то, по поводу какого нибудь ничтожнаго обстоятельства, рисуетъ намъ мрачныя картины. Мечты—зеркало нашихъ чувствъ и настроеній.

§ 142. Кромѣ указанныхъ нормальныхъ причинъ измѣненія нашего міровоззрѣнія есть еще причины не нормальныя. Къ нимъ мы относимъ потерю одного или нѣсколькихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ и психическія болѣзни.

Потеря какого либо органа неизбѣжно влечетъ за собою отсутствіе въ умѣ соотвѣтствующей, т. е. получаемой при помощи этого органа, группы ощущеній и идей. Мы можемъ доводить органы систематическими упражненіями до высокой степени совершенства, расширять районъ ихъ дѣятельности, дѣлать ихъ болѣе воспріимчивыми; но мы никогда не можемъ замѣстить одинъ органъ другимъ, пополнить недостающій органъ энергичною дѣятельностью другаго. Хотя всѣ органы и развились изъ одного основнаго—осязательно-мускульнаго аппарата, но обособленіе органовъ въ настоящее время ушло такъ далеко, что взаимное ихъ замѣстительство сдѣлалось невозможнымъ. Потеря органа неизбѣжно предполагаетъ отсутствіе въ міровоззрѣніи соотвѣтствующей группы ощущеній и идей и слѣдовательно нѣкоторую узость, односторонность и

моннотонность міровоззрѣнія, увеличивающіяся по мѣрѣ увеличенія количества недостающихъ органовъ.

Психическія болѣзни весьма разнообразны, а вмѣстѣ съ ними разнообразны и производимыя ими измѣненія міровоззрѣнія. Такъ какъ изученіе психическихъ болѣзней составляетъ предметъ особой науки—психіатріи, то мы считаемъ лишнимъ присоединять здѣсь какія либо общія замѣчанія объ измѣненіяхъ міровоззрѣнія подъ вліяніемъ психическихъ болѣзней—ихъ можно найти въ любомъ курсѣ психіатріи. [1]) Съ своей стороны мы только замѣтимъ, что какъ въ физическомъ отношеніи нѣтъ строгой границы между здоровьемъ и болѣзнью, такъ точно тоже бываетъ и въ психическомъ: психическое здоровье незамѣтно переходитъ въ психическую болѣзнь. «Въ сродствѣ съ безумствомъ геній пребываетъ и тонкая стѣна ихъ раздѣляетъ», сказалъ Попе. А ужъ если геній и безуміе раздѣляются тонкой стѣной, то нечего говорить о толстыхъ перегородкахъ между психическимъ здоровьемъ и психическою болѣзнью.

Въ заключеніе скажемъ: не только съ каждымъ человѣкомъ родится и умираетъ вселенная—какъ Гейне говорилъ—но съ каждымъ человѣкомъ родится и умираетъ безконечное множество вселенныхъ, т. е. міровоззрѣній.

§ 143. Окидывая однимъ взлядомъ всю совокупность процессовъ, которыми строится міровоззрѣніе, и причинъ, его видоизмѣняющихъ, педагогъ придетъ къ заключенію, что міровоззрѣніе, въ своей сущности, есть необходимый результатъ психическаго механизма. Какъ скоро даны ощущенія, то вслѣдъ за ними неизбѣжно возникнутъ представленія, идеи, апперцепціи, реальное міровоззрѣніе будетъ расширено и пополнено идеальнымъ; созданные такимъ путемъ продукты будутъ видоизмѣнены частными свойствами и положеніемъ индивидуума. И все это міровоззрѣніе будетъ создаваться на почвѣ тѣхъ органическихъ предрасположеній и свойствъ нервной системы, которыя мы получаемъ по наслѣдству отъ родителей. Но не смотря на общій автоматическій характеръ умственныхъ

---

[1]) См. напримѣръ, Учебникъ психіатріи Крафта Эбинга, пер. Черемшанскаго (Спб., 1881 г.).

процессовъ, педагогу остается еще широкое поле для дѣятельности: каждый процессъ даетъ ему возможность благотворно или неблаготворно повліять на воспитываемую личность. Участіе педагога въ формировкѣ личности будетъ состоять въ отысканіи и доставленіи обильнаго и разнообразнаго матеріала развивающемуся уму; въ систематизаціи матеріала; въ созданіи спеціальныхъ цѣлесообразныхъ упражненій, соотвѣтствующихъ природѣ того или другаго умственнаго процесса. Указанными путями педагогъ можетъ много повліять на энергію, совершенство и гармонію всѣхъ умственныхъ дѣятельностей питомца, можетъ значительно содѣйствовать достиженію ими возможно полной мѣры силы. Послѣдовательностію и выдержанностію своихъ дѣйствій педагогъ можетъ даже до нѣкоторой степени ослабить какія либо значительныя природныя неудобныя свойства и вліянія и усилить слабыя, нужныя (пола, страны, склада ума и т. д.). Вліяя на энергичное совершеніе функцій, педагогъ тѣмъ самымъ улучшаетъ, усовершенствуетъ органъ мышленія; ослабляя неудобныя сильныя природныя свойства и укрѣпляя слабыя, распространяя такую стойкую послѣдовательную воспитательную дисциплину на цѣлые ряды поколѣній, педагогъ опять будетъ улучшать, культивировать самый органъ мышленія. А такія вліянія открываютъ его умственному взору широкую перспективу—улучшенія не отдѣльной личности, а цѣлой человѣческой расы, созданія и воспитанія новой, болѣе совершенной, породы людей. «Воспитаніе, говорилъ еще Кантъ, скрываетъ за собой великую тайну усовершенствованія человѣческой природы». [1]) Что подобныя стремленія не пустая и праздная мечта, что, содѣйствуя созданію правильнаго и широкаго міровоззрѣнія, педагогъ является серьезнымъ и весьма виднымъ служителемъ прогресса и культуры, за это можно привесть нѣсколько, по нашему мнѣнію, довольно вѣскихъ соображеній.

§ 144. Правильное и широкое міровоззрѣніе имѣетъ значеніе не только теоретическое, но и практическое, вліяетъ на разнообразіе и характеръ чувствованій, на качество нашей дѣятельности. Высокая культура ума есть благопріятная и необ-

---

[1]) Kant Uber Pädagogik. т. 8—9, s. 373 (по изданію Розенкранца).

ходимая почва для возникновенія и развитія чувствованій наиболѣе высокаго порядка, множество тонкихъ и въ то же время очень сложныхъ волненій недоступно людямъ, не получившимъ достаточно широкаго умственнаго развитія. Какую бы группу чувствованій изъ класса альтруистическихъ мы ни взяли, мы повсюду встрѣтимъ недоступность ихъ высшихъ формъ для некультивированнаго ума. Эстетическія, нравственныя, религіозныя, интеллектуальныя чувствованія въ элементарномъ видѣ свойственны каждому человѣку, въ сложной и высокой формѣ только достаточно образованному человѣку. Проповѣдь любви къ цѣлому человѣчеству, снисхожденія, гуманности, братства въ отношеніяхъ даже ко врагу и врагу побѣжденному не найдетъ никакого отклика въ сердцѣ дикаря, ему покажутся дикими такія рѣчи, противорѣчащія всему его міровоззрѣнію. И у дикаря и у культивированнаго человѣка есть религіозное чувство; но развѣ богъ бушмена и высоко образованнаго европейца одинъ и тотъ же богъ, развѣ они испытываютъ одинаковыя религіозныя волненія? Эстетическія и интеллектуальныя волненія, въ своихъ сложныхъ и высокихъ формахъ, также совершенно недоступны дикарю. Онъ владѣетъ достаточно развитыми и энергичными чувствованіями только той группы, которая имѣетъ свою прямую и ближайшую основу въ личныхъ потребностяхъ и интересахъ отдѣльнаго человѣка и притомъ интересахъ и потребностяхъ физическихъ. Это—группа эгоистическихъ, личныхъ волненій.

При обсужденіи вопроса о соотношеніи между умственной культурой и характеромъ чувствованій, обыкновенно указываютъ съ одной стороны на отдѣльные случаи высокаго умственнаго развитія и низменности чувствованій, а съ другой—на факты самоотверженія, преданности и вообще нравственнаго геройства при весьма слабомъ умственномъ развитіи. При оцѣнкѣ случаевъ первой категоріи нужно имѣть въ виду, что умственное развитіе, часто довольно значительное, бываетъ нерѣдко очень одностороннимъ, основательныя и подробныя спеціальныя знанія совмѣщаются съ ограниченнымъ и узкимъ общимъ міровоззрѣніемъ. А мы ставимъ въ связь высоту и благородство чувствованій именно съ широкимъ, всесторонне развитымъ, міровоззрѣніемъ, а не съ спеціальной и односто-

ронней культурой ума. Далѣе слѣдуетъ имѣть въ виду и возможность задержки, различными неблагопріятными вліяніями, развитія субъективныхъ волненій при правильномъ и широкомъ складѣ міровоззрѣнія. Чувствованія и теоретическое міровоззрѣніе двѣ тѣсно связанныя, но тѣмъ не менѣе различныя части одного цѣлаго; поэтому естественно, что одна сторона можетъ встрѣтить препятствія на пути своего развитія, между тѣмъ какъ другая формируется свободно. Вторая категорія случаевъ понимается совершенно неправильно. Элементарныя волненія, и въ частности примитивныя добродѣтели, по степени силы и яркости обнаруженія могутъ быть весьма значительны. Какъ скоро подобное волненіе овладѣваетъ человѣкомъ, то онъ и совершаетъ геройскій поступокъ, тѣмъ не менѣе не выходя изъ ограниченной сферы элементарныхъ волненій. Мы должны непремѣнно допустить факты соціально-нравственнаго геройства низшаго порядка и въ мірѣ животныхъ, напр. самопожертвованіе самки ради своихъ дѣтенышей. Въ настоящемъ же случаѣ рѣчь идетъ о сложныхъ и высшихъ формахъ волненій, которыя, имѣя свой источникъ въ высоко развитомъ и широкомъ міровоззрѣніи, совсѣмъ отсутствуютъ при низкой культурѣ ума. Всѣ вообще высшія волненія человѣка суть результатъ культуры, а не природы. Гердеръ говорилъ справедливо: «что есть лучшаго въ насъ, то мы съ самого дѣтства получаемъ отъ другихъ людей, путемъ ученія и передачи опыта старшихъ. Такимъ образомъ мы научаемся языку и правиламъ жизни, такъ мы развиваемъ нашъ умъ и дѣлаемся нравственными. Родительскій домъ, да я скажу даже, грудь и объятія матери есть наша первая школа. Всему, что мы знаемъ, мы научились отъ другихъ, все, что намъ нужно и чему мы должны научиться, открыто другими. Весь родъ человѣческій есть въ нѣкоторомъ родѣ школа, продолжающаяся столѣтіями, и новорожденный ребенокъ, внезапно оторванный отъ этой школы и водворенный на пустынномъ островѣ, сдѣлается, не смотря на весь свой врожденный геній, жалкимъ животнымъ, даже въ десять разъ насчастнѣе животнаго».

§ 145. То или другое міровоззрѣніе не только вліяетъ на характеръ чувствованій, но и на наши дѣйствія. На представленія, идеи, апперцепціи нельзя смотрѣть какъ на мертвый

капиталъ, на что-то недѣятельное, неподвижное; все это процессы, возбужденіе, дѣятельность. Когда идея нами не сознается, это не значитъ, что вызывавшее ее возбужденіе исчезло совсѣмъ; возбужденіе сохраняется, оно только ослабѣло. Такимъ образомъ сохранять въ своей памяти міровоззрѣніе значитъ сохранять громадное количество различныхъ возбужденій. Эти-то, сохраняемыя памятью возбужденія, и склоняютъ человѣка къ дѣятельности сообразно съ своимъ характеромъ. Живой, дѣятельный характеръ идей и всѣхъ вообще умственныхъ продуктовъ выражается въ особомъ классѣ движеній, такъ называемыхъ идейныхъ движеній, идео—двигательной дѣятельности. Идейныя движенія совершаются часто: читая вслухъ книгу, мы отвлекаемся отъ содержанія читаемаго и думаемъ совсѣмъ о другомъ предметѣ, а между тѣмъ продолжаемъ читать правильно—образы буквъ вызываютъ соотвѣтствующія движенія голосоваго аппарата; по знакомой комнатѣ, наполненной мебелью, мы можемъ ходить и размышлять, не натыкаясь на находящіеся въ комнатѣ предметы и не прерывая нити своего размышленія; иногда мы размышляемъ вслухъ и сами не замѣчаемъ, что говоримъ; свою рѣчь, сообразно съ ходомъ своихъ идей, мы сопровождаемъ массой различныхъ движеній: говоря объ очень большомъ или маломъ предметѣ, мы совершаемъ и соотвѣтствующія движенія; описывая, какую жестокую боль испытываетъ нашъ знакомый отъ ушиба, мы невольно дотрогиваемся до того своего органа, соотвѣтствующій которому ушибъ нашъ знакомый и на немъ обыкновенно показываемъ форму и величину ушибленнаго мѣста и т. д. Всѣ эти движенія вызываются и слѣдуютъ за идеями, суть идейныя движенія. Двигательная сила идей иногда бываетъ такъ велика, что вызываетъ особое психическое разстройство, такъ называемыя навязчивыя, вынудительныя представленія. [1]) Да и въ нормальномъ состояніи мы нерѣдко не можемъ отвязаться отъ какихъ либо зрительныхъ образовъ, музыкальныхъ мотивовъ и т. д., которые впутываются въ наше мышленіе, мѣшаютъ, развлекаютъ насъ.

---

[1]) Крафтъ—Эбингъ, Учебникъ психіатріи, т. 1, стр. 62—66.

Съ особенною наглядностью двигательная сила идей выражается въ подражательныхъ движеніяхъ, преимущественно массовыхъ, въ заразительныхъ душевныхъ болѣзняхъ, которыя наиболѣе широко были распространены въ средніе вѣка, таковы крестовые походы дѣтей, бичующіеся, пляска св. Витта и т. д. Но не только идея, созданная путемъ самостоятельнаго наблюденія, можетъ увлечь къ соотвѣтствующему дѣйствію: вычитанная картина, т. е. картина воображенія, напр. описаніе казни преступника, уголовное дѣло, замѣчательное самоубійство иногда побуждаетъ на совершеніе описаннаго поступка. Въ ежедневной будничной жизни мы замѣчаемъ цѣлый рядъ подобныхъ явленій: видъ зѣвающаго вызываетъ зѣвоту, скучающій нагоняетъ скуку и на другихъ, улыбка невольно вызываетъ въ отвѣтъ улыбку и т. д. Необходимый моментъ ощущенія, какъ мы говорили ранѣе, есть движеніе (гл. IV, стр. 138—141); а идеи возникаютъ изъ ощущеній и имѣютъ существенное сходство съ своими прототипами—ощущеніями.

Итакъ педагогъ, содѣйствуя созданію правильнаго, широкаго и разносторонняго міровоззрѣнія, тѣмъ самымъ содѣйствуетъ культурѣ всего психическаго организма питомца: кладетъ основу высшимъ и сложнымъ формамъ чувствованій и подготовляетъ почву для практической дѣятельности въ извѣстномъ направленіи. Всестороннее же улучшеніе психическихъ функцій влечетъ усовершенствованіе и самого органа душевной жизни, а именно эта то сторона воспитанія и «скрываетъ за собой великую тайну усовершенствованія человѣческой природы».

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
2	5 сверху	zu dem-Meinuugen	zu den-Meinungen
5	5 сверху	Pädagogok	Pädagogik
11	Примѣч. 2.	Bidem	Ibidem
16	8 снизу	qnod	quod
30	Прим.	Oibidem	Ibidem
71	Прим.	zourth	Fourth
84	Пр. 3 сверху	zwiter	zweiter
93	Прим. 2 и 3.	Zechner, Handbueh	Fechner, Handbuch
173	Прим.	Bewegungsvor-ttellungen	Bewegungsvor-stellungen
192	13 сверху	пораженный представленіе,	пораженные представленій,
320	Прим. 1, 2 сверху	Psycholgie	Psychologie
372	10 сверху	идееальнаго	идеальнаго

EC -0 1942

Цѣна 2 р. 50 к.

LIBRARY OF CONGRESS
0 021 339 320 0